ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Scan Kreyder - 26.08.2014
STERLITAMAK

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Том 3

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

книга вторая

Фантастический роман

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛОКС»
1993

ББК 84.Р7
Г61

Иллюстрации А. ЛАВРОВА

Обложка **И. ФОКИНА**

На форзацах — авторские работы
В. ГОЛОВАЧЕВА

Головачев В.

Г61 Избранные произведения. Т. 3. Черный человек. Кн. 2. Фантастический роман.— Нижний Новгород: Издательство «Флокс»; 1993— 476 с.: ил.

ISBN 5-87198-028-7

В третий том избранного собрания сочинений известного фантаста В. Головачева вошло произведение «Черный человек» (кн. 2). Роман затрагивает глобальные проблемы существования и развития Человечества, написан в яркой, увлекательной манере.

Г $\frac{4702010201\text{-}005}{Д\ 40(03)\text{-}93}$ без объявл. ББК 84.Р7

ISBN 5-87198-028-7

© Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1993

ЧЁРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

КНИГА ВТОРАЯ

Сын сумерек

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Удар ускорения был так силен, что Лондон едва не потерял сознание.

Никогда еще в жизни ему не приходилось гнать машину в таком темпе: куттер за двадцать секунд набрал более тысячи километров в час!

В ушах проклюнулся шум заработавшей связи «спрута»: бормотание инспекторов транспорта, освобождавших на пути куттера все эшелоны и трассы, перекличка спасательных обойм, зуммеры скоростных передач инков всей системы СПАС, отрабатывающих поступившую задачу. Сквозь этот шум пробился четкий и спокойный баритон:

— «Три девятки» развернуты. Рандеву с десантным шлюпом через три минуты сорок две секунды на высоте двадцать один шестьсот. Вас примут на автомате; не вмешивайтесь. После стыковки выпрыгивайте в люк, вас выловит вторая машина. Не забудьте надеть маску.

— Хорошо,— мысленно ответил Лондон, облившись потом от нахлынувшей слабости.

Инк [1] — координатор куттера — понял его состояние и сбавил ускорение, дышать стало легче.

---

[1] Инк —интеллект-компьютер. *Здесь и далее прим. автора.*

— Оператору тревоги СПАС-главный,— всплыл из каши звуков в ушах еще один голос.— Спейсер «Мичиган» готов к перехвату машины в Приземелье. Цель на радарном поле.

— Отставить! — прошептал Лондон, от волнения дублируя голосом мыслесвязь.— Перехват будет осуществлен в режиме «теннисист» силами отдела безопасности. Подготовьте клируэй [1] к солнцу по данным «трека», очистите канал от общественного транспорта.

— Выполняю.

Лондон с трудом повернул голову, чтобы посмотреть на маатанина — люк в грузовой отсек куттера был открыт,— но от напряжения в глазах поплыли огненные колеса, и разглядеть, что делает «черный человек», не удалось.

«Это величайшая из бомб!»— проявились в памяти слова Клима Мальгина. Ледяной озноб охватил спину, по лицу потекли капли горячего пота. «Я сейчас представляю собой спай термоэлемента,— почти спокойно подумал Лондон,— и через меня, наверное, течет ток... Хорошо, что службой наработан опыт внезапности, все точно знают, что делать, и не путаются под ногами даже при появлении таких невероятнейших казус импонсус [2]... И спасибо Шаламову, что взял куттер формулы «три эс» [3], в другой машине я бы не выдержал такого набора скорости...»

— Выходим в расчетную сферу рандеву,— доложил инк.— Торможение до двадцати единиц в импульсе. Может быть, я вас катапультирую раньше?

— Выдержу,— пробормотал Лондон, собираясь в комок.— Кому повешенному быть, тот не утонет.

И вдруг перед глазами разгорелось облачко алых искр, показалось — прямо в кабине, хотя на самом деле это был фантом пси-связи. Из облачка вытекли три ручейка света, которые превратились в дрожащие строчки английского языка:

— Человек, уходи! Я не в состоянии контролировать баланс энергии «эго», через несколько секунд произойдет спонтанный разряд. Ваш друг прав: в настоящий момент я — бомба. Уходи!

— Погоди! — взмолился Лондон, пытаясь встать.— Продержись чуть-чуть, осталось совсем немного, минута-две, и тебя заберет джамп-шлюп...

— Мое бытие — нуль, прощай, человек...

Лондон встал — при шести «же» ускорения!— сполз на пол кабины, пытаясь сквозь кровавый туман разглядеть люк в грузовой отсек, и в этот миг в кабине возникло переливчатое серебристо-

---

[1] Клируэй (clearway) — скоростная трасса.

[2] Casus imponsus *(лат.)* — непредвиденный случай.

[3] От англ. speed, saving, comfort — скорость, экономность, комфорт.

прозрачное облако, наполненное странной икрой — в каждой «икринке» — глаз! — окутало человека.

«Орилоухский «призрак»,— подумал без удивления Лондон, продолжая ползти к люку, нащупал края, приподнялся, и ему показалось, что маатанин плюнул в него струей черного пламени...

Мальгин выключил проектор и некоторое время сидел с эмканом на голове, вспоминая спокойное и уверенное лицо Майкла Лондона, потом снял легкую дужку эмкана — аппарата пси-управления, подержал над столом и отпустил. Дуга превратилась в бутон цветка, втянулась в блестящую гладкую поверхность, в глубине которой разгорались и гасли строки сообщений внутриинститутской информсети.

«Итак, совершенно очевидно, что, если бы не орилоухский глазастый фантом, «черный человек» взорвался бы по-настоящему и загадил атмосферу, как тысяча Чернобылей вместе взятых!— Мальгин невольно поежился.— Спаси и помилуй!.. Но энергетического взрыва не произошло. То ли «глазастый» поглотил всю энергию маатанина, то ли направил ее по запредельной «струне» в иное пространство, то ли закапсулировал в себе неизвестным образом. Зато он не успел предотвратить другой взрыв — информационный, и разряд пришелся на бедную голову Майкла Лондона, бывшего начальника отдела безопасности, человека решительного и смелого. Как говорится, рок обреченного найдет. А в результате мы теперь имеем не одного, а двух нелюдей, Шаламова и Лондона, две нечеловеческие вселенные, с которыми необходимо заново устанавливать связь. Впрочем...»

Мальгин выключил аппаратуру кабинета и вызвал Зарембу.

«Впрочем, имеем мы всего лишь одного монстра — Лондона, и где сейчас второй — Дан Шаламов — неизвестно».

Бывший курьер-спасатель ушел от них еще тогда, почти четыре месяца назад, после схватки на Симушире, когда Ромашин разрядил в него парализатор «василиск», усыпив человека, но разбудив Шаламова-«черного человека», который, с легкостью пройдя сквозь заслоны обоймы безопасности, оседлал галеон и ушел...

— Где же ты, Дан? — прошептал Мальгин, глядя перед собой и не видя вошедшего Зарембу.— Что же ты бросил Купаву, спасатель?

— Я?! — изумился молодой нейрохирург.

Мальгин очнулся.

— Извини, я разговаривал сам с собой. Проходи. У меня к тебе просьба...— Мальгин задумался, уходя в себя, в измученную сомнениями душу.— Никто не знает, что на Симушире я пытался подключиться к мозгу Шаламова напрямую...— Хирург усмехнулся, увидев круглые от изумления глаза Зарембы.— Да-да, через обыкновенный эмкан, и мне, по-моему, это удалось. А сейчас я все больше

убеждаюсь в том, что во мне «закопаны» некие «черные клады» — знания, которые в одиночку мне не расшифровать,— след памяти Шаламова.

Глаза молодого хирурга сделались еще больше, но реакция была такой, какую и предполагал Мальгин. Таланов бы сказал: «Ты с ума сошел! Представляешь последствия?!» А Заремба произнес шепотом:

— Ну ты даешь, мастер! Вот здорово! Представляешь, что мы можем узнать?!

Мальгин невольно засмеялся и сразу посерьезнел.

— Представляю, анархист. Вот поэтому я и обращаюсь к тебе за помощью. Я нащупал метод считывания и дешифровки моего «темного знания», а ты мне поможешь. Но никому ни слова! До тех пор, пока не появятся результаты.

— Но ведь это, наверное, опасно... я имею в виду недозируемый сброс криптогнозы в сферу сознания. Могут быть нежелательные последствия.

— Еще первобытные жрецы умели открывать и закрывать без ущерба для психики подсознание, почему же не сможем мы, вооруженные их опытом и современной техникой? В общем, пока молчок. Могу я на тебя положиться?

— Буду нем как рыба!

— Договорились. Вечером пройдем первый цикл эфанализа, я подготовлю Гиппократа [1], а ты пока полистай информатуру по палеомедицине. Встречаемся в девять вечера в боксе Стобецкого.

— Слушаюсь, шеф!

Заремба вытянулся, четко повернулся, щелкнув каблуками, и вышел, заинтересованный и обрадованный доверием старшего товарища и предстоящей интересной работой. Он оставался самим собой при любых обстоятельствах: метался в здравой неудовлетворенности, не сомневался в правильности своих поступков, жил по собственным программам и отличался кипучей активностью и хронической невоспитанностью. И все же нейрохирург из него вылуплялся талантливый.

— Лучшего не найду,— вслух подумал Мальгин.

Он уже собирался уходить, когда киб кабинета сообщил о чьем-то запросе.

— Включай,— через силу кивнул Клим; разговаривать ни с кем не хотелось.

Виом воспроизвел напротив пятачок домашней обстановки и молодую девушку, почти девочку, чем-то похожую на Купаву, однако напоминавшую также и Карой, и мать Мальгина в молодости, и кого-то еще. Но схожесть ее с Купавой была очевидна: тот же

---

[1] Инк (интеллект-компьютер) института.

овал лица, огромные серо-голубые с зеленоватым оттенком глаза, брови вразлет и необычная складка губ, придававшая лицу неповторимую прелесть печального очарования... Сердце дрогнуло, и сразу же навалились тоска и желание увидеть Купаву. Мальгин с трудом удержался от соблазна выключить виом.

— Доброе утро,— произнесла незнакомка певуче, на русском языке, но с уловимым акцентом.— Меня зовут Акилина или, если хотите, Акулина, я дочь Лондона.

Мальгин захлопнул рот, «включая» привычное самообладание. До этого дня он не видел дочери Майкла, хотя и знал, что она существует. Но девчонка была красива, а главное, похожа на Купаву, что и подняло в душе хирурга бурю чувств.

— Слушаю вас.

— Извините за вторжение, я знаю, как вы заняты. У отца никаких изменений?

Мальгин помолчал, переживая приступ иссушающего душу бессилия.

— Все то же: без сознания.

Он не стал говорить ей, что у Лондона идет тот же процесс, что и у Шаламова когда-то, хотя и медленнее, и помешать этому земная медицина не может.

— Могу я поговорить с вами не по видео?

«Зачем?» — подумал Клим, но вслух сказал:

— Можете. Завтра утром, в восемь тридцать у меня в институте, но не более получаса.

Девушка молча кивнула, принимая ответ хирурга как должное, и выключила связь, повесив в воздухе короткое и странное «аве».

— В его устах звучало «завтра», как на устах иных «вчера»,— глубокомысленно пробормотал Мальгин строки из стихотворения Пастернака. Отголосок смутной боли вошел в сердце и заставил душу вырастить руки и пошарить вокруг в поисках резонанса... стих. Все стало на свои места. Была Купава, существовала Карой... и Джума Хан, и Даниил Шаламов. И красивая девочка по имени Акилина... нет, действительно, лучше Акулина, Акуля: пухлые губы, брови — как крылья, тонкая талия... птица, готовая к полету. Интересно, сколько ей лет? Судя по впечатлениям Ромашина, который встречался с семьей Лондонов не раз, ей не более семнадцати. По сути, ребенок. Впрочем, как и во все времена, девушки формируются раньше парней.

Мальгин поймал себя на том, что думает не о деле, и рассердился.

Что с тобой, мастер? Что за вздор лезет тебе в голову? Не пора ли наконец прекратить препарировать душу скальпелем диких сомнений, поклоняться идолу хандры и ждать неизвестно чего?..

Выходя из кабинета, он нос к носу столкнулся с Игнатом Рома-

шиным, экспертом аналитического центра управления безопасности. Бывший начальник отдела безопасности выглядел, как всегда, уравновешенно-приветливым и внимательным, словно не пережил момент небытия, когда его на Симушире накрыл ответный пси-удар Шаламова. Но именно поэтому он был дорог Мальгину, и его появление всегда благоприятно действовало на психику.

— Похоже, я не вовремя,— проговорил Ромашин, отступая.

— И да, и нет,— заулыбался Мальгин, и сделал приглашающий жест.— Входите.

— Вы куда направляетесь, если не секрет?

— Домой, кое-что надо обдумать и сделать, а мой «домовой» — помощник неплохой, разве чуть-чуть хуже Гиппократа.

— Тогда я вас провожу, поговорим по пути. Кстати, как состояние Лондона?

— Положение остается сложным, хотя процесс преобразования нервной системы почти прекратился.

Они направились к лифту, потом нашли такси, доставившее их к станции метро [1].

— Мне звонила дочь Лондона,— сказал Мальгин, набирая в кабине метро код Смоленска.— Вы ее знаете?

— Чисто внешне. Судя по репликам Майкла, очень самостоятельная особа... с великолепными данными. А? — Ромашин приподнял бровь.

— Я убедился,— кивнул Мальгин без улыбки.— Она хочет увидеться со мной, поговорить о чем-то. О чем? Об отце она может узнать и без моего участия. Я оценил ее возраст в семнадцать лет, не ошибся? Хотя это не имеет никакого значения.

— Ошиблись всего на год, ей шестнадцать.

Автомат метро быстро прошепелявил: «Внимание! Смоленская станция «Десна-три». В глазах потемнело, привычно перехватило дыхание, и они вышли в зал станции метро «Десна-три», ближайшей от дома хирурга.

Через пятнадцать минут Мальгин открыл дверь квартиры и впустил Ромашина, вошедшего с некоторым колебанием.

— Спешу,— пояснил тот в ответ на взгляд хозяина.

— Надеюсь, не настолько, чтобы не зайти. Кофе, чай, медовый напиток?

— Сбитень? Не откажусь. Сами готовите?

— Рецепт прабабушки Ули, ему лет сто.

— В таком случае, задержусь на пару минут, только позвоню кое-кому.

Пока Мальгин готовил сбитень — пьют его горячим, сразу после

---

[1] Аббревиатура слов «мгновенный масс-транспорт» и в то же время ретроспективный возврат древнего термина.

приготовления — Игнат познакомился с его «домовым» и поговорил с кем-то, Клим расслышал только короткое «позже» и произнесенное несколько раз «нет».

Расположившись в креслах друг напротив друга, они принялись прихлебывать пахнущий мятой, горячий, в меру сладкий, чуть горьковатый напиток.

— Отменно! — похвалил гость кулинарные способности хозяина.— В последний раз я пивал сбитень у Лондона, но у него он с кислинкой, а у вас с горчинкой, что, на мой взгляд, вкуснее.

— Что Америка против Европы!— небрежно махнул рукой Мальгин, и оба рассмеялись. Потом Клим внимательно посмотрел на Ромашина.— Вашу манеру я знаю, без причины не заявились бы?

— Вы правы. И хитрить не собираюсь, потому что и я вас знаю достаточно, вы любите сразу брать быка за рога. Кстати, у американцев насчет этого есть своя формула: никогда не жуйте пилюлю, которую вас заставляют проглотить.

Мальгин кивнул.

— Правило Старджона, один из законов Мэрфи. Итак, не будем жевать.

— Я хотел предложить вам на пару поискать Шаламова. У меня появились некоторые идеи. Этим мы, между прочим, могли бы помочь и Лондону,— добавил Ромашин, проницательно угадав ответ в глазах Клима, и хирург воздержался от категоричного «нет». Задумался.

Посидели, налив еще по бокалу золотистого, с оранжевыми искрами напитка. «Домовой» по мысленному приказу хозяина включил музыку, и комнату заполнили тихие гитарные переборы, сквозь которые пробился хрустальный ручеек свирели.

Ромашин ощупал лицо хирурга серыми цепкими глазами, едва заметно улыбнулся.

— Решаете, не слишком ли отдает авантюрой? Риск, естественно, неизбежен, однако выигрыш очевиден.

«Знал бы ты, дорогой Игнат, мое отношение к риску,— подумал Мальгин, невольно развеселившись.— Я авантюрист не меньшего класса».

Бывший начальник отдела безопасности, а теперь эксперт отдела, член Совета старейшин — синклита, как его называли, подметил изменение в настроении Клима, но понял его по-своему:

— Я слежу за вами вот уже три с лишним месяца, мне кажется, вы... как бы помягче выразиться... закостенели, что ли, закрепостились, как говорят спортсмены. Хотите, процитирую? «Нужно, как то свойственно сильному, отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступать в область запретного...». Продолжать?

— «И семикратный опыт одиночества»,— глухо проговорил

Мальгин.— «И новые уши для новой музыки. И новые глаза — способные разглядеть наиотдаленнейшее»[1]...

— И семикратный опыт одиночества,— повторил Ромашин, понимающе глядя на Клима; черт ли, дьявол или ангел — он все знал о хирурге.— Итак?

— Я задумался по другому поводу, а не из-за недостатка решительности.

— Кажется, я догадываюсь: хотите покопаться в себе, попытаться прочитать след, оставленный памятью Шаламова?

— Откуда вы?..

— Пара-связь,— серьезно сказал Ромашин.— Между мною и вами установился телепатический мостик... впрочем, шучу. К сожалению, я не интрасенс. Просто у меня есть выход на вашего Гиппократа, а он не делает секрета из ваших личных поисков. Я согласен подождать. Если после эксперимента с вами ничего не... простите, оговорился. После эксперимента я свяжусь с вами.

— Каркнул ворон: nevermor![2]

— Что?!

— Это я про себя... Согласен.

Ромашин поставил бокал на плавающий рядом поднос и встал.

— До связи.

Мальгин проводил его до двери, пожал твердую руку и вдруг вспомнил:

— Одну минуту, Игнат. Не могли бы вы помочь мне кое-какой информацией? Не из медицинской области.

— Что вас интересует конкретно?

— Например, что творится на Таймыре, на Маате, в Горловине. Хочется знать, кто ведет поиск Даниила, где, какими методами...

— Я обеспечу вам доступ к линии «трека»[3] УАСС, а понадобится — и к инкам отдела безопасности. Код выхода — три нуля семерка плюс мой личный номер эксперта.

Ушел.

Мальгин закрыл дверь и задумчиво побродил по гостиной, убрал бокалы, затем выключил музыку и включил видеоканал вечерних новостей. А из головы не шла фраза: «И семикратный опыт одиночества...» Очень хотелось поговорить с кем-нибудь, не о деле, не о медицине — по сути, ни о чем, но Джума Хан был далеко, за пределами Солнечной системы, а Карой не поняла бы колебаний хирурга. Он и сам с трудом их понимал. «Но каков Ромашин! Змей-искуситель. Вернее, авантюрист-искуситель чистых кровей: все-то

---

[1] З. Фрейд

[2] Э. По. «Ворон».

[3] Трек — от слов «тревожный канал» (здесь и дальше по тексту терминология спасателей и пограничников).

у него рассчитано на пять ходов вперед, все-то он знает, все анализирует... А готов ли ты к тому, чтобы «ставить вопросы, которые в наши дни не осмеливается ставить никто»? — спросил сам себя Мальгин.— Например, что тебе стоит взять и нанести визит семье Шаламова? Зачем откладывать разговор с Купавой, если и без того ясно, что речь пойдет о перспективах поиска мужа? Другое дело — что сказать в ответ...»

И Мальгин отправился переодеваться.

2

Купава, как и прежде, жила не в Брянске у Шаламова, а в своем модульном доме формулы «гроздь винограда» на окраине Рязани, по сути, в центре древнего экопарка. Квартира венчала «гроздь» на высоте в триста метров и смотрела на все четыре стороны света. Вид отсюда, из «пузыря» лифтовой кабины, открывался великолепный, и Мальгин несколько минут любовался пейзажами лесов, полей и перелесков середины сентября, начала осени...

Мальгин не задумывался, почему он с такой уверенностью рассчитывает застать Купаву дома, но интуиция его — истоки уверенности — не подвела, женщина была дома. И снова лицо ее, недоверчиво-изумленное, ошеломляющее странной, противоречивой гаммой особого милого трагизма — в уголках губ ли, изломе бровей, загадочности взгляда? — заставило хирурга вздрогнуть и ощутить волну огня и холода, тоски и старой боли и невольного ожидания каких-то открытий... которые не заставили себя ждать!

Его сразу насторожило отсутствующее выражение лица Купавы и затуманенные глаза. А потом он услышал музыку, и по тому, как вдруг сладко закружилась голова, понял, в чем дело: это была наркомузыка. Купава крутила наркоклипы!

Отстранив женщину, он прошел в гостиную, озаряемую сполохами цветоселектора, вытащил из проектора блок иглокассет и с хрустом наступил на него каблуком. Но голова прояснилась не сразу, а на языке долго оставался приторный вкус какой-то гнили. Мальгин в свое время профессионально интересовался воздействием наркомузыки, «раскачивающей» биоритмы деятельности мозга, обостряющей восприятие электромагнитных колебаний низкой частоты, и знал, что нужно делать, чтобы снять стресс выключения.

Подхватив слабо сопротивлявшуюся Купаву на руки, он затащил ее в ванную, пустил горячую воду и, сорвав с нее халат, сунул под струю душа. Через минуту сменил воду на холодную, затем снова на горячую, и последние две минуты буквально исхлестал ледяными струями тело Купавы. Растер ее докрасна махровым полотенцем, пока она не запротестовала, едва слышно выдохнув:

— Я сама.

Пройдя на кухню, знакомую до тихого бешенства, Клим вскипятил молока, нашел в аптечке возбуждающее (кто-то побеспокоился заранее), растворил таблетку в чашке и отнес в гостиную, где Купава устроилась с ногами на диване в форме спящего льва.

Кивком поблагодарив его, она принялась прихлебывать из чашки, дуя на молоко. Мальгин смотрел, как она по-детски выпячивает губы, ослабевшая, бледная, сонная, круги под глазами, и в душе рвались бомбы и гранаты, отряды шли на отряды, и кто-то погибал каждую секунду, и крепла уверенность, что напрасно он бежал от себя, его будущее — перед ним, и росло чувство вины перед Карой, которая ждала его решения, делая вид, что ничего не решила сама...

Купава успела переодеться в шорты и полупрозрачную майку, по которой бродили, смешиваясь, цветные и тоже полупрозрачные пятна. Пышные волосы она сколола сзади гребнем в форме рыбьего хвоста, и взору открылись ее маленькие розовые уши и замысловатой формы сережки из серебристого металла с вкраплениями черного блестящего камня. Кольцо на пальце и браслет из того же материала, подаренные ей Даниилом, дополняли гарнитур, хотя, по мнению гостя, и не соответствовали наряду.

— Что разглядываешь? — подняла она взгляд на хирурга, стоявшего напротив, руки в карманах; попыталась приободриться, а может, уже сказалось действие лекарства.— Давно не видел?

— Все, что угодно, но э т о! — Мальгин глубоко вздохнул, сдерживая клокотавшую в душе ярость.— Наслаждение должно быть результатом, побочным эффектом достижения цели, а не целью, иначе оно обесценивается. Ты в состоянии это понять? Кто надоумил тебя воспользоваться наркоклипами? Ты не знаешь разве, что в одиночку слушать их опасно — можешь не выйти из транса?

Купава умехнулась, отчего присущий ее лицу особый милый трагизм исчез, сменившись гримасой высокомерия и скрытого злорадства.

— Билл сейчас придет, так что я не одна... и лучше бы тебе уйти раньше.

Мальгин покачал головой, понимая, что сейчас вряд ли достучится до ее логики и здравого смысла, но все же сказал:

— Помнишь, ты спросила, простил ли я тебе? Я тогда ответил, что простил. Да, я готов простить все, что ты сделала мне, но никогда не прощу того, что ты делаешь себе! И дочери. Кстати, где она?

Купава смахнула пот со лба, опустила взгляд.

— Какое это имеет значение? У матери. Что тебе еще хочется узнать? Спрашивай и уходи.— Она с трудом встала и пошла в ванную. Зашелестели струи душа.

Мальгин прошелся по комнате, разглядывая обстановку и оценивая, что изменилось с момента последнего его визита. Оста-

новился у стенки красивого гарнитура под старину, с двумя стеклянными фонарями-уступами серванта. На прозрачных полках «фонарей» среди обычных безделушек, посуды, сувениров из разных стран лежали странные предметы, которых Клим никогда прежде не видел. Заинтересовавшись, открыл дверцу и взял с полки округлый плоский диск, похожий на голыш, окатанный морем. Голыш оказался неожиданно тяжелым и был слеплен из мелких черных кристалликов. Время от времени внутри него вспыхивала искра света и разбегалась тающим световым кольцом к его краям. Камнем голыш быть не мог, но и металла с таким удельным весом Клим не знал. Он перевернул голыш и вздрогнул: диск исчез! Не веря глазам, хирург посмотрел на пол — не закатился ли туда? Но голыш как сквозь землю провалился, растаял в воздухе, как мираж.

Ошеломленный событием, хирург не сразу обратил внимание на тихий всхлип, идущий словно из-за стены, затем прислушался и с растущим изумлением понял, что «плачет» второй необычный предмет из коллекции на полке — нечто похожее на дышащую черную свечу. Стоило посмотреть на нее пристальнее, как всхлипывание и тоненькое завывание усиливались, а сама она начинала корчиться, оплывать и вытягивать вверх неяркое желтое пламя, будто чувствовала взгляд, старалась обратить на себя внимание, и замирала, когда Клим отворачивался.

Третьим предметом был шар, слепленный из редкого светлого тумана, внутри которого то плыли звезды, спирали и эллипсоиды галактик, то вихрились огненные смерчи, то метались какие-то живые тени с просверкивающими из мрака глазами-бусинами.

Что-то звякнуло о стекло, Клим снова вздрогнул, разглядывая появившийся ниоткуда, из воздуха, голыш с искрой внутри. М-да! Странная вещица, если не сказать больше, можно даже подумать, неземная. Как и две другие, впрочем. Интересно, откуда они здесь, где их достала Купава? Или вопрос лучше поставить по-другому: кто ей их подарил?

В прихожей что-то вдруг зашуршало, скрипнуло, с грохотом упал какой-то предмет, похоже — лыжи, раздались быстрые шаги, и в гостиную ворвался высокий, загорелый до черноты, мускулистый парень, одетый более чем странно: в обтягивающие ноги брюки-сетку — ни дать, ни взять рыболовная сеть,— сквозь которые виднелись узкие желтые плавки, и в нечто, напоминающее металлическую кирасу с дырами на груди, а также высокие ботинки «а ля коммандос». В руке, запястье которой обхватывали штук семь разноцветных браслетов, он держал блок видеокассет. Замер на пороге, уставившись на Мальгина, улыбка сбежала с его губ.

— Пава, ты не одна? Смотри, что я принес: «Жизнь после смерти» Парнавы. Кто это? Родственник? Друг предка? — говорил вошедший по-английски.

Из ванной вышла Купава, распустив мокрые волосы по плечам, с иронией посмотрела на Мальгина.

— Это мой бывший муж, друг Дана.

— А здесь он что делает? Ты его пригласила? — Юноша обладал быстрой речью, был бесцеремонен, нетерпелив и не понравился Мальгину сразу. Глаза парня, посаженные слишком близко, черные и блестящие, таили в себе заряд неизвестных эмоций и отражали характер бескомпромиссный и решительный. «Впрочем,— подумал Клим флегматически,— я могу и ошибаться».

— Это Билли,— представила нового гостя хозяйка,— Вильям Шуман, друг Марса и мой друг, заканчивает факультет археонавтики Тверского института истории и культуры.

Гость осклабился и шаркнул ногой.

— Добавь: прямой потомок великого композитора, спортсмен, художник, артист, лауреат многих премий...

— Не стоит, Билли,— нахмурилась Купава, вдруг порозовев,— не ерничай. Подожди меня в моей комнате, я скоро освобожусь.

Шуман рассмеялся и, поигрывая мышцами, подошел к Мальгину.

— Вот, значит, как выглядит знаменитый нейрохирург Клим Мальгин, угробивший друга. Соперник Марса. Ничего, с виду он даже... герой!

Ни по роду деятельности, ни в системе бытовых отношений, да и в рамках воспитания Мальгин никогда не сталкивался с подобными людьми, не считая Марселя Гзаронваля, но жизнь уже научила его, как реагировать на их действия. Если шутовство и ерничество не заходили далеко, не задевали честь мундира, не переходили в злопыхательство и насмешку, это забавляло, в ином же случае надо было уметь давать отпор. Такие люди уважали только силу.

— Не понимаю только, какого дьявола ему здесь...— фразы Шуман не закончил.

Клим молча скрутил ему руку за спину, так что тот пискнул от боли, отобрал блок кассет и повел его, согнувшегося, к выходу. Открыв входную дверь, так же молча придал парню ускорение, проследил за траекторией полета и аккуратно закрыл дверь. Вернулся в гостиную.

Купава хмурилась и улыбалась одновременно, однако разговор повела резко:

— А ты горазд драться, мастер. Изменился. Раньше мог убедить словом, теперь же не брезгуешь и кулаком. Аль ослабел?

— Извини,— пожал плечами Мальгин, пряча принесенные Шуманом кассеты в карман.— Иной раз кулак намного убедительнее слова, особенно для некоторых твоих друзей.— В голосе его вдруг лязгнул металл.— Если он или кто-то другой предложат тебе ви-нарко, я из них дух вышибу! Передашь? Не забудь, пожалуйста, и ты меня знаешь: сказал — сделаю. Одно меня удивляет: как это ты,

талантливый психоскульптор, красивая умная женщина, связалась с дилайтменами [1]? Чего тебе не хватает?

— Тебе не понять.— Губы Купавы задрожали, но глаза вспыхнули угрозой и злостью.— Они делают все, что я захочу, и мне это нравится! И не ходи сюда больше, слышишь? Ты чужой! Мне, Дану, дочери. Чужой! И пусть совесть твоя будет чиста: я сама способна постоять за себя, выбрать друзей, подруг, занятия и круг интересов.

Видимо, Мальгин побледнел, потому что зрачки Купавы расширились, она отступила на шаг, не спуская с него огромных глаз. Прошептала:

— Уходи, Клим, прошу тебя, у нас давно уже разные дороги.

Внутри Мальгина что-то погасло. Он постоял немного, пытаясь избавиться от гулкого эха слова «чужой» в пустой голове, и побрел к двери. Оглянулся, вбирая взглядом съежившуюся, как от удара, фигурку женщины.

— Людям, не слушающим советов, нельзя помочь. Я никогда не желал тебе зла, ты прекрасно это знаешь, поэтому и бесишься, когда я задеваю твоих друзей... которые на самом деле далеко не друзья, а враги. Когда-нибудь ты убедишься в этом, дай Бог, чтобы это случилось не поздно. Но не надейся, что я оставлю тебя в покое... по крайней мере до тех пор, пока не отыщется Даниил.

— А зачем его искать? — криво улыбнулась Купава.— Он сам...

— Что? — быстро спросил Мальгин.— Что сам?

— Сам отыщется,— нашлась женщина, явно чего-то не договаривая. Но у Клима не осталось сил это выяснять. Купава вдруг оживилась, уходя от неприятной темы.

— А что ты так печешься обо мне, мастер? Что ты мечешься между мной и этой... Карой, кажется? Так ее зовут? Что это за дрейф влюбленности?

«Гзаронваль, его подача,— сказал кто-то равнодушно в глубинах души Мальгина.— А он мог узнать от кого угодно, от того же Джумы. Ну и тварь же ты, бывший курьер-спасатель, «друг» Дана! Неужели урок не пошел впрок?»

— Кто она? — продолжала Купава с издевательской теплотой в голосе, наслаждаясь его молчанием.— Случайная подруга, жена, любительница острых ощущений, путана или, как и я когда-то, просто среда, которая необходима, но никаких конкретных действий не предпринимающая? Знаешь, как зрители на концерте? Признайся, я ведь была неплохой зрительницей, не так ли?

— Не так,— тяжело, словно ворочая камни, выговорил Мальгин, унимая поднявшуюся в душе ненависть к наушникам, нашептывающим Купаве гнусные вещи.— Я виноват лишь в том, что не оглянулся на тебя, прокладывая дорогу для двоих.

---

[1] От слова delight *(англ.)* — наслаждение.

— А может быть, то была дорога для одного? — тихо проговорила Купава, на миг превращаясь в ту единственную, которую он когда-то любил.

Когда-то? А сейчас?..

— До встречи,— сказал он, удерживая рванувшееся сердце обеими руками, переживая в который раз горечь невосполнимой утраты.— Я еще приду.

Добираясь домой, он вспоминал свои разговоры с Ромашиным и спорил сам с собой, и ругался, и стонал в бессилии, понимая, что связан обязательствами по рукам и ногам. И разорвать эти цепи он не имел права до тех пор, пока не выяснится судьба Шаламова, а стало быть, и судьба остальных людей, так или иначе связанных с ним.

Давно ли он был человеком-да? И остался ли им? Да и стоит ли быть им всегда и везде? Говорил же древний философ: «Человеку нужна смесь мужества и слабости, уныния и самоуверенности»[1]. Дело только в пропорции...

* * *

Утром Клим просмотрел кассеты, отобранные у друга Купавы, выбросил их в утилизатор, после обычного получасового тренинга позавтракал и был приятно удивлен, когда «домовой» доложил ему о какой-то кодовой программе, поступившей в комп ночью.

— Включай,— приказал хирург, надевая обычный рабочий костюм: серую, с голубыми погончиками и бахромой рубашку и такие же брюки.

— Дежурный-шесть по «треку» слушает,— раздался приятный мужской голос, принадлежавший, несомненно, инку.

— Информацию по Таймыру можете выдать?

— Уточните район и что имеется в виду конкретно.

— Район, э-э... северный берег озера Таймыр.

— Понял, квадрат гарантированного риска, объект — орилоунская машина мгновенного масс-транспорта. С какого времени и какие сведения вы хотели бы получить?

«Молодец Игнат,— подумал Мальгин,— похоже, подключил-таки меня к «треку» безопасников».

— Охарактеризуйте ситуацию и дайте картинку нынешнего состояния.

Виом, мигнув, развернул пейзаж северного побережья озера Таймыр, в песках и торфяных глубинах которого был обнаружен «скелет» орилоуна — неземного варианта метро, обладающего сверх того еще и неизвестными функциями. Снимок был сделан

---

[1] Вовенарг.

утром, и косые лучи солнца рельефно высвечивали свежий котлован и в нем странную черно-серую конструкцию, напоминавшую старинный рассохшийся многоэтажный дом без внешних стен. Скелет дома еще не был выкопан полностью, в котловане скопилось целое войско строительной и аварийно-спасательной техники, но людей почти не было видно. Сверху «скелет» был накрыт колпаком из материала, похожего на полированную медь, с тремя толстыми гофрированными шлангами-отводами, исчезавшими в трех висящих один над другим белых шарах диаметром в сто метров каждый.

— Орилоун продолжает дымить,— сказал комментатор кадра.— В основном это газы: азот, метан, гелий, водород, аммиак, а также пыль: органика, силикаты, фторбороводородные соединения, окислы легких металлов. Отсос поэтому разделен. Удастся ли устранить причину гейзера — неизвестно.

Затем пошел текст экспозе [1]. Мальгин читал его минут десять, пропуская то, что казалось неинтересным.

Первые факты о странном поведении Озера Грома — как прозвали издавна озеро Таймыр коренные жители полуострова, энцы,— появились еще триста лет назад, в девятнадцатом веке, хотя и выяснилось это в последующем столетии — двадцатом, когда на земле была создана континентальная служба по выявлению и изучению аномальных явлений природы. Тогда эти факты упорно пытались увязать с концепцией «пришельцев» из НЛО, и озеро исследовалось лишь архаическими методами, визуально, без применения технических средств. В двадцать первом веке Таймыр стал заповедной зоной, доступ к его природе сократился, и, несмотря на отступление озера, орилоун так и не был обнаружен, хотя вполне возможно, что по его крыше прошел не один человек. Ну, а после обнаружения, когда в него полезли исследователи, сработал какой-то механизм переброса материи из того мира, с которым орилоун был связан «суперструной» мгновенного перемещения.

Конечно, в связи с укрощением пыле-газового факела исследовательские работы были приостановлены, хотя безопасники и проникали вглубь орилоуна на десятки метров, пытаясь найти «дыру гейзера», однако не нашли. И все же добытых крох информации оказалось достаточно для вывода: фонтан газа бил... из глубин атмосферы Нептуна, восьмой планеты Солнечной системы! А это означало, что один из орилоунов находился и на этой огромной синей планете с толщиной атмосферы в несколько тысяч километров!

— Да-а! — только и смог произнести Мальгин, ошеломленный и заинтригованный результатами исследований.

Сообщение закончилось.

---

[1] Экспозе — краткое сообщение (правительства); в данном случае — сообщение с выборкой основных фактов.

От поднявшегося волнения Клим забыл о своем желании узнать кое-что и о судьбе Шаламова, но фантазия его уже заработала, и он, наспех позавтракав, привычным маршрутом помчался в институт, над которым днем и ночью горело название «Институт травматической нейрохирургии мозга».

После отставки Таланова институтом управлял Готард Стобецкий, нашедший в себе силы сохранить с Мальгиным прежние отношения. План работы отделения нейропроблем, которым заведовал Клим, остался прежним, а сам хирург участвовал в наиболее сложных операциях не чаще одного раза в месяц, когда требовались его мастерство и опыт.

В кабинете хирурга встретил возбужденный Заремба.

— Не передумал?

— Нет.— Клим сел за стол, привычно вырастил из его твердой на вид поверхности эмкан и бегло пролистал новости за сутки. Новых пациентов не поступало, нужды в услугах хирурга экстракласса не было, состояние Лондона оставалось прежним: кома с редкими всплесками «псевдосознания».

— Я проштудировал все, что отыскалось в банках [1] Евромеда,— продолжал Заремба, жестикулируя,— и, кроме того, нашел труды по палеомедицине. Действительно, любопытное чтиво. Итак, когда начнем?

— Какой ты прыткий. Завтра.— Мальгин вызвал инк-дежурного по отделению и выслушал его рапорт о решаемых коллективом задачах.— Но мне будет необходима консультация биоматематика.

— Нет ничего проще,— пожал плечами молодой нейрохирург,— у меня друг — математик, каких поискать, работает в ксенобиологическом центре Даль-разведки. Знаешь, что он учудил? Составил программу тренировки мышц-антагонистов своего тела и вырастил себе мускульный каркас, не занимаясь спортом! Теперь это не человек, а гора мышц, страшно смотреть! Годится?

— Не знаю, посмотрим. Свяжись с ним, пусть позвонит, если согласен поучаствовать в эксперименте. Но разговор должен быть конфиденциальным.

— Он парень не из болтливых, увидишь. Когда подойти?

— После обеда.

Заремба поднял вверх кулак и удалился вприпрыжку, полный энергии и жажды деятельности. Мальгин закрыл за ним дверь на замок, чтобы не мешали случайные посетители, и принялся решать задачу — как практически вывести свои «черные знания» из кладов подсознания в сферу оперативной памяти.

Проработал спокойно всего час, а затем пошли звонки внутренних перекрестных совещаний, встречи со Стобецким и заведующими

---

[1] Имеются в виду банки информации.

других отделений, переговоры с инками родственных институтов, осмотр пациентов и другая рутина рабочего дня. Лишь к обеду Мальгин вспомнил о своем желании узнать, не появились ли новые данные о Шаламове.

Позвонив домой, хирург вывел консорт-линию «домового» на стол в кабинете и снова набрал код «трека» отдела безопасности.

До этого момента он знал историю второго исчезновения бывшего курьера-спасателя в общих чертах, теперь же ему сообщили и подробности.

После схватки на Симушире, в результате которой Игнат Ромашин выстрелом из «василиска» усыпил Шаламова-человека, в спасателе проснулся «черный человек» и начал действовать в соответствии со своими понятиями о добре и зле, о правилах поведения и средствах для достижения цели.

Сначала он пси-выпадом уложил Мальгина и Джуму Хана, пытавшихся наладить с ним контакт, затем всю команду Лондона (парни были опытными и о стрельбе думали в последнюю очередь), сел в галеон безопасников и взлетел.

Его пыталась остановить над островом обойма подстраховки, но дело закончилось тараном и падением куттера с экипажем в море. Шаламов же вынырнул у метро в Хатанге, где его не ждали, потом на базе УАСС «Радимич» — инцидент у метро привел к «огневому контакту» и ранению трех человек. Гибели людей, к счастью, удалось избежать. Шаламов захватил вакуумплотный — способный долгое время работать в пространстве — неф и стартовал по грузовой линии метро на Тритон, спутник Нептуна. Куда он направился дальше, определить не удалось, Тритон еще не обслуживался бригадой наблюдения за пространством, располагались на нем лишь редкие посты погранслужбы да пять поселков исследователей.

Поиски нефа с Шаламовым на борту длились почти месяц, но ни к чему не привели: спасатель исчез. Почему его потянуло на Тритон, выяснить не удалось, хотя и существовала гипотеза, по которой на Тритоне располагался еще один орилоун. Однако искать «метро по-орилоунски» на поверхности спутника Нептуна было нецелесообразно, для этого пришлось бы привлечь едва ли не весь космофлот Системы, и поиски прекратили.

Не появился Шаламов в поле зрения пограничников ни на Маате, ни на Орилоухе, ни у Стража Горловины, канув в космос, как в омут.

— Так что, теперь его не ищут?— уточнил Мальгин.

— Практически нет,— ответил инк «трека».— Погранпосты у Маата и Орилоуха предупреждены о его появлении, но тревог пока не было.

— А пост у Стража Горловины?

— Дела со Стражем обстоят сложнее. «Серая дыра» зарастает, по выражению ученых, и вход в нее стал почти недоступен. Через

несколько дней из Горловины будут эвакуированы последние отряды исследователей, оставаться там слишком рискованно.

Мальгин кивнул и выключил канал. Посидел с минуту, переваривая услышанное. Подумал: здесь есть какая-то связь — между тем, что Шаламов угнал на Тритон машину, и тем, что пыле-газовый фонтан бьет из атмосферы Нептуна. Либо Дан знал об орилоуне на Тритоне, либо пошел дальше — на Нептун, зная точные координаты орилоунского метро на планете. Интересно, не это ли имел в виду Ромашин, предлагая мне участие в поиске Дана?..

Обед Клим поглотил в одиночестве и размышлениях, а ровно в два часа дня Заремба ввел в кабинет огромного детину в спортивном комби, на голову выше Клима и в два раза шире. Мускулатуру гость имел действительно впечатляющую, хотя ходил удивительно мягко и тихо. Он вообще двигался очень экономно, а в кресле сидел почти не шевелясь. Только поглядывал исподлобья: твердое широкоскулое лицо, большие, но тоже по-мужски красивые, твердые губы, серо-голубые глаза, тяжелый подбородок. Про таких говорят — амбал, подумал Мальгин отрешенно. Великолепная лепнина! Только мимики не хватает, уж больно суров.

Парня звали Аристархом Железовским, шел ему двадцать седьмой год. У него было еще одно достоинство — голос. Когда он заговорил, Мальгин даже вздрогнул: такого глубокого и тяжелого баса он в жизни своей еще не слышал.

— Годится?— весело спросил Заремба, когда они познакомились.

— Посмотрим,— пробормотал несколько потрясенный Клим, оставаясь, тем не менее, верным своим принципам: хотя он и верил внутреннему «я», оценившему незнакомца с первого взгляда, выводы привык делать на основании большего объема впечатлений.

Железовский ни разу не пошевелился и не прервал его, пока хирург вводил присутствующих в курс дела, и лишь когда Клим закончил, математик спросил:

— Что от меня потребуется конкретно?

«Хорошо, что он не поинтересовался этикой эксперимента,— вздохнул про себя Мальгин с облегчением,— разрешения-то у СЭКОНа я испрашивать не собираюсь».

— Ваша задача,— произнес он вслух,— дать логико-смысловой прогноз опыта и математическую модель. Сможете?

Железовский помолчал.

— Все зависит от объема информации.

— Тогда сегодня вечером приходите сюда, мы включимся в обратную связь: Гиппократ — вы — я. Получите все, чем обладает институт.

— В девять,— после паузы уточнил математик и встал.— Раньше не смогу.

— Извините, э-э...— сказал Мальгин ему в спину с некоторым сомнением.— Надеюсь, я не нарушил ваших планов. Может быть, вам стоит подумать?..

— Мне интересно,— оглянулся человек-гора, и Мальгин увидел на его губах улыбку, открытую, дружелюбную, чуть смущенную.

— Годится? — прошептал Заремба, когда математик вышел.

Мальгин молча хлопнул его по подставленной ладони.

* * *

Акулина Лондон заявилась в институт ровно в восемь, демонстрируя неслыханную для девушек своего возраста пунктуальность. Одета она была в чешуйчатый костюм: блузка и короткая юбка, играющие зеленым огнем, и в такие же туфли на высоком каблуке, удлинявшие и без того длинные и стройные ноги. В ушах девушки сверкали алые капли сережек, ожерелье из таких же капель струилось на груди, как цепь из тлеющих углей.

«Вырядилась! — с мимолетной неприязнью подумал Мальгин, тут же меняя свое мнение при взгляде на лицо Акулины: контраст свежести, красоты, молодости и печали буквально потрясал.— И все же могла бы надеть что-либо попроще... или я слишком придираюсь? Будь на ее месте Купава, вряд ли оделась бы так... вызывающе».

— Идемте.— Мальгин встал из-за стола, стараясь незаметно поправить рубашку на спине.— Отец лежит в клиническом отделении этажом ниже.

— Вы не поздоровались,— укоризненно проговорила Акулина.

— Извините.— Клима бросило в жар, но он тут же парировал.— Засмотрелся на ваши ноги.

Девушка озадаченно посмотрела на туфли, потом поняла и порозовела.

— Надо было, наверное, одеться иначе?

Мальгин молча открыл дверь, сердясь неизвестно на кого, первым шагнул за порог и нос к носу столкнулся с незнакомым дочерна загорелым парнем.

— Добрый вечер,— пробормотал тот, отступая; одет он был в спортивный костюм.

— Привет,— буркнул Клим, оглядываясь.

— Клайд? — удивилась Акулина и перешла на английский.— Что ты тут делаешь?

— Гуляю,— огрызнулся парень, быстро приходя в себя.— Может быть, мне нужна консультация. Может быть, я хочу сделать операцию на мозге, чтобы стать таким же умным, как твой па.

Глаза у Акулины сузились, ничего хорошего не предвещая.

— Ты только затем и явился, чтобы сморозить глупость? Ты что — следишь за мной?

— Ничуть не бывало,— запротестовал Клайд со смехом.— А насчет глупости я уже говорил: хочу, чтобы...

— Клайд!

— Не придирайтесь к нему,— сказал Мальгин, оставаясь спокойным, вполне понимая чувства молодого человека.— Чем сосуд наполнен, то из него и льется.— Он обошел Клайда и направился к лифту, оглянулся.— Идемте. Оба.

Сзади произошел короткий невнятный диалог, шум (парень пытался обнять подругу), возглас Акулины: «Получил? И не смей больше хамить!» Шепот Клайда: «И пошутить уже нельзя...»

В лифте парень, тем не менее, выглядел уверенно и ничуть не был смущен. Мальгин поймал взгляд Акулины и понял, что она в гневе. «Держись, малыш,— посочувствовал он Клайду,— хоть ты и самоуверен донельзя, но и она — не мягкая глина».

В бывшем боксе Стобецкого дежурил вездесущий Заремба. Удобно устроившись в «беседке» управления, он работал в обратной связи с Гиппократом, судя по высвету огней на полусфере пси-вириала. Заметив вошедших, воззрился на них в немом удивлении, затем оценил достоинства Акулины и уже не сводил с нее глаз.

— Что за юница? — шепотом спросил он у подошедшего Мальгина.

— Дочь Лондона,— сухо ответил хирург, вытягивая из полусферы вириала дугу эмкана, оглянулся на топтавшуюся у порога пару.— Проходите, садитесь.

«Беседка» растянула прозрачно-кисейные стены, из ее пола выросли три бутона кресел и световая нить виома, развернувшаяся в объем изображения с внутренностями реанимационной камеры: в зеленоватом сумраке, опутанный шлангами, с десятками мигающих глазков по всему телу, полулежал Майкл Лондон.

Акулина, прижав кулачки к груди, тихо вскрикнула:

— Папа!

— Изменений нет,— выслушал Клим пси-шепот Гиппократа.— Реакции отсутствуют, процессы обмена идут, но вяло. Парасимпатика практически на нуле. Последняя «фаза хозяина» была девять часов назад.

Мальгин снял эмкан, сказал тихо:

— Состояние прежнее, он жив... аппаратно. И все-таки надежда есть.

— Спасибо,— прошептала Акулина.— Я слышала, что у вас уже были такие больные... Шаламов, да? А отец не станет таким же?

Клим повернул голову и посмотрел ей в глаза. Девушка прочитала ответ.

— Я поняла... никаких гарантий.. и все же мы надеемся... я и мама... мы любим его! Вы спасете отца? Только не говорите «нет»!

Мальгин покачал головой, с трудом отводя взгляд. «Этого ты могла бы и не произносить, девочка, сказать «нет» проще всего, но и «да» говорить без надежды на успех я не умею. С Шаламовым я тогда ошибся, недооценил рост его второго «я», а с Лондоном такой ошибки не допущу».

— Я поняла,— повторила Акулина полушепотом; глаза ее были глубоки, черны и полны влаги, но слезы она сдержала.

Ушла она вместе с притихшим другом через несколько минут, посмотрев, как автоматика меняет на теле отца аппараты поддержки жизни.

Заремба шумно вздохнул, просидев безмолвно — что само по себе уже было чудом! — все это время.

— Ну и девица! Американка, а по выговору не скажешь. И на отца она, по-моему, не похожа.

— У нее мать русская... Кстати, почему ты здесь? Разве у Билла-старшего своих клиницистов не хватает?

— А мне интересно работать с Лондоном. Проблемщик я или кожура от банана? — Заремба поднял бесхитростные глаза.— Да и Стобецкий не возражает.

— Ну тогда сиди.— Мальгин встал и вышел, не оглядываясь.

На душе было пасмурно и неуютно, не выходило из сердца бес-покойство за Купаву, хотелось повидать дочь, поговорить с отцом, еще с кем-нибудь, кто мог бы хоть как-то успокоить его, а откуда-то наплывали ощущения смутной тревоги и — диссонансом — жажда чудес...

3

Джума Хан стоял на вершине колоссальной трехгранной пирамиды и задумчиво смотрел «вниз», на одну из граней, края которой терялись в дымке атмосферы за пределом видимости. В центре грани лежала ощутимо тяжелая, выпуклая лужа бликующего расплавленного стекла, отороченная ослепительно белой пушистой пеной. Казалось, пена эта светится сама или скрывает внутри прожилки необычных светильников. Грань пирамиды не была ровной, ее изборождил узор трещин, рытвин, ям, холмов и длинных каменистых гряд, но на расстоянии этот узор размывался, прятался под утолщавшейся постепенно желто-зеленой дымкой, и грань превращалась в гладкий биллиардный стол размерами в несколько тысяч километров...

Конечно, это была не пирамида: Джума стоял на одной из вершин гигантского куба под названием Страж Горловины, планеты,

расположенной в устье «серой дыры», которую открыл Даниил Шаламов во время своего нашумевшего спасательного рейда. И «лужа стекла» в центре грани планеты-куба была на самом деле одним из шести ее океанов, а белая пена — пеленой облаков. Зрелище было необычным, завораживающим, удивительным, и редко кто из посещающих вершины куба,— их назвали Углами с прибавлением цифры от единицы до восьми, чтобы хоть как-то различать в отчетах (Джума стоял на вершине Угла-3),— не замирал в благоговении перед непостижимой фантазией и мощью Природы, создавшей этот феномен. Впрочем, кое-кто из ученых всерьез утверждал, что планета-куб была создана искусственно...

— Хорошо смотришься,— раздался в наушниках чей-то веселый голос.

Джума оглянулся не сразу, с трудом возвращаясь к реальности. К нему приближался похожий на йети, одетый, как и он сам, в мохнатый, ослепительно белый скафандр, Андрей Бегич, пограничник из дружины Торопова, обслуживающей весь район исследований. За его спиной в сотне метров стоял драккар, из которого выпрыгивали косматые «снежные люди»— пограничники. Было странно смотреть на эту сцену: казалось, драккар вот-вот заскользит вниз «по склону» и разобьется где-то «внизу» о «гору стекла», хотя на самом деле стоял он довольно прочно, повинуясь закону тяготения.

— Издали ты похож на памятник первопроходцу,— продолжал Бегич, подходя ближе, и хлопнул ладонью в перчатке по подставленной ладони; передняя часть его конусовидного шлема была прозрачна, открывая веселое, с румянцем во всю щеку, лицо.— Стоишь и не двигаешься.— Он обошел закруглявшуюся вершину Угла и посмотрел вниз по очереди на каждую грань куба.— А впечатляет, черт возьми! Прямо оторопь берет, а? Хочется сесть на коня и, как Ликоковский Одинокий всадник, поскакать сразу на все стороны света, хотя их здесь всего три. Или шесть, по числу граней?— Бегич хмыкнул, почесал затылок широкого, по плечи, шлема.— Вот ребус, а?

Джума улыбнулся.

— Еще не привык?

— Если бы привык, ушел бы из службы.— Бегич был молод, инициативен и горяч, поэтому начальству приходилось сдерживать его порывы и направлять энергию в нужное русло.— Любуемся в последний раз, а? Жаль.

— Жаль,— согласился Джума.— Страж — действительно одно из чудес света!

— Даль-разведка, похоже, открыла еще один интересный объект — Сферу Дайсона, слышал? После того, как свернем работу здесь, попрошусь в отряд туда. Кстати, что интересно: внутри самой

Сферы нашли три планеты, и на всех трех обнаружены вудволловые леса. Точно такие же, что и здесь, на островах Стража. Представляешь связь?

Джума покачал головой.

— Не представляю. А что, ты думаешь, между Сферой и Стражем есть связь?

— Не я думаю — ученые. Но ты сам посуди: кто мог создать Сферу, как и Стража, кроме таинственных Вершителей, создавших в свое время Орилоух?

— Андрей,— окликнули пограничника товарищи,— время.

— Иду.— Бегич кинул взгляд вверх.— Ни солнца, ни луны, а светло, как днем! Вот к этому уж точно трудно привыкнуть. Так ты затем и прилетел сюда, чтобы насмотреться? Запиши на видео, и дело с концом.

— А вы по чью душу? — Джума кивнул на драккар погранслужбы с зелеными полосками по корпусу. Его машина стояла в нескольких километрах отсюда на другой грани куба и была почти не видна.

— Обеспечиваем контроль экологической чистоты. До связи.

Бегич запрыгал вниз, к своим: сила тяжести на вершине Угла составляла две трети земной, и легкость в теле буквально окрыляла.

Пограничники установили возле драккара какие-то контейнеры, закрепив их с помощью липучек, и улетели. Но Джума недолго оставался один, пребывая почти в сомнамбулическом состоянии,— в наушниках раздался голос Имама, инка Хановского драккара:

— По «треку» три семерки!

— Дуй сюда,— среагировал Джума, приходя в себя.— Что случилось?

Из хаоса теней в одной из граней куба, у «подножия пирамиды», вырвалась блестящая капля, за считанные секунды увеличилась в размерах в десятки раз и превратилась в семиметровый конус драккара. Бесшумно погасив скорость, в одно мгновение конус опустился рядом, открыл люк, высунул язык лифта. Джума прыгнул на язык и через две секунды, уже в рубке, упал в разверстое кокон-кресло.

За это время Имам успел сообщить ему, в чем дело: в Горловине объявился странный объект, по размерам и массе близкий к земным спейсерам и маатанским проникателям.

Объект шел «мигая»— то появлялся как твердое тело на тысячную долю секунды, то растягивался в зыбкую полосу света и исчезал, чтобы через две-три секунды вынырнуть дальше на сто тысяч километров по вектору движения. Направлялся он прямо в лоб Стражу Горловины и миновать планету, судя по намерениям, не мог.

Кресло запеленало Джуму системой коммуникаций, и на голову

ему вылился ушат звуков волны «спрута»: чьи-то команды, запросы, переговоры служб, шумы эфира.

— Время подхода к Стражу — семь минут двадцать секунд,— сообщил Сократ, координатор всей системы «спрута» в Горловине.— По состоянию дежурных средств спейсерный перехват невозможен.

— Точные координаты точки столкновения рассчитаны? — вклинился в связь Калина Лютый, командир отряда безопасников, в котором числился и Джума Хан.

— С точностью до двухсот километров.

— Точнее нельзя?

— Чего захотел,— проворчал Имам на ухо Джуме, не выходя в эфир.— Задачи с нелинейно изменяющимся ковром условий могут решать только большие инки типа Умник.

— А что вы так всполошились, Калина? — донесся вызов командора пограничников Торопова.— Скорей всего, это транспорт маатан, идет по своим делам. С чего вы решили, что он будет таранить Стража?

— «Срам»,— отозвался Лютый лаконично, подразумевая известный пункт инструкции [1].— Всем, кто меня слышит: объект идет к Стражу со стороны Угла-3, есть машины в этом районе?

— Четырнадцатый, гриф Хан,— ответил Имам на полсекунды раньше, чем это сделал сам Джума.

— Шестой, гриф Гордон.

И с заминкой:

— Второй погранотряда, кобра [2] Бегич.

— Обеспечьте эвакуацию зоны, координаты и площадь сообщит Сократ.

— Получил,— тут же доложил Имам.

— Давай,— мысленно скомандовал Джума.— Только довези целым.

— Тело довезу, а за душу не ручаюсь,— пошутил координатор.

И Джума отдался во власть инка, глядя, как планета-куб перестала уменьшаться, сделала кульбит и понеслась навстречу. Думал он в этот момент о самых разных вещах, что говорило о закаленной психике и уравновешенной нервной системе, в том числе: что можно сделать за шесть минут, если объект не отвернет?.. Где сейчас Мальгин, ищущий себя?.. Что делает Карой, а главное, с кем?.. Интересно, пограничники помогут или будут снова цепляться за амбиции?..

Видимо, Торопов решил не вставать в позу и дал разрешение

---

[1] «Срам» — аббревиатура слов: сведение риска к абсолютному минимуму.

[2] Жаргон тревожных служб; гриф — главный исполнитель, работающий по факту происшедшего события, кобра — командир обоймы риска.

на совместную операцию, потому что драккар Бегича вынырнул в квадрате гарантированного риска одновременно с машиной Джумы.

Но спасать или эвакуировать им никого не пришлось: в этой зоне площадью в тридцать с лишним тысяч квадратных километров, к счастью, располагалась лишь одна научная станция «Ребро-12» с персоналом в двадцать шесть душ, и все эти души по сигналу тревоги уже успели забраться в галеон и дать драпака — по образному выражению Бегича. А затем прибывшие к предполагаемому месту столкновения пограничники и безопасники стали свидетелями странного явления: объект, о котором предупреждал Сократ, вынырнул из «струны» всего в нескольких километрах от одного из ребер «Угла-3» — черный, пористый на вид, похожий на чугунную чушку,— «размазался» в темную полосу, словно начиная новый прыжок, и, не дотянув каких-то двух-трех десятков метров до закруглявшейся поверхности ребра... исчез! Ни удара, ни взрыва, ни рикошета — ничего!

Спустя минуту притихший до этого эфир взорвался хором восклицаний, возгласов недоумения и удивления, скороговоркой постов наблюдения за пространством и докладами автоматов.

— Может быть, он вынырнул дальше по ходу? — спросил Джума на своей волне.

— Не появился,— помолчав, отозвался Лютый,— его бы увидели. Всем свободным от вахт отбой, дежурным вернуться к своим обязанностям.

Джума пожал плечами и, поскольку обязанностей у него в данный момент не было никаких, мысленно произнес только одно слово: домой.

Имам без вопросов направил машину к базе — спейсеру «Конунг», дрейфующему в двухстах тысячах километров от планеты-куба.

— Что это было? — спросил Джума, заявившись в зал управления, называемый по традиции рубкой. Зал был невелик — треугольник со стороной в пять метров, и почти весь его объем занимали три кокон-кресла экипажа, каждое кресло — перед своей стеной ручного вириала.

— Маатанский динозавролет,— ответил дежуривший в это время командир спейсера, он же драйвер-прима, Хольгер Сваллинг, поворачивая кресло, чтобы видеть вошедшего. Его самого видно в коконе не было, так что казалось — с тобой разговаривает странное существо, не то огромный гусеничный кокон, не то раковина какого-то неземного моллюска.

— Я посижу рядом?

Сваллинг, видимо, удивился, несмотря на всю свою природную северную флегму: верхняя «опухоль раковины» отогнулась, и на безопасника уставилась голова командира спейсера. Словно удов-

летворившись осмотром, кивнула, и «опухоль» встала на место.

— Посидеть можешь,— раздался голос Хольгера,— но некоего Джуму Хана, по-моему, ждут в дежурке. У тебя что, рация не работает?

«Дежуркой» назывался зал контроля сил безопасности, где постоянно дежурили работники обоймы Лютого и пограничники.

Джума озабоченно взялся за ухо и обнаружил, что клипс рации отсутствует. То-то стало тихо, подумал он. Интересно, где я его оставил? Неужели так задумался, что не заметил?

Вспыхивающую алой искрой каплю рации он отыскал в рукаве скафандра, и это наконец заставило его встряхнуться. Рутина бытия в Горловине, несмотря на ее тайны и захватывающие дух пейзажи, все же оставалась рутиной, и, может быть, прав был Торопов, утверждая, что погранслужба вполне справилась бы с обеспечением безопасности исследователей. Все-таки у отдела безопасности УАСС была своя специфика работы, и не стоило дублировать пограничников только лишь ради соблюдения «срама».

Стены «дежурки» отсутствовали, «распахнутые» в космос, поэтому иллюзия дрейфа в световом тумане площадки зала с пятью коконами кресел была полной. Собственно космосом или пустотой эту субстанцию за бортом спейсера назвать было трудно: Горловина излучала слабый свет, забивавший свечение звезд извне, и лишь по центру ее двухмиллионнокилометрового конуса можно было разглядеть паутинку какого-то звездного скопления. А так с виду — туман и туман, ровный, бесплотный, вызывающий впечатление небывалой глубины. Страж Горловины висел в этом тумане ощутимо тяжелой глыбой обработанного человеческими руками камня, пронизанного по центру янтарно-прозрачным шаром.

— Что остановился? — раздался из ряда обычных — гостевых кресел голос Лютого.— Тебя тут ждут.

— Не могу поверить, что эта планета творилась естественным путем,— пробормотал Джума, пересекая зал и приветствуя дежурных в креслах поднятой рукой.— Любит же шутить природа.

— И тем не менее родилась она в пространстве, где фигурой равновесия был именно куб, а не шар,— проговорил собеседник Лютого, в котором Джума узнал лидера исследовательской дружины Анатоля Новикова.— Страж — не из нашей Вселенной, это уже почти трюизм [1]. Природа творила его в условиях Пуанкаре-геометрий [2], а уж потом планету приспособили те, кто использовал ее в качестве Форпоста Границы для поддержания открытого входа в «серую дыру».

---

[1] Трюизм — общеизвестная, избитая истина.

[2] Обладает необычными свойствами, например: прямая в ней перпендикулярна себе самой.

— Орилоуны? — проговорил Джума, переводя взгляд на третьего молчаливого слушателя.

— Нет,— покачал головой Новиков, плотный, с выдающимся лбом и голубыми глазами медиума.— Орилоуны, похоже, сами были созданы... или выращены, если хотите, они — Хранители Пути по терминологии маатан, то есть хранители древнейшей во Вселенной сети метро, не более. Я говорил о Вершителях. Жаль, что «серая дыра» закрывается, Страж уже не в силах ее удержать.

— Это Дмитрий Столбов, инспектор кримрозыска,— прервал Новикова Лютый, посмотрев на Джуму, и добавил: — Сыщик.

— Извините, дела,— тут же поднялся все понимающий Новиков и выкатился из зала.

— Садитесь ближе,— кивнул на кресло черноглазый, черноволосый и черноусый Столбов.— Появилась потребность задать вам несколько вопросов, не возражаете?

— О Шаламове? — помолчав, спросил Джума.— Или о Мальгине?

— Ну, я тоже пойду,— встал Калина.— Потом поделишься личными впечатлениями о маатанском «динозавролете».

Безопасник кивнул.

Столбов никак не прореагировал на вопрос Хана, только уселся поудобней, самообладания ему было не занимать.

— О Мальгине. Он контактировал с Шаламовым в режиме «один-на-один»...

— Без аппаратуры,— угрюмо сказал Джума.— Вернее, без соответствующей медицинской аппаратуры, через обычные эмканы, пси-рации.

— И все же пси-контакт у них был, вы не можете этого отрицать. После него у Мальгина едва хватило сил на...

— Не отрицаю,— нехотя согласился бывший врач скорой.— У него был нервный срыв, довольно мощный, почти шок... но он очень сильный человек и быстро вылечился.

— Он не вылечился,— тихо проговорил Столбов.— Какая-то часть информации Шаламова передалась ему... и теперь он хочет перекачать это «темное знание» из глубин подсознательной психики в сферу сознания.

— Откуда вы это?..— начал Джума, недоверчиво глядя на инспектора.

— Так получилось,— ответил тот равнодушно,— не о том речь. Вы давно его знаете, как по-вашему: может он в результате эксперимента...— Столбов помедлил,— стать похожим на Шаламова?

— Вы не то хотели спросить,— прищурился Джума.— Не станет ли он опасным для окружающих, так?

Инспектор улыбнулся, а глаза остались непроницаемыми.

— В принципе, да, хотя я не придерживаюсь версии, что он

станет опаснее Даниила Шаламова. С моей точки зрения, даже Шаламов не есть средоточие какого-то зла, тем более, заранее спланированного, он — жертва обстоятельств, не более того. Но в то же время эта стихия может... э-э...

— Я понял,— кивнул Джума,— но могу рискнуть с заявлением: Клим Мальгин никогда не станет опасен кому бы то ни было. Повторяю, это очень сильный, волевой, целенаправленный человек, сломать его невозможно.— Последние слова Хан произнес с внутренним вздохом. По правде говоря, его оценка Мальгина отнюдь не была завышена, что постоянно снижало настроение и будило атавистические страсти — ревность и зависть. С другой стороны, Джуме были известны и колебания хирурга, особенно в сфере личной жизни, однако это обстоятельство не давало повода говорить о нем иначе.

— Хорошо,— сказал внимательный Столбов, он тоже многое понял из того, чего не досказал безопасник.— В таком случае у нас просьба: помогите ему, побудьте рядом во время... э-э, опыта. Ваше присутствие, как бывшего коллеги, лучшая гарантия, нежели присутствие всего отдела безопасности.

— Значит, я отзываюсь на Землю? А как же эвакуация исследовательского контингента из Горловины?

— Лютый дал добро на ваш... отдых, гм-гм... Он в курсе проблемы.

— Здесь мне работать интереснее, конечно... однако, если надо, я готов. Когда надо быть на Земле?

Столбов встал, худой, высокий, несколько сутулый из-за чрезмерно развитых мышц спины.

— Сегодня.

В зале прогудел гудок, и тут же дежурный сообщил:

— У границ Горловины обнаружен объект, подобный предшествующему. Идет, «мигая», направление то же — на Стража Горловины.

Джума вскочил, не обращая внимания на собеседника, подбежал к центральному кокону, хотя мог бы и не делать лишних движений: в его помощи не нуждались. Рядом возник Лютый, выдернул из раковины вириала параллельный эмкан,

— Сократ, расчет выхода объекта! Картинку на виом.

Ответ инка никто не услышал, он предназначался только начальнику ЧП-вахты, зато «пейзаж» в виоме изменился: туман поредел, в нем появились темные провалы, и на фоне одного из провалов вспыхнуло и погасло облачко света. Снова мигнуло — поближе, потом еще ближе, и наконец люди разглядели: из черноты вынырнул в ореоле оранжевого свечения уродливый «огурец», расплылся в полосу багрового света, исчез...

— К перехвату готов! — доложил инк пограничного спейсера.

— Отставить!— отрезал Лютый.— Проследить вектор, эвакуировать людей... на всякий случай, хотя, думаю, столкновения не будет.

Последующие несколько минут прошли в тревожном ожидании, а возле Стража — в лихорадочной спешке эвакуации исследовательской базы. Но предсказание Калины сбылось: объект — маатанский проникатель — «испарился» прямо над группой островов в океане, не долетев до их поверхности всего сотни метров.

Джума расслабился. Лютый сбросил эмкан, посмотрел на безопасника, потер лоб мощной дланью.

— Второй. Последний ли? Что их тянет сюда? Впрочем, на риторические вопросы следуют такие же ответы. Сыщик все выяснил? Что ему от тебя надо? Закончишь на Земле, сразу сюда, место в обойме сохраню.

Джума молча протянул руку.

4

В голубом полумраке лицо сидевшего напротив человека показалось Ромашину исполненным таинственной силы и мудрости, но стоило собеседнику шевельнуться, как сразу становилось ясно, что напротив — женщина. С короткой прической, одетая в белый кокос [1], гибкая, похожая на подростка, манерой поведения смахивающая на мужчину, но женщина. Комиссар безопасности УАСС Власта Боянова, заменившая на посту начальника отдела Майкла Лондона.

— Вы просите невозможного, Игнат,— проговорила она мягко, но в этой мягкости крылась сдержанная властность и непреклонность.

— «Серая дыра» скоро закроется,— пригорюнился Ромашин,— и тогда мы потеряем последнюю возможность не только найти Шаламова, но и проникнуть в другую Вселенную.

Боянова помолчала.

Голубой отсвет на панелях кабинета, на столе, на лицах собеседников помутнел; светился объем виома, показывающего одну из самых загадочных планет Солнечной системы — Нептун. Станция, с которой велась передача, уходила в тень голубого гиганта.

— Почему вы уверены, что Шаламов ушел в «серую дыру»?

Теперь задумался Ромашин.

— Не знаю, уверен и все, интуиция. Ему больше некуда идти, ведь он — не человек... благодаря мне. И я обязан его найти.

---

[1] Компенсационный костюм, удобный, красивый и многофункциональный комбинезон для работников спасательной службы.

Женщина покачала головой, погасила вием и переключила плоскость поляризации стен кабинета. Стены стали прозрачными, однако света в комнате не прибавилось: снаружи царил поздний вечер, солнце уже зашло. Теперь Игнат видел лишь профиль хозяйки кабинета, обманчиво бесплотный и нежный. Но голос ее не стал мягче:

— Ваша вина очевидна, хотя я и не склонна обвинять вас во всех грехах. И все же разрешить поход в «дыру» не могу. Риск не просто велик, он не просчитан, и ни у кого нет уверенности...

— Если я не вернусь, то это коснется лишь меня, ведь пойду добровольно.

— Заявление эгоиста. А родных и друзей у вас нет? Но речь не о том. В результате похода вполне может случиться нечто непредвиденное вроде колоссального взрыва или обращения «серой дыры» в «черную». Я уж и не говорю, что Горловина может просто захлопнуться, похоронив все исследовательские базы под мембраной перехода. Вы знаете, чем закончился посыл в «дыру» драккара без экипажа, с инком, имевшим жесткое условие «глянуть одним глазом» и вернуться?

Ромашин знал.

Ученые рассчитали оптимальную траекторию полета беспилотного шлюпа внутрь Горловины и запустили драккар, напичканный «по горло» всевозможной научной аппаратурой, предусмотрев все возможные меры безопасности. Два часа они принимали поступающую с борта драккара информацию, хотя он исчез из поля зрения уже через сорок минут, а потом инк шлюпа по имени Арджуна сообщил, что достиг «мембраны закона компактификации», и замолчал.

Наблюдатели за пространством не зарегистрировали ни вспышки света или гамма-излучения, ни радиовсплеска, ни магнитного эха, но спустя минуту стало известно, что площадь торца конуса Горловины скачком сократилась вдвое, следствием чего был катастрофический выброс полусотни зондов за пределы конуса — ни один из них не уцелел. Люди, к счастью, не пострадали.

Драккар вернулся — что уже было удивительно! — через трое с лишним суток, вернее, его заметили после истечения этого срока, сам он не подавал признаков жизни. С виду он был цел и невредим, но когда автоматы вскрыли корпус шлюпа в изолированном отсеке спейсера, изумлению ученых не было предела: внутри драккара царил вакуум! Абсолютный вакуум: ни частиц, ни каких-либо полей, ни излучения! Все, чем был заполнен шлюп, его оборудование, каркас, реактор, двигатель, а также инк Арджуна, исчезли...

— А что будет, если туда, в Запределье, пойдете вы? — сказала Боянова.— Или вы привыкли действовать по старой русской пословице: удалой долго не думает?

Ромашин молчал.

— Извините, я не хотела вас обидеть.

— Ничего, поделом мне. Когда вы начинаете эвакуацию исследовательской базы в Горловине?

— Она уже начата. Последняя станция будет свернута через месяц, останутся одни инки.— Боянова что-то решала про себя, колеблясь.— Может быть, я предваряю тему скорого совещания по «серой дыре»... но меня тревожит поведение маатанских транспортов. Проникатели «черных людей» начинают таранить Стража Горловины, исчезая при этом без всяких последствий. За прошедшие сутки проникли в Горловину семь «динозавролетов», масса каждого — около триллиона тонн.

— Ого! — сказал Ромашин негромко.

Боянова посмотрела сквозь него.

— Вот именно, если учесть эквивалентность массы и энергии. Что скажете?

— Пока ничего, дайте полный интенсионал. Кстати, как ведут себя «черные люди» на Маате?

— Вы хорошо схватываете суть. Наблюдатели докладывают, что на Маате заметно активизировалась деятельность орилоунов, а «черные люди», похоже, формируют флот.

— Вот и ответ,— сказал Ромашин спокойно.— Они знают единственный узел пересечения древних трасс обмена с другими вселенными — «серую дыру» со Стражем Горловины, и если «дыра» начинает зарастать, закрываться, это не может их не встревожить. Они пришли оттуда, вернее, их творцы, Вершители, пришли оттуда, из Запределья, а теперь они начинают возвращаться. Это эвакуация, Власта, эвакуация по-маатански.

— Зачем им уходить туда? Всем сразу? Ведь они нормально жили здесь миллиарды лет.

— Не знаю. Может быть, прошел их срок, закончилось время сбора энергии и информации, может быть, их позвали, не знаю. Но если они попрут в Горловину все сразу...

— Я поняла.— Боянова включила свет и вырастила из стола эмкан.— В таком случае перестрахуемся. Извините, буду работать.

Ромашин тихонько вышел, обдумывая собственную гипотезу и все еще находясь под впечатлением своей проницательности.

* * *

Спустя час после ухода эксперта в кабинете Бояновой собрались пять человек: инспектор криминального розыска Дмитрий Столбов, заместитель комиссара по Внеземелью Алекс Шевчук,

председатель СЭКОНа[1] Казимир Ландсберг, командор погранслужбы Милослав Торопов и начальник земного сектора службы безопасности Рене Борда.

— Сначала о деле Мальгина,— начала Боянова, на красивом лице которой лежала печать решительности и воли.

— А разве уже есть дело? — спросил иронично настроенный Ландсберг, обводя всех светло-голубыми глазами с хорошо запрятанной насмешливостью.

— Может быть, это слишком громко сказано, однако наш дорогой нейрохирург контактировал с Шаламовым на пси-уровне, поэтому исключить появление нежелательных последствий мы не имеем права.

— Поведение обычное,— проговорил толстяк Борда, похожий на грустного бульдога,— отклонений в психике не замечено. Контакты практически в пределах своего профессионального круга, плюс отец, плюс эксперт синклита старейшин Ромашин. В настоящее время готовится к эксперименту по чтению в своей собственной глубокой памяти какого-то «темного знания».

— О чем идет речь? — осведомился прозрачноглазый, русоголовый и русобородый Шевчук.

— Поясню,— сказала Боянова.— Мальгин участвовал в финале операции по захвату Шаламова и пытался лечить его, а может, просто успокоить, в прямой пси-связи. Кое-какая информация, которой владел Шаламов, передалась и нейрохирургу.

— То есть, по сути, он тоже «черный человек»?

— По сути он человек, причем с очень сильной волей и самоконтролем, но запасов его «черных» знаний не ведает никто.

— Джума Хан согласился ассистировать ему,— добавил Столбов флегматически,— так что подстраховка неплохая.

— Хорошо, перейдем непосредственно к теме, ради которой мы и собрались: дело Шаламова. Начинайте вы, Алекс.

Шевчук, похожий на потомка старинного рода русских князей, кивнул.

— Мы проверили два пути Шаламова в Горловину — через Маат и Орилоух, оба отпадают. Даниил не появлялся ни в системе Маата, ни на Орилоухе. Остается проанализировать еще два пути: через только что открытый космический объект под названием Сфера Дайсона и через систему Нептуна.

— Не понял логики,— проговорил хмуро внимательный, хладнокровный в деле, но нервный в повседневной жизни Торопов.— Как известно, Шаламов ушел именно в систему Нептуна, на одну из ее лун — Тритон. Зачем же искать его у Маата или на Орилоухе?

---

[1] СЭКОН — комиссия социально-этического контроля над опасными исследованиями.

— Естественно, мы сначала обследовали Нептун и его свиту, поиски не прекращены и до сих пор, я имею в виду — поиски орилоуна, к которому только и мог стремиться Шаламов. Кстати, объект примерно с такими параметрами обнаружен на дне атмосферы Нептуна, готовится экспедиция. Что касается поисков Шаламова на Маате, то... обнаружены свидетели, показания которых дают нам основания утверждать, что Шаламов ушел с Тритона по сети внутрисистемного метро. Отсюда — Маат...

— Они что же, видели, как Даниил входил в метро? Или использовал грузовую систему? — не сдавался Торопов.— У вас имеются данные, которые неизвестны погранслужбе? Ведь мы работали и работаем вместе.

Командор посмотрел на Шевчука, поглаживающего бородку, потом на Власту. Женщина тонко улыбнулась.

— Не надо амбиций, Милослав. Ведь вы прекрасно понимаете, что две шпаги в одних ножнах не живут. Погранслужба — сектор Даль-разведки, служба безопасности — епархия УАСС. У нас разные цели и задачи.

— Цель у нас одна,— все так же бесстрастно произнес Торопов,— безопасность человеческих коллективов.

Боянова покачала головой:

— Мы входим в систему защиты человека и человечества с разным историческим и социальным багажом. Но не будем дискутировать, не место и не время. Я понимаю, вас задели конфликты между нашими и вашими представителями в Горловине, но это уже вина конкретных людей, а не самих служб. К этому вопросу мы еще вернемся. Итак, Горловина. Мы, люди, сможем остановить ее сжатие в «струну»?

— Нет,— покачал головой Шевчук.— Скудость знаний о структурных механизмах регуляции «серой дыры» Стражем Горловины, об уровнях ее организованности и энергетике не дает ученым возможности даже рассчитать последствия «схлопывания», говорить же о каком-то управлении этим процессом вообще не приходится: в Горловине реализуются законы не нашей физики и метрики, неевклидовой, во всяком случае. Чего стоит, например, такой эффект, как федингТФ-связи. Даже метро начинает давать сбои!

— «Серая дыра» умирает от старости,— заметил председатель СЭКОНа,— это один из самых древних объектов нашей Вселенной, если вообще не самый древний. К тому же процесс ее «схлопывания» полностью соответствует теории катастроф[2].— Ландсберг

---

[1] Федингослабление или прекращение радиоприема на больших расстояниях в результате изменений условий распространения радиоволн; в данном случае речь идет о связи на «судорогах пространства».

[2] Всегда возможно такое плавное и обратимое изменение независимых переменных, при котором в окрестностях данной точки система терпит одну из элементарных катастроф (перегиб, пик, гиперболический узел).

был физиком и совмещал профессию по интересам с профессией по социальной необходимости, хотя было неизвестно, что ему нравится больше.

— Возможно,— сказал Торопов,— не суть важно. Похоже, наш уважаемый эксперт Ромашин прав: маатане начинают глобальную эвакуацию. Надо поторопиться со своей.

— А если они так взволновались, то в нашей Галактике, а может быть, и во всем метагалактическом домене, который мы ничтоже сумняшеся назвали Вселенной, нет больше сохранившихся с начала Большого Взрыва «серых дыр».

Молчание в кабинете длилось несколько минут. Потом Боянова надела эмкан связи с Умником, инком отдела, остальные сделали то же самое: предстояло сформулировать решение и распределить конкретные задачи.

— Лирика закончена, коллеги.

— Наверное, не совсем,— проговорил Шевчук с ноткой сомнения.— По сообщению наблюдателей с «Эдип-2» час назад орилоун на Маате, их единственная станция метро, исчез. А может быть, и взорвался. На том месте наличествует приличная воронка, и над ней до сих пор в колоссальном столбе светится воздух.

Снова кабинетом завладела тишина. Боянова провела короткий мысленный диалог с Умником, покачала головой.

— Есть такое сообщение, попало в разряд несрочных. И что это означает, Алекс?

— Не знаю.

Торопов поморщился.

— Если уж безопасность не знает...

Шевчук вдруг медленно встал, глядя перед собой отсутствующим взором.

— На Орилоухе ведь тоже стали взрываться старые орилоуны...

— Ну и что? Не вижу связи.

— Таймыр...

— Что?!

— Орилоун на Таймыре. А если и он попытается?!..

— «Три семерки» в эфир!— проговорила Боянова в ответ.

* * *

Ромашин задумчиво смотрел на озеро сверху, сквозь прозрачный борт пинасса, потом перевел взгляд на громадный котлован, в котором красовался очищенный от торфа, глины, песка и грязи Таймырский орилоун. Котлован постоянно заплывал подпочвенными водами, вернее, коричневой жижей, и техника откачки работала вовсю. Людей в котловане на самом орилоуне видно не было: отдел

безопасности сыграл тревогу, и район озера был объявлен зоной непрогнозируемого риска. Исследователи заперлись по бункерам, изучая орилоун дистанционно, с помощью автоматов.

— «Софии храм передо мной блистал, чаруя всей громадой драгоценной»[1],— продекламировал спутник Ромашина, оставаясь сонно-невозмутимым.

Игнат покосился на его глыбистые плечи, хмыкнул.

— На храм он похож только издали, а вблизи это разрушающийся от старости замок, вернее, старинный многоэтажный панельный дом. Как вам его форма?

— «Чтобы описать сие сооружение, я бы отдал червонный без досады»[2],— снова негромко произнес сосед, демонстрируя хорошую начитанность и память. Говорил он таким гулким, внутренним, чуть ли не «подземным» басом, что Ромашину казалось, будто у него от этого голоса резонируют кости черепа.

Спутником эксперта был Аристарх Железовский, биоматематик из ксеноцентра Даль-разведки, согласившийся помочь Ромашину решить личную проблему. То, что эта проблема называлась «поиск Шаламова», математик еще не знал.

Колоритная фигура, подумал Ромашин мимолетно. Несколько рисуется, да и мышц вырастил больше, чем требуется, однако в рекомендациях Грехова и Доброгнева сомневаться не приходится. Обычно ученые затрудняются отвечать, почему их интересует та или иная проблема. Что заинтересовало Аристарха? Ответит ли он, если спросить напрямик? Что ж, посмотрим его в деле... если не откажется. Впрочем, не отказал же он Мальгину...

Железовский вдруг ухмыльнулся — улыбка преобразила его скульптурное, каменно-неподвижное лицо в лицо доброго великана из детской сказки — бросил взгляд на Ромашина, и тому показалось, что в голове его кто-то прошептал: «Не волнуйтесь, не откажусь».

Игнат мотнул головой, наваждение прошло. Но сомнение осталось. Он готов был поклясться, что Железовский передал ему свою мысль без всякой пси-рации.

— Этот орилоун — реализация эллиптической функции Якоби в многомерном континууме,— сказал Железовский, доставая бинокль.— Но много дислокационных нарушений. Могу посчитать, сколько он продержится до схлопывания.

— Что? — поразился Ромашин.— Вы можете... какого схлопывания?

— Я работаю в ксенологическом центре,— снова слегка улыбнулся Железовский,— и знаю все об орилоунах, «черных людях»...

---

[1] Дж. Г. Байрон.
[2] Сервантес.

о Горловине. О Данииле Шаламове. И чтобы не возникало вопросов в будущем: я работаю с вами по Даниилу до тех пор, пока это мне интересно.

— Откуда вы... откуда вы взяли, что работать придется по Шаламову?

Математик прижал окуляры бинокля к глазам и превратился в статую Геракла, выбирающего цель для охоты. Все позы Аристарха были настолько скульптурными, что на ум невольно шли сравнения из древних сказаний и легенд о богах и героях.

— Интуиция,— ответил наконец Железовский своим потрясающим басом, в котором прозвучали нотки насмешливости и превосходства.— Подойдите к нему поближе.

— Не пустят,— очнулся от транса Ромашин, но команду автопилоту дал.

Пинасс плавно заскользил к громаде орилоуна, и тотчас же впереди возникло в воздухе алое светящееся кольцо, перечеркнутое таким же крестом. Их просили остановиться. Затем по рации пришел запрос: кто и по какому поводу пытается проникнуть в зону риска?

— Эксперт синклита УАСС Ромашин,— вздохнул Игнат, отворачивая.— Интерес сугубо личный. Я поброжу здесь вокруг немного, а чтобы не мешал, включите машину в поисково-опознавательную сеть.

Пинасс пошел по кругу.

Железовский достал из сумки, с которой заявился к Ромашину, видеокамеру и несколько минут снимал орилоун с колпаком газоконденсатора и шарами пылесборника, а также пейзаж вокруг, потом откинулся на спинку кресла и застыл неподвижно.

— Этот орилоун мертв, иначе давно прекратил бы фонтанировать газом. Что вы хотели поручить мне, какой расчет? Или прогноз? Учтите, эфаналитик я еще слабый.

— Не прогноз, а действительно поисковый расчет. Я дам вам всю информацию по этому орилоуну, данные по анализу пыли и газа, а вы должны будете рассчитать с максимально возможной точностью район Нептуна, из атмосферы которого поступает сюда струя газа и пыли. Ученые как будто бы сделали подобные расчеты, но я им почему-то не очень доверяю. Расчетам, разумеется.

Железовский не пошевелился, вглядываясь куда-то в даль, не сделал ни одной попытки пошутить или возразить.

— Попробую,— сказал он, помолчав,— это действительно неординарная задача. Вы хотите найти орилоун на Нептуне?

— Или на Тритоне. Шаламов ушел в систему Нептуна, его видели и стационарщики на Тритоне и динамисты у колец планеты. Если бы я мог исследовать выходы орилоунской сети метро, я не бродил бы вслепую, но орилоуна на Маате уже нет, а на Орилоух

и в Горловину мне, наверное, уже не попасть. Да и этот орилоун, сами говорите, мертв, работает как мембрана: сюда пропускает, а обратно нет. Недаром Шаламов не стал пробиваться к нему.

Солнце зашло, сумерки завладели землей внизу, и краски сразу потускнели. Из красивой асимметричной «этажерки» орилоун превратился в разваливающийся многоэтажный барак с покрытыми плесенью стенами. Но через минуту над котлованом зажгли мощные осветители, и орилоун снова засверкал белизной и муаровой вязью «настенной росписи».

— Знать бы, оживет ли в Шаламове человек,— пробормотал Ромашин, словно про себя.— Можно было бы просчитать его появление. Или все человеческое в нем подавлено?

— Вряд ли,— пробасил внезапно Железовский, умевший быть проницательным в нужный момент.— «Наши тела состоят из пепла давно угасших звезд»[1], помните? Люди — представители вторичной, если не энной, волны разума, а «черные люди»— представители уже исчезнувшей ветви существ — нечто среднее между живым и неживым, между разумом и сложным инстинктом. Правда, человеческие оценки этого разума, равно как и инстинкта, в данном случае не годятся.

Ромашин с интересом посмотрел на математика, мысленно приказал киб-пилоту: в Хатангу, к метро. Пинасс взял курс на юго-запад, набрал скорость.

— Вы знакомы с информацией по «черным людям»?

— Я в группе по их исследованию.

«Кажется, даже для работника моего уровня могут быть приятные сюрпризы,— подумал Игнат.— Аристарх настоящий подарок судьбы. Или экспромты подобного рода кем-то готовятся?»

— Вы не договорили.

— Человек от маатанина отличается настолько, что никакая целевая перестройка нервной системы не способна превратить первого во второго.

— Но зачем тогда чужая генная память начинает переделывать человеческое тело, если не способна сделать полноценного маатанина?

— Эволюция «черных людей» шла иным путем, нежели земная: от большого числа органов с небольшим числом степеней свободы — к малому числу органов с большим числом степеней свободы. Динамические системы типа человека — у него около восьмисот мышц! — не могут управляться из единого центра, должна быть иерархия уровней управления, а у «черных» нет иерархии. Маатанин — сам себе мозг, сердце, генератор движения плюс комплекс мышц, выращиваемых из любой части тела.

---

[1] Дж. Джинс.

Ромашин задумался, глядя на уносящееся назад и вниз пятно света. Кивнул своим размышлениям.

— Значит, Шаламов вернется?

Железовский удивленно посмотрел на него, повернувшись так, что на груди шевельнулись чудовищные мускулы.

— Я этого не говорил. Да и кто это может знать?

Игнат засмеялся.

— Не переигрывайте, Аристарх, я и так уже понял, что вы интрасенс [1]. У вас это с детства или проявилось в юности?

— С восемнадцати лет.— Железовский порозовел и отвернулся, рассердившись неизвестно на кого.

Разговор прервался.

Через четверть часа на горизонте возник световой шатер Хатанги, пинасс пошел на снижение, подчиняясь общетранспортному регулятору этого края.

— Когда вас потревожить?

— Я сам найду вас,— сказал математик, просидев в каменной неподвижности все это время.— Расчет не займет много времени, но главное — полнота данных.

— Все, что у меня есть, я дам по своей консорт-линии, остальное — ваша забота. Один вопрос, прежде чем мы расстанемся: не рискует ли Мальгин стать таким же, как Шаламов? Не слишком ли он самоуверен?

Железовский пристально вгляделся в него: Игнату показалось, что под черепом у него потянуло прохладой.

— Клим — интрасенс с очень хорошей пси-базой, он просто еще не знает об этом, поэтому ничего ему не грозит.

— Человек-да,— пробормотал Ромашин.

Математик дождался, пока раскроется колпак кабины, и легко, без усилия, выпрыгнул на покрытие финиш-поля. Прогудел:

— До завтра.

«Ну и везет же мне на компанию,»— подумал Игнат с некоторым сомнением, глядя на его мощную спину. И тотчас же в голове струйкой воды из крана пролилась фраза: «Волков бояться — в лес не ходить...»

5

Горловина, вход в «серую дыру», представляла собой двенадцатимерный конус и со всех сторон выглядела одинаково — «мыльно-кисейным пузырем» диаметром в сто километров. Однако изнут-

---

[1] Человек, обладающий врожденными эстрасенсорными способностями в отличие от экзосенса — получившего таковые в результате внешних воздействий.

ри, благодаря эффектам многомерной метрики, диаметр основания конуса был эквивалентен двум с лишним миллионам километров — если верить приборам. И лишь попав в конус, можно было не только увидеть, но и ощутить, что этот объект действительно конус, хотя и сложнее своего трехмерного аналога.

Спейсер «Конунг» уходил из Горловины последним, после того, как был эвакуирован на Землю весь научный десант.

Стра́ж Горловины медленно уплывал в слабо фосфоресцирующую даль — невообразимо огромная «игральная кость» неведомого великана, идеальный куб размером с планету земного типа. На его ребрах и углах, как и на островах всех шести океанов, остались только инки, знающие, что они остаются здесь навсегда, молча принимающие судьбу, уготованную им людьми. И «серой дырой». Они записывали изменения параметров среды и передавали их по «струнам» связи за пределы «серой дыры», где дрейфовали до сотни земных кораблей, жадно ловящих поступающую информацию.

По всему пространству Горловины метались потоки маатанских проникателей, ухитряясь не сталкиваться между собой и находить свой коридор входа в «серую дыру», но большинство из них стремилось к планете-кубу. Зрелище было потрясающее, феерическое: очереди в сто-двести «пуль», размером в три-пять километров каждая, мчались к Стражу со всех сторон, пробивали атмосферу, чаще всего над океанами, и бесшумно и неэффектно исчезали у самой поверхности островов, будто ныряли в бездну. И лишь один раз за шестеро суток непрерывного обстрела произошло настоящее столкновение (то ли стрелок промахнулся, то ли не сработала техника «кубиан»): на всей скорости порядка ста километров в секунду ведущая гороподобная громадина врезалась прямо в остров!

Взрыв испарил три четверти острова, образовав кратер диаметром в двенадцать и глубиной в четыре километра! Страж Горловины вздрогнул и завибрировал, как хороший резонатор, поднимая на всех шести океанах янтарно-желтые, с ослепительно белыми пенными гребнями, волны; казалось, океаны вскипели! Но резонансные колебания куба тут же затихли, океаны перестали «кипеть», раскаленный гейзер взрыва осел, поредел и растаял. Таинственные колоссальные механизмы Стража, поддерживающие его жизнедеятельность, быстро навели порядок в собственном доме, хотя и не стали залечивать рану, нанесенную динозавролетом маатан.

Удивительное дело: ни один из последующих кораблей-пуль злополучной «очереди» не врезался в планету, все они мгновенно отвернули в сторону, несмотря на кажущуюся неповоротливость и громадные размеры и вес, и вся «очередь» помчалась прочь от Стража, в глубину «серой дыры», будто испугавшись содеянного, пока не затерялась в светлом мареве конуса. Это был всего второй караван маатанских кораблей, ушедших непосредственно в «дыру»,

остальные шли к Стражу или, побродив по Горловине, исчезали в неизвестном направлении. Видимо, прямой переход через «мембрану закона компактификации», по терминологии земных ученых, был чреват какими-то нежелательными последствиями и для самих «черных людей», а не только для земных автоматов.

На запросы и целевые программы контакта маатане по-прежнему не реагировали, лихорадочно спасаясь бегством в неизведанные глубины «серой дыры».

На борту «Конунга», в рубке, в залах контроля и десанта царила тишина, изредка нарушаемая только тихими репликами экипажа. Передачи по сети «спрута» почти совсем прекратились, с выводом флота за пределы Горловины сеть распалась и Сократ стал просто корабельным инком спейсера, а не координатором экспедиции.

— Вероятность положительного контроля упала до нуля двух,— сообщил он бесстрастно, как судья-информатор на футбольном поле.— «Серая дыра» показывает «дно», пора уходить.

Перед четырьмя людьми в зале контроля, сидящими в коконкреслах, вместо удаляющейся в светлую бездну желто-оранжевой капли Стража протаяла серая клякса, стала расти. В ее центре появилась черная точка, испустила черное кольцо, которое стало увеличиваться в диаметре. За ним появилось еще кольцо и еще — словно круги по воде от брошенного камня.

— Мембрана закона компактификации в наглядном изображении,— снова раздался голос Сократа.— Начались необратимые искажения метрики здешнего пространства, рекомендую немедленно уходить.

— Старт! — коротко отозвался Хольгер Сваллинг, не дожидаясь реакции командира безопасников. Лютый промолчал.

Серая с черным трясина, грозящая затянуть спейсер, мигнула и пропала. Короткая темнота, глубокий — как бы изнутри — удар по голове, мягкий, но не болезненный, и перед глазами уже иная картина: великолепный пейзаж Галактики под ногами, слабые россыпи звезд над головой, тонкие паутинки далеких скоплений галактик сзади и прозрачный, стеклянный с виду, шар впереди, по которому ползут радужные пятна.

— Точь-в-точь мыльный пузырь! — проговорил кто-то негромко. Хор голосов в эфире приветствовал появление спейсера среди остальных кораблей флота. Все ждали, чем закончится схлопывание «серой дыры».

— Видеокартина изнутри поступает? — спросил Лютый.

— С искажениями,— ответил Сократ.

— Выведи прямую КПР.

Снова перед глазами людей появилось изображение внутреннего пространства Горловины с тысячами стремительных черных трасс, в упор расстреливающих форпост Границы — планету-куб. Но

теперь и сами «очереди», и Страж Горловины не были видны четко, их мяла, корежила, искажала какая-то сила, отчего у всех внешних наблюдателей вскоре закружилась голова.

«Дно» Горловины еще больше увеличилось и стреляло теперь во все стороны змеящимися черными зигзагами — словно потухшими молниями. Зрелище поражало необычностью и масштабами невиданного никем и никогда из людей катаклизма, странными цветовыми сочетаниями и разгулом неведомых стихий, и всем, кто это видел, стало жаль мечущихся по Горловине «черных людей». Их оставалось еще очень и очень много — около трех миллионов транспортов, и все они уже не успевали пересечь границу «дыры», уйти в Запределье...

Сжатие «серой дыры» произошло внезапно.

Сначала для тех, кто это видел, исчезло изображение Горловины изнутри, а затем для внешних наблюдателей «мыльный пузырь» удивительного объекта вдруг бесшумно лопнул, и, словно миллион черных шипов, вонзился в пространство, вызывая ответный ливень ослепительных искр. Каждая такая искра по размерам превосходила расстояние от Луны до Земли.

Судорога пространства затронула и земной флот, вздыбив его на гравитационной волне. Но все успокоилось, как и началось, в одно мгновение. На месте «мыльного пузыря» Горловины с трудом можно было теперь разглядеть странную белесую паутинку, нереальную и призрачную. «Серая дыра» заросла, и с этих пор видеть можно было только ее «след» или «тень», в научной информатуре бытовали оба термина. Этот «след» сохранялся бесконечно долго, не исчезая, как луч звезды в космосе, время на срезе «серой дыры» застыло, заставляя светиться сам вакуум, но «след» этот уже никуда не вел.

— Пошли зонды,— предупредил кто-то из исследователей, продолжавших свою работу.— На радарах все чисто.

— Неужели «черные люди» погибли? — спросил Сваллинг.— Я думал, их выкинет обратно, за пределы Горловины.

— Их и выкинуло,— ответил лидер исследователей.— Вспомните черные «молнии» и следом искры. Их выкинуло, но с обратным знаком — в виде образований из минус-материи. Искры — это их аннигиляция.

Наступившее после этих слов молчание было красноречивым.

— Каюк «дыре»,— донесся голос драйвера-секунды «Конунга».— Что дальше?

— Амба «дыре»,— согласился Лютый, ощущая в груди пустоту и странное сожаление, будто расстался с чем-то родным и волнующим.— Теперь домой.

— В Галактике обнаружено всего три следа «серых дыр», этот четвертый,— сказал сосед Лютого, раскрывая свой кокон.— Надо

бы порыскать там, может, поблизости отыщутся орилоуны. Слышал гипотезу?

— Какую? — Лютый тоже превратил кокон в обычное кресло.

— «Черные люди» предназначены для сбора информации, и сидят они практически в каждой звездной системе, в которой развивался или должен был развиваться разум. В том числе и в Солнечной системе. И сеть их метро объединяет всю Галактику... если не Вселенную вообще.

— Для меня это уже не новость. Один орилоун найден на Таймыре, второй в системе Нептуна.

— Речь не о том. Есть шанс найти вход в систему орилоунского метро.

— Хорошая мысль, но запоздалая...— Лютый не договорил, как завороженный уставившись на виом, воспроизводящий панораму космоса в направлении на «серую дыру». Мимо камер спейсера неторопли́во двигалась огромная переливчатая гроздь воздушных шариков, и из каждого, помаргивая, с любопытством взирал на мир не человеческий, а, скорее, птичий глаз...

Отец выглядел, как и всегда, хмуровато-сосредоточенным и чем-то недовольным, но уголки губ таили улыбку, а морщинки у глаз — лукавство и готовность к шутке. Одет он был в зеленую егерскую куртку, брюки и высокие сапоги, древний головной убор под названием «берет» довершал убор.

Мальгин отыскал отца в Брянском заповеднике, на берегу Десны, неподалеку от старинного русского городища Вщиж, где Мальгин-старший поставил шалаш рыбака.

— У нас тут мга[1],— пояснил он сыну в ответ на его взгляд,— довольно прохладно. Однако рыба ловится. Не приедешь?

— В другой раз,— пообещал Мальгин, не зная, зачем ему понадобилось разыскивать отца во что бы то ни стало. А потом вдруг взял и рассказал все. И почувствовал облегчение. Наверное, надо было высказаться кому-то, даже просто так, не спрашивая совета, а отец всегда был хорошим собеседником, потому что умел слушать.

Старик понял мимику сына и улыбнулся, превращаясь в хитрого и доброго гнома из детской сказки. Хотя в этом наряде он смахивает больше на лешего, подумал Мальгин с ответной улыбкой.

— Жизнь — непрерывная цепь принимаемых решений,— проворчал старик, снимая берет и вытирая лысину влажной ладонью.— Я вижу, ты уже принял решение, а ошибаешься или нет — не мне

[1] Мга — изморось, холодный сырой туман.

судить. Все равно ведь сделаешь по-своему. Я живу просто, по пословице: чего не знаешь, туда и не тянет. Ты так не сможешь. Уверен, что все предусмотрел?

— Да,— сказал Мальгин, подумав.

— Тогда ступай, куда наметил. Потом позвонишь, а может, приедешь, как в прошлый раз, на Пру. Я тут набрел на куманику, сварил морс, ты такого еще не пивал.

— Наверное, вкусно.

— Не отведав, вкуса не узнаешь. Как там Купава, Дарья?

Мальгин, не ожидавший вопроса, вздрогнул, отвернулся.

— Нормально.

Отец перестал улыбаться, в глазах его на миг проглянула тоска.

— Жена друга... ну, это я еще понимаю, но ведь Дарья — твоя дочь, а не Данькина.— Старик хотел еще что-то сказать резкое, но сдержался.— Когда ты был у нее в последний раз?

— Недавно... вчера.

— Дочь видел?

— Она у матери... у ее матери, Купава так сказала.

— Почему же не проведал? Не боишься потерять окончательно?

— Что потеряно единожды, нельзя потерять второй раз,— пробормотал Клим, поднимая взгляд и тут же опуская.— Мне что, драться с ней, если она не хочет, чтобы я приходил.

— Драться не стоит, однако голова у тебя для чего на плечи посажена? Эмкан носить? Думай.

— Я позвоню.— Клим зябко передернул плечами: стало вдруг холодно.

— Ну-ну,— буркнул отец и выключил связь, не прощаясь.

Мальгин посидел перед световой нитью виома, прислушиваясь к себе: показалось, что кто-то окликнул его, издалека, из невообразимой дали... мистика! Выключил виом и побежал в душ, представляя, как бросился бы сейчас с обрыва в реку, будь он с отцом... и чтобы рядом была Купава...

В институт он заявился в половине восьмого утра, когда в здании начинали появляться первые энтузиасты — «жаворонки», встающие с солнцем. Правда, сентябрьское солнце только-только показалось над горизонтом.

Полчаса ушло на переговоры с Гиппократом и Пироговым — хирургическим инком, с которым Клим работал постоянно, а также на подготовку операционной; потом пришел Заремба.

— В генофонде человека используется всего три процента записей в ДНК,— заявил он с ходу, проходя к операционной камере, у которой стоял Мальгин.— Интрасенсы берут у природы чуть больше: до десяти процентов. А тебе мы сделаем все сто, будешь первым супером. Ну что, начинаем?

— Не гони лошадей,— остудил коллегу Клим, несколько отвык-

ший от манеры поведения молодого нейрохирурга.— Где твой хваленый математик?

— Сейчас явится, любит точность.

— Он сделал, что я просил?

— Это человек слова, почти как ты, сказал — сделает. Если ты человек-да, то он — человекогора-да. Так я подключаюсь к машине? — И Заремба, не дожидаясь ответа Мальгина, залез в кокон-кресло хирурга-ассистента. Он должен был быть ведомым хирургом, ведущим был сам Клим, хотя операцию планировалось провести на его мозге.

Ровно в девять пришел Железовский, одетый в ослепительно белый кокос, который немного скрадывал его мускульный рельеф.

— Доброе утро.— Математик подал Климу три булавки кристаллозаписи.— Здесь прогноз и динамически-информационная модель ситуации. Работа нашего Большого Мыслителя, так что ваш Гиппократ должен проглотить, не подавившись. Вероятность благоприятного исхода ноль пятьдесят семь, не мало?

— Маловато, конечно,— раздался вдруг сзади чей-то уверенный, гортанный голос, и в операционный бокс вошел энергичный, жизнерадостный Джума Хан, одетый по самой последней моде: при движении драконы и ящеры на его рубашке и брюках становились трехмерными и очень натурально разевали огненные зубастые пасти.— Я, кажись, вовремя.

Мальгин с радостным недоверием пожал протянутую руку и, не удержавшись, сунул палец в пасть одного из драконов. Дракон цапнул его за палец, неощутимо, конечно, однако руку Клим отдернул. Повернул вошедшего лицом к оглянувшимся Зарембе и Железовскому:

— Это Джума Хан, бывший врач, сейчас в безопасности.

— Знакомы уже,— буркнул Заремба, но руку Джуме пожал.

Тот с уважением окинул взглядом фигуру математика, посмотрел на Мальгина.

— Возьмешь ассистентом? Думаю, навыки контроль-хирурга я еще не утратил.

— Ты что же, знаешь, чем я буду заниматься?

Хан посерьезнел.

— Конечно, знаю, иначе не успел бы к началу эксперимента. Кроме того, я работал в эм-синхро Европы по этому вопросу и специально готовился для спарринга.

Медики переглянулись. Лишь Железовский остался невозмутимым, превратившись в статую.

— Безопасность? — догадался Мальгин.

— Они отрабатывают «срам».— Джума пожал плечами.— Их можно понять. Кстати, Карой просила тебя позвонить ей до операции.

Хирург молча направился к операционной камере, снимая рубашку. Торс его был перевит мышцами и даже в сравнении с Железовским проигрывал мало. Джума и сам был развит неплохо, однако смотрел на спину Мальгина с чувством зависти.

— Садись,— сказал Клим через плечо,— будешь ассистент-дублером Ивана, он — ведомый. Заодно и побреешь.

— Ты собираешься брить голову? Зачем?

— Клим, не порть шевелюру,— вмешался Заремба.— Пирогов подтвердил, что бритье головы не обязательно, аппаратура возьмет тебя и так.

— Включайте подготовку: мытье, бритье, наложение сетки и прочее.— Мальгин остался непреклонен.— Я хочу исключить малейшую возможность искажения картины.

И Джума с Заремба проглотили вертевшиеся на языке возражения.

— Усаживайтесь, подгоняйте кресла и КПР.

Трое без лишних слов заняли места у камеры, запеленались в кресла, закрыли глаза. Информация из камеры и от инков поступала им напрямую в мозг через дисциплинар и контуры пси-развертки. Мальгин полулег в кресло, специально подготовленное таким образом, чтобы пациент мог видеть все операционное поле и корректировать работу хирургического инка, который командовал тончайшими магнитными и лазерными сканерами, энцефалоскопами, аппаратами считывания и записи информации, контроля давления, сердечного ритма и другим оборудованием.

— Брейте быстрей,— сказал Клим.

— Потерпи, сейчас сделаем из тебя биллиардный шар,— проворчал Джума.— Только зря ты это делаешь.

Через четверть часа голова хирурга отражала свет, как полированное дерево.

— Красавец! — восхищенно сказал Заремба.— Был бы женщиной — целыми днями...

Но Мальгин не дал им времени на шутки.

— Поехали!

— Ни пуха! — суеверно перекрестился Джума.

— К черту.

И Мальгину показалось, что кто-то огромный и сильный, но добрый и мягкий, осторожно вынул его мозг из черепа и поместил под струю текущей воды.

Сканер воспроизвел перед ним трехметровую проекцию мозга. Каждый участок имел свой цвет: зеленый — левое полушарие, желтый — правое, серый — мозжечок, белый — межуточный мозг, и так далее, и в каждой области коры и глубинных структур выделялись черные и красные зерна — «черные клады», не имевшие выхода в сферу сознания. Что они хранили, какие знания, какими

последствиями грозило их вскрытие; медицина пока не знала.

— Параллельный перенос готов,— просочился в уши пси-шепот Зарембы; он имел в виду готовность аппаратуры записи, подключаемой в случае непредвиденных осложнений и берущей на себя выход чужой информации.

Рядом с проекцией мозга возникло его схематическое объемное изображение с расписанными векторами нейрохирургического вмешательства — модель операции, рассчитанная Железовским.

Стрелка под номером «один» запульсировала, раздался пси-голос Пирогова:

— Энцефалон — церембрум — теленцефалон, программа «бэта», прогноз три к одному, гипотетическое подключение родовой памяти и маатанского «введения»: основные рефлексы.

Шум в голове усилился: «поток воды» набирал скорость. Со зрением стало твориться что-то странное: форма предметов начала плыть, цветовосприятие изменилось, изображение перед глазами задрожало, принялось мигать. Где-то послышались голоса, возгласы, смех, гулы и свисты... На фоне черной плоской доски, появившейся «перед глазами» — отражение поля связи — всплыли строки:

Стал мигать обвал сознанья:
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем.

«Пастернак»,— подумал без удивления Мальгин, как нечто ординарное восприняв выходы-причуды собственной памяти.

Снова послышался смех и вслед за тем голос Зарембы, тихий, но отчетливый:

— Все в порядке, мастер, это заговорила твоя первая сигнальная. Набит ты стихами и ненужными переживаниями изрядно.

— Не отвлекайся, Иван,— долетел недовольный возглас Джумы,— это слой культуры... которой тебе пока еще не хватает. Дыхание, альфа-ритм, кардиограмма — в норме.

— Есть выход! — вклинился в разговор Пирогов.

Мальгину вдруг показалось, что у него шесть рук и, по крайней мере, две головы. Ноги он перестал чувствовать совсем, сознание раздвоилось: он ощущал себя лежащим в операционном кресле и одновременно висящим в пустоте, в невесомости!

Тело отвердело, покрылось кристаллической чешуей, а вместо сердца зашевелилась и принялась пульсировать раскаленная добела масса — «солнечная материя» в упругой оболочке, грозящей вот-вот лопнуть. Дыхание стало ненужным, мысли вспыхивали в темных подвалах «обеих» голов сверкающими полотнищами реклам. Мальгин потерял ощущение времени, он «листал» справочник маатанской жизни, ничему не удивляясь и в то же время с безмерным удивлением. Звуки, приходящие извне, обрели вкус и цвет,

зато изображения предметов и картин стали иметь плотность, вес и запах — сложнейшие гаммы запахов...

— Отсечка дыхания! — пробился в пустоту двух голов чей-то колючий красный голос.— Остановка сердца! Включаю водитель...

— Синестезия [1],— вторил первому второй голос, фиолетовый с синим.— Дели каналы приема, Иван. Состояние трансляции.

— Информтоксикоз,— гулко врезался в сознание еще один голос, оранжевый, с металлическим привкусом.— Отсоединяю связь с комиссуральными волокнами, пошел блок.

Мальгин с огромной высоты упал на землю, но мягко, без особых болезненных ощущений, и оказался в кресле. Зрение прояснилось. В голове продолжало шуметь и всхлипывать, и, как заноза, торчало ощущение заползшего туда жука.

— Может быть, остановим? — спросил Джума; гортанные интонации в его голосе усилились.

— Пару минут отдохну и продолжим,— отрезал Мальгин, пытаясь выковырнуть из головы застрявшего «жука».

Гиппократ и Пирогов перебросились между собой какими-то репликами, но скорость их разговора лежала далеко за пределами человеческих реакций.

— «Черные клады» — это преобразованные нейронные ансамбли,— сказал Пирогов уже в нормальном темпе.— Чистый стаз криптогнозы в сферу сознания невозможен, только эмиссионный перевод в глубокую память. Вызов информации оттуда будет зависеть лишь от волевых возможностей перципиента.

Мальгин смотрел на изображение своего мозга, пульсирующее огнями, и считал черные и алые зерна, их набралось около двух десятков, а было прощупано лишь одно из них.

— Не буди лихо, пока спит тихо,— пробормотал хирург.

— Что? — просочился вопрос Зарембы.— Что ты сказал?

— Поехали дальше.

И снова сквозь голову с шумом «полился поток воды», несший внутри себя «пузыри» странных ощущений.

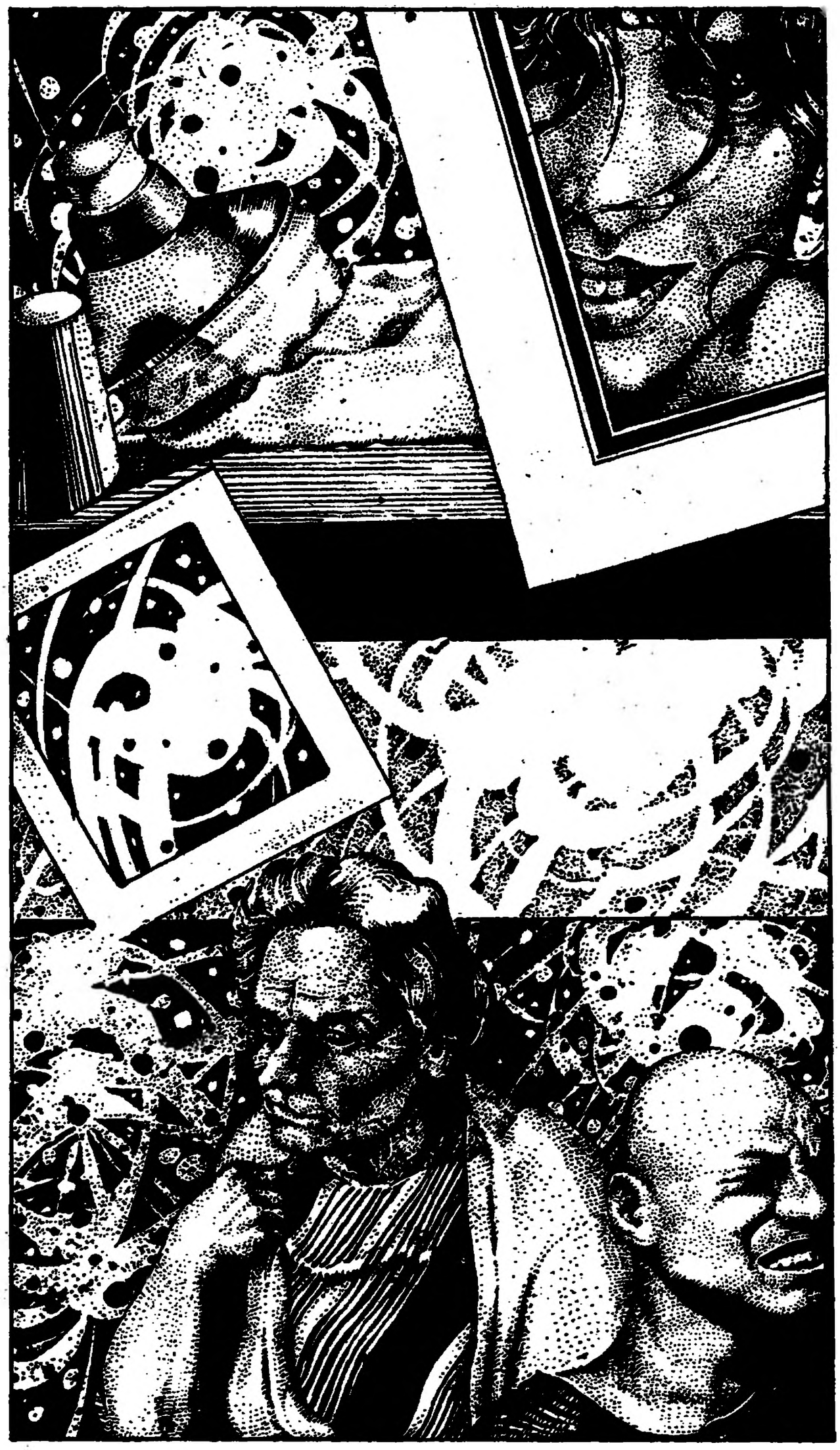
Повторилась метаморфоза со зрением, чувства смешались, контролировать операцию снова стало невозможно, приходилось опираться лишь на рекомендации Пирогова и реплики хирургов. Молчал только Железовский, контролирующий совпадение хода операции с рассчитанной им моделью. А потом голову пронзила такая боль, что Мальгин едва не закричал, с трудом удержав готовый сорваться с языка приказ прекратить операцию.

Пирогов и Гиппократ, правда, уловили его желание, но Клим успел послать им яростное «вперед»!

Перед глазами появился отец, покачал головой, что-то говоря,

---

[1] Смешение чувств.

но что именно — Мальгин не расслышал. Отца сменила мама, укоризненно грозя ему пальцем. И ее голоса Клим не услышал, в ушах стоял стоголосый стон пси-реки, рвущейся сквозь плотину мозга... Мелькнул в стороне Таланов, бежал навстречу Заремба — руки в карманах, Джума держал на руках плачущую Карой и отворачивал лицо, но все равно было видно, что лицо у него измученное и несчастное. Что-то кричал Ромашин, сидя верхом на глыбе «черного человека», Майкл Лондон — наполовину тигр, наполовину человек — готовился к прыжку, и во все небо улыбался загадочно, с превосходством в глазах, Даниил Шаламов...

Очнулся Мальгин от наступившей звонкой тишины и ощущения безмерной пустоты в голове.

— Нейровегетативная стабилизация,— прошелестел чей-то бесплотный голос. Гиппократа? Пирогова?— Двигательный покой. Нарушений в программе нет. Мнемозапас девяносто девять.

— Как ты себя чувствуешь? — сквозь толщу безразличия прорвался возглас Джумы.

— Нормально,— мысленно ответил Мальгин.— Долго еще?

— Вскрыли половину,— это уже Заремба.— Кое-что не удалось перенести чисто, отсюда болевые нейронаводки, анестезия справляется не сразу. Потерпишь?

— Можем остановить вообще,— предложил Джума.

— Нет,— отрезал Мальгин.— Не останавливайтесь, что бы ни случилось. Дальше самого себя я не убегу, а с моими реакциями аппаратура справится, она даже шизофреников выдерживает.

В третий раз невидимый, но отчетливо слышимый водный поток хлынул сквозь мозг, растворяя в себе мысли, путая чувства, заполняя огромный объем головы пеной неизведанных эмоций и непереводимых на человеческий язык понятий... А затем Мальгин, оставаясь в сознании, с отчетливым всплеском нырнул в серый омут глухоты и полного отсутствия каких-либо чувств. Вереницей стали проплывать мимо — слева, справа, внизу, вверху — бесплотные призраки невиданных прежде, ни на что не похожих образов. Бесформенными они не были, но и определить их форму Клим не мог, просто знал, что эти многомерные фигуры — не плод его воображения, а отраженные подсознанием информационные блоки и цепи.

Ощущение «погружения в омут» не пропадало, хирурга засасывало куда-то глубоко «вниз», в преисподнюю, ощущаемую, как вязкий колышущийся мрак. Что-то черное, огромное, без рук и ног, ворочалось там и открывало пасть, собираясь поглотить человека целиком. Однако ужаса Клим не чувствовал. Затопленный безразличием ко всему, в том числе и к себе, он просто ждал, чем все кончится.

Лишь однажды извне прорвались какие-то далекие раздражающие вопли, звонки, ужасный болезненный шум, и тут же все стихло.

Кругом царили тишина и покой, да наплывала, становясь гуще, серая вязкая жижа, сквозь которую просматривалось мрачное черное дно этого мира.

«Тону»,— выплыла откуда-то вялая мысль, написанная белым дымом на сером фоне. Дым свернулся в струйку и растворился в мутной серости. Второе слово было уже полупрозрачным, Мальгин с трудом разобрал его: Купава... Третье было совсем прозрачным — не имя и не название предмета или явления, странное слово, ласковое, хрупкое... но удержать его в сознании Клим уже не смог...

И вдруг снова где-то далеко-далеко, на краю света, приоткрылась дверца в иной мир, раздались дивные, волшебные, чарующие звуки, потрясающе чистые и прекрасные, всколыхнувшие серую муть и вонзившиеся в сердце сладкой томящей болью...

«Музыка»,— проговорил кто-то внутри Мальгина. Слово почему-то волновало и звало куда-то, сама музыка уже пропала, но ощущение неудобства осталось. Рядом кто-то стоял... и смотрел на него... кто-то знакомый и добрый... протягивал руки и звал, без голоса, а звал...

— Что? — спросил Мальгин, не ощущая ни губ, ни языка.

И услышал наконец:

— Пора вставать, сынок.

Он открыл глаза.

Деревенская изба, белый потолок, русская печь с лежанкой, в углу — иконка. Он лежит на кровати, маленький, в белой рубашонке, а над ним склонилось сморщенное, морщинки — лучиками, улыбающееся доброе лицо.

— Отямился, родимый? Вот и хорошо, пройдет онава [1], не рюмзай, побежишь к друзьям...

— Бабушка,— прошептал, давясь слезами, Мальгин.— Я заболел, да?

Серая муть, глухой шум, чьи-то птичьи голоса:

— Пошел, пошел! Иван — активируй назион...

— Многовекторное сканирование!

— Корпус каллозум — ноль...

— Энцефалон — ноль...

— Церебрум — слабые импульсы, пульс нитевидный...

— Давление сорок на десять...

— Пошел, пошел, дальше — вегетативная, симпатика, парасимпатика — аппаратно, периферия — эгостеника...

Новый наплыв.

Он сидит на траве и ревет, рука по локоть красная, в сыпи. И голос над головой, певучий, ласковый:

---

[1] Слабость, утомление *(др.-рус.)*.

— Обстрекался, баловень? Говорила — там крапива, а ты все сам норовишь проверить. Ну ладно, мы ее, лихоманку, сейчас полечим.

Удар, клубы пыли кругом, серое с желтым, и белые просверки, как сполохи далекой грозы, и те же птичьи голоса:

— Фибрилляция... сердечно-сосудистая заработала...

— Гипервентиляция!

— Стереотаксический контакт — зеленый ноль...

— Таламус, ретикулярная, восходящие — норма... легкие, почки, селезенка — пока аппаратно...

— Вылезет, парень сильный. Аристарх, убери отрицательные гармоники, он все время скатывается... гипофиз, эпифиз, щитовидка — норма...

Еще наплыв.

Пруд. Мелкий дождь. Сыро, холодно, тоскливо... И голос сзади:

— Вон он где, тохтуй [1] наш привередливый. Что квёлый такой? Ну, поссорился, а прав ли был? А если и прав, мужчина ты или михлюй [2] ушастый? Досыть хмуриться, прошла падорога — пройдет и назола [3]...

Боль!

Тягучая, дергающая, саднящая боль... в голове, в животе, в сердце, во всем теле... И глухой шум, и грохот скатывающихся в бездну камней, и он — висящий над бездной. Откуда-то из мглы протянулись вдруг сильные руки, поддержали, отнесли от пропасти, уложили на траву...

— Оклемался! — Голос громкий, радостный и знакомый.

— Джума? — заикаясь, выговорил Мальгин.— Я жив?

— Порядок! — ответили ему со смехом.

«Что случилось?» — хотел он спросить, но не успел: наступила темнота.

7

— Как самочувствие?

Этот вопрос преследовал Мальгина каждые полчаса в течение суток после операции, вошедшей во Всеземной информационный Банк медицинских сведений под названием «Выявление черных кладов — закодированных генных записей в мозгу человека». Звонили коллеги по работе, друзья, знакомые, родственники, неизвестно каким образом узнавшие о рискованном эксперименте. Дважды звонили Ромашин и отец, потом Карой, и лишь Купава не позвонила

---

[1] Баран, у которого только что появились рога *(др.-рус.)*.

[2] Зевака, разиня *(др.-рус.)*.

[3] Падорога — непогода, назола — печаль, тоска *(др.-рус.)*.

ни разу. Скорее всего, она ни о чем не знала, как и ее добровольный информатор Марсель Гзаронваль, он же Семен Руцкий, перешедший из отряда курьеров-спасателей на работу в один из районных центров службы сервиса.

Мальгин должен был находиться под наблюдением врачей в институте еще как минимум трое суток — по рекомендации Гиппократа, но уже через сутки не выдержал и буквально сбежал домой. Его мотивировки «прекрасного самочувствия» не возымели бы никакого действия, если бы не поддержка хирургического инка, не выявившего послеоперационных патологий, и директора института Стобецкого. И лишь последний знал, что его собственное решение основано на согласии службы безопасности, контролирующей пациента своими средствами.

Клим и вправду чувствовал себя сносно. Ушли головные и фантомные боли — беспричинные, от срабатывания перенапряженных нервных узлов, шум в ушах прекратился, вялость и сонливость улетучились, и лишь мышечная слабость напоминала о буре, бушевавшей недавно в голове, поднявшей на ноги все иммунно-защитные резервы организма.

Ничего сверх обычных восприятий окружающего мира Мальгин не ощущал, и даже почувствовал легкое разочарование, когда попытался ночью «напрячь» центры новых знаний и у него ничего не получилось. Но потом вспомнилось: «чтение темного знания возможно только при огромном напряжении воли»,— и хирург успокоился. Время огромного напряжения еще не пришло, да и кто знает, что это такое и как проявляется?

Домой его провожали Заремба и Джума Хан. Железовский ушел из института сразу после операции, довольный результатом и полным соответствием своей модели с ходом эксперимента. Уходя, он кинул загадочную фразу, ее привел Джума: «Что ж, еще одним стало больше...» Что он хотел этим сказать, догадаться было трудно.

— Знаешь, на кого ты похож? — сказал безопасник, уложив Клима в спальне под надзор переносного медкомбайна.— Вылитый Фантомас. Но тебе эта прическа идет из-за высокого лба. Лежи теперь, привыкай. Кормить мы тебя будем сами, точно по времени, так что не обессудь. А о пробуждении пока не думай... надеюсь, ты понимаешь, о чем я. Вот это пойло будешь пить как минимум три раза в день.— Хан поставил у изголовья кровати графин с темно-рубиновым зельем.— Это общеукрепляющий бальзам, целый комплекс трав и снадобий. Вообще-то первое время я бы у тебя пожил, а?

— Или я,— вставил Заремба, изучающий жилище хозяина.— А это кто? Кого-то она мне напоминает.

Мальгин перевел взгляд: Иван разглядывал стереофотографию Купавы в детстве, здесь ей было двенадцать лет.

— Это моя... Наяда.

— Сестра, что ли? Ты о ней не рассказывал.

— Наяды — нимфы родников и ручьев, феи печали,— улыбнулся Джума, глядя на Мальгина прищуренными глазами.— Но надо признаться, ты нас удивил, мастер.

— Чем? — тихо спросил Клим, прислушиваясь к тонкому замирающему звону в голове: словно кто-то нежно тронул струну гитары.

— Да уж, было дело,— согласился Заремба, оживляясь.— Лежишь в полной отключке, глаза под лоб, и вдруг начинаешь давать указания Пирогову — куда направлять лучи сканера. Мы обалдели! Да и еще моменты были интересные.

— Какие? — Внутри что-то болезненно напряглось, на колонке медкомбайна вспыхнули алые огоньки: инк аппарата зафиксировал ухудшение состояния пациента.

— Потом, потом об этом,— быстро сказал Джума.— На, выпей.

Мальгин послушно выцедил стакан почти черного, с рубиновым просверком напитка, уперся требовательным взглядом в Зарембу:

— Выкладывай.

Молодой нейрохирург помялся, посматривая на недовольного Хана.

— Да, в общем-то ничего такого... один раз показалось, что ты нас всех внимательно рассматриваешь... с закрытыми глазами. Ну и тому подобное. Тебе все Гиппократ расскажет, попозже, когда окрепнешь. Главное, что нам еле удалось тебя вытащить из запределья...— Иван осекся, виновато поглядев на Джуму.

— Вот как? — Мальгин тоже посмотрел на врача.— И как вам это удалось? Я действительно одно время чувствовал, что меня затягивает серая трясина.

— Трясина полного покоя,— буркнул Джума.

— Ни один раздражитель не действовал, и тогда он,— Заремба кивнул на Хана,— откуда-то притащил в операционную малый синтезатор «Паганини» и начал играть. Ты и выкарабкался.

— Музыка,— прошептал Клим, вспоминая волшебные звуки.— Я так и подумал — музыка. Выходит, я твой должник, Джу...

— Сочтемся.— Джума Хан легонько похлопал Мальгина по руке.— К счастью, мои музыкальные пассажи затронули твою родовую память и потащили цепочку положительных ассоциаций, иначе процесс восстановления твоего «я» затянулся бы. Отдыхай, я приду вечером.

«Спасибо»,— хотел сказать Мальгин, но передумал: Джума не нуждался в одобрении, а благодарность чувствовал и так.

Он засыпал и просыпался каждые полчаса, и снова засыпал под мелодию дождя, и длилось это состояние почти до вечера, когда наконец удалось справиться с сонливостью и расслабленными мыш-

цами. Приходил ли кто-нибудь к нему, Клим не помнил, а выяснять у «домового» не стал. Душа остановилась у глубокого провала в неизведанные глубины психики и жаждала покоя, и даже мысли о Купаве и обо всем, что было с ней связано, не создавали привычного фона тоски и безнадежности.

Сначала Мальгин удивился такому безразличию, потом подумал о нейролептанальгетическом барьере, который ему обязаны были поставить хирурги, и успокоился. Состояние покоя пройдет, а с тоской бороться нет смысла: он до сих пор барахтается в болоте собственных оценок происходящего и нравственных норм, внушенных ему с детства, и не знает, что делать. Купаву не вернуть. Да и в особой опеке она не нуждается. Должна же она соображать, куда могут завести ее попытки ловить кайф с помощью наркомузыки. Хотя... кто знает, поймет ли, друзья у нее не из клана заботливых помощников. Вот за дочкой надо присмотреть. «Ребенок-то мой,— вслух проговорил Мальгин, разглядывая себя в зеркале.— С другой стороны, еще жив Даниил, и чтобы разобраться в ситуации, необходимо его присутствие. Надо помочь Ромашину в его реабилитирующем поиске, это снимет груз вины с обоих. Что касается Купавы, то... может быть, есть смысл запретить себе думать о ней, включив свои новые «блоки»? Мальгин усмехнулся, покачал головой.

В кого ты превратился, человек-да? Неужто так и будешь теперь жить с синдромом раздвоенности и нерешительности? Не пора ли вернуть прежнюю формулу характера — воля, плюс твердость духа, плюс убежденность в своей правоте?

Он напрягся и сосредоточился, в голове тихо лопнула гитарная струна, серый ливень хлестнул, казалось, из окна сквозь голову, родив необычные ощущения, и все стихло. Перед глазами заколебались предметы домашней обстановки, сердце болезненно сжалось. Хирург ухватился за раму кровати, закрыл глаза, расслабился.

Спокойно, парень, напрягаться тебе еще рано, слаб. Давай-ка думать о приятном, например, об ужине... или лучше о чистой родниковой воде, о реке, лесе, грибной охоте наконец... Отпустило? Ну и слава Богу!

Из спальни засвистел медкомбайн.

— Слышу, слышу, эскулап,— с досадой отозвался Клим, осторожно отрываясь от стены. Прошлепал в спальню, выпил стакан рубинового бальзама и направился в душ. Купался долго, то с тихим наслаждением, с подвыванием, то с воплями и хлопаньем по спине и бокам, а когда вытерся и прошествовал в халате к «домовому», собираясь послушать новости, в гостиную вошла Карой.

С минуту они молча смотрели друг на друга, потом у Мальгина снова сработал какой-то музыкальный, «струнный» переключатель, в голове прошумел теплый ветер, и хирург уловил слабый пси-шепот в сопровождении волны грустных и одновременно вызываю-

ще-дерзких настроений. Шепота он не разобрал, а «пакет» настроений исходил от Карой, с любопытством разглядывающей его голый череп. Где-то глубоко в колодце памяти на черном фоне мелькнул тающий мираж лица — кто знает, чьего? — и Мальгин очнулся.

— Привет.

— Я думала, что ошиблась квартирой,— проговорила женщина низким голосом вместо приветствия.— А знаешь, тебя безволосие не портит — лоб настолько высок, что скрадывает отсутствие волос.

— Спасибо,— хмыкнул Клим, размышляя: показалось ему или нет, что он «подслушал» мысли Карой, вернее, увидел ее эмоциональный портрет.

— Меня прислал Джума,— продолжала гостья, морща носик и оглядываясь в нетерпении: Клим забыл предложить ей сесть, разбираясь в своих новых ощущениях.— Но я думала, что вы, мастер, лежите и нуждаетесь в лечении и уходе.

— Нуждаюсь,— поспешно сказал Мальгин и сделал утомленный вид.— Особенно в массаже. Я, пожалуй, лягу, под присмотр компа.

Карой рассмеялась.

— Малая подвижность, компьютеризация, а также избыток лекарств уже завели человечество в тупик, тебе этого мало? Можно я сяду?

— О, биг пардон! — Клим дал «домовому» мысленную команду, и в гостиной выросли низкие кресла и столик.

— Мой любимый размер,— сказала Карой с иронией, пробуя кресло.— Любишь комфорт?

— А кто его не любит? — Хирург отдал еще одно распоряжение, и в комнату вплыл поднос, на котором стояли бокалы золотистого стекла, бутылка «Киндзмараули», тарелочки с тостами и коробка конфет.

— Надо же, мой любимый набор,— с той же интонацией протянула гостья.

Клим внимательно присмотрелся к ней, и снова где-то глубоко-глубоко, казалось, внутри позвоночника, тихо щелкнул переключатель, хирурга обдало волной несвойственных ему мгновенных переживаний, а в ушах прошуршал степной ветер и принес еле слышимый неразборчивый шепот, в котором угадывались слова: Джума... несмышленыш... не понять... одиноко...

Мальгин наполнил бокалы, пытаясь держать себя в руках, ничему не удивляться и выглядеть естественным и галантным. Он уже сообразил, что начал воспринимать эмоции и пси-сферу собеседника, как и в случае с Джумой, но было ли это результатом эксперимента, утверждать не брался.

— Комфорт любят все,— повторил он, поднимая бокал,— даже спортсмены и туристы, а не только старики и женщины. За тебя?

— За тебя.— Карой пригубила вино.— Насчет комфорта у меня свое мнение. Слишком памятны примеры, которыми нас нафаршировывали по методу Карнеги на первом курсе университета. Ты тоже должен помнить: в двадцатом веке комфортные условия, вместо обычного сосания груди, начали создавать ребенку сразу же в послеродовой период, а обернулось это болезнями для большинства детей и в конце концов физиологической незрелостью как наследственным признаком.

Мальгин покачал головой.

— Нам такую информацию не давали. Но пример действительно сильный. У тебя с этим было что-то связано?

— Вы, как всегда, проницательны, мастер. Моя ветвь по материнской линии начиналась от прапрапрабабушки, которая практически не могла ходить. Вся эта ветвь словно была проклята: болезни, болезни, пороки сердца, аллергия, хроническая слабость, малый рост...

Карой залпом выпила бокал, провела ладонью по лицу, успокаиваясь. Клим налил еще, проговорил, осторожно подбирая слова:

— Но ты, похоже, сломала эту закономерность.

— Повезло с отцом. Давай о другом.— Женщина откинула прядь волос за ухо, обнажая сверкающую каплю серьги. Капля набухла светом и сорвалась на пол, обозначив падение высверкивающей трассой. Серьга в ухе снова налилась алым сиянием и спустя несколько секунд уронила на пол очередь тающих огоньков.

— Нравится?

— Очень! — Мальгин был искренен.— А Джуме?

«Джума... странное имя... хороший парень... но вряд ли...— прошипело в голове хирурга в сопровождении знакомого «ветра» и грустного вздоха, в то время как губы Карой оставались в покое.

— Джу — хороший парень,— повторил Мальгин автоматически и увидел, как брови Карой взлетели вверх.

— Что?!

— Ничего, мысли вслух.— Губы пересохли, и Клим смочил их вином, не слыша, как медкомбайн в спальне заливается протестующим звонком.

Глаза Карой потемнели, с изумлением она справилась быстро и теперь смотрела на хирурга испытующе и недоверчиво.

— Вы, никак, читаете мои мысли, мастер. Неужели это — результат операции?

— Скорее всего, нет. Одну минуту, мне надо узнать, чего он хочет.

Мальгин поспешил в спальню, выслушал нотацию медицинского инка, выпил стакан бальзама и вернулся в гостиную.

— Пей без меня, мне, оказывается, еще нельзя, иначе угрожают смирительной рубашкой.

Женщина осталась серьезной.

— Если мои предположения верны, то...

— То что?

— Не знаю... надо подумать. Ведь ты еще ничего не решил, мастер?

Мальгин нахмурился.

— Не отвечай,— качнула она головой,— я вижу. И понимаю. Купава одна, с дочерью, Шаламов исчез... Я все понимаю. И тоже ничего не решила, хотя всегда славилась решительностью. Что-то изменилось во мне, в тебе тоже — до операции, а теперь еще и прямая пси-связь... телепатия, как говорили раньше. Ты будешь знать обо мне все, а я о тебе... обычная слабая женщина, не интрасенс. Мне надо подумать, Клим. Может быть, ты становишься супером, как сказал Ваня Заремба?

— Это плохо?

— Не знаю. Спасибо за вино. Тебе действительно не нужна моя помощь сейчас?

— Помощь? То есть?

— Ну, умыть тебя, накормить, сделать массаж,— рассердилась Карой.

— Если честно, то нет,— кротко сказал Мальгин.— Хотя от массажа я бы не отказался.

— Это тебе сделает инк. Прощай, мастер. Извини, если я...

— Э т о не проявляется все время,— сказал Клим ей в спину,— не беги так поспешно. Я еще сам не разобрался, как и почему срабатывает мой... мое гипервидение. Не пугайся.

— Я не трусиха, и все же ты меня поразил, Клим. Я приду позже, выздоравливай... «черный человек-да».

Вышла. А Мальгин остался стоять, оглушенный, будто на голову рухнул потолок. В таком состоянии его и застал Железовский.

Человек-глыба молча подошел и положил свои огромные длани — руками их назвать язык не поворачивался — на затылок и лоб хирурга, и тому показалось, что под черепом приятно потянуло прохладным сквознячком. Аристарх кивнул сам себе и бесшумно сел в кресло Карой, принюхался.

— Духи «Витэ». От Джумы Хана тоже попахивает этими духами. Это была его жена?

— Испугалась и убежала,— слабо улыбнулся Мальгин.— Хотя, честно говоря, я испугался не меньше. До сих пор не верится...

— Все нормально, интрасенс, когда-то это должно было произойти.

— Как я выгляжу без волос?

— Очаровательно. Похож на Юла Бриннера, актера, игравшего в старых ковбойских фильмах. Кстати, волосы можешь вырастить себе сам за два сеанса, это нетрудно.

— Я подумаю. Все утверждают, что такая прическа мне идет.

Мальгин налил вина в чистый бокал, поднял свой и сказал, кивнув на дверь в спальню:

— Черт с ним, пусть вопит.

Математик понимающе кивнул.

— С ним управиться легко, а вот с «минами» внутри труднее. Я пришел помочь тебе,— Аристарх не обратил внимания на протестующий жест хозяина,— разобраться в себе. Чем скорее научишься контролировать свое «экстра-я», тем легче будет справиться с синдромом «черного человека». И не смущайся, мне тоже помогли в свое время.

Клим проглотил вино, не чувствуя вкуса.

— А разве мое... моя телепатия — не результат прорыва подсознания, вернее, маатанского знания?

— Во-первых, не маатанского, а Шаламовского, что, кстати, намного упрощает дело, во-вторых, не телепатия, а экстравидение, что не одно и то же, и в-третьих, ты интрасенс, то есть экстрасенс от рождения, только реализуешь свои способности с запозданием.

Железовский вдруг набычился, поглядев на Мальгина как-то остро и оценивающе, и тому показалось, что он видит перед собой полупрозрачную фигуру «черного человека». В затылке родилось ощущение вонзившейся иглы, рядом с фантомом, рожденным пси-передачей Железовского — Клим это понял,— появилась еще одна такая же фигура, но с человеческой головой, и все исчезло в красной вспышке боли...

Очнулся Мальгин в постели. Озабоченный Аристарх сидел рядом и переговаривался с кем-то по виому, а заметив движение больного, наклонился над ним:

— Извини, мастер, это я виноват.

— Нет,— сквозь зубы сказал Мальгин.— Похоже, я нечаянно разбудил один из «кладов». Мне надо прежде всего научиться при этом терпеть боль и не терять сознания.

— Я вызвал Джуму и лечащую группу, пусть посмотрят. Вечером составлю программу оптим-тренинга, а с завтрашнего дня начнем выявлять твои резервы, сегодня ты еще не в форме. Ты с этим согласен?

Мальгин с благодарностью сжал руку Аристарха и увидел, как у «железного» Железовского порозовели щеки. И у Клима стало удивительно легко на душе, словно они безмолвно сказали друг другу: будем друзьями.

У выхода из спальни Аристарх обернулся.

— Забыл передать тебе привет от Ромашина. Он рад, что ты со мной одного поля ягода.

Исчез. Ни шороха, ни звука. Однако неосознанно включившимся внутренним видением Мальгин легко определил, как человек-глыба

миновал гостиную, переднюю, вышел на лифтовую площадку и лишь потом исчез, послав короткое, как толчок сердца, слово-ощущение: будь!..

* * *

— Он в порядке,— сказал Джума сдержанно.

Сидевшие напротив переглянулись.

— Немного подробней,— проговорила женщина.

— Он интрасенс. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но экстраспособности его врожденные, ничего общего с «темным знанием» не имеют, просто прорезались поздновато. Когда он был уже взрослым.

Боянова снова посмотрела на соседа, растянула губы в улыбке.

— Кажется, ваши страхи не имеют почвы, Казимир?

— Хотелось бы верить,— улыбнулся в ответ председатель СЭКОНа.— До сих пор кошки на душе скребут, что мы разрешили ему этот плохо спрогнозированный эксперимент. В дальнейшем, вероятно, после детального анализа, комиссия подготовит предложение для ВКС о моратории на подобные эксперименты. Даниил Шаламов, потом Майкл Лондон, теперь Мальгин...

— С Шаламовым и Лондоном все было иначе,— возразил Джума.

— Но связь прямая. Впрочем, я поспешил с заявлением. Итак, вы считаете, что этот ваш Мальгин... м-м, как бы это сказать... не опасен?

— Я ему верю,— ответил Джума, помедлив; разговор ему не нравился.— Во-первых, нет полной уверенности, что нам удалось подобрать ключи к «черным кладам» памяти Мальгина. Во-вторых, он очень сильный человек, волевой и жесткий, он способен контролировать себя в любой ситуации.

— Вы можете дать стопроцентную гарантию?

— Могу,— не очень твердо сказал Джума.

Ландсберг пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, мы поняли,— проговорила Боянова.— Надеюсь, чрезвычайных мер по Мальгину принимать не придется. Спасибо за участие в эксперименте, другарь Хан, вы понимаете — подстраховка была необходима. Побудьте с ним рядом еще некоторое время, пока он...

— Честно говоря, прямой необходимости в этом нет, да и ребята ждут в обойме, но пару дней на Земле я еще побуду.

— Вы знаете, что «серая дыра» закрылась?

— Знаю. Очень жаль. До свидания.

Джума Хан вышел.

По кабинету маревом поплыла тишина.

— «Серая дыра» заросла, однако хлопот не убавилось,— нарушила молчание комиссар отдела, словно говорила сама с собой.— А главное, что остались нерешенными не только научные, но и социальные, внешние и внутренние, проблемы. Шаламов не найден. Лондон в том же положении, что и Шаламов. Мальгин тоже под подозрением. Контакт с маатанами не установлен и теперь вряд ли когда будет установлен. Орилоух остается загадкой, причем загадкой довольно опасной...

— Будет вам, Власта,— негромко сказал Ландсберг.— Вы не все перечисленные проблемы несете на своих плечах, с вами работает и Даль-разведка, и погранслужба, и ксенологи, и социоэтики, и мы. Но я вас понял: требуется наше разрешение на какие-то рискованные действия?

Боянова отодвинулась.

— Иногда мне кажется, что вы интрасенс, Казимир. Да, мне нужно добиться согласия СЭКОНа на рейды к Маату, Орилоуху и в Сферу Дайсона.

— Если бы с подобным заявлением в комиссию обратилась Даль-разведка, я бы не удивился. Но что делать службе безопасности на этих планетах и объектах?

Боянова включила проектор, и перед сидящими открылась сияющая бездна, на фоне которой висел желто-лиловый шарик планеты. Если приглядеться, можно было увидеть, что светлый, с перламутровыми переливами, фон изображения состоит из мириад зерен, испускающих нежное сияние.

— Сфера Дайсона изнутри,— пояснила Боянова.— Как вы уже знаете, и Маат, и Орилоух являются искусственно созданными мирами и населены странными расами существ, которых трудно назвать разумными, да и вообще живыми. Имеется множество классификаций разумной жизни, но все они сходятся в определении небиологических цивилизаций. Так вот, жизнь обеих планет относится именно к этому типу, и, хотим мы этого или не хотим, опасны с ней контакты или нет, выяснять нам. К тому же от Даль-разведки поступил запрос на определение степени риска при непосредственном, прямом изучении этих объектов. Кстати, по заявлениям ксенологов, наблюдающих за ними, Маат практически пуст, «черные люди» покинули его, спеша уйти в «серую дыру», а Орилоух намного снизил трансформационную активность.

— Это не довод, вернее, не самый сильный аргумент. Ваш запрос официален?

— Вполне. Весь интенсионал по данной проблеме готов уйти в ваш банк по первому требованию.

— Хорошо.— Ландсберг встал, поклонился.— Комиссия сообщит вам свое решение не позднее, чем через три дня. Вы согласны подождать?

* * *

Комнату заливал интенсивный синий свет, так что казалось, будто находишься под водной толщей в метр толщиной. Все остальные цвета выцвели, и предметы в комнате выглядели плоскими и неузнаваемыми. А испускал синее сияние виом во всю стену, в центре которого с тяжеловесной на вид медлительностью вращался шар планеты.

«Нептун»,— подумал Железовский, отыскивая взглядом хозяина.

— Проходите,— раздался голос Ромашина,— размещайтесь.

Математик сел рядом.

На боку Нептуна выплыло овальное фиолетово-черное пятно, и Ромашин остановил кадр.

— Самое загадочное явление прошлых столетий — роторный циклон-эффект под названием Большое темное пятно. И как оказалось — самое заурядное явление для мощных турбулентных атмосфер.

— И все же в данном случае это явление не совсем обычно,— пророкотал Железовский.— Дело в том, что с вероятностью в шестьдесят пять процентов орилоун, извергнувший через своего собрата на Землю струю газа, сидит именно в центре Большого пятна.

Ромашин вскинул изумленные глаза.

Железовский едва заметно улыбнулся.

— Мне почему-то кажется, что вы разочарованы.

— Нет, но слишком уж тривиально решение. Единственный объект на лице планеты, сразу приковывающий внимание, оказывается и местом обитания орилоуна... А если ваш прогноз ошибочен?

— В таком случае орилоун может сидеть в любой точке на твердой поверхности Нептуна, искать его бессмысленно. Но с другой стороны, вы сами ответили на свой вопрос. Если для людей Большое пятно — интересный объект, почему же и для орилоунов ему не быть таковым? У меня вопрос иного плана: зачем вам этот орилоун?

— То есть как? — опешил Ромашин.— Разве я не говорил?

— Но ведь «серая дыра» закрылась.

— Ну и что? Сеть орилоунского метро сохранилась, а Шаламов не стал настолько «черным», чтобы вообще покинуть нашу Вселенную, как это сделали маатане. Он наверняка скитается сейчас по Галактике, а то и по другим галактикам, где сохранились живые орилоуны, и шанс найти его не исчез.

Железовский помолчал, рассматривая темное пятно на боку планеты — гигантский циклонический вихрь размером с Землю, сохраняющий форму вот уже несколько сот лет.

— Я не разделяю вашего оптимизма, но рассчитать варианты поведения Даниила невозможно, и ваше предположение тоже имеет

право на существование. Кстати, вы знаете, почему закрылась «серая дыра»? Вернее, почему закрылась так рано? По моим подсчетам, она просто не выдержала экологической нагрузки с нашей стороны. До появления в Горловине людей процесс зарастания шел медленно, «дыра» могла продержаться еще несколько тысяч лет, но потом...

— Я понял. Что ж, экологическая инспекция не всегда способна вовремя оценить опасность человеческого любопытства. Значит, большое темное пятно? Насколько я осведомлен, в этот район Нептуна сбрасывался уже не один десант, поэтому я не первопроходец, а идти следом всегда легче. Пойдете со мной?

— Пойду. Если докажете СЕКОНу целесообразность рейда. Но все же давайте подождем полной реабилитации Мальгина, он уточнит мой расчет.

— Операция прошла успешно?

— Более чем. В нем проклюнулся интрасенс, что послужит дополнительной гарантией против проявления синдрома «черного человека». Клим уже начал потихоньку разбираться в себе, входить во вкус, а главное, научился контролировать состояние инсайта [1], связанное с «черными кладами».

— Силен мужик! — сказал Ромашин искренне.— Вы с ним непременно подружитесь.

— Уже.

— Ну и славно. Втроем мы справимся.

— Еще один неприятный вопрос можно?

— Валяй.

— Что, если мы не найдем Шаламова? Я имею в виду — здесь... дома, в нашем галактическом домене.

— Есть одна идейка...— нехотя проговорил Ромашин.— Может быть, это заумь... конкретно с ней возиться недосуг, да и специалисты нужны классные. Позже я поделюсь ею. Итак, готовим бросок на дно Нептуна?

Синий мир планеты с исполинским зрачком Большого темного пятна стал приближаться, пока весь объем виома не заняла непроницаемая черная мгла, скрывающая за собой не одну тайну планеты.

8

Золотой луч утреннего солнца проник в комнату и остановился на щеке. Мальгин проснулся, некоторое время лежал с закрытыми глазами, ловя кожей ласковое тепло, потом рывком встал и распахнул окно.

Несмотря на бабье лето, температура воздуха в утренние часы

---

[1] Инсайт — состояние озарения.

на широте Смоленска и Брянска не превышала десяти градусов тепла, но Мальгин не боялся даже сорокаградусного мороза. Чистый прохладный воздух, напоенный тысячью запахов: от грибных до поздно цветущих трав и цветов, хлынул в легкие и мгновенно очистил голову от остатков сна.

Отец возился в саду с другой стороны дома. Мальгин видел его внутренним зрением сквозь кустарник, стену и деревья. Клим позвал его мысленно, уловил ответное удивление и удовлетворенно засмеялся. Все шло нормально, хотелось жить, двигаться, бороться с опасностью и творить чудеса. Последствия уроков Железовского сказывались каждый день, и были они в большинстве случаев приятными, но все же открывающиеся горизонты безоблачными не казались. Культ хандры Мальгин разрушил, привел в систему кое-какие свои внутренние проблемы, но с раздвоенностью в душе справиться пока не мог. Главный узел проблем, связанный с именами Купавы, Карой, Шаламова, не решался. Ни математически, ни логически, ни эмоционально.

Мальгин бесшумно спрыгнул в сад, обежал стороной огород с хозблоком, миновал озеро и по тропинке припустил в лес, через поле, через высохшее, пружинящее под ногами болото, оставляя в стороне еще один коттедж хутора и далекие многоквартирные высотные «сотовые» дома окраины Жуковки. На этот раз он пробежал километров десять, не чувствуя усталости и головной боли, сопровождавшей иногда пробуждение. Едва не налетел на палаточный лагерь нихилей — потомков хиппи в десятом колене, перепугал какого-то грибника, подумав, что напугал бы того еще больше, если бы не отрастил волосы. Добежал до родника, напился с колен и повернул обратно.

Отец все еще бродил по саду, что-то окапывал, заботливо убирал садовый мусор, готовил мудреный инвентарь к зиме. Мальгин понаблюдал за ним исподтишка, потом начал делать зарядку — комплекс ши-кай. Отец нашел его в тот момент, когда он делал стойку на локтях: обошел кругом, похмыкал, хлопнул по животу. Клим упал на спину и расслабился, улыбаясь.

— Когда-нибудь сломаешь себе шею,— проворчал Мальгин-старший с внешним неодобрением.

— Не сломаю.— Клим сплел ноги, обхватил их руками и в образовавшееся кольцо просунул голову.— Как ты думаешь, какое количество поз может принять человек?

Отец задумался, погладил подбородок, пожал плечами.

— Ну, двадцать... может быть, тридцать. Нет?

— Шива демонстрировал восемьдесят четыре тысячи поз, направленных на поддержание здоровья и достижение высшей степени сознания. Насчет высшей степени ничего сказать не могу, видимо, для меня это пока недостижимо, однако я могу продемонстрировать

около десяти тысяч поз. Остальные семьдесят тысяч тоже реализовать было бы несложно, но для этого необходимо время, а его-то мне как раз и не хватает.

Мальгин включил свое новое чувство видения комплекса биополей, излучаемых человеком, одно из многих в сфере гиперчувств, и отец, в некоторой растерянности почесывающий затылок, разделился на три полупрозрачные, входящие одна в другую фигуры.

Внутреннее видение позволяло теперь хирургу видеть ауру собеседника — его биоизлучение, пси-поле и набор испарений — зримо разделять черты характера, почти свободно оценивать его душу. Каждый человек как бы разделялся на несколько «призраков» разного цвета: чем сложнее был внутренний мир человека, тем больше «призраков» в нем умещалось. Негативные стороны характера окрашивали фантом во все оттенки фиолетового, коричневого и в черный цвет, положительные черты вызывали к жизни голубые, розовые и золотистые тона, переходные формы типа ум-хитрость добавляли зеленых и синих тонов, и лишь равнодушие всегда вызывало ощущение сырости и окрашивало «двойника» в серый цвет.

«Призраки» отца были текучи, почти прозрачны и отбрасывали оранжевые, розовые, голубые и золотые блики. Внутри одной из фигур клубился сизо-синий туман, и Мальгин знал, что это такое: потускневшая, но неизбывная тоска по жене.

— Все! — Клим «развязался» и вскочил.— Побежали в душ.

— Я уже купался. Будешь готов — кликнешь, позавтракаем и покалякаем.

На завтрак отец приготовил салат из овощей, жареные грибы, мясо по-мушкетерски и топленое молоко.

Поговорили о видах на урожай на будущий год, о соседях, о родственниках, зовущих погостить. Отец с неодобрением отозвался о таборе нихилей, на что Мальгин возразил: раз общество имеет возможность терпеть подобные неформальные структуры и содержать их, дав прожиточный минимум, то какие могут быть претензии? Другое дело — формирование в молодежной среде групп социально опасных, типа дилайтменов, любников, хочушников с их культом абсолютного лидера, «клубов острых ощущений» или «эскадронов жизни».

Отец не стал углубляться в теорию минимально необходимой морали и сетовать на сложность взаимоотношений в мире, просто он пытался создать сыну атмосферу нормального нерасслабляющего отдыха, и Клим только улыбался в душе, видя потуги старика отвлечь его от горьких дум.

— Досыть,— сказал Мальгин, погладив живот, в ответ на попытку отца налить еще стакан молока. Эксперимент открыл канал родовой памяти, и на ум постоянно приходили странные, ласковые, пахнущие дымом костра и парным молоком древнерусские слова.

Многие из них обозначали понятия, давно ушедшие из жизни, многие утратили значение и смысл, но не утратили запаха старины и ласкали гортань, как глоток хрустально чистой родниковой воды.

Отца все время подмывало спросить сына про Купаву, но он продержался целых три дня, пока все же не спросил. Мальгин вспомнил ее компанию, и душа снова наполнилась горечью бессилия: Купава плохо разбиралась в людях, и среди ее приятелей нередко встречались эгоисты, сластолюбцы и «сильные личности» вроде Марселя Гзаронваля. Интересно, Вильям Шуман из их числа или он «чистый» наслаждарь? Впрочем, какое это имеет значение?

— Все в порядке, па,— ответил Клим.— У нее не все хорошо, но никаких осложнений. Дарья у мамы, я ее навещал... Купаву то есть. Что будет дальше, не знаю.

— Ты не пробовал вернуть ее?

— Как? — слабо улыбнулся Мальгин.— К тому же не все ясно с Шаламовым. Если он жив, есть надежда вернуть ему человеческое «я». И это меня останавливает в первую очередь. Нет, па, возврата к прошлому нет, ты же понимаешь.

— Что ж ты так всю жизнь бобылем и проживешь?

Клим засмеялся, перегнулся через стол, облапил старика.

— Ты же вот живешь, и ничего. Бог не мужик: бабу отымет, девку даст. Подожди немного, все образуется.

— Хочешь, заварю тебе туман-травы? На сердце легче станет.

— Как говорили латиняне: «Amor non est medicabilis herbis.— Любовь травами не лечится». Па, мне ли этого не знать? Нужна более мощная фармакопея. Ну все, я убежал, буду к обеду, причем, возможно, не один.

И Мальгин, переодевшись в спортивный костюм, поспешил из дома, не отвечая на пытливые взоры родителя.

Обычно он забирался в самые глухие уголки леса, подальше от людских глаз, и тренировал тело, новые органы чувств до тех пор, пока не приходила усталость. Старика после его возвращений в первое время изумлял аппетит сына, но потом Мальгин-старший привык и готовил на четверых, сам, не доверяя кухне. Кулинаром он был отменным.

На этот раз Мальгин решил впервые «копнуть» один из «черных кладов», считая, что достаточно подготовил себя к открытиям, да и время не ждало: положение Майкла Лондона оставалось сложным, а его поведение в случае повторения синдрома «черного человека» никто предсказать не мог.

Ориентировался в лесу Клим свободно, ни облачные покровы, ни ночь, ни непогода не мешали ему точно знать свое местонахождение. Выбрав густую еловую поросль, в которой его трудно было обнаружить даже вблизи, Клим присел на ствол упавшей от старости ели и привычно сосредоточился на перцепции — способности вос-

принимать положение своего тела в пространстве. Пришло ощущение впаянности в мир. Подумалось, что такое ощущение могло быть у муравья, попавшего в смолу. В округе в пределах нескольких километров не было ни одной живой души, не считая птиц, белок и мелких грызунов. Поймав отголоски чьих-то радио- и видеопередач, Мальгин удовлетворенно улыбнулся и, закрыв глаза, сказал сам себе:

— Давай-ка поработаем в гиперохвате, шарабан...

Алый свет хлынул отовсюду в глазные яблоки, затопил все вокруг. Черные тени замелькали, зашевелились в этой алой бездне, словно горел костер наоборот. Кавалькада призраков проскакала сквозь голову, и еще не утих топот копыт их лошадей, как где-то внутри ставшей огромной, как гора, головы, проросли удивительные геометрические структуры — не то леса, не то города, не то цветы...

Мозг человека на бессознательном уровне способен обрабатывать около миллиарда бит информации в секунду, на сознательном — всего сто, но, несмотря на то что Клим мог работать на уровне сознания в двадцать—сорок раз быстрее, удержать хлынувший из «черного клада» поток сведений он не сумел.

Алый свет в глазах очень быстро зарос черной паутиной, потускнел и померк. Фиолетовые сумерки заполнили мозг, стушевали появившиеся было проблески понимания того, что прошло понятийный отбор. В глазные яблоки вонзились горячие иглы боли; боль от этих уколов волной распространилась по голове, телу, достигла кончиков пальцев, легких и сердца. Затем наступила полная темнота...

Где-то далеко-далеко на краю вселенной горел в ночи костер, плясали языки пламени, было тепло, не дымно, уютно, и кто-то ждал его у костра, вглядываясь в темноту и прижав руки к груди.

— Купава,— прошептал Мальгин в три приема.

— Непава... непава... непава...— вернулось шепчущее эхо.

— Ка-рой?..

— Нерой... нерой... нерой...

— Кто.. ты?

И тогда донесся тягучий, басистый и тонкий одновременно, вибрирующий, с бархатистыми раскатами голос:

— Я память твоя...

— Паять... паять... паять...— послушно повторило эхо.

Он стоял на холме бесплотным привидением, не отбрасывающим тени, а по дороге, обегающей холм, пыльной, протоптанной сотнями ног, шел отряд ратников в калантырях, бармицах [1], кольчужных штанах, со щитами через спину, с островерхими шлемами. Воору-

---

[1] Калантырь — доспех из крупных металлических пластин; бармица — кольчатые доспехи на плечи, грудь и лопатки.

жены ратники были мечами, копьями, луками и боевыми цепами, и вел их воин в блистающих доспехах, с непокрытой головой, обритой наголо,— только на правой стороне виднелся длинный локон. Он был среднего роста, но широкоплеч, строен, в одном ухе сверкала золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином, а на лице с длинными усами поражали глаза: чисто-голубые, пронзительные, полные суровой решимости.

— Святослав! — гулко проговорила память.— Идет на Итиль. В его дружине — твой прапредок Мал...

Холм исчез. Из серой мглы проступили очертания старинной крепости, стены которой пестрели выбоинами, дырами, были закопчены и дымились. Но крепость еще не пала, ряды ее защитников строго, молча ждали атаки.

— Рязань,— звонко, колокольно отозвалось в голове.— Твой прапрадед Лука защищал ее всю жизнь.

Исчезла и крепость. Прошли перед мысленным взором Мальгина дружины Владимира Мономаха и Дмитрия Донского, полки Ивана III и Грозного, Петра Великого, Суворова, Кутузова, отряды солдат гражданской и Великой Отечественной войн, и шли за их спинами Правда, Честь, Любовь и Вера, и в каждом из отрядов находились предки хирурга: Михайла, Борислав, Егорий, Мальга...

Очнулся Клим от холодного прикосновения к руке. Из-под еловой лапы выглядывал ёж и тыкался изредка носом в ладонь, словно пытался разбудить человека от его странного сна.

— Спасибо за заботу,— прошептал Мальгин, поднимая лицо.— Я в порядке.

Он лежал на боку вдоль ствола ели. Сел. Ежик исчез, прошуршав по толстой шубе из упавших еловых и сосновых иголок.

Клим прислушался к себе и понял, что его попытка прочитать хотя бы малую часть записанного мозгом «темного знания» удалась: в памяти медленно проявилась запись Шаламовского «запасника», объясняющая историю появления «черных людей» на Маате. В записи было много лакун, пропусков, белых пятен, непонятных шумовых мест, и все же это была победа. Можно было продолжать процесс чтения чужой информации, прошедшей психологический отсев Шаламова и собственного подсознания, без риска глубоких шоковых состояний, ибо Мальгин нашел «громоотвод» — родовую память. Любой неконтролируемый разряд «черного клада» вызывал отключение мозга и уход его хозяина в глубины родовой памяти, помогающей быстрее адаптироваться и приходить в себя.

Хирург не выдержал, прокричал по-ястребиному и прыгнул в близкий ручей прямо в костюме. Напившись чистой воды, выбрался из ручья и разогрел кожу до пятидесяти градусов, чтобы побыстрей обсохнуть. Затем выбрал направление и, паря, как горячий камень, облитый водой, через полчаса выбежал к сторожке лесовода,

откуда он мог позвонить в любую точку земного шара. Здесь и нашел его Заремба, прибывший по вызову из Спасска, где по просьбе Клима жил у какой-то родственницы с комплектом медицинской аппаратуры — для негласного обследования Мальгина.

Молодой хирург был возбужден и не скрывал этого. Опутав Клима датчиками, он записал параметры его жизнедеятельности на кристалл и принялся жадно расспрашивать подопытного, что он чувствует, смог ли расшевелить память и что вспомнил конкретно. Удовлетворить его любопытство было практически невозможно, и Мальгину пришлось умерить ненасытную жажду коллеги: остановись, я от тебя устаю больше, чем от всего остального населения.

На этот раз Заремба не обиделся. Шумный, самоуверенный, искренне считавший себя талантливым исследователем и хирургом — что в общем-то соответствовало истине,— позволявший себе быть своим в любой аудитории, не стеснявшийся ни признанных авторитетов, ни мудрых старцев, ни бога, ни дьявола, он жил торопливо, весело и увлеченно, а увлекался он постоянно, и был счастлив, насколько мог быть счастлив человек с таким легким незлобивым характером. Иван был единственным, кто не разделялся на цветных фантомов биохарактерологического спектра, когда Мальгин включал свое инфравидение, он был прост, как летний ливень, хотя простота его была не следствием глупости, а следствием воспитания. Мальгин иногда ловил себя на том, что завидует Ивану, сам он не мог и дня прожить, не уходя в самоанализ, не мучаясь, не ища постоянно точку равновесия между «да» и «нет».

— Стобецкий просил позвонить,— сказал Заремба, доставая из сумки банку шипучки.— Хочешь? Земляничная.

Одет он был в загородный костюм в стиле «кантри», подчеркивающий в нем приверженца моды. Костюм был сделан из недавно созданного материала зиркорна, обладающего памятью формы. Хранить костюм можно было в виде небольшого рулончика с магнитной защелкой: стоило выключить защелку, и костюм мгновенно приобретал заданную форму. Уже и кокосы стали шить из зиркорна, хотя пока не для спецслужб.

— Я завтра выйду,— сказал Мальгин, костюм которого тоже был из зиркорна.— Ничего не изменилось?

Заремба покачал головой, ткнув пальцем в серьгу рации.

— Постоянная связь: все по-прежнему. У Лондона прогрессирующий синдром терминатора, то же, что было и у Шаламова, но в замедленном темпе. Качественный скачок трансформации может произойти не раньше, чем через месяц.

— Как бы не прозевать точку перелома. Не слишком ли мы самонадеянны? Гейне говорил, что каждый человек есть вселенная, которая с ним рождается и с ним умирает, а Шаламов и Лондон — это аж по две вселенные!

— И еще ты,— бросил Заремба с усмешкой.

На Мальгина вдруг накатило черное и злое, свет в глазах померк, и хотя он почти сразу же овладел собой, по лицу Ивана понял, что сохранить свои переживания внутри не смог.

— Извини. Я что-то сказал, нет?

— Ничего,— прыгающими губами выговорил побледневший Заремба.— Мне, наверное, показалось...

— Что? Говори!

— Честное слово, я не... понимаешь, из тебя словно зарычал... или выпрыгнул...

— Кто? Не тяни душу! Надо же мне знать, как управлять собой во время «черных затмений».

— Кажется, на меня прыгнул не то барс, не то леопард... пятнистый такой, с клыками... Жуть, честно говоря! Но ведь ты же не виноват, Клим? Оно сидит в тебе и ждет выхода... Ты же не хотел? Ничего, справимся.

— Ох и мастак ты успокаивать пациента,— улыбнулся Мальгин с трудом, чувствуя уходящую дрожь: он испугался не меньше Ивана, а заодно понял, что не все будет просто в его нынешней жизни, и кроме «тихих» знаний память хранит и «мины» чужих реакций на мир, неадекватных понятиям человеческой морали и нравственности. Успеть бы вовремя научиться подавлять эти реакции...

— Звонила Купава,— после недолгого молчания сказал Заремба. Он хотел что-то предложить Климу, но не решался.

— Вот как? — Мальгин постарался задавить поднявшееся было в душе волнение.— Что ей было нужно?

— Искала тебя. Одевается она, надо признаться, весьма экстравагантно, хотя и со вкусом. Видел бы ты ее серьги.

Мальгин наконец понял, что его мучило в последнее время, что он пытался вспомнить и не мог. В горле сразу пересохло, в голове опять словно лопнул сосудик боли.

— Что за серьги?!

— Они то появляются, то исчезают, то становятся огромными радужными шарами, то черными каплями, то начинают дымиться, то сверкают искрами. Я таких еще не видел! Ты что? — Иван все же уловил перемену в его настроении.

«Держи себя в руках,—приказал внутреннему «я» Мальгин, а вслух проговорил:— У меня, кажется, есть любопытная информация для Ромашина... и для отдела безопасности».

Заремба превратился в глаза и в слух.

— Где Ромашин, не знаешь? — продолжал задумчиво Клим, забавляясь реакцией Ивана и одновременно думая о своем.

— Он ушел с Железовским на Нептун, по-моему, хочет найти орилоун, через которого Шаламов смылся из Системы. Да скажешь ты, наконец, в чем дело?

— На Нептун?!— Мальгин не сразу справился с ошеломлением.— Искать орилоун? О, черт! Поехали.

— Куда?

— Надо успеть отговорить их от этого шага, орилоун на Нептуне давно и безнадежно мертв.

— Откуда ты?..

Мальгин, не слушая, увлек за собой хирурга и погнал такси-пинасс в Спасск, где располагалась ближайшая станция метро. «Отец не обидится,— подумал он мимолетно,— старик все понимает. Но, может, к ужину я и успею»...

— Ты что-то насчет Ромашина говорил,— напомнил быстро пришедший в себя Заремба.— Зачем он тебе нужен-то?

— Шаламов был здесь.

— Что?! Где здесь?

— На Земле. И, вероятно, у Купавы. Я был у нее... недавно и видел кое-что интересное. Серьги — подарок Даниила. Она прямо сказала мне, а я, телелюй, не понял, думал, это еще до его похода в Горловину. Почему же она не ушла с ним? — Мальгин пристально посмотрел на Ивана, не видя его.

— Разлюбила,— брякнул тот, шмыгнув носом.— А, может быть, он сам не захотел... или находится до сих пор на Земле, а? Почему бы и нет?

«Почему бы и нет?» — повторил про себя Мальгин, и ему показалось, что кто-то странно знакомый и одновременно чужой окликнул его из невероятной дали: белый всплеск на сером фоне... толчок в сердце... тихий звон лопнувшей струны...

Мистика дальнего зова, обманываешь ты или говоришь правду? Кто меня зовет? Купава? Карой? Даниил? Или просто напомнил о себе патруль памяти сердца?..

— Кто?! — беззвучно позвал Мальгин, пытаясь унять вспыхнувшую головную боль.

Никто не ответил.

Клим вздохнул, расслабляясь, искоса поглядел на раскрасневшуюся физиономию спутника: фантазия Ивана, видимо, работала вовсю.

— Что ты хотел мне предложить?

— Да ты понимаешь...— Заремба вдруг застеснялся.— Ради чистоты анализа надо бы тебе поносить на себе пару «филеров», хотя бы два-три дня.

— Только ради анализа? Не маскируй желания, я уже понял, к чему ты клонишь. Ты прав, надо записывать физиопараметры во время «выпрыгивания» из меня «барса». Это интересно не только тебе, да и мне поможет установить полный контроль над собой.

Заремба просиял.

На горизонте показалась бликующая вершина гигантской пирамиды — культурный центр Спасска, и такси спиралью ввинтилось в его зеркально-стеклянное нутро.

9

Нептун казался громадной черной бездной на фоне мелкого бисера Млечного Пути. Солнце пряталось за планетой, и сейчас она была повернута к наблюдателю «спиной», пряча в глубокой черноте ночи свои загадки и тайны.

Ромашин покосился на соседнее кокон-кресло, скрывающее в своем нутре Железовского. Тот с момента старта с Тритона не проронил ни слова.

В тесной рубке драккара располагались всего три кресла, третье занимал пилот аппарата, драйвер-прима Паат Хузангай. Драккар имел название «Индевор», а его инк носил имя Вояджер.

Поскольку драккар разрабатывался как корабль исследовательского десанта, он и оборудован был соответственно: кресла представляли собой автономные защитные комплексы с пси-управлением и энергетическим и материальным ресурсом, позволяющим его обитателям при появлении непредвиденных обстоятельств прожить около месяца. При необходимости шлюп мог взять на борт исследовательский отряд в количестве двадцати душ. Десантники в этом случае ждали своего часа в отсеке десанта, каждый в своем коконе ЗСК — защитном скафандровом комплексе, приспособленном к работе в любых экстремальных условиях. Скафандры эти мало чем напоминали человеческие фигуры, вернее, совсем не напоминали, и на жаргоне космонов их называли «заскоками». В настоящий момент на борту драккара, кроме Железовского, Ромашина и пилота, живых душ не было, вместо человеческого десанта аппарат был загружен роботами с широким спектром исследовательских операций.

— Такое впечатление, будто впереди абсолютная пустота,— проговорил Ромашин.— Даже вакуум вокруг так не воспринимается.

Железовский промолчал, а пилот хмыкнул и сказал:

— По-китайски пустота — кунщу, по-японски — ку:со или ку:ке, но лично мне нравится древнегреческое кенон. А вам?

— Не вижу разницы, хотя привык больше к обычному — вакуум.

Пилота нашел Железовский, буркнув, что это драйвер от бога. Ромашин не возражал. Он сразу понял, что Паат Хузангай тоже интрасенс, иначе инспектор погранслужбы на Тритоне не выпустил бы драккар в самостоятельный поиск. Правда, вовсе без сомнения уйти к Нептуну не удалось.

— Вы же не специалисты,— сказал озадаченный пограничник,

когда Ромашин и Железовский предстали пред его очами и выложили сертификат особых полномочий с требованием содействия по подготовке глубокого зондирования Нептуна.

— Мы хорошо изучили условия полета,— возразил Ромашин,— и в наши планы не входят ни стопроцентный риск, ни тем более самоубийство. Воспринимайте это как обычный исследовательский рейд с несколькими специфичными целями. Обещаем записать все, что увидим и услышим, и передать специалистам.

Пограничник был опытный работник, привыкший не удивляться самым неожиданным просьбам, знавший цену риску, поэтому он, ни слова не говоря, позвонил в Управление и, лишь получив согласование, предоставил гостям свободу маневра. Зато он лично проверил экипировку драккара и только потом дал добро на взлет, предупредив бригаду спасателей о новичках.

Ромашин мысленно оглянулся, и автомат послушно выдал ему обзор кормовой полусферы.

Драккар удалился от Тритона уже на пятьдесят с лишним тысяч километров, но и на этом расстоянии спутник Нептуна производил впечатление: округлая каменистая глыба диаметром в две тысячи километров, испещренная бороздами древних жидкоазотных потоков, кратерами, разломами, покрытая кружевной изморозью — словно пятнистой накипью розового и голубого цвета, и ледяной зеленоватой коростой, издали напоминающей лишайник. Азотная атмосфера планеты была неплотной, и сквозь нее хорошо различались обширные туманные плато и океаны жидкой грязи.

Город исследователей Тритона — Пайонир располагался в экваториальной области планеты, рядом с кальдерой огромного ледяного вулкана, испускающего «лаву» — ледяные потоки и похожего издали на цветок, но сам город был уже не виден.

Судя по тому, как мяч Тритона стал сжиматься и уходить вниз — драккар заметно ускорил движение, миновал один за другим три соседних спутника — Протей, Лариссу и Галатею, затем настал черед пылевых колец. Всего колец у Нептуна было пять, но сейчас видны были только три. Последним из видимых спутников промелькнула мимо Наяда, пятидесятикилометровый кусок камня с вкраплениями льда. Остальные три луны: Деспина, Таласса и Нереида — скрывались за горбом Нептуна.

В глаза брызнуло чистым синим светом: край «бездонной черной ямы» прямо по курсу обозначился размытой синей полуокружностью; Нептун поворачивался к шлюпу боком, освещенным солнцем.

В наушниках прошумел короткий прибой — это дал знать о себе немощный радиационный пояс планеты, имевшей по земным меркам незначительное магнитное поле. Затем прошумел второй прибой — человеческих голосов, многотональных сигналов и звоночков.

Это отреагировала на появление драккара служба наблюдения за пространством, проведя несколько мгновенных диалогов: с инком «Индевора», с погранслужбой и с координатором исследований системы Нептуна, а так как аппарат благодаря стараниям Ромашина был вписан в график резервных рабочих рейдов, возражений на дальнейшее движение драккара к Нептуну не последовало.

Ромашин вздохнул про себя с облегчением и расслабился: он мог не думать о цели полета еще добрых сорок минут.

Нептун был открыт немецким астрономом Галле в тысяча восемьсот сорок шестом году по расчетам, сделанным англичанином Адамсом и французом Леверье. Почти полтора столетия гигантская пухлая планета была сплошной загадкой для земных ученых, и лишь в августе тысяча девятьсот восемьдесят девятого года к ней подлетела межпланетная автоматическая станция «Вояджер-2», приоткрывшая наконец завесу тайны.

С тех пор к Нептуну было послано более двадцати экспедиций, а с введением в строй внутрисолнечной системы метро сама планета и ее спутники начали изучаться стационарно. К моменту старта «Индевора» с поверхности Тритона исследователи совершили более ста попыток достичь дна толстой атмосферы гигантской планеты, но лишь семь из них закончились успешно. Правда, многие ученые сомневались, что оно было достигнуто, потому что глубины погружений автоматических и управляемых людьми аппаратов были разными: от семи до десяти тысяч километров. Существовала еще одна гипотеза: что Нептун не имеет кристаллического твердого ядра, а представляет собой шар из жидкого и твердого водорода.

Драккар летел уже над полярным районом Нептуна, постепенно приближаясь к Большому темному пятну — гигантскому штормовому завихрению размером с земной шар. Синий цвет в рубке сгустился; казалось, аппарат движется в толще воды, освещенной сверху. Такой цвет объяснялся наличием в атмосфере планеты молекулярного метана. Появились легкие перистые облака из замерзшего метана, тени от которых были видны на глубинах до ста километров в нижних слоях газовой оболочки. Более темные струи и вихри, движущиеся со скоростью до семисот километров в час, обозначали мощные струйные течения в атмосфере гиганта, а волокна и завихрения всех оттенков голубого цвета — струи мелких ледяных кристаллов метано-водяной смеси — служили границей температурного перепада: выше лежала область с температурой минус двести двадцать градусов по Цельсию, ниже — с температурой минус сто девяносто. Где-то там, в синей бездне, на глубине двух тысяч километров лежала еще одна граница температурного перепада, ниже которой температура скачком возрастала до минус ста пятидесяти градусов. Эти границы, отделяющие слой от слоя, были и генераторами ветров, охватывающих всю планету.

Драккар, волоча за собой горошину тени, наплыл на край зловещего темно-фиолетового пятна, вблизи не такого четкого, как издали, но тем не менее пугающе геометричного, будто сделанного искусственно во взбаламученнй атмосфере Нептуна. С этой высоты верчение вихря уже становилось заметным, и Ромашин внезапно почувствовал волнение; не страх — возбуждение перед броском в неизвестность и трепет от мысли — какого масштаба явление им предстояло преодолеть.

— Интересно, черт возьми,— проговорил он,— почему Вершители выбрали местом установки орилоуна именно Нептун?

— Не только Нептун,— отозвался молчавший доселе Железовский.— Но и Землю, и, наверное, Марс, и Венеру, и другие планеты. Солнечная система — уникальное явление в Галактике, где жизнь могла появиться на любой из планет; я имею в виду разумную жизнь. Есть гипотеза, что орилоуны устанавливались везде, где м о г з а р о д и т ь с я разум. А так как система орилоунского метро создавалась не только для самих Вершителей, но и для «черных людей», а может, и еще для кого-то, кого мы не знаем, то на каждом объекте с орилоунскими Хранителями Пути должны сидеть и маатане. Кстати, вы знаете, что перед финальными событиями в «серой дыре» в Системе был замечен маатанский транспорт?

— Не шутите? — ответил озадаченный Ромашин.— Каким-то образом это событие прошло мимо меня.

— Он посетил Юпитер, Сатурн и Нептун.

— Наделал тут шуму,— рассмеялся пилот.— Разогнал зондовиков над этой дыркой,— Хузангай имел в виду Большое пятно,— нырнул в эпицентр, через два часа вынырнул обратно и ушел на «струну». Что он там делал — одному Богу известно.

Не только ему одному, подумал Ромашин и цокнул языком от пришедшего озарения.

— Аристарх, а ведь это косвенное подтверждение правильности вашего расчета!

— Знаю,— равнодушно сказал математик.

— Как вы думаете, зачем маатанам понадобился этот орилоун? Вернее, орилоуны в Солнечной системе?

— Скорее всего, они забрали отсюда последних наблюдателей. А это значит, что все посещенные орилоуны мертвы и не способны быть Хранителями Пути, то есть станциями метро.

— А это в свою очередь означает, что Шаламов ушел из Системы другим путем.

Железовский промолчал.

«Индевор» завис на грани света и тьмы, колеблясь, нырять ему в черноту или не нырять.

— Программа введена,— весело предупредил пилот.— Вы готовы? Начинаем спуск. Вы знаете, как прозвали этот район Неп-

туна? Биг блэк спот [1]. Но если у меня есть фарт, а он у меня имеется, пролезем!

— И все же мы должны проверить этот след,— пробормотал Ромашин, понимая, что довод неубедителен и идти вниз, на дно Большого темного пятна, где стоял где-то последний мертвый орилоун, нет смысла.

— Мне говорили про вас, что вы флибустьер, Игнат,— рассмеялся вдруг Железовский; гулкий бас его заполнил, казалось, весь драккар.— Неужто дрогнули? Шаламов мог уйти и отсюда, пробился же он сквозь мертвый орилоун на Землю, так что проверять след надо до конца. Ответьте только на один вопрос: истинная цель вашего поиска? Зачем вы ищете Даниила?

Ромашин не ждал такого вопроса и ответил не сразу.

— Я ищу Шаламова с надеждой на его... возвращение. Я в долгу перед ним, и совесть моя неспокойна. Его надо вернуть и вылечить.

— Вы верите, что он излечим?

— Пожалуй... больше да, чем нет. А еще я верю Мальгину. Он единственный, кто поможет Даниилу вернуть человеческое «я».

Железовский хмыкнул.

— Мальгин? Что ж, может быть. Но у меня другое предложение: что, если попросить самих Вершителей вылечить Шаламова? А заодно и Лондона.

Ромашин не сразу нашелся, что ответить, он был огорошен.

— Ну, вы и авантюрист! — проговорил он наконец.— Похлеще меня! Представляете, какая это задача?

— Мало того, я рассчитал варианты их поиска. Вернемся, обсудим.

И вновь Ромашин не нашелся, что сказать, пораженный смелостью, даром предвидения и раскованностью мышления молодого математика. Старею, подумал он с грустью. Раньше мне такая идея пришла бы первому. Ай да Аристарх! До чего же приятна твоя лапидарность.

— Я жду, коллеги,— нетерпеливо окликнул пассажиров Хузангай.— Вы что, не видите, как мустанг бьет копытом землю?

— Только довези нас обратно,— пробасил насмешливо Железовский явно для поддержки Ромашина. Он был молод и совсем скрывать чувства еще не научился.

— Или я не специалист по выживанию? — так же насмешливо воскликнул пилот.— Что-нибудь довезу.

Ромашин улыбнулся, подумал: «Довелось бы вам побывать в переделках, в каких побывал я!» — и сказал негромко:

— Что сделано, то свято. Вперед!

---

[1] Black spot — черное место *(англ.)*; участок дороги, на котором часты аварии и катастрофы.

* * *

Оставляя за собой цепочку маяков, гарантирующих прием и передачу аварийного сигнала на базу, «Индевор» углубился в недра атмосферы Нептуна точно по оси Большого темного пятна, в зону «глаза тайфуна», где должен был царить штиль. Правда, штилем погодные условия в этом «глазе» назвать можно было лишь по нептунианским масштабам, а не по земным.

Громадную область центра Большого пятна размером с земной материк то и дело сотрясали перепады давления и микропередвижки оси; микро — опять же по нептунианским меркам, на самом же деле ось «гуляла» и «кланялась» с амплитудой в сотни километров, и гром ударов от этих подвижек носился по «глазу тайфуна», как грохот невиданного сражения.

Драккар опустился уже на глубину более семи тысяч километров, но его локаторы все еще не достали дна — твердой поверхности планеты. Защита машины пока справлялась с выпадами стихии, рост давления и температуры был ей нипочем, а энергетические возможности обеспечивали свободу маневра, и все же пружина внешних воздействий все сжималась и сжималась и вскоре достигла предельных значений нагрузки на корпус.

— Давление двести тысяч атмосфер,— доложил экипажу Вояджер; в голосе инка отчетливо слышалась озабоченность.— Температура минус тридцать три.

— Резерв? — спросил Ромашин, вглядываясь в верчение серых пятен и черных струй вокруг драккара.

— До миллиона — по давлению, до трех тысяч плюс — по температуре.

— Тогда продолжаем спуск.

Пилот и Железовский промолчали: один работал в паре с инком, управляя полетом, второй предпочитал обходиться минимумом слов.

Драккар пронзил очередную атмопаузу — границу, отделяющую слой от слоя; Нептун, окутанный мощной слоистой атмосферой, напоминал русскую матрешку,— и попал в нисходящее воздушное течение. Удар вертикального воздушного потока был так силен, что инерционные гасители с трудом сохранили хрупкий человеческий груз от уничтожения. Затем начались болтанка, вибрация и бешеное вращение машины сразу вокруг трех осей. Ориентироваться в обстановке и до этого момента было трудно, а после и вовсе стало невозможно, во всяком случае Ромашин мгновенно потерял ориентацию и не знал, где верх, где низ, падают они или поднимаются. Но пилот недаром заслужил похвалу из уст Железовского, он знал свое дело досконально.

Уже через минуту вращение аппарата замедлилось, прекрати-

лась болтанка, появилось ощущение движения, а не сверхскоростного маневрирования. Внизу, куда падал шлюп, протаяла нежно-голубая дыра, словно сквозь тучи выглянул уголок чистого земного неба.

— Глубина погружения восемь триста,— доложил Вояджер.— Давление семьсот тысяч, температура плюс десять. Вижу твердое дно, расстояние колеблется от тысячи до двух тысяч сорока. По-видимому, это гигантская гора... или конус вулкана, уточню чуть позже.

Но гора и в самом деле оказалась вулканом с кратером, в котором свободно уместились бы земные Памир и Гималаи! Вокруг этого вулкана и крутился устойчивый на протяжении многих сотен лет тайфун Большое темное пятно.

Последнюю тысячу километров до дна кратера «Индевор» преодолел без труда, собственно над кратером действительно царил почти полный штиль. Но промахнись драккар на сто километров в любую сторону — он был бы тут же выброшен в вихревую зону тайфуна, начинавшуюся над склонами вулкана, состоящего из твердого водорода.

Земные ученые давно разгадали тайну тайфуна: вихрь водородно-гелиевой атмосферы был рожден выдавленным из недр нептунианского ядра «фурункулом» из кристаллически твердого водорода, со склонов которого били гигантские фонтаны молекулярного водорода. Конус вулкана вырос до высоты в тысячу километров, а дальше наступило равновесие: испарялось ровно столько водорода, насколько успевала выдавливаться твердая водородная «магма», и процесс испарения, вернее, фазового превращения твердого водорода в газообразный, поддерживал вихрь тайфуна. Ромашин, как и его спутники, знал механизм работы Большого темного пятна, но вблизи видел его впервые. Зрелище впечатляло.

— Жуть! — искренне сказал он.— Наверное, это самый большой вулкан в Системе, хотя и весьма странный. Почему не дымит центральный кратер?

— В кратере — озеро жидкого водорода,— отозвался инк.— Но это не самый большой вулкан Системы, на Юпитере в центре Большого красного пятна — явления полностью идентичны — вулкан на тысячу километров выше и втрое шире.

— Послушайте-ка,— предложил пилот, включая внешние звукоприемники.

Волны гула, басовитые вибрирующие отголоски, взвизги и густой рокот заполнили рубку драккара. Гигантские силы рождали и соответствующие стихии звуки, человеку здесь нечего было делать. Пилот подождал немного и убрал громкость. «Индевор» продолжал опускаться в кратер, заполненный жидким, как ртуть, голубым свечением. Когда до поверхности этого колоссального озера, по которому ходили волны, собираясь в удивительные интерферен-

ционные картины, оставалось около сотни километров, пилот остановил шлюп.

— Ну, и где же ваш орилоун, коллеги?— В поле зрения только океан водорода и свистопляска газовых и пылевых струй вокруг.

— Может быть, на дне озера? — предположил Ромашин.

— Глубина этого озера около полутора сотен километров, нырять туда я не стану.

— Нет, он должен находиться где-то на уровне испарения,— возразил Железовский,— иначе из орилоуна на Земле ударил бы фонтан жидкого водорода, а не газообразного.

— Плюс аммиак, плюс метан, гелий, инертные газы и силикатная пыль.

— Но орилоуны обычно устанавливались на твердых грунтах, а не подвешивались в атмосфере. Может, его забрал маатанский транспорт?

— Тогда прекратился бы и поток газа на Землю.

— Мистика какая-то! Или... вполне вероятно, что мы ошиблись в расчетах и орилоун стоит в другом месте.

— Вы хотели сказать — я ошибся,— ровным голосом произнес математик.— Допускаю, хотя и не верю. И все же давайте поищем его в пределах кратера, больше ему быть негде, на склонах вулкана он стоять не может, слишком огромные силы высвобождаются там.

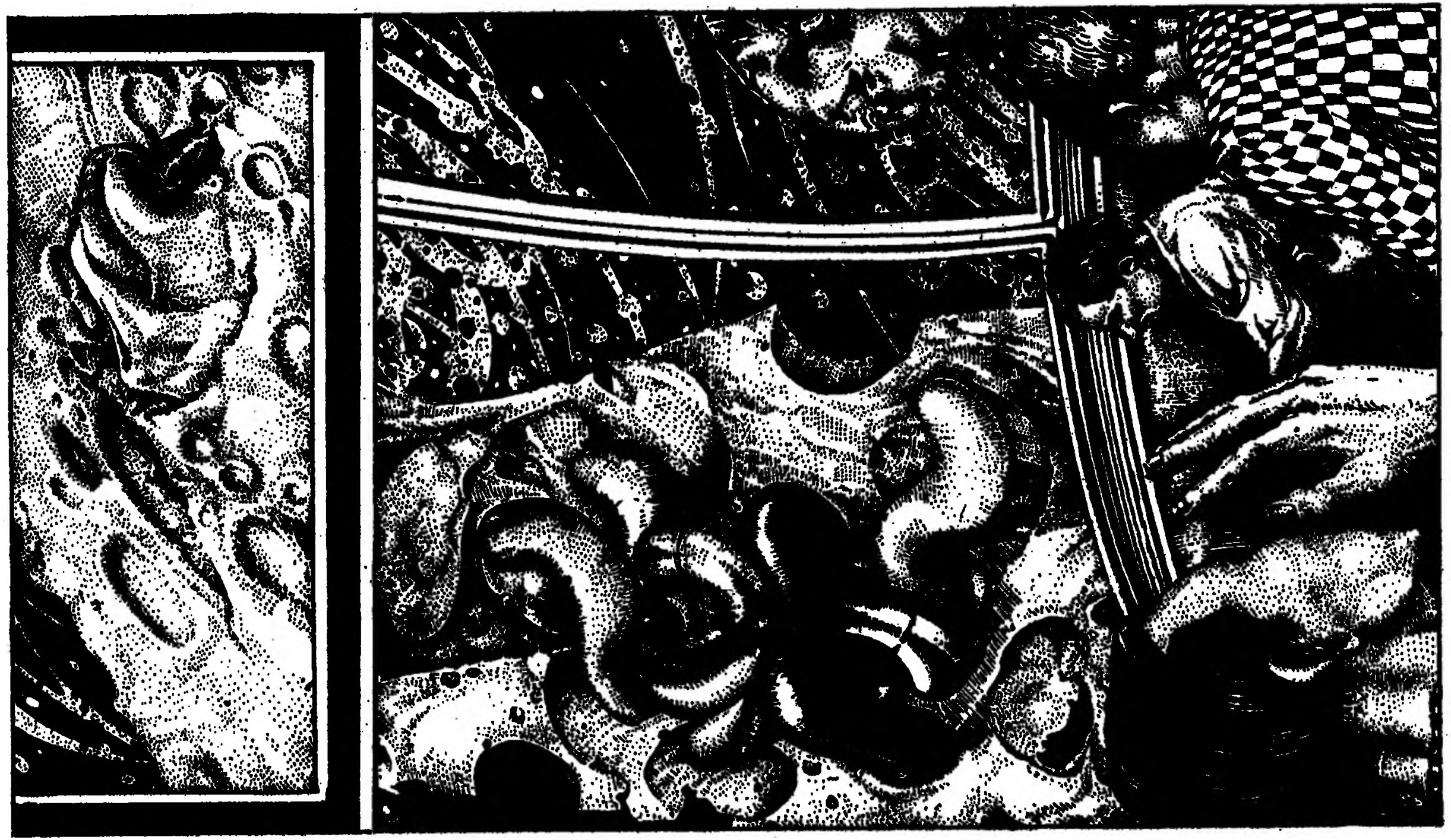
Пилот молча тронул шлюп с места. До тех пор, пока позволяли запасы энергии, он в действия пассажиров вмешиваться не желал.

Они нашли орилоун, совершив семь витков по разворачивающейся спирали вокруг центра кратера, когда в их распоряжении оставались считанные минуты. Никто из них сначала даже не понял, что выросло перед видеокамерами из стены туманной голубизны. Это была странная кружевная тень, напоминающая паутину с толстыми узлами соединений. Однако «паутина» превратилась в десятикилометровую объемную конструкцию, похожую то ли на соты, то ли на крупнопористую каменную плиту. О «храме» речь не шла, орилоун давно превратился в скелет, да и освещение, не дающее теней, скрадывало его цвет, размеры и форму. И все же это был Хранитель Пути, выращенный на Нептуне Вершителями с неизвестной целью.

Люди разглядывали бы его долго, если бы не крик пилота:

— А это еще что такое?!

Из сияющей глубины под «Индевором» вытягивалось вверх какое-то длинное полупрозрачное и пушистое одновременно щупальце. Оценить его размеры сразу люди не смогли, но, когда оно уперлось в «плиту» орилоуна, сразу стало видно, что толщина щупальца превосходит размеры многих земных гор, а длина достигает двух сотен километров.

— Что это? — повторил пилот.

— По-моему, жизнь,— хладнокровно ответил Железовский.— Включи локацию на инфра, под нами стадо этих тварей.

В голубом мареве, скрывающем в себе и недалекий бушующий океан жидкого водорода, и дикую коловерть атмосферных струй за пределами чаши кратера, появились темные проталины, поляны, полыньи, соединились в клочковатую пелену и превратились в колоссального объема провал, в котором закопошились десятки багрово светящихся «червей». Это и в самом деле было стадо гигантских животных, самое маленькое из которых шутя могло проглотить драккар и не заметить этого.

«Червь», с любопытством обнюхавший орилоун, убрался обратно, не заметив земного кораблика, и все стадо ринулось куда-то в сторону шевелящегося хаоса у близкой стены кратера.

— Подъем! — опомнился пилот.— Ресурс на исходе.

— Не спеши, торопыга,— пробасил Железовский.— Подойди поближе к орилоуну, запустим в него хотя бы пару «черепах».

Хузангай ответил мгновенным рывком аппарата к орилоуну, закрывшему собой через минуту весь обзор. Две мигающих алым полусферы выпрыгнули перед глазами и унеслись в недра исполина, изъеденного кавернами и порами, как голова сыра.

— Вряд ли они вернутся,— буркнул пилот.

— Вернуться должна одна, вторая сработает как мина. Пора уже прекратить подачу газа отсюда на Землю. Кстати, это реальное обоснование нашего нырка на дно Нептуна. Оставь здесь на всякий случай еще и зонд-иглу, если «черепаха» вылезет — зонд передаст информацию наверх.

— Ну и левиафан! — выдохнул пилот.— Неужели эта штука живая?

— Была живая, остался скелет. Не делай круглые глаза, не удивился же ты тем «червям», а ведь они покрупнее орилоуна.

— Разница в содержании... вернее, в психологическом наполнении. «Черви» — просто живые существа, не более того, а ваш орилоун полон тайн... мертвых тайн!

В сотне километров от земной машины появилась темная масса, похожая на спрута, высветила два десятка «фонарей» и с низким ворчанием уползла в беснующийся мрак.

— Жизнь!— с восхищением сказал Хузангай.— Сколько до нас искали ее целенаправленно, а мы обнаружили случайно.

— Не там искали,— безучастно отозвался Железовский.— Скорее всего, на Нептуне она возможна только в таких котлах, как этот кратер. Миллионы лет назад кратеров было больше, но разум так и не появился, и теперь это последний очаг. Агония.

— Ты так уверенно говоришь, будто на тебя снизошло откровение.

Математик не ответил.

— Вот почему здесь были оставлены орилоун и «черный человек»,— задумчиво проговорил Ромашин.— Они ждали появления разума.

— Нас, наверное, уже ищут,— напомнил пилот,— а я не хочу терять реноме человека слова. Да и энергозапас на исходе. Как хотите, но я включаю подъем.

— Включай,— вздохнул Ромашин.

Назад они поднимались бесконечных девять с половиной часов, вынырнув из мути нептунианской атмосферы в десяти тысячах километров от центра Большого темного пятна.

10

На Тритоне их ожидал Мальгин.

Как ни устал Ромашин, он все же заметил быстрый перегляд Мальгина и Железовского — оба уже наладили пси-контакт и могли обмениваться кое-какой информацией без слов.

— Что произошло? — спросил Игнат, когда они возвращались из ангара среднетоннажного транспорта под купол жилого городка исследователей на Тритоне.

— Вы зря рисковали,— сказал Мальгин; выглядел он бодро, лишь в глазах пряталась грустинка.— Шаламов ушел из Системы другим путем.

— Мы это поняли, только опустившись в преисподнюю. Орилоун давно мертв, а переброс газовой смеси из атмосферы Нептуна на Землю можно объяснить «коротким замыканием» метро. Мы оставили там зонд с программой подрыва реактора, через пару дней орилоун взорвется, и его собрата на Земле можно будет изучать спокойно.

— Поздно.— Клим кивнул, оглядываясь на товарищей.— Что-то сработало там внутри, и он взорвался сам. Эффект неполного перехода на «струну». Зрелище было весьма впечатляющее. Представьте себе два тонких огненных выброса — вверх и вниз, первый достиг орбиты Луны, сбив по пути станцию орбитального лифта, модуль СПАС и две капсулы гидрометконтроля, а второй высверлил в тундре аккуратную дырку глубиной в двадцать два километра.

— Жертвы?

— К несчастью, есть, один человек, оператор лифта. Но я не из-за этого искал вас.

Пинасс вонзился в зеленый круг — окно финишного автомата в стене здания, где располагался координационный отдел Дальразведки в системе Нептуна, и через минуту лифт доставил всех троих в зал оперативного управления.

— Пойду разберусь,— сказал Железовский, кивая в сторону небольшой группы людей в синих и белых кокосах — руководство базы.— Через десять минут будем дома.

— Я с вами,— покачал головой Ромашин.— Заваривал кашу я, мне и отвечать.

Они подошли к ожидающим их людям, а Мальгин отошел к поясу кресел перед обзорным виомом, открывающим вид на скалистую равнину Тритона с островками тумана и жемчужно-палевый серп Нептуна над ней.

Железовский и Ромашин вернулись через четверть часа. Исчерпывающую информацию о полете в глубины атмосферы Нептуна уже выдал всем заинтересованным лицам инк десантного корабля, и речь шла только о мотивах поступка: все-таки без подготовки исследователи на подобные фортели, как выразился Игнат, не отваживались, да в этом и не было нужды.

— Сошло,— сказал Железовский в ответ на взгляд Мальгина.— Мы привезли много интересных записей, никто не в обиде, кроме спасателей, они были готовы ринуться вниз по первому зову.

Мальгин понимающе усмехнулся. Оглянувшись на виом с пейзажем Тритона, все трое поспешили к метро, даже не переодевшись, автоматически подчиняясь выбору Ромашина. И вышли из метро в Ржеве, где он жил. Молча добрались до его дома, приняли душ и уселись в гостиной с бокалами густого, как мед, напитка.

— Хмельной взвар,— сказал Ромашин.— Сорок трав плюс несколько капель рома.— Поднял взгляд на Мальгина.— Итак, зачем ты искал нас?

— Шаламов был на Земле. И, может быть, не один раз.

Двое, хотя и по разным причинам, но с виду не прореагировали на это сообщение, и Клим рассказал им о посещении Купавы и о тех вещах, что он увидел у нее дома.

Помолчали, прихлебывая дурманящий, терпкий, вкусный напиток.

— Ты уже пробовал открыть сейф? — Железовский имел в виду зоны памяти с маатанской информацией; в принципе он уже знал об этом, обменявшись с хирургом сведениями, и спрашивал для Ромашина.

— Пробовал,— ответил коротко Мальгин, не собираясь продолжать.

Ромашин понял его, но остался спокоен. У него был характер Атоса, героя многих романов Дюма, умеющего драться с обстоятельствами, думать, слушать, рисковать, любить и дружить, и это неизменно вызывало ответную симпатию всех тех, кто общался с бывшим начальником отдела безопасности.

— Значит, Шаламов знает вход в систему орилоунского метро, и этот вход находится где-то недалеко. Так? Где?

— В Системе нет живых орилоунов,— сказал Мальгин.— Но у меня родилась идея: мы, люди, тоже довольно понастроили станций метро по Галактике, и где-то наши системы пересеклись.

— Отличная идея,— показал большой палец Аристарх.— Пожалуй, я поработаю над ней, если не возражаете.

— Идея неплохая,— согласился Ромашин не без сожаления,— но вряд ли даже вам, Аристарх, математику безусловно талантливому, удастся отыскать узел пересечения, даже если он существует. Да и что это может быть? Станция метро? Сама «струна»? Особый район в космосе или на какой-то планете? Ведь это не Орилоух и не Маат, нет? Может быть, недавно открытая Сфера Дайсона?

— Я поработаю,— гулко пророкотал математик на таких низких регистрах, что по квартире прокатилось эхо, а бокалы отозвались тонким звоном.

— У меня другое предложение.— Ромашин поставил свой бокал на столик, остановил взгляд на Мальгине.— Помните, Клим? Вы отдали мне «значок», потерянный Шаламовым, в виде бокальчика, в котором сидит еще один, и еще, и так до бесконечности.

— Еще бы не помнить. Вы говорили, что это...

— «Обрывок» реликтовой «суперструны». Так оно и есть, ученые колдуют с ним и многое уже выяснили. Что, если попробовать вскрыть его? То есть открыть вход в «струну», создать Горловину вроде той, что заросла недавно в Щите?

— Как?— в один голос воскликнули Мальгин и Железовский. Бокал в руке последнего вдруг разлетелся на стеклянные брызги.

— А уж об этом подумайте вы,— усмехнулся Ромашин, с уважением глядя на кулак Аристарха.— Оба. Только не бейте посуду. Один — как математик, второй — как обладатель маатанских знаний. Хороша задачка?

— Вы гений, Игнат! — сквозь обычную флегму у Железовского прорвались восхищение и какой-то детский восторг, хотя он тут же умерил свой пыл и снова превратился в статую бога хладнокровия.

— Я знаю,— скромно потупил глаза Ромашин.

Мальгин от души рассмеялся. Здесь он был своим среди своих.

Посидев у эксперта еще с полчаса, хирург и математик распрощались с ним и пешком добрались до метро, когда окончательно стемнело. Железовский подал руку — она светилась в темноте, и свечение пульсировало в такт сердцу. Мальгин подал свою: его ладонь светилась тоже.

* * *

Зал заливали потоки света: палевого — пушисто-волокнистого шара Маата — и зеленовато-желтого от ослепительного диска 102

Щита, звезды, вокруг которой вращалась планета,— и поэтому люди в зале отбрасывали по две тени.

Станция «Эдип-2» никогда не подходила к Маату так близко, ни во времена первых контактерских экспедиций, ни позже, когда выяснилось, что «черные люди» не хотят говорить с землянами. Даже во время знаменитой операции отдела безопасности по захвату беглого спейсера с Шаламовым на борту «Эдип-2» не рискнула подойти к Маату ближе, чем на миллион километров. Теперь же, после повального бегства «черных людей» в «серую дыру», Маат практически «обезлюдел», и начальник станции отважился приблизиться, переведя ее на круговую орбиту с высотой в четыреста километров, тем более что служба безопасности сама была заинтересована в этом шаге.

— Как Мальгин? — негромко спросила Боянова, по тонкому сосредоточенному лицу которой бродили тени размышлений. Вызванный ею инспектор криминального розыска Столбов стоял чуть сзади и не спешил с докладом.

— Пока нормально,— ответил он наконец, помолчав.— Клим сам вполне успешно справляется с «миной» в голове, да и помощники у него отменные. Сегодня выяснилось, что он выдвинул версию неоднократного посещения Шаламовым Земли уже после его второго бегства.

— Версия имеет основания?

— Косвенные. Мальгин был у своей бывшей жены, Купавы, и видел у нее предметы с необычными свойствами, ну и предположил, что их мог оставить только беглый Шаламов.

— Что за предметы? — заинтересовалась Боянова, отводя взгляд от глыбы Маата, за облачным покровом которого исчезли три «пакмака» с обоймами риска.

— Достоверно известны только два из них: «исчезающий голыш» и неуловимая «магическая сфера». «Голыш» представляет собой плоский диск с закругленными краями диаметром в шесть и толщиной в один сантиметр из зернистого серо-черного и одновременно прозрачного материала, очень тяжелого, тяжелее свинца. На одной стороне «голыша» мигает — разгорается, пускает кольцо света и гаснет — огонек. Если «голыш» лежит стороной с огоньком вверх, его можно пощупать, взвесить, подбросить, уронить, но стоит диск перевернуть другой стороной вверх — он исчезает. И появляется огоньком вверх через несколько минут на том же месте.

Боянова прищурила глаз, но ничего не сказала, выслушивая донесение координатора экспедиции по пси-связи.

— Похоже на занятную игрушку, но кто знает... «Магическая сфера» — это действительно сфера размером с человеческую голову из чего-то, что напоминает чуть-чуть опалесцирующий туман. Никакой твердой оболочкой этот туман не ограничен, сферу очень

трудно взять в руки, она неуловимая и скользкая, но когда это удается, ее можно переставить с места на место, потому что она ничего не весит, но можно и оставить висящей в воздухе. Внутри нее иногда появляются интересные картины: звездные россыпи, рисунок которых не поддается узнаванию, планетные системы или просто планеты, галактики, их скопления и даже чьи-то космические корабли.

— Чьи-то?

— Да, адресат их постройки неизвестен, корабли таких форм человечество не создавало и с разумными существами, сотворившими их, не контактировало.

— Может быть, это техника маатан? Или орилоунов?

Инспектор пожал плечами.

— Любопытно.— Комиссар безопасности была заинтригована.— Вещицы действительно представляют интерес. Купава показала их вам сама?

— Мне она в визите отказала, предметы описал Мальгин, намекнув, что их больше. Он спрашивал у Купавы, видела ли она Шаламова, и та ответила, что нет.

Боянова наморщила лоб.

— И все же это след, если, конечно, Мальгин не ошибается и эти предметы — не детские игрушки.

— Мы попробуем подойти к Купаве через комиссию морали и этики, думаю, ее инженерам она не откажет. Но я склонен верить оценке Мальгина, он интрасенс и способен отличить игрушку от объекта с нетривиальными свойствами.

— Не полагайтесь полностью на свои эмпатии, Мальгин может ошибаться, как и любой смертный, и не забывайте, что внутри у него сидит «черный человек», который когда-нибудь, образно говоря, попытается выйти.

Столбов промолчал.

Комиссар кивнула ему, отпуская, и подошла к небольшой группе людей, стоящих перед виомом, который показывал изображение с видеокамер ведущего «пакмака». Виом в настоящий момент был заполнен фиолетово-зеленой мутью с прожилками желтого свечения.

— Маат — вторая планета с атмосферой, у которой коэффициент непрерывного поглощения не зависит от частоты,— сказал крупноголовый, бородатый, но лысый толстяк, оглядываясь на Боянову.— Поэтому атмосфера на планете похожа на сплошное море дыма. Или тумана. Отклонение от нормы, не правда ли, комиссар?

— Правда,— сухо ответила Боянова. Герхард Маттер, ведущий ксенолог Института внеземных Культур, был прекрасным специалистом, но Власта его недолюбливала за апломб и неряшливость.

— Разделяюсь,— сообщил командир десанта.— Перехожу на инфрадиапазон.

На черном квадрате экрана базового локатора три белых пятнышка «пакмаков» разделились каждое на пять макаронин, а главный виом вдруг протаял в глубину, и люди увидели поверхность Маата с высоты в десять километров.

Угрюмая буро-сиреневая равнина с черными пятнами озер, зеленоватыми прожилками рек, малиновыми вершинами редких холмов была зажата с трех сторон горами с мерцающими неживым фиолетово-голубым светом вершинами, а с четвертой — справа по ходу движения — упиралась в город «черных людей».

— В радиусе пятисот горизонт чист,— сообщил инк-координатор десанта.— Ноль психозоя. Никаких потоков энергии, указывающих на прямую локацию машин, не отмечаю.

— Идем веером,— скупо доложил командир десанта.— В черте города источников энергии нет.

То, что люди называли маатанским городом, приблизилось: угрюмые, фиолетово-красные, усеянные черными дырами громады самых невероятных форм покрыли ровное и гладкое, как металлическое зеркало, поле. Высота зданий была примерно одинаковой и достигала сотни метров, а форма их подчинялась какому-то одному закону, но все же каждое здание имело индивидуальность, как имеет свою геометрию любое дерево в земном лесу.

— Такое впечатление, будто эти великаны — растения,— подал голос председатель СЭКОНа. Он, как и Боянова, находился в зале в качестве третьего «угла» квалитета ответственности; первым и вторым «углами» были Боянова и Маттер.

Комиссар покачала головой.

— Мне лично эти растения напоминают...

— Конечно, маатанские проникатели! — воскликнул Маттер.— Это наверняка родственники космических кораблей «черных людей». Вы это хотели сказать, Власта?

— Вы невероятно догадливы, Герхард,— сжала губы женщина.

Ксенолог понял иронию, но его это не задело.

— Не я, ребята на «Эдипе» подметили сходство давно. Кстати, «здания» города действительно выращены и действительно представляют собой готовый космический флот. Судя по их размерам, этому городу всего около тысячи лет. Есть города со зданиями высотой в пять-шесть метров, малыши, так сказать, а самые старые города высотой в три-пять километров имеют возраст в миллионы лет.

— Уже нет,— сказал кто-то из группы ученых.

— Что?

— Городов с таким возрастом уже нет — все «здания» сбежали с «черными людьми» в «серую дыру».

— Да-да, конечно, я просто привел пример. Этот город — один из самых молодых на Маате, до кондиций звездного флота ему еще

расти и расти. А его жители успели найти транспорт и удрать в «дыру», хотя должны были по идее еще долго накачивать себя энергией и информацией. Кстати, бегство в «серую дыру» указывает на их эвристическую ограниченность — консервы и есть консервы, пусть и наделенные интеллектом.

Один из десантных шлюпов опустился на блестящую площадь в окружении пяти зданий и выплюнул очередь разведчиков. Тотчас же ряд оперативных виомов переключился на передачи с видеокамер каждого. Боянова задержала взгляд на центральном виоме: здание напоминало увеличенные до гротеска сросшиеся вместе клубни картофеля. Разведчик подлетел к огромной многолучевой дыре входа и включил прожектор.

Луч высветил длинный коричнево-черный коридор с оплывшими, как стеариновая свеча, стенами. В них то и дело встречались глубокие ниши или более узкие проходы, уводящие в глухую черноту. Коридор сделал две петли, прогнулся вверх и вскоре вывел разведчика в небольшую пещеру с ворсистыми синими полом и потолком и перепончатыми стенами. Дальняя стена пещеры была гладкой и отливала серебром, как огромный экран, а напротив располагалось странное сооружение, похожее на гнездо аиста. Над «гнездом» из потолка свешивалось несколько кактусообразных выростов, налитых серым безжизненным свечением.

— Рубка управления,— сказал Маттер, словно был гидом экскурсии.— Наросты сверху — световоды, энерговоды и линии связи. «Гнездо» — кресло маатанина и его личный транспорт одновременно. А вот что такое «экран», мы не знаем, есть несколько гипотез на эту тему. Первая — локатор. Вторая — нечто вроде экрана связи с сородичами, но я лично придерживаюсь третьей: «экран» — это пеленгатор «сверхструн». Поясняю мысль.— Ксенолог быстро увлекался и уже не обращал внимания, слушают его или нет.— У «черных людей», как известно, нет глаз, подобных человеческим, как нет и любых иных. Друг друга они «видят» по всплескам магнитного поля и гравитационного излучения, общаются же в пси-диапазоне, так что ни о какой связи «по экрану» речь не идет, да и локаторы им не нужны, вернее, локаторы с выходом на экран. Зато известно, что они остро реагировали на появление природных «сверхструн», полагая, что это каналы их давних хозяев — Вершителей...

— Не очень-то убедительно,— проворчал кто-то из ученых станции, не выдержав.— У маатан была своеобразная религия, связанная со «сверхструнами», но делать выводы на этом факте...

— Успокойтесь, коллеги,— вмешалась Боянова.— Все это чрезвычайно интересно, спору нет, но всему свое время.

Разведчик поплутал по недрам маатанского здания-космолета и выбрался наружу, как и остальные его товарищи. Шлюп забрал их одного за другим и устремился в небо.

— Оставлю «пчел», пусть потрудятся, обыщут весь город,— донесся голос командира десанта.— Но «черных» здесь нет, мы бы обнаружили их сразу. Иду в экваториальный пояс, к старым городам, тройку Хубулавы направляю к полюсам. Эфир чист, все спокойно.

— Ну вот, а вы волновались,— обернулась к Ландсбергу Боянова.— Маат пуст, можно спокойно начинать его изучение контактным способом.

— Я и сейчас волнуюсь,— признался председатель СЭКОНа.— Вдруг мы чего-нибудь не учли?

— В обоймах десанта — рисконавты-профессионалы, за них можете не беспокоиться. Итак, остался Орилоух? — Комиссар отдела безопасности подозвала взглядом заместителя.— Алекс, вы останетесь здесь до тех пор, пока не убедитесь в полной безопасности будущего научного десанта. При малейшей угрозе отряду — уходите с планеты, бег не красен, но здоров. Орилоухом займусь я сама, если не возражаете.

Плотный кряжистый Шевчук погладил бородку и сказал только одно слово:

— Вдругорядь.

* * *

Орилоух казался не планетой, то есть сферой диаметром в четырнадцать тысяч километров, а кипенно-белым, с перламутровым отливом, облаком водяного пара. При более тщательном изучении его поверхности у наблюдателя появлялось убеждение, что вся планета покрыта льдом и снегом. Но на Орилоухе никогда не было ни льда, ни снега, ни водяного пара. «Ледяные айсберги» на самом деле были молодыми орилоунами, и ледяными они казались только с высоких орбит, а с расстояния в несколько километров «айсберги» превращались в удивительные архитектурные ансамбли, поражавшие воображение красотой плавных переходов геометрических фигур и создающие потрясающий эстетический эффект. Правда, молодыми эти орилоуны были относительно, возраст самого юного из них превышал несколько десятков тысяч лет, а старые орилоуны, скопления скелетов которых можно было узреть в полярных областях планеты, могли возрастом посоперничать с самим Орилоухом, насчитывающим шестимиллиарднолетнюю историю.

— Орилоуны тоже выращены?— спросила Боянова, закутанная кокон-креслом десантного драккара; она не командовала десантом, но осуществляла общее руководство экспедицией.

— Смотря что подразумевать под словом «выращены»,— откликнулся по пси-связи Калина Лютый, который и был командиром

десанта.— Если рост маатанских проникателей в принципе схож с ростом земных деревьев, то процесс выращивания орилоунов близок к процессу выращивания кристаллов из перенасыщенного раствора, хотя и управляемому по сложным законам. Земная наука только подходит к теориям таких процессов.

— Но земная наука хотя бы определила, живые они существа или нет?

— Граница между живым и неживым довольно размыта,— донесся голос Полевого, ведущего ксенолога в системе Орилоуха, оставшегося на спейсере.— Точных формулировок отличия не существует до сих пор, а в данном случае наши оценки тем более условны, вернее, антропны: мы судим по себе, по жизни на Земле. Орилоуны — суть овеществленные сложнейшие математические формулы; но они же — и существа, наделенные интеллектом, далеким от всего человеческого, и живые механизмы мгновенной транспортировки материи, и регуляторы общей гомеостатической системы планеты, и прямые потомки Хранителей Пути, о целях которых можно только гадать.

— И черт знает что еще,— добавил меланхолически Лютый.— Внимание ведомым: на высоте восемь разделяемся и расходимся веером в пределах визуального контакта.

— Мы в зоне полевых возмущений,— напомнил координатор десанта.— Вполне вероятно, что нас ведут на лучах гравилокаторов.

— Разговорам конец, отработка «срама» полного профиля.

В эфире установилась глубокая тишина, изредка нарушаемая только сообщениями инков и репликами пилотов.

Драккар с комиссаром безопасности повернул к глубокой впадине с выпуклым зеркалом какой-то сизой жидкости. Озеро было овальным и заросло по берегам частоколом глянцево-серых, с голубым отливом, жердей метров по сто высотой. В центре самой густой заросли стоял одинокий орилоун.

Он был невероятно, сказочно красив!

Храм не храм, но колоссальное сооружение с прихотливой вязью переходящих друг в друга форм, подчиняющихся какой-то высшей геометрии, и порождающих эстетический эффект законченности, функциональной точности и красоты.

— Какой красавец! — донесся голос Ландсберга, также оставшегося на борту спейсера; он видел все, что видели десантники.— Кто-нибудь анализировал, почему орилоуны так действуют на нас, людей? Ведь они абсолютно далеки от законов эстетики, которыми руководствуемся мы.

— Видимо, существуют какие-то более общие, универсальные вселенские законы гармонии и красоты,— вмешался кто-то из ученых, изучавших жизнь Орилоуха в составе комплексной экспедиции, которая работала в системе и до появления безопасников.— Этим

законам следует все живое во Вселенной. Мы — часть мироздания и также подчиняемся ее законам, зачастую не осознавая этого.

— Не разрушайте волшебство скальпелем рационализма,— проговорила Боянова и, неожиданно даже для себя самой, продекламировала:

— Но приглядись, что там внутри.
Таинственные монастыри,
Еще таинственнее кельи...[1]

После этих слов в эфире установилась тишина, все оценили сказанное комиссаром, хотя многие знающие ее и удивились приступу лиризма.

— Внимание, с юго-востока приближается объект икс,— предупредил координатор.— Масса — пять сто, размеры — триста на семьсот и на сорок. Идентифицируется как «куколка».

Под «куколкой» подразумевался зародыш орилоуна, промежуточная стадия его роста, способная к самостоятельному передвижению как в атмосфере планеты, так и за ее пределами. Размеры и формы «куколок» разнились в очень широких пределах, люди насчитали до десяти тысяч модификаций, но суть их была одна. Правда, целей трансформации «почек» орилоунов, также имевших определенный спектр форм, в «куколок» люди пока не знали.

— Инклюзив[2] «Эй»! — скомандовал Лютый.— Власта, они довольно миролюбивы, но лучше подождать, пока он уберется. Я хотел сбросить десант на орилоун.

— Пустите зонд,— посоветовала Боянова.

Драккар выстрелил пулей зонда, который вонзился в одно из окон «храма» и прервал передачу.

— Вообще-то странно,— бросил кто-то из командиров шлюпов.— Это «зона духов», где пейзаж всегда кипел, день и ночь. А сейчас тишина...

— На этот счет существует гипотеза: старые орилоуны излучают в пси-диапазоне, а вместе они создают такой мощный пси-фон, что волновые пакеты макротел начинают отщепляться от их гравитационных полей, в результате чего тела приобретают волновые свойства, «размазываются» по некоторому объему, форма их искажается и плывет. А сейчас фон пси-поля на Орилоухе из-за бегства старых орилоунов на пять-шесть порядков ниже, чем был, и пейзажи успокоились.

— Но есть и другие гипотезы, объясняющие сей факт не хуже предложенной,— меланхолически заметил Полевой.

---

[1] Г. Мелвилл.

[2] Инклюзив — команда, побуждающая к совместному действию; одна из разработанных УАСС форм оперативных и тактических действий-императивов.

— Например?

— Ядро Орилоуха не твердое, а представляет собой сферу, вернее, область из иного вакуума, вакуума не нашей Вселенной, со своими физическими константами, живущего по другим законам, вот метрика нашего пространства вокруг ядра и трансформируется, взаимодействуя с чужой. Все эти гипотезы требуют доказательства, прямых экспериментов, и мы надеемся, безопасность предоставит нам такую возможность.

— Безопасность сама по себе не предоставит, она способна лишь оценить степень опасности планеты,— сказал веско Ландсберг.— Решать же, исследовать Орилоух напрямую или нет, будет СЭКОН.

Разговор прервался. Спорить с президентом комиссии, способной наложить мораторий на любое исследование, никто не хотел.

— А как вели себя орилоуны во время исхода «черных людей» в Горловину? — поинтересовалась Боянова.

— Почти все старые орилоуны взорвались, взбаламутив едва ли не всю атмосферу, это вот только перед вашим прилетом воздух более или менее очистился. Орилоуны среднего возраста до последнего стартовали с планеты в неизвестных направлениях, удалось засечь траекторию лишь трех из сотни тысяч: в сторону альфы Волка. Молодые орилоуны и все их промежуточные формы остались, но резко снизили активность.

— В чем это выражается?

— Во всем. Сократилось количество летающих, плотность излучений в атмосфере — связь орилоунов упала на три-четыре порядка, трансформации ландшафтов почти прекратились.

— В общем, наблюдается полная корреляция бегства маатан и реакции жизни Орилоуха.

— Мы более осторожны в выводах,— проговорил лидер исследователей,— но, видимо, объективная реальность такова, как вы сформулировали. Впрочем, это неудивительно. Неведомые Вершители когда-то сделали функциональную разбивку создаваемых роботов, воплощая свои замыслы. Маат создан для выращивания «черных людей», аккумуляторов энергии и сборщиков информации, а Орилоух — для выращивания станций метро, доставщиков «черных людей» в Горловины «серых дыр», узлов пересечения древних трасс обмена с другими Вселенными.

— Зачем же они поместили Маат и Орилоух так далеко друг от друга?

— Вероятно, для Вершителей не существовало проблемы преодоления колоссальных пространств. Жаль, что мы не успели как следует изучить «серую дыру», контакт с Вершителями был реален.

— Весьма спорное утверждение,— запротестовал кто-то из молодых ученых; голос был звонкий, энергичный.— Эра Вершителей наверняка уже закончилась, иначе они давно появились бы здесь,

а деятельность маатан и орилоунов — это агония запрограммированных роботов, не более того.

— Брэк,— прервал начавшийся было спор Лютый.— Десанту на выход.

— Роботы,— задумчиво повторила Боянова.— Странные роботы, надо признаться. Вряд ли мы имеем право ограничивать чужую жизнь рамками стереотипных определений. Хранители Пути...— Комиссар с чувством жалости разглядывала сверкающий «храм» орилоуна, одиноко высившегося среди зарослей «сорняков».— Какой Путь они хранили? Вернее, чей? И куда он вел?..

Видеокамеры драккара выловили в желтом небе черную точку приближавшейся «куколки», увеличили ее. Больше всего «куколка» походила на громадного безголового и безногого птеродактиля с перепончатыми крыльями. Размах крыльев составлял семьсот метров, но страху эта гипертрофированная «птица» не нагоняла, скорее, наоборот — что-то жалкое было в ее облике и потерянное — в полете.

— Да! — сказал Лютый.— Они утратили смысл жизни, отсюда впечатление обреченности. Я думаю, Орилоух с этих пор не опасен для исследователей, обычный пограничный мир с прогнозируемой степенью риска.

Никто командиру десанта не возразил, даже щепетильный в вопросах прерогатив Ландсберг.

На спейсер драккар вернулся через три часа.

— Вы продолжаете меня поражать, Власта,— сказал Бояновой председатель СЭКОНа, когда они остались вдвоем в ее каюте. Комиссар переоделась и выглядела строгой девочкой с копной черных волос.

— Чем же на этот раз? — рассеянно откликнулась Боянова, поняв смысл взгляда собеседника.

В каюте царил полумрак, окно виома в стене было пугающе бездонным, и в нем виднелся серп Орилоуха, сияющий нежным опаловым светом.

— Вы любите смаковать опасность, а для руководителя такого ранга это недопустимо. Зачем вы напросились в десант?

Женщина очнулась от созерцания планеты, с улыбкой взглянула на Ландсберга.

— Ну что вы, Казимир, совсем наоборот. Космос — не главная опасность для человечества и не главная забота для отдела безопасности. Как ни странно, при стремительной экспансии космических исследований и широком выходе человека в Галактику проблемы его безопасности занимают всего десять процентов работы отдела. Проблемой номер один была и остается проблема досуга молодежи. Пресыщение благами цивилизации, рост потребительской психологии, кажущаяся вседозволенность порождают лень, апатию,

равнодушие и более страшные вещи, о которых вы и понятия не имеете.

— Почему же не имею? Во все времена определенный процент человечества из-за генетических отклонений, болезненных задатков или чрезмерной силы влечений всегда оставался асоциальным...

— Да, конечно, и в наш век опасных больных хватает, и все они под нашей опекой, но я имею в виду другое: общество всегда порождало неформальные движения в среде молодежи, а в последнее время эта тенденция многократно усилилась, появились опасные социальные течения, внутри которых родились особо извращенные формы.

— Дилайтмены?

— Дилайтмены в том числе, их еще называют любниками, хочушниками, боликами и так далее. И если бы все они руководствовались лишь принципом получения максимума удовольствия, то это было бы еще полбеды, но многие основали свою философию на базе агрессивных и безудержных сексуальных влечений, религиозных догм, на мазохизме, смаковании риска и страха, и вот это действительно страшно!

Боянова замолчала, вспоминая что-то, передернула плечами.

— Особенно ужасен религиозный фанатизм и неонацистские союзы, жизнь человека для них — пустой звук, и почти сто процентов их состава — молодежь в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет.

— Может быть, ребятам просто необходимо самоутверждение? В любом коллективе проявляется желание его членов самоутверждаться и завоевывать превосходство над другими. Это универсальная характеристика человечества.

— Я согласна, но надо учитывать методы, какими достигаются подобные цели. Не унижение других, не подавление воли и психики, не физическое уничтожение инакомыслящих, наконец! Вот это и есть основное содержание нашей работы: профилактика асоциального поведения групп и одиночек и пресечение преступлений. А вы говорите, я рискую в космосе. Да здесь, в пограничной полосе между изученным и неизведанным, я отдыхаю.— Боянова, улыбаясь, смотрела на озадаченного Ландсберга, и во взгляде ее лукавство и насмешка соседствовали с волей и грустью.

— Кажется, я понял,— помолчав, сказал председатель СЭКОНа.— Нам тоже приходится иной раз заниматься делами со скрытой спецификой. Например, кто-то лет шестьдесят назад завез на Марс семена амброзии, и вы видели, что там сейчас творится? Амброзия мутировала, покрыла уже треть Марса, и человек оказался бессилен ее уничтожить!

— Я не знала!— удивленно произнесла Боянова.— Но ваша-то комиссия при чем тут?

— Нам теперь приходится оценивать экологическую чистоту средств уничтожения амброзии, а сделать это непросто.

Комиссар покачала головой и задумалась. Лицо ее разгладилось, морщинки, придающие лицу жесткое выражение строгости и решительности, исчезли, и Ландсберг с удивлением обнаружил, что Власта Боянова просто красивая женщина.

11

Состояние инсайта пришло, как всегда, неожиданно: багровая пелена застлала глаза, в голове с тонким ледяным звоном лопнула почка боли, проколола все тело насквозь, и чей-то незнакомый гортанный голос застрял в костях черепа:

— Глубь... владение микрокосмом «я»... память включ...

Очнулся Мальгин от удара: партнер не понял его состояния и продолжал вести бой.

— Стоп! — Клим поднял руку ладонью вперед и помотал тяжелой головой, освобождаясь от пелены в глазах.— На сегодня достаточно.

Партнер — голографический мираж с полным сенсомоторным эффектом — поклонился и исчез. Тренер-инк высветил на шишке головы желто-зеленую гамму и ворчливо заметил:

— Сегодня ты был невнимателен, соотношение пропущенных и нанесенных уколов шесть к одному.

— Я хирург, а не профессионал рукопашного боя,— пожал плечами Мальгин, приходя к выводу, что регулировать спонтанные инсайты-озарения, когда в результате каких-то неосознаваемых процессов проявляется новая порция чужой информации, он пока не в состоянии. Зато достоянием сознания становятся удивительные вещи!

— Но я тебя еще достану,— закончил Клим, отправляясь в душ.

Когда он вышел из душевой, вытирая мокрые волосы, отросшие, но еще короткие, в гостиной его ждала Карой.

Некоторое время они смотрели друг на друга: с непонятным ожиданием и нерешительностью женщина и с забившимся сердцем Мальгин, затем Карой улыбнулась:

— Мне не следовало приходить сюда, но я не смогла себя перебороть. И я не знаю, что это такое, и не хочу заглядывать в будущее, и не советуюсь с прошлым, а в настоящем я...— Женщина изумленно округлила глаза, когда Мальгин вдруг оказался рядом и молча подхватил ее на руки.

Он успел ощутить ее эмоции и проникнуть в мысленный мир еще до того, как она начала говорить. Несмотря на красоту, видимое

благополучие, твердый характер и умение добиваться цели, Карой была одинока и не знала, как это одиночество преодолеть. Зато она знала, была уверена, что и Мальгин также одинок.

В голове пискнул задавленный волей голос рассудка.

«Чего ты хочешь?» — спросил Мальгин сам себя, целуя женщину. У него кружилась голова.

«Берегись необдуманных поступков, потом будешь жалеть».

«Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься».

«Не разрушай душевного комфорта, создавать его снова и снова — печальная участь. И остерегайся также приступов своей любви! Слишком скоро протягивает одинокий руку тому, кто с ним встречается».

«Если ты заговорил голосом Заратустры, то позволь напомнить его слова: «Одинокий, ты идешь дорогою к самому себе! И твоя дорога идет впереди тебя самого и твоих семи демонов». Достаточно? Пусть будет все, что будет. И убирайся к черту!»

Голос рассудка отступил в тень сердца. Мальгин сам был удивлен, что ему удалось справиться с рассудком так легко, но тут же забыл об этом.

— Ты с ума сошел! — с трудом проговорила Карой непослушными губами, пунцовыми от долгого поцелуя.— Ты не так меня понял...

— Все я понял, как надо,— не согласился Мальгин, отступая с приятной ношей в спальню.— Я теперь прямой кандидат в «черные человеки», поэтому позволяю себе все, что взбредет в голову. И сопротивляться мне опасно.

Он снова обнял Карой, несмотря на ее робкое сопротивление, поймал ее горячие вздрагивающие губы.

— Ты с ума сошел! — выдохнула она снова еле слышно спустя несколько минут.

Мальгин не ответил, снимая с нее похожее на слой травы платье. Их желания разделили друг друга еще раньше...

Два часа пролетели, как одно мгновение, и запомнить их не было никакой возможности. Любовь стара, как мир, но ее переживания вечно новы и неповторимы.

Кто-то звонил ему несколько раз, и «домовой» честно отвечал всем, что хозяин спит. Впрочем, может быть, это и в самом деле был волшебный сон, обнаживший не только тела, но и души? Раскрепостивший сознание, перепутавший чувства, возведший наслаждение в ранг абсолюта, сбросивший оковы обыденности и вознесший их на Олимп короткого, как вздох, счастья обладания?

Не размыкая объятий, они пили клюквенный морс, потом дурманящий напиток под названием «старорусский», вкусный «Букет Молдовы», травяной бальзам, березовый сок и не могли напиться.

И лишь когда «домовой» в который раз ответил кому-то, что хозяин отдыхает, Мальгин понес женщину в душ.

Искупавшись, завернутые в халаты, поглядывая друг на друга, они с наслаждением выпили по пиале обжигающего горло душистого чая, ароматизированного гавайскими цветами и плодами маракуи и киви. Карой вдруг смутилась, поймав его взгляд, порозовела, но глаз не отвела.

— Клим...

— Я знаю,— кивнул он с улыбкой.— Мы были вместе, но дороги наши еще не слились. И сольются ли, ты не знаешь.

— Не осуждай меня, мастер. Мы нужны друг другу, ты не сможешь это отрицать, и все же между нами иные судьбы. Впрочем,— взгляд женщины стал твердым,— я лгу. Не знаю, люблю ли я тебя, Клим, но все теперь зависит только от тебя. Стоит тебе позвать...

— И это я понял.— В голосе хирурга прозвучала вдруг нота глубокой тоски.— Прости меня.

— За что? — Карой покачала в руке пиалу.— Не произноси случайных слов. Я пришла сама, прекрасно понимая, что будет.

Кровь на мгновение прилила к щекам Мальгина. Карой заметила это, улыбнулась.

— А ты изменился, мастер... не знаю, правда, кого благодарить за это. «Черного человека», Шаламова? Но такой ты мне гораздо ближе, чем прежний человек-да.

— Я давно уже не человек-да,— пробормотал Мальгин, успокаивая дыхание.— Хотя еще не успел опуститься до человека-нет.

— По-моему, ты нашел-таки золотую середину между «да» и «нет». Так странно наблюдать твои колебания... Что же за женщина, твоя бывшая жена, что не разглядела в тебе сквозь панцирь самообладания, какие запасы нежности в тебе похоронены?

— А ты не боишься меня?— спросил вдруг Мальгин, переводя разговор в другую плоскость.— Во-первых, я интрасенс, а во-вторых, во мне сидит «черный человек».

— И не один,— засмеялась Карой, повеселев.— Джума уже предупредил меня и... нет, не боюсь. Но если ты будешь видеть во мне только женщину, мне будет трудно уважать тебя, мастер... хотя, может быть, я сама виновата.— Она встала, сбрасывая халат, грациозно изогнулась и ушла в спальню одеваться.

Мальгин усмехнулся, оставаясь сидеть. Защемило сердце, снова пришло ощущение чьего-то дальнего зова. Тоска навалилась глухой пеленой дождя, и он все еще боролся с ней, когда Карой вышла из спальни, уверенная в себе, красивая, сильная. Подошла к нему близко, поцеловала в подбородок, погладила волосы на затылке.

— До связи, мастер.

Ушла.

И Клим почувствовал облегчение; не от того, что она ушла, а

от того, что отпала нужда оправдываться как перед ней, так и перед самим собой. Угрызений совести он тоже не чувствовал, хотя и подумал о Купаве, привычно сравнивая ее с другими. И, как и прежде, она все еще стояла выше всех его оценок, хотя тоска по ней немного притупилась. Удерживать ее рядом он не имел права, а выбросить из сердца до сих пор не смог, хотя оба изменились настолько, что стали другими людьми. Да и разве мог он еще полгода назад, желая одну женщину, тосковать по другой?

Клим покачал головой, отвечая сам себе, и быстро оделся в голубой полуспортивный осенний костюм. Он чувствовал себя не совсем хорошо, наслаждаться жизнью мешал какой-то душевный дискомфорт, но разбираться в себе не хотелось абсолютно.

Еще неизвестно, достоинства это или нет — душевная твердость, суровый ригоризм и каменные основы пуританства, пришла трезвая мысль. Обладая ими, человек вряд ли способен быть счастливым, а жизни — одной мудрости мало.

Успокоенный последним рассуждением, Мальгин шагнул за порог, точно зная, что будет делать в последующие несколько часов.

* * *

Заремба спорил с Стобецким, одновременно успевая вести диалог с Гиппократом, Мальгин услышал его последнюю фразу:

— ...потому что мы проблемщики, а не лекари вульгарис.

— Что за шум, а драки нет?— спросил Клим, подходя к директору института и пожимая его руку. Врач дежурной смены ответил на его жест приветствия поднятыми ладонями.

В реанимационной на этот момент находились два пациента: Майкл Лондон и молодой парень, спортсмен, едва не погибший в горах и доставленный в институт с травмой черепа.

— Как был твой Иван неслухом, так и остался,— проворчал Стобецкий с неодобрением; с Мальгиным он говорил на равных, бремя директорской власти не успело наложить на него отпечаток.

— А что случилось? — Мальгин сел в свое кресло, нацепил на голову эмкан и бегло ознакомился с накопившимися за сутки новостями:

— У Лондона была «фаза хозяина» ночью, так Иван меня даже не поставил в известность! Не слишком ли большую свободу ты ему дал? Корифей! Он, видите ли, проблемщик, а мы всего-навсего лекаришки!

Мальгин усмехнулся, покосившись на оскорбленную физиономию Зарембы; остальные дежурные прятали улыбки, они знали, что молодой нейрохирург довольно низко оценивал способности директора как нейроспециалиста.

— Иван, почему не соблюдаешь кодекс и субординацию?

— Я не обязан по каждому пустяковому рабочему поводу беспокоить специалистов высокого ранга, не задействованных в ПР-группе,— огрызнулся Заремба.

Стобецкий открыл было рот, но посмотрел на остальных врачей смены, пожевал губами и ограничился коротким:

— Зайдете после сдачи, поговорим.— Повернулся к Мальгину.— Что у тебя? Я имею в виду твое состояние.

— Нормально,— рассеянно ответил Клим.— Несколько повысился темп метаболизма, в основном по кислороду, и как следствие — возросла потребность в еде, причем в калорийной. Так что я теперь ем шесть-семь раз в день.— Хирург улыбнулся, уловив общий фон эмоций Стобецкого.— Ничего особенного, как видишь. Я практически здоров.

— Прочитал криптогнозу «черного»?

— Кое-что, не все, по большей части материал для ксенологов и космологов.

— А почему тобой интересуется безопасность?

Мальгин оторвался от мысленного разговора с Гиппократом, взгляд его стал острым.

— Что? Они были у тебя? Кто именно?

— Некто Столбов, розыскник. Выяснял, не отмечалось ли у тебя негативных последствий операции.— Стобецкий метнул неприязненный взгляд на Зарембу. Он был обижен тем, что Мальгин доверил такое дело «мальчишке».— Кроме того, изучал твою родословную на предмет выявления патологий.

— Не нашел?

Директор нахмурился, помолчал, глядя на ставшую прозрачной стену куба реанимационной камеры, внутри которой находился Лондон.

— Веселого тут мало. Его надо или немедленно оперировать...

— Или что?

— Мы дождемся рождения второго «черного человека».

— Ты же знаешь, что оперировать мы не можем, слишком велик объем чужой информации. Сложилась пограничная ситуация, причем трагическая, высветившая пределы нашего знания, а в запределье мы еще не работали. Пакет внедренной чужой информации перестроил не только структуру мозга Шаламова и Лондона, но и их мировоззрение, способы восприятия мира, целесмысловые позывы, отношение к людям и к жизни. Возврат их к роду хомо сапиенс вряд ли возможен, пора смириться с этой мыслью.

Стобецкий помрачнел еще больше.

— Раньше ты говорил иначе.

— Раньше я не знал того, что знаю сейчас.

Директор с неопределенной миной оглядел Мальгина, хотел

что-то сказать, но передумал. Мысль его была проста: не потому ли ты отстаиваешь точку зрения невмешательства, что сам стал третьим перестроенным «черным человеком»?

— И все же стоило бы попытаться.

— Да, наверное,— легко согласился Мальгин.— Но задай себе один вопрос: станут ли они от этого, от попытки вернуть им стандартный антропоцентризм, счастливее?

Стобецкий не нашелся, что ответить, и покинул реанимационную с изрядной долей душевных колебаний.

— Он на тебя смотрел так, будто пятерых живьем проглотил, а шестым поперхнулся,— развеселился Заремба.

— Хватит нести околесицу, пробдемщик,— отрезал Мальгин.— Вы друг друга стоите: голое фанфаронство плюс амбиции. Но Готард старше тебя на четверть века, учитывай это обстоятельство в перепалках с ним. К тому же он прав: Лондон сейчас по сути — куколка, и что из него вылупится, никто не знает, в том числе и ты. Корифей.

— Кроме «черного человека», ничего другого не вылупится.— Зремба перестал улыбаться и опасливо посмотрел на хирурга, единственного из всего персонала института, кого он побаивался и уважал.

— А если нет? Известно, что «черные люди» аккумулировали информацию многих цивилизаций, и нет гарантий, что Майкл не подхватил какую-нибудь «инфекцию», способную превратить его в монстра.

— Шаламов же не превратился.

— Еще неизвестно.

— А по-моему, Готард просто помнит историю с его предшественником, Талановым, и не хочет рисковать креслом.

— Он болеет за реноме института, это больше, чем любой эгоистический расчет. Конец разговорам, работаем в контроле.

Последующие три часа Мальгин разбирался с Лондоном, анализируя все тончайшие нюансы его состояния, с растущим изумлением и суеверным страхом осознав, что бывший начальник отдела безопасности, по сути, превратился в существо, которое уже трудно было назвать человеком!

Находясь почти все время без сознания, Лондон тем не менее умудрился перевести неосознаваемые потоки изменения организма в целенаправленный процесс трансформации, и теперь он имел органы чувств, которые эволюция никогда не предусматривала в человеке. Так, у него выросли заслонки в ушах, а сами ушные раковины усложнились, и Лондон теперь мог слышать ультразвуки и звуки сверхнизкой частоты. Кроме того, он улучшил себе аппарат обоняния, «встроил» датчики магнитного и гравитационного полей и увеличил втрое объем сердца и легких, изменив последние таким образом, что мог дышать теперь почти любой смесью газов.

Но главное было не в этом: Мальгин обнаружил еще несколько специфических нейронных узлов, функции которых выяснить было невозможно.

— Шайтан! — пробормотал Клим, закончив исследование, поглядел на не знающего усталости Зарембу.— Еще вчера этого не было!

— Куколка готова превратиться в «бабочку»,— весело проговорил молодой нейрохирург, блестя глазами; огонь любопытства и жажды знаний сжигал его изнутри и не давал покоя.— Кстати, я вчера еще заметил рост нейрообразований, а оформились они действительно за ночь. Больше всего меня интересует вопрос: зачем он вырастил себе мостик между корой, подкоркой и мозжечком? Зачем ему прямая связь между генструктурами приматов, низших млекопитающих и пресмыкающихся?

Мальгин открыл рот, собираясь ответить, и вдруг услышал чей-то странный, вибрирующий, металлический голос:

— Для того, коллеги, чтобы прогнозировать будущее.

— Что? — растерялся Заремба.— Что ты сказал?

— Это не я,— медленно проговорил Мальгин, прислушиваясь к реакции остальных врачей смены, выглядевших не менее удивленными.— И не они...

— Будем знакомы,— раздался тот же голос; теперь Клим сообразил, что «звучит» он прямо в голове, вызывая шипящий резонанс в нервных окончаниях.— Майкл Лондон, второй экзосенс. Прошу любить и жаловать.

За толстой плитой реанимкамеры ничего не изменилось, зеленоватое в облаке физиогаза тело Лондона казалось неживым, лицо — спокойным и безжизненным, и, тем не менее, он заговорил с ними.

Заремба первым восстановил свое обычное отношение к необычным явлениям:

— Экзосенс — это аналогия с интрасенсом? Почему вы себя так назвали?

Лондон не ответил, сосредоточив внимание на Мальгине, медлившем включать тревогу.

— Клим, не вздумайте применить что-либо вроде «василиска», как сделал это Ромашин. На любое насилие я отвечу адекватно.— Это был все тот же голос — очень четкая и направленная пси-передача.

— Я обязан вызвать ПР-группу и безопасность,— мысленно ответил Мальгин.— Вы должны понимать эти меры.

— Понимаю и принимаю. Дайте мне еще сутки на завершение имаго, в этом положении мне трудно контактировать с вами и решать проблемы сообща. Завтра я буду готов к переговорам. Но обещайте не принимать оперативных мер с позиций силы.

— Хорошо, обещаю.

Голос втянулся в кости черепа, исчез, давление на виски пропало. Мальгину показалось, что Лондон подмигнул ему — у Майкла дернулось веко. Очнувшись, хирург понял, что за шум стоит кругом: переговаривались возбужденные врачи, Заремба громко звал кого-то, делясь впечатлениями, хрустальная чаша пси-вириала мигала огнями, издавая прерывистые сигналы.

— Ти-хо!— произнес Мальгин в два приема, и наступила тишина. Все, застыв, смотрели на него, смолкли даже мелодичные гудки медицинского комплекса, разговаривающего на своем языке с другими системами и компьютерами института.

— Продолжаем работу в режиме эм-синхро. Группе риска прибыть в институт немедленно, сменить персонал. Желающие могут контактировать с Гиппократом по ходу развития событий. Директору прибыть в...

— Я здесь.— Стобецкий ворвался в реанимационную, рухнул в соседнее кресло, тяжело дыша после бега.— Как чувствовал, что случится что-нибудь непредвиденное. Дал тревогу безопасникам?

— Нет,— сказал Мальгин.

— Ты с ума сошел! Подумай о последствиях, вы с Талановым уже однажды обожглись на этом, не стоит повторять ошибки.

— Безопасникам здесь делать пока нечего. Можно просто послать им формулу внимания.

Стобецкий потерял дар речи и некоторое время хватал воздух ртом, потом вытянул из пульта сетку эмкана, пришлепнул на затылке и мысленно скомандовал:

— Сигнал тревоги всем службам!

— Есть сигнал тревоги,— отозвался Гиппократ.

* * *

До вечера Мальгин просидел в реанимационном боксе, постоянно поддерживая связь с компом медкомплекса, следящего за состоянием Лондона, отвечая на многочисленные вопросы гостей, пограничников, безопасников, членов СЭКОНа и работников комиссий Академии медицинских наук.

Ничего особенного, по сути, не происходило, шла обычная отработка комплекса мер по формуле «срам», но суета вокруг надоела, да и есть хотелось все сильней, и Мальгин отпросился у Стобецкого пообедать. А в столовой института к нему подсел Хан.

— Привет, мастер, приятного аппетита.

Мальгин кивнул, продолжая жевать, подвинул безопаснику стакан с минеральной водой. Он почувствовал появление Джумы еще до того, как тот зашел в столовую, и успел разобраться в его настрое-

нии, несмотря на то, что Джума был «застегнут на все пуговицы» самообладания.

— Как самочувствие?

Клим поднял вверх большой палец, заказал еще один салат из камелии и березовый сок. Джума Хан с улыбкой смотрел, как он заканчивает трапезу.

— Пошли ко мне.— Мальгин промокнул губы и встал.— У меня есть пара минут.

В кабинете хирурга они сели напротив друг друга, и Клим включил передачу из реанимационной.

— Ого! — вполголоса заметил Хан.— У вас там целая обойма оперативников. Что они собираются делать?

— Не знаю. Я их не вызывал.

— Готард решил перестраховаться? Его можно понять.

Мальгин не ответил, рассматривая на «экране» пси-видения «призраков» Джумы: их было всего три, что говорило о цельности характера безопасника, а также и о некоторой его психоэмоциональной ограниченности.

Толпа в реанимационной поредела, но людей было еще слишком много, чтобы работать спокойно. Майкл Лондон по-прежнему не подавал признаков жизни, сердце его не билось, и легкие не работали, за них это делали аппараты.

— Ты, наверное, догадываешься, зачем я нашел тебя? — Джума вопросительно смотрел на Мальгина.

— Знаю.

— Конечно, ты теперь свободно можешь читать в душах... извини, говорю без обиды. Не хочешь, не отвечай на мои вопросы. Карой сказала, что была...у тебя.— Последнее слово Джума выговорил с усилием.— Ну и что ты собираешься делать дальше?

— Не знаю,— угрюмо ответил Клим.

Хан невольно засмеялся, хотя в смехе этом явственно прозвучали горькие и гневные нотки.

— Знаю — не знаю... Ты стал неузнаваем, мастер, раньше ты был намного решительней... человек-да! Ты понимаешь, что так продолжаться не может? Нельзя останавливаться на полпути и перекладывать решение на другие плечи. Ты мучаешь Карой... себя... черт со мной, я не в счет. Откуда колебания? Любишь ее, нет? Или просто играешь?

Мальгин медленно встал и на мгновение потерял ощущение реальности происходящего: в голове что-то взорвалось, бесшумно, бессветно, обдало жаром, заложило уши и прошло. Шершавая боль стекла струйкой из головы в ноги. Клим очнулся.

Джума Хан стоял напротив, согнувшись, выставив вперед кулаки, бледный, как полотно, на лбу выступили капли пота, а в глазах стоял страх.

— Что?! — быстро спросил Мальгин, вдруг пугаясь сам до обжигающей горечи в животе.— Что произошло? Я... со мной... да говори же!

Джума проглотил слюну, облизал пересохшие губы, покачал головой, повернулся и, деревянно переставляя ноги, направился к двери. У порога оглянулся:

— Научись контролировать своего «тигра», Клим, иначе...

Вышел.

Мальгин ударил кулаком в ладонь с такой силой, что едва не содрал кожу. Боль заставила думать.

С минуту он размышлял, поглядывая на вином и вслушиваясь в приглушенный говор двух десятков людей, потом подсел к столу и соединился с отделом комплектации.

— Мне нужен нестандартный кокос, оборудованный персонкомом [1] типа «Советчик».

Инк-распорядитель хозяйственной службы института не удивился запросу, но просьба была неординарной.

— На складах института таких нет, вы же знаете. И почему именно «Советчик»? Могу предложить персонком первого класса «деловой».

— Мне нужен высший класс. Сколько понадобится времени на выполнение заказа?

— Если есть разрешение директора...

— Запросите.

— «Советчики» используются в основном погранслужбой и спасателями...— Инк задумался на секунду, успевая за это время связаться с компьютерами упомянутых служб и получить ответ.— Через два часа комплект будет в институте.

— Чудесно.

Мальгин выключил стол и некоторое время сидел неподвижно, вспоминая лицо Джумы. Скверно получилось! Что же, собственно, произошло? Спонтанное кратковременное расщепление личности, после которого «черный человек» вырвался на волю? В каком образе? В образе «тигра», как выразился Джума? Или «барса», по впечатлению Зарембы? Странно, у меня никогда не наблюдалось особой любви к хищникам из семейства кошачьих. Может быть, это их личные впечатления? А хищник, сидящий внутри меня, выглядит на самом деле иначе?

Мальгин внимательно вгляделся в свое отражение, включив в стене зеркало.

М-да, мастер, интрасенс из тебя пока что фиговый. Видимо, иногда возникают «короткие замыкания» нейросвязей и независимо от воли информация «черных кладов» просачивается наружу, вызы-

---

[1] Персональный компьютер, инк с большим объемом памяти.

вая неглубокий шок и одновременно неспецифические реакции парасимпатики и психики. Джума прав, это опасно. Нельзя было надеяться на собственные силы и хороший тренинг, можно наломать таких дров, что и Шаламову не по силам!

Клим вдруг почувствовал слабость и облился потом, проговорил сквозь зубы: «Мальчишка!..»

В зале реанимационного бокса он появился через полчаса, приведя себя в порядок и вызвав Железовского. Рядом нужен был человек, на которого он мог бы положиться безоговорочно и который не боялся бы никакой ответственности.

12

За развитием событий в отделении нейропроблем следили не только сотрудники других отделений института, но и работники других родственных учреждений, Академии наук, Всемирного координационного Совета, СЭКОНа, Управления аварийно-спасательной службы, отдела безопасности и погранслужбы — всего около двух тысяч человек. Кроме того, все происходящее записывалось операторами информвидения и агентства новостей, чтобы в сжатом виде передать запись в эфир в своих программах.

Непосредственно в зоне гарантированного риска — в зале реанимационного бокса ждали финала всего четыре человека: Мальгин, Стобецкий, Заремба и Железовский, соединенные информполем «спрута» с системой эм-синхро Европы; в случае нужды им могли прийти на помощь все инки сети, и ведущие ученые-медики, и врачи, включенные в контур эм-синхро. И все же ответственность за выбор тактики и стратегии, за последствия выхода Лондона из комы и его дальнейшие действия падала на этих четверых. Плюс пятый угол квалитета ответственности — председатель СЭКОНа Казимир Ландсберг, во избежание ненужного риска наблюдавший за превращениями «куколки» в «бабочку» из кабинета главврача.

Майкл Лондон открыл глаза в двенадцать минут десятого, и от этого простого движения все приборы, показывающие параметры жизнедеятельности, словно сошли с ума. Если верить им, у пациента артериальное давление внезапно увеличилось в десять раз, сердце заработало с быстротой аварийного насоса, температура тела подскочила до пятидесяти градусов по Цельсию, а мозговые процессы, фиксируемые по альфа-, бета-, тэта- и дельта-ритмам, наоборот, прекратились! Затем так же внезапно все пришло в норму, операционный инк отключил автосердце и легкие, подачу физиогаза, гасители колебаний, убрал поддерживающие манипуляторы, и Майкл Лондон, лоснящийся то ли от пота, то ли от слоя осевшего физиогаза, встал и помахал всем рукой.

— Привет, спасители! — раздался из скрытых динамиков его приятный голос.— Выпустите меня отсюда и предоставьте одежду, дабы достойно предстать пред светлыми очами комиссии.— Говорил Лондон серьезно, да и на лице его держалась мина внимательного и сурового человека, но в голосе слышались нотки сарказма, а может быть, и превосходства.

Мальгин выключил передачу из камеры и дал команду Гиппократу. Юркий кибер приволок пластиковый пакет — одежду Лондона, замер у стены реанимкамеры. Стена разошлась лепестками диафрагмы, образовав овальное отверстие в рост человека, и в эту дыру шагнул нагой бывший начальник службы безопасности.

В боксе установилась такая тишина, что звуки собственного дыхания стали казаться оглушительными.

Некоторое время четверо — и с ними еще бригада официальных лиц — и переродившийся человек смотрели друг на друга внимательно и настороженно, однако немая сцена не могла длиться долго: Лондон взял из манипулятора кибера пакет, развернул и начал одеваться. Потом похлопал кибера по горбику генератора, и тот, смешно поджав манипуляторы, кинулся из зала. Бывший начальник отдела безопасности подошел к сидящим в кокон-креслах, оглядел каждого, мельком взглянул на порхающие у потолка «ромашки» видеокамер.

— Пресс-конференции не будет, коллеги. Я здоров и нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Хотя, может быть, это определение находится за пределами человеческой оценки, ибо я — второй экзосенс, если применить термин коллеги Железовского. Я — человек, получивший экстраспособности извне, как и Шаламов. Но, в отличие от Даниила, у меня произошло не р а с щ е п л е н и е психики, а с л и я н и е двух психик, что существенно меняет дело.

Лондон снова посмотрел на видеокамеры, на скулах дернулись желваки, закаменели.

— Власта, обращаюсь к вам. Снимите оцепление и отмените императив «Аргус», а также «Цербер». Во-первых, я не опасен, ибо полностью контролирую сознание, а во-вторых, сам обращусь к вам попозже, потому что есть такая необходимость.

— Хорошо,— после некоторого молчания прошелестел в наушниках «спрута» голос комиссара безопасности.

Лондон удовлетворенно кивнул.

— До свидания, друзья. Мы еще увидимся... во всяком случае, со многими из вас меня ждут встречи.

В голове Мальгина сам собой всплыл «бутончик» света, развернулся венчиком и превратился в подмигивающий глаз.

— Майкл, задержитесь на пару минут! — взмолился вдруг Заремба.— Я так долго и тщательно готовил свои вопросы!..

Лондон улыбнулся — губами, не холодно — равнодушно.

— В другой раз.

— Мы бы не хотели вас...— Стобецкий пожевал губами, находясь в замешательстве,— м-м, отпускать. Вы... м-м, пока еще не совсем... м-м, здоровы... понимаете?

Лондон кивнул и... исчез! Лишь Мальгин да Железовский заметили его движение: Майкл обогнул кресла, пересек зал и вышел, и все это — за одну десятую долю секунды!

Четверо в зале — и тысячи вне его стен — оцепенело дивились на дверь реанимационной камеры, перед которой только что стоял Лондон. «Экзосенс». Потом что-то заухало глубоким басом — засмеялся Железовский. Вылез из кресла, похлопал Мальгина по рукаву:

— Пока, мастер. Похоже, все идет нормально. Понадоблюсь, звони.

Трое медиков остались наедине с тишиной опустевшей реанимационной, потрясенные простотой развязки.

* * *

Временами фигура в виоме начинала плыть и размазываться — видеокамеры не успевали переходить на ускоренную съемку и «хватали» рывок ведомого с запозданием. Силуэт мужчины мелькнул на фоне какого-то сооружения, заколебался и пропал. Столбов выключил проектор.

— Он ушел. Словно растворился возле Лос-Анжелесского метро. Сначала побывал дома — подробности неизвестны,— потом у друзей, а на третий день, когда жена и дочь вдруг заявились к Мальгину с просьбой «вернуть им мужа и отца», он отправился в филиал Б Северной Америки и у метро... исчез. Вы видели.

— Вы уверены, что он не догадывается о наблюдении?

Инспектор кримрозыска ответил не сразу, колебался.

— Иногда у меня складывалось впечатление, что он з н а е т о слежке, но темп его жизни настолько высок, что не позволяет ему отвлекаться на какие-то маневры. К тому же...— Столбов снова заколебался, формулируя ответ.— Мы ему пока не мешаем.

— Что вы этим хотите сказать?

— Как только мы затронем сферу его интересов, он найдет способ нейтрализовать любое наше действие.

Боянова бросила на собеседника скептический взгляд.

— Он способен нейтрализовать всю службу?

Инспектор остался невозмутим.

— Я имел честь разговаривать на эту тему с Мальгиным, и хирург на пальцах объяснил мне, что такое экзосенс вообще и экзосенс-Лондон в частности. Это страшный противник... если он, ко-

нечно, станет противником. И справиться с ним будет очень нелегко... если вообще возможно.

— Мальгин...— задумчиво проговорила комиссар отдела, пропуская мимо ушей последнюю фразу.— Вы верите тому, что он говорит? Он ведь сам — супер, если пользоваться терминологией падких на сенсации журналистов.

— По сообщениям инка, следящего за его состоянием, он интрасенс.— Столбов пошевелил плечами.— То есть человек, у которого заработал ген экстренного резерва и другие не менее экзотические «спящие» гены. Но, с другой стороны «черное знание», внедренное ему в мозг Шаламовым, есть внешнее воздействие, и он тоже экзосенс. Таким образом, он обладает конкурирующими структурами памяти и завис посередине между...— Инспектор в замешательстве пошевелил пальцами.

— Между сверхчеловеком и «черным человеком»,— подсказала Боянова.— Так?

— Пожалуй. Измени он метаболизм, и родится третий «черный»... И все же ему я почему-то верю.

— Вера — это всего лишь другая сторона знания, эмоциональная, духовная, и опираться на нее нам нельзя. Мы еще с интрасенсами не разобрались как следует, а уже приближается волна трансформаций человечества под влиянием внешних факторов, а как должна реагировать на это служба безопасности?

Столбов снова пошевелил круглыми плечами, словно разминаясь.

— Интрасенсорика — закономерное явление. Как сказал Аристарх Железовский, интрасенсы — будущее человечества, хотим мы этого или не хотим. Десять тысяч лет назад человек остановился в развитии как индивид и развивался общественно, кооперативно, шло накопление знаний, количественный рост генных нарушений, болезней, экологических ошибок, если хотите, и наконец наступил черед экстрасенсов, началась фаза морфологических изменений человека.

— Вы хорошо овладели материалом, Димитр. Может быть, ваш Железовский и прав, интрасенсы — будущее человечества, тем более, что их рождается все больше и больше.

— По данным Земстата — более десяти миллионов.

— Но вот вопрос: что останется на долю хомо вульгарис, человека обыкновенного, если интрасенсы вдруг решат изменить условия существования?

Столбов отвел взгляд от лица женщины.

— Они дети своего времени и дети своих родителей, не более того.

— Но как часто наши дети делают нам больно.

— Диалектика отношений отцов и детей... вечна.

Боянова улыбнулась.

— Вы хороший дипломат, Димитр, и молодость этому не помеха. Итак, что мы решаем?

— Отменить «Аргус», Лондон не станет предупреждать дважды, и реакция его вряд ли будет положительной, когда наши «глаза» станут ему надоедать.

— Что ж, соберем совет, обсудим. Но контакта с Мальгиным не теряйте, он — единственное звено, связывающее нас с Шаламовым и Лондоном.

Инспектор ушел.

— Второго,— коротко сказала Боянова, вызвав дежурного.

Заместитель комиссара по космосектору Алексей Шевчук объявился через минуту, он находился на лунной базе отдела.

— Тут я, Власта.

— Выяснили, что делал транспорт маатан в Системе? Умник глубокомысленно намекает на твой запрет на информацию.

— Запрета нет, есть проверка. А транспорт снимал «черных людей».

— И с Нептуна?

— С Нептуна тоже. Ромашин и Железовский обнаружили в Большом темном пятне — кратере водородного вулкана — жизнь, что подтверждает гипотезу: маатане были высажены везде, где могла возникнуть разумная жизнь.

— Странный случай. Ученые двести лет изучают Нептун и ничего не обнаружили, кроме бактерий, а им повезло при первом же спуске.

— Следствие закона Мэрфи: чем больше ждешь результата, тем неохотней он получается. И наоборот: находит всегда тот, кому эта находка абсолютно не нужна. Ромашин искал орилоун... и нашел его, кстати.. Скелет. Интенсионал по этому вопросу есть в машине.

— Алекс, это правда, что ваши оперы видели «глазастого» фантома у «серой дыры»?

— Если верить Калине, а я ему верю,— видели. Кажется, это самый загадочный объект во всей истории с «дырой».

— О чем это говорит, по-твоему? Почему он не ушел в Горловину?

— Потому что где-то существует еще одна незаросшая «серая дыра».

— Но может быть и другая причина, например: фантом выполняет какое-то задание здесь, в Галактике. Предупредите службу наблюдения за пространством и СПАСы, может, им удастся засечь его, а нам потом — установить за ним наблюдение.

Шевчук с сомнением посмотрел на комиссара, но та уже не нуждалась в его советах, выключая связь. В задумчивости походила по кабинету и не успела снова сесть за стол, как позвонил Ланд-

сберг. В последнее время Власта начала замечать, что председатель СЭКОНа уделяет ей гораздо больше внимания, чем требуют деловые отношения, хотя это ее волновало мало.

— Добрый вечер, Власта. Я тут проштудировал кое-какую информатуру по психологии групп, а также ознакомился с деятельностью неофициальных молодежных организаций типа дилайтменов, «Ордена берущих свое», «Братства зрячих» и других и не понял главного: что ими руководит? Неудовлетворенные потребности в наш век, век изобилия? Нонсенс! Тогда что?

— К сожалению, общество изобилия породило и изобилие свободного времени, что усугубляет проблему. А ответ на ваш вопрос, Казимир, давно известен, только воплотить это знание в жизнь невероятно сложно и в наш интеллектуальный век. Всеми неформалами, объединяющимися в социально опасные группы, прежде всего руководит ощущение отсутствия смысла жизни. Стремление реализовать уникальный смысл своей жизни имеет далеко не каждый взрослый, а тут молодежь с неустоявшейся психикой, расшатанной ноогенными неврозами. Человек несет в себе бремя темперамента и агрессивности, которые когда-то были необходимы ему для утверждения вида на планете, но, к великому сожалению, эти качества сохранились и до сих пор. Неужели вы этого не знали?

Ландсберг налился кровью, подыскивая достойный ответ, и вдруг рассмеялся, махнув рукой:

— В общем-то, да, знаю, как и любой другой Т-специалист, разве что не смог бы так точно сформулировать диагноз. Но лучшего хода, чтобы увидеться с вами, я не нашел. Хотя, с другой стороны, проблема досуга молодежи заинтересовала меня всерьез, хочу заняться ею плотнее.

— Хорошо, поговорим на эту тему завтра, не возражаете?

— Ради бога.

Изображение Ландсберга, смущенного, разочарованного, превратилось в струйку света, пропало. Боянова мрачно смотрела перед собой, уже переключив внимание на интересующие ее дела. Чувства председателя СЭКОНа и колебания его любительских и профессиональных интересов ее занимали мало. Сосредоточившись, она включила мысленным усилием стол, надела эмкан и велела кибсекретарю вызвать Ромашина. Секретарь нашел эксперта в Институте пограничных физических проблем.

— Наздраве, Игнат.

— Добрый вечер, комиссар.

— По моим сведениям, вы продолжаете заниматься делом Шаламова, хотя служба безопасности такого задания вам не давала. Это как-то сочетается с прямыми обязанностями официала?

Ромашин бросил на Боянову взгляд исподлобья, но тон его речи остался вежливым.

— Юридически я имею право вести любое частное расследование. Поиск Шаламова — мое личное дело, я уже говорил, что в долгу перед ним.

— Но ведь последствия вашего расследования никем не просчитаны, как вы можете рисковать?

— Ошибаетесь, просчитаны.

— Кем же?

— Специалистом своего дела, математиком Железовским. Если удастся отыскать Шаламова раньше, чем он появится на Земле, выиграют все, в том числе и вы. А Мальгин берется вернуть ему личное «я». После изучения состояния Лондона его институтом накоплен богатый материал, что дает надежду на благополучный исход.

— Но этот материал не смог помочь вылечить Лондона.

— А зачем его надо было лечить? От чего? Он — человек...

— Химера!

— Существо, имеющее две личности, и его появление в принципе — прецедент лишь для юридической науки. Законы, диктующие отношение к нему, не разработаны. Слава Богу, что мы сообразили дать ему право решать свою судьбу самому. Шаламов — другое дело, его сознание фрустировано, спонтанно переключается с личности человека, больного неврозом, кстати, на личность «черного человека», равнодушного ко всему человеческому, и вот тут-то нейрохирург ему и должен помочь овладеть собой.

— И все же вы рискуете, взявшись за это дело один.

— Почему же один? — Терпению Ромашина не было предела.— Со мной Железовский, Мальгин... вы.

Боянова с интересом посмотрела на эксперта.

— Лично? Или имеется в виду служба?

— Лично.

Комиссар засмеялась, покачав головой.

— Вокруг меня одни дипломаты, отрадно, что есть у кого поучиться. Что ж, если понадоблюсь, позовите, но сделайте это вовремя, ошибку исправить труднее.

Ромашин поклонился, связь прервалась.

Вряд ли ему понравилась последняя фраза, подумала Власта, однако он уже дважды ошибался, и не лишне напомнить ему об этом. Значит, и здесь снова всплывает имя Железовского. Этот человек начинает мелькать перед глазами все чаще, что он из себя представляет?

— Собрать интенсионал по Аристарху Железовскому, биоматематику ИВКа,— приказала комиссар секретарю.— Вызвать Шевчука, Лютого и Маттера на семь утра. Оперативную сводку на стол, сопровождение пси.— И Боянова углубилась в работу, привычно готовя план действий на следующий день.

Через час секретарь выдал заказанную информацию. Комиссар прочитала сообщение и откинулась на спинку кресла, вытянув губы трубочкой. Повторила про себя: интрасенс... Аристарх — интрасенс! Ему-то зачем нужен Шаламов? И как удалось Ромашину привлечь его на свою сторону?

На столе замигали сразу три огонька: два голубых — личные вызовы, и один желтый — «подтревожный».

— Кто — личные? — спросила Боянова.

— Дочь и сестра.

— Отвечу минут через пять, давай «мигалку».

Над столом возник объем. передачи с фигурой Рене Борда, заместителя комиссара по внутрисоциальным проблемам.

— Вы еще в отделе? Как вы только выдерживаете, Власта?

Если к Шевчуку Боянова относилась как к другу, то к первому заму питала дочерние чувства, несмотря на разность в возрасте, и уже привыкла к его ворчливому тону. Борда имел громадный опыт работы с разными человеческими коллективами, знал статистику преступлений за три века, вел колоссальную работу по профилактике правонарушений и консультантом был незаменимым.

— Два сообщения,— продолжал старик, поняв мимику женщины.— Кто-то готовит выступление общественности, точнее — молодежных анархистских группировок, против интрасенсов.

— Это серьезно?

— Очень серьезно. Используются два мотива. Первый: интрасенсы — не люди и готовят «революцию», чтобы уничтожить человечество, которое мешает им решать свои нечеловеческие задачи. Второй мотив: будущее интрасенсов — превращение их в монстров типа Шаламова и Лондона, которые особо опасны для простых людей.

— Знакомые формулировки, вы не находите? Кстати, о том, что Лондон вышел из клиники, знают немногие, и если этот факт подается как лозунг, не имеем ли мы утечку информации?

— Вполне может быть, мои ребята уже работают в этом направлении.

— Я думала, негативных реакций к интрасенсам уже не будет, общество привыкло к их появлению, как к неизбежному витку эволюции. Кто же стоит за «простыми людьми»?

— Пока неизвестно. Человек это умный, осторожный и хорошо информированный, и, судя по всему, одержим жаждой власти, а искать его надо у нас.

— Что?! В отделе?

— И в отделе тоже, но я имел в виду тревожные службы, связанные с предельным психическим напряжением работников: УАСС, пограничников, общественные инспекции.

— Вы говорите страшные вещи, Рене!

Борда провел ладонью по морщинистому лицу, раздвинул губы в улыбке.

— Похоже, это первый раз, когда ты отреагировала как женщина, Власта.

Боянова слегка покраснела, нахмурилась.

— Это что: порицание, похвала?

— Ни то, ни другое. Меня всегда поражал тот факт, что ты иногда больше мужчина, чем многие из нас. Не бойся оставаться женщиной, ведь это не умаляет твоих достоинств.

Комиссар справилась с собой, холодно взглянула на заместителя.

— Об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз и в иной обстановке. Второе сообщение?

— Жена Шаламова Купава попала в клинику скорой помощи в Рязани.

— Что с ней?!

— Пси-отравление. По-видимому, она в последнее время увлеклась ви-нарко — музыка, клипы, эйдовнушение, и не смогла самостоятельно выйти из транса. Кстати, мы только что узнали: она попала в сферу интересов социоэтической инспекции[1]. Придется и нам изучить ее окружение, здесь не все чисто.

Боянова помолчала, переваривая сказанное.

— Вы знаете, что у нее ребенок?

— Да, дочь Дарья, от Мальгина. Дочь находится в приюте для «непонимашек»[2] и ни в чем, конечно, не нуждается, но сам факт...

— Дайте координаты клиники, завтра я увижусь с Купавой.

— Зачем?

Боянова озадаченно посмотрела на зама.

— То есть, что значит, зачем? Хочу поговорить с ней, выяснить причины ее увлечения... или вы не верите в мои психологические способности?

— Верю, но прошу с визитом повременить. Вы должны иметь всю информацию, прежде чем пойдете к ней, это лишь увеличит шанс помочь ей.— Борда умоляюще прижал руку к груди.

Комиссар, колеблясь, смотрела на него вопросительно, кивнула.

— Хорошо, пойду позже, когда вы... разрешите.

Заместитель вздохнул, сделав скорбное лицо: он понимал чувства женщины и на колючие выпады никогда не отвечал.

Разговор закончился.

Боянова вспомнила о личных вызовах, включила виом, и лицо ее при виде дочери разгладилось.

---

[1] Специализируется на профилактике социоэтических отклонений в коллективах *(фант.)*

[2] Детское воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста (жаргон, разг.).

— Мамочка, я так соскучилась по тебе! — раздался в кабинете звонкий веселый голосок.

* * *

Кокос выглядел как и все костюмы этого типа, в таких ходила половина взрослого населения земного шара, настолько удачной, удобной, приспособленной ко всем случаям жизни, красивой и даже элегантной оказалась разработка инженер-модельеров УАСС, специализирующихся на снаряжении и одежде для спасателей. Кокосы для широкого потребления выпускались, конечно, без спецоборудования и компьютерного оснащения, но этот костюм полностью отвечал заказу. Мальгин убедился в этом сразу, как только надел его и включилось сопровождение.

Персональный киб-интеллект кокоса, инк типа «Советчик», носил звучное имя Харитон и хранил в памяти гигабайтовый запас медицинской информации. Он сразу понял, что требуется другу-хозяину, и Мальгин вздохнул с облегчением: с помощью Харитона он надеялся быстрее овладеть бессознательными процессами просачивания знаний из «черных кладов» памяти, а главное, в моменты «выглядывания» из психики «черного человека» мог записать происходящее и в дальнейшем контролировать собственное поведение.

Кокос имел цвет морской волны, а кармашки, накладки и погончики были более темными, почти черными. пришлось заменить светлые кросстуфли на черные.

— Неотразим,— проговорил на ухо Харитон; не на ухо, конечно, пси-связь осуществлялась непосредственно с мозгом, но мысли инка воспринимались как шепот.

Мальгин озадаченно повертел в руке тоненькую дужку эмкана, которую собирался надеть на голову, упрятав под волосы. Он услышал пси-передачу инка без антенны!

— Ты хорошо меня слышишь? — спросил он мысленно.

— Нормально,— ответил Харитон.— Чему ты удивляешься, интрасенс? Ты теперь весь — антенна, приемник и передатчик одновременно, так что привыкай. Кстати, не обладай ты экстрасенсными способностями, вряд ли смог бы подключиться к мозгу Шаламова без аппаратуры, как ты это сделал на Симушире.

— Ты и об этом знаешь?

— Класс обязывает.

Мальгин мысленно пожал руку Харитону, представляя его похожим на Железовского и отца одновременно. Дверь кабинета закрылась за ним.

Из института он отправился сначала домой, поужинал и позво-

нил отцу, чувствуя раскаяние: обещал звонить почаще, а получается раз в неделю.

— Привет, беглец,— проворчал старик, расчесывая грудь под халатом; он то ли встал недавно, то ли собирался ложиться спать.— Никак я тебе спонадобился?

— Замотался,— развел руками Мальгин.— прости. Что-нибудь случилось? Ты какой-то... смурной. Сердишься?

— Суров — не ладно, смирен — не гораздо,— ответил отец пословицей, не меняя неприветливого тона.— Лучше скажи, как ты относишься к Купаве.

У Мальгина испортилось настроение.

— Как?.. Амбивалентно [1], пожалуй. А что?

— Ты свою заумную медицинскую терминологию оставь! — разгневался старик.— Ты знаешь, где находится твоя дочь?

Клим озадаченно почесал переносицу.

— Она сказала — у мамы... ее мамы...

— Так вот, Дарья сейчас в приюте для «непонимашек»! Что происходит с Купавой? Я хотел с ней побеседовать, но ее нет дома.

— Ну... я выясню,— осторожно сказал Клим.— Не принимай так близко к сердцу, па. В наше время сдача детей в приют — далеко не трагедия, это же не детские дома двадцатого века.

Мальгин-старший налился кровью, хотел что-то сказать, но вместо этого выключил связь со своей стороны. Виом превратился в облако рыбьей чешуи.

Хирург некоторое время вглядывался в это облако, потом покачал головой и сказал вслух:

— А мне она ничего не сказала...

Подумал: придется нанести еще один визит. Он вспомнил самодовольную ухмылку Шумана, пренебрежительную складку губ Гзаронваля-Руцкого — нынешних приятелей Купавы,— и настроение испортилось окончательно.

А ведь ее надо забирать, отрывать от этой компании занятых собой суперменов, иначе скатится в пропасть. Ведь начала же она увлекаться наркомузыкой? И Шаламова нет рядом. Ау, Дан, где ты? Лучше бы ты забрал ее с собой, как намеревался давеча, а то примчался, надарил финтифлюшек с загадочными свойствами — и только Митькой звали!..

Мальгину вдруг остро захотелось увидеть Купаву, дотронуться до ее руки, поцеловать волосы...

— Стоп! — сказал он сам себе.— Успокойся, мастер. Конечно, можно изредка «к колодцам глаз ее ходить на водопой», как говорил поэт, но и только, поцелуи канули в прошлое, осталось лишь лелеять образ печальной феи, страдать и плакать по вечерам...

---

[1] Амбивалентность — наличие нежных и враждебных чувств одновременно.

— Страдание имеет смысл, если ты при этом становишься иным,— сказал кто-то внутри Мальгина.

— Это кто еще? — спросил мысленно Клим, вслушиваясь в тишину памяти.— Кто это сказал? Ты, Харитон?

— Вероятно, это второй или даже третий твой «я»,— отозвался инк.— Сложный ты человек, Мальгин, страннопримимный — был такой термин. Таким; как ты, обычно трудно жить. Примешь совет?

— Валяй,— хрипло сказал Клим.

— Не устраивай слишком часто тризну по любви, не зацикливайся на надежде что-то вернуть, что-то исправить, это невозможно. Строй новый дом и новую жизнь.

— Contra spem spero...[1]

Харитон «вздохнул» совсем по-человечески — так воспринимался его пси-импульс.

— Ох и тяжело мне придется с тобой, мастер!

Мальгин невольно засмеялся.

— Терпи, советчик. Успокаивать ты умеешь, но вылечить меня от самого себя — вряд ли.

Тонкая игла боли вонзилась вдруг в глазное яблоко, проникла в голову, лопнула в ушах. Черная пелена застлала глаза, внутри Мальгина шевельнулся кто-то огромный, тяжелый, бесформенный, угрюмый, проговорил глубоким басом Железовского, так, что завибрировали кости черепа:

— Трансформ... глубь... система связей трансформ да!

Перед глазами хирурга на черном фоне высветился сложный узор, напоминающий корневую систему дерева и что-то еще, живое, странно знакомое. Да это же нервная система человека, сразу не узнаешь без контуров тела, сообразил Клим, лихорадочно пытаясь овладеть гаснущим сознанием.

— Трансформ вектор,— снова загремел голос,— здесь и здесь...

Красная светящаяся стрелка коснулась нервных узлов позвоночника, брюшной полости.

— Здесь да еще...

Стрелка уперлась в мозжечок.

Указанные участки нервной системы налились светом, зашевелились и стали изменяться, пуская отростки во все стороны.

— Нет! — надсадно крикнул Мальгин внутрь себя, напрягаясь до боли в сердце. Кровеносные сосуды превратились в трубопроводы доведенной до кипения крови, казалось, еще мгновение — и они лопнут! Волна боли затопила голову, хлынула через глаза, рот, уши, погасила слабый голос рассудка, и Мальгин провалился в небытие...

Пришел в себя от далекого зова:

---

[1] Надеюсь вопреки надежде *(лат.)*

— Кли-и-и-м!

Открыл глаза.

Он лежал лицом вниз на ворсистом ковре, поджав руки. Голова была пустой и звонкой, как барабан, и бродили в ней странные звуки: шорохи, скрипы, свисточки и звоночки — будто работали миниатюрные механические часы. Тело было ватным, рыхлым и необычно большим, словно распухло, увеличилось в объеме.

— Выплыл! — просочился в уши тихий шепот.

— Харитон, ты?— подумал Мальгин.— Что со мной?

— Очередной информационный выброс из «черного клада». До сих пор не понимаю, как ты с ним справился! Буквально запер на замок! Силен, мастер! В состоянии вызвать скорую?

— Не надо, я так оклемаюсь, только полежу немного. Все записал?

— Что услышал — записал, но не все понял.

— Потом разберемся, вовремя я тебя подключил.

Мальгина вдруг затрясло. Пришло ощущение полной беспомощности и безнадежности сопротивления. «А ведь похоже, что я третий «черный»,— подумал он со страхом.— Иду вслед за Шаламовым и Лондоном. Смогу ли в следующий раз удержаться на грани трансформации? Хватит ли сил? Груз во мне, оказывается, гораздо опасней, чем я предполагал, а бороться с ним долго на пределе выносливости я вряд ли смогу».

Цепляясь за диван, он с трудом встал, посмотрел на себя в зеркало.

— Или смогу?

Никто не ответил...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Из теснины Ущелья Умолкших Криков поезд вырвался на простор Серебряной долины, и взору открылся волшебный уголок необжитой людьми природы: слева от колеи текла река Уицилопочтли, прозрачная до самого дна, справа громоздились цилопические глыбы камня, рухнувшие когда-то со стены каньона, а впереди засверкали платиновым блеском скалы Рока, в которых индейцы прятали свои серебряные копи.

— Приготовились,— сказал сержант, погладив пушистые усы и баки, и поглубже надвинул фуражку с кокардой.

Полицейские зашевелились, проверяя амуницию, защелкали обоймами, вынимая их из револьверов и всаживая ударом обратно.

— Как дела, новичок? — обратился к Мальгину вполголоса его сосед, пожилой полицейский, на вид толстый и неповоротливый.— Поджилки не трясутся?

— Нет,— коротко ответил Мальгин, проверяя оба свои револьвера, «веблей» и «смит-и-вессон», достал из заднего кармана третий — «маузер».

Толстяк присвистнул, подмигивая оживившимся товарищам, но сострить не успел: впереди вдруг треснул выстрел, почти неслышимый в грохоте движения, и поезд тут же стал замедлять ход. Раз-

дались крики пассажиров единственного пассажирского вагона в середине поезда, рядом с почтовым вагоном, который охраняла бригада в десять человек.

— Вот они! — крикнул один из молодых напарников Мальгина, коренастый малый с румянцем во всю щеку.

Слева и справа от железной дороги уже скакали всадники на лошадях, паля из карабинов и револьверов по вагонам и паровозу. Их было около двух десятков, все с черными повязками, скрывающими нижнюю часть лица.

— На крышу, вы оба! — рявкнул Мальгину и коренастому сержант.— Помогите Биллу и Харрису.

Мальгин хладнокровно снял выстрелом приблизившегося всадника, прикидывая, достанет ли второго, и вздрогнул от крика:

— На крышу, я сказал!

Коренастый малый по имени Мараин полез из окна первым, глаза у него стали испуганно-просящими и в то же время отчаянными. Мальгин подстраховал его и ловко вылез на крышу следом, будто делал это всю жизнь.

С высоты вагона стала понятной причина остановки поезда: впереди поперек рельсов лежал огромный валун.

Всадники перегруппировались, и теперь пятеро из них атаковали паровоз, из трубы которого валил черный дым, а остальные принялись делать дуршлаг из почтового вагона. Полицейские дружно отвечали им из узких окон, но огонь их постепенно слабел.

Мараин добрался до тендера, но дальше не прошел, пуля вошла ему прямо в висок. Мальгин, подобравшись ближе, несколько мгновений разглядывал его побелевшее лицо, и вдруг будто все демоны ночи проснулись в нем: гнев, боль, неистовая ярость, ненависть и жажда победы. Время словно остановилось для него, действие превратилось в кадры замедленной съемки: за секунду он успевал делать множество разных движений, различать тысячи звуков, видеть то, что не увидел бы раньше. Если до этого ситуацией управлял некто свыше, как бы диктуя ей стандартное разитие событий и закономерный финал: гибель защитников, ограбление поезда, уход банды,— то теперь управление перешло в руки Мальгина, способного предугадать любой шаг противника и ответить на удар.

Сначала он, стреляя с двух рук, поверг наземь тех бандитов, которые лезли на паровоз, угрожая машинистам. Затем, засев за кучей угля в тендере, принялся одного за другим снимать нападавших на почтовый вагон, ни разу не промазав. Бандита, который прятался за дымившей трубой и прострелил ему шляпу, Клим накормил куском угля, попав ему в зубы и раздробив челюсть.

Стрельба стала стихать. Бандиты начали оглядываться, нервничать, и наконец их главарь дал сигнал к отступлению.

Мальгин не стал дожидаться новой атаки. Спрыгнув на каменистую насыпь, он в два приема отвалил камень, лежащий на рельсах и весивший не менее трехсот килограммов, и не успел махнуть рукой машинисту, чтобы тот давал ход, как вдруг со всех сторон донесся звон, а в небе вспыхнул алый шар и развернулась надпись: «Сбой программы! Сеанс отменяю».

Все вокруг застыло, словно превратилось в нарисованные декорации: поезд, летящие птицы и даже хлопья дыма и пыль; люди и кони окаменели, превратились в скульптуры.

Мальгин посмотрел на револьверы в руках — их барабаны были пусты,— бросил на землю, потом поступил так же и с третьим, в котором оставалось еще четыре патрона. Повернулся спиной к паровозу и пошел к нагромождению скал, за которыми скрылась изрядно поредевшая банда Черного Джека.

На седьмом шаге он вышел в свою спальню, в одних плавках, без фуражки и костюма полицейского конца девятнадцатого века.

На столе подмигивал оранжевым глазом хрустальный куб пси-сонора, только что выключившего КПР сенсфильма по мотивам рассказов Брет Гарта.

— В чем дело? — осведомился Мальгин, расслабляясь окончательно.

— Вы нарушили программу,— сухо ответил компьютер проектора.

— Каким образом? Я же подчиняюсь законам игры, законам фильма, как и все его персонажи. В любом случае, если ограбление было запланировано удавшимся, оно д о л ж н о было состояться! Меня кто-то обязан был пристрелить или, на худой конец, ранить.

— Я не увидел такой возможности.— Проектор пси-сонора потух, комп отключился. Этот не был инком высокого класса и не мог проанализировать случившееся.

Мальгин принял душ, посидел на диване с бокалом испли, размышляя о своих возможностях, и пришел к выводу, что все идет нормально.

Спектр выбора действующих лиц в сенсфильмах был весьма широк. В зависимости от темперамента и агрессивности, добра и зла, воли и желания, зритель-участник мог стать кем угодно от пророка до убийцы, но Мальгин еще ни разу не становился отрицательным — по стандартам и нормам цивилизованного поведения — персонажем. Это обстоятельство обнадеживало, хотя резервов психики и влияния «черных кладов» на личность хирург еще не выяснял. Конечно, стоило попробовать погулять в мирах пси-сонора еще раз, убедиться в точности собственных оценок, однако особого желания к иллюзорным приключениям Мальгин не испытывал.

Позвонив в институт, он поговорил с Зарембой, выясняя но-

вости, потом со Стобецким, сообщив ему о желании отдохнуть «за пределами профессии», и остался наедине с собой, не зная, что делать дальше. Он отлично осознавал, что для службы безопасности он представляет объект, требующий пристального внимания, а для психологов еще и потенциального больного с внутренней, не осознаваемой им самим патологией, но считал, что способен справиться с собой сам, без вмешательства иных сил. А еще Клим вдруг резко захотел сменить поле деятельности, найти такую работу, которая не давала бы ему ни времени, ни возможности, ни желания уходить в самокопание, в хандру, в мир отрицательных эмоций и жестоких желаний.

Мальгин связался с инком районной инфотеки и попросил представить информатуру по закалке воли. Через полчаса он имел в «сейфе» — голове «домового» — список из двухсот наименований, с удивлением обнаружив в нем романы Достоевского, поэмы Гёте, драмы Шекспира и Шиллера, и пьесы Островского. Хмыкнув, Клим ознакомился со списком, отобрал для начала труды психологов и социологов, как современников, так и классиков, и дал задание «домовому» получить заказанное. Затем на кухне плотно поужинал, хотя ел недавно, часа два назад, и устроился в кресле для очередного сеанса по добыче «черного знания». «Кладов» осталось не так уж и много, десять или одиннадцать, большинство из них Мальгин уже распечатал, перевел в оперативную память и ради перестраховки записал в память «домового», но многого из записанного не понимал. Требовалась большая работа по расшифровке записей, особенно в тех областях знания, о которых Мальгин знал только понаслышке.

Однако заняться собой ему не дали.

В гостиной мягко промурлыкал вызов, а когда «домовой» включил видео, Мальгин остолбенел: на него, чуть улыбаясь, с ироническим прищуром, смотрел Майкл Лондон.

— Ивнинг, мастер, извините, что оторвал от самосозерцания. Хочу предупредить: прежде, чем ломиться иригути, найдите дэгути [1], как говорят японцы. Улавливаете?

— Н-нет.

— Научитесь рассчитывать последствия каждого своего шага, теперь вы не просто человек, имеющий право на ошибки, но интрасенс, и последствия любого неверного шага могут обернуться катастрофой.

— Не понимаю,— нахмурился Мальгин.— Где вы находитесь?

— Не суть важно.

— Важно. Ко мне обратились ваши жена и дочь...

— Знаю, но ничем помочь не могу, ни вам, ни... им. Пока. Раз-

---

[1] Иригути — вход, дэгути — выход *(яп.)*

будите свою футурпамять, Железовский поможет, и тогда мои предупреждения станут ненужными. До связи, мастер.

— Подождите!..

Видео выключился.

«Интересно,— подумал Мальгин, ощущая неприятную пустоту в груди,— что он хотел сказать? Дэгути — иригути... О чем предупредить? Вообще или в связи с конкретной ситуацией?»

Снова зазвонил видео.

На этот раз абонентом оказался Ромашин.

— Не спишь? Могу предложить интересное развлечение. Выбирай: сон или приключение?

— Из двух зол выбирают меньшее,— пробормотал Мальгин.

— Из двух зол лучше не выбирать, как говорят англичане,— засмеялся Ромашин.— Что это ты такой осоловелый? Устал?

— Только что звонил Майкл.

— Лондон? — Эксперт подобрался.— Он на Земле?

— Не знаю, но связь была четкой, наверное, на Земле или в Приземелье. Сделал странное предупреждение. Сижу, ищу смысл.

— Физики начинают эксперимент по развертке вашей «сверхструны», помните «значок»? Если хотите, можете поглядеть вблизи. Их полигон на Меркурии, сумеречная зона, запад Моря Жары, эскарп Павел, код метро: аш-ню-сорок-сорок. Буду ждать через полчаса. Там и поговорим.

Видео снова погас.

— Не беги быстрей, чем думает голова,— сказал Мальгин вслух, сдерживая первое побуждение переодеться, и заставил себя додумать мысль до конца.

На станции метро «Меркурий-7» он появился через сорок минут, одетый в свой спецкокос. Ромашин ждал его в синем комби официала с эмблемой погранслужбы на рукаве, молча пожал руку, сделал приглашающий жест.

В эллинге станции они сели в герметичный многоместный неф, заполненный молодыми парнями и девушками, и через минуту взлетели.

Сумеречный пояс Меркурия, путешествующий по его поверхности в соответствии с вращением планеты, лег под ними парящим болотом, хотя воды на ближайшей к Солнцу планете не было: пары металлов от бериллия до олова, испарившихся под яростным напором излучения на дневной стороне Меркурия, конденсировались в сумеречном поясе, там, где была видна лишь корона Солнца, его чудовищные протуберанцы, и ползли змеящимися сизыми струями по ущельям и разломам, к древним метеоритным кратерам, осаждаясь на их стенах блестящей изморозью.

Зрелище было необычное, затягивающее, за «болотом» внизу можно было наблюдать долго, однако путь аппарата оказался

короче, чем хотелось. Совершив десятикилометровую дугу в небе планеты, неф упал на купол базы физиков, располагавшейся рядом с гладким полем космодрома; на поле одиноко высился белый конус спейсера погранслужбы «Шевалье».

Пройдя «раздевалку» — бокс для экипировки выходящих наружу исследователей,— шумная группа молодежи повернула налево, а Ромашин повел Мальгина направо, в сторону мигающей стрелки на стене коридора с надписью: «Тутошняя власть». Ромашин понимающе усмехнулся в ответ на озадаченный взгляд хирурга.

— Ребята здесь работают с юмором.

Зал управления полигоном имел треугольную форму и ничем не отличался от подобных центров управления со встроенным инженерно-техническим оборудованием и киб-интеллектронным обеспечением, разве что кокон-кресел в нем было побольше и группировались они в трех местах, каждая группа — напротив своего виома. Клим понял, что из зала можно управлять сразу тремя объектами. Правда, на этот раз все три вириала настраивались на один эксперимент, а поэтому и виомы показывали одну и ту же картину: освещенную со всех сторон серебристую гору со столообразной вершиной, сверкавшую, будто она была усыпана снегом, и замысловатое сооружение на ее вершине с огромной чашевидной антенной, согнутой из треугольного мозаичного листа.

Мальгин разглядел в фокусе антенны золотисто просиявшую каплю в паутинном мешочке креплений, и вдруг словно кто-то огромный и мрачный проснулся в нем, заворочался, так что эхо пошло гулять по телу, и пробурчал низким басом, почти как Железовский:

— Терроморфа глубь... наличие масштаба... запредел...

Мальгин напрягся, пытаясь найти более плотный контакт с этим внутренним великаном — вторым своим «я», перенявшим личность «черного человека»,— но добился лишь вспышки резкой головной боли. Остановился, снимая боль волевым усилием.

Ромашин оглянулся, внимательный, как всегда.

— Что?

— Кто у них главный?

Глаза Ромашина сузились, он почувствовал тревогу, но спрашивать в чем дело не стал, кивнул на кресла:

— Рафаэль Сабатини, я тебя представлю.

Кокон-кресел было пять, еще четыре стояли сзади, обычные рабочие кресла, но без пси-управления и связи. Возле них переговаривались несколько человек в белых кокосах, пять мужчин и одна женщина. Лидер группы, сухопарый и бронзоволицый, с орлиным носом и гривой черных блестящих волос, слушал молодого физика, кивая на его энергичную речь и поглядывая на браслет видео с мигалкой часов.

— Даль-разведка уже сообщала, что обнаружены интересные длинномерные объекты,— услышал Мальгин.— Предположительно, это первобытные «суперструны» с запаянным внутри палеовакуумом. Масса десяти метров такой «струны» по оценке разведчиков равна массе луны. Почему бы не подготовить экспедицию?

— Тебе мало дел на Земле?— сказал второй физик, высокий, узкоплечий, с тонкими чертами лица и холеными руками; в пальцах он вертел пилочку для ногтей.— Зачем мчаться в неизведанные дали, где Макар телят не пас, если я могу свернуть тебе любую «струну» с любыми свойствами.

— Эйжен, ты лукавишь,— мягко сказала женщина, плотная, с короткой прической, черноглазая, с ямочками на щеках.— Мы уже давно поняли, что основная часть явлений скрывается в глубинах микромира, в кварках, глюонах, суперстрингах [1], но для нашей земной техники эти глубины пока недоступны энергетически, поэтому и приходится искать природные источники таких энергий.

— Да все он понимает,— махнул рукой четвертый член группы, совсем юный, с лихорадочно горящими от возбуждения глазами.— Кого ждем, мастер?

— Андрюше не терпится удивить мир и удивиться самому,— скривил губы высокий, любуясь ногтями.

— Я не уверен, что разработанная тобой ди-модель [2] ситуации верна,— парировал юноша.

Высокий пожал плечами, продолжая заниматься ногтями.

— Глубина предвидения всегда ограничена, разве тебе неизвестна эта стандартная формула эфанализа [3]? Как и любой эфаналитик, я тоже могу ошибаться.

— Успокоил,— улыбнулась женщина.

В это время начальник эксперимента заметил подошедших, кивнул на их приветствия.

— Сабатини, Раухваргер, Гонсалес, Малков, Эхлемский,— представил физиков Ромашин, женщину назвал последней.— Криста Адальяно. А это Клим Мальгин, ведущий нейрохирург из Восточноевропейского института травматической нейрохирургии мозга.— По-видимому, Ромашину доставляло удовольствие представлять Мальгина по всей форме.

Клим в ответ молча поклонился.

— Ждем третий угол квалитета,— пояснил Сабатини.— Должен быть сам Ландсберг.

Словно в ответ на его слова в зал вошел председатель СЭКОНа в сопровождении Власты Бояновой. По тому, как переглянулись

---

[1] String *(англ.)* — струна; суперстринги — жгуты натянутого поля десятимерного пространства, свернутые внутри кварков.

[2] Динамическая информационная модель.

[3] F-анализ — от future *(англ.)* — будущее.

Ромашин и Сабатини, Клим понял, что комиссара безопасности здесь не ждали.

— Одну минуту,— сказала Боянова после взаимных приветствий.— Рафаэль, объясните мне суть эксперимента и меры предосторожности.

— Нет ничего проще,— сказал Сабатини.— Суть эксперимента в развертке «суперструны», точнее, «обломка суперструны», который когда-то добыл где-то камарад Ромашин. Поскольку обычные дыробои... пардон, обычные генераторы свертки-развертки, стоящие на всех кораблях космофлота, не годятся, мы разработали и собрали специальную стринг-машину.— Лидер физиков показал на сооружение в растворе виома, установленное на вершине горы.— Машина установлена на порядочном расстоянии отсюда...

— Каком именно?

— В двенадцати километрах. Это вполне безопасное расстояние для любого взрыва, если случится что-то непредвиденное. К тому же база хорошо защищена от любого катаклизма. Вот, смотрите.— Сабатини кивнул высокому коллеге, тот поднес к виску дугу эмкана, дав неслышимую команду.— Это динамическая модель эксперимента.

Вспыхнувший оперативный виом показал сначала схему расположения объектов на полигоне: базу, энергонакопители, реактор, генераторы, стринг-машину,—затем стадии развития «струны» из шаламовского «значка».

— Это фазовая траектория [1] системы,— начал объяснять высокий снисходительным тоном.— Первый узел... второй... распухание... усложнение континуума... развертка мерности... серый фон вокруг — это «размазка» вероятности, расчетный уровень неопределенности. И последняя фаза — реализация цепи Маркова [2] в «струну» nec plus ultra [3].

Ромашин рассмеялся, за ним Сабатини. Высокий — Эйжен Раухваргер поглядел на них недовольно, до него юмор ситуации не дошел, видимо, снобизм был чертой его характера.

— Я поняла,— невозмутимо проговорила Боянова.— Но вы лишь предполагаете, что развитие событий будет соответствовать расчету.

— Эйжен — хороший эфаналитик...— начал Сабатини.

Комиссар прервала его жестом.

— Во-первых, наш мир устроен так, что случайность и неопределенность — его объективные характеристики. Понимаете, о чем

---

[1] Ряд промежуточных состояний.

[2] Цепь Маркова — последовательность произвольных состояний, вероятность наступления каждого из которых зависит от предыдущего.

[3] До крайних пределов *(лат.)*

речь? Во-вторых, как бы точно ни задавалось прошлое, нельзя абсолютно точно предсказать будущее. Это что касается прогноза. Короче, у меня есть все основания требовать соблюдения «срама» по формуле ВВУ [4].

Сабатини потускнел, но, в отличие от своих более молодых коллег, сдержал возражения.

Мальгин прислушался к пси-фону Бояновой и понял, что ей тоже звонил Лондон. Вот откуда ее основания, подумал он с удивлением. Однако она смелый человек, если доверилась экзосенсу, не доверять которому имеет все права.

Ему показалось, что кто-то вдруг одобрительно похлопал его по спине, но мгновение спустя Клим осознал, что это эхо пси-передачи. В зале находился еще один интрасенс. Хирург «растопырил антенны», обнимая сферой метачувствительности весь зал, и увидел его: длиннолицый мужчина, на вид лет пятидесяти, смотрел на него, иронически приподняв бровь.

— Кто вы? — мысленно спросил Мальгин.

— Один из нас,— пришел тихий ответ.— Варлиц. Разве вы не сразу засекли меня?

— Я еще неопытен.

— Понятно.— Невидимые пальцы проникли под череп Мальгина, погладили лобные доли мозга, щекотно прошли затылок.— Теперь я вижу: вы еще не включены в парасвязь. Попросите Аристарха, он поможет.

— Вы его знаете?

— Мы все знаем друг друга.

— А здесь чем занимаетесь?

— По просьбе геологоразведки ищу месторождения редкоземельных элементов, по образованию я геофизик...— Варлиц отвернулся, Клим перестал ощущать его пси-шепот.

Разговор длился несколько секунд.

Боянова и Ландсберг сели в кресла позади операционных коконов, Ромашин жестом пригласил Мальгина сесть рядом.

— А что скажет интрасенс Мальгин?— спросила вдруг Боянова, бросив на хирурга косой взгляд.

— Я бы посоветовал надеть всем «заскоки» и держать «Шевалье» готовым к немедленному старту,— ответил Мальгин.

Комиссар посмотрела на него более внимательно, кивнула, отвечая скорей своим мыслям; Сабатини, оглядывающийся на них в сомнении, принял ее решение без слов.

Через минуту кибер принес груду защитных скафандровых комплексов, и когда все в зале облачились в них, Мальгин не сдержал смешка: показалось, в зал забрело стадо странных зверей:

---

[1] Аббревиатура слов «внезапно возникшая угроза» — термин спас-службы.

не то белых крокодило-медведей, не то гамадрилов-альбиносов. Верхний слой скафандров представлял собой подобие косматой шкуры и отливал сединой. ЗСК не надели только руководители эксперимента, кокон-кресла представляли им не менее надежную защиту.

Шлемные накидки никто не застегнул, и, казалось, шеи людей были укутаны толстыми ворсистыми шарфами.

— Игнат,— вдруг обратилась Боянова к Ромашину,— вы хорошо разбираетесь в физике «суперструн»?

— Как и любой флибустьер моего класса,— серьезно ответил эксперт, но, заметив мелькнувшую в глазах женщины озабоченность, добавил:— Как и любой инженер-системник.

— Объясните мне популярно, что такое «суперструна», а то я слышу это слово часто, но толком не знаю, что оно обозначает.

— Вообще-то, «сверхструна» — одномерный объект, имеющий одно измерение — длину, и образуется она в результате компактификации — свертки остальных измерений. В начальные мгновения рождения нашей Вселенной такие «струны» рождались во множестве, потом большинство из них рассосалось, а оставшиеся в результате инфляционного раздувания...— Ромашин остановился.— Я понятно изъясняюсь?

— Пока да,— сухо ответила Боянова.

— А остальные «струны» в эру инфляции Вселенной разбросало на колоссальные расстояния друг от друга, поэтому они так редко встречаются. Внутри каждой «сверхструны» время трехмерно, а пространство одномерно, и лишь вход в «струну», так называемая Горловина...

— Меня интересует практический аспект проблемы. Ведь метро тоже использует «струнный» принцип? Как же объект, сжатый в «струну», а тем более живое существо потом принимает свою былую форму?

— Вы слегка упрощаете картину,— пришел Мальгин на помощь Ромашину.— Не живое существо, в том числе и человек, сжимается в «струну» при «движении» как макрообъект, а все его частицы — протоны, нейтроны, электроны, а на самом деле еще глубже — кварки, из которых состоят частицы, а из них тело,— превращаются в «струны», и дальше «летит» уже пакет «струн», пакет информации, хотя по толщине он и тождественен толщине одной «струны», если только правомочно применять термин «толщина». Обратное превращение пакета в объект — это физический процесс типа роста кристалла, только скорость этого процесса неизмеримо выше.

— Спасибо,— поблагодарила Боянова, отворачиваясь к Ландсбергу.

Руководитель эксперимента за это время успел предупредить пограничников, чтобы они были готовы к немедленному старту,

и дал команду инку начать отсчет. В зале раздались звуки метронома.

Снова тревожно сжалось сердце. Ощущение ворочавшегося внутри бесформенного великана не проходило, подсознание силилось предупредить хозяина о чем-то, но Мальгин пока не понимал голоса интуиции, хотя и слышал его.

Свет в зале погас, наступила полная тишина.

Гора со стринг-машиной высилась перед людьми так близко, что, казалось, до нее можно добросить камень. Стали заметны гофрированные шланги энерговодов и золотистые сеточки-паутинки преобразователей электромагнитных полей.

— Внимание: первая фаза — раскачка! — раздался в зале голос контролирующего инка.

Картина в виомах не изменилась, лишь над горой зажглись алые вертикальные огни, плавно скользнули в небо, исчезли. Прошла минута, другая...

Ромашин шевельнулся, посмотрел на Мальгина с неопределенной усмешкой, сказал вполголоса:

— Я начинаю волноваться, и знаете почему? Боюсь, ничего у нас не получится. Этот «значок»... мне он напомнил одно понятие в индийской мифологии — татхата. Знаете, что это такое?

Мальгин отрицательно качнул головой.

— Татхата, или татхагатагарбха,— особое завершенное состояние, при котором вещи обладают абсолютным тождеством, не имеют названия и объяснения, не подчиняются никаким изменениям и не обладают никакими свойствами.

— То есть выходят за пределы человеческого познания?

— Ваш скепсис понятен, и все же обрывок «струны», найденный где-то Шаламовым, знать бы, в каком месте, очень напоминает татхату. Вряд ли мы его развернем.

В фокусе антенны сверкнула яркая голубая вспышка, расплылась колечком дыма. В центре колечка появилась черная точка, а «дым» заискрился сотнями крохотных звездочек.

— Фаза экспоненциального поглощения,— сообщил инк.— Предвижу опасность пробоя.

— Что это значит? — быстро спросила Боянова.

— Очевидно, энергия уходит в дыру «струны» так быстро, что возможен спонтанный разряд генераторов,— ответил Ромашин.— На этом эксперимент и закончится.

Но он не закончился.

Среди физиков, ожидавших своего часа — они готовили другие «громкие» эксперименты,— произошло оживление, они быстрее реагировали на высвечиваемую инком информацию.

— Отмечаю усложнение континуума,— раздался голос координатора.— Пошла развертка! Фаза три — плоскость.

Из черной точки, окруженной кольцом звездочек в фокусе антенны, ударил вдруг веер чистого зеленого огня, развернулся в колоссальное поле параллельно поверхности Меркурия. Сквозь эту плоскость можно было видеть скалы и ущелья, она была тонка и эфемерна, и свечение ее постепенно сдвигалось в сторону ультрафиолетового диапазона.

— Куб!

Веер зеленого, вернее, теперь уже фиолетового свечения превратился в прозрачный конус, вершиной упиравшийся в антенну стринг-установки, ушел краями за горизонт, коснулся нижним краем скалы, и те вдруг начали оплывать, как свечи, испаряться, таять.

— Черт возьми! — проговорил Ромашин.— Эта штука напоминает мне Горловину «серой дыры».

Конус разделился на множество конусов, сидящих один в другом, как куклы-матрешки. Конусы побледнели, почти исчезли, стали совсем прозрачными, а их общая вершина внезапно коснулась антенны и втянула ее внутрь, в себя.

Тотчас же в зале ударил гонг, над вириалом ручного монитора всплыл хоровод алых огней.

— Отключаю энергопитание! — скороговоркой выпалил инк.— Ресурс на исходе... ресурс — ноль!

Гофрированные трубы энерговодов диаметром в два метра каждая, змеящиеся по склону горы к стринг-машине, окутались светящейся голубой «шубой» электроразрядов и более крупными ветвистыми росчерками молний, а затем рассыпались в прах!

— Усложнение континуума вышло из-под контроля! Мерность пространства повышается, в эпицентре зоны мерность четыре... шесть... восемь... двенадцать... двадцать шесть...

На месте конусов появился шар, пронизанный множеством других прозрачных шаров, затем гигантская решетка из плоскостей, сложное переплетение гнутых поверхностей и еще что-то невообразимо сложное, колышущееся и непонятное, светящееся алым и нежно-фиолетовым.

Юбагр — пришел на ум старинный русский термин, обозначавший алый и фиолетовый цвет.

— Пора рвать когти,— пси-сказал молчавший до этого Харитон.— Этот многомерный смерч способен сожрать весь Меркурий!

— Не каркай!

От горы, как и от стринг-установки, уже ничего не осталось, на ее месте росла и росла воронка, уходя вершиной в недра Меркурия. Породы планеты не выдерживали соприкосновения с разбушевавшейся многомерной стихией и таяли, как воск от языка пламени.

— Всем в корабль! — первым опомнился Мальгин.— Через три-четыре минуты волна преобразования будет здесь. Объявите тревогу!

В зале началась тихая паника, превратившаяся в настоящую после того, как часто забил гонг тревоги. К счастью, персонал полигона не превышал трех десятков человек, и все успели добежать до спейсера вовремя.

Мальгин и Варлиц уходили последними, с помощью своего пси-зрения проверив, не остался ли кто-нибудь в подземных сооружениях базы.

Над гигантским уступом — эскарпом Павел — уже вспухал пенисто-прозрачный вихрь приближающейся беды, ни на что не похожий, яростный, неукротимый. Скалы расползались от его дыхания, дымились и испарялись. Твердь под ногами вздрагивала и дышала, как живая.

Едва хирурга с новым знакомым подхватил лифт, спейсер «Шевалье» стартовал. Мягкая сила, начавшая мять его, скручивать и давить, нехотя отпустила корабль, скачком метнувшийся на высокую орбиту.

Виом десантного отсека, куда вынесло эвакуированных людей, показывал часть сумеречного пояса, извилистую линию обрыва — эскарпа Павел и часть Моря Жары, над которой вытягивалось странное, полупрозрачное, вспыхивающее пронзительными звездами, вспухающее, как мыльная пена, облако.

— O Dio mio![1] — прошептал кто-то в отсеке, скорее всего, Криста Адальяно.— Мы же приняли все меры...

— Значит, не все,— отрезала Боянова.— Прима, что там у вас?

В косматых белых скафандрах, похожие друг на друга, тесно сбившиеся люди сейчас еще больше походили на стадо перепуганных медведей, но Мальгин безошибочно угадал комиссара под одной из «шкур».

— Спас-флот поднят по тревоге,— отозвался командир спейсера.— Не волнуйтесь, они знают свое дело, успеют. Не хотите взглянуть? Там, сзади нас, появилось нечто любопытное.

В виоме откололась часть объема изображения, и внутри него показалась маленькая, блестящая, как ртуть, капля. Скачком увеличилась в размерах, и Мальгин с Ромашиным одновременно издали возглас удивления: видеокамеры спейсера поймали скользящий над планетой знакомый контур «глазастого» — фантома с Орилоуха. По очереди мигающие глаза, скорее птичьи, чем человеческие, которыми был набит «мешок» фантома, с любопытством ребенка взирали на игру гигантских сил внизу, на колоссальный купол Солнца и на спейсер, зависший в небе Меркурия.

---

[1] Боже мой! *(ит.)*

2

Макар Мальгин, отец Клима, женился поздно, в сорок два года, и потерял жену через шесть лет после рождения сына: она была океанологом и погибла во время экспедиции в Марианскую впадину, самую глубокую в Тихом океане. Клим поэтому не очень хорошо помнил мать, но Макар помнил все до мельчайших подробностей и забыть жену не смог до старости, так и не женившись второй раз.

Сына в приют он сдавать не стал, воспитывал его сам, несмотря на собственную занятость и наличие родственников, охотно откликавшихся на просьбы посидеть с малышом.

Женитьба Клима обрадовала его несказанно — сын тоже не торопился, женившись в тридцать,— и невестку он принял, как родную дочь, отдав ей ту накопленную сумму нежности и тепла, которую не успел отдать жене. Старик души в ней не чаял, прощая все занозы характера, тем более зная жесткий характер сына. Уход Купавы надолго выбил старика из колеи, он переживал это событие так, как не переживал, наверное, сам Клим, и стал более замкнут и угрюм, хотя и не потерял своей изначальной доброты.

Узнав случайно о том, что внучка в приюте, Мальгин-старший сначала не поверил ушам: Купава была, по его мнению, не из тех, кто не любит детей, да и родственников у нее хватало, хотя с матерью своей она и не ладила — причина была известна только самой Купаве. Потом старик осмелился позвонить бывшей невестке и был потрясен, когда она спокойно солгала, что дочь, мол, находится у мамы.

То, что вокруг Купавы вьются молодые люди, Макара никогда не тревожило, он знал ее достаточно хорошо и верил в приятельские отношения: женщина была очень красива, неординарна, чему же удивляться? Но на сей раз, увидев Купаву среди одетых весьма вызывающе парней — сюр-моду Мальгин-старший не понимал и не любил,— старик задумался и долго анализировал свои впечатления, пока наконец не решился навестить Купаву, поговорить с ней по душам и выяснить, где находится внучка. Интуиция ему подсказывала, что женщина не очень счастлива, хотя и пытается бодриться и выглядеть независимой.

Была у Макара мысль поговорить и с сыном, узнать, что тот думает делать дальше, если Шаламов так и не найдется, но старик пока не решался заводить этот разговор, видя, как его железный сын, человек-да, мучается и страдает, не придя сам ни к какому решению. Да и руки у него были связаны, пока судьба Шаламова оставалась неизвестной.

Последняя встреча с сыном заставила Макара действовать более решительно. Вечером двадцать девятого сентября он собрал вещи Купавы, оставшиеся от ее последнего пребывания на хуторе

Мальгиных, подумал, что предлог нашел не совсем удобный, но оттягивать визит не стоит. К тому же его вряд ли одобрил бы Клим.

Метро, а затем такси, за полчаса доставили Мальгина-старшего с его хутора в Брянских лесах в Псков, к дому Купавы, и Макар, набравшись духу, показал себя дверному автомату. К его удивлению, дверь не открылась, хотя было еще не поздно — шел девятый час вечера. Правда, в это время года темнело еще в шесть.

Макар зачем-то помахал рукой, опомнившись, спросил:

— Хозяева дома?

Автомат не ответил, зато дверь через несколько секунд убралась валиком в сторону. На Мальгина смотрел красивый молодой человек, одетый в сетчатую майку и шорты, раздувающиеся на бедрах пузырчатыми буфами. Был он широкоплеч, загорел, накачан, на лице с тонкими губами застыло выражение скуки пополам с ленивым превосходством. Этого парня Макар уже видел в компании Купавы, звали его Марсель Гзаронваль.

— Вам кого? — спросил Гзаронваль, загораживая вход. Потом в глазах его мигнули злые огоньки, и скука уступила место неприветливости.— Кажется, к нам пожаловал родитель знаменитого хирурга? Зачем?

— Кто там, Марс? — раздался из глубины квартиры еще один мужской голос, и за спиной Гзаронваля показался второй молодой человек в чем-то, напоминающем балахон в павлиньих перьях.— Что ему нужно?

— Это предок Мальгина,— поигрывая мышцами живота, процедил Гзаронваль.

Лицо второго парня мгновенно стало холодным и злым, глаза сузились, ощупывая фигуру Мальгина с головы до ног.

— Какого... лешего ему здесь?.. Своего дома нет, что ли?

Макар растерялся. Всегда исповедовавший принцип взаимного доброжелательства, готовый на компромисс ради установления добрых отношений, он, встретившись с принципиальным неприятием его интересов, на какое-то время потерял ощущение реальности.

— Позвольте...— пролепетал он, краснея.— Здесь живет моя невестка, Купава, почему вы?..

— Бывшая, папаша,— буркнул Гзаронваль,— бывшая.

— Какое это имеет значение? Я хочу поговорить с ней. В чем дело? Позовите ее, пожалуйста.

— А шел бы ты, предок, пока цел-здоров,— взорвался вдруг ни с того, ни с сего второй, в «павлиньем» одеянии.— Тебя еще только здесь не хватает! Пошли, Марс.

Всякое бывало в жизни Мальгина-старшего, но т а к его не оскорбляли ни разу. Ошарашенный выпадом, не зная, чем он вызван, но догадываясь, что это как-то связано с Климом, Макар слепо двинулся на юных атлетов и получил несильный, но резкий удар

в переносицу — «павлин» нанес его через руку Гзаронваля и ударил бы еще раз, если бы старик не упал, услышав сквозь звон и боль в голове недовольный возглас Марселя:

— Осторожнее, Билл, какая муха тебя укусила?

Очнулся Макар через минуту. В голове гудело, из глаз лились слезы, и по губе текло что-то горячее и соленое. Он вяло дотронулся до лица — это была кровь. Кулак «павлина» по имени Билл повредил переносицу.

— Черт возьми, за что?! — совершенно искренне удивился старик, доставая платок и промокая кровь под носом, перевернулся на спину. Затем расслабился, успокаиваясь, унял слезы, кровь и встал. Дверь была закрыта, Купава так и не вышла. И вдруг на старика что-то нашло; сказалось все, что накопилось в душе, плюс ничем не спровоцированное оскорбление и унижение, которому не было никакого оправдания. Он толкнул дверь рукой, а когда она не поддалась, ударил ногой что есть силы. Автомат открыл ее на третьем ударе.

Отшвырнув появившегося в проеме красавца-«павлина», Мальгин-старший прошел в гостиную, затем в спальню, не отчечая на изумленные взгляды двух мужчин, одним из которых был Гзаронваль, заглянул на кухню: Купавы нигде не было.

— Где она? — коротко спросил он, вернувшись в гостиную, так глянув на ворвавшегося следом «павлина», что тот невольно отступил, проглотив порцию ругательств.

— В лечебнице,— помедлив, ответил Гзаронваль, переглянувшись с собеседником; его Макар не знал.

— В какой? Впрочем, это я выясню сам.— Старик направился к выходу и уже из прихожей добавил:— Я не спрашиваю, что здесь делаете вы в отсутствие хозяйки, но было бы лучше, если бы вы покинули этот дом.— Мальгин-старший тоже умел быть твердым.

Дверь закрылась за ним, отрезав шипение «павлина».

* * *

Полюбовавшись панорамой Хельсинки с башни музея-крепости Суоменлинна, Боянова вызвала такси и спустя четверть часа вышла из пинасса на лужайку перед коттеджем Маттикайнена, расположенным в парке под Свеаборгом. То, что председатель Всемирного координационного Совета Тойво Маттикайнен пригласил ее домой, а не в свой рабочий кабинет в здании ВКС, расположенном на окраине рязанского Парка Победы, было не совсем обычным явлением, но комиссар безопасности не привыкла анализировать ситуацию и делать выводы без достаточных оснований, зная, что все в конце концов разъяснится.

Она почти не спала эту ночь (два часа сна — маловато), проведя ее с сестрой в Софии, где та жила и работала. Несмотря на двадцатишестилетнюю разницу в возрасте, Забава была ее точной копией, и различить их могли только близкие люди, да и то с трудом, особенно, если ради смеха они выходили к гостям в одинаковых нарядах. Но характер у Забавы был гораздо тверже, чем у Власты, хотя и у той не подарок, как она сама признавалась, и все же Забава Бояновa славилась той силой воли, упорством в достижении цели, привычкой подчинять свои желания поставленной задаче, а также дисциплиной духа, которые всегда отличают игрока-профессионала от любителя и бойца от труса или просто слабого и нерешительного человека. Кроме того, Забава была интрасенсом, что в свою очередь накладывало отпечаток на ее личность. И вдруг она призналась сестре, что безнадежно влюблена в человека, почти на тридцать лет моложе ее самой!

Власта была потрясена. Не тем, что ее суровая сестра влюбилась («Ничто человеческое не чуждо и нам, интрасенсам»,— как горько пошутила Забава), а тем, какая бездна чувств открылась вдруг в ее гордой и неприступной сестре!

Они проговорили всю ночь, выпорожнив до дна собственные запасы жалости и нежности... и слез, осудили род мужской как таковой и амнистировали его, потому что существовали мужчины, за которыми не грех было идти следом. А потом выяснилось, что мучителем Забавы был Аристарх Железовский, интрасенс, биоматематик ксеноцентра Института внеземных Культур...

— Железовский,— задумчиво повторила про себя Власта, глядя, как идет к ней по траве Тойво Маттикайнен.— Все-таки придется разобраться, что ты из себя представляешь...

Председатель ВКС был высок, поджар, светлоголов, издали выглядел юношей, но вблизи юноша исчезал, уступая место зрелому и умному человеку, чей возраст ясно читался в глазах, частично отражаясь в морщинах на лбу и в энергичной складке губ.

— Вы точны, как комиссар,— с улыбкой сказал Маттикайнен, целуя руку женщины и протягивая ей букетик поздних полевых цветов.— Едва успел нарвать.

Легкая краска легла на щеки Бояновой, и, чтобы скрыть замешательство, она зарылась в букет, вдыхая аромат цветов.

— Какое чудо! Благодарю, Тойво.

— Не стоит благодарности. Идемте в солярий, чай готов, с шиповником, жасмином, чабрецом и селемом. Или вы предпочитаете кофе, какао, солинт, испли, сбитень?

Власта улыбнулась.

— Ийе [1], Тойво-сан, предпочитаю чай.

---

[1] Ийе — нет *(яп.)*

Они уселись в удобные плетеные кресла под поляроидной крышей солярия на втором этаже коттеджа, где был накрыт стол, и Маттикайнен подал гостье пиалу с селемом — лунным медом, изумрудным и текучим, как вода. Чайный сервиз был невероятно красив, и хозяин пояснил с ноткой гордости:

— Дятьковский фарфор. Этому сервизу четыреста пятьдесят лет, мой прапрадед привез его из России в середине девятнадцатого века.

Он щелкнул ногтем по светящейся белизной чашке, почти прозрачной, с цветным орнаментом на боках — персонажи русских былин,— и по веранде поплыл нежный тонкий звон.

Время от времени Маттикайнен на мгновение замирал, словно вслушивался в себя, и Власта, заметив под волосами за ухом хозяина спиральку пси-рации, поняла, что, как и она сама в свой круг, он «впаян» в контур «спрута», соединявшего высших работников Совета и банки их оперативной информации.

Мед был невероятно вкусен, и Боянова не преминула отметить это вслух.

Впервые земных пчел на лунные оранжереи завезли в две тысячи двадцать первом году. Как и растения, не сразу привыкшие к уменьшенной в шесть раз силе тяжести, пчелы тоже адаптировались долго, мутировали и стали давать очень своеобразный мед, названный селемом: жидкий, зеленоватый, с запахом земляники и цитрусовых, с великолепной вкусовой гаммой. В нормальных условиях, то есть в поле тяготения, равном земному, селем сохранялся недолго, и пили его обычно свежим.

— Не удивляйтесь, что я пригласил вас сюда,— сказал вдруг Маттикайнен, проницательно глядя на комиссара поверх своей пиалы с медом.— В последнее время в Совете имеет место утечка конфиденциальной информации, и кое-какие совещания я провожу здесь. Солярий имеет электронную и пси-защиту.

— Оппозиция?

— Вне всяких сомнений. Проявляются странные негативные тенденции к досрочной смене верхней палаты парламента, а социологи рекомендаций не... впрочем, извините, Власта, это наши внутренние проблемы, м о и проблемы.

— По-моему, это наши общие проблемы. Конечно, безопасность — последняя инстанция, пожарная, если можно так сказать, впереди нее идут инспекции социоэтики, психопрофилактики, детской занятости, контроля правонарушений, морали и так далее, но и у нас есть сектор прогноза, который уже бьет тревогу: не все благополучно в нашем королевстве, надвигается волна сдвига нравственности, пора заняться этим на уровне СЭКОНа, Совета безопасности и ВКС.

Маттикайнен кивнул.

— Именно это я и хотел от вас услышать. Вы, случайно, не интрасенс, Власта? Может быть, наши машины хранят не все данные о вас?

— Нет, к сожалению,— покачала головой Боянова.— Сестра у меня — да, интрасенс, а я нет, не удалась.

— Ну, вам жаловаться грех,— прищурился Маттикайнен.— В двадцать семь стать комиссаром безопасности удается далеко не каждому, а точнее — вы первая. Пейте чай, надеюсь, он тоже понравится: финский, со льдом и северными травами.

Молча они выпили по чашке чая.

— Еще? — Маттикайнен взял чайник с заваркой.

— Нет, спасибо. Дефицит времени остается самым острым дефицитом по сей день, особенно для тревожных служб.

— Вы правы, у меня его тоже нет. Вы очень хорошо сформулировали: волна сдвига нравственности, моральных критериев, наработанных человечеством в целом. Труд стал намного легче, возможности для отдыха и развлечений неизмеримо выросли, но соответственно увеличилась и степень деградации слабых личностей. Все это не может меня не тревожить, но я рад, что наши оценки совпадают. В ближайшее время я выйду в Совет с просьбой образовать комиссию по анализу положения, и мне понадобится ваша помощь.

— Как всегда, мы готовы дать свои рекомендации.

— Тогда у меня еще два вопроса. Что случилось на Меркурии? Говорят, вы там были в момент катаклизма.

— Катаклизм был вызван искусственно, физики не учли каких-то обстоятельств при проведении эксперимента с «обломком» реликтовой «сверхструны», и теперь мы имеем на Меркурии интереснейший объект под названием «сфера Сабатини».

Председатель ВКС смотрел вопросительно, Боянова продолжила:

— Развернуть «струну» удалось, и даже успела сформироваться Горловина — вход в нее, но потом началась неуправляемая цепная реакция усложнения континуума: пространство в ограниченной сфере стало многомерным, а количество измерений все увеличивалось и увеличивалось. Кончилось тем, что прилетел старый знакомец, многоглазый орилоухский фантом — нечто вроде прозрачного бесформенного облака, набитого мигающими глазами, и формирующийся объект, по словам физиков, «провалился сам в себя». Теперь полигон представляет собой двухсоткилометровую воронку и жуткой глубины провал... в никуда! Во всяком случае, так это выглядит, причем со всех сторон, с какой ни посмотришь.— Комиссар помолчала.— По уверениям ученых «сфера Сабатини» безопасна, однако я настояла на проверке этого утверждения комиссией СЭКОНа.

— Об этом надо было позаботиться раньше и самому СЭКОНу.

— Ландсберг доверился расчетам и доводам ученых, хотя вины с него это не снимает. Самое интересное,— Власта снова задумалась на короткое время,— что о таком финале меня предупреждал Лондон, хотя и в весьма своеобразной форме.

— Кто?

— Майкл Лондон, бывший начальник отдела безопасности. Экзосенс. Второй после Шаламова.

— Это интересно. Он стал провидцем?

— Интрасенсы тоже могут предвидеть будущее, но в общих чертах, с той или иной вероятностью, поскольку обладают футурпамятью — по терминологии биосоциологов, поэтому предсказать финал конкретного события...— она сделала отрицательный жест.

— Понятно. С другой стороны, что мы знаем о запограничной деятельности мозга? Может быть, в каком-то особом разбуженном состоянии он действительно способен улавливать, чувствовать тень, отбрасываемую будущим. И последнее, что я хотел уточнить: есть ли у вас информация, что где-то и кем-то начата подготовка общественного мнения и волны террора против интрасенсов?

Боянова ожидала этого вопроса давно, уже готовая разочароваться в своей интуиции, но до председателя ВКС тоже докатилось эхо чьей-то злой воли, и реагировал он тотчас же.

— Конкретные руководители находятся в тени, как, впрочем, и исполнители, но подготовка такая ведется, и отдел этой проблемой занимается. Мы обратимся в Совет, как только добьемся результатов.

Маттикайнен еще раз щелкнул ногтем по краю чашки, вызывая затихающий звон фарфора, лицо его отвердело.

— Власта, учтите, игра идет по-крупному, кто-то очень хочет сесть в мое кресло, а для этого не брезгует ничем, вплоть до раздувания истерии толпы. Предотвращая утечку информации, он пойдет на все.

— Мы готовы,— тихо сказала Боянова.

— Хотите, назову кандидатуру?

— Рискуете жестоко ошибиться, Тойво. Конечно, этот кто-то из крупных современных общественных лидеров в мире, не получивший, по его мнению, должного признания, но кто именно? — Женщина покачала головой.— Давайте подождем максимально возможного сокращения альтернатив, это может быть и человек из тени.

Маттикайнен улыбнулся.

— Хорошо, я продиктую имя и спрячу запись до поры до времени. Спасибо за консультацию.

Он довел гостью до стоянки личного транспорта и смотрел вслед пинассу до тех пор, пока не услышал пси-голос «спрута»:

— Все нормально, слежки за ней не обнаружено.

* * *

На багровом фоне росло красивое, светящееся желтым и оранжевым, дерево. Оно было не совсем обычным, без листьев и единого ствола, но все же походило на дерево со сложным рисунком толстых и тонких ветвей, а в местах пересечения ветви образовывали красивые сетчатые узлы и утолщения, сочащиеся алым свечением.

Фракталь, подумал Мальгин отрешенно.

— Терраморфа глубь... очень глубь...— гулким басом возвестил кто-то нависший сверху, как гора.— Трансформ здесь и здесь.— Тонкая зеленая стрелка уперлась в один, потом в другой сетчатый узел.— Нормаль футурвидение.

Мальгин напрягся, и боль водопадом хлынула в тело, наполнила его, ударила в голову...

Кругом горела рожь, дым забивал горло, огонь подбирался все ближе и ближе, и не было сил отползти. Клим закричал. Над полем повис тонкий детский вскрик:

— Ма-а-ма-а!

Раздался конский топот, над лежащим малышом нависла лошадиная морда, чья-то сильная рука подхватила Клима, дым ушел вниз, повеяло свежим ветром. Лежа поперек седла, он увидел, как уходит назад горящее поле хлеба с черными клубами дыма, и догорающее за ним городище.

Удары копыт о землю стали глуше, конь нырнул в лесную тень, остановился. Та же рука подняла Клима, отпустила, и его подхватили другие руки, мягкие, ласковые, горячие, пахнущие травами и солнцем.

— Живый, соколик мой ясный!

— Живый,— откликнулся мужской голос,— сомлел токмо. Пойду погляжу семо и овамо [1], можить, кто жив-от еще, и тронемся...

Голоса отступили в дальнюю даль, растворились в шуме леса, и сам лес подернулся туманом, исчез. Мальгин медленно всплывал из-под толщи серого небытия, пока не почувствовал, что лежит в неудобной позе на каких-то буграх. Открыл глаза.

Он лежал лицом вверх поперек кресла, безуспешно пытавшегося подобрать форму под его позу. Чувствуя пульсирующую боль в затылке, встал, стараясь не делать резких движений, обнаружил рядом поднос с напитками и жадно выпил стакан бальзама. Опуская стакан, заметил, что ладони оранжево светятся, потер их друг о друга, словно стирая грязь. Одако, к его удивлению, свечение исчезло.

Голова прояснилась, тело перестало казаться рыхлым и напол-

---

[1] Здесь и там *(др.-рус.)*

ненным водой, как губка. Мальгин сел в кресло и сказал вслух:

— Кажется, я смертельно болен собой.

— Не смертельно,— возразил кто-то ворчливо,— но веселого мало.

Мальгин встрепенулся, озираясь, потом сообразил, в чем дело.

— Харитон? Долго я провалялся без сознания?

— Это смотря относительно чего считать «без сознания»,— пси-сказал инк.— Около восьми минут. Но собственно инсайт длился тридцать три секунды. Я все записал, хотя, как всегда, не все понял. Сам-то ты помнишь что-нибудь?

Мальгин напрягся, словно собираясь поднять штангу, и память послушно развернула перед ним то, что пряталось в очередном «черном кладе». Специфика жизни «черных людей». Подумалось: за эти сведения ксенологи мне памятник поставят... если до того момента я сам не превращусь в маатанина.

— Не должен,— сказал Харитон.— С таким сильным человеком, как ты, я работаю впервые, другой на твоем месте давно сломался бы. Ведь обладатель баса — «терроморфа глубь» — это же на самом деле прямая команда, программа трансформации мозга, живущая в подсознании и пытающаяся подчинить твое «я». А «дерево» на багровом фоне — твоя нервная система.

— Это-то я знаю.

— Я знаю, что ты знаешь, но до сих пор не могу понять, как тебе удается уходить от атак этой программы, соскàльзывать в древние памяти.

— А вот с этим разбирайся сам, я тоже не понимаю механизма соскальзывания.

Мальгин вспомнил остановившийся взгляд Шаламова, когда память «черного человека» завладела тем полностью, и отголосок былой жути заставил сердце забиться быстрей. Куда ты ушел, Дан? И когда вернешься? Или бываешь на Земле регулярно; а мы не знаем?

Снова перед глазами повис разбухающий, обросший «шубой» исполинских черных молний клубок скомканного, перекрученного пространства, возникший на месте «обломка сверхструны»,— ворота в мир иных измерений. В душе шевельнулись страх и сожаление: войти в эти ворота не было суждено никому. Еще хорошо, что эксперимент решили проводить на Меркурии, достаточно далеко от человеческих поселений, а если бы это сделали на Луне или еще лучше — на Земле?.. Но каков Лондон! Он наверняка знал о результате эксперимента, обладая завидной футурпамятью, но предпочел намекнуть, а не сказать прямо. Скажи он, что произойдет, и никто бы не поверил, а намек заставил насторожиться и вовремя сыграть тревогу. Вот с кем надо бы непременно повидаться.

Мальгин посидел еще немного, отдыхая и чувствуя, как возвращаются силы, приказал «домовому» набрать код Карой. Однако ее комп, осведомившись, кто звонит, ответил, что хозяйки нет дома и не будет еще долго. На вопрос, как долго, он ограничился коротким «спросите у нее», а на второй, где ее искать, туманно сообщил: «В небесах». Видимо, отвечать таким образом было ему предписано самой Карой.

В институте нейроисследований в Вене ее тоже не оказалось, дежурный инк мог сообщить только, что Карой Чокой взяла отпуск на неопределенное время.

Поразмышляв, Клим позвонил Джуме Хану. «Домовой» нашел безопасника в центре системы СПАС в Приземелье; станция была «привязана» к одной точке земной поверхности на высоте десять тысяч километров.

— Привет,— угрюмо улыбнулся Джума в ответ на приветствие хирурга.

— Тебя перевели в спасатели?

— Работа,— пожал плечами Хан, не вдаваясь в подробности, оживился.— Говорят, ты присутствовал на эксперименте по «размотке» «сверхструны»? Что там произошло?

— «Струна» по неизвестным причинам «провалилась» в многомерность, теперь в этом районе образовался, по заявлениям физиков, «бесконечномерный объект», хоррор инфинити [1].

— И с чем его едят?

— По-моему, они сами не понимают, что это такое.

— Эйнсоф.

— Как?

— Эйнсоф — бездна, ничто в понятиях каббалы.

— Объект назвали «сферой Сабатини», по имени ученого, проводившего эксперимент, но эйнсоф — звучнее. Теперь там работает эконадзор, и кое-кому достанется крепко, в том числе и Ромашину.

— Он-то при чем?

— Эксперимент готовился с его подачи, именно он надоумил физиков попробовать раскрыть шаламовский «обломок» «сверхструны».

— Физики должны были сами просчитать варианты финала, эфаналитики есть и у них. И вообще, провал «струны» можно посчитать ситуацией форс-мажор [2]. Ты не очень хорошо выглядишь, мастер. Что-нибудь случилось?

— Просто накапливается усталость.

---

[1] Horror infiniti *(лат.)* — ужас бесконечности.

[2] Непреодолимая сила, стихийное бедствие, обстоятельство, освобождающее от ответственности.

— Надо чаще менять профессию, это стимулирует вкус к жизни. Сужу по себе.

— Я не это имел в виду. Приходится бороться с собой...

Джума поймал его взгляд.

— Не справляешься?

— Пока справляюсь.— Мальгин сжал зубы, вдруг сообразив, что Джума понял его звонок по-своему — как просьбу о помощи.— Джу, я ищу Карой, но ее нигде нет, а «домовой» заявил, что она «в небесах». Что это значит?

Глаза Хана сузились, на миг стали тоскливыми, блеснули вызовом, погасли. Помолчав немного, он сказал с усмешкой:

— Уже два дня не видел я предмета, на третий кончу жизнь из пистолета... Как говорил поэт. А разве она тебе ничего не сказала?

Сердце Мальгина оборвалось, его обдало жаром, но приходилось держать марку, и он постарался не сбиться с тона:

— Ничего. Где она?

— Она ушла из института, решила поменять профессию.— Джума снова помолчал, словно решая, говорить дальше или нет, и добавил:— Карой сейчас на базе коммуникаторов «Эдип-2», там появилась вакансия.

Мальгин открыл рот и закрыл. Он был ошеломлен. «Эдип-2» была базой ИВКа над Маатом, планетой «черных людей», и работали там в основном «отшельники» — ксенологи и контактеры, годами не вылезавшие из скорлупы станции на Землю. Что заставило Карой пойти на этот шаг? Почему она решила вдруг поменять профессию, уйти из коллектива, где ее ценили и любили, в небольшую группу с неизвестными условиями? Неужели из-за него, Клима Мальгина, потерявшего уверенность и в некотором смысле вкус к жизни?

Джума покачал головой, отвечая, скорее, своим мыслям, а не переживаниям хирурга, видимо, отразившимся на его лице сквозь маску сдержанности.

— Она ушла не от тебя, мастер, и не от меня — от себя. Хотя прекрасно понимает, что уйти от себя невозможно. Следующий шаг...— он не договорил, но Клим понял и так. Следующий шаг был его.

Виом свернулся в уголек, погас. Мальгин, сгорбившись, сидел перед тюльпаном «домового», и в голове его царил бедлам.

Из этого состояния, длившегося минут двадцать, его вывел Харитон:

— Предлагаю последовать совету.

— Какому? — очнулся Мальгин.

— Поменять профессию. Она тебя давно уже не удовлетворяет, пора бы уж признаться и самому себе. На крайний случай перемени

обстановку, отвлекись, займись работой с ксенологами ИВКа, они ждут информацию о маатанах с нетерпением, а у тебя есть что им сказать.

Мальгин хотел было поставить Харитона на место, потом задумался и признал логику инка заслуживающей внимания. Он позавтракал второй раз, позвонил в институт, поговорил с Зарембой и поспешил к стоянке такси, решив начать день с поисков Лондона. А у дома столкнулся с Ромашиным, спешащим навстречу.

Оба обрадовались друг другу, хотя Мальгин видел это, а Ромашин нет. На жемчужно-сером фоне пси-зрения хирурга Игнат всегда делился на две дюжины «призраков», почти совпадавших контурами: первая — всех оттенков светло-зеленого цвета, вторая — голубого, и обе дюжины — пакеты биополей «тэта» и «гамма» — прекрасно укладывались в характер Атоса, каким его описал Дюма. Правда, с некоторыми несущественными отклонениями в сторону характера Арамиса.

— Совершенно случайно шел мимо,— сказал Ромашин с веселым блеском в глазах.— А вы не ко мне?

— Хотел проведать Лондонов. Жена и дочь могут знать, где он находится.

— Зачем он вам понадобился?

— Майкл обладает полным запасом маатанских знаний, не то что я, и, вернее всего, знает, как найти Шаламова. В конце концов надо же когда-то ставить точки над «i».— Клим имел в виду ситуацию с Купавой и не стал пояснять свои слова, но Ромашин понял, что за этим стоит личное.

— Что ж, попробуйте. А вечером встретимся у меня, не возражаете? Единственная заковыка: я не знаю, где Аристарх. Может, вы в курсе?

— Мне он тоже ничего не говорил, но я попробую отыскать его.

— Итак, часов в девять по средне-солнечному вас устроит?

— Вполне.

Они разошлись в разные стороны. Через полчаса Клим входил в квартиру Майкла Лондона, семья которого собиралась ко сну: здесь царил поздний вечер.

Пробыл хирург у Лондонов недолго, ни Катерина, жена Майкла, ни его дочь Акулина, смущенная чем-то, не знали, где в данный момент находится их муж и отец.

Спектр их пси-двойников различался мало, разве что у Акулины их было больше, чем у матери, и к голубому и розовому заметно примешивались вишневые и багровые тона, говорившие о переживаниях за родного человека.

Катерина Лондон была одета по моде флапперс [1] — в шорты

[1] Женщина-подросток.

и спортивную майку, да и прическу имела соответствующую: волосы коротко острижены и зачесаны на лоб. Акулина куталась в пузырящийся, переливающийся всеми цветами радуги халат, будто ей было холодно. И обе женщины смотрели на гостя с тревогой и ожиданием.

С тех пор, как Мальгин впервые побывал в гостях у Лондонов, в квартире ничего не изменилось, лишь к запахам «одор ди фемминa»[1] прибавились запахи кухни и сушеных трав. Но запахов «лунной пыли», странных и дразнящих, сопутствующих путешественникам по звездам, Клим не почувствовал. Зато он сразу отметил необычный перстень на пальце Катерины: он то становился твердым, блестящим, ощутимо металлическим, то расплывался колечком зеленого дыма с искорками внутри.

— Майкл подарил? — кивнул хирург на перстень.

— Что? А... да,— подтвердила Катерина, озабоченно посмотрев на руку.— Два дня назад я обнаружила кольцо в шкатулке с пси-запиской: «Это тебе, носи, не снимая».

Два дня назад Лондон был на Земле, подумал Мальгин. Мне он тоже звонил в это время. Впрочем, может быть, он никуда с Земли и не уходил, а с семьей не живет, чтобы лишний раз не травмировать женщин.

— Значит, дома он не появлялся? Расскажите-ка еще раз о своих впечатлениях от прежних встреч. Если, конечно, это не слишком вас расстраивает,— добавил хирург вежливо.

Катерина, а потом и ее дочь, рассказали, дополняя друг друга, как вел себя Майкл после ухода из реанимационного отделения институ́та, и Мальгин понял их не проходящее до сих пор ошеломление, тревогу, растерянность и надежду. Надежду на возвращение «полноценного» любимого человека. Но понял Клим также и самого Лондона, принявшего чудовищный груз маатанского «закупоренного» знания. Если уж закаленный Мальгин с трудом оборонялся от нападений своего второго «я» — программы «черного человека», получив минимум чужого знания, то что говорить о Майкле? Утешить женщин было нечем, хотя Клим и попытался это сделать, попросив, чтобы ему дали знать, как только Майкл появится дома.

Он не стал задерживаться в доме Лондона, несмотря на приглашение поужинать и собственное желание перекусить. Схожесть Акулины с Купавой мешала сосредоточиться, сбивала с мысли, и в душе почему-то крепла уверенность, что с Купавой что-то случилось.

Попрощавшись с женщинами, почти одинаковыми в переживаниях, разве что одна была старше и сдержанней, Мальгин пере-

---

[1] Odor di femmina *(ит.)* — запах женщины.

несся в Нижний Новгород, на окраине которого жил Железовский. Однако дома математика не было. Не оказалось его и на территории Института внеземных Культур, расположенного подо Ржевом. Тогда Малыгин углубился в лес, окружавший лаборатории ИВКа, по тропинке забрался в глухой уголок и присел на гранитный валун, останец древнего ледника, лежащий в окружении столетних акаций, берез и клена.

Сосредоточился.

Временами, где бы он ни находился, на него накатывался глухой шум в пси-диапазоне, напоминающий шум прибоя и говор толпы одновременно, и отстроиться от него, заглушить, было не так-то просто. Клим относил это явление к эффектам работы «черных кладов» и намеревался с помощью Аристарха «задавить» шум окончательно. С трудом избавившись от шумового фона и на этот раз, хирург прислушался к себе, к настороженной тишине вокруг, и, подумав: «Ну, мои мысли — мои скакуны, как поется в песне, не подведите!» — включил «форсаж» сердца и гиперохват мозга.

Голова стала стремительно распухать, вбирая в себя окружающий мир: исчезли деревья, лес ушел вниз, стал виден словно с высоты птичьего полета, затем и он отодвинулся, превратился в ковер, объем видения все увеличивался и увеличивался, захватил всю Землю, Приземелье, Солнечную систему, Галактику, и наконец Мальгин испытал ни с чем не сравнимое ощущение необъятности Вселенной! Казалось, пошевельни он пальцем — и взорвется целое скопление галактик! Колоссальные объемы пустоты, заполнявшей пространство между волокнами и стенками галактических сверхскоплений, проходили сквозь голову, как воздух сквозь сито, оставляя странные шорохи, глухое бормотание неведомых стихий и непонятные шепоты неведомых существ...

И вот на этом черном и одновременно прозрачном фоне, полном жизни и движения, тишины и грохота, из конца в конец Вселенной промелькнули сиреневые зарницы, беззвучно сотрясая Мироздание,— мгновенная боль в глазных яблоках и в ушах, будто иглы загнали!— и Клим услышал отчетливый, раскатистый шепот:

— Мастер, немедленно выходи из транса! Ты не подготовлен.

— Кто это? Аристарх, ты?

— Немедленно сними напряжение, загонишь сердце!

— Где ты? Я просто пытаюсь найти тебя, а меня загнало куда-то в дальние дали. Сегодня желательно встретиться у Ромашина, обговорить кое-какие планы.

— Я на Плутоне, буду к вечеру. Отключайся, ты еще не сидишь в нашем поле, а в одиночку такие сеансы осилить невозможно.

— Я встретил Варлица...

— Ганса Варлица? Он же на Меркурии, один из старейших интрасенсов, ему сто двенадцать лет. Ну и что?

— Он посоветовал то же самое — «впаять» меня в это ваше поле.

— Встретимся, обговорим.— Железовский не смог удержаться от восхищения, прозвучавшего в его последних пси-фразах:— Ну ты и даешь, мастер! Чтобы самому, без помощи и тренинга раскрыть границы гипервидения на миллиарды километров и выйти в запределье — это надо суметь! Что, кстати, чревато для здоровья, резервов может и не хватить.

— Мне казалось, я «обнял» всю Вселенную...

— Когда я впервые вышел на этот уровень гипервидения, мне тоже показалось, что я вижу всю Вселенную. Отключайся. А когда придешь в себя, позвони отцу.

— А в чем дело? — Тревога вошла в сердце горячим свинцом.

Но пси-голос Железовского уже потерялся в шумах пространства, перестал сотрясать громадные просторы пустоты, исчез.

Клим хотел найти в этой пустоте двойной шарик Плутона-Харона, но сил не хватило, и мир вокруг стремительно начал сжиматься, пока не провалился в кратер головы. Боль ударила по нервам кипучим валом...

3

Зеленое и голубое... Внизу зеленое: бесконечная равнина, леса и поля с морем трав; вверху голубое: небо и космос за ним, не черный, не глубокий и мрачный — тоже голубой... Тепло... ни ветерка, ни звука — идиллия... Но что это появилось в небесной голубизне? Черная точка... она увеличивается. И цвет неба стал изменяться из голубого в синий, «скатываться» в фиолетовый... Точка приблизилась, превратилась в «черного человека», угловатую кристаллическую глыбу без глаз, но с мощными орлиными крыльями. «Черный человек» остановился напротив, изредка пошевеливая крыльями, и внимательно посмотрел — впечатление было, что он именно посмотрел, без глаз! — на того, кто преградил ему путь...

Власта проснулась с чувством сожаления и тревоги: «черный человек» что-то сказал ей, предупредил о чем-то, но о чем — она уже не помнила.

Полежав немного, женщина вызвала отсчет времени, и рубиновые цифры в потолке над кроватью высветили шесть двадцать восемь утра. Пора вставать.

Размявшись в спортивной комнате, Власта приняла душ, позавтракала, поцеловала дочь — та еще спала и смотрела утреннюю программу снов — и приказала «домовому» не слишком давить инициативу дочери, хотя та в свои шесть лет и не нуждалась в особой опеке. В семь тридцать комиссар была уже в Управлении.

Рабочий день начинался, как обычно, с диалога с инком отдела,

который проанализировал поступившую информацию и рассортировал ее по уровням иерархической структуры службы безопасности. Область ответственности комиссара отдела занимала высший уровень: судороги социума от эпидемий различных болезней, в том числе и психических, до организованной преступности, несмотря на потерю масштабности сумевшей адаптироваться, приспособиться к социальным условиям, мутировать и выжить.

«Чему удивляться? — подумала Боянова с горечью.— Наследие двух веков «свободы морали» не может исчезнуть само собой, да и общество до сих пор предпочитает содержать козла отпущения в лице службы общественной безопасности, чтобы за «разгул демократии» всегда можно было спросить с конкретных лиц. А ведь такое отношение к жизни — моя хата с краю, кто хочет, тот пусть и занимается уборкой мусора — ковалось не одну сотню лет! И началось оно не в середине двадцатого столетия и не в одной стране, как это пытаются доказать кое-какие историки, хотя нельзя отрицать и того, что именно тогда был жестоко уничтожен целый слой культуры и началось размывание нравственности. А в результате, наравне с высшими технологиями, позволяющими жить безбедно в любом уголке Земли и Системы и за мгновения достичь двух сотен звезд, мы имеем уровень культуры, не намного превышающий уровень «псевдокоммунизма» двадцатого века...

Умник — инк отдела — обычно не вмешивался во внутренние диалоги и монологи главы отдела, хотя и слышал ее мысли, находясь в постоянной пси-связи с ней, промолчал он и на этот раз, хотя Бояновой и хотелось бы иметь в его «лице» собеседника. Но Умник никогда не вступал в полемику с коллегами и друзьями во время работы.

— Как получилось, что в отделе нет ни одного интрасенса? — спросила комиссар, получив сводку текучести кадров.

— Мы приглашали многих,— ответил Умник,— но не согласился ни один. Вернее, год назад согласился Романов, но погиб во время операции на Иранском нагорье.

— Странно. Мне казалось, престиж работы безопасника достаточно высок, чтобы о ней начали мечтать молодые интрасенсы.

— Престиж действительно высок, что видно по конкурсу в наши школы: двадцать один человек на место, и тем не менее интрасенсы к нам не идут. Нужен широкий обобщающий анализ с историческими параллелями и привлечением известных ученых и самих интрасенсов. Знаете, каков социальный состав официально выявленных интрасенсов? Двадцать два процента — ученые, причем, как правило, очень высокого класса, двадцать семь процентов — артисты, восемнадцать — художники, четырнадцать — писатели.

— А остальные?

— Деятельность остальных не поддается учету.

— То есть никто не знает, чем они занимаются. Может быть, это охотники, путешественники, бродяги, созерцатели?

— Среди интрасенсов не зарегистрирован ни один охотник. За остальных не ручаюсь.

— Хорошо,— прекратила отклонившийся от дела разговор Боянова.— Прими задание: розыску найти Лондона и передать ему просьбу встретиться со мной. Ни больше, ни меньше. Если он смог предвидеть катастрофу на Меркурии, то может знать что-нибудь и о готовящемся выступлении против интрасенсов.

— Я считаю, что готовится не единичная акция, а масштабная кампания, практически — война. Со всеми вытекающими.

— Тем более.

На столе надулся оранжевым воздушным шариком чей-то экспресс-вызов, бесшумно лопнул, превратившись в светящуюся нить, но в объем передачи нить не развернулась.

— Включите «обработку»,— посоветовала Боянова, однако абонент на это не прореагировал.

— В чем дело? — чуть резче произнесла хозяйка кабинета, обращаясь к инку стола.

— Закрытая консорт-линия,— сообщил киб-секретарь флегматично.— Абонент не идентифицируется и не пеленгуется.

— Власта Боянова, комиссар безопасности? — раздался слегка гортанный, звенящий от обилия бронзовых обертонов женский голос.

— Да. Кто вы?

— Пусть будет Мельпомена [1].— Неизвестная обладательница «колокольного» голоса засмеялась — словно по полу рассыпались и запрыгали металлические шарики.— Мы хотим предупредить вас: не вмешивайтесь в процесс лечения патологии.

— О чем вы?

— Интрасенсы — это патология человечества, и болезнь эту надо лечить радикальными средствами, хирургическим путем.

— Это все?

Снова смех.

— До связи, комиссар.

Нить неразвернутого виома угасла. Власта смотрела на тающий глазок в толще стола, а перед собой видела заплаканное лицо Забавы, своей сестры. Встрепенулась.

— Удалось выяснить, откуда и кто звонил?

— Нет,— виновато ответил киб стола.— Код связи рассчитан по теории множеств, пеленгация «рассыпается» на все стороны света.

— А ведь с вами по консорт-линии могут соединиться лишь несколько человек в Системе! — мягко произнес Умник.

---

[1] Муза трагедии.

— Вот именно,— проговорила Боянова, переживая короткий приступ бессилия: хотелось немедленно найти таинственную незнакомку, встряхнуть за плечи и выяснить все до конца.— Розыску еще одно задание: выяснить, кто звонил. Или, в крайнем случае, кто м о г звонить.

* * *

Уже третий раз Мальгину снился сон: он в образе орла парит над горной страной, испещренной узорами долин, ущелий и хребтов, зорко всматривается в серо-бело-коричнево-голубоватый хаос, изредка пошевеливая могучими крыльями, и ищет... Что? Или кого? Что может искать орел в горах, одинокий и гордый, как страж бога молчания?.. Постичь смысл образа не удавалось, но ощущение вольного полета сохранялось долго.

Мальгин полежал, глядя в малахитовое струение потолка, вызвал внутренний отсчет времени: шесть часов утра. Можно поспать еще час, но лучше встать. Клим усмехнулся, вспомнив свои ожидания круглосуточного бодрствования: оказалось, интрасенсы, несмотря на свои экстравозможности и резервы, нуждаются во сне почти как люди, ну разве что больше могут обходиться без сна, не снижая работоспособности.

После первой своей попытки дальней пси-связи с Железовским Мальгин приходил в себя семь часов, да еще столько же спал, приказав «домовому» не беспокоить, поэтому совет Аристарха выполнить не мог. Теперь же решил не откладывая позвонить отцу. Интересно, что мог знать математик об отце такого, чего не знал сын?

Виом включился на второй минуте. Мальгин-старший застегивал халат, то и дело оборачиваясь и прислушиваясь к чему-то. Вид у него был помятый, а под левым глазом красовался самый настоящий синяк.

— Ну и ну! — присвистнул Мальгин.— Прямо персонаж старинного гангстерского фильма. Где это ты заработал медаль, па?

— На улице нашел,— хмуро буркнул старик, машинально дотрагиваясь пальцем до посинелого подглазья, снова прислушался.— Подожди минуту.

Исчез из поля зрения. Мальгину почудились какие-то странные звуки: то ли кошка замяукала, то ли ребенок заплакал. Потом снова установилась тишина. Мальгин-старший появился через пять минут.

— Что, не спится?

— Так ты мне скажешь, что случилось? Где тебя угораздило?

— Столкнулся с действительностью.

Настроение у отца было неважное, однако раньше он никогда не позволял себе разговаривать на грани грубости.

— Я сейчас приеду, поговорим. Кстати, ты что, кошку завел?

Брови отца приподнялись.

— Какую кошку?

— Я слышал какие-то мяукающие звуки.

— А-а...— Старик отвернулся.— Это фильм... про котов.

Мальгин с сомнением посмотрел на отца, но тот выдержал взгляд, а мгновенный пси-контакт на таком расстоянии хирургу пока не давался.

— Ты бы лучше навестил Купаву,— пробурчал старик.

— Па, ну что ты заладил одно и то же.— Клим поморщился.— Я же говорил тебе: был я у нее...

— Она во второй Брянской клинике, отделение пси-терапии.

— Что?! — Сердце рванулось с такой силой, что, казалось, загудела грудная клетка.— Что с ней?

— Насмотрелась и наслушалась всякой дряни.

— Ви-нарко?!

— Врач сказал, что ее едва удалось вернуть из транса.

— О, черт!.. Это моя вина... я знал и...— Мальгин бросился из комнаты так внезапно, что «домовой» не сразу догадался извиниться и выключить связь.

Отец смотрел из виома прищурясь, и лицо у него было печальное и доброе.

— Беги, беги, тигр, потерявший след...— пробормотал он.— Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь...

Мальгин ворвался в здание клиники, как снаряд, разве что не произвел такого разрушения и ухитрился никого не покалечить. Вопрос киб-дежурного: «Вы куда?» — он проигнорировал. Пси-зрение вело его в нужном направлении не хуже указателей на стенах.

Купава лежала в сорок девятой палате, почти полностью похожей на ту, в которой лежал Мальгин после своего рейда на Маат и Орилоух вслед за Шаламовым. Одна стена была совершенно прозрачна, создавая иллюзию открытого окна, и низкое осеннее солнце заливало комнату потоками густого оранжевого света. В углу комнаты располагалась стойка медкомбайна, помаргивающая цветными огоньками, в другом дежурил киб, похожий на стоящего на задних лапах тушканчика, но с четырьмя передними лапами. Мебель в комнате стояла трансформная, и Купава сформировала ее по своему вкусу: ни один из предметов мебельного гарнитура не походил на кресла, столики, диван или пуфы для пространственной организации гарнитура.

Женщина лежала на кровати, опираясь на высокие подушки, и безучастно смотрела в окно. Губы ее шевелились, будто она разго-

варивала сама с собой. Бледные щеки, синева под глазами, заострившийся нос говорили сами за себя. Мальгин остановился на пороге, потрясенный той переменой, которая произошла с его бывшей веселой и решительной женой. Может быть, поэтому его гипервидение дало на этот раз осечку, а эмоциональная интуиция не сработала, и он не смог определить состояние Купавы и прочитать ее мысли. Она повернула голову, некоторое время смотрела на посетителя с прежним безучастным видом, потом в глубине глаз разгорелся огонек, брови поднялись, сломав трагический треугольник, но губы прошептали не те слова, которых ждал Клим:

— Снова ты. Зачем пришел на этот раз?

— Пава,— с дрожью в голосе сказал Мальгин, подходя к ней.— Это правда?

Брови Купавы снова изогнулись в недоумении, потом она поняла, усмехнулась.

— Странный вопрос. Разве ты не веришь врачам?

Кровь ударила в голову, запылали щеки, и прошло какое-то время, прежде чем Мальгин справился с собой. Купава смотрела на него с любопытством, чуть оживилась.

— Надо же! Каменный Мальгин краснеет! Неужто произошло чудо, и ты обрел человеческие качества?

Клим полностью овладел чувствами, утвердительно кивнул.

— Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Древняя формула права. Зачем ты это сделала? Я же предупреждал, что твое новое увлечение может плохо кончиться, а твои друзья не...— он не договорил.

Лицо Купавы стало злым.

— Не говори ничего о моих друзьях,— тихо выговорила она, закусила губу, побледнев.

Медкомбайн в углу отреагировал на это звоночком и вспыхнувшим алым квадратом. Тотчас же киб ожил, подскочил к кровати, схватил что-то золотое и прозрачное с подставки по другую сторону, просеменил к стойке комбайна и вернулся со стаканом молочно-белой пенящейся жидкости. Купава выпила напиток, щеки ее порозовели.

Мальгин взял из ее руки стакан, повертел в пальцах, внимательно разглядывая.

Стакан после того, как его содержимое было выпито, вообще не напоминал сосуд: Клим держал в руках, почти не ощущая этого, золотистый узор из прожилок, напоминающий морозный узор на оконном стекле, но стекла-то как раз и не было! Рука ощущала прикосновение, но материал этого стакана был ни холодным, ни горячим, ни твердым, ни мягким.

Мальгин прошел сквозь стену в туалетную комнату, наполнил стакан водой и хмыкнул: клубок светящихся золотых нитей пре-

вратился в сосуд, вода из него не выливалась, хотя стенок по-прежнему не было видно. Залпом выпив воду, хирург вернулся в палату. Купава покачала головой, ощутив перемену в душе Мальгина, вздрогнула, когда он заговорил:

— Дан все-таки был у тебя. Этот «стакан», сфера с «галактиками» внутри, исчезающий «голыш»...

— Да, был! — с вызовом ответила Купава.— Ну и что?

Мальгин пожал плечами. Способность чувствовать пси-сферу и биоауру собеседника вернулась к нему.

— Ничего. Он мне нужен, я ищу его. И найду.— Клим поднял твердый взгляд.— Почему ты скрыла от меня, что Дарья... в приюте?

Купава открыла рот, закрыла, испуг отразился в ее потемневших глазах. Она не сразу нашлась, что ответить.

— Зачем тебе дочь? — наконец сказала она горько.— Разве мало у тебя своих забот, мужских? Уходи. И не приходи больше. Мы идем по разным дорогам, и ты это знаешь. Не мучайся раскаянием и прочей сентиментальной ерундой, это тебя не красит, да и не любит никто слабых и нерешительных, твоя Карой тоже.

Мальгин вздрогнул — не от слов Купавы, от волны ее чувств, обрушившейся на его загудевшую голову. Эта волна несла отчаяние, невыразимую горечь и тоску, бессилие, безнадежность, злость, гнев, усталость, презрение и желание умереть, но в ней не было главного — любви и ожидания. Впрочем, ненависти тоже не было. Душа Купавы кипела и дымилась, и задыхалась в дыму, и никто помочь ей не мог, ни в прошлом, ни в будущем, в том числе и Мальгин, но он этого не понял. Он был оглушен и обескуражен, к тому же сработала ложная гордость, подруга эгоизма, и Мальгин не стал разбираться в хаосе эмоций Купавы, и не смог поэтому выяснить причин ее отчаяния.

— Выздоравливай,— сказал он глухо.— Я приду завтра. В каком приюте находится дочь?

— «Звезда», возле Памятника Партизанам [1]. И лучше бы ты не приходил завтра, моим друзьям,— усмешка скользнула по ее губам,— н о в ы м друзьям, это не понравится, что вполне может отразиться на твоем здоровье.

Мальгин задержал дыхание, передавая женщине образ открывающего пасть тигра, и по ее расширившимся зрачкам понял, что ему это удалось. Улыбнулся.

— Лучше бы и м с о м н о й не встречаться, Пава. Хотя я и исповедую ахимсу [2], но в определенных обстоятельствах могу не сдержаться. До встречи.

---

[1] Имеется в виду Памятник Партизанам Великой Отечественной войны в Брянске.

[2] Религиозно-этический принцип непричинения боли и зла.

Купава не ответила, глядя на него с ужасом, причины которого Клим также разобрать не сумел, а скорее, не захотел.

Выходя из палаты, он столкнулся с широкоплечим загорелым парнем в рубашке-шнуровке и джинсах. Парень посторонился, вежливо извинившись, подождал, пока Мальгин выйдет, и зашел в палату. Лицо у него было открытое и дружелюбное, с веселыми и умными глазами, и на приятеля Купавы из компании Гзаронваля он походил мало.

Через четверть часа Клим входил в здание детского учебно-воспитательного приюта для «непонимашек», но пробыл там всего три минуты, узнав, что дочь Купавы Дарью забрал некто по имени Макар Мальгин. Столбняк от известия прошел не сразу, и дежурному информатору приюта пришлось повторить фразу:

— Вчера ее забрал Макар Мальгин, дед Дарьи.

Клим вышел из здания, выстроенного почему-то в стиле китайской фанзы, и побрел к стоянке такси, не поблагодарив дежурного — инк проводил его сочувствующим взглядом,— вдруг сообразив, что в момент разговора с отцом Дарья была уже у него. И старик ничего не сказал! Неужели затаил обиду? Или невзлюбил за что-то. За какие грехи?

Хирург посадил такси так, чтобы его не было видно из дома, и прокрался к веранде, «обнимая» сферой гиперохвата весь объем дома и пропуская его через голову. Оба — и отец, и Дарья — были дома. Старик возился в саду, обрезая ветви плодовых деревьев, а Дарена лежала в люльке на силовых подвесках, которая стояла возле малинника, и забавлялась тем, что тянула из манипуляторов киб-няньки замысловатые яркие игрушки-надувашки. Она первая отреагировала на появление хирурга, хотя он еще не вышел из-за кустов: притихла, повернула голову в его сторону и издала короткий звук, похожий на возглас «ну?».

Мальгин ощутил ток теплого, пахнущего топленым молоком, свежим хлебом, фруктами и свежестью удивления — на пси-уровне — и обомлел! Не было сомнений: его дочь родилась интрасенсом и спрашивала на языке инстинктов, подсознательно, еще не понимая дара, но уже владея им; спрашивала, кто пришел — добрый или равнодушный, чужой или свой?

— Господи! — пробормотал Клим, слабея от нахлынувших чувств, и послал в ответ импульс любви и нежности, улыбки и света, ощущение огромных, но добрых баюкающих ладоней. Из-за кустов послышался радостный смех, агуканье и возня: ребенок хотел видеть, кто пришел, и выкарабкивался из люльки, отбиваясь от киба.

Мальгин преодолел оставшиеся двадцать шагов и остановился возле люльки. Вцепившись пухлыми ручонками в края качающегося сооружения, наполовину высунувшись из-под балдахинчика, на

него смотрело маленькое улыбающееся розовое существо с громадными голубыми глазищами, с темным пушком на голове, с пунцовыми губками и ямочками на щеках. Оно протянуло ручку и сказало отчетливо:

— Де-да...

Мальгин сглотнул слюну, проговорил пересохшими губами:

— Не деда, а папа...

— Это она меня увидела,— раздался сзади ворчливый голос, и Мальгин-старший вышел из-за деревьев.— Чую, что-то не то, так она со мной не говорит, думаю, может, гость пришел?

Дарья сощурилась, скаля зубки — уже выросли! — машинально отметил Клим,— с удовольствием пососала палец, куснула его и произнесла, покачав пальцем:

— Ни-зя... па-па...

Мальгин-старший засмеялся, глядя на остолбеневшего сына, похлопал его по плечу:

— Она схватывает все на лету. Растет не по дням, а по часам. У нас в роду уже были такие... нетерпеныши. Твоя прапрапрабабушка Пелагея была ворожеей, экстрасенсом, как сейчас говорят, так она тоже смышленой росла не по годам. Может, Дарьюшка в нее?

Мальгин послал дочке новый импульс: образ Купавы, поле в росе, туман, река, солнце за лесом, сонная тишина, женский смех и слова: «Доченька моя, кровинушка, травиночка, попей молочка...»

Дочь замерла, прислушиваясь, распахивая глаза еще больше — ох и ресницы у нее будут! — и вдруг сморщилась и заплакала, почти беззвучно. Киб затряс над ней игрушки, а старик недовольно взглянул на Клима.

— Испугал ты ее чем, что ли? Пошли в дом, позавтракаем.

Мальгин нехотя побрел за отцом, оглядываясь и сдерживая желание вернуться и погладить дочь по головке, покачать на руках и поцеловать в щеки.

Отец поставил на стол на веранде сковороду жареных грибов, вино, чай, малиновое варенье, тосты, кивнул на грибы, выходя:

— Угадай, чего я набрал.

Клим щелкнул ногтем по бутылке «Вычегодского поля», наклейка на которой пестрела двадцатью медалями, и смерил взглядом сковороду.

— Рыжики, зонтики, лисички, подосиновики, сыроежки.

— Все? — Отец появился с полотенцем через руку.

Мальгин прислушался к пульсации его пси-фона, стараясь не подать виду — в голове заныл какой-то нерв.

— И говорушки.

Старик сгорбился, махнул рукой с унылым видом, сел, жестом приглашая сына сесть напротив.

— Я думал, ты уже квалификацию потерял.

— Где собирал?

— У Щербатого моста, в лощине. Белых уже нет, а эти еще встречаются. Скоро за опятами пойду.

Молча принялись за еду. Мальгин, преодолевая боль, проник в основной поток мыслей отца, продолжавших его волновать, и едва сдержался, чтобы не выдать своих ответных реакций.

— Ну, что дальше? — спросил он, допив чай.

Отец понял.

— А ничего. На два дня в неделю я буду забирать Дарью к себе, а остальное время она будет находиться в приюте. Общение с детьми, интегральное воспитание, познание... Слава Богу, сейчас на дворе не двадцатый век и воспитывают детей профессионалы не чета мне. Ты узнал, где Купава?

— Узнал.— Мальгин, поддавась порыву, обнял отца и прижался щекой к его щеке.— Она скоро вернется, и мы сделаем ей сюрприз. Спасибо, па, я побежал, наведаю кой-кого. Но буду забегать, если не возражаешь.

Мальгин мысленно позвал дочь, услышал в ответ радостную тарабарщину: манипуляторы киба, игрушки, громады деревьев, голубое небо, цветные запахи, ветер — все вперемешку — и ласковое прикосновение теплого пальчика к своим губам. Засмеялся, удивив отца, и пояснил:

— Я ее чувствую, па, она меня признала.

За деревьями оглянулся, и, хотя отца уже не было видно, Клим чувствовал, что тот еще стоит и смотрит ему вслед.

По пути хирург наскоро перекусил в «Макдональдсе» — есть хотелось практически постоянно, и все время подмывало спросить у Железовского: как проблему еды решил он?

Думалось плохо: мешали собственные эмоции и вспышки памяти, а также непрерывный шум в пси-диапазоне.

Мальгин не ожидал встретить кого-нибудь в квартире Купавы, пока та находилась в клинике, он хотел поговорить с ее «домовым» и выяснить адрес подонка, который поднял руку на отца, а когда наткнулся в прихожей на двух юнцов, потемнел от гнева. И в который раз его раздражением не замедлил воспользоваться сидящий внутри «черный человек» — включил свою ворожбу: «Психо-морфа глубь... трансформ...»

Клим уже научился если и не сопротивляться эффекту «черного приказа», то хотя бы в короткий срок приходить в себя, но, хотя его транс длился всего полминуты, непрошеные гости Купавы успели получить по хорошему пси-шлепку. Оба стояли бледные и выглядели, как после плавания в невесомости или ледяного душа.

— Т-ты... в-вы...— проговорил Вильям Шуман, одетый во что-то зеркально-металлическое, с дырами на груди.— Ч-что эт-то с в-вами?— «правнук» великого композитора даже стал шепелявить и заикаться.

И злость Мальгина прошла.

— Еще раз встречу в этом доме — изувечу,— любезно пообещал он, рассмеявшись про себя.— Уяснил?

— Д-да.

— А теперь дуй в Брянск, хутор Вщиж, массив Калиновый.

— З-зачем?

— Извинишься перед отцом. Еще помнишь, за что?

Шуман пришел в себя, краска вернулась на его щеки.

— А пошел ты...— он не договорил. Мальгин крепко взял его за ухо и едва не приподнял.

Молодой человек завопил от боли, пытаясь освободить ухо и одновременно лягнуть хирурга. Но руки Мальгина были словно из железа.

— Договорились?

— Ой!.. Отпусти!.. Больно же... ой-ой!.. Да отпусти же, договорились!

Мальгин отпустил лиловое ухо Шумана, отмахнувшись от наскока второго парня. Сказал, не глядя на них:

— Убирайтесь, мальчики, и помните, что я говорил. Дважды не повторяю. И не надо вставать в позу, как бойцовые петухи, я не в вашей весовой категории. Брысь!

Обоих как ветром сдуло.

— Что зарегистрировал? — спросил Клим Харитона.

— Как обычно,— ответил костюмный инк,— скачок уровня в четырнадцать фрейдов и провал сознания. И как результат — «оскал тигрозавра». Правда, большую долю пси-удара ты направил не прицельно, по площади, иначе эти парни схлопотали бы сердечный приступ.

— Ничего, в конце концов я научусь держать своего «тигрозавра» в клетке, сдвиги уже есть.

— А тут двух мнений быть не может: либо полковник, либо покойник.

— Надо же! — удивился Мальгин.— Ты и по пословицам спец?

— Каков хозяин, таков и слуга.

— Что ж, спасибо за комплимент... слуга. Как думаешь, он пойдет извиняться?

— Шуман? Вряд ли. Его родословная видна насквозь: самолюбие, спесь и наглость.

Кто-то же его воспитал такого. Ладно, посмотрим, найти его я всегда смогу. Поехали в институт, что-то мне тревожно.

Мальгин беспокоился не зря. За время его отсутствия в инсти-

тут поступили трое молодых парней с травмами черепа: то ли баловались с ручным управлением скоростного куттера, то ли не сработал инк машины, но она на скорости в двести сорок километров в час врезалась в ограждение орбитального лифта. Девушка, летевшая с ними, погибла сразу, а они еще жили — при поддержке аппаратов скорой помощи.

И Мальгин без лишних слов помчался готовиться к операции.

Только к вечеру стало ясно, что из троих выживут двое, третий из шока так и не вышел; из-за обширного поля повреждений лобных долей мозга у него наступил церебральный паралич.

Хотя Климу помогали Заремба и еще трое нейрохирургов-клиницистов, устал он зверски, что усугублялось еще и отсутствием полноценного питания: оторваться от операции он не мог, а есть хотелось все сильней. Истощенный борьбой на два фронта: с внешними обстоятельствами, требующими абсолютной точности решений, жестокого напряжения всех душевных сил и знаний, и с внутренними побуждениями, Мальгин принял душ и еле дополз до институтской столовой, где съел две порции обеда, не обращая внимания на подшучивание осоловелого Зарембы. Молодой хирург не столько ел, сколько говорил — и на нем сказывались перевозбуждение и усталость, но в конце концов наступил момент, когда Мальгин насытился и едой и компанией.

— Иван,— проникновенно сказал он, отрываясь от стола с сожалением.— У Пруткова есть замечательный афоризм насчет фонтана. У меня от тебя голова болит.

— Если голова болит, значит, она есть,— изрек Заремба и выставил вперед ладони, заметив, какое впечатление произвела его шутка на Мальгина.— Все, все, не буду, а то в лягушку превратишь — если судить по взгляду. Кстати, как ты умудряешься работать со скоростью инка? Пирогов сегодня трижды во время операции не успевал за тобой переносить фокус сканера.

— Не заметил.

— Ну-ну,— пожал плечами Иван, с любопытством ожидая продолжения.— Ты уже всю информацию из «черных кладов» перекачал в оперативную память или нет? Поделись впечатлениями.

— Рано,— отрезал Мальгин, почувствовав беззвучный толчок в голову: кто-то пси-позвал его, знакомый и большой. Аристарх. Причем не издалека — где-то рядом.

Заремба разочарованно отодвинулся, и в этот момент в столовую вошли Железовский и Ромашин.

— Вот он где, герой нашего времени,— добродушно пошутил Ромашин.— Аристарх вычислил вас безошибочно, Клим.

— Где же еще его можно найти, кроме столовой,— пророкотал своим роскошным басом математик, подмигивая хирургу.

— Можно подумать, что ты иначе решаешь проблему питания,—

сказал Мальгин, отвечая иронией на иронию.— Чтобы питать такие мышцы, надо в день съедать по два слона.

— Не обязательно,— ухмыльнулся Железовский.— Достаточно получасовой электроподзарядки. Хочешь, научу?

— Научи,— с недоверием взглянул на Аристарха Клим.

— Только, ради бога, не здесь,— поспешил вмешаться Ромашин.— Клим, надо поговорить, есть проблемы.

— Тогда поднимемся ко мне наверх.

Заремба хотел было поучаствовать в беседе, но Мальгин выразительно покачал перед его носом пальцем, и молодой хирург вынужден был оставить компанию.

В уютном кабинете Мальгина они расселись по креслам, подогнав их по фигурам, и первым делом выпили по стакану березового коктейля: березовый и черносмородиновый сок, несколько капель лимонного, рябинового и мятного и газ. Железовский присмотрелся к изящному кокосу Мальгина, в глазах его зажглись насмешливые огоньки.

«Харитон»,— сказал вдруг инк климовского костюма, так что тот вздрогнул: хирург ни о чем его не спрашивал и реплик не ждал.

— Ты что? — мысленно спросил он, ощущая постороннее пси-давление: будто ветер подул через голову.

— Он спросил, как меня зовут, я ответил,— флегматически отозвался Харитон.

— Почему же я не услышал тоже?

— Потому что моя передача потоньше,— раздался в голове Мальгина характерный, как удар гонга, пси-голос Железовского, сопровождаемый трассами желтых вспышек «перед глазами».— Ты должен был почувствовать только фон, резонансный «хвостик».

Мальгин кивнул. Математик, довольный эффектом, засмеялся — словно загрохотали камни, скатываясь в пропасть.

— Может быть, перейдем на звук, джентльмены? — вежливо осведомился Ромашин.

Железовский и Мальгин подняли вверх ладони, пальцы которых засветились вишневым накалом, будто раскаленные стальные прутья, а потом между ладонями проскочила с шипением синяя искра, и свечение погасло.

— Поздравляю, мастер,— ухнул Железовский.— Кое-чему ты научился. А как насчет пси-блока?

— Попробуй пробить.

Оба замолчали: один пытался закрыть мозг от прослушивания, другой проникнуть за барьер защиты.

Лоб Мальгина заблестел от пота, а чудовищные мышцы Железовского напряглись так, что, казалось, лопнет кокос.

— Ну-ну, вы поосторожней,— забеспокоился Ромашин, до которого эхо схватки докатилось в виде всплесков шума.— Еще

поломаете мне чего-нибудь ненароком, я не интрасенс, блоки ставить не могу.

— Годится,— сдался наконец математик.— А это сможешь?

Он сжал хрусталитовый стакан в кулаке, превратив его в тонкий беловатый стержень. Прежнюю форму стакан после этого не приобрел, хотя Ромашин знал, что по прочности и упругости хрусталит не уступает своему родственнику, знаменитому кевлару. Мальгин сделал то же самое.

— А так?

Аристарх сел спиной к столику и вдруг сделал стремительный выпад рукой назад, по графину с коктейлем. Рука его не дошла до графина буквально миллиметр — графин даже не шевельнулся, хотя Клим сделал движение, чтобы поймать его. Ромашин цокнул языком — оценил.

Мальгин развернул кресло, прикинул расстояние, скорость удара, путь руки по инерции после резкой остановки руки, и... графин слетел со столика и врезался в стену.

Снова «загрохотал камнепад» — смех Железовского.

— Малость не рассчитал.

Клим сконфузился. Математик назидательно поднял палец.

— Главное отличие интрасенса от нормального хомо не в физической силе, выносливости, скорости движений и так далее, а в точности дозировки мышечных усилий.

Теперь засмеялся Ромашин.

— Сколько еще в вас обоих детства. Ну ладно, Аристарху всего двадцать шесть лет, проявления мальчишества ему по возрасту положены, но вам-то, Клим, уже тридцать четвертый.

Железовский порозовел, пряча за бесстрастностью недовольство собой, чувство вины и желание выглядеть человеком, внушающим уважение. Мальгин остался спокойным, не видя в своем поведении ничего особенного.

— Возраст — не гарантия опыта и мудрости. Недаром древняя пословица говорит: не спрашивай старого, спрашивай бывалого. Итак, что за проблемы перед нами?

— Шаламов,— сказал Ромашин, не отвечая на колкость хирурга; он тоже знал себе цену.— Вернее, его поиск. Время от времени он появляется на Земле, косвенные факты подтверждают это.

— Его подарки Купаве?

— Не только. Лютый видел у Горловины глазастого орилоухского фантома, которого потом наблюдали на Земле, а, если помните, «глазастый» все время сопровождал Шаламова.

— Прямых доказательств этому нет.

— Их засекали вместе не один раз, это настораживает. Кстати, «глазастого» — безопасники дали ему имя Аргус-2 — наблюдали на Меркурии после образования «сферы Сабатини».

— Очень интересная штука,— пробасил Железовский.— Я имею в виду «сферу». Количество уровней смысла не поддается расчету, я пробовал. Видимо, это и в самом деле провал с бесконечным числом измерений, причем очень опасный.

— Из чего ты сделал этот вывод?

Аристарх молча ткнул пальцем в грудь, что означало: чувствую.

Ромашин некоторое время взвешивал его жест и слова, кивнул.

— Да, мне этот эйнсоф тоже не нравится. Дверца в иные миры, может, и открылась, но не для нас. Значит, надо искать новую. Что скажет математик?

Железовский, вырабатывающий привычку сидеть неподвижно, покачал головой, так что вздулись бугры мышц у основания шеи. Он оставался единственным «непрозрачным» человеком для гипервидения Мальгина, то есть не делился на цветные фантомы спектра биополей, отражавшего характер.

— Вход в систему орилоунского метро есть, но рассчитать его местоположение я не смог. Слишком много параметров надо анализировать. А точек соприкосновения нашей системы метро с орилоунской нет.

Ромашин не смог сдержать разочарования.

— Ты уверен, Аристарх? Ведь это приговор.

— Я не столь категоричен в выводах и продолжаю работать. Вы знаете, на что похожа сеть нашего метро? На космогонические построения каббалы: дворец с пятьюдесятью дверями, сорок из которых распахиваются на четыре стороны света и открываются одним ключом, девять ведут вверх и одна — неизвестно куда. По преданиям, вошедшие в нее не возвращались. Так вот, у системы метро есть такая «дверь», математически я ее вычислил, но физически определить не могу.— Железовский поморщился, упрямо боднул лбом воздух.— Но найду!

Взгляд Ромашина говорил: «Дай бог нашему теляти...» — но вслух он сказал бодро:

— Что ж, подождем. Вполне может случиться, что безопасники засекут Шаламова первыми и наши приготовления окажутся ненужными.

Железовский вспыхнул, он понял смысл недосказанного, но Мальгин передал ему пси-импульс: «Спокойнее»,— и математик ничего не сказал, хотя и обиделся.

И в этот момент по-птичьи запел вызов: у Мальгина видео всегда щебетал голосами разных птиц; на этот раз это был щегол. Клим включил прием. Из развернувшегося виома на них смотрел невозмутимый Майкл Лондон, одетый в странный малахитовый балахон, по которому то и дело прокатывалась волна зеленого свечения.

— Салют, камрады. Времени у меня нет, поэтому обойдусь без предисловий. Не ищите Шаламова, это бесполезно. И даже опасно.

Вам не удастся снять с души груз вины, Игнат, как вы надеетесь, а вам, Клим, не удастся его вылечить, как ни прискорбно.

Сидящие за столом переглянулись. У каждого мелькнула одна и та же мысль: откуда Майклу известно, что предмет их беседы — Шаламов? Но все они знали цену словам вообще, а Лондона — в особенности.

— А если мы попросим вылечить его... Вершителей? — спросил Мальгин тихо.

Лондон едва заметно улыбнулся.

— До Вершителей еще добраться надо, вы даже представить себе не можете, кто они и где обитают. Но вот вопрос: надо ли это самому Шаламову? Станет ли он счастливее от того, что вы его... вылечите?

Молчание, повисшее в воздухе, нарушил Ромашин.

— А что значит «искать Даниила опасно»?

Лондон вздохнул, уголки губ его опустились.

— Да в самом прямом смысле. Он н е х о ч е т ни с кем встречаться и каждую такую попытку воспримет как посягательство на свободу. Оставьте его в покое, и безопасникам передайте. Боянова — энергичная и умная женщина, я ей симпатизирую, но и она не застрахована от ошибок и стереотипов. А Шаламов...— Лондон грустно оглядел компанию.— В настоящий момент он очень далеко отсюда, и во времени, и в пространстве. Он тоже кое-что ищет, и я от всего сердца желаю ему это найти.

Изображение бывшего начальника отдела безопасности пропало, причем своеобразно: сначала волосы, нос, губы, уши, руки, потом шея и последними — глаза и сияющий зеленый балахон. Виом погас.

Железовский шумно выдохнул: он был весь красный и взмокший от внутренних усилий. Поймал взгляд Мальгина.

— Я пытался «достать» его, определить, откуда звонит, но в Системе его нет, это точно.

— Тогда откуда же он звонил, да еще так чисто?

— Не знаю. Есть одно соображение...— Аристарх пошевелил пальцами.— Надо обсосать.

— Так что будем делать, камрады? — учтиво, спокойно и даже радостно осведомился Ромашин.

4

На черном фоне фиолетовый овал казался не то окном, не то отверстием колодца, если глядеть из него вверх. И вот в этом окне появился зеленоватый блик.

— Он! — прошептал один из парней, коренастый, с шапкой вьющихся волос.

Его сосед, мускулистый, широкоплечий, в сером кокосе с полной экипировкой спейсмена, не пошевелился. В руках он держал странный трехтубусный аппарат с окуляром и двумя сеточками антенн. Аппарат назывался «триай» и предназначался для локации «пакетов» биополей, а по сути, для обнаружения людей под землей в аварийных ситуациях. В данном случае он понадобился ради другого дела — для выявления интрасенса. Излучаемые интрасенсами «пакеты» био- и пси-полей не только были на порядок мощней, чем у остальных, нормальных людей, но и отличались от них по спектру, поэтому выделить интрасенса из толпы с помощью «триай» не представляло труда.

— Повернул,— сказал третий член группы. Всего в куттере, прятавшемся в кроне роскошного вяза, находились семь человек.

— Это он, не ошибаетесь?— разжал тонкие губы четвертый, сидевший со сложенными на груди руками.

— Судя по спектру — он,— проговорил мускулистый, не отрываясь от окуляра.— Билл, вам пора.

Двое парней молча выпрыгнули из куттера и канули в темноту, как в воду: на них были надеты индивидуальные антигравы.

— Махмуд, пощупай его датчиками с высоты,— приказал мускулистый. Командовал операцией он, и ему это нравилось.

— Уже,— прозвучал в кабине картавый голос.— Одет в обычный кокос, металл отсутствует, значит, ни оружия, ни антиграва нет, а летать без аппаратов интрасенсы пока не могут.— Неведомый Махмуд хохотнул.

— Умар, твоя очередь.

Куттер покинула еще одна пара.

— Не нравится мне это,— презрительно оттопырив губу, заговорил молчавший до сих пор седьмой член группы, громадный, с мощными округлыми плечами и выпуклым животом.— Из «дракона» я снял бы его первым выстрелом с любого расстояния.

— Из карабина любой сможет,— равнодушно сказал тонкогубый.— В том-то и дело, храбрый наш Бако, что нам нужно точно знать возможности интрасенсов в рукопашной схватке, не каждого из них можно застать врасплох, стреляя издалека.

— Он вошел в квадрат,— доложил мускулистый, оглядываясь.— Хорошо, что не меняет привычек.

— Пошли и мы.

Куттер плавно скользнул вверх, и все его пассажиры взялись за бинокли, сочетавшие в себе фотоэлектронные умножители и аппараты ночного видения.

Тот, за кем они следили, спокойно шел вдоль речного обрыва: справа река, слева склон горы, над которой вставало сияние близкого ночного города. Ганс Варлиц, возвращаясь домой с дежурства (Меркурий, Венера, спутники Юпитера — пси-геологи требовались

всюду), всегда совершал пешую прогулку от метро до своей жилой зоны в Арнебурге. Тропинка по-над обрывом Эльбы длиной в двести метров была единственным на всем пути местом, закрытым от вероятного наблюдения и удобным для засады.

Перепрыгнув двухметровый ручей, Варлиц вдруг остановился, к чему-то прислушиваясь. Посмотрел назад, вверх, шагнул вперед и снова остановился. Лицо и руки его вдруг засветились, как раскаленное стекло, в полумраке это выглядело особенно эффектно.

— Почуял! — пробормотал тонкогубый.

И в тот же момент перед Варлицем выросли три фигуры, словно чертики из-под земли. Сзади вышли из-за валунов еще двое. И время будто остановилось: все действующие лица застыли на какое-то мгновение. А потом один из парней, преградивших путь интрасенсу, в прыжке ударил его ногой в голову — он, как и все в первой группе, был профессиональным бойцом одной из школ кэн-кон, искусства борьбы, основанного на знании усовершенствованных приемов старинных видов рукопашного боя: таэквондо, каратэ, самбо, ши-кай и других. Однако удар не достиг цели, как и серия последующих: реакция Варлица превосходила возможности мастеров, он успевал отклоняться, избегать контакта, уходить от ударов. Временами его движения становились столь стремительными, что он «размазывался» в полосу розоватого свечения. А затем, когда к троим подсоединились остальные члены засады, Варлиц начал отвечать на удары, и бой через полминуты прекратился: обороняющийся в прошлом был медиком и хорошо знал расположение нервных центров человеческого тела.

— Борис, твоя очередь! — бросил мускулистый в усик рации.

Сверху на узкую тропинку между обрывом и россыпью камней, ставшую ареной схватки, упали еще двое мужчин в защитных масках, держа в руках черные пистолеты с толстыми дулами. Дважды коротко прошипели трассы ампул, впиваясь в тело Варлица, лопнули с тихим треском, расплываясь облачками газа. Интрасенс присел и, не отвечая нападающим, метнулся по тропинке вверх, каждым прыжком преодолевая четыре-пять метров.

Двое сменили оружие: теперь у них были пистолеты, стреляющие иглами мгновенного усыпления. Но и они не остановили бегущего.

Сверху на него упала сетка-ловушка из прочнейшего форсита, однако Варлиц выпутался из нее гибким змеиным движением, будто все его кости и суставы стали пластичными и скользкими. Вторая сетка также не задержала его, упав на пустое место.

— Уйдет! — хрипло проговорил великан.

— Марс! — резко сказал тонкогубый.

Мускулистый рванул куттер с места, доставая с сидения рядом приготовленный на всякий случай пистолет необычной формы с алым светящимся окошечком на тыльной части.

Варлиц заметил аппарат и сориентировался правильно, метнувшись с обрыва вниз, в реку, в гигантском прыжке, но руководитель группы уже поймал его в сектор поражения цели и вдавил гашетку. Траектория прыжка интрасенса сохранилась, но скрылся он за обрывом уже не сгруппировавшимся атлетом, а безвольной куклой. Послышался всплеск, и наступила тишина.

— «Василиск»! — с уважением крякнул великан, отнимая у застывшего парня пистолет.— Хорошая машинка! Где добыли?

— Отбой! — тихо сказал тонкогубый, опуская бинокль.— Добивать не надо, выплывет — его счастье.

— Вряд ли,— буркнул мускулистый, унимая дрожь рук.

Сосед похлопал его по плечу.

— Все нормально, курьер, мы выяснили все, что надо. Но какой противник, а? Не спортсмен, не боец кэн-кон, не имеет никакой спецподготовки, возраст глубокого старика, а уложил пятерых! Теперь видите, с кем нам придется иметь дело?

— Слабаки,— вздохнул гигант, возвращая парализатор.— Я давно говорил, что лучшее оружие против них — «дракон». Ну и эта штучка, пожалуй.

Куттер взмыл в небо, вписываясь в облако алых мигалок такси, личных машин, прогулочных гравияхт и других видов летающего транспорта, накрывшее город призрачной метелью.

— Надо будет прощупать еще одного человека,— сказал тонкогубый, высыпая в рот горсть белых шариков.— Есть подозрение, что он тоже интрасенс.

— Кого? — обернулся мускулистый.

— О, ты знаешь его хорошо, это Клим Мальгин.

* * *

В половине девятого вечера дежурному оружейнику технической базы погранслужбы «Итиль» позвонил командор Торопов.

— Рудковский? Когда сменяетесь?

Дежурный, широкий, косолапый, белобрысый и флегматичный, посмотрел на вспархивающие мотыльками в стене цифры времени.

— Через полчаса, в девять.

— Вполне может нагрянуть инспекция СЭКОНа, будьте готовы.

Рудковский промолчал, помаргивая. Казалось, его длинные выгоревшие ресницы вот-вот улетят с век. Свое дело оружейник знал и любил, поэтому проверок не боялся. Командор выключил связь. А через три минуты на пульте монитора защиты и обслуживания замигал синий огонек вызова.

— Связь,— бросил Рудковский.

Вспыхнувший виом отобразил «предбанник» оружейной сек-

ции — тамбур контроля — и двух человек в нем: высокого, спортивного вида парня с черными волосами, собранными в пучок на затылке, и толстяка на две головы ниже первого, на круглом лице которого выделялись узкие длинные губы. Судя по манере держаться, он был явно старшим в паре и не любил тратить время зря.

— Инспектор Форман,— сказал он, растягивая слова, не дожидаясь, пока инк спросит, кто он и откуда, и достал из кармана сертификат с эмблемой СЭКОНа.

— Техник Чахов,— представился спортсмен с пучком волос.

Оба вставили сертификаты в щель привратника, на контрольном дисплее в дежурной комнате побежали строчки бланк-сообщения. Инку базы понадобилось две секунды, чтобы связаться с инком СЭКОНа и выяснить полномочия и принадлежность гостей к этой организации.

— Идентификация стопроцентная,— доложил привратник.— Но в планах СЭКОНа проверок базы нет.

Рудковский передал это в тамбур.

— Запросите председателя комиссии,— сказал тонкогубый Форман.— Инспекция проходит под грифом «служебно-секретно», есть подозрение, что с вашего склада происходит утечка оружия.

Озадаченный дежурный молча открыл вход.

В то же мгновение молодой человек выстрелил в него из газового пистолета, и Рудковский, не успев понять, в чем дело, получил наркотический «нокдаун». Сознание он не потерял, да это и не входило в планы «инспекторов», дежурный был нужен им живым и выполняющим приказы, но лишенным воли.

Прибывшие действовали быстро.

Один из них сел за стол и начал колдовать с его техникой, пытаясь стереть запись происшедшего с момента звонка мнимого командора. Второй, выяснив у дежурного, находящегося в состоянии наркотического опьянения, коды открывания дверей в бункера с оружием, скомандовал инку открыть доступ к стеллажам, впустил в склад еще троих молодых людей с плоскими контейнерами на антигравах и принялся руководить погрузкой выносимых кибами партий оружия от пистолетов, стреляющих усыпляющими иглами, до лучеметов и универсальных карабинов «дракон».

Однако у похитителей не все прошло успешно.

Оружие — около двухсот единиц — они успели погрузить, но до боеприпасов очередь не дошла: то ли Рудковский, находясь в сумеречном состоянии, назвал не ту цифру кода, то ли Форман набрал код неверно, но вход в сектор боекомплектов не открылся, и в тот же момент инк включил сирену тревоги.

Видимо, похитители предусмотрели подобный случай, потому что действовали без ошибок. Один из них выстрелил в стол, разбив приемные устройства инка, второй расстрелял автомат выходной

двери, прежде чем та закрылась, а остальные подхватили контейнеры с оружием и бросились из склада. Не прошло и полуминуты с момента включения сирены, а в здании уже никого не было.

Когда в бункер ворвались оперативники спецгруппы по обеспечению режима работы погранслужбы, они увидели открытые, полуметровой толщины, двери в склад и сидящего у стены в блаженном оцепенении дежурного. Выяснить у него, что произошло, не удалось, он ничего не помнил, как и компьютер контроля.

* * *

На фоне меркурианского ландшафта, освещаемого короной Солнца, трехсоткилометровая воронка в коре планеты казалась мрачным провалом в неизведанные глубины космоса, где царили иные законы и шли иные физические процессы. Лишь края воронки виднелись четкими, имели очерченные границы, а центр ее затягивала нереальная, плывущая, то и дело меняющая плотность мгла. Изредка в этой мгле вспыхивали вереницы светлячков и облачка светящихся искр, словно кто-то разбрасывал горстью угли костра, и тогда судорожно передергивался горизонт, волна искривления обегала меркурианскую тессеру, пересеченную эскарпом Павел, а земной флот, зависший над «сферой Сабатини», охватывала паника...

— Тихий омут,— проговорил Шевчук, исподтишка поглядев на задумавшуюся Боянову.— Помнишь пословицу?

— В тихом омуте черти водятся...— Комиссар очнулась, провела по лицу ладонью.— Завораживает и впечатляет. Не знаю почему, но меня постоянно тянет сюда, на Меркурий, к этому месту. Я все время думаю о «сфере», даже дома, когда отдыхаю.

— Профессиональная интуиция, ни больше, ни меньше. «Сфера» опасна, очень опасна, она дышит и живет по своим законам, пренебрегая нашими, и никто не знает, как она закончит существование.

— Ах Ромашин, Ромашин! — покачала головой Боянова.— Когда же ты насытишь свой неуемный исследовательский аппетит и научишься соизмерять желаемое и возможное? Сколько ошибок ты совершил, забывая об ответственности.

— При чем тут Ромашин?

— Ученые заинтересовались «обрывком струны» с его подачи.

— Ну и что? Он свободен в выборе интереса, как и любой из нас.

— Свобода без ответственности — произвол, а его интерес, как бывшего начальника отдела безопасности, требует неизмеримо большей степени ответственности, чем интерес, скажем, повара.

Шевчук имел другое мнение, но возражать не стал.

Разговор этот происходил в координационном зале спейсера «Конунг», осуществлявшего роль центра управления силами погранслужбы и безопасности в районе «сферы Сабатини» на Меркурии. Кроме комиссара безопасности и его второго заместителя по внеземной работе в зале находились еще Калина Лютый и Джума Хан, тихо переговаривающиеся в соседних креслах, а также двое пограничников: седоголовый, неулыбчивый заместитель командора Джон Коттилл и юный Андрей Бегич.

Среди зеленых и голубых огней флота землян над «сферой Сабатини» вспыхнула алая звезда, один из ее лучей вонзился в волнующийся мрак «сферы» и погас.

— Пристрелка,— раздался в зале приглушенный женский голос.— Готовность к пуску минутная. Защита обеспечена, нормы зоны риска соблюдены. Третий.

— Готовится эксперимент «Укол-4»,— пояснил Шевчук.— В центр «сферы» выстреливается «дыробой» — генератор свертки «струны» и вслед за ним зонд с аппаратурой.

Минута истекла.

Откуда-то из пространства ударил по «сфере» длинный и тонкий белый луч, проник в глубину кратера, более яркая искра пролетела по нему сверху вниз, и он исчез. Вторая искра зонда была почти незаметна, она скользнула в кратер по каналу, созданному генератором, в тот момент, когда глаза еще не восстановили остроту зрения после ослепительного выпада луча. И в тот же момент ландшафт, окружающий кратер, исказился, зашатался, поплыл, словно был сделан из дыма. Из глубины «сферы» всплыл рой взрывающихся огней, будто кто-то устроил фейерверк.

Пол координационного зала спейсера дрогнул, стены его на мгновение потеряли плотность, стали мягкими, восковыми, вздулись пузырями — во всяком случае, так показалось присутствующим в зале.

В эфире поднялся гвалт, но быстро стих, исследователи уже привыкли к эффектам, сопровождавшим их попытки обуздать «сферу» или хотя бы проникнуть в нее и попытаться изучить ее свойства.

— Ну и ну! — покачала головой Боянова.— Впечатление такое, будто затрагиваются основы мироздания.

— Сообщение комиссару,— прошелестел в ушах бесплотный пси-голос инка «спрута».— С вами хочет говорить Майкл Лондон.

— Где он?

— Связь не фиксирована, передача не пеленгуется.

— Выясните, как такое возможно. Давайте канал.

— Добрый день, Власта. Вынужден еще раз извиниться за краткость разговора — тороплюсь. Не позволяйте больше нашим бравым физикам стрелять по «сфере Сабатини», это чревато непредсказуемыми последствиями. «Сфера», или лучше эйнсоф, как назвал

объект Джума Хан,— точка перегиба пространств, затронув которую можно уничтожить Вселенную.

Боянова невольно улыбнулась.

— Оторопь берет от ваших слов, Майкл. Может, не стоит преувеличивать?

— Я не преувеличиваю, Власта, не в моем характере. Дело серьезней, чем вы думаете, я знаю, что говорю. Всего доброго.

— Конец передачи,— закончил инк связи.— Сообщение не идентифицируется ни с одним из абонентов. Впечатление такое, что передача записана, вернее, в м у р о в а н а в систему связи с использованием отдельных элементов в качестве носителей несвязанных случайных блоков смысла. Передача возникает по команде сразу во всей системе. Предположение анализируется и уточняется, необходимы физические и математические модели.

— Хорошо, жду результата.

— Что? — спросил Шевчук, понимая, что Боянова вела мысленный диалог с инком.

— Лондон снова предупреждает нас, но одновременно не хочет разговаривать с глазу на глаз, для чего придумал какую-то хитрую уловку с компьютерной связью. Алекс, он не тот человек, который работает на публику, и еще ни разу не ошибся. Свяжитесь с Ландсбергом, проанализируйте все эксперименты со «сферой» и постарайтесь доказать ученым, что «сфера» опасна. Во всяком случае, надо запретить хотя бы стрелять по ней.

— Попробую,— кивнул Шевчук.— Мне самому...— он не закончил. На общей волне «спрута» пришло сообщение, касающееся всех в зале.

— Ноль девять по «треку»,— начал инк.— Пакет-один: в пригороде Арнебурга на Эльбе совершено нападение на Ганса Варилица, геолога из бригады «Экстра». Состояние тяжелое. Тело выловлено в реке, мозг парализован, вероятнее всего, мощным пси-разрядом. Пакет-два: с Варшавской базы погранслужбы похищено двести одиннадцать единиц огнестрельного оружия: пистолеты сна типа «Дега», парализаторы «Дерк», психотехника внушения типа гипноиндукторов «Медуза Горгона» и «василиск», «универсалы» и карабины «дракон». Пакет-три: возле закрывшейся в Щите «серой дыры» обнаружен транспорт «черных людей».

Безопасники переглянулись. Пограничники встали из своих кресел, подошли к Бояновой.

— Неужели началось? — сказала Власта.— Так рано? Без подготовки?

— По-моему, случай с Варлицем — проверка боем, разведка,— отрицательно мотнул головой Шевчук.— Рене уже, наверное, взял след. Ну а я займусь проникателем.

— Действуй, Алекс.

— Разрешите маатанским транспортом заняться мне? — торопливо проговорил Джума Хан, опередив Лютого.

— Вместе со мной,— пробурчал Калина.— Впрочем, я, наверное, поработаю с базой.

— Это наша забота,— возразил Коттилл.— Мы справимся сами.

Боянова встала.

— Мы не конкуренты, сэр Джон, у нас свой интерес.

Вышла из зала. Мужчины молча смотрели ей вслед.

* * *

Уже второй раз Мальгин встречал этого парня, навещая Купаву: первый раз в клинике, теперь — у порога ее квартиры.

— Привет,— буркнул он, останавливаясь перед ним.

— Добрый день,— учтиво ответил парень, с готовностью останавливаясь; по-спортивному подтянутый, натренированный, быстрый и весьма непростой, если судить по спектру его пси-двойников: Мальгин насчитал их шесть. Но во взгляде ни настороженности, ни угрозы, ни иронии — спокойная доброжелательность.

— Кто вы?

Парень улыбнулся, обнажая великолепные зубы, поднял вверх руку с браслетом ручного видео: в браслет был вделан золотой овал с латинскими буквами «SE» из рубинового камня.

— Соэтик?

— Совершенно верно, инспектор по социоэтике Харламов. А вы Клим Мальгин, если не ошибаюсь. Вы к Купаве? Ее нет дома. Из клиники она уже вышла, а здесь не появилась.— Инспектор развел руками.— К сожалению.

— И давно вы... следите за ней?

Харламов посерьезнел, прищурился.

— Вопрос не слишком любезен, но я отвечу.

— Простите.

— Ничего, я понимаю. Купава попала в поле нашего зрения случайно, после первого срыва полгода назад, и с тех пор мы работаем с ней, хотя и не столь успешно, как хотелось бы. К сожалению, она связалась с не очень хорошей компанией...

— Ну, это я уже знаю, дилайтмены.

Харламов покачал головой.

— Может быть, кто-то из ее приятелей и дилайтмен, однако основная компания — один из так называемых «эскадронов жизни». Слышали? Культ абсолютного лидера, религия типа «Я хочу, и точка!» плюс руководство принципом удовольствия, неограниченного получения наслаждений.

— Это хуже.

— Еще бы. Просто хочушники, созерцатели и чистые наслаждэнцы — еще куда ни шло, но «эскадроны» гораздо опасней, опасней в прямом смысле, потому что проповедуют еще и культ агрессивных влечений, конкурентное видение мира.

— Конкурентные отношения — явление отнюдь не экстраординарное, а самое нормальное.

Харламов посмотрел на Мальгина с неопределенным сожалением, но продолжать спор не стал.

— Извините, спешу. Если хотите, можете встретиться с нами, поговорить о судьбе Купавы, если она вам не безразлична. Может быть, ваша помощь окажется действенней.

Раздумывая над словами инспектора, Мальгин приблизился к двери квартиры Шаламова, мысленно приказал дверному автомату открыть вход, но дверь не дрогнула. Клим озадаченно потрогал ее пальцем, «обнял» пространство за стеной, разбившееся на ряд пустых комнат. Никого? Странно. Почему же не сработал автомат? Поменяли код? Или приказано никого не впускать?

Мальгин застыл, полузакрыв глаза, мысленно пробрался внутрь крошечного «мозга» дверного киба, поиграл мостиками связей, и дверь открылась.

В квартире никого не было, и во всех комнатах стойко держался запах ч у ж и х людей. Впрочем, подумал хирург, переживая вспышку досады — отзвук давней боли и обиды, Купава сказала, что я тоже чужой этому дому. Знала бы она, какое это жуткое ощущение — ч у ж о й!..

— Что скажешь? — спросил Клим советчика.

— Мне здесь не нравится,— ответил Харитон.

Хмыкнув, Мальгин прошелся по комнатам, отмечая перемены обстановки, собрал мужские вещи, явно не принадлежащие Даниилу: майку, шорты с изменяющимся рисунком, тапки, ремни, значки, пузырьки с одеколонами,— и выбросил в окно утилизатора. Включил уборщика и климатизатор с контуром озонирования, остановился возле прозрачного «фонаря» мебельного гарнитура с дарами Шаламова на полках и почувствовал себя неуютно. Подарки не только излучали будоражащее тепло, завораживали взгляд и будили фантазию, но и настораживали. Клим вдруг отчетливо осознал, что они о п а с н ы!

Он открыл дверцу и попытался осторожно взять в руки туманную сферу размером с два кулака, однако удалось это ему только с третьей попытки: сфера была легкой и неуловимой, как тополиный пух. Ни холодно, ни жарко, ни твердо, ни мягко, хотя прикосновение чувствуется, веса — никакого, но в воздухе не зависает, что же это у нее внутри?

Клим присмотрелся, напрягая зрение, и словно провалился в глубокий колодец, на две которого зыбко дрожала россыпь золо-

тых монет... не монет, конечно, но и не звезд. Планет? Тоже не очень похоже. В ушах раздался раскатистый бархатистый шепот:

— Иригути кэнкон. Перегиб не фиксирован. Предельная масса — двести. Назовите, пожалуйста, координаты желаемого выхода.

Мальгин перевел взгляд на одну из «планет», та запылала ярче, пространство вокруг хирурга шатнулось, так что желудок сжал противный спазм. Спохватившись, Клим «вышел» из колодца, с облегчением узнав обстановку гостиной Шаламова, однако голова прояснилась не сразу, пребывая в состоянии странной обособленной невесомости.

А сфера-то далеко не ординарная вещь! И не игрушка. Иригути кэнкон... На каком языке это сказано? На японском? И что означает? А главное, что означает «назовите координаты выхода»? Может быть, сфера — какой-то передатчик, рация?

Стараясь не дышать, Мальгин опустил невесомый шар, не имеющий видимых границ, на место, но как ни был осторожен, сфера «посмотрела» на него тяжело и недовольно, как потревоженный сильный зверь. В довершение ко всему Климу показалось, что в момент касания сферы с подставкой все твердые предметы, вещи, стены на мгновение расплылись, как расплывается гитарная струна, если ударить по ней пальцем.

— Хороши игрушки! — хрипло сказал Мальгин, глядя на остальные подарки Даниила: исчезающий «голыш», свечу, «стакан» из золотистых нитей, кинжал с рукоятью, перетекающей в лезвие, книгу — тяжеленный фолиант с массивной на вид кожаной обложкой и бронзовыми застежками. Книгу Мальгин видел впервые. Осторожно взял в руки, сдул пыль. Книга и в самом деле была тяжелой, как свинцовый кирпич.

— Не трогал бы ты здесь ничего,— буркнул Харитон.— Это не простые игрушки, в каждой скрыта неведомая сила.

Мальгин, затаив дыхание, расстегнул застежку — внутреннее видение не соответствовало зрительному восприятию, и «книга» на внутреннем экране виделась черной чашей, до краев заполненной расплавленным металлом,— откинул тяжелую обложку и едва не выронил «книгу»: на него в упор взглянула безобразная морда!

«Страница» книги под обложкой оказалась чем-то вроде прозрачного окна, за которым простиралось мрачное ущелье, заполненное фиолетовым дымом, а в дыму пряталась жуткая бесформенная фигура с крокодильей мордой, тупо смотревшая перед собой. Она казалась живой и неживой одновременно, и чем больше Мальгин смотрел на нее, тем живее она становилась. Клима пробрал озноб — существо явно оживало и собиралось выпрыгнуть из «окна» страницы,— и он быстро захлопнул обложку. Вздохнул с облегчением.

— А страшно, черт побери! Конечно, это, скорее всего, видео или пси-проектор с набором слайдов, но впечатляет.

В гостиной внезапно зазвонил «домовой».

Мальгин невольно вздрогнул, опустил «книгу» на место, включил виом. Из светового веера выросло изображение лесной поляны с конусом десантного галеона, а на переднем плане стоял Майкл Лондон и смотрел на хирурга.

— Клим, мой вам совет: заберите у Купавы все подарки Даниила и отдайте на хранение безопасникам. Или в их лаборатории. Парни там серьезные, умные, профессионалы, и знают, как следует изучать подобные мины с мощными зарядами неприятных сюрпризов. Неужели вы сами не чувствуете?

— Чувствую.— Хирург слегка покраснел.— Но не думал, что эти вещи столь опасны.

— Они непредсказуемо опасны, вот что самое плохое. Ни один из подарков на самом деле не есть то, что видит человеческий глаз, и даже я не знаю всех свойств каждой вещи. Они не из нашей Вселенной и взаимодействуют с континуумом по сложнейшим законам, половину из которых человечество еще не знает и узнает не скоро. Убедил?

Мальгин, помедлив, кивнул.

— Ну вот и славно.— Лондон помахал рукой, и связь прекратилась прежде, чем хирург успел остановить бывшего начальника отдела безопасности. Клим только теперь сообразил, что глыба камня, возле которой стоял Майкл, в действительности была... «черным человеком»! И оба они были на Земле, в тропиках, судя по лесу.

— Прорицатель,— с оттенком пренебрежения сказал Харитон.

Мальгин походил по комнате, лавируя между креслами, микроклумбами и деревьями в кадках, стилизованных под глыбы песчаника.

— Ты не прав, советчик. Майкл не тот человек, который любит порисоваться. Если он находит время, чтобы предупредить, значит, эти штуки и в самом деле опасны. Я тоже это чувствую, разве что не конкретно, глубины видения не хватает. Поехали к безопасникам, отвезем подарки, а потом уж будем думать, что делать дальше.

Хирург с величайшими предосторожностями сложил подарки Шаламова в спортивную сумку, взвесил ее в руке — выдержат ли ручки? И в это время снова раздался звонок «домового».

Это был Железовский. Он был взволнован и скрыть своих чувств полностью не мог.

— Клим, на Ганса Варлица ночью было совершено нападение.

— На Варлица?! Постой, постой, почему на него? И в связи с чем?

— В связи с тем, что кое-кому хочется развязать кампанию против нас под лозунгом: «Интрасенсы — болезнь цивилизации». А поскольку болезнь опасна смертельно, лечить ее надо оперативно хирургическим путем.

— Ты... шутишь.— Взгляд Мальгина был откровенно недоверчив.

— Какие уж тут шутки. Это второй случай, причем очень хорошо подготовленный, мы не можем выявить ни количество нападавших, ни конкретных исполнителей, ни руководителей. Так что осторожней, пожалуйста, будь настороже, интуиция мне подсказывает, что и против тебя готовится какая-то акция.

Мальгин улыбнулся.

— Не волнуйся, я не беспомощен, хотя и не вижу причин такого к себе отношения. А насчет Варлица надо сообщить в безопасность, Боянова примет меры.

— Безопасность знает, но там не все чисто, похоже, происходит утечка информации в лагерь наших недругов. Короче, я тебя предупредил. Вечером с Игнатом будем у тебя, эксперт сообщит что-то важное, идей у него много.

Железовский выключил канал со своей стороны, виом стал просто полупрозрачным облачком.

И тут кто-то странно знакомый и чужой одновременно, потерявшийся и одинокий, снова позвал Мальгина из невообразимой дали, пытаясь передать что-то значительное, жизненно необходимое, полное скрытого смысла. Клим попытался запеленговать источник пси-передачи, превратившись в колоссальной чувствительности антенну, но его усилия активизировали дремлющую до поры до времени память «черного человека», и хирург потерял сознание, не успев как следует подготовиться к «фазе чужого».

5

Экипаж работал слаженно и точно, как пальцы руки, координируемой «мозгом» — инком спейсера, и в другое время Джума обязательно оценил бы подготовку профессионалов погранслужбы, но из-за недавнего разговора с Бояновой, во время которого он вдруг высказал сомнения насчет полного контроля Мальгиным самого себя, у безопасника пропало настроение: все казалось, что он предал хирурга, обманул, подставил, и мысли об этом терзали душу не хуже когтей. Вспомнился тезис отца: ищи изъяны не в сопернике, а в себе, а тот, кому ты нужен, оценит тебя сам.

— Единственный вопрос — нужен ли я ей,— вслух пробормотал Джума, держа в памяти образ Карой.— Во всяком случае, нужен ли так, как Мальгин. Если да — шанс еще есть, к тому же это зыбкое равновесие долго продолжаться не может, да и не видно, чтобы Клима особенно занимали думы о Карой, иначе он уже нашел бы ее на «Эдипе-2»...

— Минутная готовность,— проговорил динамик голосом инка.

Джума переглянулся с сидевшим рядом Бегичем. Молодой пограничник с момента посадки тихонько насвистывал какую-то мелодию и не цеплялся с необязательными разговорами: несмотря на молодость и вопреки жизнерадостной натуре был он работником опытным и рос на глазах. Покидая Горловину, числился Бегич в реестре погранслужбы грифом, то есть имеющим полномочия на действия по индивидуальным планам, возвращался же туда он коброй — командиром обоймы риска.

— Старт! — прозвучал в зале тот же голос, и черное пространство ринулось на людей сквозь виом, заполнило собой Вселенную, погасило мысли и чувства...

Джума «всплыл» из беспамятства одновременно с Бегичем, практически тотчас же после финиша — схода спейсера со «струны», что говорило о завидном здоровье обоих.

— Пять минут на контроль,— сказал инк спейсера, носивший звучное имя Портос.

Слепая белая стена перед людьми в зале превратилась в слой дыма и исчезла, открыв взору Галактику в направлении на созвездие Стрельца, в котором располагалось и Солнце — неяркая желтая звездочка на краю темного провала. Слева у обреза виома с периодом в несколько секунд мигала голубоватая звезда, то исчезая на фоне скопления галактик, то появляясь вновь.

— Лацертид [1],— кивнул на звезду Бегич.— Почти тысяча парсеков отсюда. Туда ушел мой друг на «Яузе». А галактики за звездой — сейферты [2], к ним еще сто лет назад ушел автомат «Китеж», но вернется ли — неизвестно.

— А это что за дыра?— помолчав, кивнул Джума на пропасть по центру виома, в которой не было видно ни одной искры света.

— Войд [3],— сказал Бегич.— Диаметр — около десяти миллионов парсеков. Хотел бы я полетать там, на воле, пощупать настоящий вакуум.

— Похоже, ты работаешь не там, где хотел.

— Да нет, почему, погранслужба — мое призвание, а Космос — хобби. Люблю космологические построения и все, что связано с тайнами рождения Вселенной. Осуждаешь?

Джума покачал головой, разглядывая раскрасневшегося парня.

— Завидую.

— Разброс координат точки выхода — три нуля семь,— доло-

---

[1] Точечный радиоисточник; класс звезд, названных по одной из радиозвезд в созвездии Ящерицы (Ящерица — Lacerta).

[2] Сейферт — т. н. сейфертовская галактика, гигантская спиральная галактика с активным ядром (предположительно — черной дырой).

[3] Войды — гигантские пустоты (ячеи) между волокнами сверхскоплений галактик; вместе с волокнами формируют сетчато-ячеистую структуру нашего домена Вселенной.

жил Портос.— До «серой дыры» около миллиона километров, слышу маяк.

Почти в центре виома запульсировал оранжевый огонек.

— По донесениям наблюдателей, проникатель маатан дрейфует к Ящерице со скоростью в одну сотую световой. Целеуказание принял, включаю шпуг.

Чуть в стороне от огонька маяка вспыхнуло алое колечко, перечеркнутое призрачным крестом визира.

Тела людей на мгновение потяжелели, и тут же неприятные ощущения исчезли.

Движение не ощущалось, казалось, спейсер стоит на месте, лишенный маневра и энергии, но в алой окружности вскоре появилась маленькая зеленая искорка, на глазах превращаясь в звезду, светящееся пятно, облако, и наконец, в диковинную конструкцию, передергиваемую волнами свечения.

Маатанский транспортник напоминал уродливую дыню с проломами на «носу» и «корме», и весь оброс бахромой каких-то металлических на вид ажурных башен, антенн и труб.

— Красив! — нарушил молчание Бегич.— Такого я еще не видел. Что будем делать?

— Машина в вашем распоряжении,— прорезался в наушниках рации голос командира спейсера.— С этого момента мы — пассажиры на контроле. Передача управления, блок снят.

— Принял,— сказал Джума Хан, покосившись на Бегича.

— Подтверждаю,— отреагировал Портос.— Драйвер-прима — Джума Хан.

— Дистанционное обследование Объекта.

— Посылаю «пчел».

Спейсер выстрелил капсулу «Роя-100», зеленой иглой промелькнувшую по виому. В двухстах километрах от маатанского проникателя капсула разделилась на сотню автоматических зондов наподобие тех, что использовал когда-то Шаламов.

— Можно, я проберусь в него?— предложил кто-то из пилотов в отсеке десанта.

— Кто это такой быстрый?

— Гриф Паат Хузангай.

Бегич перешел на личный диапазон связи, ткнув пальцем в рот.

— Я его знаю, пилот экстра-класса. Кстати, это он ходил с Ромашиным на Юпитер.

Джума кивнул, давая понять, что принял слова Бегича к сведению.

— Ваше время придет, маэстро Хузангай.

В течение получаса они наблюдали за действиями «пчел», пока Портос собирал сведения от них, суммировал и готовил вывод. Но вывод этот ошеломил всех, даже бывалых пограничников.

— Это не материальный объект,— бесстрастно сообщил инк.— На самом деле транспортник маатан — голографический мираж, динго. Устойчивый волновой пакет. Пройти вовнутрь вы можете, но вряд ли десант обогатит науку, а тем более практику контакта. К тому же, боюсь, что, нарушив структуру пакета, мы его просто превратим во вспышку света.

— Однако надо же посмотреть, что он нес внутри. Как он появился здесь? Именно из «серой дыры»?

— По мнению наблюдателей, а «дыру» изучают около десятка научных групп, проникатель появился внезапно, словно выскочил из «струны»... или из самой «серой дыры», что не исключено.

— Значит, если он прорвался сквозь мембрану «серой дыры»... его материальный субстрат остался там, в «дыре»?

— Вы очень образно выразились, хотя это не более, чем гипотеза. Посоветуйтесь с физиками, с их лидером Новиковым. Могу дать связь.

— Позже. Хузангай, вот и настал твой черед.

— Готов. Машина?

— Что-нибудь маленькое и юркое, надо быть предельно точным и осторожным.

— «Орех»? Меньше только обычный «заскок», но у него тяга слабовата и ресурс маловат.

— Хорошо, пусть будет «орех».

Спейсер выплюнул тетраэдр «ореха» — аппарата, специально предназначенного для спасательных операций внутри зданий, шахт, подземных коммуникаций и других объектов с ограниченным объемом.

Мигнув алыми габаритными огнями, аппарат выписал две красивые петли и пропал на фоне светящейся горы чужого корабля, загородившего всю переднюю сферу обзора. Камеры «ореха» включились, когда он вплотную приблизился к загадочному призраку некогда существовавшего космолета «черных людей».

— Локацию не включать,— предупредил Портос,— не поможет. В вашем распоряжении только интуиция и глаза.

— Не будь занудой, Портос,— весело ответил Хузангай.

Джума встретил взгляд Бегича и пробормотал:

— Не бойся умного лихого, как говорит древняя пословица, бойся смирного дурака. Тебе твоя интуиция ничего не говорит — что там внутри этого портрета тьмы и света?

— Ничего,— осклабился Бегич.— Моя интуиция работает только на опасность, а этот монстр безопасен, как отражение в зеркале.

«Орех» вошел в стометровый пролом в корме корабля, хотя кормой эту его часть можно было назвать условно, и пропал из виду. Виом, принимающий передачу с камер аппарата, показал громадную

бесформенную полость, сплошь заросшую лесом все тех же конструкций, что и внешняя оболочка левиафана. Цвета в полости преобладали коричнево-зеленые и фиолетовые, мрачные.

Проплыли мимо поля дырчатых пластин, заросли толстых труб, холмы черно-серой пены. Проход сузился, теперь «орех» плыл сквозь месиво «корней» и «корнеплодов» величиной с аппарат и больше, затем углубился в петлистый сине-сизый тоннель с гладкими стенами, ни дать, ни взять — кишка диаметром в шесть-семь метров.

Ничего неожиданного не происходило и не могло произойти, разведчик путешествовал внутри устойчивого голографического миража, слепка некогда существовавшего исполина, однако люди следили за полетом, затаив дыхание, и ждали чудес.

«Кишка» вывела аппарат в «желудок» — еще одну полость, поменьше первой, в которой тем не менее свободно уместился бы спейсер типа «Шевалье». И в центре полости все увидели сверкающий «ледяной» айсберг орилоуна. Впрочем, не один — орилоунов здесь скопилось около двух десятков, большинство мертвых, почерневших, но два или три сохранили влажный блеск и гармонию жизни.

Кто-то прищелкнул языком, видимо, впервые оценив красоту линий орилоунских «храмов».

— Это его груз? — прервал молчание Бегич.

— Вероятно. Обычно проникатели развозили «черных людей», но были случаи и перевозки орилоунов, разве что не в таких масштабах. Куда же он их вез? И довез ли?

— Для установки в других районах Галактики, куда же еще.

— Может, ты и прав, только запоздали они с расселением. Вполне вероятно, что корабль путешествует по Вселенной сотни миллионов, если не миллиарды лет.

— Вывод не очевиден,— вмешался Портос.— Волновая матрица не может жить так долго, в космосе слишком много возмущающих факторов...

— Это не вывод — свободный полет мысли. Хузангай, ищи проход дальше, в рубку этого дредноута.

Пилот молча тронул аппарат с места.

Через час он проник в «рубку» маатанского космолета: большой треугольный зал с перепончатыми стенами и черным зеркалом экрана, перед которым на «журавлиных гнездах» восседали черные глыбы маатан; Джума насчитал их восемь. Кроме того, в недрах корабля прятался еще один жилой или пассажирский отсек, где счет шел уже на сотни «черных людей».

— Кладбище,— донесся негромкий возглас пилота, когда он облетел пассажирский отсек.

Примерно такие же чувства охватили и остальных зрителей,

на которых произвел впечатление масштаб трагедии. Хотя с другой стороны, как сказал инк спейсера, свободное путешествие волнового слепка еще не есть подтверждение гибели оригинала. Оптимизма, правда, эта реплика экипажу не прибавила.

Закончился разведрейд печально.

То ли Хузангай забыл об осторожности и нечаянно задел стену выходного тоннеля, то ли контакт произошел на уровне взаимодействий полей и излучений, но в один краткий миг колоссальный корабль вдруг исчез, лопнул, как мыльный пузырь. «Орех» остался висеть в пустом пространстве, словно и не путешествовал в недрах чужого космолета. Ошеломленные случившимся, пограничники не сразу пришли в себя, решая, что делать дальше. Как выразился Бегич: «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь», но загадку эту решать не нам».

* * *

Этот день ничем не отличался от предыдущих, ни количеством заполнявших его событий, ни напряжением мысли, ни напряжением действия, разве что заканчивался иначе, неожиданней.

В десятом часу вечера по сети «спрута» пришли одно за другим сообщения о хищениях партий оружия: первое — со склада Североамериканского филиала погранслужбы, второе — с базы «Лама-2» Азиатского филиала военного музея. Боянова выслушала сообщения внешне спокойно, однако Шевчук, с которым она обговаривала план работы сектора, знал комиссара достаточно хорошо, чтобы отметить мелькнувшую в ее глазах тревогу. Вернее, беспокойство. Но не растерянность. Еще не было таких обстоятельств, которые могли заставить Власту Боянову растеряться.

— Твой вывод? — спросила Боянова мысленно.

Умник ответил с некоторым запозданием, как человек, собиравшийся с мыслями, на самом деле он советовался с другими инками сети и формировал оптимальный ответ.

— Затея с оружием не может быть самостоятельной акцией, она привязана к чему-то, а поскольку сегодня самым опасным из дестабилизирующих общество факторов является кампания против интрасенсов, будет логично связать эти события.

— По-вашему, планируется прямое уничтожение интрасенсов? С помощью засад? Чепуха! Это не современное решение проблемы. Если бы те, кто стоит за спинами исполнителей диверсий, хотели уничтожить интрасенсов, они бы действовали иначе, через компьютеризированные комплексы с использованием новейших средств защиты и уничтожения.

— В таком случае, похищение оружия — отвлекающий маневр.

— Маневр с риском попасться и выдать готовящуюся операцию? Нет, здесь что-то другое. Выяснить бы, кто стоит за всем этим.

— Человек, дерзнувший бросить вызов безопасности, сильный противник.

— Обычно люди сильны до тех пор, пока отстаивают сильную идею, а какая сильная идея может быть у адептов террора? Да и не может один человек пойти против системы, скорее всего, заработала какая-то организация типа фундаменталистских или анархо-террористических.

Умник промолчал.

— Мне пора идти,— напомнил о себе Шевчук, который слышал разговор, будучи включенным в сеть «спрута».— Посмотрю на местах, совпадает ли «почерк» хищений.

Боянова кивнула, отпуская заместителя, подождала, пока он уйдет, снова вызвала Умника:

— Нашли Лондона?

— Пока нет, но, похоже, гипотеза о его «закодированных» в компьютерной сети сообщениях подтверждается. Оперативная служба на него выйти не смогла, в Солнечной системе его, наверное, нет.

— Продолжайте поиск, подключив пограничников. Кроме того, дайте мне список лиц, имеющих доступ к информации «спрута» — раз и к информации с грифом «служебная тайна» — два.

— Включая консортников [1]?

— Их в первую очередь.

Через пять минут принтер выплюнул лист пластпапира с тремя десятками фамилий, и Боянова принялась изучать его, делая пометки световым карандашом. Потом вызвала Умника:

— В десять часов у меня должен был быть математик ксеноцентра Железовский.

— Сейчас проверю. Он дома,— сообщил инк через несколько секунд.— Дать канал?

— Кажется, слово «обязательность» он не жалует.

Вспыхнувший виом открыл окно в квартиру Железовского, заставленную прозрачными шкафами с образцами всевозможных руд. Математик в халате с изображениями старинных автомобилей возился у одного из шкафов. Поднял взгляд на комиссара, ничуть не удивившись звонку.

— Извините, что оторвала вас от творческой работы,— с иронией проговорила Власта.— Вы хотели навестить наш отдел...

— Передумал,— лаконично ответствовал Железовский.— Ваше предложение работать в отделе мне не подходит. Извините. Во-

---

[1] От консорт-линия — связь с компьютерными системами, позволяющая обладателю пользоваться данными в режиме особых полномочий.

первых, все интрасенсы — индивидуалисты, жаждущие свободы в максимальной степени, и я не исключение. Я предпочитаю заниматься тем, что мне нравится. А во-вторых: «Живи тихо — не увидишь лиха».

Бояновой показалось, что Железовский при этом лукаво подмигнул ей, но вряд ли это соответствовало истине.

— Насчет лиха — это ваш девиз?

— Просто человек я осторожный и люблю комфорт.— Аристарх повел рукой вокруг.— Камни — моя страсть. Не хотите оценить коллекцию?

— Некогда,— отрезала Власта, выключая виом. Она была раздосадована и разочарована до такой степени, что не сразу ответила на вопрос Умника:

— Я вам еще нужен?

— Нет,— ответила она, уже спокойней. Пробормотала:— Ну и ну! Что в тебе нашла Забава? Не понимаю!

Позвонив домой и предупредив дочь, что будет ночевать у сестры, в пол-одиннадцатого вечера Боянова воспользовалась метро Управления и в одиннадцать была уже в Вылкове, пригороде Софии, где жила Забава.

По местному времени было всего лишь девять вечера, но темнота и здесь владела землей и небом.

Отпустив такси, Боянова мельком посмотрела на плывущие над головой алые огоньки чужой машины, подумала: «Прикрытие, наверное, любит Алекс архаику»,— и тут же забыла об этом. Лифт вознес ее на семнадцатый этаж здания-пирамиды, а спустя минуту она уже входила в квартиру сестры: жилой стандарт — четыре комнаты, кухня, сауна.

Забава примеряла новое платье, вырастив из стены треугольник зеркал. Оглянулась на звук шагов.

— Как я тебе?

Комиссар оценивающим взглядом прошлась по фигуре сестры.

— Весьма недурно. Однако носить такое можно только вечером.

Платье горело; то есть впечатление было такое, что легкая ткань вспыхнула и горит бездымно, трепеща язычками пламени: алыми, оранжевыми, голубыми и фиолетовыми. Сквозь неумирающее и нежгучее пламя изредка, то туманной кисеей, то рельефной скульптурой — на мгновение — проступало прекрасное тело молодой девушки, полной сил и женственности.

— Стиль «аутбэст»,— проговорила Забава смущенно.— Зиркорн, конечно. И все же красиво, да?

Она небрежно взмахнула рукой, и платье вдруг стекло к ее ногам лужицей света. Оставшись в бикини, девушка нагнулась, подобрала «лужицу», превратившуюся в ленту, бросила в дырчатую

пластину стенного шкафа, который проглотил ленту и заурчал, как сытый кот, ожидая приказа. Забава щелкнула пальцами, надела выданный шкафом халат — ничего не скрывающий по сути, прошлась перед сестрой, покачивая бедрами, и обе засмеялись.

Спустя несколько минут сестры вырастили в спальне мебель по вкусу, приготовили напитки и устроились в уютном уголке комнаты, делясь впечатлениями от прожитого дня и последними новостями. Они были очень похожи, и более всего бровями, густыми и широкими. У Забавы лицо было смуглое и тонкое, с твердым подбородком и такими же твердыми, резными губами, с глазами-сапфирами, лицо Власты светилось белизной, такое же тонкое — один и тот же резец их вырезал — но более мягкое, с губами пухлыми, готовыми, казалось, сложиться в улыбку, и желто-зелеными глазами. Правда, в отличие от сестры, комиссар улыбалась редко, в исключительных случаях, а вот характеры у них сложились одинаковыми: решительными, сильными, властными.

— Что ты в нем нашла? — пробормотала младшая сестра (Власта — на двадцать шесть лет), насмотревшись на Забаву.— Тебе на вид двадцать, ты красивая, изящная и умная... а он — бегемот с фигурой Геракла, бифкейк [1] с едва заметным проблеском мысли...

Забава с изумлением посмотрела на сестру.

— Власта, что с тобой? Ты об Аристархе? Всерьез?

— О нем, о ком же еще.

— Да ты же его не знаешь совсем! Это... это...— Забава не нашла слова и только зажмурилась изо всех сил. Потом недоверчиво заглянула в глаза Власты.— Что произошло между вами?

Она могла свободно читать в душе сестры, воспринимать бег ее эйдетических образов — процесс мышления, но никогда не делала этого, и даже не в силу этики интрасенсов — в силу безоговорочного доверия.

— Он отказался работать в отделе,— поморщилась Власта.— Придумал какую-то смехотворную причину... хотя, вероятней всего, это лень или трусость!

— Власта!

— Ну не буду, не буду, раз тебя это задевает. Он меня вывел из себя, отсюда и настроение соответствующее. А тут как на зло начинаются странные события, и нужен очень хороший эфаналитик, чтобы сделать верный прогноз.

— Он очень хороший аналитик, а математик от бога.

Власта улыбнулась, провела рукой по щеке сестры.

— Надо же, как ты его защищаешь. А разница в возрасте не смущает? Ведь ты старше его на тридцать лет. Впрочем,— комис-

---

[1] Сплошные мышцы *(англ.)*.

сар пригорюнилась,— извини, при чем тут возраст? Просто я никогда не думала, что моя железная сестра, идеал строгости, точного расчета, вкуса, свободы, движения к цели, способна влюбиться, так по-девичьи, бездумно и щедро.

— Закрыть глаза на событие — еще не значит уничтожить это событие. Хотя я сама не поверила, когда поняла. И встречались мы с ним всего-то несколько раз... Тянет меня к нему, понимаешь? Ничего не могу поделать с ним, хоть плачь.

— А он?

— А он весь в себе: что-то ищет, к чему-то стремится, какой-то цели добивается, но — один! И прочитать его я не могу, понимаешь? То есть пытаюсь, но он закрыт, заблокирован, как... как вход в пещеру, где спрятаны несметные сокровища.

Власта улыбнулась.

— Ты уверена, что сокровища существуют?

— Чаще да, а иногда... хочется убить его или хотя бы избить, лишь бы увидеть, что он прячет в себе.— Забава всхлипнула.— Изверг каменный! Истукан! Индивидуалист несчастный!

Женщины обнялись, притихли.

— Тебя что-то еще беспокоит?— шепнула Забава. Она хорошо знала заботы сестры и была в курсе всех дел, которые велись службой безопасности.

— Границы допустимого,— так же шепотом ответила Власта.— До каких пределов могут дойти братья «Ордена» в борьбе с интрасенсами, с тобой в том числе. Я боюсь за тебя.

— А ты не бойся, мы способны постоять за себя, я в том числе. Атака на интрасенсов, комиссар, это не есть цель «Ордена», его цель — дестабилизация работы службы безопасности, единственной прочной базы общества. Кто-то хочет сменить формулу существования земной федерации, Советов, как таковых, и парламента, в частности.

— Может быть, они правы, и безопасность — анахронизм?

— Во все времена только этически зрелые дисциплинарные коллективы были способны решать самые сложные задачи, в том числе и по крупному счету, к примеру — задачу сохранения жизни на Земле, а отнюдь не «свободные» от условий и ограничений анархические организации, ставящие во главу угла «абсолютную свободу» личности. Но человеческая свобода не тождественна всемогуществу.

— По-моему, ты комиссар отдела больше меня, но в одном ты права: дисциплинарные коллективы, несущие ответственность, всегда были нужны человечеству, нужны и сейчас. Истинное сообщество — это сообщество ответственных личностей, а не толпа свободных от любой зависимости удальцов. Нас же хотят заставить не трогать тех, кто проповедует «истину толпы», способной ради

удовольствия разнести не только продуктовую базу, но и всю Землю, а главное — кто строит планы физического уничтожения неугодных. И самое страшное, что находятся исполнители!

Забава вздохнула.

— Чему ты удивляешься? Высочайшие взлеты человеческой мысли, разнообразие и утонченность культуры и наш рафинированный гуманизм всегда будут уживаться с разгулом низменных страстей, наркоманией, терроризмом и просто хулиганством. Таков человек, Власта. Биологическая эволюция не успела до сего времени вычистить в человеке агрессивность, трусость, алчность, вероломство, страсть к стяжательству, лживость и так далее, и, быть может, мы, интрасенсы,— последняя попытка эволюции в этом направлении. Поэтому нас и ненавидят. Не все, далеко не большинство, но еще многие.

— Один из их лозунгов: интрасенсы больны, болезнь их заразна и ведет человечество к вырождению и гибели.— Власта слабо улыбнулась, целуя сестру в щеку.— Это ты-то больна? Да я за тебя жизнь отдам!

В прихожей вдруг заиграла мелодию дверь. Власта увидела расширившиеся глаза Забавы и в тревоге привстала.

— Что?!

— Это он! — еле прошептала старшая сестра.

— Кто?

— Железовский!

— Желе... Аристарх? Не может быть! — Власта вышла в прихожую и открыла дверь. Перед ней с непроницаемым лицом горой высился Аристарх Железовский собственной персоной.

— Добрый вечер,— вежливо пророкотал он своим — не басом — подземным гулом.— Если гора не идет к Магомету...

— Что? — Власта на мгновение растерялась, за что потом казнила себя весь вечер.— О чем вы?

— Ну, я же вас приглашал к себе. А если гора не идет, то идет Магомет. Вот я и пришел объясниться.

— Ах, вот о чем речь.— Легкая краска легла на щеки комиссара, в глазах промелькнули иронические огоньки.— Мне казалось, что мы все выяснили. Что ж, заходите, Магомет, если в этом есть смысл.

— Власта,— с укором позвала появившаяся в проеме двери Забава.— Гость всегда гость, при чем тут смысл. Заходи, Аристарх.

Власта молча посторонилась.

В гостиной женщины усадили математика на диван и принялись его разглядывать до тех пор, пока не почувствовали неловкость. Власта сдалась первой, засмеялась и ушла на кухню. Вернулась с плавающим подносом, протянула Аристарху красивый резной

стакан с янтарным соком, взяла другой, толкнув поднос в сторону сидевшей с нерешительным видом Забавы. Железовский кивком поблагодарил, отпил глоток сока и снова превратился в изваяние, изредка поглядывая то на одну, то на другую хозяйку.

— Итак? — произнесла Власта.

— Начну с того,— сказал Железовский,— что я принимаю ваше предложение работать в отделе. По многим причинам. Главная из них — прямая утечка информации, я не мог сказать вам это по видео. Конечно, я не Бог, просто хороший математик и согласен с формулой эфанализа: глубина предвидения ограничена. И все же попытаюсь кое-что сделать для вас.

— Для нас? — не выдержала Власта.— А разве не для вас, в конечном счете? И не переоцениваете ли вы свои силы?

Железовский порозовел, хотя очень старался держаться невозмутимо.

— Не переоцениваю.

— Оперативной информацией мы вас снабдим, но вам придется сделать не стандартный эфанализ с выдачей прогноза, а определить центр дестабилизирующих общество сил, понимаете? Надо очень хорошо разбираться в жизни общества, которое в наше время представляет собой сложнейший организм, мозаику разнообразных форм производственных, политических и общественных организаций. Вас это не пугает?

— Нет.

— Вы заявили, что интрасенсы — индивидуалисты и не любят работать под каким бы то ни было давлением, что же движет вами? Вы случайно не относитесь к тем, кто называет себя «рыцарем эскадрона жизни»?

— Власта! — слабо запротестовала Забава.

Легкая улыбка тронула твердые губы Железовского.

— Кто-то из философов говорил: «Быть на стороне закона — такое же захватывающее дело, как и быть против него». Мне лично интересно работать на стороне закона. Проведите мне консорт-линию, Власта, и чтобы об этом знали только двое: вы и я. Умник тоже не должен ничего знать.

— Каким образом можно получать информацию через компьютер, не подключая его?

— Сообщите мне параметры инка, и я дам вам рекомендации. И учтите: против вас... нас работают очень хорошие специалисты, эфаналитики, политологи, социологи, технари, недовольные своим положением и отсутствием тех возможностей, которые открылись у интрасенсов. Это — элита, и вам придется в ходе следствия с этим считаться, чтобы довести дело до логического конца. Конечно, это люди — без особого полета фантазии, номенклатурные работники, но в их руках реальная власть.

— Откуда вы это знаете? — почти шепотом спросила Власта.

Железовский подмигнул Забаве, сломав на миг невозмутимость и превратившись в лихого удальца.

— Ветер носит. Но что бы вы ни думали обо мне, приближается новая волна стихийной борьбы с творческим потенциалом, с генераторами идей, с людьми, одаренными Богом, которые всегда во все времена раздражали аппарат власти. При л ю б ы х правительствах и режимах: Как говорят новоявленные пророки: грядет очищение мира от скверны инородцев! От нас, то есть. А заодно и от всех, кто довел себя до кондиции таланта.— Математик допил сок, легко встал.— Извините, спешу. Позвоните мне утром, Власта; по личному каналу, Забава его знает.

Вышел. Совершенно бесшумно.

Женщины остались сидеть, глядя друг на друга.

— Нахал,— нарушила молчание Власта.

— Мальчишка,— улыбнулась сквозь печаль Забава.

6

Ощущение полета и сказочной легкости потрясало настолько, что хотелось петь и мчаться, опережая ветер и свет. Однако длилось это ощущение недолго: накатилась вдруг волна тоски, мир внизу, голубой и зеленый, покрылся серым налетом, солнце скрылось за мрачной пеленой туч. Похолодало.

Крылья стали тяжелыми, а тело потеряло легкость и обтекаемость, голова явно перевешивала хвост, и приходилось напрягать шейные мышцы, чтобы не перейти в пикирование. И очень мешали лапы...

Мальгин проснулся.

Сон, в котором он существовал в образе могучего, но одинокого орла, навещал его регулярно, и хотя не приносил неудобств, но запоминался щемящим и неуютным чувством одиночества, чувством, которое ранило больней удара шпаги. Однако в памяти сохранился еще один эмоциональный след, отзвук далекого зова, раздражающего таинственностью и неповторимым ароматом и н о р о д н о с т и и в то же время родства. Зов этот не был целенаправлен, то есть он звучал как призыв о помощи, сигнал СОС, предназначавшийся всем, кто его услышит, но и криком о помощи назвать его было трудно. Зовущий не ждал ответа, и печальный зов — пакет пси-волн, не мысль, но и не эхо инстинкта — мчался в пространстве, достигал мозга Мальгина и реализовывался фразой тарабарского языка, полной непонятных чувств — кроме печали, ощущения потери и горечи — что воспринималось сразу,— и еще более непонятного смысла.

Мальгин поднял руки ладонями к себе, привычно раскачал температуру: голова — лед, ноги — огонь, и ладони засветились в темноте, словно были вылиты из раскаленного стекла.

— Вставай, орел,— пробормотал он сам себе.

В душе царила ночь, бескрайняя пустота, где далеко-далеко сияли две звезды — Купава и Карой. Идти никуда не хотелось, мозг искал возможность спрятаться от ужаса внутренней пустоты и хватался за любую возможность отвлечься от привычного потока дум, зациклившихся на ощущении безвыходности. Самыми приятными отныне становились минуты после схваток с памятью «черного человека», когда мозг освобождался от информационных «шлаков» и отходов физиологических реакций. В эти минуты Мальгин, выражаясь высоким штилем, пил «божественный нектар сумеречного сознания» и отдыхал.

Клим попытался еще раз определить координаты зовущего, углубился в космос, насколько мог далеко, но услышал только слабый отзвук чьей-то мысли, явно нечеловеческой: словно где-то на краю Вселенной заплакал ребенок...

«И снизошла на него вселенская печаль»,— с горькой усмешкой подумал хирург, расслабляясь. Потом встал и поплелся умываться.

Душ придал телу толику бодрости, сразу захотелось есть, словно организм вспомнил об увеличении энергозатрат, необычных для нормального человека, но обычных для интрасенса, живущего ускоренно и раскованно. Проглотив завтрак, Мальгин полюбовался серебристым туманом «магической сферы», лежащей на полке шкафа, за небьющимся стеклом, однако трогать не стал, интуиция требовала осторожности. Исчезающий «голыш» исправно продемонстрировал свои возможности, как только его перевернули, что сопровождалось гулким ударом на пси-уровне, и появился на прежнем месте через семь минут. Клим покачал головой, подумал: «Я еще разберусь с вами, подарочки!»— на что Харитон, редко вмешивающийся во внутренние монологи и диалоги хозяина с самим собой, хмуро проворчал:

— Не трогал бы ты их на самом деле, предупреждал же Лондон.

— Я и с ним еще разберусь,— неопределенно пообещал Мальгин.— Говорил бы прямо, чем они опасны, а то напустил туману...

Некоторое время он колебался, не зная, куда податься: то ли к Купаве домой, то ли в институт, и выбрал последнее. Решение созрело давно, и следовало расставить точки над «i».

В его кабинете работал Заремба. Увидев хозяина, он сделался пунцовым, сорвал с головы эмкан и встал, впервые не найдя, что сказать. Так они смотрели друг на друга долгие две секунды, потом Клим сделал жест: освободи место, мол, и молодой нейрохирург с готовностью отскочил от стола.

Мальгин обошел его, пробежал глазами плывущие по черной гладкой поверхности стола строки, выслушал мысленный рапорт секретаря и сел. Поднял глаза на Зарембу:

— Не выдержал?

— Извини,— буркнул Иван, пряча глаза, потом оживился.— Да и что здесь такого? Ну поработал с Гиппократом, побеспокоил эм-синхро из твоего ящика...

— Не хитри, Иван, ты искал информацию обо мне, вернее, о «черных кладах».

— Так ведь интересно же! А сам ты молчишь, ничего из тебя...

Клим исподлобья взглянул на Зарембу, и тот, сразу замолчав и побледнев, попятился.

— Т-ты что, Клим?

— Ничего.— Мальгин заставил себя улыбнуться, отметив, как сразу с облегчением, хотя и с долей заискивания, улыбнулся в ответ Заремба.— Ты же знаешь, как я не люблю неоправданного любопытства. Этике тебя учили?

— Больше не буду, клянусь! — Заремба прижал кулаки к груди.— А правда, что у тебя... э-э, расщепление личности? Это Гиппократ сообщил.

— Вздор! — рассердился Мальгин.— Гиппократ такого сообщить не мог, если только не сошел с ума.

— Значит, сошел.— Заремба уже пришел в себя, принимая обычную манеру поведения.— Спроси у него сам, зачем мне возводить напраслину?

Хирург молча натянул эмкан, и Гиппократ сообщил ему все, о чем только что говорил Заремба. Оглушенный Мальгин посидел несколько секунд, ничего не понимая, покрутил головой, с трудом заставил себя общаться с инком спокойно:

— Кто ввел тебе эту информацию?

— Информация поступила по консорт-линии, адресат неизвестен. Предположительно, это служба безопасности.

— Безопасность не ведет себя так грубо.

— Больше у меня ничего нет.

— Когда поступил пакет?

— Вчера в семь вечера.

— Стобецкий знает?

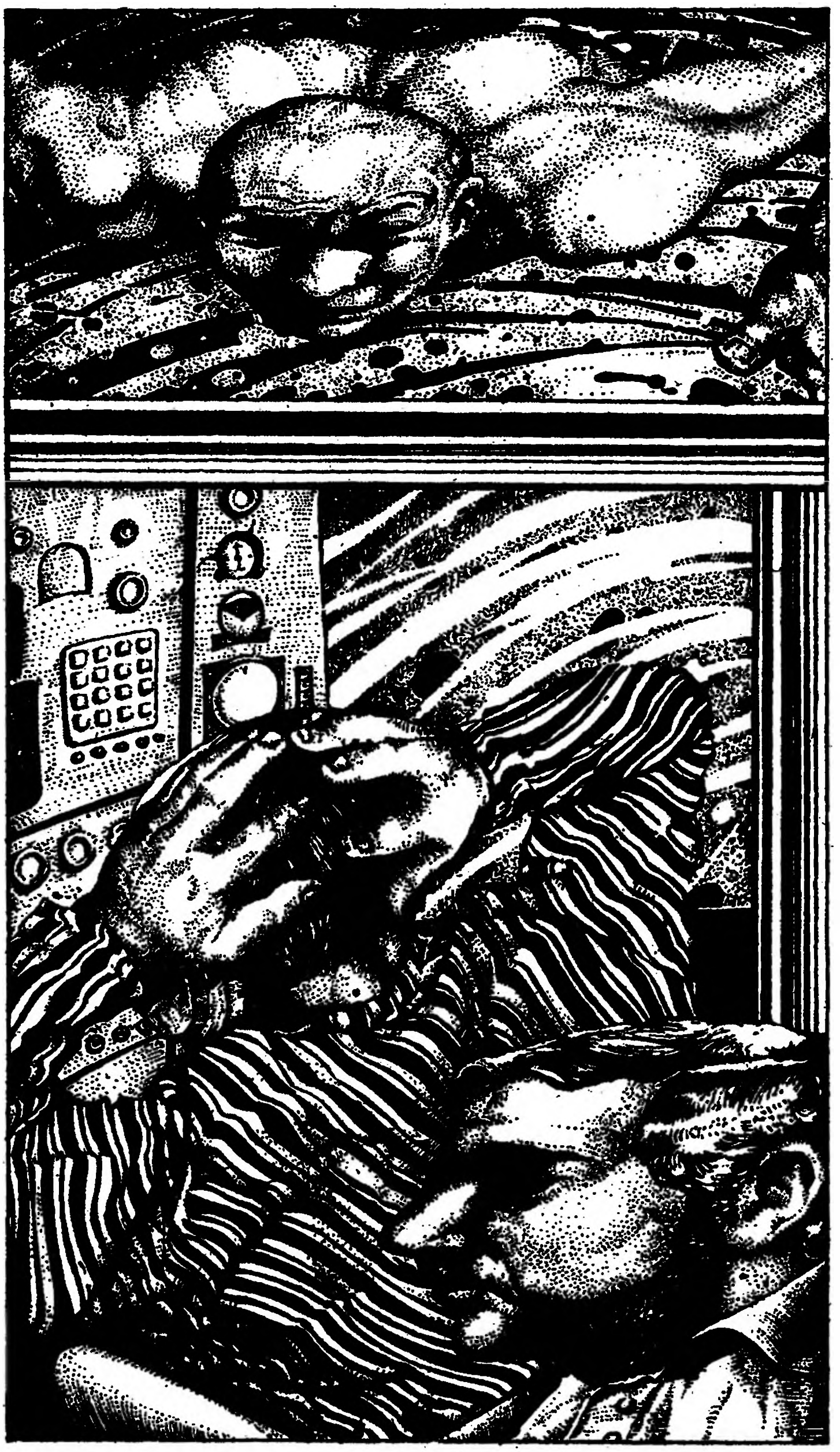
— Естественно. Он интересовался, когда вы планируете выдать информацию «черных кладов».

Мальгин не ответил, сбрасывая эмкан.

— Убедился? — кивнул Заремба на стол.— Когда собираешься устраивать пресс-конференцию? Все обещаешь, обещаешь...

— Я еще не готов, не дави на психику, Иван.

— А почему ты такой хмурый? Давно не видел тебя веселым, ходишь вечно озабоченный... и недобрый.

— Потому что я не обязан все время терпеть самого себя,— проворчал Мальгин. Последние слова Зарембы задели его и заставили задуматься. Недобрым Клим не помнил себя никогда, во всяком случае, никто до этого не бросал ему подобных упреков, и если Иван заметил изменения в его характере, значит, самоконтроля не хватало, да и контроля Харитона тоже. Интересно, при наступлении «фазы черного» он полностью отключается или ведет себя, как обычно? Если не считать недоброго взгляда?..

— Все, Иван, мне надо поработать. Кстати, если я тебя оставлю замом, справишься?

Заремба недоверчиво посмотрел на хирурга.

— Справлюсь, конечно,— сказал он с великолепной самоуверенностью, как о чем-то само собой разумеющемся.— Не шутишь? В отпуск собрался или еще куда?

— Еще куда.— Мальгин помахал рукой, и Заремба вышел, оглядываясь, сбитый с толку.

Клим, подождав немного и набравшись духу, вызвал кабинет Стобецкого. Некоторое время они смотрели друг на друга. Видимо, Стобецкий только что разговаривал с кем-то, он был оживлен и весел, но при виде хирурга оживление постепенно покинуло его, пока в чертах лица не проглянула озабоченность.

— Готард, мне надо переменить работу.

Глаза директора расширились.

— Что произошло?

— Устал.

Выражение глаз Стобецкого изменилось: недоверие и озабоченность боролись в них с изумлением и недоумением. Клим представил, что творится сейчас в душе застигнутого врасплох директора, и ему самому стало неуютно.

— Устал — это причина для женщин, но не для меня. К тому же ты должен знать, что специалистов такого класса, как ты, можно отпустить только с разрешения Совета.

— Я действительно устал... и больше всего от самого себя, а спасти может только перемена обстановки, смена впечатлений и образа жизни. Хотя бы на время, на полгода, скажем. Хочу, наконец, найти смысл собственного бытия и вернуть то, что потерял. Связывайся с Советом, придумывай любые причины, но завтра я не выйду.

Стобецкий покачал головой, не сводя пристального взгляда с хирурга, хотел что-то спросить, но с видимым усилием передумал.

— У тебя нет достойного заместителя,— сказал, помолчав.

— Заремба справится.

— Этот мальчишка? У него еще молоко на губах не обсохло.— Стобецкий не выдержал взгляда Мальгина, отвел глаза.— Хирург он хороший, но...

— Он хирург от бога, Готард, и ты это знаешь. Иван справится, не держи парня в запасе.

Разговор достиг точки неловкости, оба чувствовали это, разве что у Стобецкого было что спросить у коллеги, а у Клима нет. И директор все-таки не удержался:

— Это правда, что о тебе сообщил Гиппократ?

— О расщеплении «я»? Правда. Вот тебе и главная причина ухода,— оживился Мальгин.— Мне самому нужен врач.

Взгляд Стобецкого стал подозрительным.

— А не ты ли сам ввел эту информацию, чтобы действовать наверняка?

Мальгин засмеялся.

— Я в такие игры не играю. Хотя мне тоже интересно, кто это сделал и зачем. Прощай.

— Погоди, еще один вопрос.— Черты Стобецкого вдруг потеряли директорскую твердость и властность.— Ты же понимаешь, что мне... нам не безразлично, что с тобой происходит. И чем ты займешься.

— Боишься, что я превращусь в подобие Шаламова? — прищурился Мальгин.— Этого не произойдет. Да, благодаря «черным кладам» я обладаю кое-какими знаниями маатан, равно как и возможностями интрасенса, но никогда не применю эти знания во вред людям. Как и Майкл Лондон, между прочим.

— Но вами интересуется безопасность...— Готард прикусил язык.

— Это их обязанность, ничего удивительного. До связи, директор.

Мальгин выключил виом, оставив Стобецкого с его любопытством и сомнениями. Директор имел право сомневаться, потому что некоторым образом отвечал за хирурга, как за его здоровье, так и за последствия его поступков, однако Мальгин ничем не мог ему помочь.

В последний раз совершив обход больных — их было семеро, молодые парни и девушки, все, как один, с травмами черепа,— Клим с удовлетворением отметил, что операции прошли успешно, люди будут жить, не боясь последствий. Грусти в том, что он покидает институт надолго, не было, в воздухе витало обещание удачи, каких-то открытий и невероятных событий, и хандра отступила, словно судьба наконец улыбнулась ему благосклонно.

Полюбовавшись на крошечное существо на руках отца, Мальгин пообещал навестить его к вечеру, отметив ранее неизвестное выражение лица Мальгина-старшего: доброта и удовлетворение светились в каждой его черточке. Дочь Климу не улыбнулась,

смотрела пристально и настороженно, совершенно не по-детски, замерев, как только Клим помахал ей рукой. От этого взгляда хирургу стало не по себе, но своих чувств он не выдал, да и мысли были заняты другим.

Пока он разыскивал по связи Ромашина, позвонил Железовский:

— Ты свободен?

— Как ветер. Вот только навещу Ку... одного человека, и могу быть в твоем распоряжении.

— К Купаве ты бы лучше не ходил,— прогудел склонный к прямоте Аристарх, ощупав лицо хирурга проницательными глазами.— По многим причинам.

Клим нахмурился, но математик не дал ему простора для обиды:

— Потом поговорим на эту тему, не по видео. Ну-ка, повернись в профиль.

Мальгин повиновался, ничего не понимая. Железовский хмыкнул.

— Ты своих предков хорошо знаешь?

— Да не очень, всего до десятого колена.— Клим был сбит с толку и не скрывал этого.— Славяне. А что?

— Это видно, что славяне, кто конкретно?

— По именам, что ли? Белорусы, русские, украинцы. Линия по отцу — русские, по матери — украинцы, белорусы. Прапрадед Чурила жил под Рославлем, другой прапрадед — из-под Гомеля...

— Вот оно в чем дело. А я голову ломаю, почему твои экстрасенсорные гены проснулись так поздно — из-за последствий проживания твоих предков в зоне экологического бедствия! О Чернобыле, чай, слышал? Ну все, жду через час.

Виом погас.

Клим посидел перед «домовым» с ощущением легкого сотрясения мозга, потом встряхнулся и с удовольствием повозился со снарядами в спорткомнате, завершив тренировку боем с «динго». Душ, как всегда, оказал свое благотворное действие, заставив тело дышать всей поверхностью кожи. Клим оделся и мысленно помахал Железовскому рукой. Свои решения он менял редко, а тем более не зная, что имел в виду Железовский.

Купавы дома не оказалось. И, как заявил ее «домовой», она со времени последнего посещения дома хирургом так и не появлялась.

— Где же она может быть? — спросил Мальгин, тихо свирепея.

«Домовой» не счел нужным отвечать. Тогда Клим мысленным усилием залез внутрь инка, перебрал связи памяти, нашел нервный узел консорт-блока, подчиняющегося только личным командам хозяина, и углубился в информ-поле. Через минуту он знал, где может находиться Купава, однако воспользоваться этим знанием ему

не дали, не помогло даже мгновенно пробуждающееся чувство опасности: на сей раз оно было отвлечено поисками Купавы и сосредоточенностью Мальгина на личных проблемах.

Когда он наконец отреагировал на усиление пси-шума, в гостиную ворвались пятеро в серых кокосах с улиткообразными шлемами, скрывающими лица. Четверо держали в руках оружие — пистолеты сна и «универсалы», а пятый — хищной красоты излучатель с двумя устройствами автонаводки и контроля цели. Действовали они молча и быстро, Мальгин в течение двух секунд оказался окруженным со всех сторон. Самое интересное, что он не видел их в пси-диапазоне, не чувствовал биополей, цветных «двойников», все пятеро размазывались в бесформенные силуэты с черными дырами вместо голов.

Харитон первым сообразил в чем дело:

— Шлемы — это защита от психотехники внушения, причем очень солидная, не хуже, чем в «заскоках».

— Ну и что дальше? — холодно спросил Мальгин, включая пространственную рецепцию и готовясь к ускоренному ритму жизни.— В чем дело? Что за маскарад? Я вас не приглашал, да и хозяйка тоже.

— Нам нужно твое «темное знание»,— прохрипел чей-то голос; определить, кто говорит, было невозможно.

Мальгин не выдержал и засмеялся, вслушиваясь в усиливающийся гул крови. Кожа начала чувствовать малейшие движения воздуха, а система внутреннего зрения реагировала на каждый жест стоящих сзади и сбоку. И где-то глубоко в недрах подсознания заворочался «черный человек». «Не слишком ли скоро сбываются пророчества Лондона?» — подумал Клим, вслух же сказал:

— Мне бы оно тоже не помешало.

— Не смешно,— раздался тот же голос, и снова хирург не смог определить, кто говорит.— Мы знаем, что ты уже овладел «черными кладами», и хотели бы получить эту информацию. Не заставляй нас применять силу.

В гостиную вошел шестой незнакомец с каким-то переносным прибором, вытягивая на ходу ажурный шлем специального эмкана. Клим узнал аппарат психозаписи, применяющийся медиками скорой помощи при амнезии.

— Кто вы? — спросил он.— К чему эти детские игры с переодеванием и засадами?

— Это не игры,— начал было неведомый обладатель хриплого голоса, но его перебил один из молодых людей, которому надоело ждать:

— Чего мы медлим? Скрутить его — дело трех секунд, сунуть в эмкан — и все!

«Эпилептоид,— определил Мальгин профессионально,— тер-

пения ни на грош, вежливости тоже. И где-то я уже слышал этот голос».

Тот, кто стоял рядом с заговорившим, громадный, широкий, опасный, вдруг без размаха ударил напарника в живот. Парень отлетел к стене и едва не упал, кокос уберег его от нокдауна.

— Ты задерживаешь нас и усугубляешь свое положение,— прохрипел тот же голос. Теперь Мальгин понял, в чем дело: голос шел сразу от всех налетчиков через динамики. Говоривший не хотел, чтобы его узнали по голосу или по фигуре после «сеанса».

— Помочь? Или наденешь эту штуку сам? — Вошедший последним приблизился и протянул эмкан.

Мальгин покачал головой, готовый к энергоотдаче, превышающей возможности любого человека. Поднял руку ладонью вниз, и с ладони сорвалась в пол синяя искра.. Нежданные гости вздрогнули.

— Ребята, если это шутка — я вам ее прощаю, хотя она и зашла далеко, но нельзя же до предела испытывать терпение незнакомого человека.

Видимо, вся шестерка держала связь по рации и кто-то подал команду в радиодиапазоне: Клим ощутил передачу, как лопнувший светящийся шнур. Тотчас же стоявший сзади хирурга молодой человек нанес ему удар по голове рукоятью «универсала». Вернее, хотел нанести: Мальгина в этом месте уже не оказалось.

Бой он начал без злости, как начинают соревнование шахматисты: напряжение интеллекта, математика ситуаций, анализ действий противника, ответный ход — все в темпе, позволяющем на полшага опережать противоборствующую сторону. Однако вскоре Клим понял, что, во-первых, просто уходя от выпадов и лазерных прицельных трасс на скоростях, превышающих реакции нападавших, он долго не продержится, да и простора для маневра в квартире Купавы не хватало, а во-вторых, за него еще не принялись всерьез. По крайней мере, двое из группы просто наблюдали за ним, откровенно изучая его возможности, и оба таили в себе неведомые запасы темных сил и заряды угрозы.

Зря не послушался Аристарха, пришла некстати мысль.

Ребятам поступила команда стрелять, и комната засверкала цветными вспышками, словно веселые гости затеяли минифейерверк. Обиженная попаданиями мебель начала выдавать формы, не предусмотренные программой интерьера, двигаться стало трудней, и Клим сменил рисунок игры. Двое из боевиков группы лишились оружия в течение секунды, еще один получил иглу сна от своего же напарника и выбыл из схватки, и тогда в действие вступили наблюдатели: широкий и, вероятно, очень сильный мужчина, возраст которого оценить было невозможно, и второй — высокий, тонкий и гибкий, хотя и не юноша. Выстрел первого из «универсала» про-

шел над плечом хирурга, а выстрел второго из усыпляющего пистолета достиг цели: игла вонзилась в бедро, хотя до тела не достала.

Мальгин увеличил скорость, прекрасно сознавая, что в его распоряжении всего с десяток секунд, может быть, полминуты, и достал тонкого с удара-полувзлета, успев швырнуть в кого-то из парней отобранный пистолет. Оставался широкий, олицетворяющий главные силы отряда, владеющий техникой рукопашного боя не хуже Мальгина и почти не уступающий ему в реакции, но этот тип не принял открытой схватки, не стал рисковать, из его руки глянул на хирурга зрачок гипноиндуктора.

— Клим, выходи из боя, у них «василиск»! — раздался вдруг в голове пси-крик Железовского.— Я буду через минуту, прыгай в окно!

Мальгин, чувствуя, как заныли мышцы икр, развернулся на ходу, прыгнул из неудобного положения через обуглившийся стол, потом через бесформенный стул, и в этот момент гигант выстрелил. И все же за мгновение до выстрела — сработала интуитив-система предупреждения — Клим успел загнать свое «я» в глубины подсознания, и тупой удар в голову, по всем нервным узлам, не стал для него временной смертью личности, полным отключением процесса мышления. В результате он впервые встретил в себе, в глубинах неосознанной психики, внушенного Шаламовым «черного человека».

Увиделось это так, словно Мальгин пробил телом свод пещеры с фосфоресцирующими стенами и упал прямо перед угрюмой глыбой маатанина, сидящего на куче «хвороста».

— Привет,— сказал «черный человек» меланхолически. У него был приятный бархатистый голос и манеры Игната Ромашина.

— Привет,— отозвался ошеломленный Мальгин, озираясь. Воспринимать действительность, если это была действительность, мешал отдаленный гул да слабые подергивания стен и пола пещеры в ответ на особо сильные раскаты.

— Где я?

— В запределье, друг мой. Но я вынужден покинуть тебя.— Маатанин оделся в ореол неверного зеленого свечения, его черная глыбистая фигура задрожала, как желе, стала таять.— Наступила фаза «черного человека», я должен быть наверху. До встречи.— Скала маатанина распалась на дымные облачка, дым утянулся струйками в свод пещеры, наступила тишина.

Мальгин, не чувствуя тела, подошел к тому месту, где только что был «черный человек», и обнаружил неглубокую выемку в полу, покрытую глазурью. Пещера продолжала сотрясаться, словно где-то на поверхности земли шло сражение, насыщенное ракетными и бомбовыми ударами, и в ответ на самые близкие взрывы в стенах пещеры вспыхивали и медленно гасли алые прямоугольники. Подойдя к одному из них, Мальгин понял, что это дверь. Всего он

насчитал их сорок, по десять на каждую стену пещеры, и ни одна из них не открылась, несмотря на все усилия хирурга.

Мальгин почувствовал усталость. Болела голова, все тело, хотя он его не видел и не мог ощущать, череп сдавило так, будто голова попала в тиски, и еще мучило ощущение льющейся из ушей горячей жидкости: так обычно течет кровь из раны. Подняв голову, он увидел в потолке еще одну дверь, фиолетово-синюю, словно из прозрачного толстого стекла, и эта дверь ждала, чтобы ее открыли.

Мальгин подпрыгнул... и закричал от боли! Показалось, что в ступни впились десятки острых игл. Задрожали стены, воздух, само пространство, отзываясь гулким эхом, рождая видимые глазом узлы интерференции световых волн. Мальгин почувствовал, что слабеет и вот-вот потеряет сознание... «Хотя какое сознание может быть в подсознании?» — мелькнула мысль.

И в этот миг ушей коснулся знакомый далекий зов, словно трава прошелестела, или дождик сыпанул по луже, или ветер коснулся листьев клена... Клим напрягся, стараясь расслышать этот до боли знакомый звук. и не услышал — почуял! — шепот:

— Прыгай!..

Сил уже почти не оставалось ни на что. стены пещеры стали сближаться с грохотом и гулом, и тогда, собрав все крохи воли, что еще боролись с диким напором извне неведомых сил, Мальгин прыгнул вверх — вверх? — к спасительной двери, проломил ее головой... и оказался над речным обрывом.

Сзади горела степь, мелькали всадники, ржали кони без седоков, кричали люди, впереди разворачивался речной простор и сочная зелень пойменных лугов за рекой.

— Прыгай! — крикнул кто-то из-под обрыва, и Мальгин, босоногий, в рваной рубашке, сиганул в реку, пропустив над собой гибельный свист прянувшей из чужого лука стрелы...

Он лежал в кровати, в своей спальне, в одних плавках, и тело казалось сплошной раной: болела каждая клеточка, каждый нерв, кожа горела. в желудке пылал огонь, а в глаза будто насыпали песку. Кто-то тронул его за локоть, вызвав дикую боль в месте прикосновения. Клим с трудом повернул огромную, как барабан, гудящую голову — Железовский.

— Как... я... сюда... попал? — Язык не слушался, скулы сводило от кислоты и горечи и от боли, говорить было можно только с паузами.

— А ты не помнишь? — пробасил математик, озабоченно глядя на снятый с руки Мальгина датчик.— Лежи, лежи, приводи себя в порядок.

Клим только теперь почувствовал блаженную мягкость и чистоту постели. Вспомнил схватку, рывком приподнялся и едва не потерял сознание от охватившего все тело пламени.

— О дьявол! Где они?!

— А нетути никого,— улыбнулся Железовский.— Кто тебе нужен конкретно? Может, тебе все померещилось.

— И пещера с «черным»?

— Что? Пещера? Лежи, лежи, не дергайся.

Мальгин лег, вспоминая подробности драки.

— Где мой кокос?

— Зачем он тебе?

— В него встроен советчик, Харитон, он должен был все запомнить. Найди костюм.

— Потом расспросишь своего советчика.— Железовский принес стакан медового напитка, заставил Клима выпить.— Видимо, у тебя во время встречи с... э-э, гостями наступила фаза «черного человека», а это, брат, такая штука, что и мне становится страшно. Убивать не хотели, задача стояла проверить тебя на сенсорику, на прочность защиты, а заодно попытаться выкачать из тебя все, что содержится в башке. Ну и проверили.

— Что там произошло?

— Я подоспел в момент, когда ты схватился с одним мордоворотом... извини за терминологию, в этом слове вся суть. Он тебя лупит кулаками и ногами почем зря, а ты стоишь, как сейф!— Аристарх хохотнул.— А потом вылез «черный».

— Как? Я имею в виду, как это выглядело?

— Пси-удар. Не твой личный потенциал, совсем другая резонансная частота, другие параметры, но подействовало великолепно. Двое сразу с копыт, остальные сыпанули из квартиры с воплями, соседей напугали. А ты вдруг...

— Что? — Мальгин побледнел.— Не тяни душу.

— Взял и сиганул в окно! Я не успел даже глазом моргнуть, не то что предупредить, что квартира Купавы находится на сто одиннадцатом этаже.

Железовский снова гулко хохотнул.

— Ну и?..

— Ну и упал ты прямо на крышу кафе... спустя две минуты. Представляешь? По всем законам физики ты должен был лететь всего восемь секунд, а летел две минуты, и скорость у земли у тебя была не восемьдесят метров в секунду, а всего пять. У тебя даже синяков нет.

— Ты хочешь сказать?..

— Именно. Каким-то образом тебе удалось замедлить падение. У меня на этот счет есть свое мнение, экзотическое, правда, но почему бы и нет? Мне кажется, твой «черный» смог направить хаотическое броуновское движение молекул тела в одном направлении...— Железовский остановился, увидев, что Мальгин смеется, обидчиво пробурчал: — Не вижу, что здесь смешного.

Клим перестал смеяться — смех был нервным,— погрустнел.

— Значит, я действительно наполовину «черный».

— Хотел бы я быть таким «черным». Спи, я пошел, вечером еще раз зайду. Если вспомнишь, как тебе удалось замедлить падение, я тебе памятник поставлю.

— Подожди.— Мальгин приподнялся на локтях.— А когда я... он... нанес пси-удар, что почувствовал ты?

Железовский похлопал хирурга по плечу, вышел из спальни и ответил уже из коридора:

— То же, что и остальные.

Ушел.

Мальгин, покрывшись потом от слабости и боли в разбитом теле, доковылял до груды одежды, сунул голову внутрь кокоса, позвал мысленно:

— Харитон.

— Живой?! — радостно поинтересовался в ответ инк.

— Ты все записал, что происходило?

— Всю кутерьму, мастер.

— И то, как я падал?

— Это был полет, мастер. Хотя я не понял, как ты это сделал. Выздоровеешь, попробуешь разобраться сам.

— Аристарх сказал, что из меня вылез «черный», как это выглядело, с твоей точки зрения?

Харитон помолчал.

— Пси-атака была очень сильной, Клим, я записал параметры, потом поглядишь, а что касается наглядности... один из нападавших крикнул в панике: он нас сейчас разорвет! Понимаешь, о чем речь?

Мальгин сел на корточки, спрятал лицо в ладонях, вспоминая ужас в глазах Шумана, знакомого Купавы, страх в глазах Зарембы, и пробормотал:

— Тигрозавр мне, увы, неподконтролен.

7

Прежде чем вернуться на Землю, они встретили еще два «динозавролета» маатан — световые копии некогда существовавших реально кораблей. Видимо, их генерировала заросшая «серая дыра», по причинам, которых не знал никто. Может быть, это были «тени» материальных объектов, пытавшихся прорваться сквозь мембрану «серой дыры» в этот мир, а может, и просто информационно-световые копии, используемые в качестве вечных «памятников» погибшим.

Понаблюдав за действиями исследователей «серой дыры», кото-

рые хитроумными способами пытались запустить в Горловину зонды с аппаратурой, Джума вернулся на Землю. Шансы встретить живых «черных людей», а вместе с ними и Шаламова, с каждым днем становились все призрачней, и на первое место в душе безопасника начинали выходить личные проблемы, от решения которых зависело не только настроение, но и судьба.

Джума по натуре был оптимистичен, энергичен и самостоятелен, с изрядной долей честолюбия и хватки, умел работать с коллективом в любых условиях, мог увлечь людей за собой и увлечься сам, но и его оптимизм имел пределы, а тем более в обстоятельствах длительного конфликта с Карой, не то женой, не то подругой, и с самим собой. Нарастание душевного дискомфорта когда-то должно было разрешиться кризисом, если этот процесс не остановить — знать бы, как?— и Джума решил проявить настойчивость и решительность, чтобы наконец расставить точки над «i» в отношениях с Карой, поскольку ни она сама, ни Мальгин, этот загадочно колеблющийся человек-да, внезапно вмешавшийся в жизнь Хана, не хотели менять создавшееся зыбкое равновесие любовного треугольника. Вернее, четырехугольника, подумал Джума, вспомнив Купаву, еще одну петлю завязавшегося узла, и мрачно улыбнулся. Именно существование Купавы и давало ему шанс в борьбе за Карой, хотя он до сих пор не понимал, почему Мальгин принимает столько участия в решении судьбы Купавы, женщины, по сути, посторонней, пусть и бывшей когда-то его женой.

У него свой шариат [1], у тебя свой, ответил Джуме внутренний голос, и безопасник снова улыбнулся, беззлобно обозвав своего глубинного «я» шайтаном. Внутренние диалоги не мешали ему работать и собираться, как и вести беседу с друзьями, но на этот раз очнулся Хан уже в Управлении, двигаясь к резиденции комиссара безопасности. Решение созрело исподволь, пока Джума преодолевал колоссальные космические расстояния от «серой дыры» до Земли.

Боянова удивилась, увидев его в кабинете: она только что закончила видеоселекторное совещание и готовилась к работе с секторами службы.

— Хан? Что-нибудь случилось?

— Извините, Власта,— пробормотал Джума, испытывая кратковременный прилив нерешительности.— Отчет о кенгуру уже в машине, а пришел я по другому поводу... личному. Некоторым образом мне нужна свобода.

Боянова едва заметно улыбнулась.

— Разве вы не свободны?

Джума заставил себя преодолеть заторможенность, ловя себя

---

[1] «Предписанный путь» в исламе.

на мысли, что оценивает комиссара как женщину. Она бесспорно была красивой, прекрасную фигуру не мог скрыть никакой костюм, но отсутствие мимики, видимых эмоциональных движений души, проявления обыкновенных человеческих чувств придавали ей холод и твердость мраморной статуи, ожившей ради разговора с гостем.

— Если говорить о свободе в узком смысле слова, то я свободен, а если оценивать мое внутреннее состояние. то... одиночество — не синоним свободы.

Боянова внимательно и задумчиво оглядела безопасника, жестом пригласила сесть.

— Вы хотите попросить отпуск? Почему не по ранжиру? Ни Шевчук, ни кадровая служба не ответили бы вам отказом.

— Я никому ничего не хочу объяснять. Мне нужен отпуск на некоторое время, на две-три недели, и причина — чисто личная, убедительная лишь для меня.

— Карой,— проговорила Боянова полуутвердительно.

Джума вздрогнул, с изумлением взглянув на комиссара, почувствовал, что краснеет, и взял себя в руки.

— Никак, я под «колпаком»?

Боянова рассмеялась, превратившись на мгновение в обаятельную девчонку, случайно забравшуюся в кабинет комиссара безопасности.

— Я обязана знать все о своих сотрудниках, их проблемы волнуют и меня. Берите отпуск любой длительности, на сколько необходимо. В качестве утешения приведу высказывание одного из психологов: «Человек — это особое существо, которому свойственна постоянная свобода принимаемых решений, невзирая на любые жизненные обстоятельства»[1].

— Классика,— мрачно сказал Джума.— Я тоже изучал психологию в свое время. Там есть продолжение: «Эта свобода включает в себя возможность быть как нечеловеком, так и святым». Какую возможность вы пророчите мне?

Комиссар покачала головой, с откровенным интересом изучая лицо Джумы.

— Вы умны, Хан, приятно в этом убеждаться время от времени, однако не стоит причислять себя к сонму святых, в вопросе вашем есть такой намек. Вы нормальный человек, способный ошибаться и причинять боль себе и другим. У меня есть знакомый, который делит мужчин на случайников и шансеров. Случайник — тот, кто пользуется случаем; удалось — хорошо, не удалось — ну и Бог с ним. Шансер же никогда не упускает своего шанса. По-моему, если применить к вам эту классификацию, вы ушли от первого, но еще не пришли ко второму. Нет?

---

[1] А. Портман. Биология и душа. Цюрих, 1956.

— М-м-м...— промычал Джума, озадаченный, не знающий, что сказать в ответ. С подобной точной зрения он еще не сталкивался, а тем более не ожидал, что ее выскажет Власта.

— Впрочем, может быть, я сужу слишком пристрастно,— продолжала Боянова.— В конце концов, особенности характера не являются решающими, всегда решает позиция личности. Давайте лучше поговорим о ваших друзьях.

Джума внутренне собрался, настороженно посмотрел в умные, с огоньками иронии, глаза Бояновой.

— Кого вы имеете в виду?

— Мальгина, Ромашина... Железовского. Все они меня интересуют не только профессионально, но и как личности, достаточно неординарные и одаренные. Прежде всего, конечно, Мальгин, загадочный богатырь, способный справиться с шестеркой хорошо вооруженных и специально обученных парней, а также без всяких последствий выпрыгнуть со сто одиннадцатого этажа.

Безопасник смотрел непонимающе, и Власта коротко рассказала ему о бое Мальгина с неизвестными лицами в квартире Купавы, жены Шаламова. Джума посидел немного, огорошенный новостью, и тихо присвистнул, забыв, где находится.

— Вот именно,— произнесла Боянова, отвечая мысленно какому-то абоненту: «Минуту, я занята».— Нет сомнений, что знаменитый нейрохирург, человек-да, не только интрасенс или экзосенс, как утверждают наши аналитики, но и кто-то еще. Не хочу утверждать, что он «черный человек», и все же Клим обладает неким «темным знанием», являющимся основой магии и колдовства — если использовать древние термины, обозначающие границы человеческого познания.

— Клим — колдун? — засмеялся Джума, но осекся, увидев неудовольствие на лице комиссара.— Простите, это от неожиданности, никогда не думал о нем, как о... маге. Но мой Ка [1] говорит мне, что вы ошибаетесь.

— У вас еще будет время убедиться в этом. Не знаю, есть ли Ка у вас, но у Мальгина он в наличии, и не один. Что касается Ромашина, то он авантюрист по натуре, хотя и предельно порядочен. Тем не менее в настоящее время он невольно является одним из факторов дестабилизации общественного спокойствия и безопасности, что не может не настораживать.

— Ромашин?! Как может быть фактором дестабилизации бывший начальник службы безопасности?

— Вспомните прошедшие события: случай с погоней за Шаламовым на Маат, выстрел из «василиска» в Даниила, в результате

---

[1] Ка — духовный двойник, жизненная сила, дается человеку при рождении *(др.-египет.)*.

чего личность «черного человека» возобладала над личностью Шаламова, потом эта неподготовленная атака на «обрывок сверхструны», в результате которой на Меркурии возникла «сфера Сабатини»... Этого мало? А к чему приведет упрямый поиск Ромашиным входа в орилоунское метро? Способен ли он сам оценить это после совета Лондона «не искать Шаламова, потому что поиск опасен»?

Джума молчал.

— Я не имею претензий к Ромашину как к человеку, он симпатичен мне, умен, энергичен и... не менее загадочен, чем Клим Мальгин.

— Ну Мальгин ладно, а при чем здесь Железовский?— помедлив, спросил окончательно сбитый с толку Джума.

— Поисками Шаламова они занимаются втроем.— Боянова дала понять, что время аудиенции истекло.— И это опасно. Для людей и всех нас в том числе. Я не призываю вас вести наблюдение за троицей, что-то предпринимать, анализировать, р а б о т а т ь, одним словом, но если возможно, просто побудьте с ними рядом, подстрахуйте Мальгина, помогите ему... чем — не знаю сама, советом, может быть, уважением, добрым отношением, готовностью помочь, наконец.

Хан встретил прямой взгляд женщины и понял недосказанное. В душе угрюмо шевельнулся второй «я», скептик и пессимист, но Джума не дал ему возможности высказаться. Пробормотав слова прощания, он вышел из кабинета, унося в душе взгляд Бояновой, в котором сквозило сомнение в его способностях.

* * *

Разговор с Бояновой не принес ожидаемого облегчения, а пустые комнаты дома, заполненные тишиной и грустью, усугубили плохое настроение. Однако Джума заставил себя встряхнуться и после короткого сеанса йога-тренинга почувствовал прилив энергии.

Переодевшись и оглядев себя в зеркале, он остался доволен своим внешним видом — целеустремленный, сильный, озабоченный, но знающий себе цену молодой человек. Подумал: с виду вполне фартовый парень, но именно подобные стандарты и не нравятся Карой. И все же изменять имидж не буду, пусть будет хоть что-то неизменное, отвечающее внутреннему мироощущению. Карой должна это понять, иначе нет смысла продолжать ее поиск в ней самой. Кстати, у нее скоро день рождения, не забыть бы вовремя вручить подарок.

Безопасник полюбовался игрой сережек, перстня и колье из лун-

ного камня — гарнитур «Лукавая Селена», и спрятал гарнитур в стенной шкаф-сейф; он хранил его давно и с нетерпением ждал случая вручить адресату.

Запирая дверь квартиры, Джума вдруг заметил у порога белый квадратик пластпапира, поднял с пола. На двух сторонах квадратика тотчас же проступили строки на английском языке: «Информация к размышлению. Грядет очищение Мира от скверны инородцев-интрасенсов, которые есть Болезнь человечества, ведущая к полному его вырождению. Мы, Чистильщики и Хирурги, призванные излечить человечество от Болезни, призываем всех в наши ряды. Кто не с нами, тот против нас! С кем ты, гражданин Земли?»

Джума хмыкнул, пожал плечами, спрятал карточку в карман и поспешил к лифту. Дверь за спиной зажгла красный глазок, означающий, что хозяев нет дома.

Через полчаса, преодолев три тысячи километров от Ходжара, где он жил последние полгода, до Рязани, где располагался Институт внеземных Культур, Джума входил в кабинет директора Института, академика, доктора ксенологии Георгия Дикого. К удивлению безопасника, его приветствовал не директор, которого он знал в лицо, а Герхард Маттер, ведущий ксенолог по системе Орилоуха, толстый, громадный, лысый, с роскошной черной бородой. Кокос Маттера был распахнут чуть ли не до пояса, оголяя волосатую грудь. Впрочем, это было в его стиле: ксенолог никогда не обращал внимания на такие мелочи, как одежда, мода, этика и отсутствие вкуса. Основным принципом, который он исповедовал, был принцип удовольствия, хотя и несколько модернизированный: Маттер находил удовольствие только в работе.

— Какие гости! — пророкотал он басом, не таким роскошным, каким обладал Железовский, но все же впечатляющим.— По делу? Требуется информация, анализ или точка зрения на события в погранзоне?

— Ни то, ни другое, ни третье.— Джума пожал пухлую, волосатую длань ксенолога.— Не ожидал увидеть вас в этом кресле. Смена власти или случай?

Маттер снял дужку эмкана — он работал с компьютером, и световая беготня на рабочем столе директора прекратилась.

— Кратковременная подмена, только и всего. Георгий сидит сейчас на Орилоухе как один из руководителей комплексной экспедиции, а текущие дела надо изредка решать, вот и приходится заместителям посещать сей приют на несколько дней. Что привело сюда безопасность?

— Личный вопрос. Мне срочно нужно попасть на «Эдип-2».

— Зачем? — удивился Маттер.— И почему обратился к нам? Разве вы не можете это сделать по каналам службы?

— Мне не требуется разрешение,— сдерживая раздражение,

сказал Джума.— Я просто хотел поставить в известность руководство института, что некоторое время проведу на станции.

Ведущий ксенолог почмокал губами, выражая сожаление.

— А вы знаете, в каких условиях работает экспедиция на Маате? «Эдип-2» переполнена, в каютах живут по два-три человека, очередь на работу огромная, транспорта не хватает...

— Как-нибудь устроюсь, я ненадолго, на день-два, а может быть, и того меньше.

— Что ж, дело ваше, я предупредил. Хотя,— ксенолог оживился,— работать на Маате — одно удовольствие! Как только меня сменят здесь, я вернусь туда.

— И неудобства вас не смущают? — флегматически заметил Джума.

Маттер засмеялся, погладив бороду.

— Так я же старожил-космен, «Эдип-2» — мое детище, я больше живу на станции, чем на Земле, отвык от циркадного [1] ритма. Так и быть, занимайте мою каюту, номер четырнадцать, код — две двойки три тройки.

— Спасибо! — с чувством сказал Джума, не ожидая такого подарка от Маттера.

Спустя еще полчаса он выходил из финиш-камеры метро на станции контактеров и ксенологов «Эдип-2», преодолев девяносто парсеков от Земли — Солнца — до солнца Маата — звезды 102 Щита. Единственной мыслью, вызывающей страх, была: не опередил ли его Мальгин?

Станция «Эдип-2» представляла собой незатейливый трехсотметровой длины параллелепипед с квадратным основанием пятьдесят на пятьдесят метров. Внутри параллелепипеда располагалось двадцать лабораторий ведомства ксенологов, две — коммуникаторов, профессионалов контакта, полторы сотни кают жилого сектора, станция метро, эллинг исследовательского транспорта, материальная база, реактор, двигательный отсек. Всем сложным хозяйством комплекса управлял инк по имени Ксенофонт, второй инк — Сократ выполнял роль координатора исследований и был связан с руководителями групп и компьютерами Земли сетью «спрута».

Джума примерно знал расположение центра управления станцией и ее основных зон, однако здесь, как и везде на подобного рода объектах со сложной структурой, царила компьютерная избыточность обслуживания, создающая у работающих на станции чувство комфорта и уюта. Не успел безопасник выйти из финиш-камеры

---

[1] Циркадный — суточный. Имеется в виду, что жизнь на космических исследовательских станциях не подчиняется суточному ритму, а рассчитывается в зависимости от физиологических потребностей исследователей.

метро в коридор, как в голове его зазвучал пси-голос инка-информатора:

— Приветствую вас на борту станции. Какое предпочитаете сопровождение?

— Пока никакого,— ответил Джума, поразмышляв.— Мне нужно найти каюту ксенохимика Карой Чокой.

— Каюта сорок девять, четвертый горизонт, лифт прямо по коридору. Всех вам благ. Буду нужен — высветите кодовую фразу: «Ксенофонт — связь».

— О'кей,— пробормотал Джума, выходя в длинный и светлый коридор, совершенно пустой в это время. На стене коридора вспыхнула стрелка с надписью «К лифту».

Сила тяжести на станции соответствовала марсианской, ходить по коридорам было одно удовольствие.

Чувствуя, как забилось сердце, Джума подошел к двери с номером сорок девять и увидел мигающий алый зрачок, говорящий об отсутствии в помещении хозяйки или хозяев. Пережив мимолетное разочарование, безопасник провел ладонью над глазком, скомандовал мысленно: «Сезам, откройся!» Так они с Карой когда-то кодировали замок двери, в первое время после медового месяца. Карой не поменяла код и здесь, замок сработал, дверь свернулась валиком, спряталась в стене. Джума вошел.

Пограничный стандарт: две комнатки два с половиной на три с половиной метра, одна — рабочий кабинет, другая — спальня, и туалетный блок. Чисто, уютно, в кабинете витают слабые запахи мяты, сушеных трав, а в спальне — духов «Морок». На столике в кабинете пси-вириал для работы с компом, футляр тонфона, кассета, подставка «домового», в стенном шкафу два белых кокоса, стойка с программатором зиркорна, аварийный «пузырь» и пакет скафандров для выхода в космос. Ничего лишнего. В шкафу спальни несколько платьев, набор белья, плоский пенал с одним-единственным комплектом украшений: серьги из черного камня и такой же перстень с геммой — тигр в прыжке. Джума погладил перстень пальцем и, пережизая острый приступ ревности, закрыл шкаф. Такого комплекта украшений он Карой не дарил.

— Где она? — спросил он, обращаясь к столу.

— Понятия не имею,— равнодушно ответил «домовой».

— Что же это ты такой грубиян? К какой хоть группе она прикреплена?

— Лаборатория семь, группа Орлова.— Компьютер подумал и добавил в спину гостя:— Верхний горизонт.

Джума вышел. В голове вспыхивали зарницы, кто-то пел и плакал одновременно, и все время вертелась фраза: «Она не заменила код замка, значит... Она не заменила код замка, значит...» Что это значит, Джума не знал.

В лабораторию номер семь его впустили без лишних расспросов, никто даже не обратил внимания, что вошел совершенно посторонний человек.

Лаборатория представляла собой прямоугольное помещение с изменяемым интерьером, разбитое на ячейки-соты индивидуальных и групповых рабочих мест. Каждая ячейка была оборудована пси-вириалом, устройством КПР, персональным компом и комплексом видеомоделирования и почти ничем не отличалась от соседней, кроме разве что оформления рабочего пространства. Координировал работу секций и групп инк лаборатории, выводящий все расчеты, выводы, предложения и результаты на виом-дисплей центрального блока, в котором работали руководители лаборатории.

Карой ни в одной из ячеек, разделенных полупрозрачными панелями, не оказалось.

С любопытством понаблюдав за картинкой на видеомониторе в одной из ячеек: фиолетовая равнина, черные стенообразные скалы, светящаяся голубизной река, такое же озерцо и угрюмые коричневые с красным громады — то ли причудливые каменные останцы, то ли гигантские термитники,— Джума решился потревожить обитателя ячейки, маленького японца неопределенного возраста.

— Простите, что отвлекаю, не могли бы вы подсказать, где я могу найти Карой Чокой?

Японец, не отрывая взгляда от беготни радужных пятен по поверхности рабочего стола и не снимая эмкана, ткнул пальцем в изображение фиолетового пейзажа.

— Что? Извините.— Джума разозлился на себя за несвойственный ему заискивающий тон.— Где это?

— Маат,— коротко ответил мужчина.— Десант-пять.

Джума потоптался сзади, формулируя новый вопрос.

— Давно?

— Двое суток.— Японец наконец соизволил взглянуть на спрашивающего, он был далеко не молод, как могло показаться со спины.

— И как долго десант будет на поверхности?

— Еще сутки. Простите, а вы кто?

— Безопасность,— не нашелся, что сказать еще, Хан.— Сообщение с поверхностью лифтовое или метро?

— Ни то, ни другое — обычная транспортная линия, куттеры, драккары, галеоны, когги.— Японец говорил по-английски почти чисто, но с горловым акцентом.— Простите еще раз, но... десант уже укомплектован вашими сотрудниками.

— У меня особое задание. С кем имею честь?

— Зам лидера Хисао Шимода.— Японец потерял интерес к посетителю и снова уставился в стол.— Прошу меня извинить,

вам следует обратиться к лидеру, Орлову-сан, связью с десантом занимается он. Только вам придется подождать, с транспортом проблема.

«Это ты мог бы и не говорить,— недовольно подумал Джума,— я и сам знаю, что мне нужен Орлов... сан. Однако если с транспортом проблема, не поможет и он, надо что-то придумать».

Вдруг остро захотелось увидеть Карой, дотронуться до ее руки, заглянуть в глаза, обнять... Джума облизнул губы, чувствуя бессилие и горечь, и принял решение. Через несколько минут он был в ангаре станции, воспользовавшись пронзающим лифтом.

Ангар — куб со стороной в пятьдесят метров, венчающий один из торцов станции, был почти пуст. Вся его летающая техника работала за пределами станции и возвращалась сюда только для ремонта или пополнения энергозапаса. В настоящий момент лишь в одном из углов громадного зала-эллинга виднелись две машины пространства: сигара грузового нефа и конус драккара. Одна бригада киб-погрузчиков что-то выгружала из недр нефа, другая одновременно загружала в него белые контейнеры. На корме драккара горел желтый сигнал предупреждения: машина нуждалась в ремонте.

Стремглав проскочив пустое пространство до драккара, Джума нырнул в люк и благополучно добрался до рубки, ни с кем не столкнувшись во время гонки. Бегло оглядел разверстый кокон управления и удовлетворенно улыбнулся. Ему повезло: ремонт, по сути, был уже закончен — была заменена система слежения и связи, вышедшие из строя блоки грудой лежали на полу возле развернутого кресла. Джуме ничего не оставалось делать, как упасть спиной в упругую нишу кресла и провести контроль функционирования комплекса.

— Слушаю,— включился контур пси-связи с координатором шлюпа.

— Как тебя зовут?

— Чанг.

— Врубай старт и связь «спрута», нужен вывод на Маат, район десантирования команды-пять.

— Основания? — помедлив секунду, осведомился инк.— Я работаю с другим пилотом.

— Amantes — amentes [1],— пробормотал Джума, не зная, что ответить, и добавил:— Это черный полет [2], улавливаешь?

К его удивлению, Чанг понял, что имеет в виду новоявленный драйвер-прима, и подчинился.

---

[1] Влюбленные — безумные *(лат.)*

[2] Черные полеты — полеты по сверхсекретным военным программам; в данном случае Джума подразумевал секретность, не зависящую от компьютера.

Старт прошел незамеченным: никто из персонала станции, дежурных в централи управления, пограничников, руководства не мог предположить, что шлюпом командует посторонний человек. Лишь ремонтники бригады обслуживания транспортного ангара, прибывшие к своему рабочему месту, озадаченно переглянулись, разглядев на месте драккара вертикальный шнур света — предупреждение о нештатном старте, но и они не стали уточнять, кто угнал шлюп: свою работу они выполнили, а на драккаре, по их мнению, мог улететь только тот, за кем он был закреплен.

Сначала шлюп, выброшенный из недр станции магнитной катапультой, шел кормой к светилу, и Джума в полной мере вдохнул «космической праны»: казалось, он повис в абсолютной пустоте совершенно один, без средств связи и возможностей дать СОС, и даже бисерная полоса Млечного Пути не создавала ощущения замкнутого пространства, ограниченности взгляда. Затем координатор включил эфир, и Джума услышал «шепот звезд»: тихий гул, посвисты разной тональности, слабые трески, шорохи и короткие и длинные очереди писков. И лишь когда подключились диапазоны связи «спрута» и в ушах заговорили десятки негромких человеческих голосов, безопасник ощутил себя в своей стихии. Улыбнулся, вспомнив чьи-то строки: «Какая акустика в космосе! Крикнешь однажды — а пространство звучит и звучит вечно»[1].

Драккар плавно изменил вектор движения, в глаза брызнуло ослепительным радужным светом — с расстояния в сто десять миллионов километров шар Сто второй Щита казался размером с арбуз. Инк поспешил включить поляризационные фильтры, и звезда приобрела густой синий цвет, став похожей на воздушный шарик, светящийся по всей массе.

Маат возник в секторе обзора неожиданно: шлюп еще раз повернул, и впереди вдруг выросла туманно-серая, с мозаикой расплывчатых пятен, гора. А Джуму вдруг потрясла мысль, что планета пуста! Не дом, не город, не район — вся планета! Он попробовал представить, что Земля опустела, исчезли все животные, птицы, люди... и не хватило фантазии! Зато навстречу летела опустевшая, покинутая разумными существами планета, и душу холодил мистический ужас масштабности явления.

— Полчаса до цели,— сообщил Чанг.— Иду по пеленгу. Отвечать на кодовые запросы буду я или вы?

— Лучше ты, я буду отвечать только на личные вызовы. Врубай форсаж, я не намерен телепаться полчаса, даю десять минут.

Скорость драккара начала расти, хотя это было не особенно заметно из-за масштабов намеченной цели — планеты, закрывшей всю переднюю полусферу обзора. Потом машина вошла в верхние

---

[1] Владимир Британишский.

слои атмосферы, и видимость ухудшилась. Окно прозрачности атмосферы Маата лежало в ультрафиолетовом диапазоне, поэтому для человека на планете царили вечные сумерки. Но стоило инку переключить диапазон видения камер шлюпа, как угрюмая сизо-серая пелена вокруг растаяла, и поверхность планеты расцвела палитрой красок от зеленого и желтого до синего и фиолетового.

Как и на всех аппаратах подобного типа, сигналы видеокамер подавались непосредственно в мозг пилоту, поэтому Джуме казалось, что он летит в космосе голым, без всяких защитных устройств и приспособлений, разве что тело не мерзло и не обдувалось космическим ветром — газом и пылью. Иногда пилоты так привыкали к ощущению «свободного» полета, что на поверхности земли попадали в неприятные ситуации, забывая, что вокруг нет защитного кокона. Джума в такие ситуации не попадал, «синдромом пилота», не болел, но компьютерное обеспечение воспринимал как сын своей эпохи — совершенно не осознавая своеобразия компьютеризированного образа жизни.

В правом верхнем углу поля зрения загорелся-замигал оранжевый огонек. Визирный крестик по центру поля тотчас же переместился к огоньку, и драккар послушно повернул в ту сторону.

— Борт «икс», немедленно измените траекторию! — выплыл из каши звуков чей-то властный голос.— Пилот драккара «тайгер», немедленно отверните, вы в опасной зоне!

— О чем он говорит? — осведомился Джума у Чанга.— Что еще за опасная зона?

— Не имею понятия,— ответил инк,— я в этих широтах не летал. Сейчас запрошу центр.

Но компьютер не успел выяснить причин предупреждения. Когда до цели оставалось всего около ста километров — шлюп шел на высоте двадцати двух километров — корпус драккара вдруг пронизала странная вибрация. Начавшись с гиперчастот, она за несколько секунд перешла в ультразвуковой диапазон, потом в звуковой, в инфразвуковой, а когда амплитуда колебаний достигла предела прочности корпуса, Джума потерял сознание, не успев сообразить, в чем дело, и дать команду поворота. Спасло его то, что скорость драккара была очень высокой и шлюп проскочил зону вибраций, не успев разрушиться.

Очнулся Джума от прикосновения холодного тампона ко лбу. На него смотрели огромные, заполненные страхом, изумлением и недоверием глаза Карой.

— Жив, счастливчик,— произнес кто-то невидимый.— Везет же парню. Еще пара секунд, и от него осталось бы только коллоидное месиво.

— Литбарски,— поморщилась Карой, снова пройдясь тампоном по лбу и щекам Джумы.

Над безопасником наклонился щекастый здоровяк.

— Встать можешь, герой?

Джума напрягся, преодолевая инерцию рыхлого и слабого тела, приподнялся на локтях, поддерживаемый рукой женщины, и обнаружил, что лежит в экспедиционном медицинском боксе, формируемом за несколько минут.

— Что случилось? — Язык, распухший, не умещавшийся во рту, повиновался не сразу, пришлось повторить вопрос.

— Вы пролетели над одним из самых необычных и самых опасных объектов Маата — над «Провалом». По одной из гипотез это растянутый во времени нештатный старт «сверхструнного» космолета, по другой — «голый» кварковый реактор. Изучать объект можно только издали, дистанционно, зонды при приближении к нему разрушаются, он создает узкие пучки отрицательной гравитации, которые воздействуют на любые материальные тела таким образом, что в них возбуждаются резонансные колебания. Явление получило название «абсолютный флаттер».

— Литбарски,— снова проговорила Карой, и здоровяк умолк.

— Хорошо, оставляю его на ваше попечение, через полчаса пусть выпьет вот это.— Врач кивнул на прозрачный сосуд с янтарной жидкостью.— Еще через час он сможет бегать.

Дверь закрылась.

Джума подумал и прилег.

— Зачем ты прилетел? — спросила Карой, устроившись в пенокресле напротив.— Работа?

Безопасник покачал головой.

— Взял отпуск. Очень уж хотелось повидаться с тобой.

Глаза женщины расширились.

— Видимо, тебе здорово досталось, раньше ты никогда бы не признался. А может быть, постарел?

— Ни то, ни другое, просто я стал мудрее... хотя едва ли счастливее. А главное, понял, что ты необходима мне, как воздух, как дыхание, как биение сердца.

— Даже так? — В голосе женщины прозвучала ирония, но каким-то седьмым чувством Джума уловил и ее сомнения, и недоверие, и затаенную радость.— Не поздно?

Джума подумал, еле заметно улыбнулся, но и от этой улыбки заболели лицевые мускулы.

— По оценке наших психологов, я все делаю вовремя, хотя и в самый последний момент. Думаю, что не поздно.

— А я думаю иначе.— Карой налила в стакан жидкости из сосуда, протянула больному.— Пей.

Джума послушно выцедил горьковатый, отдающий травами напиток. Голова сразу прояснилась, да и сил прибавилось настолько, что он смог сесть.

— Давай поговорим начистоту. Я долго ждал... тебя, твоего решения, потом разбирался в себе, потом в загадке обаяния Мальгина и... ничего не понял. Клим — такой же, как и я, не брат, но родственник, и так же грешит суперменством, однако и он до сих пор не решил, что делать в сложившейся ситуации.

— Ошибаешься,— тихо проговорила Карой, отворачиваясь.

— Что?! Ты хочешь сказать, что он решил... он был здесь?

— Нет. И не будет. Он любит свою Купаву, хотя и не хочет в этом признаваться. Он сильней тебя, но ему трудней, чем тебе, сделать выбор: руки его связаны тем, что Купава до сих пор жена Шаламова.

Джума почувствовал себя уязвленным.

— Если бы Клим был таким сильным, каким его считаешь ты, он давно разрубил бы наш гордиев узел.

— Сила — не только в умении быстро и жестко решать, она — в умении прощать, а Клим простил Купаву... и не простил себе. В этом его драма. Человечество разучилось сильно любить и сильно страдать, все больше привыкает к мелочности и мелкости чувств, и Мальгин — редкое исключение из правил.

Джума с изумлением смотрел на Карой, потеряв дар речи.

— Но если дело обстоит таким образом... если он любит другую, то почему же ты...

— Да не знаю я ничего! — ответила женщина с внезапной силой и тоской.— Не уверена, вот и все. Улетела сюда и жду, жду, неизвестно чего и неизвестно кого. Может быть, я не права и он мучается по другой причине, а может, любит обеих, но ведь мучается! Я же вижу, хотя и не интрасенс.

— Зато он интрасенс... и не только интрасенс, но еще и зародыш «черного человека».

— Господи, ну и что?

— Не боишься?

Карой вскинула на безопасника повлажневшие глаза, долго смотрела на него, покачала головой.

— Не боюсь.

— Раздвоение психики может привести к распаду сознания, речи, памяти, к расторможенности животных влечений... Прецедент уже есть — Дан Шаламов. А если это произойдет с Мальгиным?

— Не произойдет,— тихо, но с такой убежденностью возразила Карой, что Джума почувствовал настоящую боль в груди, сердце замерло, сбилось с ритма.

— Я понял,— глухо сказал Хан.— И как долго ты собираешься ждать его?

— Не знаю,— жалобно прошептала Карой, шмыгая носом, превращаясь в маленькую слабую девочку, какой ее никогда прежде не видел Джума Хан.

* * *

Вокруг разливался странный, переливающийся, ощутимо жидкий свет, прозрачный и легкий, и в то же время текучий, вызывающий ощущение шершавого прикосновения к коже. Он лился отовсюду, но не мешал ориентироваться в пространстве, и Мальгин видел сразу все предметы обстановки, знакомые и странно незнакомые одновременно, причем видел не только то, что было впереди, но и по бокам, и сзади, будто у него было по крайней мере десять глаз. А еще у него не было ни ног, ни рук... и тем не менее он знал, что они появятся, стоит только пожелать.

Он находился внутри большого бесформенного помещения, напоминающего пещеру. Стены помещения сплошь заросли колониями оранжевых грибов, с потолка свисали необычного вида «сталактиты», такие же наросты всевозможных форм были разбросаны группами по всему помещению. Некоторые из них дышали, меняя свечение, внутри других мигали алые и фиолетово-малиновые звезды. Мальгин знал, что это такое, но выразить словами едва ли смог бы.

Что-то было не так во всем этом, какое-то беспокойство грызло душу, давнее сожаление, расплывчатые воспоминания и желание проснуться. И еще где-то глубоко в желудке... или в груди?.. в общем, где-то в недрах кристаллического тела лежало сверхтяжелое ядро, которое изредка пошевеливалось и вздрагивало, словно пытаясь избавиться от оков, и тогда Мальгин начинал терять сознание, «плыть», будто после нокдауна или хорошей дозы наркотика.

Не поворачивая головы, он поглядел вниз и увидел черные складки, переходящие в золотую пластинчатую броню. Еще ниже располагалась куча хвороста, сплетенного в замысловатую корзину с торчащими во все стороны прутьями, вернее, не корзину, а гнездо наподобие журавлиного, разве что узор «гнезда» был более геометричен, отвечал каким-то сложным математическим законам.

— Трансдаль,— родилось в огромной голове Мальгина слово.

Вообще-то мыслил он сразу в нескольких плоскостях, словно у него было по крайней мере пять голов, но все они умещались одна в одной, не мешая друг другу и тому «главному», кто считал себя Общим-Единым-Мальгиным. Одна из голов изредка вспухала, перегревалась, превращалась в жгучий шар огня, и тогда Мальгин испытывал волну геометрической боли, искажающей форму тела, а главное — цепь сознания. «Я» хирурга начинало расщепляться на десятки независимых психик, ущербных и злобных, враждующих друг с другом, влияющих на «ядро» в желудке, которое грозило всплыть через горло и превратиться во вселенную сумасшедшего огня. Геометрия горя и боли была непереносима, но изба-

виться от нее без помощи Харитона Мальгин не мог. Он вслушивался в себя в полузабытьи и ждал, терпеливый, как и любой «черный человек», ждал, когда придет проникатель и заберет его в Путь.

Изредка в головах Мальгина возникал странный образ парящей над туманной бездной птицы — это ворочался в нем человек, задавленный объемом маатанского «я», но пробиться в мир сложнейших чувств «черного человека», наслаждавшегося переживанием самого себя и разговором с самим собой, этот слабый пси-писк не мог. И человек продолжал корчиться от бессилия и жуткого иссушающего чувства одиночества.

Где-то вне поля сознания Мальгина родился дивный поющий звук — не то голос женщины, не то плач ребенка, вонзился в голову, во все головы, заполнил гулкое безмерное тело, всколыхнул древнюю память-тоску-печаль-жалость-ностальгию, отозвался болью в сердце... болью в сердце... Болью!

— Параформ,— загорелось в сознании четкое слово и следом еще одно: — Фазахозяинаинтро да.

Каркас тела не выдержал искажения геометрии, и боль затопила все головы Мальгина, раздробилась на отдельные очаги, разлилась по распавшемуся на отдельные блоки-кристаллы телу, жизнь вытекла из них тонкими горячими струйками...

Тишина, покой, желтые круги под веками от солнечных лучей, ласковый ветерок на лице, запахи трав, плеск воды — река рядом, и далеко-далеко тихий колокольный звон... исчез. Ни рук, ни ног, ни тела — только голова, пустая и звонкая, прогретая солнцем, облизанная ветром, и ни одной связной мысли, только удивление и бесформенное чувство тревоги.

— Жив, постреленок,— раздался вдруг над ним густой мужской голос,— едва не утонул! Дарья, рушник давай...

И тотчас же словно его включили в сеть: появились руки-ноги и тело, и все ныло и болело, будто он попал под копыта лошади, и грудь не хотела подниматься, легкие — дышать, сердце — биться, голова — думать, руки — повиноваться. Кто-то надавил на грудь, изо рта хлынула вода, Мальгин закашлялся, закричал от боли тонким мальчишеским голосом, заплакал... свет в глазах померк...

Ощущение было, что он долго, очень долго всплывает из-под толщи воды, со дна океанской впадины, и воздуха в легких все меньше и меньше, вот-вот они разорвутся от напряжения и вода хлынет в горло, в глаза, уши, легкие... но — выплыл!

Мальгин открыл глаза, переживая острое чувство блаженства от уходящей боли.

Он лежал на полу, уткнувшись лицом в толстый ворсистый ковер, источающий сотни запахов. Тело казалось насыщенным водой до предела и скользким, как рыбья чешуя. Ноги и руки не

слушались, будто их и в самом деле не было. В голове струнно гудели провода, скакали всадники, слышалась пальба и гулкие вздохи морского прибоя. Через некоторое время Мальгину удалось понять, что он слышит ток крови, биение сердца и мышечные сокращения, а гул в голове был шумом пси-фона, излучаемого человеческим муравейником, в котором он жил.

— Советчик! — прохрипел Мальгин, пытаясь сесть.

Харитон ответил мгновенно.

— Здесь я.

— Все запомнил? Что со мной было?

— Похоже на парамнезию[1], но со спецификой внутренней суггестии. У тебя начинает превалировать субсенсорное восприятие, а причина в том, что преобразование сенсорной информации у «черных людей» течет по-иному и приводит не к построению образа, адекватного миру, в котором он живет, а к коррекции существующих стереотипов. В результате субъективное семантическое пространство...

— Не умничай, я еще не соображаю.

— ...превышает порог смысловой нагрузки, что тебя и спасает,— закончил инк скороговоркой.— Срабатывает чувственный переключатель, память проваливается в глубокое прошлое родовой линии... Хотя как такое вообще возможно, я не знаю. Или у тебя в роду пращур был колдун и чародей, заложивший в генный фундамент камень спящей генной комбинации психодемпфера лично для тебя, или ты самородок с двумя психиками.

— Химера, одним словом,— сипло ответствовал Мальгин и, надсаживаясь, сел.

— Сколько времени я отсутствовал... в смысле... ну ты понял.

— Шесть минут.

— Всего-то?! — поразился Мальгин.— А мне казалось, часа два.— Закрыл глаза, сосредоточился, вспоминая формулы аутотренинга.

Голова еще кружилась, но силы прибывали с каждой минутой, и наступил момент, когда он смог встать и дойти до кухни. Выпив два стакана настоя из куманики и листьев толокнянки, он вернулся в гостиную, сел в кресло, расслабился и попытался вспомнить, с чего все началось. Взгляд наткнулся на «магическую сферу»... и тут же молнией сверкнула догадка: непосредственно перед приступом он рассматривал «сферу», увидел в ее глубине какую-то картинку, и мгновенно наступила «фаза хозяина», вернее, «фаза черного», переключившая сознание. Но что именно он увидел в «сфере»? Почему такой острой была реакция?

Мальгин выцедил третий стакан, отозвавшийся в голове волной

---

[1] Парамнезия — обманы памяти, ложные воспоминания.

легкой эйфории, и вспомнил, что увидел в глубине «сферы» чье-то лицо.

— Точно, это было лицо,— вслух сказал хирург.— Но чье?..

— Может быть, твое собственное? — предложил версию Харитон.

Ответить хирург не успел: в прихожей проиграл мелодию дверной замок. Опасностью не пахло, и Клим открыл дверь. В дом вошел инспектор Столбов из кримведомства Бояновой, подал руку, вглядываясь в лицо хозяина цепкими желтыми глазами.

— У вас неприятности? Не очень хорошо выглядите.

— Да не так, чтобы очень.— Клим кивнул гостю на кресло.— Располагайтесь.— Распахнул дверцу бара.— Что будете пить?

В диапазоне биоизлучений Столбов распался на четыре «призрака» преимущественно голубовато-зеленых тонов, тонов ровного сдержанного характера и высокого интеллекта.

Инспектор бросил взгляд на содержимое бара, улыбнулся.

— Ол, если не возражаете.

Мальгин молча достал красивую бутылку с древнерусским хмельным напитком, разлил по неощутимым «стаканам», принесенным из квартиры Купавы, киб приволок поднос с тостами и сладкими пастилками, «домовой» включил тихую музыку, и атмосфера в гостиной приобрела запах праздничности.

Столбов отхлебнул глоток напитка, с интересом повертел в пальцах невесомый и почти невидимый «стакан». Впечатление было такое, будто рубиновая жидкость лишь на мгновение приобрела форму цилиндра и сейчас прольется на пол, золотистая паутинка стенками стакана не воспринималась.

— Красивая вещь, необычная. Подарок?

Мысли занимали Столбова другие, но Мальгин не стал пугать его осведомленностью и ясновидением, хотя и знал уже, с чем пришел криминспектор.

— Подарок, но не мне.

Столбов кивнул. лобастый, умный, терпеливый, обладающий хорошей интуицией и упорством в решении поставленной задачи.

— Купаве, да? Я думаю, что вы уже вычислили, с чем я пришел, но повторюсь, если не возражаете. Как и вас, безопасность беспокоит компания, в которую попала ваша... э-э, жена Шаламова, а также ее психологическое состояние. Может быть, объединим усилия?

— Ее компания — ее забота, хотя и мне она не нравится, а что касается ее состояния... оставьте эту проблему мне. Я справлюсь.

— Не сомневаюсь.— Столбов остался невозмутим, он вообще никогда и ни на кого не обижался.— То есть вы — за разделение функций, так? Может быть, это не лучшее решение вопроса, однако я не вправе осуждать вас, а в советах вы не нуждаетесь, так?

— В принципе, да.

Инспектор кивнул, снова чуть заметно улыбнулся.

— Уважаю уверенных в себе людей. Вы говорите «да» так, словно в этом слове по крайней мере в три раза больше букв. Вторая проблема касается вас лично. Нас, то есть опять же службу общественной безопасности, беспокоит ваше здоровье, а точнее, участившиеся приступы синдрома «черного человека», во время которых вы себя практически не контролируете.

Мальгин по достоинству оценил прямоту и откровенность визитера, недомолвки и «фигуры умолчания» он не любил так же, как и явную ложь, хотя приятного в словах Столбова было мало.

— До сих пор я справлялся,— угрюмо проговорил хирург.

Инспектор помолчал, потом сказал непривычно мягко:

— Но вы не можете дать стопроцентную гарантию на будущее. Беда в том, что вы сами не знаете, как будет реагировать ваше «альтер эго», то есть информационный след «черного человека», на жизненные коллизии в момент, когда... м-м, он управляет сознанием.

— Пока что все происходило в пределах этических норм.

— Мы располагаем доказательствами обратного.

— Что вы сказали?! — В голосе Мальгина прозвучал гнев.

Столбов не дрогнул, но зрачки его расширились.

— Вот видите,— тихо сказал он.— Вы понемногу начинаете терять власть над собой, а по моим данным раньше эмоции у вас не брали верх над рассудком. К сожалению, вашей способностью к пси-атаке без всяких усилителей пользуется и второе ваше «я». Вы думаете, почему во время последней схватки с... э-э, любителями острых ощущений в квартире Купавы вам удалось уйти?

— «Тигрозавр»,— сказал Мальгин, с трудом разжав челюсти.— На волю вырвался «тигрозавр»...

Столбов обозначил свою обычную улыбку.

— Весьма образный эпитет и весьма точный. Драчуны, если можно их так называть, с минуту находились в шоке, несмотря на защитные устройства. Представляете, какой у вас потенциал?

Собеседники помолчали. Мальгину стало жарко, и он приказал окну открыться. В комнату влетел холодный ветер, полный запахов дождя, земли и сырого дерева. Инспектор допил напиток, сунул в рот пастилку и встал.

— Всего доброго, мастер. Желаю, чтобы ваш дар был non solum armis [1]. Кажется, у герба графов Румянцевых был такой девиз. Попробуйте оценить все то, что я сказал, и не сочтите за труд поделиться со мной выводами, хорошо?

---

[1] Не только оружием *(лат.)*.

Мальгин хотел выдавить из себя привычное «да», но его спас от этого видео. Из вспыхнувшего виома в гостиную заглянул Майкл Лондон.

— Салют, третий. Ты один?

— Нет,— помедлив, ответил Мальгин, покосился на Столбова, пристально разглядывающего Лондона.— В каком смысле третий?

— В самом что ни на есть прямом: первый — Шаламов, второй — я.

— Понятно.

— Звоню в последний раз, мастер, и то потому, что уважаю. За тобой начали охоту, поберегись.

— Кто? И зачем?

— «Эскадроны жизни» как исполнители воли некоего Ордена. А кто конкретно — скоро сообщит Аристарх. Зачем? По-моему, на этот вопрос может ответить даже твой гость. Будь здоров.

Виом опустел и погас.

Столбов и Мальгин посмотрели друг на друга.

— Есть гипотеза, согласно которой сообщения-предупреждения Лондона закодированы, вернее, запрограммированы в компьютерной сети «спрута». Хотя — убей меня Бог! — я не знаю, как такое можно сделать. Во всяком случае, предсказать мое появление у вас практически невозможно даже эфаналитику высшего класса, слишком велик прогностический шум.

— Может быть, он просто з н а е т будущее? — простодушно сказал Мальгин.

Инспектор исподлобья взглянул в угрюмые глаза хирурга, кивнул, отвечая скорее своим мыслям, а не словам собеседника.

— Идея настолько сумасшедшая, что требует разработки. Майкл прав, за вами начали охотиться, точнее, за вашими «черными кладами», и это достаточно серьезно. Надеюсь, вы примете информацию к сведению. И вот еще момент: мы выявили многих участников нападения на вас и принимаем меры к розыску остальных, так вот просьба — не вмешивайтесь, пожалуйста, в расследование. Я знаю, вы сильный и решительный человек, способный постоять за себя в любых обстоятельствах, но... не берите на себя функций сыщика, а тем более правосудия. Договорились?

— Постараюсь,— буркнул Мальгин.

— Вот и славно. Всего доброго.

Столбов откланялся.

Клим кругами походил по комнате, убрал «стаканы» на место, полюбовался звездным провалом в глубине «магической сферы» и вдруг почувствовал специфический толчок в голову: кто-то издалека позвал его в пси-диапазоне. Мальгин сосредоточился, голова его как бы превратилась в поток света, пронзила громадную черную бездну — разъединяющее его и реципиента пространство — и встре-

тила другой луч света, в результате чего образовалось переливчатое облако; взаимопроникновение было мгновенным и создало уже другой ряд иллюзий и эмоций, вылепивших узнаваемый пси-образ Аристарха Железовского. А главное, что контакт на сей раз был почти безболезненным, лишь заложило уши, как при выстреле.

В мерцающем облаке двух соединившихся сфер сознания вспыхнула вязь слов:

— Ты хорошо меня слышишь, мастер?

— Слышу,— отозвался Мальгин, наблюдая, как его слова-мысли повисают в облаке желтыми угольками и растворяются в нем.— Кажется, я научился держать парасвязь.

— Тебе случайно не звонил только что Лондон?

— Звонил. А ты откуда знаешь?

Облако заколыхалось, и Клим ощутил-воспринял довольный смех Аристарха.

— Я разгадал его мудреный способ кодировки «спрута». Если свободен, дуй в Нижний Новгород, седьмой бункер метро, я встречу. Ромашин будет тоже, поговорим, и я кое-что покажу.

Облако рассыпалось фонтаном искр, голова Мальгина втянулась лучом обратно и встала на место. Весь пси-контакт длился две секунды.

— Растешь,— поздравил Харитон.

— Весь вопрос — куда,— рассеянно сказал Мальгин в ответ.

Перед уходом из дома он не удержался и еще раз поел: это был уже третий завтрак за сегодняшнее утро. Единственное, что продолжало волновать хирурга после всех разговоров и встреч,— чье лицо он увидел в «магической сфере», после чего взбунтовался сидящий внутри «черный человек»? Не свое, конечно, как не без остроумия предположил советчик, но и никого из друзей и близких, в том числе не Шаламова, не Купавы, не отца...

— Отец! — пробормотал Мальгин со стыдом. Он забыл о нем! И о дочери. Не слишком ли ранний склероз, мастер? Или что похуже?

Набрал номер. Отец подошел к видео почти сразу.

— А-а, это ты...

Выглядел Мальгин-старший, как и всегда, но по едва уловимым признакам Клим определил, что тот не в настроении.

— Извини, па, замотался совсем, появились кое-какие проблемы. Как ты?

— А что со мной сделается, нормально.

— К тебе никто не заходил, не звонил?

— Федор звонил, Ксения, соседи, больше никто.

«Ну «потомок» великого композитора! — подумал Мальгин о Шумане,— найду — уши надеру!

— Как Дарья?

— А никак,— отрезал старик.— Купава забрала ее... вчера ве-

чером. Примчалась с отрядом молодых клевретов, не умеющих себя вести совершенно, надерзила и забрала.

— Так.— Мальгин сел.— Вчера, говоришь? А дома не появлялась. Куда она ее хотела поместить, не сообщила? Не у матери Дана?

— Не знаю, разбирайся сам. Жалко мне вас, недотеп, да своего ума не вложишь.

Виом опустел. Оторопевший Мальгин молча смотрел на световую вуаль, все еще видя перед собой хмурое лицо отца. И вдруг вспомнил, что сегодня двенадцатое ноября — день поминовения матери. Отец ждал его, а он не сказал ему ни слова!

В душе зашевелились досада и беспокойство, но индикатор тревоги не сработал, голова была занята другими мыслями, а еще Клим не знал, пока не догадывался, что многие черты «черного человека» просочились в сферу сознания и тихо, исподволь, начали влиять на поступки, ценностные ориентировки, размывая моральные стандарты и характер.

— Не сердись, батя,— проговорил Мальгин, заканчивая разговор с самим собой.— Ничего страшного не произошло, я еще приеду, и мы посидим за столом, помянем маму.

С Купавой хирург решил разобраться позже, после встречи с друзьями, хотя и не знал, где ее искать. Он не знал, где ее искать, но снова сработал некий странный переключатель, перебросивший поток размышлений в иное русло и отвлекший внимание от Купавы. И от тех, кто был рядом с ней, втягивая ее в свои дела.

В Нижнем Новгороде шел снег. Он успел устлать землю довольно толстым пушистым слоем, укрыл кусты и деревья, замаскировал ручьи и озера, превратил пейзаж в старинный черно-белый фотоснимок. Дома центральной части города вырастали из белой пелены, как призраки, миражи далекого неизвестного мира.

Железовский ждал Мальгина у выхода из метро, одетый в белую меховую куртку и мохнатые серые брюки; кокосы почему-то он носил редко. Встретившись, они молча сжали друг другу руки, привычно проверив силу и выдержку. От усилий руки нагрелись так, что снежинки таяли, не коснувшись кожи.

Затем Аристарх устроил хирургу пси-экзамен, пытаясь раскачать мысленный блок и внушить безусловное подчинение, потом эмоции печали и радости, наслаждения и боли. Мальгин успешно отразил атаки, в свою очередь пытаясь сломать пси-защиту математика, ощущая его удивление, заставив работать в полную силу. Закончилась разминка тем, что оба высветили ладони и лица и соединенными усилиями заставили Ромашина, прятавшегося в кабине такси, почувствовать желание помочиться. К чести эсперта, он сразу сообразил, в чем дело, и вылез из такси, показывая кулак: подтянутый, деловитый, внимательный, улыбающийся.

— Ну вас к лешему, экстрасенсы,— сказал он, пожимая друзьям руки.— На мне экспериментировать не стоит. Во-первых, я ношу «защитника», во-вторых, мне помогает советчик, и справиться со мной не просто даже вам двоим, а в-третьих, в туалет я уже ходил.

Железовский и Мальгин переглянулись, уперлись в Ромашина взглядами. Тот прислушался к себе, поднял бровь, быстро провел рукой по волосам, глянул на руку и с уважением посмотрел на обоих.

— Черти! Мне и в самом деле показалось, что на голову... м-м, капнула птичка.

Мальгин засмеялся, ему вторил довольный Железовский, чей смех больше напоминал уханье простуженного филина.

Угомонившись, они заняли свободный куттер на стоянке у метро, и Аристарх задал киб-пилоту одному ему ведомый курс. Летели, правда, недолго, минут пятнадцать, разглядывая ландшафт под аппаратом. Полоса снегопада кончилась, и горизонт отодвинулся, отвердел, а воздух внизу как бы протаял в глубину, превратив размытые на белом фоне пятна в четкие детали: деревья, шпалеры кустарника, какие-то древние с виду строения. Куттер замедлил ход и остановился над одним таким строением на высоте километра.

Все молчали, ожидая, что последует дальше. Железовский, превратившийся в статую, покосился на сидящих товарищей.

— Сорок километров от центра города. Как вы думаете, что это такое под нами?

Ромашин долго смотрел вниз, чуть заметно пожал плечами.

— По-моему, какой-то старый завод... нет?

— Мы над древней промышленной зоной Новгорода. Вы правы, Игнат, под нами завод, одно из химических предприятий, уцелевшее со времен конверсии-2. Я имею в виду корпуса, конечно, начинки в них давно нет. Но не это главное. Бывшие промзоны, такие, как Екатеринбургская, Запорожская, Днепровская, Брянская, Новосибирская и другие, давно признаны экологически чистыми районами, они ничем не отличаются от зон отдыха, и тем не менее заселяют их неохотно. Видите? Ни комплексов отдыха, ни охотничьих домиков, ни личных коттеджей, ничего. И так везде, я проверял, в том числе и на родине твоих, Клим, предков по материнской линии, в Чернобыльской лесной квазипустыне.

— Зона Чернобыля — особая зона,— возразил Ромашин,— радиация — не простое загрязнение среды и даже не химическое.

— Комитет эконадзора ВКС еще два года назад дал разрешение на заселение территории в стомильной зоне вокруг Чернобыля, и все же никто туда не стремится переезжать, никто не живет... кроме тех, кто жил постоянно, несмотря на запреты. Но, может быть, Чернобыль — действительно не показатель, как и Челябинск, и Новая Земля, и Невада, и Семипалатинск, обстановка там послож-

ней. Кстати, вы знаете, что исследователи этих рукотворных полигонов недавно обнаружили у некоторых видов животных зачатки разума? Если говорить точнее — у самых обычных... коров!

Ромашин покачал головой.

— Я слышал где-то. Ничего удивительного — мутации, отсутствие ухода, специфика одичания и прочие факторы. Зачем ты нам все это говоришь? С какой целью вывез на природу, вернее, в промзону?

Железовский не ответил.

— Ну, и почему же их не заселяют, по-твоему? — спросил Мальгин, не найдя пси-контакта с Аристархом; пси-блок математика был слишком тверд для него.

Железовский молчал еще с минуту, вздохнул, так что по кабине прошла волна ветра.

— У Германа Мелвилла есть такие строки:

Где ни дороги, ни следа,
Там не ступаем никогда.

Математик снова вздохнул. Если бы Мальгин не знал его, он бы подумал, что Аристарх чего-то боится.

— Эти зоны н е м е р т в ы! — Последнее слово Железовский произнес по слогам.— Они не принадлежат этому миру, они чужие, психологически и даже физически, и жизнь их, однажды оттолкнувшись от жизни остальных пространств планеты, пошла в другую сторону.

— Допустим. Ну и что? — Ромашин посмотрел на Мальгина вопросительно, не понимая, что хочет сказать Аристарх. Впрочем, Клим тоже не понимал.

Щеки Железовского порозовели от усилий сдержать усмешку, он наслаждался достигнутым эффектом. «Большой ребенок!» — подумал Мальгин с ответной понимающей усмешкой. Ему нравилась задиристая самостоятельность и целеустремленность Аристарха, как и его почти юношеская уверенность в своей исключительности.

— Я назвал бывшие промзоны «черными социумами»,— продолжал математик,— и они самым непосредственным образом связаны с той проблемой, над которой я сейчас работаю... а Клим испытал на своей шкуре.

Железовский полюбовался физиономиями товарищей, до конца выдерживая паузы. Не выдержал, фыркнул и тут же посерьезнел.

— Не сердитесь, мужики, каюсь, люблю порисоваться. Последние три дня я работал по заданию комиссара безопасности над проблемой асоциальных молодежных групп типа «эскадронов жизни» и пришел к выводу, что большинство членов этих групп — потомки тех, кто жил и живет в «черных социумах».

Несколько минут длилось молчание, потом Ромашин поднял отсутствующий взгляд.

— Вы хотите сказать, Аристарх, что причина психопатологии юнцов, ведущая к групповым асоциальным отклонениям,— в каких-то генных нарушениях, в наследственных болезнях, развивающихся под влиянием мутаций? Допустим. Но тот же вопрос: ну и что?

— Психопатология молодых людей, живущих в бывших промзонах, это в самом деле результат действий наших предков вчера. Но самое страшное, что эту ущербную молодежь с п е ц и а л ь н о натаскивают на разрушение устоев общества. Готовится первая в истории ксенореволюция: попытка уничтожить популяцию интрасенсов, единственную надежду эволюции спасти человечество от деградации. Поднимается черная волна зла и насилия, и первые кандидаты в «утопленники» — Клим Мальгин и я.

Наступившее молчание длилось дольше первого.

Мальгин не очень-то доверял выводам Железовского, основанным на эмоциональных предсказаниях, но и ему стало неуютно от чувственно заданной ситуации, рассчитанной математиком.

— Странный термин: ксенореволюция... но глубокий,— пробормотал Ромашин, ушедший в свои мысли, покачал головой.— И все же я не вижу особой связи между вашим предположением и нашей встречей над... э-э, «черным социумом».

— Все очень просто. За нами следят и даже пытаются прослушать наши разговоры, а здесь это исключено, это, во-первых. Во-вторых, я вычислил человека, который мог бы рассказать, что нас ждет. Это Майкл Лондон. Его пророчества не что иное, как особая компьютерная программа, внедренная не в один определенный комп, а в общую компьютерную сеть тревожных служб. А это означает одно: он з н а е т, что произойдет в каждый последующий момент времени.

— Ты хочешь сказать, что он... побывал в будущем? — недоверчиво сказал Мальгин.

— Именно это я и сказал. Видимо, он имеет возможность входа в систему реликтового орилоунского метро, которое способно транспортировать пассажиров в будущее... и в прошлое. Нам необходимо выйти на Лондона, тем самым удастся избежать многих трагических последствий... м-м, ксенореволюции. Да и вообще, путешествие по системе орилоунского метро интересно само по себе!

— А разве ты не нашел вход в метро?

Железовский поскучнел.

— К сожалению, формула эфанализа права: глубина предвидения будущего ограничена вероятностными законами, и даже интрасенс здесь бессилен. Клим, надежда на тебя: ты единственный нормальный экзосенс, сумевший вывести знания «черных кладов»

в сферу прямого действия на психику без последствий. Конечно, ты далеко не «черный человек» — по объему знаний, но должен знать то, чего не знаю ни я, ни кто-либо другой. Выручай.

Мальгин слабо улыбнулся.

— Смешной ты парень, Аристарх. Умудрился дважды оскорбить меня и извиниться, не думая об этом.

Математик не пошевелился, верный привычке полной неподвижности, однако уши его вспыхнули.

— Вряд ли я чем-нибудь помогу,— продолжал хирург задумчиво.— Во всяком случае, сведений об орилоунском метро в черепушке у меня нет. Да и остальные маатанские знания — не более, чем бесполезная информация, так как едва ли я когда-нибудь смогу применить ее в утилитарном смысле.

— Ну это ты брось! Смог же не разбиться, свалившись со сто одиннадцатого этажа. Значит, сумел воспользоваться знаниями «черного».

— Не знаю... еще не разобрался. Но то, что у меня хранится в голове, действительно настолько специфично...

— Например? — обронил Железовский.

— Например, поведение «черных людей» управляется опорой на прошлое, а не на устремленность в будущее,— что это мне дает, какие преимущества?

Ромашин хмыкнул.

Железовский посмотрел на него озадаченно, задумался.

— Ну хорошо, пока ноль, что еще? Да не улыбайтесь вы, черти! — взмолился он.— Мне же интересно! Выкладывай, что знаешь, не то сделаю наркоз.

— Я есть хочу,— проворчал Мальгин, чувствуя состояние и Аристарха, и Ромашина, который был заинтересован в багаже хирурга не менее математика.

— Сначала дело.

Ромашин достал из сумки, лежащей на втором сидении машины, три душистых необычных плода, похожих на дыню и грушу одновременно. Мальгин принюхался, взял один из них.

— Авокадо, зимой? Однако!

— Угостили, а я приберег. Аристарх, поехали к метро.

Железовский послушно повернул куттер назад. Через несколько минут они высадились у метро, а еще через четверть часа входили в «бунгало» Ромашина, гостиная которого была стилизована изнутри под старинную русскую избу. Техническое обеспечение «избы», правда, не уступало любому залу отдыха, ресторану и даже вычислительному центру, как знал Мальгин.

Ромашин провел их в кабинет, вырастил мебель, сказал: «Располагайтесь, жены нет»,— и принес высокие фарфоровые кружки с каким-то напитком, а Мальгину два сэндвича с ветчиной.

— Отведайте, это настой из морошки.

Напиток был прозрачно-желтым, с искрой, горьковато-сладким, с десятком запахов, принадлежащих разным травам. Пить его было одно удовольствие.

— На чем мы остановились? — произнес Железовский. Он, как и Клим, почуял, что дом Ромашина — его крепость, оберегаемая автоматикой высокого класса, и расслабился.

— Боюсь, вы будете разочарованы,— улыбнулся Мальгин.— Объем знаний, которым обладаю я, несравним с информацией, которой обладают Шаламов и Лондон, а тем более со Знанием маатан. Их информзапас поразителен! Он вобрал в себя опыт сотен цивилизаций, существовавших со времени Большого Взрыва. «Черные люди» хранят, вернее, хранили в себе великое множество тайн и секретов исчезнувших цивилизаций, но они, обладая довольно высоким интеллектом, и в самом деле не были разумными существами в том смысле, как мы это понимаем, потому что п р о с т о х р а н и л и информацию — и только, но сами не в состоянии были использовать ее, обработать, проанализировать и применить себе во благо.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, Клим,— мягко сказал Ромашин.— На Маате мы видели, что «черные люди» владеют пусть и необычной, неантропоморфной, но технологией, и довольно высокой.

— Я и не отрицаю, но эта технология, точнее, сумма знаний, необходимых для жизнедеятельности и решения поставленных задач, вложена в генофонд маатан их создателями или, как они называют, Вершителями. «Черные люди» — не только н е р а з у м н ы е существа, они еще и н е ж и в ы е,— опять же в том смысле, как формулирует эту проблему земная наука. Они занимают промежуточное положение между живыми и неживыми объектами, и выращивались Вершителями с помощью синтетических процессов типа направленного роста кристаллов и роста растительных клеток одновременно. Впрочем, это может волновать только специалистов.

— Меня тоже,— громыхнул Железовский, сменив позу.— Но ты не дал примеров тех знаний, которые маатане не используют.

— Сколько угодно. Вот один из самых эффектных примеров. Лептоны [1], по данным «черных людей», содержат информацию о том, что было, есть и будет во Вселенной! В памяти «черных» хранится и способ подключения к лептонному полю, но сами они н и к о г д а им не воспользовались! Впечатляет?

— Потому что если бы воспользовались — стали бы Верши-

---

[1] Лептоны — класс элементарных частиц, в который входят фотоны, электроны, нейтрино и их античастицы.

телями,— подумав, проворчал Железовский.— Или их преемниками. Хороший пример, убедил. А еще?

— Маатане знают... хотя нет, это слово не отражает истины, точнее будет говорить — помнят; маатане помнят способы дальнодействующей связи, не основанной на «суперструнной» физике, способы просачивания сквозь материальные препятствия, методы реального раздвоения, вернее, многомерного умножения. Они помнят рецепты невидимости, приемы передвижения в пространстве — полета, основанного на фазовом согласовании атомных колебаний, и многое другое, и все это богатство почти никогда не было ими использовано.

Ромашин и Железовский переглянулись. В глазах математика скептицизм боролся с жадным интересом, во взгляде эксперта недоверия было больше, но на обоих слова Мальгина произвели одинаково сильное впечатление.

— А ты?.. Ты сможешь воспользоваться этими методами? — Бас Железовского стал чуть хрипловатым.

Мальгин покачал головой, с понимающей улыбкой глядя на друзей.

— Я же сказал — вряд ли. Чтобы научиться летать по методу «черных запасов», человеку надо обладать гораздо большим объемом мозга и количеством специфических нервных центров, управляющих телом на атомарно-молекулярном уровне.

— А Шаламов или Лондон?

Мальгин нахмурился, помолчал.

— Не знаю. Может быть... не знаю.

Ромашин залпом допил напиток, дал команду «домовому», и киб принес бутылку виноградной шипучки и горячие тосты.

— Выпьем за освоение вашего драгоценного месторождения, Клим. Я имею в виду информацию. То, что вы рассказали,— поразительно! Желаю удачи!

Бокалы звякнули.

— Вкусно! — похвалил Железовский.— Где вы берете такое вино, Игнат?

— Мой друг с бульвара Славы Толя Новичихин — спец высокого класса по винам. Я подарю вам бутылку.

Математик посмотрел на ушедшего в себя Мальгина.

— Клим, ты оговорился, что маатане п о ч т и никогда не использовали свои знания. Что значит «почти»?

— Среди них тоже есть и свои гении, интеллект которых звал их к осмыслению внутренних записей, к самопознанию, и свои идиоты, и просто больные. Маатанские города — в принципе гигантские перераспределители энергии и информации, а их «тюрьмы» — вспомните наш поход — тоже распределители, но особые, с функциями «психбольниц», изоляторов и «домов отдыха».—

Мальгин очнулся, сбросил рассеянный вид, захрустел тостами.— Что касается пожеланий мне удачи,— хирург взглянул на Ромашина,— то, как говорят «черные люди», бесконечный смысл лежит вне постижения конечного существа, коим является человек.

— Не будь пессимистом, мастер,— прогудел Железовский.— Ты себя еще не знаешь, а я чувствую в тебе глубину, которая не снилась даже интрасенсу. Поработай над собой, а я помогу. Итак, поговорим теперь о поиске Шаламова?

Мальгин не успел ответить: снова откуда-то издалека прилетел жалобный полустон-полузов, воспринимаемый на мысленном уровне, напоминающий плач ветра в ветвях дерева и печальную песню ручья. И тут же встрепенулось внутри чувство тревоги, дремавшее до поры.

— Что с вами?— насторожился проницательный Ромашин.

— В чем дело? — спросил Харитон, в унисон с Железовским.

— Не понимаю,— ответил Мальгин, делая усилие, чтобы поймать кончик связывающей его с кем-то нити, пытаясь определить источник пси-передачи, но только перегрузил мозг — по глазным яблокам, по сердцу, под желудком прошлись острые коготки боли. Мальгин посидел немного, успокаивая камертон нервной системы, не отвечая на тревожные взгляды товарищей, потом встал.

— Извините, Игнат, договорим позже. Что-то мне не по себе, хочу побыть один. Не обижайтесь.

— Ради бога!

— Позвони, если понадоблюсь,— коротко проговорил Железовский, подняв руку прощальным жестом.

«Кто же зовет меня? — думал хирург, мчась на такси до метро, а потом на метро домой. Что его гнало домой — он не знал и не анализировал.— И почему зов такой тихий? Ведь даже Аристарх ничего не услышал... или я слышу просто эхо пси-работы собственного подсознания?»

— Предположение на уровне бреда,— возразил прямой, как судья, Харитон.— У тебя срабатывает субсенсорное восприятие, результат воздействия на психику маатанской информации.

— Зов очень слабый, но... понимаешь, я чувствую, что он предназначен именно мне. И в то же время я не могу его выделить, идентифицировать.

— Такое бывает между очень близкими людьми, возникает как бы резонанс душ, постоянный контакт пси-сфер.

— Но отец не интрасенс, он не способен дать сигнал в пси-диапазоне, Купава тоже. Карой? Не знаю... скорее всего, тоже нет. Кто еще?

Харитон не ответил.

9

— Он не был с нами полностью откровенным,— сказал Ромашин.

— Знаю,— изрек Железовский, ушедший в размышления.

— Я имею в виду его рассказ о маатанских знаниях. Он знает больше, чем изволил поделиться, а главное, начинает догадываться, как эти знания применить... иначе разбился бы насмерть при падении. Клим — мощный человечище, и я ему верю, но ему надо помогать, особенно в моменты сопротивления сидящему внутри «чёрному».

— Он справляется, хотя, вы правы, помогать ему необходимо. Не волнуйтесь, Игнат, в нужный момент я буду рядом.

Последние слова математика прозвучали хвастливо, и Ромашин улыбнулся про себя, подумал: дай Бог нашему теляти вовка зъисты. Но вслух сказал:

— Никто не знает резервов психики «черного человека», занимающей довольно большую часть памяти Клима, а доминанта маатанской психики — равнодушие. Вас это не тревожит?

— Что? — очнулся Железовский и добавил с великолепной самоуверенностью:— Нет, не тревожит. Пока я с Климом, ему ничто не грозит. Он уже почти научился выходить из транса без болевых синдромов и последствий, и овладение физиологией «черных людей» обойдется ему дешевле.

Ромашин помолчал, скрывая чувства, к Железовскому он относился по-отечески, жалея иногда, что сам он не интрасенс.

— Вернемся к проблеме поиска Шаламова. По моим данным, на Земле он не появлялся; во всяком случае, последние четыре месяца, значит, до сих пор бродяжничает по системе орилоунского метро.— Глаза эксперта на мгновение заискрились интересом.— Кто знает, в каких мирах он побывал!.. Идем дальше. Через «обломок сверхструны» в систему проникнуть не удалось...

— Еще бы,— перебил гость Ромашина со смешком,— там теперь «сфера Сабатини» или, как удачно выразился Джума, эйнсоф. По сути, это тоже вход, только в совершенно удивительные скрученные пространства с иной физикой и топологией. Когда-нибудь я займусь сферой вплотную.

— Рассчитать свой вход в метро вам тоже не удалось,— ровным голосом продолжал Ромашин, остудив порыв математика.— Но вход этот существует, и мы это знаем. Я лично не сомневаюсь.

— Я тоже. И Шаламов, и Лондон пользуются им.

— Что же нам остается? Ждать появления Даниила?

Железовский отвел взгляд. Ромашин некоторое время смотрел на него, словно оценивая возможности.

— Есть идея. Клим принес домой кое-какие безделушки из

квартиры Купавы, которые подарил ей Шаламов, так вот некоторые из них настолько необычны, что я не удивлюсь, если они помогут открыть дверь в орилоунское метро. Не хотите проверить?

Человек-глыба думал недолго.

— Идея неплохая, только как отнесется к ней сам Клим.

— Уговорим, он поймет.

Железовский вдруг засмеялся. Игнат в недоумении вздернул бровь.

— Как бы не получилась еще одна «сфера Сабатини»,— пояснил Аристарх.— Откроем дверь, а она ведет в ад! И полезет на Землю всякая нечисть...

Ромашин не выдержал и тоже засмеялся.

— Воображение у вас скорее лирическое, а не математическое, Аристарх. Об ужасах ада я не подумал. Итак, говорите с Климом, и когда он согласится поэкспериментировать, позовите меня. Правда, есть еще один путь...

— Какой?

— Майкл Лондон. Его сейчас тоже нет на Земле, но он регулярно появляется дома. Попробую поговорить с ним в его очередной выход, может быть, он поможет.

— Вряд ли.— Железовский встал бесшумно и ловко, несмотря на размеры и массу.— Он же предупреждал, а человек он в высшей степени обязательный, человек слова.

— Человек-да,— пробормотал Ромашин.

— Скорее, человек-нет,— поправил Аристарх и вышел, подняв руку жестом прощания.

— Человек-нет,— тем же тоном произнес Ромашин.— Человек-нет... я тоже был когда-то человеком-нет, однако жизнь потребовала свернуть с тропы...

* * *

С тех пор, как Мальгин перенес подарки Шаламова из его квартиры к себе домой, в гостиной появился устойчивый странный запах. Он не напоминал ни один из земных запахов, то есть не ассоциировался ни с одним из знакомых источников запаха, и Клим дал ему определение «призрачный». Даже трудноуловимый запах «обломка сверхструны», утерянного Даниилом в квартире хирурга, можно было сравнить с чем-то, больше всего он напоминал запах лунной пыли, но подарки Шаламова распространяли иные ароматы — ароматы чужих миров, неземных дорог, иных вселенных.

Остановившись на пороге, Мальгин принюхался и прислушался, ничего подозрительного не отметил, прошел в гостиную, решая вопрос: почему его потянуло домой. Вызвал «домового»:

— Кузьма, кто-нибудь заходил?

— Никто не заходил, но звонили двое,— отозвался бытовой комп,— какая-то девица и мужчина, не соизволивший включить обратку.

— Кто именно, назвался?

— Представился как твой друг.

Екнуло сердце, тревога в душе вонзилась в голову судорогой боли.

— Как давно он звонил?

— Сорок минут назад.

— Давай мужчину.

Вспыхнувший вином остался пустым, как прозрачная туманная клетка, но голос Марселя Гзаронваля спутать с другим было невозможно:

— Привет, супер. Если хочешь выяснить, где Купава, приходи по адресу: Руан, холмы за церковью Сен-Маклу, ШСС номер три. Тебя будут ждать.

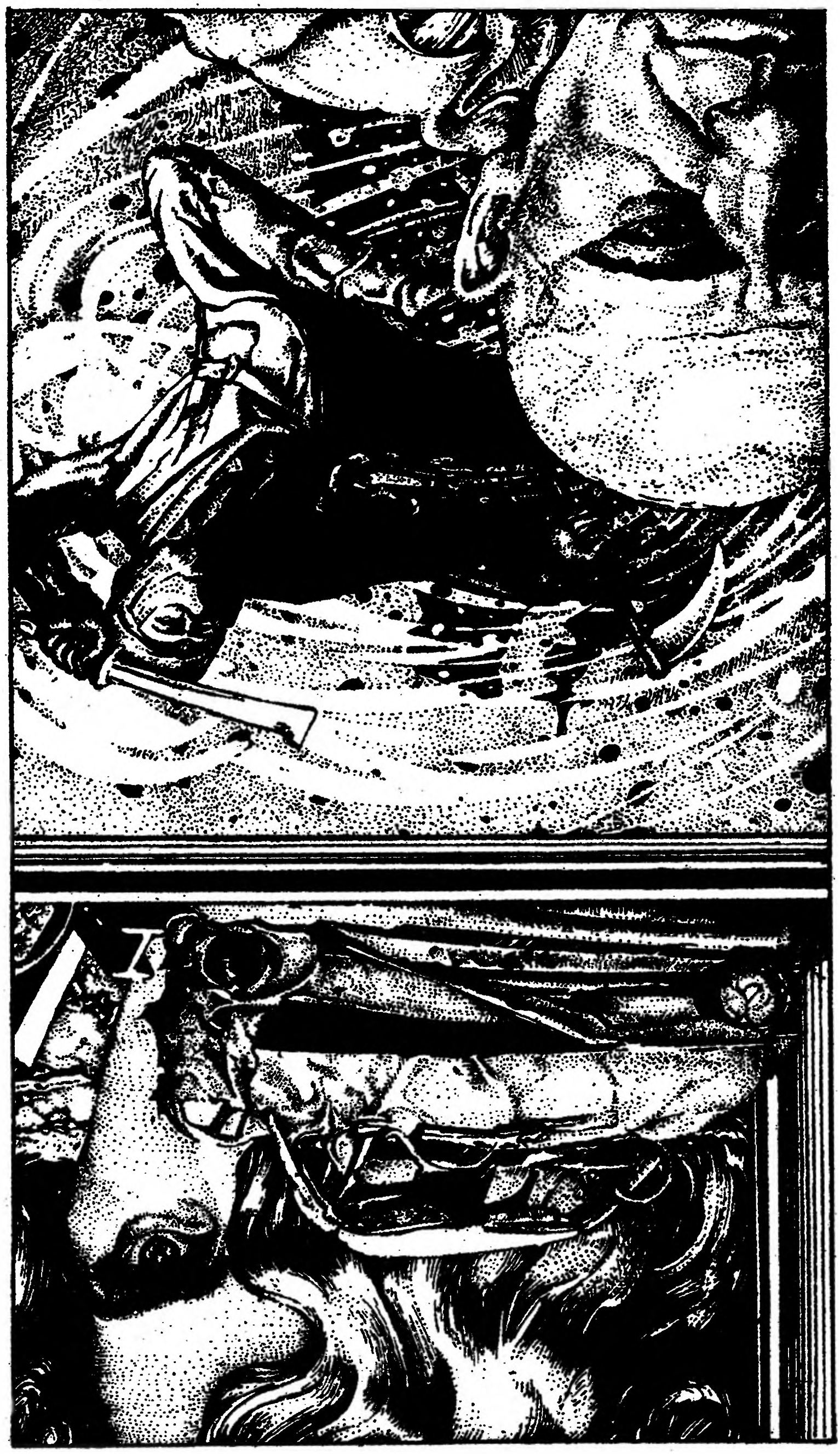
Посидев с минуту возле «домового», Мальгин шумно выдохнул воздух через нос, подумал: поиграться захотелось? Что ж, давай поиграем в ваши игры.

Через полчаса он вышел из такси в живописном осеннем парке возле красивого здания школы спортивного совершенствования. «Обнял» здание. В этот час залы и сооружения школы пустовали, и лишь в одной из комнат на втором этаже находились люди, пять человек с не очень приятным «пси-запахом», и еще двое прятались где-то неподалеку, скорее всего, наблюдали за входом в школу из антиграва.

Мальгин, не оглядываясь, уверенно поднялся по ступенькам центрального входа и сразу направился на второй этаж, где ждали пятеро. Комната оказалась небольшим фехтовальным залом с зеркальными стенами. Одна из стен была увешана холодным оружием: кинжалы, ножи, стилеты, шпаги, сабли, мечи разных исполнений и форм, принадлежавшие разным эпохам и разным народам. По-видимому, это было нечто вроде музея.

Мальгина уже ждали трое в черном трико со сложенными на груди руками, с масками на лицах: один русоголовый, второй черноволосый, а третий — бритый наголо. Оставшиеся двое прятались в соседней комнате. Судя по эмоциональному фону всех пятерых, настроены они были вовсе не для того, чтобы сообщить гостю нужные ему сведения.

— Ниндзя,— хмыкнул Мальгин, чувствуя затылком холодный ток воздуха: кто-то смотрел ему в спину. Клим оглянулся — видеокамера. Руководитель «операции», скорее всего, сам Гзаронваль — среди пятерых его не было — изволил наблюдать происходящее со стороны.

Бритоголовый выступил вперед, голос его был приятного баритонального оттенка с гортанными нотками.

— Мастер так уверен в себе, что прибыл один? Или рация в ухе — гарантия безопасности?

Клим спокойно снял с уха серьгу рации, спрятал в карман.

— Поступок мужчины.— Бритоголовый не издевался, констатировал факт, он был единственным из всех в здании, чья гамма биоизлучений почти не «дымила» отрицательными чертами психики.— Прежде чем вы получите ответ на интересующий вас вопрос, не хотите потренироваться? Мне сказали, что вы мастер по фехтованию.

Мальгин никогда не брал в руки эфеса шпаги или рукояти меча, и предложение незнакомца застало его врасплох. Трезвый рассудок требовал отказаться от боя, но гордость и самолюбие, а также еще более сильное чувство — злость на себя за первые два, заставили его принять вызов.

Бритоголовый понял мимику его лица и повел рукой в сторону стены с оружием.

— Выбирайте.

Боль лопнувшей «почки» темного знания на мгновение отключила зрение, но зато включила физику озарения, и в следующий момент Мальгин уже уверенно шел к стене.

— Вот это.

Бритоголовый сделал знак, и в зал внесли прямой русский меч, заказанный хирургом, а также самурайский меч катану, узкий, блестящий, хищно красивый. Бритоголовый, став на колено, взял его, и меч вдруг исчез на секунду, появившись уже над головой мастера. Но как ни быстры были его движения, Мальгин заметил и оценил и мастерство «самурая», и красоту его позы. Бритоголовый дал понять, что знает древнее искусство владения катаной, заключающееся в малом количестве махов — татикадзе. Но и древнерусские воины владели этим искусством, и все их навыки всплыли сейчас в памяти Мальгина, поднявшись «на поверхность» из глубин древней родовой памяти. Не без помощи «черного человека», вызвавшего стрессовую вспышку.

Клим взял с поклоном меч и за секунду сделал семь мгновенных движений, показав защитные приемы спереди, с боков и сзади. Меч, остановившись на последнем взмахе, прикрыл его сверху.

По тому, как расширились глаза бритоголового, Клим понял, что противник не ожидал в его лице встретить мастера-фехтовальщика высокого класса, однако останавливаться было уже поздно: вызов был принят.

— Держись! — успел сказать Харитон, и бой начался.

Бой этот был не зрелищным, не снятым для видео и состоял из сотен уловок, финтов, обманных движений и намеков на удар, хотя со стороны казалось, что бойцы почти не двигаются, замерев друг

против друга, лишь мечи их выписывают сложные траектории, но клинки русского меча и самурайской катаны встретились лишь дважды. Первым сделал выпад бритоголовый, пытаясь пробить двойной блок, вторым ударил Мальгин, совершив хитрое и сложное движение, после которого меч противника отлетел в угол зала. Бритоголовый замер, потом сорвал вдруг с лица повязку, открыв лицо типичного японца, упал на колено. Сквозь маску равнодушия и безразличия на лице его проступили выражения ярости и восхищения.

— Вы победили, мастер. Оотоко тацудзима! А мне говорили...

Мальгин опустил меч, но в этот момент двое, безучастно наблюдавшие до этого поединок, с воплями бросились на него с мечами. Через минуту к ним присоединились еще двое, а потом в зал вошел Марсель Гзаронваль, и в руке у него был не меч, а гипноизлучатель «василиск». Мальгин понял, что в его распоряжении всего несколько секунд. Гзаронваль не станет ждать финала схватки и уложит его в тот момент, в какой сочтет нужным... и вызовет фазу «черного человека». Что случится потом, Клим боялся и представить.

Бритоголовый, собравшийся протестовать против дальнейшего развития событий — пятеро на одного!— в результате стал свидетелем самого короткого и немыслимо быстрого боя. В течение трех секунд четверо «ниндзя» лишились мечей — двое из них получили при этом переломы кистей, а Марсель Гзаронваль — «василиска», успев выстрелить в то место, где за мгновение до этого стоял Мальгин. Увидев у лица лезвие меча, Гзаронваль вспотел, а встретив беспощадный взгляд хирурга, понял, что сейчас последует удар. И удар последовал, но Мальгин просто шлепнул красавца фухтелем [1], что соответствовало пощечине. Правда, от этого шлепка Гзаронваль очнулся не сразу.

— Оотоко тацудзима! — прошептал бритоголовый, глядя вслед Мальгину с изумлением и восторгом. И совсем с другими чувствами провожали хирурга взглядами четверо приятелей Гзаронваля и еще один зритель, находившийся далеко от этого места.

За время возвращения домой клокотавшие в душе Мальгина ненависть и ярость улеглись, вернулись тревога за Купаву и недовольство собой: он знал, чем кончаются подобные приглашения и мог бы не терять времени. Но очень хотелось... очень хотелось!.. Да, признался со вздохом Клим сам себе, очень уж хотелось показать этим суперменам, кто есть ху [2] в этой ситуации. Жаль вот только, что, удовлетворив комплекс неполноценности, он не удосужился выведать у Гзаронваля, где Купава.

Харитон не рискнул вмешаться в монолог хозяина, и Мальгин был ему благодарен за это.

---

[1] Плоская сторона клинка.

[2] С англ. who — кто.

Дома он искупался, окончательно смыв с души и тела пот и злость, и скомандовал «домовому» включить запись второго звонка.

В стене над глазком виома развернулся световой веер передачи, появилось изображение симпатичной голубоглазой девушки, на лице которой читались беспокойство и сомнение. Мальгин узнал ее, это была подруга Купавы Александра Белова, Шурочка, с которой она училась когда-то в лицее.

— Клим дома?

— Ушел по делам. Что передать?

— Не знаю, правильно ли я делаю...— Шурочка нервно поправила волосы.— Но к кому еще мне обратьсяя? Клим, с Купавой что-то творится... я звоню ей, говорю, а она какая-то странная, заторможенная... Понимаешь? И только я задала ей вопрос, как связь прервалась. Я...— Девушка беспомощно пожала плечиками.— В общем, извини, если я напрасно... Позвони ей, может быть, с тобой она будет откровенна? — Девушка продиктовала номер видео, и связь прервалась.

— Проверь, что за номер, найди адрес.

Пока «домовой» связывался с нужными службами, Мальгин подкрепился, съел две таблетки витмобилизатора (все-таки энергии он потерял много), бросил в сумку эмкан выхода на канал Гиппократа — как и любой другой сотрудник института, он мог работать с инком из любой точки земного шара,— две упаковки витмобилизатора, флакон адаптогена, инъектор, пси-стимулятор, кардиоусилитель, микрореаниматор и аптечку скорой помощи, потом вызвал такси.

— Дарваза, район Белик-улы, массив Умаберг, дом двенадцатьсто шесть,— сообщил «домовой» адрес Купавы, и Мальгин удовлетворенно кивнул: он вычислил этот адрес еще в квартире Шаламова. Оставалось узнать, кто именно проживает по этому адресу и почему Купава вдруг решила переехать туда.

10

Через несколько минут такси-флейт высадило его у метро, и хирург, подавив поднявшееся вдруг волнение, шагнул в вестибюль станции.

Дарваза был небольшим городком на юге Ташаузской области Туркмении и располагался почти в центре Заунгузских Каракумов — древней субпустыни с ее неповторимым растительным и животным миром и культурным колоритом. Однако Мальгину было не до экскурсий и разглядывания пейзажей с борта такси местного транспортного узла, он только раз бросил взгляд на город — стандартный современный полис с пирамидально-купольной архитек-

турой, и бегло оглядел вечереющий — по местному времени шел уже шестой час дня — пустынный рельеф вокруг: песчаные гряды, барханы, бессточные котловины, островные горы на горизонте, сухие русла рек, такыр и солончаки.

Такси-пинасс доставил его к одной из зеркально-стеклянных пирамид («Массив Умаберг»,— доложил киб-пилот) и высадил на верхней площадке малых машин. Мальгин включил свое новое чувство — перцепцию, сориентировался в объеме огромного тысячеквартирного дома-массива и, добежав до лифта, назвал адрес.

Квартира, из которой Купава разговаривала с подругой, располагалась на двадцать восьмом горизонте дома, рядом с бассейном, выходя окнами на восточную сторону. Мальгин открыл заблокированную автоматом-сторожем дверь, почти не задержавшись, и сразу прошел в одну из спален — всего их было три,— где лежала Купава. Кто-то испуганно шарахнулся от него, еще какой-то парень в «дымящейся» одежде пытался преградить дорогу, но тут же уступил.

Во всех комнатах толпились и веселились молодые люди, играла музыка, дым стоял коромыслом, и никто почти не обратил внимания на гостя.

Купава лежала на кровати в чем-то полупрозрачном, зеленожелтом, светящемся, то напоминающем спортивное трико, то подвенечный наряд. Она была бледна до синевы, и взгляд ее пугающе огромных глаз уходил в бесконечные пространства, не видя ни стен, ни света, ни окружающих. Она была в трансе, вызванном действием наркоклипа, Мальгин определил это сразу. И еще он понял, что жить ей осталось совсем немного, сердце женщины билось все медленней и медленней.

Кто-то встал из кресла возле кровати. Гзаронваль! Надо же, успел раньше!

— Хирург?! А тебе-то что здесь надо?

Девушка в ярко-красном «рэдкэт», сидящая на кровати у ног Купавы, оглянулась, и от ее движения на пол посыпались инъекторы, какие-то тюбики, таблетки, блестящие крестики сенсоклипов, сеточка эмкана с наушниками.

— Вон! — бесцветным голосом сказал Мальгин, неотрывно глядя в лицо Купаве. Он уже работал, прикидывал, что делать, с чего начинать операцию, не имея в запасе ни минуты времени, не имея связи с местным медицинским инком.

— Какого дьявола?! — хрипло вопросила девица в красном.— Кто это? Скорая, что ли?

— Вон, я сказал! — тем же тоном проговорил Мальгин.— Все вон из квартиры, даю минуту.

— Знаешь, что я тебе...— начал Гзаронваль, вставая, и встретился глазами с Климом. Отшатнулся. Вытер вспотевший лоб ладонью, потянул девицу за собой:

— Пошли, пошли, нам тут нечего делать...

Мальгин сорвал с головы Купавы эмкан, ударом кулака разнес играющий цветными вспышками «кактус» видео на хрустальные брызги и стал выгружать из сумки содержимое, на миг подивившись, что взял все самое необходимое.

Кто-то тронул его за плечо. Смуглый здоровяк с шапкой черных волос. Еще трое таких же стоят в дверях, из-за их спин заглядывают какие-то юнцы. В ушах словно лопнули заслонки, и стал слышен гвалт голосов, музыкальный рев, бой тамтамов и звон литавр — до этого Клим отключил посторонний шум начисто.

— Что тебе здесь надо, сейфмен? — повторил здоровяк ласково, с нехорошей ухмылкой.

Дикая слепящая ярость поднялась из глубин души хирурга, ударила в голову, затопила сознание. Превратившись в ураган, он в два движения вытолкал парней из комнаты и сказал, не повышая голоса, но так, что услышали все:

— Если через две минуты вы не обеспечите тишину и не покинете этот дом, клянусь адом, я заставлю вас это сделать!

Толпа девушек и парней в ультрамодной — шевелящейся, меняющей цвет, форму, плотность и прозрачность — одежде попятилась вдруг, послышались испуганные возгласы и вскрики: видимо, «тигрозавр» все-таки выглянул из Мальгина, как тот ни сдерживался, и тогда Клим превратил «зверя» в язык пламени, ударивший из его глаз и обжегший лица и руки компании.

Клим выждал паузу, глядя на ошеломленного, потиравшего плечо черноволосого здоровяка, и вошел в комнату, сразу же переключив внимание на предстоящее дело. Шум за дверью постепенно ослабел, стих, музыка умолкла, наступила блаженная тишина.

Сначала Мальгин сделал Купаве укол кардиовалида для стимуляции уставшей сердечной мышцы, уложил ее поудобней, чтобы не стеснялось дыхание, закрепил датчики на теле от аппаратов контроля. С изумлением поймал себя на том, что шепчет вслух: «Потерпи, моя бесценная, потерпи, дивная и нежная, потерпи, пленительная, неожиданная...» Открытие вызвало легкую горькую усмешку: вряд ли он смог бы повторить эти слова Купаве, будь она в сознании.

Спохватившись, обыскал квартиру в поисках дочери, но не нашел. Видимо, Купава оставила ее у матери, у своей или матери Даниила. Ладно, отыщется, не это сейчас главное.

Закрепил на голове Купавы свой эмкан, подсоединил его ко второму, проверив прохождение сигнала. «Домовой» квартиры не имел выхода на консорт-линию, и канал связи с Гиппократом, вернее, два — операционный, от эмкана хирурга, и аппаратный, от системы контроля за состоянием Купавы — пришлось пробивать через общую спутниковую трансляцию, что ограничивало чистоту приема..

Проверил контакт с инком института. Гиппократ ответил тут же, готовый оказать любую помощь «в пределах компетенции»,— как он любил говорить. Мальгин устроился в пенокресле и расслабился, готовясь к прямому включению режима «один-на-один», что не рекомендовалось делать без машинного контакта ни никому, будь он даже хирургом экстра-класса.

Мобилизация и настройка организма заняла около четырех минут.

Если бы кто-нибудь со стороны увидел Мальгина, он надолго запомнил бы эту картину: лицо и пальцы рук хирурга светились, волосы встали дыбом и потрескивали электрическими искорками, грудь вздымалась высоко и часто, а сердце работало в таком темпе, что его стук слышался на расстоянии!

— Зондирование пассивное — альфа!

— Готов,— раздался сквозь шуршание фона в голове Мальгина голос Гиппократа.— Имя пациента?

— Купава Шаламова.

Тишина, пульсирующий фоновый шелест.

— Диагноз?

— Специфический делирий [1].

— Базз [2], ВИ-нарко, кортикомузыкальный сенсоклип.

— Но ведь это ведет к распаду сознания, речи и памяти, к расторможенности животных влечений, выработке параноидальной системы...

— Знаю, предупреждения излишни. Будь готов к параллели, придется идти за барьер дифференциальной амнезии, и без твоей памяти не обойтись. Слушай и молчи, пока не позову.

Клим «отключил» все органы чувств, способные помешать сосредоточению и работе мозга в режиме «пси-осмоса», в том числе и зрение, проверил, под рукой ли аптечка скорой помощи и принесенная с собой аппаратура, поймал знакомый тихий пси-вызов, похожий на детский лепет, полуплач-полусмех, звон капели и шелест листвы, прошептал беззвучно: «Погоди, кто бы ты ни был, я очень занят»,— и обрушил на голову внутренний мир Купавы.

Если бы не подготовка, воля и колоссальный опыт пси-зондирования, он мгновенно был бы оглушен пси-шумом расторможенной деятельности коры головного мозга Купавы, но и ему пришлось туго в сражении с ураганом спутанных чувств женщины, с кипящим водоворотом основных биоритмов и стеной субъективного семантического пространства, не пропускающей пришельца.

Сознание его раздвоилось. Одной «половиной» он видел себя де-

---

[1] Делирий — нарушение сознания, искаженное отражение действительности, сопровождаемое галлюцинациями, бредом.

[2] Buzz — состояние наркотического опьянения.

талью пейзажа и ощущал действующим лицом фантомного сюжета, рожденного фантазией Купавы, иллюзорной реализацией ее потребностей; другой, обросшей десятками тончайших игл-щупалец-сгустков пси-поля, которые служили одновременно тончайшими хирургическими скальпелями, блуждал по коре мозга и активным зонам, каждым «щупальцем» точно находя на теле поврежденного аксона точки оперативного вмешательства. Стирание информации — это разрушение метастабильных ионных цепочек (биоэлектрических экссудатов) и нейронных связей, и управлять этим сверхтонким процессом способен только компьютер с колоссальным быстродействием, но Мальгин недаром носил звание мастера-хирурга высочайшей квалификации, он мог работать и без компьютерного усиления. Однако прошло немало времени — по внутренним часам,— прежде чем Мальгину удалось преодолеть несколько слоев бесформенных тающих видений и выбраться к более или менее упорядоченному, осмысленному внутреннему миру Купавы, созданному ее расстроенным воображением...

Серая, нескончаемая, выжженная неведомым огнем пустыня с черными полями сажи и пепла, с редкими струйками дыма...

Серое мутное небо с застывшими мохнатыми черными и багровыми облаками...

Черная неподвижная река — не то мазут, не то асфальт...

Мертвое спокойствие.

Мертвая тишина.

Ночь отравленной души...

— Где мы?

— Подкорка височной доли два, уровень сознания,— просочился в голову бестелесный пси-голос Гиппократа.— Порог димидиат серв. Эффект иллюзорного бытия. Полная потеря ориентации, утрата жизненных реалий. Коррекции не поддается. Необходима немедленная операция в условиях института!

— Без советов, умник! — огрызнулся Мальгин, примериваясь второй, «хирургической» половиной сознания к безошибочному пси-уколу.— Как физика?

— Тургор падает, дыхание слабое, поверхностное, пульс нитевидный. Прогноз остановки сердца — две-три минуты.

— Успею. Зондирование активное, выпад альфа! — Мгновенно вспотев, Мальгин сделал гигантское усилие и рассеял микроскопическое, в несколько нанометров [1], скопление «шлаковых» нейроструктур, созданных влиянием наркоклипа.

Вторая «половина» сознания сначала ничего не заметила, пейзаж перед глазами хирурга не изменился, но затем проявились последствия операции: тела своего Мальгин не чувствовал, хотя и

---

[1] 1 нм = 10^{-9} м = 0,000001 мм.

управлял им, как летательным аппаратом; в настоящий момент он висел над рекой неподвижно, и вдруг испытал ощущение п о л е т а — серо-черная равнина «внизу» побежала назад, открывая новые и новые пространства. Внезапно она налилась багровым свечением, с гулом содрогнулась, выгибаясь куполом, потом прогнулась, как резиновая, несколько раз дернулась и затихла. Тронулась река, потекла, зарябила мелкими волнами, но вскоре остановилась, застыла, в пустыню снова вернулась тишина.

Сердце... один удар сердца в десять секунд...

Мальгин положил руку на левую грудь Купавы и дважды с силой нажал. Один удар сердца в десять секунд — это граница жизни. Ну же, давай!

Новый двойной удар потряс равнину, однако свечение почвы после него ушло не сразу. Годится, живем! Поехали дальше...

Рельеф пустыни ринулся навстречу с нарастающей скоростью, за горизонтом показались горы, угрюмые, фиолетово-синие, с недобрым голубым блеском, покрытые мрачным черно-зеленым великаньим лесом. Приблизились, закрыли горизонт со всех сторон. Поле зрения сузилось, взгляд то и дело натыкался на чудовищные стволы, переплетение ветвей, лиан, кустов, навалилось ощущение душной жаркой парилки. «Я, обезумевший, в Лесу Предвечных Чисел»,— всплыли в памяти строки Верхарна, столь любимого Даниилом Шаламовым. Откуда-то сверху вдруг посыпались камни, превращаясь в чудовищных птиц с тремя и больше головами, одноруких и многоногих уродов, кентавров, чертей, динозавров, химер... Увидели человека, повернули к нему, открывая пасти.

— Сказочные конфабуляции [1],— струйкой снежной поземки просвистел голос Гиппократа.— Искажение восприятия в зоне дельтависочной доли, пси-корректировке не поддается, необходимо координированное хирургическое подавление.

Мальгин не ответил. Для изменения психического состояния Купавы и вывода ее из транса ему нужна была предельно высокая степень концентрации внимания. Он выхватил меч, отразил атаки летающих ящеров, сшибая им головы, отрубил неосторожно приблизившимся чудовищам когтистые лапы, остальные остановились в нерешительности...

Вторая часть личности хирурга в этот момент превратилась в рязящий луч лазера и в три касания разрушила ансамбль новорожденных, чуждых организму нейроструктур. Сердце Мальгина дало сбой, болью отозвавшись в голове,— он работал на уровне физического воздействия, требующего невероятной выносливости и отнимавшего громадное количество энергии.

Химеры и динозавры в лесу «блаженных мечтаний» Купавы рас-

---

[1] Ложные воспоминания, наблюдаются при нарушениях памяти.

таяли, как дым, лес посветлел, чернота из него ушла, он уже не страшил, а манил отдохнуть...

— Зондирование пассивное — гамма.

— Падение тонуса.

Мальгин нащупал инъектор и сделал Купаве укол адаптогена.

— Я имел в виду — у вас,— бесстрастно сообщил Гиппократ.

Мальгин сделал укол себе. Полегчало.

— Поехали дальше. Кажется, я уже вижу финал.

— Финал потребует по крайней мере двух десятков операций одновременно.

— Справлюсь!

Хирург уже нащупал цепь ассоциаций, уводившую сознание Купавы все глубже и глубже в пучину ее неконтролируемых эмоций и пси-состояний, и шел по «следам» пси-наркотика, преодолевая сопутствующие болевые ощущения и удары фрустированной психики женщины. Усилием воли он смог бы изменить модальность сигналов боли, то есть переключить собственные болевые ощущения на приятные, но тогда ему не удалось бы определить границы нейроподавления и остановить начавшийся процесс распада психики.

Склон мрачной, ощетинившейся скалами горы, дорога, вьющаяся между гигантскими обломками и выступами бурой и коричневой породы, пропасть справа, бездна...

Мальгин в странной машине на колесах мчится по дороге куда-то вверх, рискуя свалиться в пропасть, а впереди еще одна машина, корпус отливает золотом, на корме то появляется, то исчезает буква «К», напоминающая иероглиф, в кабине — женщина... Женщина?! Ну конечно, это Купава!

— Жми! — хочется крикнуть Мальгину, но пилот — он сам, вернее, водитель, и машина, которую он ведет, не современный аппарат, а старинный автомобиль, хотя и зализанных скоростных форм.

Автомобиль вдруг на мгновение расплылся облаком, превратился в коня, в ушах засвистел ветер, стал слышен стук копыт, в пояснице тряско отозвалось седло, но длилось это недолго, конь снова превратился в машину на колесах, и надо было во что бы то ни стало догнать ту, что мчалась впереди...

— Коррекция невозможна,— противным свистом ворвался в уши голос Гиппократа.— Операционное поле слишком большое, около трех десятков участков.

— Заткнись! — в бешенстве рявкнул Мальгин.

Он снова то скакал на коне за беглянкой, то мчался за ней в машине, петляя по жуткой горной дороге, то полз по кручам, сбивая руки в кровь, то летел на тарахтящем аппарате под названием вертолет: сознанием управляли дорожки ложной памяти Купавы и ее переживания, отстроиться от них было почти невозможно, приходилось терпеть.

Ему наконец удалось довести концентрацию воли, а с ней и напряженность собственного «скальпеля» — пси-поля — до нужной кондиции и вонзить «иглы-щупальца» в электронно-ионный конденсат нейронных узлов.

Взрыв! Всплеск огня и веер дыма! Что-то больно ударило в грудь, сердце с трудом справилось со своим кровным делом — снабжением кислородом работавшего на пределе мозга. В глазах потемнело...

— Пранаяма [1],— долетел слабый, как вздох умирающего, голос Гиппократа.— Прошли фазу самадхи [2]...

Хирург снова обрел способность «видеть».

Он догонял «автомобиль» Купавы, догнал, ударил бортом в борт, отбрасывая от пропасти справа, еще и еще раз.

Скрежет металла, удар, кувырок через голову, звезды в глазах, мгновенная боль в голове, ватная тишина...

— Спазм перикарда,— прошипело в ушах, как вода на раскаленной сковороде,— Гиппократ.— Начались судороги. Необходима стимуляция ЦНС...

Мальгин с трудом выплыл из колодца тишины, чтобы сообразить, о чем идет речь, но руки уже сами, автоматически, нашли инъектор, сделали Купаве укол и массаж груди.

Что-то огромное и бесформенное шевельнулось вдруг в голове, появилось ощущение, будто его накрыла мрачная тень хищной птицы. Кто-то чужой посмотрел на него тяжело и неодобрительно, снова шевельнул вселенную его мыслей и чувств. Чужой. Внутри. «Черный человек»!

— Не мешай! — взмолился Мальгин, преодолев волну слабости и тошноты.— Прошу тебя, только не сейчас! Закончу — бери меня теплого...

Ощущение взгляда ослабело.

Очнувшись от псевдозабытья, Мальгин увидел горящую слева машину и Купаву, сползающую к пропасти со счастливой улыбкой на губах. Лицо ее было разбито, на груди расплывалось красное пятно, платье было изодрано, туфли отсутствовали, в одной руке намертво зажат «стакан», подаренный Шаламовым. Сил Мальгину хватило лишь на то, чтобы выкарабкаться из покореженной кабины, упасть на камни и преградить Купаве путь к пропасти. Вниз посыпались каменные обломки, отзываясь при ударах странным булькающим эхом, исчезли в черно-багровой пелене, скрывающей дно провала.

— Дно-дно-но-но-но...— раздался чей-то гулкий шепот. Чей? Гиппократа? Свой собственный? Или таинственного наблюдателя, чье присутствие Мальгин почувствовал внезапно?

---

[1] Пранаяма — контроль дыхания.

[2] Самадхи — трансовая медитация, приводящая к утрате своего «я».

— Коррекция не проходит...

— Необходима компьютерная коррекция с фиксацией мысленного усилия...

— Соберись, фиксируй внимание! Не расплывайся...

А это еще кто? Может, Харитон?

— Оперативное поле — семьдесят точек...

— Она сопротивляется... падение вниз — атрофия чувств...

— Работай в резонансе, попробуй внушить когнитивную карту [1].

Купава вдруг открыла глаза, увидела Мальгина, и лицо ее мгновенно исказилось: гнев, горечь, ненависть и ярость волнами побежали по нему, как круги по воде.

— Уйди! — Крик ее резанул слух, породил луч боли, пронзивший сердце хирурга.— Не имеешь права! Ты чужой мне, чужой! Уйди, я хочу покоя... покоя... покоя...

Слово «чужой» отозвалось сотрясением головы и колющими спазмами желудка. Клим едва удержал контроль над второй «половиной» сознания — хирургической.

Купава обогнула лежащего Мальгина, подползла к краю обрыва, посмотрела вниз и зажмурилась на мгновение. И тогда хирург, покрывшись жгучим потом от усилия, бросил непослушное тело к ней. Купава царапалась, стараясь вырваться, молотила его кулачками по лицу, кричала, а он, прижимая к себе драгоценную ношу, отползал от обрыва все дальше и дальше, в то время как второе «я»— хирург — делало свое дело, стирая зарождающиеся ядра изменений психики.

Гора задрожала, с грохотом обрушилась в пропасть соседняя скала, камень под ногами Клима поехал, как живой, рухнул вниз, но хирург все же удержался, одной рукой намертво вцепившись в острый выступ породы, а второй удерживая затихшую женщину. Снова появилось ощущение зависшей над головой гигантской птицы; ее тень, холодная и тяжелая, накрыла людей. Свет в глазах померк. Мальгин почувствовал, что слабеет, к тому же в голове опять заворочался «черный», мешая сосредоточиться, пытаясь подчинить измученное сознание хирурга, внушить ему свое видение ситуации. На мгновение Мальгину показалось, что он находится внутри знакомой и чужой одновременно «пещеры» — жилища маатан — в окружении живых угрюмых черных глыб...

— Убью! — зарычал Мальгин в диком исступлении, так что вскрикнула Купава, стих ветер, прекратился камнепад и замерли горы. «Черный» притих, озадаченный, но Клим знал, что это ненадолго. Его психика раскачивалась все сильней, измотанная колоссальным напряжением сил, и сдерживать прорывы памяти «черного» в сферу сознания хирург долго не мог.

---

[1] Когнитивная карта — образ знакомого пространственного окружения.

— Держись, мастер! — прилетел вдруг гулкий басовитый шепот, и еще чей-то голосок, невнятный, тонкий, совсем детский, полный тревоги и сочувствия, погладил душу теплой ладошкой ласки и сопереживания...

Путешествие по внутреннему пси-миру Купавы кончилось внезапно. Горы, разбитые машины, тропа над пропастью исчезли, перед глазами хирурга медленно проявилась обстановка чужой спальни, лежащая Купава с мокрым от слез лицом.

Мальгин потянулся к ней, но сил не хватило: сердце стучало, как насос, грудь разрывалась от хрипа, кровь летела по жилам со скоростью курьерского когга, кожа ладоней светилась, комната плавно кружилась и куда-то падала, но главное Клим все же увидел — Купава дышала спокойно, и сердце ее начинало работать в нормальном ритме. В следующую секунду он отключился... чтобы тут же вскинуться снова, найти женщину взглядом и... снова уйти в тягучий звон, свет и хрип... и опять выплыть из беспамятства, дотронуться до Купавы и потерять сознание окончательно. Последнее, что он услышал, был голос Гиппократа:

— Кажется, вы победили, мастер...

Он уже не видел, как в квартиру вошли воинственно настроенные, подогревающие себя стадным инстинктом мальчики в кокосах, а вслед за ними ворвались Железовский и Джума Хан и последними — врачи скорой помощи, вызванной Гиппократом.

11

Борда нашел комиссара безопасности в одном из боксов вычислительного центра Управления, представлявшем, по сути, почти стандартное кокон-кресло со всеми мыслимыми видами связи с инками отдела: консорт-линия — Умником, общим на все Управление — Стратегом, и погранслужбы — Большим Духом.

Заместитель комиссара по Земле только с виду казался добрым толстячком, готовым расплыться в улыбке от любой шутки, на самом деле его характер ни в чем не уступал железному характеру Бояновой, а требовательность и жесткая хватка были известны всем в отделе от стажера до кобры. Правда, к себе он был еще требовательней, за что его и уважали.

Все же боксы ВЦ несколько отличались от рубок управления космической и энергетической техникой, в них еще оставалось место и для динго-сферы, и для посетителя, пожелавшего побеседовать с оператором.

— Входите, Рене, я уже закончила, — проговорила Боянова в ответ на деликатное покашливание заместителя.

Кокон раскрылся, освобождая оператора, в боксе вспыхнул

неяркий свет, вызвав медовые блики в глубине сотоподобных стен, сходящихся над креслом готическим шатром.

Борда смотрел вопросительно, и комиссар добавила:

— Я не очень сильный аналитик, но иногда хочется сделать прогноз самой, убедиться в правильности интуитивных выводов. Сегодня я решила сделать кластерный анализ [1] социальных отклонений и прикинуть масштабы общественной деградации, и вы знаете, что я почувствовала?

— Вы пришли в ужас,— ответил Борда серьезно.

Боянова некоторое время смотрела на заместителя пристально и печально, кивнула.

— Да, я пришла в ужас. Масштабы душевного нездоровья общества нарастают по экспоненте, возникают паранойяльные системы, усиливается эскалация зон конфликтов на национальной и религиозных почвах, что породило касту принципиального невежества с полной расторможенностью животных влечений. Это... это страшно, Рене! Мы так старались в течение сотен лет освободить детей от какой бы то ни было ответственности, что наконец вырастили великолепное поколение абсолютных потребителей! И ни одна из программ интеграции, повышения духовности и культуры не сработала! И не работает.

— Кроме одной.

— Какой же?

— Интрасенсы.

— Интрасенсы — другая стать, они — реакция природы на вырождение человечества, по словам Железовского, и тут я с ним согласна. В обществе, а еще больше в молодежной среде, царит разобщение, дифференциация, потеря интереса к динамике, отсутствие жизнерадостного ощущения жизни и прочие негативные явления. И стоило кому-то подкинуть в эту среду патологический вирус сверхидеи...

— Как появились «хирурги», готовые засучить рукава и «излечить» человечество от «чумы инородцев». Что ж, у них были отличные предки: фашисты, сионисты, националисты, фанатики всех мастей... прочие убийцы души — атма-ха индуистов.— Борда поднял глаза, вспоминая что-то, и продекламировал:— Асурья нама те лока андхена тамасаврtах тамс те претьябхигаччханти йе ке чатма-хаио джанах.— Перевел:— Убийца души, кто бы он ни был, должен попадать на планеты, известные как миры безверия, полные темноты и невежества. Шри Ишопанишад, мантра третья. Кстати, на такой мир мы наткнулись.

Теперь Боянова смотрела на собеседника вопросительно, и Борда пояснил:

[1] Математическая процедура многомерного анализа, позволяющая на основе множества показателей сгруппировать их в классы (кластеры).

— Маат. Планета действительно напоминает потухший ад.

Комиссар вздохнула, зажмурилась, потрясла головой, потерла покрасневшие от усталости глаза.

— С удовольствием отправила бы туда все эти «Клубы по интересам»: дилайтменов, функционеров «Братства зрячих» и «эскадронов жизни», мазохистов, страхолюбов, «чистых наслажденцев», травников, созерцателей любви, хочушников, любителей острых ощущений, наркоманов, проповедников «гонок за лидером»...

— Да,— вставил заместитель.

— Что? — очнулась Боянова.

— Хорош зоопарк! Но у этой нечисти есть лидеры и Лидер, это несомненно, иначе «хирурги» не выступили бы со своим ультиматумом, а их не поддержали бы «эскадроны». Выйти бы на этого лидера, а главное, определить, кто такие «хирурги».

— Да не главное это,— тихо сказала Боянова.— Задача помасштабней — заставить человечество посмотреть на себя со стороны, глазами... да хотя бы тех же «черных людей».

— Если бы они не ушли,— пробормотал Борда.

— Они не ушли.

— Да? — На лице заместителя появилось озадаченное выражение.

— На сегодняшний день их у нас трое: Шаламов, Лондон и Мальгин. Может быть, будет больше.

— А-а...— Борда помолчал.— Но Мальгин... как бы это сказать...

— Вы знаете, что он отколол? Он провел неинвазивную [1] операцию без компьютерного сопровождения. То есть вообще без хирургической инконики.

Борда недоверчиво взглянул на женщину.

— Это невозможно.

— Значит, возможно. Жена Шаламова не выдержала психотропного давления наркоклипа, и Мальгин вытащил ее из транса, проведя глубокое пси-зондирование.

— Факт удивительный.— Заместитель помолчал.— И тревожный. Такое не под силу обыкновенному человеку.

— Он специалист экстра-класса, может быть, единственный на всю планету.

— Все равно он человек... был, во всяком случае.

— Значит, теперь он н е ч е л о в е к... а экзосенс, и чего от него можно ждать, неизвестно. Итог битвы между человеческим и нечеловеческим в его душе, увы, не предрешен, что бы там ни говорили его друзья. Нужна перестраховка.

— Мне кажется, вы преувеличиваете масштабы личности Мальгина. Кстати, лично мне он нравится. Внешность подруги мужчины

---

[1] Неинвазивный — бескровный.

обычно отражает его внутреннюю сущность, его идеал и вкус, а подруга у Мальгина красоты необычайной.

— Вы имеете в виду Карой Чокой? В таком случае вы не видели его бывшей жены, Купавы. Ее недаром называют феей печального очарования, но от Мальгина она ушла. К Шаламову.

Борда не нашелся, что сказать в ответ.

— Зачем вы искали меня, Рене? Не доверяете компьютерной связи?

Заместитель выдержал взгляд комиссара.

— События нарастают лавинно: отмечены уже четыре нападения на информбанки с уничтожением информации об интрасенсах, утечки оружия, спецснаряжения, транспортных средств...— Борда замолчал, заметив, что Боянова морщится. Комиссар знала об этих событиях не меньше, чем он, и тогда заместитель нехотя признался:

— В отделе происходит утечка информации, Власта, работать стало очень сложно, вы не находите?

Боянова рассматривала лицо Борда до тех пор, пока пауза не стала неловкой. Правда, ее это не смутило.

— Может быть, вы правы, Рене. Назревают события, необходима координация действий всех тревожных служб, СЭКОНа, общественных комиссий по социоэтике, а мы — как на ладони! Б-р-р!

— Не иронизируйте, Власта, вы же понимаете, что...

Боянова успокаивающим жестом подняла руку.

— Успокойтесь, Рене, и не обижайтесь, я действительно все понимаю. Отделу нужен психопрогноз с максимально возможным сокращением альтернатив, кто, по-вашему, его может сделать?

— Психопрогноз по образному выражению — тень, отбрасываемая будущим,— проворчал Борда,— не всякий интрасенс способен ее заметить. Я поразмышляю над кандидатурой. Кстати, от интрасенсов поступило...

— Знаю я. Смешно и грустно.

Боянова имела в виду поступившее в отдел заявление группы интрасенсов с просьбой о защите и недвусмысленной угрозой в случае «неприятия мер» избрать методы защиты, которые будут необходимы и достаточны.

— Что еще вас беспокоит?

— Не что, а кто: Майкл Лондон. Он на Земле и, как оказалось, живет с семьей уже третий день, но...— Борда замялся.— Но это не тот Лондон... вернее, тот, но... обыкновенный... Черт! — Заместитель взмок.— Власта, он перестал быть экзосенсом. Ничего не помнит, что с ним было после бегства, вернее, путешествия, не реагирует на пси-команды, не излучает в пси-диапазоне, как раньше, ну и так далее. Вежлив, тверд, спокоен. Собирается работать охотоведом. Все. У меня лично сложилось впечатление... его словно подменили.

Боянова встала из кокона и молча направилась к выходу из ВЦ. Самообладанием она владела колоссальным, но взгляд ее был настолько красноречив, что Борда вдруг сам испугался своего предположения.

У выхода из вычислительного центра они нос к носу столкнулись с Ландсбергом, но председатель СЭКОНа был так чем-то озабочен, что не заметил коллег, и Боянова впервые пожалела, что она не интрасенс.

* * *

Мальгин бездумно смотрел в окно во всю стену, ожидая приговора врачей, и грезил с открытыми глазами. Сам он давно «починил» себя, очистил тело от шлаков нервного стресса и психологической усталости, но не хотел объяснений и клятв, что практически здоров и не нуждается в услугах медицины.

По абсолютно прозрачной пластине окна бродили тени прошлых событий, воспоминания наплывали друг на друга, вскипали призрачными водоворотами, Клим стирал их мысленными усилиями, но они возвращались вновь, напоминая японские хокку, которые утверждали, что с оконного стекла нельзя стереть только дождь и собственное отражение...

Мелькнул и исчез образ одинокого орла, парящего над бездной, образ сурового подчинения воле и целеустремленности, не терпящий мелочных забот и отклонений от избранного курса... Его сменил знакомый контур нервной системы человека с указаниями перестройки и усложнения — «черный человек» нет-нет да и пошевеливался в глубинах психики, задавленный до поры до времени волей хирурга. Полностью отстроиться от его влияния Клим не мог, да и не хотел, понимая, что тогда придется жертвовать знаниями, запасенными в «черных кладах», и пробуждающейся футурпамятью. Ему все чаще казалось, что те или иные события он уже переживал однажды, и это было прямым доказательством проявляющегося дара предвидения, рожденного колоссальным объемом полученной информации. Он мог бы усилить его, подчинившись программе «черного человека», но что-то останавливало Мальгина, какие-то не совсем осознанные тревоги души, каноны этики и морали, преступить которые значило потерять нечто глубоко личное, принадлежащее только ему одному и одновременно всему человечеству ab ovo. И все же путь к «черному знанию», полному вселенских тайн, оставался открытым и манил, звал в неизведанное, оставаясь чужим и холодным, как ил на дне озера. Зато существовал еще один таинственный зов, далекий, слабый, как память о глубоком детстве, но мистически близкий по эмоциональной окраске все-

му тому, что любил Мальгин, созвучный с его внутренним миром и отзывающийся в сердце струной любви...

Иногда в работу мозга вмешивался горизонт, перенасыщенный наследственной информацией, и тогда Мальгин чувствовал себя то простейшим, то ланцетником, трилобитом, рыбой, рептилией, динозавром и даже протообезьяной, последовательно проходя все стадии онтогенеза — истории жизни на Земле. Но однажды в эту цепочку памяти вмешалась память «черного человека», и Мальгин впервые в жизни испугался по-настоящему, до спазма в желудке и холодного пота: наряду с обычными ощущениями, свойственными земным существам, он испытал ни с чем не сравнимый ряд ощущений, пересказать и описать которые не смог бы никто, так как принадлежали они негуманоидам, существам, родившимся в иной Вселенной, с абсолютно отличными от земных законами бытия...

Что-то изменилось в потоке сознания, протекающем сквозь мозг, появилось ощущение неудобства и неудовольствия. Мальгин очнулся, и тут же тихо прозвонил видео. Посреди комнаты сформировалась фигура дежурного врача — динго инка, конечно. На лице его было написано смущение.

— Вы весьма неординарный пациент, Клим. Утром еще мы лечили больного, а к обеду вы вдруг стали здоровым. И я подозреваю, что наша фармакопея здесь ни при чем.

Мальгин улыбнулся, чувствуя приятное покалывание по всему телу: он только что провел сеанс аутопсимассажа, восстанавливая тонус и окончательно снимая нервную усталость.

— Не обижайтесь, Оби ван, я действительно не обычный больной. Наша медицина еще не скоро начнет лечить интрасенсов, а об экзосенсах и речи нет. Но я побуду у вас немного, кормят тут неплохо.— Клим снова улыбнулся.— Как дела у Купавы?

— С ней все в порядке, но она не интрасенс и пробудет в клинике еще дня три.

Мальгин кивнул, дежурный врач развел руками, его фигура превратилась в радужный световой сноп и растаяла.

Мальгин автоматически нащупал рукой фрукты на висящем у изголовья подносе и захрустел яблоком. В голове тоненько прозвенел звоночек: кто-то знакомый вошел в здание лечебницы. Спустя несколько минут в палату ворвался Джума Хан. Мгновение они смотрели друг на друга: оценивающе Джума и с неопределенной досадой и неловкостью Клим, потом безопасник заулыбался — улыбка у него была чертовски обаятельная — и хлопнул ладонью по подставленной ладони хирурга.

— Привет, амиго. По-моему, ты о чем-то задумался. Что притих? На себя не похож.

— Думают думу без шуму,— ответил Мальгин пословицей.— Ты, похоже, не меняешься: здоров, уверен, энергичен, азартен.

Клинки их взглядов столкнулись, но искр не высекли: во взгляде Джумы уже не было обычного вызова, только отстраненная настороженность и сосредоточенность. Поединок длился недолго, Джума отвернулся первым, проворчал с неожиданным добродушием:

— Ох и тяжелый у тебя глаз, мастер! Хоть я и потомок шейха, но соперничать с тобой после того, что ты проделал с Купавой, побаиваюсь. Честное слово, уникальная была операция! Завидую, я так бы не смог.

Мальгин мимолетно удивился, но анализировать перемены в настроении бывшего врача не стал, в комнату вошли еще двое — Железовский и Ромашин. Математик добился значительных успехов в овладении эмоциями, и застывшее лицо его напоминало маску. Ромашин, как всегда, выглядел вежливо-уравновешенным и целеустремленным, пряча ироничные огоньки в глубине глаз.

— Не ждали? — сказал эксперт, пожимая руку «больного».

— Его я у с л ы ш а л еще в метро,— кивнул Мальгин на Железовского.

— Мы за тобой,— пробасил тот ворчливо.— В состоянии передвигаться и воспринимать нетривиальные идеи?

— У него дисфория,— сказал Джума, выглядывая в окно.

— Что это еще за штука?

— Пониженное настроение, состояние раздражительности, озлобленности, мрачности, повышенной чувствительности к действиям окружающих и, кстати, со склонностью к вспышкам агрессии.

Ромашин с любопытством посмотрел на говорившего, перевел взгляд на Мальгина, и тот невольно улыбнулся.

— Диагноз поставлен вполне профессионально. Не боитесь, что Джума может оказаться прав? Я ведь химера.

— Вставай, «химера».— Железовский легко поднял Мальгина за руку.— Возьмешь на вооружение мою формулу «трех эс» и будешь такой же здоровый и спокойный, как и я.

— Что за «три эс»? — заинтересовался Джума Хан.

— Самоанализ, самоконтроль, самосовершенствование.

Джума фыркнул.

Железовский пожал плечами, взял с подноса у кровати хирурга несколько зеленоватых плодов величиной с крупную сливу, понюхал, откусил.

— Фейхоа? Пахнет ананасом и земляникой.

— Угощайтесь.— Клим принялся переодеваться, его одежда, вычищенная и освеженная, хранилась в стенном шкафу. Позвонил в приемный покой.

— Оби ван, я ухожу, изменились обстоятельства.

Инк молча поклонился. Мальгин повернулся к посетителям.

— Ну что ж, компаньерос, я полностью в вашем распоряжении. Что за идею нам предстоит обсудить?

— Поехали к тебе домой.— Железовский направился к двери первым, сосредоточенно жуя плоды фейхоа, китайского земляничного дерева.— То, о чем идет речь, находится там.

12

— Милости прошу.— Мальгин отступил, пропуская гостей в дом. Пока они устраивались в гостиной, он включил тихую музыку и соорудил полдник: кофе, тоник, тосты, фрукты. Никто не отказался, даже равнодушный к гурманству Железовский, который в ответ на замечание Джумы «чтобы держать форму с такой фигурой, надо питаться электричеством» пробурчал:

— Все мы рабы биологии.

— Кто-нибудь звонил? — спросил Мальгин «домового».

— Звонили трое,— ответил Кузьма.— Катя Лондон, отец и какая-то женщина. Имя не назвала.

— Откуда звонила, узнал?

— Станция «Эдип-2». Это где-то далеко, у других звезд.

— Далековато,— насмешливо хмыкнул Джума.

Хирург и безопасник встретились взглядами. Клим отвел глаза первым. Он не ожидал звонка от Карой и был раздосадован своей заторможенностью, а главное тем, что не разобрался с «домовым» в интимной обстановке. Теперь же отступать было некуда.

— Включи запись.

В комнате зазвучал голос Карой, всего несколько слов:

— Я видела плохой сон, мастер. Будь осторожен, если можешь. Привет.

Мальгин невольно взглянул на Джуму, но тот спокойно пил кофе, не реагируя на слова бывшей жены. Клим сделал вид, что ничего особенного не услышал, захрустел поджаренной корочкой тоста.

— Что хотела от меня Катя Лондон?

— Ничего, поблагодарила и все.

Мальгин с трудом проглотил кусок тоста.

— За что? Прокрути.

«Домовой» послушно включил запись. Вином открыл вход в гостиную квартиры Лондонов, и перед глазами мужчин возникла счастливая жена Майкла Лондона.

— Клим, огромное вам спасибо за мужа! После операции он вернулся таким же, каким и был, вы буквально вернули меня и дочь к жизни! Исполать вам как великому хирургу, и дай Бог вам любви и счастья как человеку! Мы еще навестим вас, чтобы поблагодарить, хотя долг этот невозможно будет вернуть и до конца дней.

Изображение рассыпалось искрами, вином погас.

Трое смотрели на Мальгина вопросительно, с изумлением и недоверием, а он сидел, будто в трансе, и в голове вертелся лишь один вопрос: «Интересно, как я ей скажу, что я е г о не оперировал?..»

— Не понял,— подал голос Джума.— Ты и Лондона оперировал?

Что она имела в виду?

— Майкл вернулся? — тихо проговорил Ромашин.— Я правильно понял?

Мальгин встряхнулся.

— Я знаю ровно столько же, сколько и вы. Минуту.— Он надел эмкан «спрута» и соединился с институтом. Выслушал ответ Гиппократа, почесал мочку уха, снял эмкан, оглядел всех по очереди.

— Лондон вернулся. Но я его не оперировал.

— В этом деле какая-то загадка...

— Подождите, коллеги,— вмешался Железовский, единственный из всех, кто не потерял присутствия духа и хладнокровия.— Пусть Клим выясняет это сам, мы пришли по другому делу, а времени у меня мало.

Мужчины переглянулись. Мальгин расслабился, залпом допил кофе, улыбнулся глазами.

— Ты прав, я сам развею этот мистический туман. Итак, где ваша идея?

Ромашин повел рукой в сторону встроенного в стену шкафа с прозрачными дверцами, на полке которого красовались подарки Дана Шаламова Купаве.

— По нашему предположению, один из этих предметов осуществляет связь с Шаламовым, а точнее, на самом деле является ключом входа в орилоунское метро.

Мальгин остался бесстрастным, успев мысленно оценить идею друзей и найти ее приемлемо сумасшедшей, но Джума не смог скрыть ошеломления, хотя сначала и воспринял сказанное как шутку.

— Один «ключ» вы уже проверили, и теперь на Меркурии дежурит чуть ли не весь погранфлот.

— Если это камень в мой огород,— мягко проговорил Ромашин,— то упрек принимаю, но с оговоркой: многое зависело не от меня, а от физиков, некачественно посчитавших эф-прогноз. Думаю, пока с нами Аристарх, подобной ошибки мы не допустим.

Клим, вспомнив предупреждение Лондона об опасности шаламовских даров, осторожно выгрузил из шкафа на столик все необычные предметы: исчезающий «голыш», плачущую «свечу», туманно-призрачный шар-дыру — «магическую сферу», которую смог взять в руки только с третьей попытки, стакан из «морозного узора», кинжал, тяжелый фолиант с мерцающей надписью на неведомом языке. В квартире повеяло странным неземным ветром, стены ее ис-

кривила и тут же отпустила неведомая сила, у всех четверых возникло ощущение, что предметы с м о т р я т на них, пристально, не с угрозой, но и не равнодушно.

— Однако! — сказал тихо Ромашин, поправив что-то под волосами; Мальгин, уловивший его движение, понял, что эксперт носит персональный комп, и не один, а вместе с «защитником» — генератором пси-защиты.

— Мистика какая-то,— проворчал Джума, заинтригованный и смятенный.— Что это за каббалистические раритеты? Мне показалось или они на самом деле... смотрят и дышат?

— А как вы себе их представляете? — заинтересовался вдруг Железовский.— Вот, например, это? — Математик показал на «свечу».

Джума озадаченно посмотрел на него, потом на Аристарха.

— Ну-у... по-моему, эта штука похожа на хрустальный бокал... внутри плавает светящееся колечко... нет?

Мужчины переглянулись.

— М-да! — произнес Ромашин.— Мне казалось, что это не бокал, а какой-то вытянутый сосуд с дымом внутри.

— Лично я вижу свечу,— добавил Мальгин.— И к тому же она «плачет».

— Великолепно,— пробасил Железовский.— А это? — Он указал на «магическую сферу».

— Черный куб... со звездами...

— Ну а штуковина рядом? — Аристарх дотронулся до «ножа».

— Что-то острое, как наконечник копья...

Через минуту выяснилось, что все четверо видят разложенные предметы по-разному; и лишь относительно одного из них мнения сходились: исчезающий «голыш» всем казался плоским морским камешком, окатышем, и демонстрировал свои качества без каких-либо дополнительных эффектов.

Мальгин оглядел взволнованные лица гостей — даже математик слегка оживился, забыв о своих «трех эс»,— и глубокомысленно проговорил:

— Восприятие веревки как змеи так же ложно, как и восприятие веревки как веревки.

Последовало недолгое молчание, потом взрыв сдержанного смеха. Собеседники оценили ситуацию в юмористическом ключе, вполне понимая друг друга.

— Источник изречения? — отсмеявшись спросил Джума.

— Шанкара, Адвайтаведанта.

— Очень образно и очень справедливо. Но подарки Шаламова действительно впечатляют. Знать бы их настоящий облик и, главное, назначение.

— Учтите, они опасны,— предупредил Мальгин, чувствуя, как

внутри него заворошился «черный человек». Веселое настроение ушло, ему на смену пришло беспокойство, защемило сердце.— Лондон не будет предупреждать зря.

Джума хотел сказать что-то язвительное, но передумал. Подождав немного, вдруг засмеялся и пояснил в ответ на вопросительные взгляды:

— Вспомнил девиз нежити, точнее, «эскадронов жизни»: «Мы живем для того, чтобы сдохнуть!» Чем мы хуже?

В комнате громыхнуло — это хохотнул Железовский. И снова все четверо глядели друг на друга выжидательно, не зная, кто первым предложит д е й с т в и е. Музыка в гостиной продолжала звучать — Мальгин любил романсы Балакирева,— создавая ностальгическое настроение, но не отвлекая от дум.

— Мне кажется, нам необходимо выбрать тот объект, который максимально подходил бы к понятию «ключа»,— сказал наконец Ромашин.— Лично я вижу два таких объекта: «книгу» и «дыру-сферу». А вы?

— Да,— коротко кивнул Железовский.

— Причем ключ должен быть очень простым в обращении.

— «Книгу» я уже открывал,— признался Мальгин; Аристарх видел этот предмет почти так же, как и он, а Джуме с Ромашиным она казалась плоской коробкой с металлической крышкой.

— Ну и?..

— Откройте, а я погляжу на вашу реакцию.

Ромашин, поколебавшись, осторожно отщелкнул застежки «книги» и открыл ее. На исследователей со страницы в упор глянул странный зверь: полукрокодил-полумуравьед, оглядывающийся на людей через плечо вполне человеческим движением. Зверь стоял наполовину в воде не то реки, не то озера желто-коричневого цвета, за ним начинался лес, густой и ровный, как гигантская трава, а над лесом торчала ажурная золотая башенка с факелом огня. Небо в этом мире было густо-синего цвета, глубокое, без оттенков.

— Фотография,— с пренебрежением сказал Джума.— Причем без стереоэффекта. Листай дальше.

— Подождите,— тихо возразил Мальгин.— Смотрите внимательно.

Железовский первым заметил движение пейзажа, глянул на Клима и снова зачарованно уставился на фотографию.

Иллюстрация начала обретать глубину, четкость и контрастность живой натуры, как бы «протаяла» вдаль, обрела объем. Фотография стала похожа на окно в чужую природу, на экран, за которым цвела жизнь иного мира. По воде побежала рябь, а зверь — помесь рептилии с млекопитающим — вдруг... мигнул!

Еще мгновение, прозрачная пленка, отделявшая воздух Земли от воздуха чужой планеты, лопнула и...

В комнате полыхнула синяя вспышка, зашипело, кто-то с силой захлопнул обложку «книги», так, что все вздрогнули, во все глаза глядя на нового гостя, проникшего в квартиру неизвестным способом. Это был Майкл Лондон собственной персоной.

— Хелло, джентльмены. Я, кажется, вовремя.

Железовский, опомнившись, превратился в статую, будто ничего особого не произошло, снисходительно оглядел компанию. Мальгин пришел в себя вслед за ним, вспомнил вспышку и шипение, нашел глазами их источник: «магическая сфера» исчезла, а на ее месте мерцала полупрозрачная труба диаметром в полтора метра, уходя в пол и потолок комнаты. В воздухе запахло озоном.

— С этими вещами надо обращаться очень бережно,— Лондон кивнул на «книгу», невозмутимый, добродушный, благожелательный и одновременно твердый и непреклонный.

Мальгину вдруг показалось, что фигура Майкла на мгновение превратилась в облако с глазами-бусинами и тут же вернула первоначальную форму, хотя никто из товарищей этого не заметил. Но как ни старался хирург разглядеть пси-ауру Лондона, ему это не удалось: бывший начальник службы безопасности не делился на «призраки» характерных впечатлений, он был наглухо запакован в броню пси-контроля. Видимо, манипуляции Мальгина не прошли мимо внимания Майкла, потому что он посмотрел на хирурга как-то по-особому и выдал мысленный образ подмигивающего тигренка, но речь продолжал в том же тоне:

— Есть прекрасное правило, ему лет триста: не тяните за хвост, если не известно точно, что на другом конце [1].

Джума Хан фыркнул, остальные остались серьезными.

— Итак, мы были правы,— с удовлетворением произнес Ромашин.— Вернее, почти правы, потому что у нас в руках был не ключ от входа в метро, а сам вход. А именно — «магическая сфера». Что же тогда представляет собой «книга» с картинками?

— Пантеон,— помолчав, ответил Лондон. Поискал глазами кресло и сел.— Или «Красная книга» исчезнувших цивилизаций, если хотите. Причем «книга» опасная, с полным эффектом присутствия, и пользоваться ею может далеко не каждое существо. Человек, например, рискует не выйти оттуда, из иллюзии, не сможет отстроиться от внушенных видений, так мощно устройство «книги» включает его в свой компьютерно-химерический мир.

— Интрасенс тоже не сможет отстроиться? — с ноткой вежливого недоверия спросил Железовский.

У глаз Лондона собрались веселые морщинки.

— А вы всерьез полагаете, что человек, пусть он даже интрасенс,— венец мироздания? Увы, это далеко не так. Человек — не

---

[1] Правило Челлиса (законы Мэрфи).

предел эволюции Вселенной, его мозг содержит всего лишь двести миллиардов нейронов, примерно столько же звезд включает наша Галактика, а ведь в космосе много объектов гораздо более сложных. Чтобы воспринимать, чувствовать и н ы е Вселенные, нужны и другие органы чувств, и не один-два, а десятки! Есть они у человека? Запрограммированы ли эволюцией?

— Ну, этого знать вы тоже не можете,— пробурчал Аристарх.

— Ошибаетесь, знаю. Считайте, что я достиг сатори — состояния высшего просветления Будды, хотя и сохранил при этом бренную оболочку. А еще я стал вечным садху [1] и вернулся сегодня на Землю в последний раз, чтобы поговорить с вами и предупредить.

— То есть как это вы вернулись сегодня? — поднял голову Мальгин, переглядываясь с Ромашиным.— Мне звонила ваша жена, что вы вернулись по крайней мере...

Лондон поднял ладонь, грустная усмешка скользнула по его губам.

— Я — здесь, там — двойник, фантом, хотя и вполне материальный, осязаемый, мое альтер-эго, хороший мужик и все такое прочее. Реализация одного из уровней структуры личности. Вон Клим знает, что это такое, самому еще предстоит испытать на себе счастье обладания иными возможностями. Для меня же главное, что Кэт и Акилина... счастливы.

Мальгин заглянул в колодец глаз бывшего начальника отдела безопасности и на дне колодца увидел темное озеро тоски. Глубокое и неизбывное. Миг — и оно исчезло, снова Лондон сидел перед ними собранным, снисходительно-добрым, сильным, дружески настроенным и в то же время чужим и далеким. Он жил не только здесь и сейчас, но и где-то еще, и в других временах. Он знал также, что невозможно описать собеседнику то, чего он никогда не видел. Майкл знал такое, что невозможно было и представить...

— Вы правы,— кивнул он, отвечая на мысли всех четверых, одинаково ошеломленных, несмотря на разный возраст, опыт и самообладание.— Человеком назвать меня трудно, садху — в самый раз. Кто вступил на эту дорогу — уже не возвращается.

— Шаламов... тоже? — Мальгин задержал дыхание.

Лондон долго не отвечал, уйдя в не доступные никому области своих воспоминаний, и по лицу его плыли всполохи сияния — отражение мыслительных процессов и непонятных эмоций. Наконец он очнулся.

— Мастер, я знаю почти все о вашей жизни прошлой и многое — о будущей. Как и любой маатанин, я тоже обладаю футурпамятью и способен предвидеть события и судьбы, особенно судьбы тех людей, которые мне симпатичны. Ваша судьба драматична, ибо вы не

---

[1] Садху *(инд.)* — странник.

только т р е т и й в истории земной цивилизации экзосенс, после Шаламова и меня, но и п е р в ы й маг! Вернее, будущий маг. Или колдун, чародей, волшебник, кудесник — выбирайте любой термин. Но до этого вам предстоит пройти пустыни одиночества, тоски, горя и боли, адовы горнила жестоких схваток с обстоятельствами, внешними врагами и с самим собой, узнать, что такое horror infiniti и тысячи других ужасов. Попытайтесь выдержать эти испытания, и тогда вы поймете, какой смысл вкладывали философы в изречение: цель жизни есть жизнь. Тезис не бесспорный, смерть не менее мудра, чем жизнь, да и, по убеждениям «черных людей», бесконечный смысл лежит вне постижения его конечным существом, но лучше не проверять этот тезис на себе. Конечно, мои советы — это не рецепт счастья, но помочь мне больше нечем. Я помогал, сколько мог.— Лондон прищурился.— Хотя в мои предупреждения, наверное, верили не все, не так ли?

— Как вы это делали? — пробурчал Железовский.— Я нашел принципы обработки ключевого файла иерархии компьютерных структур, интеграции многоуровневого вывода, но не понял процесса выдачи сигнала в точно определенный момент времени. Что у вас выполняет роль интерфейса?

— Еще поймете, это не сложно. У меня есть несколько минут, можете задать по вопросу, кого что интересует.

— Вы не ответили на вопрос о Шаламове,— напомнил Мальгин, равнодушно воспринявший тираду Лондона в свой адрес. Собственная судьба его мало интересовала.

— Шаламов непредсказуем,— нехотя ответил Лондон.— Я встречался с ним там...— Неопределенный кивок головой в сторону.— И он действительно опасен. Не ищите его. Может быть, он уже не вернется на Землю, а опасен он прежде всего тем, что не анализирует последствий своих поступков, как, например, не рассчитал последствий появления на Земле этих вещей.— Майкл показал на разложенные на столе подарки.— Я заберу их с собой.

— Так он... маг?

Мальгину внезапно показалось, что Лондон превратился в гиганта-циклопа, в единственном глазе которого сверкнуло пренебрежительное угрюмое предупреждение. Впрочем, этот пси-импульс почувствовали все.

— Он маг,— медленно проговорил гость.— Но он маг на грани безумия. Понимаете, с кем вы хотите поиграть?

— Мы не хотим играть,— возразил Мальгин, сохранивший философски-минорное настроение.— Мы хотим его вылечить. Я в долгу перед ним.

— И я,— кивнул Ромашин.

— Кроме того, существует много причин, по которым он обязан появиться на Земле и расставить точки над «i».

Лондон с неопределенной и не очень понятной жалостью оглядел спокойное лицо Мальгина, однако возражать не стал.

— Еще вопросы? Мне пора.

— Орилоунское метро сохранилось? — быстро спросил Ромашин.

— Сеть орилоунского метро — периферийная ветвь в Галактике, на самом деле главные «струны» соединяют не только домены нашей Метавселенной, но и многие топологически связанные Вселенные. Масштаб этого вида связи колоссален.

— И создан он Вершителями?

— Вершители — собирательное название многих сотен разумных рас из иных Вселенных, «черные люди» просто не смогли уберечь этот факт в памяти, хотя и были разумными информационно-энергетическими «консервами».

— Они все ушли в Горловину «серой дыры»?

— Нет, многие не успели, в основном, те, кто не смог найти Горловину. Без проникателей это практически невозможно.

— Значит, маатане и орилоуны спешили в «серую дыру» не зря и в нашей Галактике больше не осталось «серых дыр» со встроенными механизмами перехода?

— Совершенно точно.

— А «сфера Сабатини»? Знаете, о чем речь?

Лондон покосился на Ромашина, на щеках которого разгорелся румянец, хотя с виду эксперт был хладнокровен.

— «Сфера Сабатини», или эйнсоф, как вы называете, на самом деле узел пересечения физик, причем многих, вы даже не представляете, как опасно его соседство с Солнцем.

— И виноват в этом я,— тихо сказал Ромашин.— Власта права. Хотя я считал, что интерес мой оправдан.

Лондон ничего не сказал в ответ.

— Черт возьми! — взорвался вдруг Железовский, заставив всех вздрогнуть.— Вы наговорили столько интересного, что хочется жить! А также очень хочется знать, что это за объекты и откуда их приволок Шаламов, почему погибли цивилизации, память о которых хранит ваша «Красная книга» и...

Лондон остановил математика знакомым жестом: ладонь вперед.

— Я завидую вам, Аристарх, вы здесь единственный из всех по-настоящему счастливый человек. Хорошо, я отвечу на ваши последние вопросы, но они действительно последние. Объекты эти — из ...э-э, скажем, из «Музея Культур», не предназначенного для человечества, ибо земная цивилизация — единственная из технологических — е щ е н е п о г и б ш а я цивилизация. остальные, вернее, память о них — здесь.— Майкл легонько коснулся пальцем обложки «книги».— Другие предметы — суть целые миры, связанные нашей трехмерной физикой и видимые разными

людьми по-разному в силу развитости воображения, культуры и психологической закалки.

Лондон перевернул исчезающий «голыш», и тот пропал, будто его и не было.

— Это не камень, каким он вам представляется, а устойчивый ансамбль хрононов — квантов времени, вектор которого направлен не в будущее и не в прошлое, а «в сторону» от потока времени нашего мира. Взаимодействует он только с гравитацией.

— Здорово! — прохрипел Железовский. Глаза его горели.

«Он действительно счастлив»,— мимолетно подумал Мальгин, хотя и сам был потрясен и заинтригован.

— «Плачущая свеча», или «бокал»,— продолжал Лондон,— на самом деле эмоциональный резонатор, только эмоции, на которые он реагирует, никогда не смогут затронуть человека, потому что ему т а к и х не испытать никогда. «Плач» — лишь слабое эхо какой-то чувственной струнки. «Морозный узор», используемый вами в качестве стакана объемом в двести кубических сантиметров — это звездная система, эквивалентная по размерам и массе галактике Туманность Андромеды, разве что в настоящий момент ее размерности скомпактифицированы.

— Дьявольщина! — Железовский уже с трудом удержался от жестикуляции.

— «Кинжал», он же «наконечник копья» — в действительности древний звездолет из шестимерной Вселенной, где отсутствует одно, но существенное измерение — время, просто в нашей Вселенной он принял такой облик. Ну а ваша «магическая сфера», как вы уже догадались,— свернутый компактный переход к одному из уцелевших орилоунов. То есть это еще не вход в систему метро, а как бы эскалатор к нему. Подчеркиваю: все эти объекты весьма опасны, их поведение непредсказуемо, а реализация их возможностей может доставить массу неприятностей типа «сферы Сабатини». Я удовлетворил ваше любопытство, джентльмены? Тогда прощайте.

Лондон встал, собрал в карман, казавшийся безразмерным, все находки Шаламова, шагнул к холодно мерцавшей трубе входа в «струну» орилоунского метро.

— Минуту,— раздался в наступившей тишине голос Мальгина.— Майкл, оставьте нам эту «дверь»... э-э, эскалатор.

Лондон отрицательно качнул головой. Мальгин напрягся, странным образом поголубел, волосы его затрещали золотистыми искорками, и в тот же момент туманный столб над столом превратился в знакомую сферу со звездами внутри.

Лондон снова покачал головой.

— Едва ли вам удастся...

«Сфера» струйкой дыма перетекла в ладонь Мальгина. Тот улыб-

нулся глядя на Майкла снизу вверх, поиграл «сферой», то превращая ее в полосу дыма, то в кольцо, то в черную дыру.

— Оставьте ее нам, Майкл, под мою ответственность. Я смогу управлять ею без вреда для кого бы то ни было. Ведь вы давно знали, что так и будет.

Снова в глазах Лондона проглянула тоска.

— Хорошо,— сухо сказал он.— В конце концов, ваша судьба — это только в а ш а судьба. Но будьте осторожны: этот «эскалатор» принес Шаламов, и в любой момент он может выйти из него.

Струйка дыма превратилась в белесый столб. Лондон вошел в него и исчез, столб тут же сжался в «сферу», откатившуюся к стене. Джума Хан, сидевший к ней ближе всех, попытался взять ее, но у него ничего не вышло, ни с первого, ни со второго, ни с третьего раза.

— Маленько, кругленько, а за хвост не поднять,— задумчиво пробормотал Ромашин, глядя на «сферу». Перевел взгляд на побледневшего Мальгина.— Вам плохо, Клим? Может быть, действительно не стоит рисковать?

— А что мы теряем? — пробурчал Железовский, приобретая свой обычный вид.— Надо лишь подготовиться к путешествию, и вперед! Сдается мне, это был не сам Лондон, а еще один его двойник.

— Очень может быть,— сказал Мальгин, прислушиваясь к недовольному ворчанию «черного человека» в голове.— Но он не прав: наша судьба — не только н а ш а судьба...

— А когда это ты успел научиться управлять этой штукой, эскалатором?

— Управлять им действительно очень просто, хотя и надо знать ...пароль.

— Мысленное управление? Что за пароль?

— Я сам только что догадался. Эскалатор принес Шаламов, а чтобы никто кроме него не смог открыть вход, он закодировал его мысленной фразой, строкой из любимого им Верхарна: «Я — обезумевший в лесу Предвечных Числ»...

И не успело смолкнуть эхо слов Мальгина, как сгусток тьмы у кресла Джумы превратился в мерцающий туманный столб. Эскалатор приглашал всех желающих к путешествию...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Вода была теплая, ласковая, голубая и прозрачная до самого дна, ею хотелось дышать, а не купаться в ней. В этот поздний час в бассейне Управления никого не было, кроме Забавы, Власты и ее дочери, но со стороны, наверное, казалось, что он полон людей,— столько веселого шума сумела создать эта троица, заводилой которой являлась, несомненно, Карина, шестилетняя дочь Власты Бояновой.

Сначала они играли в пятнашки, потом переплывали бассейн наперегонки, ныряли с вышки, топили друг друга, кидали мяч, отдохнули немного, хотя неугомонная Карина тормошила взрослых и заставляла их играть еще и еще, так что они забывали, сколько им лет и где они работают. Закончилось все тем, что к Власте подплыла Забава и сказала, понизив голос:

— Кажется, тебя ищут.

Власта безмолвно повернула к лесенке из бассейна, зная, что предчувствия сестры всегда сбываются. Она успела постоять под душем и накинуть халат, прежде чем в помещении бассейна появился Дмитрий Столбов в строгом вечернем костюме, будто он собирался на вечер менеджмента. Впрочем, привычка инспектора одеваться в подчеркнутом деловом стиле импонировала Бояновой, как

и его манера держаться. Рацию «спрута» комиссар безопасности надевать не стала, в случае тревожных вестей, требующих оперативного вмешательства руководителя такого ранга, как она, ее бы разыскали и так.

— Что произошло? — Власта кивнула на диванчик в нише, откуда зеркало бассейна было видно, как на ладони.

Столбов, помявшись, сел.

— В общем-то, ничего страшного, хотя естественным событие назвать нельзя. Наша поднадзорная тройка — Ромашин, Железовский и Мальгин — исчезла.

— Как это понимать? — Боянова осталась спокойной, наблюдая за резвящейся дочерью.

— Они забрали Мальгина из клиники; кстати, он вылечился сам, практически без помощи врачей. Зашли к нему домой и... исчезли.

Власта оторвалась от своего занятия и посмотрела на инспектора. Тот правильно понял ее взгляд.

— Специального наблюдения за ними, конечно, никто не устанавливал, но по Мальгину проводится императив «телохранитель», отсюда и информация. Командир группы ждал сутки, потом позвонил нам. В квартире хирурга — никого! «Кузьма» — это «домовой» Мальгина — твердит, что у него нет сведений относительно местонахождения хозяина. Однако из квартиры он не выходил, это абсолютно точно.

Комиссар, казалось, не поняла, о чем идет речь.

— Может быть, они у соседей?

— Мы проверили. Они не выходили.

— Мистика!

— В мистику я не верю, но их там н е т.

— К ним никто не заходил?

— Нет. И на розыгрыш это не похоже. Я подключил к розыску научников Управления, но скорых результатов ждать не приходится. Это все, что я хотел сказать.— Столбов встал.— Извините, если потревожил.— Хотел что-то сказать, но, поколебавшись, не решился.

— Свяжитесь с Лондоном,— сказала Боянова ему в спину.— Может быть, он знает, в чем дело?

— Он не знает,— ровным голосом ответил инспектор, оглянувшись через плечо.— Я был у него, Майкл перестал быть экзосенсом, он обыкновенный человек, уравновешенный, доброжелательный и умный, но и т о л ь к о. К тому же он ничего не помнит с момента взрыва «черного человека» — дифференциальная амнезия.

— Странно. Еще несколько дней назад я слышала его предсказания и предупреждения, подтверждавшие его экстраординарные способности. Что же изменилось? Он не играет с нами?

— Вряд ли. Правда, актерские способности его нам неизвестны, но зачем ему играть? Смысл?

Боянова кивнула.

— Хорошо, идите.

Инспектор удалился, из бассейна вылезла Забава, подошла к сестре, кутавшейся в халат, села рядом.

— Что-нибудь серьезное? «Эскадроны жизни»?

— «Эскадроны» — моя постоянная тревога.

— Я слышала, председатель СЭКОНа настроен скептически относительно их опасности. Ты его мнение не разделяешь?

— Мне его отношение к этой проблеме не нравится совсем.— Власта нахмурилась, передразнила:— «Мальчики развлекаются, играют в казаков-разбойников»... Не слишком ли злые игры у этих «мальчиков»? Даже инсоэтики отмечают растущую жестокость молодежных групп вроде «эскадронов»... основанную, кстати, на культе вседозволенности. Впрочем,— Власта решительно встала, подзывая дочь,— давай переведем разговор на другую тему, не хватало еще во время отдыха продолжать деловые беседы.

— А сыщик зачем заходил?

— Исчез Мальгин.— Власта мельком посмотрела на сестру.— Хирург нейроцентра. А с ним Ромашин и Железовский...

* * *

Трансфер...

Темнота была настолько глубокой, глухой и непроницаемой, что даже Лондон ничего не видел вокруг себя, хотя его зрение было не чета человеческому, и, тем не менее, он чувствовал присутствие Нечто, вернее, Некто, ибо так «пахнуть» могло только живое существо.

Переход закончился вспышкой голубого света. Лондон оказался в сферическом помещении, напоминавшем пузырек воздуха в толще воды, на первый взгляд пустом и дымном, однако в следующий миг помещение наполнилось предметами земной бытовой обстановки — сообразно представителю расы.

Это был трансфер — транслятор перехода из «эскалаторов» в орилоунскую сеть метро, последний и единственный на всю Галактику. Майкл сделал несколько шагов по матовой пластине пола, оглянулся. В радужной оболочке полусферы — вторая полусфера скрылась под полом — медленно таяла черная клякса выхода. Никто из нее не вышел следом за человеком. Но чувства экзосенса не обманывали: кто-то приближался к этому месту и вот-вот должен был выйти. Лондон оглянулся.

В противоположной части полусферы, на полу которой выросли кресла, диван, бар, стойка виома, минибассейн в окружении пальм,

вдруг вспыхнула яркая зеленая звезда, стала расти в размерах и одновременно тускнеть, проходя гамму цвета от зеленого до фиолетового. С последней голубой вспышкой в помещение шагнул гигант в черных доспехах с человеческим лицом. Лицом Даниила Шаламова.

Черные доспехи сползли с него на пол клочьями дыма, сам он уменьшился в размерах до двухметровой высоты, но костюм его не претерпел изменений — странная шкура-балахон, напоминающая ромбовидно иссеченную морщинистую шкуру динозавра с какими-то бляшками и острыми шиповидными наростами. Псисферы вошедшего и Майкла соприкасались всего несколько сотых долей секунды, в течение которых Лондону удалось уловить лишь общий фон мышления и несколько рядов логического анализа — думал Шаламов не по-человечески, сразу о многих десятках событий,— а в следующее мгновение Шаламов заблокировал пси-выход, превратившись эмоционально и мысленно в своеобразную «черную дыру». Ни один из видов зрения, которыми владел бывший начальник отдела безопасности, не мог пробить брешь в панцире души Шаламова, к его внутреннему миру. Закрылся и Лондон, инстинктивно, повинуясь голосу осторожности, хотя он давно уже никого и ничего не боялся.

— Откуда? — спросил Шаламов мысленно.

— Оттуда,— ответил Лондон тем же манером.

— Тянет к семье?

— Иногда, но это не главная причина. К тому же дома мне появляться нельзя.

— Боишься испугать?

— Боюсь остаться. А оставаться мне не даст память того, что я уже видел. Я — садху, странник, и не хочу иной доли.

— Перекати-поле...

— Что?.. Ах да.. ты прав, но, наверное, мы оба — перекати-поле. К сожалению, я поздно понял, что тот, кто вкусил странствий, обречен на вечные скитания.

— Но как же дочь, жена?

— Они счастливы, потому что...

— Двойник,— догадался Шаламов.

— Одна из линий «я», вполне качественная... почти человек. Но я сделал так, что он будет стариться, как и все. Почему бы тебе не сделать то же самое?

Шаламов не ответил, странно переваливаясь с ноги на ногу, прошел на середину помещения, поманил кого-то — Лондон услышал пси-зов,— и в помещение трансфера просочилась струя полупрозрачного желе-тумана, сформировалась в переливчатое искристое облако. Майкл с удивлением узнал в нем миллионноглазого орилоунского призрака, который спас его когда-то от взрыва «чер-

ного человека». Правда, сейчас «призрак» на облако с глазами не походил, вернее, «глаза» его на самом деле только казались людям, он таким образом влиял на их подсознание, но Лондону он представлялся иным: воображение, опирающееся на информацию многих нечеловеческих органов чувств, рисовало настороженно дремлющее гигантское существо, получеловека — полуосьминога, в котором прятались жуткая, потрясающая мощь и не менее жуткая, непредсказуемая тайна инобытия.

— Богоид! — пробормотал Лондон.— Я потерял его еще летом... Где ты его отыскал? Или наоборот — он тебя?

Шаламов раздвинул в улыбке бледные губы:

— Удивительная вещь — я тоже называю его богоидом.

— Значит, кто-то внутри него хочет, чтобы мы называли именно так... Хотя я не очень хорошо понимаю, что это означает. А ты?

— Зачем тебе мое понимание? Да, я знаю, что такое богоид. Но, извини, тороплюсь. До новых встреч на тропах Вершителей.

— Погоди.— Лондон раздумывал мгновение.— Я знаю, что ты идешь на Землю, и не собираюсь тебя отговаривать, но хорошо ли ты взвесил последствия своего появления там?

Глаза Шаламова вспыхнули, угроза, излученная ими, была ощутимо тяжела и материальна, как пощечина. Голова Лондона загудела, как железная бочка от удара палкой — так образно можно было выразить его ощущения. Одновременно произошла трансформация тела бывшего курьера-спасателя: ноги его совсем исчезли, как бы срослись, талия тоже исчезла, руки превратились в гребнистые наросты, голова ушла в плечи... Длилось это всего несколько мгновений, затем тело восстановило свою прежнюю форму, близкую человеческой, но Лондон уже понял, что это сработала вторая половина сознания Шаламова, «я» «черного человека», что означало: расщепление личности Даниила завершилось и он уже не контролирует себя как человек.

— Пойми меня правильно,— очень мягко сказал Лондон.— Ты изменился, по сравнению с любым человеком ты — что жук-дровосек по сравнению с муравьем, как образно выразился кто-то из писателей, и должен теперь рассчитывать...

— Никому я ничего не должен,— скрипучим голосом перебил Майкла Шаламов.— И не надо проповедей, я и сам могу быть проповедником.

— И все же...— Лондон мог быть терпеливым и упорным до любого опасного уровня, когда дело касалось защиты других людей, хотя и понимал, что настоящая его попытка воззвать к разуму Даниила — не более, чем инерция человечности, остатки запасов добра и гуманизма.— Ведь тебя тоже тянет не к людям вообще? Тебе нужна Купава, и ты идешь к ней, так? Зачем?

Шаламов с минуту не сводил своего угрюмого взгляда с лица

собеседника, отвернулся, протопал к противоположной стене помещения, в которой запульсировала алая окружность, бросил через плечо:

— А ты считаешь, что я исчерпал лимит поцелуев и ласки? Купава ждет меня...

— Уже не ждет, ведь ты сам сказал ей, что не вернешься.

— Ждет,— упрямо проговорил Шаламов.— А если нет...

— Что тогда? Ты заберешь ее с собой силой, оторвешь от ребенка? Заставишь любить себя, упыря? Превратишь в подобие себя и этим осчастливишь? — Лондон ощутил в душе прилив гнева и неприязни.— Или убьешь?

Шаламов медленно повернулся, снова бездонные глаза его осветились угрозой.

— Ты мне больше такого не говори... садху! Моему терпению тоже может прийти конец, я не посмотрю, что мы... коллеги. Обходи меня стороной, если встретишь. Купава — моя жена и принадлежит мне, понял? Мне!

Лондон молчал. Угроз Шаламова он не боялся, но спорить с ним в момент, когда тот собирался идти на Землю, значило усугубить разлад в его душе, а если Даниил закусит удила, кто его остановит? И что он натворит?

— Будь осторожен,— тихо сказал Майкл.— Я не хотел тебя обидеть, но не причиняй зла ничего не подозревающим людям, и особенно Купаве... если ты действительно ее любишь.

Шаламов вошел в стену, исчез, за ним испарилось и переливчатое облако богоида, только волна холодного ветра пробежала по залу. Лондон присел на выросший по его желанию из пола стул, задумался, не зная, продолжать ли свой путь или предупредить кого-нибудь на Земле о появлении экзосенса...

* * *

Он вышел из «эскалатора» в чужой квартире, а не в своей, как ожидал, и уже через полминуты понял, что это квартира Мальгина. Слепая ярость горячей волной ударила в голову, затопила сознание, оборвала способность мыслить в человеческой плоскости, а когда Шаламов очнулся, гостиная, в которой находился кокон «эскалатора», предстала взору в таком виде, будто через нее проскакала мамаева конница: дверцы шкафов вогнуты и расколоты, вещи разбросаны и растоптаны, стол опрокинут, пси-вириал «домового» разбит вдребезги...

— Черт! — сказал Шаламов равнодушно, обращаясь к висящему посреди комнаты облаку богоида,— опять перестарался. Этот Мальгин меня с ума сведет когда-нибудь! Что, не одобряешь?

Богоид, как всегда, ответил на своем абракадабрском языке: в голове Шаламова, на всех его уровнях сознания, заискрились звезды, замелькали цветные сполохи, зазвенели колокольчики, медными голосами отозвались трубы и литавры...

— Понятно,— буркнул Шаламов.— Безнадежен. Отвязался бы ты от меня, мешок, а? Надоел хуже горькой редьки! Как я с тобой в обществе появлюсь?

Облако богоида вдруг помутнело, тысячи мигающих человеческих глаз проступили внутри него сквозь белесый туман, и в следующее мгновение оно пропало, породив слабую волну холодного ветра.

Шаламов прошелся по комнатам квартиры Мальгина, принюхиваясь: Купавой не пахло. Во всяком случае, она не появлялась здесь давно. Пожав плечами, Даниил спрятал в сумку сферу «эскалатора» и, размышляя, каким образом она могла оказаться в чужом доме, вышел из квартиры. Одежда на нем превратилась в пятнистый комбинезон со множеством кармашков, молний, антенн и светящихся глазков, но прохожих удивить таким костюмом было невозможно, они привыкли и к более экстравагантным одеяниям.

Через полчаса Даниил вышел из второго метро Брянска, добрался до своего современного дома, где должна была жить Купава, и проник в квартиру, не ожидая приятных встреч, так как код замка был изменен. Правда, его это не остановило.

В гостиной он увидел компанию веселящихся молодых людей, соединенных эмканами в одну эмоциогруппу: все пятеро — две девушки и три парня — смотрели, слушали и переживали какой-то эротический наркоклип. По мгновенно установившейся тишине Шаламов понял, что его не ждали.

— О, еще один заблудший! — воскликнул один из юношей, черноволосый и черноглазый, с тонким и жестким ртом.— Как он вошел? Селим, ты что, дверь забыл закрыть? Старичок, выйди отсюда тем же манером, как и зашел.

Шаламов молча проследовал в спальню, потом на кухню: Купавы не было, и, судя по всему, дома она не появлялась уже давно, недели две. Исчезли и подарки, которые Даниил дарил ей в прошлые посещения, и хотя он принес еще несколько любопытных вещиц, судьба первых взволновала его. Очнулся он от удара по плечу, оглянулся. Здоровый парень, шире его в полтора раза, недоуменно разглядывал ушибленную руку. Опомнился, в глазах его сквозь проходящую эйфорическую дрему проглянула озабоченность.

— Что тебе надо, сейфмен? Это чужая квартира...

Шаламов пошел к двери, зацепив парня так, что тот врезался в панель кухонного комбайна, остановился перед вскочившими молодыми людьми.

— Где Купава?

— Она же в...— пискнула одна из девиц, одетая в прозрачную

блузку и меняющие плотность и цвет футы, не договорила — черноволосый легонько ударил ее по губам. Видимо, он ничего еще не понял, «плывущее» после наркоклипа сознание не смогло оценить ситуацию, возобладали гонор и опьянение вседозволенностью, свойственное молодежным лидерам подобных компаний.

— Слушай, сейф, топал бы ты отсюда? — сказал он хрипловатым фальцетом, не обращая внимания на жестикуляцию здоровяка.— Врываешься в дом, ищешь чего-то, не спрашивая нас. Купава здесь больше не живет, и мы не знаем, где она. Что вылупился?

Снова кровь кипящей лавой ярости ударила в голову Шаламова, оборвала тихие переговоры десятков «я» между собой, превратила день в ночь. Когда он очнулся, в квартире никого не оказалось, пеномебель была разбросана по гостиной, на полу валялась чья-то «живая» одежда, посуда, бутылки, еда, кассеты. Аппаратура псипроекции превратилась в ковер хрустящих под каблуком обломков, уцелел лишь позванивающий грибок «домового» в углу.

Голова кружилась, поташнивало,— давали знать себя последствия чисто человеческого нервного срыва. Шаламов почувствовал мимолетный укол раскаяния, сменившийся ожесточением, которое тоже не длилось долго: в голове лопнула «почка» странных ощущений, и следом по бушующему океану настроения разлилась масляная пленка равнодушия — это сработал переключатель уровней сознания, перекидывающий мостик чувств и мышления к «черному человеку».

Шаламов выпил все запасы напитков в холодильнике от минеральной воды до шипучего киа-ора, прибрал в гостиной, повинуясь слабому голосу инстинкта, выложил из карманов в шкаф новые забавные безделушки, которые принес для Купавы, и занялся «домовым». Спустя несколько минут он узнал, что Купава дважды побывала в клинике после сеансов ви-наркосенсорики, что ее оперировал Мальгин, с трудом вытянув из трясины иллюзорного бытия, и что в настоящий момент она вместе с дочерью находится у отца Клима, на хуторе Вщиж.

Это известие возбудило у Шаламова царапающее душу чувство неприязни и самолюбие, душа снова закипела, жаждая мести и немедленных действий. Гипертрофированная нервная система слишком быстро и резко реагировала на раздражители, в то время как воля почти утратила способность контролировать психику, а главное, все эти негативные качества усугублялись, во-первых, частыми прорывами в сферу сознания эмоций маатанина, основными из которых были равнодушие к живым существам вообще и к людям в частности, презрение к попыткам накопления людьми знаний, и, во-вторых, раздробленностью личности бывшего спасателя на несколько ущербных «я», конкурирующих между собой. Хотя сам Шаламов об этом не знал, вернее, не задумывался.

Такси доставило его от метро к дому отца Мальгина поздно вечером, и уже подлетая к дому, Шаламов вдруг услышал тихий пси-вызов: словно кто-то вскрикнул в испуге, не то ребенок, не то звереныш...

2

Инспектор криминального розыска службы безопасности Дмитрий Столбов не был флегматиком, но всегда считал своим девизом: «Лучшее — враг хорошего». Он не разволновался бы, узнав до окончания следствия, что можно было бы начать сначала и выполнить работу значительно быстрее и без ошибок, но он знал также, что хорошо закончить дело важнее, чем хорошо его начать. Как инспектор Столбов был добросовестным ремесленником в лучшем смысле этого слова, обладая неплохой интуицией и запасом фантазии, и работал он, руководствуясь старым мудрым правилом: «Семь раз отмерь, один — отрежь». Главными чертами его характера были обстоятельность, дотошность, выдержка и вежливость.

В это утро начала февраля он встал рано, приготовил завтрак, не будя жену, проверил связь с дежурным — рацию «спрута» он не снимал даже ночью — и отправился исполнять составленную вечером программу дня с визита к Майклу Лондону, проживающему с семьей в Лос-Анжелесе. По пути он не пытался составить схему разговора или прикинуть результаты визита, и не потому, что верил в свою реакцию и не боялся рисковать, а в силу природного дара коммуникабельности.

Из метро Лос-Анжелеса он вышел в шестом часу вечера по местному времени, а так как зимние сумерки сгущаются быстро, то к дому Лондонов такси доставило его уже в темноте. С букетиком цветов в руке он позвонил.

Майкл был дома, возился в спальне дочери, монтируя видеопласт, и визиту следователя не удивился.

— Чайком попотчуете? — осведомился Столбов с улыбкой.

— Непременно,— ответил Лондон. Взяв цветы и пояснив, что дочь и жена приходят позже, он усадил инспектора в гостиной, извинился и появился уже умытым и переодетым, ведя за собой домашнего киба с подносом, на котором золотилась горка пышек и стоял кофейник.

Молча выпили по стакану кофе, затем Лондон отослал киба и обратил внимательный взор на инспектора, которому импонировал такой подход к гостю. К тому же представляться не было нужды, Лондон знал всех своих бывших подчиненных.

Что-то смущало Столбова в поведении хозяина, но это что-то не было связано с ощущением опасности или тревоги, и Дмитрий

впервые пожалел, что он не интрасенс. По данным статотдела он знал, что Лондон перед уходом с Земли сконструировал себе много новых органов чувств и биологических приспособлений, не реализованных в человеке природой, однако после своего окончательного прибытия домой ни разу не демонстрировал эти «приспособления» в действии, и в отделе никто толком не знал, сохранил ли Майкл свои возможности или утратил навеки. Во всяком случае, высокоточная аппаратура никаких признаков работы новых органов чувств не отметила, дополнительных полей и излучений вокруг Лондона не регистрировала, в том числе и наличия мощного пси-поля: Лондон вернулся из своих странствий обыкновенным человеком. Но поговорить с ним еще раз стоило.

— Прошу прощения за неожиданный визит,— начал Столбов деликатно.— Майкл, следственная обойма занимается сейчас по императиву «Сын сумерек», и у нас появилось несколько вопросов, на которые мы надеемся получить ответы. Если вы посчитаете, что пора оставить вас в покое — коллеги уже были у вас и, наверное, успели надоесть,— я тут же уйду.

— Отчего же, спрашивайте.— Лондон откинулся в кресле, закинул ногу за ногу и оплел колено пальцами. Лицо его осталось безмятежно спокойным, уверенным и одновременно каким-то расслабленно добрым.

Столбов поймал наконец мысль, которая его смущала: прежний Лондон никогда не позволял себе расслабляться.

— «Сын сумерек» — это код дела Шаламова?

— Да. А вопросы такие. Первый: вы встречали Даниила в... там, во время своих путешествий?

— Не помню,— ответил Лондон, с сочувствием глядя на инспектора.— Я в самом деле ничего не помню с момента взрыва «черного человека». Если хотите, можете сделать психондаж.

— Зачем, никто не сомневается в вашей искренности. Вопрос второй: существует ли способ проникновения в сеть орилоунского метро не через самих орилоунов? Дело в том, что знакомые вам Ромашин, Мальгин, Железовский и Джума Хан... э-э, исчезли из квартиры Мальгина, как по мановению волшебной палочки. Вошли и... в квартире их нет, но из дома они не выходили.

Лондон кивнул.

— Если это так, значит, такой способ существует.— Он подумал немного.— Но я его не знаю. Мальгин ведь тоже не... м-м, простой... не совсем простой человек, он мог найти свое решение проблемы или узнать его от Шаламова.

Настала очередь Столбова размышлять.

— В этом что-то есть,— признался он, спустя минуту.— И последний вопрос: с вами никто из этой четверки не беседовал до их... побега?

— Клим Мальгин. По-видимому, он до сих пор ошарашен тем, что смог вытянуть меня из объятий Танатоса [1], я чувствовал его недоверие и изумление. Но говорили мы очень мало, буквально две минуты.

— А кто вам сказал, что оперировал вас именно Мальгин?

Брови Лондона поползли вверх.

— Катя, жена. А разве это не так? Я позвонил в институт нейрохирургии, и Гиппократ, инк института, подтвердил слова жены. Поблагодарить хирурга я сразу не смог, а потом он сам позвонил. Вас что-то смущает?

Столбов перевел дыхание. Услышать подобное он не ожидал, ибо точно знал, что никто Лондона не оперировал. Откуда же у Гиппократа оказалась «запись операции»?

— А как ваша жена? — Вопрос был не совсем тактичным и вырвался непроизвольно, Столбов тут же пожалел об этом, но хозяин по-прежнему оставался ровным и доброжелательным, обладая терпением и выдержкой инка.

— Нормально жена.— Лондон едва заметно улыбнулся.— Если хотите, подождите, она придет через час.

— Спасибо, времени у меня, как всегда, кот наплакал.— Столбов поднялся, за ним встал Майкл, проводил до двери.

— Заходите, мы всегда рады гостям. Извините, если ничем не помог. Буду нужен, звоните.

— У меня остается одна просьба: если позвонит Шаламов или кто-то из тех, кого я называл...

— О'кей, я дам знать.

Через четверть часа Столбов входил в здание метро Лос-Анжелеса, откуда перенесся в Европу, в Деснянск, где утро еще только начиналось.

В Управлении его ждали новости от коллег, занимающихся сбором «рассеянной» информации.

Во-первых, квартиру Мальгина посетил некий необычный персонаж, после коего в комнатах все оказалось перевернутым и разбитым. «Зело сердит был»,— как сказал один из оперативников. Следов, однако, по которым можно было бы идентифицировать сердитого гостя, он не оставил. Во-вторых, сработало «ухо» — датчик пси-излучения, настроенный на частоты, которые не генерировал человеческий мозг. Датчик был оставлен в квартире Шаламова для перестраховки, в него никто не верил, поэтому и среагировали на его сигнал с опозданием в час: когда обойма риска прибыла к дому Шаламова, в квартире уже никого не было Правда, соседи слышали шум, крики, а один из них видел бежавших по лестнице молодых людей с белыми от ужаса лицами.

---

[1] Бог смерти *(греч.)*.

Столбов умел сопоставлять факты и, добравшись до кабинета, с ходу выдал в эфир «ЗОВ первой степени». Через три минуты, мобилизованный сигналом закона особого внимания, отдел безопасности начал отработку императива под кодовым названием «Сын сумерек», а еще через минуту в сектор кримрозыска позвонила Боянова.

Комиссар уже была в курсе событий, поэтому вопросов не задавала, а просто предупредила о возможных последствиях контакта с Шаламовым.

— Ни в коем случае не задерживать,— закончила она.— Вести наблюдение с помощью всех доступных средств и только, пока не убедимся в его... м-м, мирных намерениях. Что вы намерены предпринять?

— Проверим всю его линию родственников, а также родню Купавы, затем друзей, знакомых. В квартире через «домового» оставим записку, чтобы Даниил позвонил нам.

— Найдите отца Мальгина, Шаламов может посетить его, и срочно разработайте логико-смысловую модель действий Шаламова на Земле, в том числе — при контакте с ним. В случае необходимости введем в действие комплекс мер ВВУ [1].

Свет в кабинете погас, напротив рабочего стола Столбова возникло изображение голубого многолапого паучка — прогноз-схема расследования дела «Сын сумерек», затем рядом вырос еще один «паучок», сотканный из оранжевой вуали,— схема оперативно-тактических мероприятий службы безопасности по форме «ЗОВ первой степени». Столбов совместил схемы и придирчиво сравнил пересечение и взаимопереход операций, отметив наиболее ответственные узлы с точной разбивкой по времени и в пространстве. Система конденсированного опыта позволяла оперировать будущими событиями с весьма высокой степенью вероятности, однако всего предусмотреть не могли ни люди, ни инки.

Поговорив с коллегами по динго-связи: казалось, что в кабинете собрались все семеро работников розыскной обоймы, хотя каждый из них находился в это время в другом месте,— Столбов взял на себя встречи с Карой Чокой, женой Джумы Хана, и с отцом Мальгина, проживающим в древней заповедной зоне Брянщины, на хуторе Вщиж.

По данным КСС — отдела компьютерной службы статистики Карой Чокой находилась в данный момент на борту станции «Эдип-2», использующейся в качестве исследовательской базы в системе Маата, и чтобы добраться туда, требовалось не менее часа, несмотря на канал метро. Подумав немного, Столбов решил обойтись разговором по консорт-линии, позволявшей сохранить пере-

---

[1] ВВУ — внезапно возникшая угроза, комплекс мер специально разработанного императива.

говоры в тайне от любопытных, хотя в общем-то никаких секретов этой беседой инспектор и не раскрывал. Кроме одного: об исчезновении Джумы Хана со своими приятелями.

Дежурный принял заказ деловито и дал связь с «Эдип-2» через шесть минут. Столбову повезло: Карой находилась на станции, а не в экспедиции на планете. Женщина была очень красива, это инспектор отметил сразу, без колебаний. Красота ее представлялась яркой и броской, так что глаз нельзя было отвести от смуглого точеного лица с бровями-крыльями, но в глазах помимо недоумения, связанного с вызовом, Дмитрий прочитал необычную для женщин подобного типа печаль.

— Прошу прощения за беспокойство,— начал Столбов со стандартной формулы вежливости.— Я Дмитрий Столбов, инспектор-официал кримрозыска Б. Как вы отнесетесь к тому, что я задам вам несколько вопросов?

— Положительно. А что случилось? — Голос у Карой был низкий, грудной, глубокого бархатного тембра, красивый, под стать облику.

— Серьезного — ничего, я все объясню. Каким образом вы, нейрохимик с именем, оказались на «Эдипе» в обществе ксенологов? Временная смена профессии или?..

— Или,— спокойно кивнула женщина.— Иногда необходима резкая смена амплуа, особенно во времена... душевной непогоды. Это личное.

— Вы правы, смена образа жизни иной раз является подарком судьбы. Я знаю многих людей, поменявших профессию временно или навсегда: Ромашин, Лондон, Мальгин.— Столбов помолчал.— Джума Хан. Кстати, вы давно его видели?

Брови Карой сдвинулись.

— Вчера. Говорите! Я уже поняла, что с ним что-то стряслось.

— Он исчез и вместе с ним еще трое общих знакомых: Ромашин, Железовский и Мальгин. Прямо из квартиры нейрохирурга.

— И Клим тоже? Из квартиры? Вы шутите!

— К сожалению, не шучу. Майкл Лондон, у которого я только что побывал, предположил, что все четверо нашли какой-то выход в систему орилоунского метро, они давно его искали.

— Зачем?

— По разным причинам, среди которых основная — поиски Шаламова. К слову сказать, вы ведь свидетель «рождения» Лондона-экзосенса и должны помнить, что он себя «усовершенствовал»...

— Все данные по этому вопросу остались в памяти Гиппократа, институтского инка, где работает... работал Клим, но я тоже помню: заслонки на ушах, радиоглаз на темени, дополнительные зрачки в глазах для приема инфракрасного и ультрафиолетового излучения...

Столбов кивнул.

— Ничего подобного у него нет. По крайней мере, я не увидел, как не видят жена и дочь. Или он их... потерял, скажем так, или «спрятал поглубже», хотя впечатление производит самое обыкновенное, без примеси пси-мистики.

Карой улыбнулась.

— Интересное сравнение. Значит, вы считаете, что Джума... и иже с ним, ушли на Орилоух?

— Не знаю, поэтому и спрашиваю вас. Джума ничего не говорил о своих планах?

На секунду женщина пропала из поля зрения видеокамеры, появилась вновь.

— Простите. Нет, ничего. Во всяком случае, о встрече с Климом... Мальгиным он не сказал ни слова.

— Тогда у меня все, извините, что оторвал от дел.

Разговор закончился. На очереди была встреча с отцом Клима Мальгина, и Столбов, с удовольствием выцедив стакан холодного кофе, не стал задерживаться в Управлении.

Макар Мальгин жил на хуторе Вщиж в коттедже старославянского типа, расположенном в Брянских лесах на берегу небольшой реки Десны. Дмитрий не удержался и облетел его кругом, отметив наличие ухоженного сада, небольшого огорода и усадьбы с домашними животными. Как видно, Мальгин-старший любил хозяйствовать и умел работать; инспектор знал, как много внимания и сил отнимает такое хозяйство, несмотря на современную технику и компьютерное управление.

Хозяин встретил его на лужайке у дома, заметив серебристый взблеск севшего у мачты ветряка такси. Смотрел исподлобья, оценивающе, но потом, наверное, сообразил, кто его навестил, и, после представления Столбова, повел гостя в дом. Дмитрий на ходу приглядел ся к старику, составляя эмоциональный портрет в сравнении с тем впечатлением, какое оказывал Мальгин-младший, и сделал вывод, что сын на отца похож только внешне: Клим слыл натурой сильной, жесткой, суровой, решительной и властной, а отец его производил впечатление человека мягкого, доброго и отзывчивого, хотя и сдержанного, но сдержанность его граничила с замкнутостью. Впрочем, может быть, он стеснялся незнакомого человека.

— Не откажетесь пообедать? — утвердительно сказал Мальгин, пропуская гостя вперед. Они прошли анфиладу комнат. Три из них представляли великолепную библиотеку, и Мальгин-старший приостановился:

— Здесь около десяти тысяч книг, в том числе и старинных, трехвековой давности. Что поделаешь, мой дед был библиоманом, отец тоже библиофил, а я в них уродился. Клим в свое время покопался в библиотеке, да и сейчас наведывается, но собирателем не стал.

Столбов только с завистью качнул головой в ответ.

В гостиной он стал с любопытством оглядываться по сторонам, пока хозяин давал распоряжение «домовому». Гостиная была вполне современной, стандартной, если можно было стандартом называть уют и красоту, выраженные интерьером. Мебель здесь выращивалась мысленным усилием по заложенным в бытовое оборудование программам, и в данный момент она представляла собой русский ампир девятнадцатого века: стулья с инкрустациями, кресла греческих линий, круглый стол на треугольной опоре, банкетка, шкаф — все окрашено в белый цвет и обработано золоченой резьбой. Стены украшали картины в резных рамах, тоже дань эпохе ранней славянской истории: копии полотен Никитина, Рокотова, Боровиковского, Алексеева, Щедрина,— зато в углу, солныше, как его называли на Руси издревле, висела подлинная старинная икона с дорогим серебряным окладом — настоящая реликвия! Столбов двинулся было к ней, чтобы полюбоваться вблизи, как вдруг почувствовал еле уловимый, знакомый и в то же время незнакомый, дразнящий запах. И мгновенно понял, что в доме недавно побывал Шаламов. Вывод пришел сам собой, сработала интуиция, хотя Столбов и не был интрасенсом.

В комнату вкатился домашний киб с подносами, ловко расставил на прозрачной пластине обеденного стола тарелки: салат из репы, фасолевый суп, грибная солянка, фаршированный перец и пирог с яблоками. Напитков было два: селем и компот из дыни, а Мальгин принес еще и бутылку крымского вина «Мускат белый красного камня».

— Кулинария — моя слабость,— признался хозяин смущенно, открывая вино.— Обслуживание в наших ресторанах достигло такого уровня, что посетитель встает сытым из-за стола почти при пустом желудке, но я таких приемов не люблю.

Выпили, приступили к трапезе. Столбов не был гурманом, но и он не ожидал, что обед будет таким плотным и вкусным, поэтому ел медленно, с удовольствием. Киб унес посуду, оставив напитки, и Мальгин глянул на инспектора.

— Кто вас интересует конкретно, Дмитрий? Сын, его жена или Дан Шаламов?

— Шаламов,— пробормотал Столбов, пораженный проницательностью старика, поправился:— Вообще-то, все трое. Даниил был у вас?

— Час назад. Искал Купаву. Я не знаю, где она... ушла, к сожалению.— Мальгин поморщился, в глазах его промелькнули растерянность и беспомощность.— Забрала дочь и ушла. Даниил поверил, хотя взгляд у него...— Старик пожевал губами.— Как темный колодец, в котором живет голодный, чудовищный, незнакомый зверь.

— В народе говорят: волком глядеть...

— Нет, взгляд Дана настолько необычен, что я даже не смогу подобрать метафору. Это взгляд... Люцифера... упыря, а не человека! Извините за эмоциональную речь, просто я до сих пор еще не пришел в себя.

— Куда он мог пойти?

— Не знаю. Будет искать Купаву, коль начал, хотя я... сказал ему, чтобы он лучше нашел Клима, а потом уж пугал жену.

— А где Клим? Он звонил вам?

— Вчера... нет, позавчера вечером, собирался зайти. Дома он, наверное, или в институте, где еще ему быть?

Столбов поднялся.

— Что ж, спасибо за хлеб-соль, давненько не едал так вкусно и сытно, все время ем на бегу. Если позвонит Клим или Дан...

— Позвоню.

Садясь в такси, Столбов оглянулся: Мальгин-старший смотрел ему вслед хмуро и холодно, и было видно, что его гложут сомнения. Он сейчас так походил на сына, что невозможно было ошибиться.

О своей удаче инспектор сообщил координатору уже в воздухе, и дальнейшее развитие событий могло его не волновать: за дело бралась вторая обойма оперативного розыска, способная отыскать иголку в стоге сена, не то что человека по горячим следам. Оставалось ждать результата и еще и еще раз прогонять модель контакта с Шаламовым, корректируя ее в зависимости от поступающей информации и надеясь на благополучный исход. Однако у Дмитрия возникла идея, и не поделиться ею с инком он не мог: найти Купаву первыми и ждать Шаламова у нее.

Инспектор был разумным оптимистом и верил в разрешимость любого ненадуманного конфликта, везде, где можно, применяя известную формулу ксенопсихологов: «В жизни всегда есть место компромиссу».

3

Ландсберг, как всегда, был исключительно любезен, корректен, обаятелен. Да и одевался он в соответствии с модой, обладая хорошим вкусом, что всегда действует на умного собеседника положительно. И все же что-то в председателе СЭКОНа не нравилось Бояновой, а что именно — объяснить себе она не могла.

Комиссар только что провела сеанс комп-анализа работы отдела в многовекторной сфере связей, и мысли ее все еще вращались вокруг важнейших проблем, одной из которых была проблема социоэтических отклонений в обществе, порождающих прогрессирующее отчуждение молодежи от интеллектуальных и творческих задач. Появление в Управлении в этот момент Ландсберга отвлекало, и

Боянова не смогла выдержать ровный тон. Правда, посетителя это не смутило.

— Вы, как всегда, очаровательны, Власта. Я здесь пробегом и не задержу надолго. Давно не получал от вас вестей о наших подопечных: Мальгине, Лондоне, Шаламове. Я слышал, Даниил появился на Земле?

— От кого? — Боянова с неприятным удивлением посмотрела на Ландсберга, не предлагая ему сесть.

— Слухом земля полнится. Вы его еще не разыскали? Учтите, Власта, Шаламов — это на сегодняшний день ваша главнейшая забота! От того, как мы сработаем по нему, зависит безопасность многих сотен людей.

— Во-первых, для меня это не главнейшая забота, а, во-вторых, затронутые вами имена — моя область ответственности.— Боянова сделала ударение на слове «моя».

— Разумеется.— Председатель СЭКОНа поднял руки вверх.— Я не спорю, но не стоит преуменьшать значение поступков таких людей, как Шаламов и Мальгин, наделенных нечеловеческими способностями. Это потенциальная угроза человечеству, и вы это прекрасно понимаете. Впрочем, не только экзосенсы, но и отряд интрасенсов тоже способен привнести смуту в нормальную жизнь общества. Я склонен верить некоторым ученым, утверждающим, что интрасенсы — наметившаяся тенденция вырождения человечества.

— У меня иная точка зрения,— сухо ответила Боянова.

Ландсберг прижал руки к груди.

— Ради бога, Власта, я никоим образом не настаиваю на своей, однако нам с вами необходимо перестраховываться в подобных вопросах, ибо отвечаем мы за безопасность цивилизации одинаково. Я отношусь к интрасенсам нормально, но они начинают переступать границы этических норм. Вы знаете, что они направили письмо в Совет безопасности с предупреждением «постоять за себя», если служба безопасности не примет мер в ответ на провокации в их адрес?

— Я читала письмо. Они правы.

— Допустим, это спорный вопрос, у большинства людей иное мнение. Письмо есть замаскированная угроза в наш адрес.

— Береза — не угроза, где стоит, там и шумит,— ответила Боянова пословицей, не принимая предположения Ландсберга всерьез.— Но это предмет отдельного разговора.

— Согласен. Кстати, вы свободны сегодня вечером? Я заказал столик в «Олимпиакосе», можем поужинать.

— Если освобожусь, позвоните в половине восьмого.

Председатель СЭКОНа поклонился, пряча усмешку в глазах, и вышел, элегантный, уверенный в себе, сдержанный, с легким налетом высокомерия, и Боянова тут же забыла о нем, как о досадной,

но легкоустранимой помехе. Она любила работать в одиночестве, опираясь на опыт, запас знаний и быстродействие инка, и лишь по особой необходимости вызывала заместителей и дежурных по Управлению.

После одиннадцати позвонил Шевчук. Его динго-призрак, казалось, заполнил собой кабинет, настолько заместитель комиссара был колоритен и объемен. Поскольку оперативные сведения о работе секторов и комиссий поступали комиссару постоянно и своевременно, то есть она всегда была в курсе событий, то ее беседы с заместителями и начальниками секторов носили консультативный характер, если же звонил кто-то из аппарата тактического руководства, это означало, что требуется согласование планов — тактического и стратегического. Но Шевчук искал комиссара по другому поводу.

— Космос настолько прозрачен и чист,— сказал он,— что это невольно вселяет беспокойство. Все наши векторы прежних тревог уперлись в глухие тупики: Маат и Орилоух опустели, «серая дыра» закрылась, Сфера Дайсона еще ничем себя не проявила и особой опасности для исследователей не представляет. Только эйнсоф, пресловутая «сфера Сабатини», требует внимания, да и она относится больше к планетарной службе, а не пограничной. Мне кажется, назревают какие-то события, но какие именно — неизвестно.

— У меня такое же ощущение,— призналась Власта, относив-шая Алексея Шевчука, к разряду своих редких друзей.— Разве что область тревог моих земная: в обществе растет смута, странный духовный раскол, кампания против интрасенсов усиливается, а для качественного эф-анализа, чем это все закончится, не хватает данных. Прогностический шум слишком велик, varia bles [1] растут в геометрической прогрессии, добиться максимально возможного сокращения альтернатив не удается, и в результате получается головная боль, а не прогноз...— Боянова прервала речь, хотя Шевчук слушал ее с невозмутимым видом. От его крепкой фигуры исходила успокаивающая уверенность и сила.

— Тебя беспокоит не только это,— сказал он.— Шаламов?

— Он — в последнюю очередь. В конце концов, Шаламов — одиночка, пусть и с экстразадатками, справиться с ним, если он поведет себя ненормально, мы сможем.

— Даже если Мальгин и Лондон примут его сторону?

Боянова покачала головой, вспоминая недавние предостережения Майкла и просьбу Мальгина взять на время отпуск.

— Лондон, который вернулся, не станет на сторону Шаламова... если только это настоящий Лондон, а Мальгин... его я знаю мало, но зато знают другие, которым я доверяю, а они верят ему. Хотела бы я знать, где они сейчас: Мальгин, Железовский, твой любимый

---

[1] Случайные переменные *(англ.)*.

Джума Хан и Ромашин.— Власта снова покачала головой.— Ах, экс-комиссар, экс-комиссар, неужели это снова твоя затея?

— Почему именно его?

— Не доверяю я ему, Алекс, не доверяю и все тут. Авантюрист он, рисконавт высшей пробы, готовый ради проверки идеи на непрогнозируемые сверхрисковые поступки, могущие повлечь за собой человеческие жертвы.

— По-моему, ты к нему придираешься. Я работал с ним четыре года, это человек чести и большого личного мужества, ну а его проколы... кто из нас не рискует? Кто хоть раз не ошибался?

— Профессионалы ошибаться не должны. Но Бог с ним, Ромашиным. Обойма сыщиков, кажется, вышла на Шаламова: сомнений нет, он на Земле. Думаю, скоро его вычислят, и мы посмотрим, насколько истинны подозрения Ландсберга.— Боянова поморщилась, щелкнула пальцами, улыбка пробежала по ее губам.— Вот загадочный человек. Ухаживает за мной, но как-то по-иезуитски робко, не по-мужски, но зато лихо провоцирует на язвительный отпор.

— Чтобы ухаживать за тобой по-мужски,— пробурчал Шевчук,— надо быть по крайней мере интрасенсом. О каких провокациях речь?

— Он вдруг воспылал негодованием к предупреждению интрасенсов, как бы оправдывая их оппонентов. Оправдывает он и деятельность молодежных формаций типа «эскадронов жизни», вернее, их охранников — брейкеров. «Мальчики шалят от избытка сил»,— передразнила Власта Ландсберга.— Не понимаю я его. Кинет фразу и ждет моей реакции, а что прячется за этим — неизвестно. Даже иногда жаль становится, что я не интрасенс, давно прочитала бы, что у него на душе.

— Разве в твоей команде нет интрасенсов? Дай задание провести психондаж...— Шевчук замолчал и поторопился оправдаться, заметив сдвинувшиеся брови женщины.— Я пошутил. Ландсберг мне тоже не слишком нравится, но работать он умеет. Познакомь с ним свою сестру, она быстро разберется, что он за человек. Кто у тебя опер по «Сыну сумерек», то бишь Шаламову?

— Дим Столбов.

— Хороший парень, цепкий, да и голова у него кумекает. Спи спокойно. Кстати, тебе сообщили, что из «сферы Сабатини» час назад вылетел объект, напоминающий фантом маатанского проникателя? Точно такой же голографический мираж нагнал у «серой дыры» Джума Хан. К сожалению, фантом вывернулся так неудачно, что врезался прямехонько в один из гелиоконденсаторов над Меркурием.

— Последствия?

— Да никаких, это же свет, ансамбль фотонов, создаваемый волновой матрицей. Ученые до сих пор спорят, возможны ли подоб-

ные фантомы, а те начинают появляться все чаще. «Сфера» — хитрая штучка, мы с ней еще нахлебаемся... типун мне на язык!

Сигнал внимания, передаваемый по системе «спрута», привлек внимание обоих. Дежурный инк передал сообщение, что из «сферы Сабатини» вынырнул земной драккар под названием «Арджуна».

— Дьявольщина! — с расстановкой произнес Шевчук, меняясь в лице.— Это же наш аппарат, который мы запустили в Горловину! Он исчез и не вернулся. Почему он вылез именно здесь?! Извини, Власта, я на Меркурий.— Связь прервалась.

Боянова, поразмышляв с минуту, вызвала дежурного и сообщила, что убывает на спейсер погранслужбы «Шевалье», стерегущий над Меркурием таинственный объект под названием эйнсоф.

* * *

Известие о драме, происшедшей в Дарвазе (район Белик-улы, массив Умаберг), Столбов получил поздно вечером и тут же помчался туда, используя для быстроты свой сертификат оператора тревоги по формуле ЗОВ-1. Правда, на место происшествия он все равно прибыл к шапочному разбору: оперативники тревожной обоймы уже успели допросить свидетелей, а эксперты восстановить цепь событий.

Квартира, где появился Даниил Шаламов, принадлежала двадцатичетырехлетнему Махмуду Бобекулы, никогда и нигде не работавшему и давно состоящему на учете в комиссии социоэтического контроля. Одет Шаламов был в серо-зеленый комбинезон из материала, напоминающего сморщенную слоновью кожу, и шагал так тяжело, будто весил не менее тонны. Дверь он открыл сам, хотя она была заперта на кодовый замок. Чем занимались в этот момент гости Махмуда — трое девушек и четверо молодых людей в возрасте от девятнадцати до двадцати шести лет,— догадаться было несложно: в квартире нашли остатки проекционного игрового комплекса «Иллюзион», доработанного «умельцами» для показа-переживания незаконных сенсофильмов от эйфоросекс-шоу до наркомузыкальных, истощавших нервную систему.

Шаламов искал Купаву, и она бывала здесь изредка; осталось тайной, каким образом Даниилу удалось выйти на этот «притон». Однако молодые люди повели себя не лучшим образом. Где находится Купава, они, может быть, и не знали, но бесцеремонность гостя привела их в ярость. Если бы они только догадывались, кто перед ними...

Парни не ответили на вопрос гостя, нагрубили ему и принялись выпроваживать из квартиры, подогреваемые смехом юниц. Шаламов не ответил на остроумные выпады, и все закончилось бы хорошо,

если бы не уверовавший в аргумент силы приятель Махмуда по имени Селим, занимающийся в секции восточных единоборств, который решил ускорить проводы сейфмена. На толчки в спину Шаламов ответил не сразу, было видно, что он борется с собой,— именно так восприняли и описали его колебания свидетели,— но Селим толкнул второй раз...

Удара не заметил никто, да его, наверное, и не было, вся компания увидела вдруг летящего по воздуху приятеля, который врезался в потолок (!), затем в стену, сокрушив по пути проектор «Иллюзиона», и остался лежать неподвижно. Парни вскочили, бросились к Шаламову, и тогда он нанес свой знаменитый оглушающий пси-удар.

Видения, возникшие при этом у молодых людей, немного отличались, но основным для всех было ощущение прыгнувшего на них чудовищного зверя, похожего на монстров Апокалипсиса! У девушек даже во время рассказа в глазах плескался ужас, и Столбов, невольно усмехнувшись в душе, подумал, что они надолго запомнят этот «сеанс удовольствия». Компания была ему неприятна, такого «зверинца» он не видел давно: девицы были размалеваны светящимися красками, парни едва ли мылись чаще одного раза в полгода, и — о Боже! — как они были одеты! Во всем вызов, броская вычурность, претензия на оригинальность, суперэкзотика и полное отсутствие меры.

— М-да! — сказал кобра оперативников Вольдемар Хмелевский, встретившись со Столбовым взглядом, когда они остались наедине в разгромленной квартире.— Серьезный супротивник этот «Сын сумерек», вишь, какой сабантуй устроил.

— И все же воздержитесь от прямого контакта,— сказал инспектор, сравнивая впечатления пострадавших от этого контакта.— Ни в коем случае не идите на конфликт, а тем более не пытайтесь применить суггесторы и парализаторы. Ромашин когда-то попробовал... еле жив остался!

— Обижаешь, опер! — улыбнулся блондин Хмелевский, высокий, поджарый, энергичный.— У меня проколов еще не было.

— И все же будьте осторожны. Учитывайте, что действия Шаламова не могут быть квалифицированы как форс-мажор, а поле его возможностей настолько широко, что даже Умник не знает его пределов.

— Мы тоже не лыком шиты.— Хмелевский сверкнул белыми зубами.— Но действуем в пределах инструкции.

— Быстрее ищите Купаву. Найдете ее — Шаламов сам придет к вам. Еще раз осмотрите ее квартиру, разрешение соэтиков получено.

— Мы там уже побывали и обнаружили вот это.— Командир группы протянул Столбову прозрачный пакет, в котором лежал

шарик из перламутрово-серого тумана. Впрочем, не тумана. «Шарик» казался прозрачным и невероятно глубоким одновременно, и у инспектора родилось впечатление, что из «шарика» кто-то смотрит на него затаенно...

— Что это?

— Ребята назвали эту штуковину «зрачком дьявола». Никому в руки он не дается, только мне удалось заловить в пакет с десятой попытки. Отнесу экспертам, пусть повозятся.

Столбов сглотнул ставшую горькой слюну. Он был ошеломлен и не скрывал чувств: в руках безопасника лежала «магическая сфера», которую Мальгин некогда принес к себе домой, забрав ее у Купавы. Эта «сфера» была второй.

* * *

О том, что он замечен и начался его розыск, Шаламов узнал сразу после возвращения домой: следы в квартире удалось идентифицировать без усилий, а «домовой» дополнил выводы хозяина, зафиксировав переговоры розыскников. Но самое плохое крылось не в факте раскрытия инкогнито, а в пропаже «эскалатора», связанного «струной» метро с трансфером Галактики. Скорее всего, «эскалатор» забрали безопасники, заметившие его в гостиной: Шаламов вспомнил, что оставил кокон именно в гостиной, ничтоже сумняшеся в его безопасности. Теперь же приходилось искать не только жену, но и кокон, что сулило нежелательные последствия. Даниил не боялся быть узнанным, но не хотел лишаться свободы передвижения и действия. Не боялся он и попыток службы безопасности ограничить его желание считаться только со своим собственным видением реальности, полагая это видение истинным и неоспоримым. Конкурирующие структуры личностей человека и маатанина в глубинах его психики давно пришли к обоюдному согласию, дополняя друг друга в попытках осмыслить встречаемые в пути миры. И хотя в своих странствиях Даниил достигал, говоря словами древнего философа Вихтерта, «такой туманной дали, что у него сначала отказывали чувства, а потом и разум», объединение психик сыграло положительную роль.

Искушение полностью уйти в психику «черного человека», подчинить остатки человеческого «я» сознанию маатанина, преследовало Шаламова постоянно, однако что-то все же останавливало его, какое-то слабое эхо древней родовой памяти, следы погребенного в глубинах чужой психики культурного слоя человека, бессознательный зов всех образов души. Зов этот становился все глуше и тише, раздавался все реже, а по мере угасания в душе человеческого падал и уровень адекватности восприятия мира, а также оцен-

ка собственных поступков. Шаламов не понимал, вернее, не хотел понимать, и даже не задумывался над тем, что он в настоящий момент настолько превосходит по возможностям любого человека, насколько тот в свою очередь превосходит крота. Как вселенная того же крота отличается от вселенной кошки, так и вселенная Шаламова отличалась от вселенной обычного человека, не способного мыслить сразу в шести направлениях и решать до десятка задач одновременно. Решающую роль в организации личности Шаламова сыграла адаптация к обладанию: он имел, что хотел, и не видел препятствий на пути к исполнению очередной прихоти. По сути, он стал воплощенным идеалом философии дилайтменов, основанной на вседозволенности и предельной степени потребления, однако оценить себя со стороны не мог.

Досада на возникшие неудобства выросла в гнев, и, как всегда в такие моменты, сработал переключатель потока сознания из сферы человеческой в психику маатанина.

Обычно Даниил отключался начисто, ничего не видя, не слыша, не чувствуя как человек, так как при попытке параллельного мышления однажды получил изрядный болевой шок, но все же изредка задерживал уход в небытие, надеясь если и не контролировать поведение тела, то хотя бы присутствовать при его деятельности в фазе «черного человека». На этот раз ему удалось продержаться почти минуту.

Мир вокруг мгновенно преобразился, соответственно чувственному восприятию «черного человека», имевшего около трех десятков органов чувств. Шаламов увидел свою квартиру, комнаты за стенами, весь дом, город, Землю и Солнечную систему одновременно! Он ощущал не только тепло, тяжесть, трение о тело воздуха но и электрические токи, струи излучений, хоровод электромагнитных полей, свечение и пульсацию пси-полей и множество тончайших материальных образований, у которых не было названия в человеческом языке! Он видел свое тело изнутри, чувствовал шорох крови, шипение химических реакций в мышцах, вихри биоэнергетики и бег электронов по клеткам! А еще он у в и д е л и о щ у т и л мерность пространства, живое горение вакуума и призрачное, пульсирующее, о г л я д ы в а ю щ е е с я течение времени!

Вместе с восприятием окружающего мира изменилось и мышление: оно стало многослойным, многоуровневым, узловатым, подчиненное сложнейшим законам сознания «черных людей».

Небывалая глубина, невероятная сложность и необъятность Вселенной открылась Шаламову... и разом все исчезло в красной вспышке боли. Человеческое «я» не выдержало перенасыщения волной информации...

Очнулся он через сорок с лишним минут, привычно проверил «кладовые» памяти и нашел то, что ему оставил «черный человек».

Каким образом «черный-я» Шаламова вычислил это, на основании каких данных, с помощью каких методов, Даниил не знал, да и не интересовался. Важен был сам факт обладания необходимыми сведениями, а не пути их поиска.

Кроме всего прочего в памяти появилась информация о последнем периоде жизни Купавы, в том числе о ее нервных срывах, хотя данное известие не особенно взволновало бывшего спасателя. Причины нервного расстройства жены были ему понятны, ибо много вселенных назад он честно предупредил ее, что никогда не появится на Земле, пока жив Мальгин. Однако многое изменилось с тех пор, Шаламов вновь ощутил потребность в общении с Купавой и с легкостью изменил своему слову, оправдав себя тем, что Купава будет рада увидеть его живым и невредимым. Логику доказательств он менял произвольно в зависимости от настроения, считая, что решения, принимаемые им, непогрешимы. С восхитительной инфантильностью, порожденной расщеплением личности, он все еще считал себя спасателем. Дома оставаться было нельзя, безопасники вот-вот могли «сесть на хвост» и установить слежку. Даниил набрал код службы поселения Брянска, представился «странствующим дервишем» Световидом, и дежурный РСП дал ему адрес свободной квартиры в Бежице, окраинном экорайоне города.

4

Сияющая бездна открылась впереди: свет струился, переливался, плакал и смеялся, затягивал, обволакивал тело и растворял в себе...

Переливы света были настолько красивы, что дух захватывало от этой феерической гармонии, замирало сердце, исчезали все чувства, кроме одного — чувства удивительного наслаждения...

За зеленой гаммой следовала желтая, потом голубая, малиново-фиолетовая, и заканчивала цикл серая, в которой было не меньше оттенков, чем в любой другой. Тело отзывалось на музыку света волнами такого неизъяснимого, невыразимого словами удовольствия, что самому хотелось петь, плакать, смеяться, кричать, испытывать боль и в конце концов умереть...

Световые веера стали восприниматься на слух, и даже кожа на голове, на груди, на кончиках пальцев рук и ног начала вдруг о с я з а т ь этот свет как шелковистое прикосновение крыльев ангела. Послышался прекрасный, мягкий и теплый, бархатистый, словно шкура кошки, звук, влился в уши и потек по жилам, из артерий в вены, достиг сердца, вызвал взрыв нежности и любви к неизвестному существу, ждущему впереди. Захотелось вонзиться в распахивающуюся бездну еще глубже, достигнуть Дна, самому превратиться в свет и звук и стать Бездной...

Руки и ноги исчезли, осталась только голова, перепутавшая все чувства, потерявшая в водовороте инобытия всякую ориентацию. Она начала расти, распухать, заполнять собой бездну, галактику, всю вселенную!.. Жизнь остановилась, хотя смертью назвать эту остановку было нельзя. Колоссальная тьма проглянула со всех сторон, поманила пальцем, затопила все вокруг тишиной. Истома и нега... ничего больше, только истома и нега... Радужная гамма солнечного света сменилась убаюкивающей мелодией лунного, бестелесного, прозрачного... Нега и покой... медленно угас последний серебряный луч, замолк и шепот на полуфразе тонкого намека... покой...

Кто-то со знанием дела влепил пощечину, так что в ушах еще долго плыл красный колючий звон!

Человек в кресле, одетый в желтый спортивный костюм, зашевелился. Его лицо напоминало лезвие томагавка, горбоносое, смуглое, резкое. Он поднял голову, обвел комнату бессмысленным взором, дотронулся до уха. Рука наткнулась на золотую сетку-ёж эмкана, замерла.

Сбоку донесся приглушенный мужской смешок.

Человек повернул голову и встретил взгляд другого мужчины, дородного, седовласого, с лицом стареющего льва, одетого в деловой костюм «эпок».

— Итак, что скажете, генерал?

— Потрясающе! — «Индеец», которого назвали генералом, сбросил эмкан, с трудом дотянувшись до подноса рядом с креслом, взял стакан с искрящимся золотистым напитком, выпил. Рука его дрожала.

Седовласый «лев» снова коротко рассмеялся, выключил проектор «Иллюзиона», скомандовал кибу убрать аппаратуру в шкаф.

— Как впечатления? Сногсшибательно? А ведь вы прочувствовали всего-навсего вступление в сюиту ля минор «Деление бактерии». Две минуты. А если бы начали с финала, получили бы, образно говоря, ожог нестерпимого наслаждения. Ну, а всего сеанса не выдержал бы даже я, ее создатель. Слишком глубок транс, медитация достигает фрейдовских нейроцентров, наступает циклическое возвращение к насыщению, организм автоматически включает запись снова и снова...

Лезвиелицый «генерал» покачал головой.

— Это должно вести к полному разрушению психики, профессор. Нет? Впрочем, для молодежи подобные развлечения как раз то, чего она требует: думать не надо, двигаться не надо, мечтать не надо, беспокоиться ни о чем не надо. Включил аппарат и получай, что хочешь, в меру фантазии, ограниченности или испорченности.

— Вы не совсем правы. Наркомузыка и техносекс не способствуют абстрактному видению, они «тренируют» принципы удоволь-

ствия и могущества, овладева́ющие сознанием и неокрепшей психикой молодых весьма прочно. У них не остается ничего, кроме безразличия к будущему и желания исчерпать все, что даровано плотской жизнью. Ну, а реализация...

«Генерал» поднял руку, его собеседник замолчал.

— Профессор, я знаю, что психосоциология — ваш конек, но мне она ни к чему. Перейдем лучше ко второй, подводной части «айсберга» вашей деятельности. Что интересует вас как инспектора Ордена, в первую очередь, и что волнует патриархов Ордена, во вторую? Кстати, почему вы не воспользовались консорт-линией, а решили навестить меня лично?

— Потму что и консорт-связь не обеспечивает полной секретности, ибо прокачивается через компьютерные центры. Агентурные сети сейчас надежнее остальных способов связи. Генерал, к сожалению, не все делается вами чисто, безопасность заинтересовалась деятельностью «хирургов». Кто допустил утечку?

«Индеец» помолчал, поморщился, допил тоник, сказал нехотя:

— За самодеятельность он уже получил свое.

— Вы утверждали, что кретинов не держите. Из-за него нам теперь приходится менять коды, названия основных баз, тактику групп и их обозначения.

— Он молод, горяч... прирожденный лидер-исполнитель. Рвется к власти, ненавидит интрасенсов лютой ненавистью: кто-то из них не поделил с ним девчонку. Проколов больше не будет, ручаюсь.

— Хорошо. Теперь главное — Шаламов, «Сын сумерек», как назвали его безопасники. Ваша задача: найти, усыпить, применить глубокое пси-зондирование и выкачать все, чем набит его мозг.

«Генерал» улыбнулся; примерно так же мог улыбнуться кусок льда.

— Вы говорите так легко, будто Шаламов — обычный человек, хомо ординарис.

— Он опасен, я знаю, но не настолько, чтобы мы не справились с ним. Бросьте на него всю макро- и микротехнику, а также погранхимию, компьютерное обеспечение я гарантирую. В крайнем случае примените парализаторы, на Земле еще сохранились арсеналы с грифом «секретно».

— Для поиска такой фигуры, как Шаламов, необходимо установить контроль над коммуникационными сетями.

— Такой контроль уже установлен. Мы подготовили инк того же класса, что и Умник в УАСС, кодовое имя — Сапсан. С помощью одной из вирусных программ он вклинился в координационный комп Европы, остальное — дело техники. Кстати, именно с его помощью мы вышли на информбанки с данными об интрасенсах. Выход на Сапсана возможен с любого домашнего компа... если знать код распознавания.— «Профессор» протянул собеседнику черную

кнопку с алой искрой света внутри.— Это ключ к программе. Кроме вас такие ключи имеют только патриархи. Что вас беспокоит еще?

«Генерал» кивнул, словно рубанул воздух своим узким лицом.

— Не что, а кто: некто Аристарх Железовский, биоматематик Института внеземных Культур. Есть подозрения, что он начал работать на безопасность.

— Ну и что? Какую угрозу может нести Движению какой-то биоматематик?

— Прежде всего, он талантливый математик, известный в научных кругах, и способен вычислить утечку информации из онерсети Управления. Конечно, я пользуюсь надежным каналом проникновения в сеть, обходя системы опознавания «свой-чужой», но в любой момент он может выйти на «след» официального канала и пойти дальше.

— Зачем ему это надо?

— Он не стандартный трудяга-программист, его не особенно прельщает даже работа эфаналитика, потому что он берется решать задачи, совершенно далекие от тематики ИВКа. «Мне интересно»,— как он заявил еще одному нашему подопечному, Климу Мальгину.

— Так попробуйте привлечь его на нашу сторону. Задачи по разрушению не менее увлекательны, чем задачи по созиданию.

— Попробуем, но вряд ли он согласится.

— Тогда у с т р а н и т е его.

«Генерал» снова улыбнулся.

— Я безнадежный эстет, профессор, я не люблю убирать людей до того момента, пока не возникает ситуация — я или он. Мне хочется переиграть его, хотя он интрасенс, а я нет.

Настала очередь хмуриться профессору.

— Не увлекайтесь, мон шер ами, не переоценивайте себя и своих людей. Вы уже ошиблись с оценкой Мальгина, упустив его дважды, а ведь он еще не интрасенс, лишь «куколка» интрасенса. Эти люди опаснее, чем вы думаете, они, наверное, действительно представители нового витка эволюции человека, за ними будущее... если их не остановить. Слава Богу, что они ярые индивидуалисты, но стоит им объединиться — и мы потеряем все! Представляете, что произойдет, если объединятся люди, способные читать мысли, владеющие телом до физического предела, могущие ускорять физиологические процессы, устанавливать между собой связь на колоссальных расстояниях, внушать любой образ?! Остальное человечество смирилось с их появлением, но стоит смириться нам — исчезнет единственная сила, которая способна остановить их прогресс... и нашу гибель.

— Цель, достойная того, чтобы за нее...— «Генерал» поднял стакан с напитком,— уничтожить любое препятствие. А с Мальгиным все будет нормально, мы найдем его и выкачаем все, что он знает, а знает он, к моему удивлению, немало.

— Значит, надежды ваши оправдались?

— Он хранит многие экзотические тайны «черных людей», хотя и не способен почему-то ими воспользоваться. Парень он сильный, тренированный, с задатками экзосенса, если судить по способности к внушению, но отключить его можно. Один из моих помощников — его давний соперник и жаждет посчитаться, хотя и побаивается. Вот его-то поспешные действия и сорвали операцию. Но проколов больше не будет.

— А вы сами не боитесь Мальгина? Я слышал, он уложил шестерых ваших парней, а также легко одолел какого-то чемпиона Азии по сабельному бою.

«Генерал» скривил губы, поднес к виску наушник эмкана, и в комнату бесшумно вошел бритый наголо громадный парень с тяжелым бугристым лицом, поклонился.

— Год, продемонстрируй,— сказал «генерал».

Парень внезапно оказался рядом с профессором, и тот повис вниз головой, удерживаемый за щиколотки: молодой человек держал его на вытянутой руке безо всяких усилий! Перевернул, усадил в кресло, затем сделал движение — рука его исчезла из поля зрения, так велика была скорость удара,— и верхняя кромка стакана на подносе брызнула стеклянной пылью на стену, в то время как вторая половина с напитком осталась на подносе, почти не сдвинувшись с места.

«Генерал» кивнул, парень исчез.

— Ну как?

— Неплохо,— проворчал несколько ошеломленный «лев».— Кто он?

— Моя тень. Кстати, он — брат того самого чемпиона Азии, но посильнее. И таких у меня целая обойма — тридцать человек. А те, что «щупали» Мальгина, обыкновенные мальцы с высоким самомнением и плохим тренингом, дилетанты. Этот не уступит ни одному чемпиону мира любой школы единоборств, хотя никогда не выступал в официальных соревнованиях. По классификации ниндзюцу он — тюнин [1], в совершенстве владеет японским мечом катаной в стиле татикадзе и вообще любым видом холодного и огнестрельного оружия.

— И не выступает в чемпионатах?

— Его мечта — стать дзенином, овладеть девятью ступенями к просветлению — дзэн, достигнуть сатори... в общем, цель вполне благородная, способная оправдать многое.

— Для ее достижения нужен какой-никакой интеллект, а не просто слепая сила, гибкость, реакция.

---

[1] Владение боевым искусством ниндзюцу подразделяется на три уровня: 1 — генин, разведчик и боец (базовые навыки), 2 — тюнин (развитие психических способностей), 3 — дзенин (девять тайных ступеней к просветлению и совершенству).

— Год закончил медицинский институт, так что по образованию он хирург.

— И при таком интеллекте ему нравится быть вашим исполнителем и телохранителем?

— Спросите у моей ноги, нравится ей ходить или нет.— «Генерал» засмеялся.— Он м о й до мозга костей! Знаете, что такое харизма?

Профессор выпятил в раздумье нижнюю губу.

— Погодите... наделение личности свойствами, вызывающими преклонение перед ней и безоговорочную веру в ее возможности. Так? Вы хотите сказать, что этот молодой человек преклоняется перед вами?

— Абсолютно справедливо. Я ведь тоже «черный пояс», да плюс опыт, да плюс знание его психики — у него конкурентный тип реакции на мир,— ну и кое-какие технические новинки... вроде имплантированного под кожу суггестора.

— Ах, вот оно в чем дело! — Профессор с любопытством глянул в загоревшиеся глаза собеседника, в котором пробудились эмоции.— Он об этом не знает?

— Обижаете. Конечно, нет. В любой момент я могу превратить его в машину для убийства, в чудовище, и никакой интрасенс не сможет его остановить.

— Где он работает?

— В погранслужбе.

— Похвально. Однако мне пора. Несколько мелких замечаний. Вы уверены, что Майкл Лондон ничего не знает и не помнит?

— Абсолютно! Его проверяли и пограничники, и безопасники, и мы. Он пуст, как воздушный шар, я имею в виду отсутствие маатанских знаний.

— Странно. Он был вторым экзосенсом после Шаламова, знал все, что знает любой «черный человек», и вдруг такая метаморфоза. Здесь какая-то тайна, и патриархи хотели бы ее разгадать.

— Постараюсь.

— Второе. Как вы считаете, не слишком ли шумно стало на Меркурии после рождения «сферы Сабатини», чтобы держать там нашу... э-э, спецлабораторию?

— Мне кажется, наоборот, шум и кутерьма полезны, они маскируют связь с этой... лабораторией, позволяют без особых ухищрений поддерживать линии доставки необходимых материалов.

— Хорошо, мы учтем это соображение. И последнее: ваши мальчики из «эскадрона», как вы сами понимаете, засвечены, использовать их в серьезном деле уже нельзя, пусть развлекаются сами, без опеки, оборвите связь. И упрячьте куда-нибудь эту даму, жену Шаламова—Мальгина, она многое видела и нечаянно может проговориться муженьку или... второму. Заодно попытайтесь устроить

засаду Шаламову, ведь он ее зачем-то ищет? А если взять его не удастся, не упускайте его из поля зрения и под видом работников безопасности подразните его, заставьте испытать страх и ярость. Шаламов — очень выгодный козырь в борьбе с интрасенсами, понимаете?

— Кажется, понял. Он не станет разбираться, кто прав, кто виноват...

— Вот именно, а мы подымем шум на всю Систему: мол, интрасенсы опасны, они все — потенциальные убийцы, маньяки, садисты, способные уничтожить весь род человеческий... эту толпу баранов! Масса есть масса, э? Надо лишь подыграть ее чувствам. Толпа не терпит индивидуальности, она ее подавляет, ограничивая свободу ради равенства и подменяя братство стадным инстинктом. Впрочем, я увлекся, прошу прощения. Итак, до связи, генерал.

Седовласый встал, поправил костюм.

— Не провожайте, у меня свои подстраховки. Удачи всем нам!

Вышел.

Хозяин квартиры тоже встал, задумчиво походил по комнате, кивая в такт мыслям «томагавком» лица, подошел к полусфере «домового» и проверил пуговку кассеты: разговор должен был быть записан от начала до конца, но запись оказалась стертой. Профессор, уходя, принял необходимые меры предосторожности, у него действительно была своя подстраховка.

* * *

Власта Боянова пробыла на Меркурии недолго: космическим бюро руководили люди, которым она доверяла не меньше, чем себе,— Шевчук и Лютый. Дело свое они знали мастерски и в советах, а тем более в дублировании, не нуждались.

Шевчук был прав, назрели какие-то события, с участием старых знакомых: «черных людей» и орилоунов, а также их странной полуживой техники.

Заросшая «серая дыра» продолжала одного за другим генерировать призраки маатанских проникателей, «рассыпавшихся» на облака фотонов при любом прикосновении, а факт появления из «сферы Сабатини» на Меркурии драккара «Арджуна», запущенного в Горловину «серой дыры» еще до ее схлопывания, говорил о какой-то глубокой связи этих объектов, понять которую физики пока не могли.

Драккар, вернее, его неощутимый голографический мираж, догнали, однако выяснить причины его появления не сумели: аппарат врезался в лопасть солнечного концентратора и превратился в тусклую вспышку света, как и маатанский корабль до него. Погра-

ничники, наблюдавшие за столкновением, остались разочарованными, зато они первыми обнаружили еще один объект, наблюдавший за «Арджуной»: странное полупрозрачное облако, похожее на кусок мыльной пены с мигающими точками внутри каждого «мыльного пузырька».

Объект был далеко от пограничного куттера и шел с очень большой скоростью, буквально за несколько секунд исчезнув из глаз, поэтому разглядеть его получше не удалось, но Шевчук не сомневался, что в Системе обнаружен знакомый орилоунский «глазастый» — автомат, сопровождавший Шаламова.

Боянова не возражала, доверяя интуиции Шевчука. У нее тоже появилось предчувствие совершенно неостановимой лавины событий, связанных с «черными людьми» или, по крайней мере, с их «техникой».

Виды Меркурия комиссара безопасности не прельщали, и, налюбовавшись в течение двух часов на дышащий прозрачный вулкан «сферы Сабатини», а также на окраину дикого лавового плато Моря Жары, вспаханного «сферой», где царили два цвета: серый со всеми его мыслимыми оттенками от серебра до вечерней полутьмы и желтый, она вернулась на Землю.

Проигнорировав настойчивый вызов СЭКОНа, Боянова уединилась с заместителем и не отвечала на запросы, пока не проанализировала деятельность отдела по всем векторам отдачи. Вывод был неутешительным: существовали каналы утечки самой конфиденциальной информации из бюро, занимавшихся проблемой неформальных движений молодежи и делом Шаламова.

Системы охраны тайны утверждали, что все идет нормально, доступ к информации получают только работники отдела, имеющие статус официала, однако сбои в работе оперативных инков говорили об обратном.

— Кто-то запустил в сеть хитрую «вирусную» программу,— сказал Борда, помяв полное лицо пальцами.— С еще более хитрым выходом на периферию. Нужен мастер-программист высшего класса, который залез бы внутрь Умника и в режиме «один-на-один» выяснил параметры «вируса». В Управлении таких нет.

— Есть один человек на примете,— сказала Боянова, закидывая руки за голову так, что тонкая ткань костюма рельефно обтянула высокую грудь. Заметила взгляд заместителя, но не смутилась.

— Аристарх Железовский?

— Если бы ты знал, Рене, как он мне нужен.

Борда усмехнулся, не отводя взгляда от груди.

— Красивая вы женщина, Власта... мне б мои двадцать лет! Неужели не нравится никто из нашего племени? Нет достойных?

— А вы хотите сосватать кого-нибудь? — улыбнулась и Боянова.

— Почему бы и нет? Я знаю многих сильных мужчин, не уступающих вам по уму и независимости.

— Этого мало, Рене. Мне подошел бы только тот мужчина, который смог бы ради меня наступить на горло собственной песне, а не демонстрировать свою силу и независимость. И еще мне хочется, чтобы он был способен совершать маленькие глупости.

Борда покачал головой.

— У нас разные оценки мужских качеств. Мне, например, кажется, что сильный не должен быть глупым ни при каких обстоятельствах. Делать глупости — удел слабых.

— Мы говорим о разных вещах, Рене. Вы просто не разбирались, какие глупости делаются от слабости, а какие от силы. И на этом закончим дискуссию о моем идеале.

— А я только набрался наглости, чтобы спросить: кто отец вашего ребенка.

Комиссар отвернулась и не отвечала долго, минут пять. По лицу ее проплыли вереницей тени чувств: гнев, досада, горечь, презрение, печаль... и завершило гамму выражение деловитой сосредоточенности.

— Милослав Торопов,— сказала наконец Боянова, все еще не глядя на зама.— Отец ребенка — командир погранслужбы Торопов. Еще есть вопросы?

— Уже нет,— пробормотал Борда и, не удержавшись, добавил: — Не в этом ли причина возникшей напряженности между службами?

Глаза Бояновой сверкнули.

— Нет! Причины конфликта в разнице подхода к деятельности погранслужбы, и вы это знаете.— Ответ прозвучал слишком резко, и Власта перевела дыхание, сдерживаясь.— Вы свое мнение высказали? — Комиссар сделала ударение на слове «свое».

— В общем-то... нет.— Виноватое выражение не сразу сошло с лица заместителя.— Кто-то в мужском разговоре затронул эту тему...

— Кто именно?

— Но Власта...

— Кто?!

— Кажется, Ландсберг, но я не уверен...

— Довольно, поговорим об этом позже, после того, как я кое-что выясню. Давайте еще раз пройдемся по «Сыну сумерек».

Добряк Борда покорно наклонил голову, хотя и не видел смысла повторять уже известные факты. Новостей от сыщиков Столбова и оперативно-розыскной обоймы Хмелевского не поступало, и вопрос, где Купава, Шаламов и Мальгин со товарищи, оставался открытым.

5

В один из моментов перехода от многодиапазонного мышления «черного человека» к нормальному человеческому он заметил, что за ним снова следует богоид.

За время скитаний по вселенным Шаламов не только полностью овладел запасами маатанских знаний, хранящимися в тайниках собственного мозга, но и сделал тысячи новых открытий, поразительных и необычайных, однако тайна миллионноглазого богоида осталась неразгаданной. Что или кто это такой, не знали ни орилоуны, ни «черные люди», которые создали собственный миф об этом загадочном объекте. Для маатан богоид был кем-то вроде воскресшего Христа для людей. Он появился во Вселенной вместе с Вершителями задолго до рождения Орилоуха и Маата не только как цивилизаций, но и вообще как физических объектов, принимал активное участие в деятельности Вершителей, наблюдал за созданием «черных людей», потом исчез и снова появился в их поле зрения уже миллионы лет спустя, когда процесс эволюции этого домена Метавселенной привел к распаду «струнной» структуры мира, а также к исчезновению реликтовых «серых дыр» — выходов в иные домены-вселенные. Богоидом Даниил назвал миллионноглазого за его практическую неуязвимость и граничащую с чудом способность находить его в самых разных уголках Вселенной.

Причин такой привязанности Даниил не знал, да и не пытался выяснить, но облако с глазами — в этом облике в основном и «обитал» богоид — могло выдать Шаламова за очень короткое время, от него надо было избавляться во что бы то ни стало, и Даниил прибегнул к испытанному методу: нанес богоиду бешеный пси-удар, в котором смешались гнев, ярость и ненависть. Облако богоида побледнело, покрылось сеточкой «трещин», пропало. Шаламов расслабился, вспоминая, где он и что делает, направился к метро, оставив позади испуганных прохожих, которых зацепила слепая волна пси-излучения. Двое из них потеряли сознание, но Даниил не думал о последствиях своих действий, он давно привык идти к цели кратчайшим путем.

Из метро он вышел уже в здании УАСС. Кокон свернутого «эскалатора» находился где-то здесь, в здании, Даниил чувствовал пульсацию его сжатого поля: словно где-то в мозгу бестелесная бабочка складывала и раскладывала крылышки. Зайдя в сверкающий фарфором и хрусталем туалет, Шаламов изменил лицо, вырастил вместо прежнего кокоса белый костюм официала безопасности с ромбом члена Совета, привычно сосредоточился, прокачивая сквозь мозг и нервную систему все излучения и поля в здании. «Бабочка» в мозгу из прозрачно-слюдяной превратилась в радужную, замахала крылышками чаще, ответила на мысленный зов тонким звоном узнава-

ния, после чего вычислить координаты местонахождения кокона не составляло труда. Однако над планом изъятия кокона «эскалатора» пришлось поразмыслить, потому что находился он не в лаборатории у экспертов, как надеялся Шаламов, а в сейфе спецхрана, доступ к которому был возможен лишь группе работников отдела безопасности, обладающей квалитетом ответственности, то есть имеющей полномочия, подтвержденные Советом безопасности или СЭКОНом.

Если бы Шаламов рассуждал как человек, он удивился бы такому обстоятельству и насторожился: загадочные предметы никогда не прятались безопасниками от людских глаз, а передавались для изучения экспертам отдела. Но если у нормального человека основной конфликт — его двойственная природа — всегда решался в пользу положительных качеств души, то у Шаламова распад личности привел к тому, что из двух крайностей агрессивной импульсивности и жажды порядка, разрушительного инстинкта и стремления к гармонии, он, почти не колеблясь, выбирал первые.

Спустившись на административный горизонт, Даниил зашел в бюро общей информации, выяснил имена руководителей службы безопасности и как они выглядят. После этого он снова уединился в туалете и трансформировался в Калину Лютого. Кроме того, он вырастил два динго — динамических голографических фантома с лицами Алексея Шевчука и Рене Борда, не особенно озаботившись их телосложением. В голове начинал просыпаться «черный человек», приходилось удерживать сознание и не терять нити действия.

В двенадцатом часу дня в сектор особого режима службы безопасности, где хранились раритеты — документы специального учета и вещественные доказательства, по которым велось следствие,— вошли трое: заместители комиссара Борда и Шевчук и начальник оперативного бюро космосектора Лютый. Охрану сектора осуществлял инк Добрыня, в распоряжении которого находились системы контроля и допуска, обслуживания, ремонта технологических линий и хранилищ, а также бригады киберов самого разного назначения. Участия человека для выдачи документации обычно не требовалось, инк справлялся со своими обязанностями практически без сбоев, предъявляя необходимое буквально за секунды.

Когда в помещение «склада», как его называли в Управлении, вошла вышеупомянутая троица, Добрыня, как и любой киб-интеллект его класса, будь он на этом месте, ничуть не удивился и, возникнув перед гостями в человеческом обличье, вежливо осведомился о причине визита «высокопоставленных особ», вопрос был задан не без юмора. Ответил «Лютый»:

— Выдай нам предмет «141», срочно.

Шаламов уже успел мысленно войти в память компьютера и определить код выдачи и номер, под которым кокон «эскалатора»

был определен на склад. Но он не учел, что Добрыня имел указание тех, кто помещал кокон на хранение, о дополнительной проверке любого лица, вплоть до комиссара и даже директора Управления.

Лицо фантома приняло озабоченное выражение: за доли секунды он связался с инком отдела безопасности Умником и выяснил, что ни Лютый, ни тем более Шевчук и Борда не имели отношения к найденному розыскниками следственного бюро загадочному объекту и требовать его изъятия из «склада» не могли: не было причин.

— Минуту,— сказал Добрыня.— Назовите код выдачи и подтвердите полномочия: данный предмет находится в зоне особого внимания службы Б.

Шаламов понял, что допустил промах. Усилием воли он увеличил чувствительность своего органа приема пси-излучения, процедил сквозь сети сознания всю оперативную память инка и нашел причину, из-за которой инк потребовал подтверждения полномочий.

Всплеск пси-поля был короток, но мощен: Добрыне «позвонила» комиссар отдела Боянова и приказала доставить предмет под номером 141 в лабораторию. Однако за мгновение до этого Умник сделал запрос Бояновой, получил короткое «нет» и включил тревогу. Добрыня, пребывавший в некотором затруднении, уже готов был включить транспортную линию для доставки требуемого предмета, когда сработал императив «Вор».

Шаламов не стал ждать развязки событий и, как быстро ни действовали киб-системы, с территории «склада» убрался своевременно. Обойма подстраховки — «живые» люди — прибыла на «склад» спустя две минуты после его исчезновения и работала несколько часов, пытаясь выяснить, кто же на самом деле хотел вынести объект «141», но оживить Добрыню не удалось: память его оказалась стертой, будто инк попал под мощный электрический разряд, пробивший его многоконтурную защиту...

* * *

Неудача не то чтобы обескуражила Шаламова, но заставила задуматься. Он, конечно, мог бы добиться своего и забрать кокон из Управления, уничтожив «склад» и оглушив людей из отряда охраны, но сработал какой-то человеческий «предохранитель», останавливающий нормального человека перед свершением аморального поступка, а тем более преступления. В глубинах психики все еще сохранились уголки нравственности, свойственные людям и не перерожденные памятью «черного человека», но день ото дня они сжимались, уменьшались, таяли, и вместе с ними таяли нравственные оценки собственного поведения Шаламова и возможности адекватного ответа на внешние раздражители.

Он вернулся в квартиру, которую снял ради свободы под последним влиянием былого шаламовского «я», и два часа «отдыхал», то есть находился в глубоком трансе, пока мыслил и действовал «черный человек». Очнулся Даниил в незнакомом месте, огляделся и через несколько мгновений понял, что «черный» привел его в Институт травматической нейрохирургии мозга, где работал Клим Мальгин.

Благодаря встроенной в стены аппаратуре эмоционального съема, пси-настройки и видеопласта, посетители центрального холла Института видели и чувствовали то, что хотелось и что их успокаивало, поэтому для каждого холл выглядел по-своему; Шаламов оказался в дежурном зале спас-курьерской службы, интерьер которой всегда отвечал его внутренним представлениям о порядке и дисциплине.

Усмехнувшись попытке местной автоматики внушить ему бодрость, Шаламов обошел прозрачную центральную колонну холла — единственную деталь интерьера, которая не менялась в зависимости от внушаемых картинок, и вызвал дежурного. Внутри колонны проявился вежливый мужчина средних лет со строгим лицом, одетый в голубой костюм, динго институтского инка по имени Гиппократ. Шаламов не стал тратить время на звуковой разговор, а сразу проник в память машины и выяснил, где находится лаборатория нейропроблем, которой заведовал Мальгин. Через несколько минут, мысленным усилием открыв замок двери, Даниил вошел в кабинет нейрохирурга, своего бывшего друга, единственного из всех друзей, кто видел в нем только пациента, несчастного человека, судьбой которого распорядился случай.

К удивлению Шаламова, киб-секретарь кабинета не содержал никаких сведений относительно своего господина, в его памяти не осталось ничего, что касалось личной жизни Мальгина, связей, планов или заметок, только данные по медицине катастроф и банк сообщений об операциях, проведенных сотрудниками лаборатории. Единственное, что удалось выяснить, так это отсутствие хирурга на рабочем месте в связи с его просьбой об отпуске. Где в данный момент находится Мальгин, киб не знал, как, впрочем, и Гиппократ.

«С Купавой, конечно!» — мелькнула мысль, вызвавшая мгновенную вспышку ревности и бешенства, в результате которой киб-секретарь превратился в мертвый поликристаллический слиток, выдающий на выходе бессмысленный набор цифр и букв. И в этот момент в кабинет заглянул высокий, модно одетый молодой человек с вопросительно поднятыми бровями. Это был Заремба, уходивший с дежурства и толкнувший дверь ради любопытства.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом молодой нейрохирург прошептал, меняясь в лице:

— Господи, Даниил?!

Шаламов с трудом удержался от пси-выпада, почувствовав странный, внезапный, леденящий душу страх, хотя потом не смог бы отыскать видимых его причин.

— Где Мальгин?

— Чомор...— пробормотал Заремба, отгоняя пальцем нечистую силу.— Леший... Это ты, Даниил, или я сплю?

— Где Мальгин? — повторил вопрос Шаламов.

Заремба хлопнул себя по бедрам, засмеялся; судя по всему, беглого спасателя он совершенно не боялся.

— Надо же, как повезло! Сенсация! Шаламов, человек-химера, сам возвращается в институт, и я первым узнаю об этом!

— Барбос! — беззлобно усмехнулся Шаламов, успокаиваясь.— Где Клим, почему его нет ни на работе, ни дома?

— Он в бегах уже несколько дней! Отпросился у начальства в отпуск, утверждает, что ушел из института навсегда, но я ему не верю: потянет память — вернется. А ты какими путями здесь? Требуется помощь?

Шаламов едва успел подавить желание проникнуть в мозг Зарембы, выяснить все, что тот знает, и стереть воспоминания о встрече.

— Помощь не требуется.

— А Клим зациклился на твоей...— Заремба запнулся,— болезни и жаждет отыскать тебя, чтобы предложить операцию. Он даже смоделировал ее, рассчитал чуть ли не полтысячи параметров... Кстати, он тоже стал... в некотором роде... в общем...— Молодой хирург пошевелил пальцами.— Ну, примерно таким же, как и ты. Экзосенсом, короче. Я оперировал его, помогал переводить информацию маатан из глубин подсознания в сферу сознания, и теперь он, по-моему, хомо супер.

Заремба остановился у стола, засунув руки в карманы, покачался с пяток на носки.

— Ну, сверхчеловек не сверхчеловек, тем не менее, Клим смог сделать то, что на его месте не сделал бы никто другой. Ты слышал об этом? Он вытащил из глубокого транса твою жену...— Ивану показалось, что его ударили. Дальнейшее он помнил смутно.

Показалось, что на голову рухнул потолок, потом кто-то копался в мозгу — неприятное, холодно-скользкое впечатление,— перебирал мысли, образы, воспоминания, и наконец еще одна встряска организма запомнилась как второй звонкий удар ладонью по уху: В голове потом долго плыл колокольный звон, отзываясь загоравшимися искрами боли под черепной коробкой. Очнулся Иван в кабинете Мальгина один, Шаламова уже не было, только запах сохранился — запах «лунной пыли», чужой этому месту.

«Черный человек» вывел Шаламова из института безошибочно и передал собственному «я», ущербному, инфантильному, то и дело спотыкавшемуся на эмоциях, но еще не полностью распавшемуся,

в Смоленске, у дома Мальгина. Делать здесь было нечего, но у Шаламова возник соблазн еще раз пройтись по памяти мальгинского «домового», чтобы окончательно удостовериться в непричастности хирурга к исчезновению Купавы.

В квартиру он проник легко, тщательно обшарил все комнаты в надежде отыскать хоть какой-нибудь предмет из туалета Купавы, не нашел, вскрыл «домового», но память компа оказалась стертой. Раздраженный неудачей Даниил сжег кристаллический мозг «домового» окончательно и бесповоротно, превратив его в камень, и удалился. Однако даже в таком состоянии он почти сразу же обнаружил за собой слежку. Для этой цели кто-то использовал исследовательских «пчел» — комплекс типа «Рой-100» — с микрооптикой и десятком датчиков, а также с двигателем, позволявшим «пчелам» перемещаться с приличной скоростью до трехсот километров в час.

Разбираться, кто следит и с какой целью, Шаламову было недосуг, и он сделал маневр, в результате которого «пчелы» помчались за его видеодвойником, севшим в такси.

* * *

Выспаться Бояновой не дали.

Сначала позвонил Столбов, предпочитавший докладывать о работе сам, а не через дежурных инков. Он сообщил, что «Сын сумерек» вынырнул, причем трижды: первый раз в Управлении, попытался проникнуть на «склад», где хранилась взятая из его квартиры «магическая сфера», второй раз в Институте травматологической нейрохирургии мозга, откуда ему удалось скрыться незаметно, и третий раз в квартире Клима Мальгина, находившейся под особым контролем.

— И что же? — спросила сонная Власта, отметив машинально, что проспала всего четыре часа.

— Разрушение инконика «склада», уничтожены компы в кабинете Мальгина и у него дома, работник Института Иван Заремба получил слабый пси-шок.

Сон Власты сняло как рукой.

— Причины?

— Что? А, вот вы о чем,— догадался инспектор, делая вид, что ничего необычного в его раннем видеовизите нет.— Внешних причин в общем-то и нет. Во всяком случае, для любого из нас, но не для Шаламова. Видимо, он чересчур резко реагирует даже на «малые возмущения среды» — слова, жесты, какие-то сведения, которые затрагивают его лично. Таков вывод наших психаналитиков. Но не это пока главное. Во-первых, он почуял слежку и попытался уйти, использовав динго-двойника. Во-вторых, за ним следит еще кто-то.

— Не поняла!

— За ним ведут наблюдение неизвестные нам силы,— терпеливо повторил Столбов.— Причем с применением тонкой молектронной и мощной оптической техники, установленной на спутниках. Чтобы не спугнуть этих «наблюдателей», мы вынуждены работать сверхосторожно, поэтому результатов нет. Шаламов же продолжает, как мы считаем, искать свою жену. Найти ее нам пока тоже не удалось,— упредил инспектор вопрос комиссара.

— Найдите! — с нажимом проговорила Боянова.— Она — не иголка. Шаламов становится делинквентом [1] и может решиться на все. Перейдите от простой «дхияны» [2] к двойной.

Столбов наклонил голову, и связь прекратилась.

Боянова проверила, как спит дочь, легла, несколько минут размышляла над услышанным, задремала было, но звонок видео заставил ее включить «домового» снова. Беспокоил Умник, которому полученная по сети «спрута» информация показалась настораживающей: ученые из Института пограничных физических проблем, которые занимались изучением «сферы Сабатини» на Меркурии, сделали вывод, согласно которому «сфера» неустойчива и в любой момент может выплеснуть в Систему океан энергии, уничтожив по пути ближайшую к Солнцу планету.

Но и после этого сообщения у Власты оставалась надежда доспать норму, требуемую организму, по рекомендации сестры, которая спала не меньше шести часов в сутки, несмотря на свои экстрасенсорные возможности. Однако третий звонок в течение утреннего получаса эту надежду разрушил. На сей раз звонила Карой Чокой, бывший нейрохимик Евромеда, а теперь ксенолог на «Эдип-2».

— Извините, если разбудила, но у меня странные предчувствия. Знаете, есть такая пословица: спящий под непрерывный шум просыпается от тишины. Так и я: все мои друзья вдруг замолчали, не звонят, и я подумала... где он?!

— Кто? — улыбнулась Боянова, изучая уверенное, гордое лицо красивой женщины. Она знала о взаимоотношениях Джумы Хана, Чокой и Мальгина и была уверена, что Карой спрашивает о бывшем муже. Однако ошиблась.

— Мальгин,— произнесла ранняя видеогостья.

Боянова мимолетно подумала, что ее проницательность, к сожалению, имеет пределы. Во всяком случае, в те моменты, когда дело касается логики женщин.

— Вероятнее всего, Мальгин, как и его друзья — Ромашин,

---

[1] Субъект, чье отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях представляет уголовно наказуемые действия.

[2] Дхияна (санскрит) — созерцание; императив для службы наблюдения за опасными объектами.

Железовский... Хан, путешествуют сейчас по сети орилоунского метро. Есть подозрения, что они отыскали в него вход.

Выражение лица Карой не изменилось, но в глазах промелькнули недоверие и озабоченность.

— И Джума... с ним?

— С ними.

— Понимаю... извините, вы меня обескуражили... То есть вы не знаете, где они? На Маате не появлялись, мы бы заметили. На Орилоухе?

— Тоже нет. Ищем. Особой тревоги нет, все четверо профессиональные рисконавты и умеют постоять за себя.

— Понятно.— Карой медлила, собираясь что-то спросить, но так и не решилась.— Всего доброго.

Изображение превратилось в веер света, втянулось в глазок виома.

Комиссар полежала, размышляя над не решенной никем загадкой под названием «женская любовь», и встала.

Четвертый звонок за утро застал ее на кухне, когда она, успев сделать зарядку в стиле у-шу и принять душ, готовила завтрак. На этот раз видеовизитером оказался невозмутимый, с «блеском мудрости во взоре»... Аристарх Железовский!

— Вы?! — только и спросила Боянова, прежде чем овладеть собой.

— Бью челом,— прогрохотал математик, отмахиваясь от кого-то.— Что тут у вас творится? Где я вышел? Ребята какие-то нервные, возбужденные... Из-за чего сыр-бор загорелся?

— Так вы на «складе»? — догадалась Власта.— Вышли из этого черного шарика — «магической сферы»?

— Это кокон «эскалатора», выводящего пассажира в зал трансфера, распределителя орилоунского метро. Да отстаньте вы от меня! — последние слова Аристарх произнес в сторону.

— Дайте старшего на связь,— потребовала комиссар, сожалея, что предстанет перед глазами подчиненного в домашнем виде.

Изображение в виоме сменилось, на Боянову глянул командир обоймы охраны гриф Меринг, красный от злости; за глаза его прозвали «мерином», и прозвище свое он иногда оправдывал.

— Извините, Власта, мы тут хотели...

— Все в порядке, Джордж, отпустите его.

— Да пусть идет хоть в... болото! — буркнул Меринг.— Кто бы возражал. Но он же хочет забрать с собой объект «141».

— Да? Я поговорю с ним. Потом снимите блокировку «склада», отмените тревогу и выпустите его.

— Принял.— Командир охраны неохотно уступил место Железовскому, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

— Зачем вам... э-э кокон? — спросила Боянова.

— Включите консорт-линию.

Комиссар поняла, что Железовский не хочет, чтобы разговор был подслушан. Скомандовала «домовому» включить консорт-канал. Через две секунды скачок цвета — по лицу Железовского пробежала голубая волна — показал о включении спецрежима связи.

— Кокон принадлежит Мальгину...

— Кокон принадлежит Шаламову, Мальгин просто забрал его из квартиры Даниила. Кстати, Дан уже приходил за ним. Его не ждали так рано и... отсюда и весь сыр-бор, как вы изволили выразиться. Зачем вам кокон?

— Так Шаламов на Земле?

— Риторический вопрос.

— Но я-то не знал. Он фрустирован, вы знаете? И случись что-нибудь, что ему не понравится, станет... носорогом в посудной лавке.

— Догадываемся, потому и упрятали кокон там, где Шаламов не сможет его достать.

— Напрасно.— Железовский сдвинул брови.— Зачем его нервировать зря? Он спокойно перейдет границы допустимой обороны, а обвинят в этом вас.

— За то, что мы хотим помочь ему?

— А если хотите помочь, отдайте кокон мне. Во-первых, я при встрече с Шаламовым ничем не рискую, нанести мне вред он вряд ли сможет, да и договориться легче: мы с ним одного поля ягоды. Во-вторых, через этот кокон в любой момент может выйти Мальгин или кто-нибудь еще.

— Разве вы были не с ними?!

— Странным образом мы разошлись, хотя собирались идти вместе. Мне еще не вполне понятен механизм действия «эскалатора», здесь командуют законы иной физики, нежели наша, и объяснить что-либо нематематическим языком я не смогу. Во всяком случае, я не знаю, почему нас разбросало по сети метро. Может быть, орилоунская автоматика реагирует на желания каждого и выводит в нужное место поодиночке. Видимо, желания наши не совпадали... ибо человек есть цель в себе...

— Добавьте еще, и для себя.— Боянова закусила губу, сдерживаясь.— Вы вернулись первым. Почему? И где вы были?

— Отвечу, но позже, в приватной беседе, сейчас же очень спешу. Так вы прикажите своим нукерам выпустить меня с коконом, не хотелось бы делать это силой.— В тоне молодого математика проскользнула нотка превосходства, наверное, он чувствовал себя всесильным.

«Комплекс превосходства свойственен обычно детям и еще никого не доводил до добра,— подумала Боянова.— Дай Бог, чтобы ты быстрей вырос из этого детского возраста, интрасенс. Что же в тебе нашла Забава, чего не вижу я?»

Связь прервалась.

В гостиную вошла сонная Карина, протирая глаза кулачком.

— С кем ты так долго беседовала, ма? Я думала — с Железным Человеком. Ну и голосище!

Власта усмехнулась. Железный Человек был добрым персонажем знаменитого фант-сериала, покорителем племен разумных динозавров и жутких монстров из антивселенной, и чем-то походил на Аристарха Железовского, хотя, по мнению Власты, в характере последнего было много лишнего.

— Выспалась, жаворонок?

— Ма, а что такое Апокалипсис?

— Апокалипсис? — удивилась Боянова, прижимая дочку к себе.— Где ты раскопала это слово?

— Вчера звонил какой-то дядя и сказал, что тебя ждет личный Апокалипсис. Это твой друг? Он добрый?

Несколько мгновений Власта смотрела на дочь потемневшими глазами, потом стремительно подошла к «домовому».

— Кто звонил? Когда? Я имею в виду человека, произнесшего «личный Апокалипсис».

— Абонент не идентифицирован,— проскрипел «домовой».

Свет был прозрачный, невесомый, лунный и лился со всех сторон, растворяя в себе голову, руки, все тело. Перед глазами сформировалась плоскость, похожая на мыльное зеркало, и на этой плоскости проступила вязь каких-то знаков и символов. Железовский мысленно вошел в зеркало, которое обернулось вокруг него пленкой, отграничив растворяющий свет, черные знаки и символы с зеркала проникли в кожу, поплыли к сердцу по руслам вен, окунулись в сердце и, подхваченные потоком артериальной крови, вонзились в мозг, вспыхнули сотнями зеленых искр, будто взорвалась ракета фейерверка...

Аристарх осознал себя сидящим в кресле, тряхнул головой, окончательно приходя в себя. Сеанс включения в общее поле парасвязи, соединяющее всех интрасенсов, закончился. Теперь математик мог в любой момент воспользоваться интеллектуальным потенциалом товарищей или попросить помощи в уверенности, что она придет вовремя. Правда, случалось это редко, интрасенсы в силу развитого индивидуализма прибегали к «общей волне» с неохотой. И все же бывали моменты, когда требовалось привлечь внимание всей «экстрапопуляции», особенно если дело касалось безопасности существования или принятия какого-то важного решения.

Железовский принял тадасану — позу горы, способствующую

концентрации покоя,— и в течение нескольких минут дышал по особой системе, добиваясь предельной ясности сознания. Этот прием входил в комплекс психофизической тренировки, направленной на изменение психики за счет предельно высоких степеней концентрации внимания, а Аристарх пользовался им каждый день. Он с гордостью в душе произносил, что сам создал себя, от мускульного каркаса до интеллектуального наполнения, и был прав; интрасенсорные способности развились в нем во многом благодаря целеустремленности, терпению и колоссальной сосредоточенности на решении поставленных задач. В иерархии характеров Железовский был лидером если не вдохновителем, то лидером-исполнителем, и, обладая огромной работоспособностью, считал, что не должен отвлекаться ни на какие уводящие в сторону желания, в том числе и чувства. Именно поэтому он «задавил» в себе интерес к Забаве Бояновой, не дав разгореться костру любви в самом начале, возведя в ранг закона свою знаменитую формулу «трех эс»: самоанализ, самоконтроль, самосовершенствование. О том, что он теряет при этом, Аристарх со свойственным ему максимализмом не думал. Со своими друзьями он шутил, что в его роду не было Тура — славянского бога сладострастия, зато был Световид — бог солнца и войны...

Кто-то позвал его.

Железовский поймал импульс: слепящий просверк снега под алмазным лучом солнца — и ответил порывом ветра с запахом ландыша, что означало: «все нормально». Звала Забава. Привычно погасив встречный порыв души — в голове потом долго звенела печальная нота,— Аристарх закончил туалет и принялся колдовать с аппаратурой, встроенной в стены квартиры. У него был установлен большой инк типа «эксперт» по имени Дервиш, с которым он мог заниматься математическими расчетами почти любой степени сложности. Кроме того, инк исполнял обязанности «домового», что для него было несложно. Включив диалог, Железовский с неприятным удивлением узнал, что в памяти компа кто-то жестоко покопался: Дервиш был буквально выпотрошен, утратив способности к анализу и вообще к связному разговору. Пришлось заняться лечением, и прошло достаточно много времени, прежде чем инк заговорил и сообщил приметы того, кто работал с ним в отсутствие хозяина.

Хмыкнув, Аристарх посидел в гостиной, потягивая тоник, поздравил себя с тем, что догадался поставить блокер-контроль на глубокой памяти инка, не позволивший агрессору стереть память компа полностью, и снова надвинул эмкан на лоб. Хотелось записать все, чему он стал свидетелем во время своего путешествия в систему орилоунского метро, вернее, вылазки, потому что математик, по сути, н е б ы л н и г д е! Кроме трансфера, разумеется, куда раздельно вывел всю четверку шаламовский «эскалатор».

Железовский невольно глянул на нишу шкафа в стене, за стеклом которой подмигивал свернутый в черное нечто кокон «эскалатора».

Входили в кокон, как в столб нагретого воздуха, по очереди, и точно так же по очереди выходили в зале трансфера. Тогда они еще не знали, что каждый видит этот зал по-своему, но для Железовского он предстал в виде многогранника, каждая грань которого представляла собой икону в серебряном или золотом окладе. «Бред сивой кобылы! — подумалось ему.— Откуда здесь иконы?!» И тотчас же помещение превратилось в перламутровую чашу, окруженную тающими в оранжево-желтом мареве сложными конструкциями — так прореагировала техника зала на фантазию математика, подсознательно пытавшегося представить ч у ж у ю техническую организацию этого места.

Из всех четверых первым разобрался в чудесах орилоунского трансфера, по сути, распределителя линий метро, Мальгин, который в и д е л колебания остальных — он был единственным, кто видел всех сразу,— и ушел дальше без задержки. Железовский же решил задержаться в зале, где всласть наигрался новой для него игрушкой, загоняв местную интеллектронику до «седьмого пота», и смог-таки определить принципы работы трансфера, сложнейшей пространственной машины, действующей на основе еще неизвестных земной науке законов физики, создающей так называемую Булгаковскую метрику — удивительное многообразие взаимодействий пространств с разным количеством измерений.

Для проверки выводов Железовский сделал два челночных выхода из трансфера: один — в центр Галактики, где был выращен один из орилоунов, второй — «за тридевять земель», то есть куда-то в такую область метагалактического домена, откуда ячеистая структура Метагалактики была видна с потрясающей четкостью. Потом Аристарх обнаружил, что времени прошло гораздо больше, чем он думал, и решил вернуться. Вышел из «эскалатора» на «складе» Управления, откуда и позвонил комиссару, чтобы уладить начавшийся конфликт...

Проголодавшись, Железовский вспомнил о своих обязанностях математика ИВКа, испытал укол совести, но со звонком начальству решил повременить: хотелось закончить расчеты, которые он начал по заданию Бояновой, поработать над задачей многократного дублирования личности. Хотелось также встретить Шаламова и сообщить Мальгину, что бывший спасатель на Земле. Хотелось многого, однако Аристарх еще не умел раздваиваться, как Майкл Лондон, и делать сразу несколько дел, приходилось выбирать. Зато грех было жаловаться на неинтересную жизнь.

Звонок личного видео, код его знали только очень близкие друзья, застал математика в позе отдыхающего. Звонил Заремба:

— А вот перед вами фигура «Зевающий Геракл»! — провозгласил нейрохирург вместо приветствия, словно обращаясь к невидимой аудитории.— Как видите, скульптор приложил немало усилий, чтобы выделить рельеф фигуры, особенно в области тазобедренного сустава...

— Шалопай,— прервал Ивана Железовский добродушно.— Ты не меняешься. Что случилось? Ты какой-то встрепанный.

— Неужели заметно? Понимаешь, тут у нас побывал Шаламов, по-моему, искал встречи с Климом, а поскольку того не оказалось, побеседовал со мной... врезав напоследок по кумполу. Нет-нет, не физически,— поспешил добавить Заремба, видя, что глаза друга становятся круглыми,— суггестивно, взглядом. Хотя нокаут натуральный. Слава Богу, «Сын сумерек» был в благодушном настроении и не стремился отправить меня в объятия Морфея надолго, я пролежал всего три с половиной часа и почти все запомнил.

— «Сын сумерек»?

— Так Шаламова назвали безопасники, мне об этом на ухо шепнул один приятель-безопасник.

— А с чего он вспылил? — помедлив, спросил Железовский.— Ни с того ни с сего нанес пси-удар...

Заремба пожал плечами. Этот жест, как и руки в карманах, был его «фирменным» и мог выражать что угодно.

— По-моему, я неосторожно брякнул какую-то фразу о Купаве, не помню, что именно, но в связи с Мальгиным. Вот Даниил и взбеленился. Ну а ты где был? — В глазах молодого нейрохирурга загорелся жадный интерес.— Говорят, вы нашли-таки вход в орилоунское метро. Расскажи, а?

— Позже. А кто говорит?

Заремба уныло вздохнул.

— И ты стал как Клим. Тот уже два раза обещал рассказать о своих похождениях и не нашел времени. А еще человек-да.

— Расскажет, раз обещал,— успокоил друга Железовский.— Я, честно говоря, и не был почти нигде, изучал трансфер, нечто вроде переключателя каналов метро. Потенции у этой машины колоссальные! Мне показалось, что ее «струнная» сеть уходит во времени в прошлое и будущее.

— Давай проверим! — загорелся Заремба.

Железовский засмеялся, словно в огромной пустой бочке гулко загрохотали, перекатываясь, камни.

— Надо бы, да у меня пока обязательства. Закончу работу — посмотрим. Кстати, этот приятель твой не говорил, где они засекли Шаламова? Не в квартире Клима?

— Чего не знаю, того не знаю. Помню, что Даниил зачем-то разнес гостиную шефа вдрабадан, потом пошел к себе и там устроил шабаш... но подробностей не ведаю.

Железовский кивнул, заторопился.

— Ты по делу? Извини, мне пора уходить.

— Да в общем-то хотел узнать, как дела, и вообще... А где Клим? Разве он с тобой не вернулся? Уходили-то вместе.

— Он далеко.— Математик подумал.— Изучает ветвление Метавселенной. Пока, Иван, позвони вечером или заходи, чаю попьем.

Выключив виом, Аристарх быстро закончил анализ задачи, перевел данные расчета в глубокую память Дервиша, за барьер блокировки, написал для себя: «Снижение уровня неопределенности»,— и помчался в душ. Он купался три, а то и четыре раза в день. Вытираясь насухо, услышал звонок, мысленно попросил Дервиша дать картинку, но виом не сработал — абонент с той стороны не включил обратку.

— Слушаю,— сказал Железовский, выжидательно глядя в глазок виома. Что нужно хотя бы накинуть халат, он не подумал.

Звуковой канал видео донес чье-то сдавленное восклицание, и виом погас, так никого и не показав. Пожав плечами в манере Зарембы, Железовский оделся и с удовольствием отшагал два километра до метро по липовой аллее: незадолго до путешествия по метро он перебрался на жительство в экополис Пушкино, недалеко от всемирно известного Болдинского хутора, где когда-то обитал великий поэт. Все время, пока шел, не покидало ощущение, будто ему в шею дышит невидимый и неосязаемый, но тем не менее опасный хищник.

Из метро вышел в Брянске и до красивого, выстроенного в стиле «виноградная гроздь» дома Шаламова шел пешком, поглядывая на прогуливающихся по бульварам-аллеям древнего города его жителей и гостей. Ощущение «дышащего в шею зверя» сменилось чувством тяжелого липкого взгляда, хотя никто из отдыхающих особенно к математику не приглядывался. Железовский редко тревожился по какому-либо поводу, однако в ощущения свои верил и не анализировать причин не мог.

Судя по био-эху, квартира Шаламова была пуста. Открыть дверь удалось со второй попытки, автомат впустил гостя после мысленного приказа и угрозы «взломать ящик»: запирали дверь безопасники и кодировать замок не стали.

Подарки, принесенные Шаламовым, Железовский обнаружил по «запаху инородности»: мозг отреагировал на колебания полей, звуков и запахов, которые обычный человек почувствовать не сумел бы и при концентрации их в тысячи раз большей. Оглядев коллекцию, Аристарх покрутил головой, не ожидая такого улова, и осторожно разложил все найденные предметы по карманам. Он помнил предостережение Лондона, но и сам чувствовал, насколько они опасны. Шаламова, видимо, эта их характеристика не пугала, он не думал об опасности и преследовал какие-то свои цели, что

в гораздо большей степени доказывало его деградацию и распад личных ценностных ориентировок.

Вне здания снова вернулось ощущение взгляда в спину. Случайными подобные ощущения быть не могли, и Железовский насторожился, что позволило ему в дальнейшем включиться в предлагаемое действие в режиме опережения. Размышляя, вернуться ли домой или сначала отнести подарки Шаламова в Управление, под надежную опеку бункерной автоматики, Аристарх вышел из метро в Пушкино и машинально выбрал путь к дому напрямик, по тропинке через заснеженный лес, балку и речушку Сосьву, невидимую подо льдом.

А на деревянном узорчатом мостике через балку, которому по легенде шла третья сотня лет, его встретил развязный юнец в немыслимом рванье, означающем, что он принадлежит к гильдии хочушников из клана самого невероятного племени людей, ставивших целью всей жизни получение удовольствия и не признающих никакой морали. На рубахе юнца выделялась крупная надпись на английском и русском языках: «Плевать!»

Юнец сплюнул жвачку под ноги Железовскому и сказал невнятно:

— Гони, что у тебя в карманах, сейфмен, тебе оно не понадобится.

Железовский, сам будучи творческой личностью, постоянно ищущей и стремящейся к полной самоактуализации, со свойственным ему максимализмом и уверенностью в справедливости своих оценок что называется на дух не переносил «голых» потребителей с их культом «абсолютной свободы от любого вида ответственности», считая, что они достойны разве что презрения и жалости, но он никогда не видел в них угрозы ни себе, ни обществу, в тоне же этого парвеню явственно прозвучали агрессивные нотки.

Аристарх, зная, что молчание — самая совершенная форма лаконизма, легонько отодвинул юношу и пошагал дальше по мостику, предчувствуя продолжение. И оно не заставило себя ждать. Юнец свистнул, и навстречу математику из зарослей лещины и ракитника выбрались четверо молодых людей в черных очках на пол-лица. В руках металлически отсверкивали какие-то необычного вида устройства. Железовский пожалел, что не надел свой рабочий кокос с персональным компом, было бы с кем посоветоваться.

Чувство опасности спустило курок включения экстренного резерва, время замедлило свой бег, появилась возможность мыслить сразу тремя уровнями сознания, что намного увеличивало скорость решения задач и реактивность их выполнения. Железовский сразу определил типы устройств в руках парней: два из них принадлежали к классу психотехники внушения: суггестор-моно и «пси-4», еще два были парализаторами «Дерк» и «Дега». «Хорошо, хоть «васи-

лиски» не взяли,— подумал Железовский с веселой злостью.— Однако надо выпутываться отсюда, их много, а я один и без тельняшки...»

Ему повезло: нападавших действительно было много, четырнадцать человек, и вожаки двух «охотничьих» групп решили покуражиться; по их мнению, жертва уйти не могла и времени на развлечения хватало.

— Давай, давай, сейф, не жадничай,— прожевал речь «плевака», первый молодой сорвиголова, ухмыляясь.— Бугай ты, конечно, здоровый, но мы тебя...— Улыбка вдруг сбежала с его губ, глаза расширились. Он увидел, как лицо «жертвы» налилось розовым свечением, а с ладоней на мостик сорвались тающие капли электрического сияния.

Железовский пошел на него, и юнец, пискнув, сиганул с мостика в сугроб. Теперь дорогу назад к метро преграждали трое, а четверо на той стороне двинулись к мостику, и еще семь человек — отряд подстраховки — крались по кустам справа и слева.

Первым шагнул навстречу математику вожак «группы захвата», высокий, хорошо сложенный парень с капризной складкой губ, одетый в подогреваемый костюм «норд». Он был самым умным из всей компании, но высокомерием обладал не по заслугам, что сказывалось и на уровне мышления. К тому же он знал кое-какие приемы и держал наготове парализатор.

— Только-то? — сказал он пренебрежительно, имея в виду свечение кожи.— Это все, что умеют интрасенсы?

— Не все,— пробасил Аристарх коротко, встретил удар ладонью, отвел второй, отнял парализатор, развернул парня боком и сбросил с мостика в тот же сугроб, где барахтался «плевака».

Двое тут же насели на него, памятуя наказ «пощупать интрасенса кулаками», но Железовский в совершенстве владел славяногорицкой борьбой, основанной на технике владения телом и знании нервных центров на теле человека. Спустя десяток секунд оба были оглушены и оружие применить уже не могли. Это быстро поняли четверо в арьергарде, открывшие «пальбу»— стреляли пистолеты бесшумно — с ходу. Железовскому пришлось в течение минуты показывать искусство «качания маятника», прежде чем он добрался до стрелков и предложил им отдохнуть, выбросив оружие в снег. И все же один удар он пропустил: кто-то из страхующей семерки свалился на него сверху и врезал ногой в поясницу, попав точно в один из подарков, которые принес Даниил Шаламов из своего путешествия.

Железовский успокоил и прыгуна, однако вдруг с удивлением почувствовал резкий укол холода: впечатление было такое, будто к оголенной коже на боку притронулся кусок льда.

Интуиция сработала прежде, чем Аристарх понял, в чем дело.

Рука сама нырнула в карман, нащупала «кусок льда» и метнула его на заснеженно-ледяную гладь реки.

— Уходите! — рявкнул математик так, что с деревьев и кустов посыпался иней, отмахнулся от одного из засадников и бросился прочь от этого места.

В точке падения «льда» выросло копье пронзительного синего света, ударило в зенит, пробив облака, сжалось в прозрачный шар, снова развернулось лучом. В спину дохнуло жутким холодом, словно сюда, в этот лесной уголок земной природы, занесло кусочек космической, межзвездной пустоты с ее «абсолютным нулем» температуры — минус двести семьдесят три градуса [1].

Железовский прибавил ходу, боковым зрением отметив, что испуганные участники засады ломятся по кустам и месят снег следом, почти не отставая. Сзади раздавались странные звуки: звонкие, гулко-струнные удары по одиночке и хором — это лопались от холода стволы деревьев.

Остановился Аристрах уже у метро, оглянулся, но за деревьями ничего не было видно, кроме уплотняющейся белесой дымки, словно пейзаж начинал затягивать неожиданный для зимы туман.

Кто-то позвал его, нежный и далекий, раз, другой... Перед глазами проявилось колеблющееся, как монета на дне ручья, полупрозрачное девичье лицо... Забава... Неужели почувствовала?

Железовский спохватился, послал мысленный импульс-успокоение и вызвал по видеобраслету дежурную бригаду УАСС, коротко объяснив, в чем дело.

Похолодало и возле строения метро, хотя спешащие по делам люди ни о чем еще не догадывались, принимая похолодание, как само собой разумеющееся явление.

Зачирикал личный вызов. Железовский со вздохом повернул браслет квадратиком видео вверх. Но это оказалась не Забава, а ее сестра, комиссар безопасности Власта Боянова; недоумевающая, сердитая, неприветливая.

— Что у вас стряслось? Мне звонила Забава, утверждала что на вас покушались... от моего имени подняла по тревоге обойму ВВУ...

— На меня напали.— Аристарх коротко рассказал о своих приключениях и добавил:— Боюсь, что одна из игрушек Даниила сработала по назначению, нечто вроде генератора холода, срочно шлите бригаду научников и специалистов. Кроме того, я передам вам еще несколько игрушек, им нужна надежная охрана. Жду.

Выключив видео, он стал ждать прибытия вызванных групп. Мороз крепчал, и белое облако тумана, сконденсировавшегося от резкого падения давления в зоне похолодания, придвигалось все ближе...

---

[1] По Цельсию.

* * *

Произошло «событие уровня 1», как обозначались подобного рода происшествия со внеземной машиной холода, и Боянова готовилась к выступлению на Совете безопасности.

С момента происшествия прошло двенадцать часов, однако бригадам Управления до сих пор не удалось подобраться к генератору холода и выключить его. Ни ученые, ни эксперты-инженеры ничего не могли посоветовать, не собрав необходимой информации, и количество гипотез о сути явления росло, как на дрожжах. Последним позволил себе сделать заявление Аристарх Железовский, прямой виновник торжества, и, хотя Власта едва сдержалась, чтобы не нагрубить ему и выключить связь, по ее мнению, математик подошел к решению проблемы ближе остальных. Впрочем, он и знал об «игрушках» Шаламова больше всех.

— Это не генератор холода,— сказал он без выражения.

Эта его манера «бога бесстрастия и неподвижности» бесила Боянову, но запретить Железовскому тренироваться контролировать чувства она не могла.

— Судя по спектру побочных излучений, это нечто вроде излучателя отрицательной энергии,— продолжал математик, не замечая выражения лица женщины.— Вещь, совершенно немыслимая в нашем мире, вернее, мыслимая лишь математически. Зато теорией совершенно точно предсказано поведение такого излучателя: в нашем континууме он должен п о н и ж а т ь температуру, причем до цифр фантастических — гораздо ниже абсолютного нуля, до минус десятков, а то и миллионов градусов.

Железовский помолчал.

— Нам еще повезло, что этот излучатель маломощный, в противном случае произошел бы в з р ы в холода, эквивалентный атомному, если учесть, что вся эта энергия была бы поглощена.

Боянова представила масштабы «взрыва», и ей стало зябко.

— Что вы предлагаете? Как остановить этот ваш... излучатель?

— Проще пареной репы,— безмятежно пробасил Железовский.— Выключить эту штуковину вряд ли удастся, да и не имеет смысла искать выключатель, она сама перестанет работать, когда закончится ресурс. Лучше всего удалить ее с Земли, на Луну, например, или на Солнце.

Уже в который раз Власте приходилось в душе признавать, без удовольствия, но с уважением, что мыслит математик раскованно.

— Почему на вас напали именно в тот момент, когда вы возвращались от Шаламова?

— Похоже, знали, что иду не пустой, а может, догадывались. И акция готовилась тщательно, сами пацаны не додумались бы использовать две группы, основную и поддержки, обычно гедонисты-

хочушники резвятся толпой. Кстати, мы до сих пор не получили официального ответа на наше послание.

— Кто мы?

— Интрасенсы. Общественной организации, представлявшей бы наши интересы, мы не имеем, как и руководящих лидеров, но совместные решения принять можем.

— Ваш запрос будет решать Совет безопасности. Как продвигается ваша работа? — Боянова имела в виду задание, которое согласился выполнить математик.

— Спасибо, начальство не жалуется.— Железовский сделал вид, что не понял вопроса.— Скоро отправлюсь на Маат в составе второй экспедиции.

Власта поняла: разговор шел по консорт-линии, но Аристарх не доверял инконике связи, ключ к которой, хотя бы и теоретически, но можно было подобрать.

— Не ввязывайтесь в... драки. По вашему сигналу криминальные подразделения способны остановить любых резвящихся... шутников. До свидания.

В глазах Железовского отразилось подчеркнутое иронией понимание, однако выражать его в словах он, слава Богу, не стал.

Боянова закончила формулировку отчета, но перевести дух ей не удалось, позвонил Столбов:

— Власта, мы потеряли Шаламова.

— Не поняла, инспектор, как потеряли? Он что, иголка?!

— Он разделился и исчез. То есть мы предполагаем, что он использовал «динго», полностью копирующий его внешность, и ребята клюнули на эту уловку, пошли за двойником. Тот сел в такси, добрался до метро и... пропал.— Столбов в замешательстве почесал горбинку носа.— Здесь есть одна загадка: «динго» не может передвигаться без создающей голографический мираж аппаратуры, но мы такой аппаратуры...— инспектор кашлянул,— не нашли.

— Великолепно! — Тон комиссара стал ледяным.— Дмитрий, вы сейчас не просто опер. То есть оператор тревоги по форме ЗОВ. Неужели мне надо учить вас работать по таким фигурантам, как Шаламов? Не обычный псинеур — ч у ж о й псинеур! А значит, работать по нему надо нестандартно, нестереотипно, без привлечения штатных режимов, понимаете?

Столбов побледнел, но глаз не отвел. Боянова сжала зубы, перекусывая раздражение, которому не было оправдания. Инспектор ей нравился, а признаваться в этом не хотелось, даже себе самой.

— Используйте опыт ИВКа, эм-синхро, предельные возможности машин... и людей, но Шаламова мне найдите! А когда установите контакт, я встречусь с ним.

Столбов молча наклонил голову. И осталось между ними, как всегда, недосказанное что-то...

7

Уже второй раз ему пришлось уходить от слежки с использованием «пси-фантомов»— личных видеокопий, создающих у наблюдателей впечатление полного соответствия преследуемой личности. Это начинало злить.

В своей новой квартире Шаламов без удовольствия принял душ и, чтобы сбить настроение, включил домашний видео. Однако успел посмотреть только часть всеземной ежедневной программы новостей, транслируемой на всю Систему, из которой узнал, что на Меркурии в результате какого-то эксперимента образовалась «сфера Сабатини»— объект с очень странными свойствами, немыслимыми с точки зрения законов физики. Захотелось выяснить подробности и уточнить детали, но сработала фаза «черного человека», и Шаламов со всплеском погрузился в глухой колодец небытия.

Вынырнул через сорок минут там же, в квартире, и впервые обнаружил, что п о м н и т кое-какие мометны своей деятельности, вернее, деятельности тела во время отключения сознания! Раньше он абсолютно не ведал, чем занимается «черный человек», овладев человеческим телом, оболочкой носителя разума. Оказывается, «черный» продолжал жить по своим законам, хотя и в других условиях, то есть собирал информацию всеми доступными способами, главным из которых было прямое подключение к банкам данных по всем отраслям наук. Этому он научился уже сам, не привлекая к сотрудничеству вторую половину «я»— Шаламова-человека.

Пытался маатанин распорядиться и балансами энергии, подсоединяясь к электропитателям, но человеческая оболочка не хотела поглощать энергию впрок, все-таки в отличие от «черного человека» землянин, даже научившись трансформировать тело в широких пределах, аккумулировать все виды энергий не мог.

— Ну ты, Сын сумерек, сукин сын! — проговорил Шаламов мысленно, обращаясь к затаившемуся в голове пришельцу.— Кончай самодеятельность! Тебе мало того, чем набит мой черепок? Все равно ведь не сможешь передать знания по назначению.— Пригрозил:— А станешь шебуршиться, найду Мальгина, он живо выдернет тебя из меня и засунет в машину.

Шаламов хихикнул.

— Станешь первым экзоинком. Неплохая идейка?

«Черный человек» не ответил, глубоко безразличный к переживаниям бывшего хозяина тела.

— Как ты думаешь, что это за диковина — «сфера Сабатини»?— продолжал Шаламов рассеянно, забыв, что говорит, по сути, сам с собой.— Слетать туда, на Меркурий, что ли, посмотреть? Уж больно знакомые параметры...

В голове с тихим хрустальным звоном лопнул сосуд — «черный человек» соизволил ответить:

— Универсум. Перегиб координат. Пересечение континуумов.— Маатанин помолчал и закончил лаконично:— Зыбун.

— Как?— удивился Шаламов.— В каком смысле «зыбун»?

«Черный» затих.

Даниил покружил по комнате, пытаясь вспомнить, что он хотел сделать, но удалось это не сразу: мешала растущая раздражительность, борьба желаний — хотелось бежать, сидеть и лежать одновременно,— какие-то причудливые призрачные видения — видимо, в сознании отражались мыслительные процессы «черного человека». Сосредоточившись, Шаламов наконец подчинил мозг и тело тому «я», которое чувствовало себя человеком, и позвонил Гзаронвалю, то бишь Семену Руцкому, единственному, кто мог знать, где находится Купава. Жена все еще находилась в круге устойчивого интереса Даниила, хотя терпение, позволявшее ему пока упорно искать ее, уже иссякло. Кончался резерв ожидания, как сказал бы начальник спасателей-курьеров Прохор Жостов. Бывший начальник, впрочем.

Уже назвав номер Семена, Шаламов вдруг вспомнил о дочери Купавы, эта мысль всегда царапала ему душу когтистой лапой неприязни. Стоило поискать ее по детским учреждениям Земли и таким образом выйти на саму Купаву. Мысль была неплоха, и настроение Шаламова немного повысилось.

Гзаронваль-Руцкий ответил с явной неохотой — на третьей минуте вызова. Окрашенная недоумением скука в его глазах сменилась безмерным изумлением и страхом, когда он увидел абонента, однако быстро взял себя в руки.

— Дан?! Вот уж кого не ждал.

— Почему? — угрюмо полюбопытствовал Шаламов.

Гзаронваль смешался, подергал себя за вихор над ухом — в последнее время он носил прическу по моде «бреющий полет», и волосы торчали по бокам головы, как крылья летучей мыши.

— Ну-у... ходят слухи, что ты путешествуешь по иным мирам и вернешься не скоро. Надолго на Землю-матушку?

— Где Купава?

— Не знаю,— быстро ответил Марсель. Слишком быстро.

Шаламов поднял руку, и та за несколько секунд превратилась из нормальной человеческой руки в суставчатую конечность с широкой когтистой восьмипалой лапой зелено-фиолетового цвета. Лапа медленно потянулась к груди Гзаронваля, тот отшатнулся, напоминая пловца, сделавшего вдох и ушедшего под воду.

— Где Купава?!

Гзаронваль опомнился — его бывший друг находился далеко и не мог причинить ему вреда. Пробормотал хрипло:

— Монстр!.. Правильно говорил Каз... Извини, Даниил, ты меня напугал. Я не знаю, где Купава. Спроси лучше у Мальгина, он должен знать. Говорят, что в последнее время они...

— Говори!

— Ну он же оперировал ее, спас от наркотранса... короче, это не мое дело. Если не получится с Мальгиным, приходи ко мне, подумаем вместе, где ее искать.

Виом погас.

Шаламов постоял у «домового» на дрожащих ногах, чувствуя, как в душе поднимается цунами злобы и ярости, попытался было успокоиться, но поздно: накал отрицательных эмоций превысил порог включения «черного сознания», и во владение телом снова вступил маатанин. Третий раз за этот день...

Он мчался, как снаряд, с огромной скоростью в каком-то сером тумане, проделывая в нем гладкий незарастающий туннель. Затем что-то щелкнуло, будто клапан в скафандре, и туман стал редеть, таять, распался на полосы и клочья, исчез. Теперь стало видно, что летит он над фиолетово-коричневыми горами с багрово светящимися вершинами. Пейзаж внизу казался диким руинованным хаосом, взгляд то и дело натыкался на «развалины» замков, соборов, циклопических стен и гигантских зданий, которых на самом деле не существовало. Человеческому глазу трудно было разобраться в цветовых сочетаниях и оттенках горной страны, слишком непривычны они были, неожиданны, калейдоскопичны, хотя нет-нет да и пробивалась сквозь чувство чужеродности чья-то успокаивающая воля: все нормально... все знакомо... все хорошо...

Мелькнули последние алые отроги горной страны, и в долине, распахнувшейся под летящим, показалось зеленовато-серое, с серебристым отливом озеро, на берегу которого выстроился город. Чужой город, немного напоминающий скопление земных термитников, только величина каждого здания-«термитника» намного превышала земные аналоги.

Город приблизился, одно из его зданий выросло в мрачный «готический» собор, собранный из грубых столбообразных камней, грани которых отбрасывали гранатовые блики. Миг — и казавшийся сплошным частокол каменных уступов лопнул зигзагом щели, мелькнули толстые, фосфоресцирующие фиолетово-синим светом стены, сомкнулись за спиной. Движение оборвалось.

Шаламов оказался в маатанской «квартире», обстановка которой хоть и не напоминала жилище человека, но была по-своему гармоничной и законченно функциональной. К тому же все здесь казалось смутно знакомым, почти родным, отвечало внутренним представлениям об уюте и порядке. И все было живым, выращен-

ным из стен здания с помощью процессов направленной кристаллизации, диффузии и осмоса. Да и здание в общем-то, с точки зрения маатанина, было единым живым организмом, призванным беречь, кормить и охранять своих обитателей.

Шаламов облетел «гостиную», лавируя между предметами быта, торчащими из стен, пола и потолка. Он ощущал какое-то нездоровое возбуждение, необычное стеснение, дискомфорт, но дискомфорт, связанный не с его обликом и несоответствием между чувствами человека и того существа, в шкуре которого он находился, а с неким внешним воздействием, которому не мог подыскать причину. И внезапно понял.

— Вершитель? — позвал он мысленно, по-маатански: огненные язычки беззвучно сложились над головой — или в голове? — в иероглифы маатанского пси-языка.

Мрак в углу комнаты вдруг загустел, стал плотным, как желе, потек струей на середину помещения. Повеяло холодом, звездной пылью и г л у б и н о й...

— Уходи,— раздался в теле Шаламова, в каждой его клеточке, звучный бархатный голос.— Уходи в инобытие, человек. Оставаться на Земле опасно, сородичи не поймут тебя, и все, что ты там делаешь — лишнее. Ищи Вершителя, он — Единственное и Вечное Начало всему, что называется бытием, он поможет тебе.

— А ты? Значит ты — не Вершитель?

Вихрь мрака посреди комнаты в з м а х н у л к р ы л о м, раздался тихий смех, раскатистый, гулкий, но не обидный. Впрочем, смехом эту песнь излучений и пляску полей мог назвать только маатанин.

— Я — Посланник, еще один богоид, если пользоваться твоей терминологией. Уходи, пока не поздно. Твоя дорога не ведет на Землю, жизнь которой хрупка и ранима.

— Но мне необходимо кое-что земное, я не могу без... некоторых... вещей.

— Сможешь.— Тот же смех и, следом, стремительное падение в глубину мрака... звезды... ветер в лицо... слезы, тоска... свет!

Смех и слезы все еще жили в его памяти, когда Шаламов открыл глаза. С в о и глаза, человеческие, способные видеть лишь в узкой полосе электромагнитного спектра.

— Сон,— вслух проговорил Шаламов.— Это был сон.

На этот раз фаза «черного» длилась дольше, около двух часов, и что делал маатанин, Даниил не знал. В памяти его человеческой сохранилось лишь слабое эхо чужого сознания, оперирующего потоками мыслей сразу на шести-семи уровнях. Потоки наслаивались друг на друга, переплетались в бессмысленный конгломерат неведомых письмён, от которого пухла голова. Конечно, если поднатужиться, Даниил смог бы проникнуть в сферу сознания «черного

человека», как делал это ради любопытства не раз, но что-то останавливало его, какой-то непонятный духовный инстинкт, последний предохранитель, еще удерживающий скатывание человеческого «я»в пропасть чужой психики.

Шаламов начал было искать выход на инка справочной службы, чтобы выяснить адрес яслей, где могла быть дочь Купавы, и в этот момент память маатанина выдала ему один из результатов деятельности «черного» в отсутствие хозяина.

Это был адрес некоего Аристарха Железовского, биоматематика из Института внеземных Культур. Парень проник в дом Шаламова и забрал «следы путешествий» — подарки, которые Даниил принес для Купавы.

Новость оказалась неожиданной, потому что в знакомых курьера биоматематик с такой фамилией не числился, и непонятна была его связь с Купавой. Он явно что-то знал, этот математик, раз так свободно вошел в квартиру и забрал не принадлежащие ему игрушки. Следовало познакомиться с ним поближе.

Сменив облик, Шаламов отправился на поиски незнакомца и отыскал его дом на окраине Пушкино, когда уже стемнело. Чувство внешнего наблюдения на этот раз было слабее, чем раньше, и Даниил отнес его в разряд мнимых ощущений: знать, где он живет, не мог никто, узнать — тоже, так как на Даниила Шаламова он теперь был совсем не похож.

Математик занимал довольно скромную четырехкомнатную квартиру: спальня, гостиная, рабочий комп-кабинет, спортзал,— на седьмом этаже высотного «кипариса». Гостей он не ждал, но и растерянным не казался: здоровенный парень с великолепным мускульным рельефом, которому позавидовал бы и Бен Вайтнеггер, нынешний чемпион по бодибилдингу. Пристально вглядевшись в рыхлого толстяка с красным широким лицом, он наметил улыбку и проговорил гулким «протодьяконовским» басом:

— Входите, «Сын сумерек», покалякаем.

Шаламов вонзил взгляд в серые, с ироническими огоньками, глаза хозяина... и встретил хорошо подготовленный отпор. Пси-блок!

— Интрасенс...— проворчал он, проходя в гостиную, где уютно горела свеча торшера в окружении трех огромных, под стать хозяину, кресел.

— Моя беседка,— сделал жест Железовский. Было видно, что он старается избегать мимики и лишних движений. Усевшись после гостя, он оперся локтем на валик кресла, утвердил подбородок на сжатом кулаке и превратился в «роденовского мыслителя».

— Верни мои вещи,— угрюмо сказал Шаламов,— и поговорим о твоем отношении к моей семье.

Железовский выдержал еще один острый взгляд, совмещенный

с попыткой пси-зондирования. Бесед в манере инклюзив[1] он не любил, но с Даниилом не следовало разговаривать на повышенных тонах.

— Если речь идет о раритетах неземного происхождения, то я сдал их на хранение в спецбункер УАСС. Они опасны, как и первые ваши... гм, подарки.

— Чушь!

— Отнюдь. Один из раритетов вчера внезапно раскрылся и охладил зону в радиусе километра до температуры вымерзания газов. Теперь там образовался купол из твердых азота и кислорода, над которым бушует пурга из снега замерзающего воздуха.

— Кондиционер,— проворчал Шаламов.— Наверное, это заработал вакуумпреобразователь, я хотел сделать из него кондиционер, практически вечный. Но остальные вещи неопасны, гарантию даю.

— Готов поверить, но безопасность не любит сюрпризов, ведущих к человеческим жертвам. Думаю, там посмотрят на ваши вещи, оценят и вернут, если они действительно безопасны. Откуда вы берете такие объекты?

— Они — свидетели моих странствий, сувениры из разных миров, умерших в большинстве случаев. Я хотел подарить их жене...— Шаламов преодолел приступ острого неудовольствия, вспомнив, зачем пришел.— Не беси меня вопросами, отвечай на мои, я имею на них право. Откуда ты знаешь меня?

— От Мальгина, он мой друг.

— Откуда ты знаешь, что я был дома и принес подарки?

— Вы уже приносили подобные подарки, их забрал Лондон, предупредив об опасности. О вас я знаю все, и не только от Клима. Считаю...

— Мне чихать, что ты там считаешь. Где Купава?

Железовский остался невозмутим, он был готов к любому повороту беседы.

— По-видимому, ее прячут. От всех. В том числе и от вас. Кто конкретно — не знаю, кто-то из лидеров ее бывшей компании.

— Какой еще компании?

— К сожалению, она попала под влияние наслажденцев из «эскадрона жизни», а прячут ее молодцы из сопутствующего клуба острых приключений, брейкеры. Думаю, я в скором времени выйду на конкретных исполнителей.

— Значит, ты не математик? Работаешь на безопасность?

— Математик, но работаю над проблемами, которые меня интересуют.

---

[1] Инклюзив — по сути, команда, побуждающая к совместному действию; например: «Пойдем».

— Может быть, ты знаешь и тех, кто следит за мной? Наверняка это твои приятели — безопасники.

— За вами охотятся не только безопасники, и цели у них далеко не благовидные. Почему бы вам не явиться к Власте и не выяснить с ней все отношения?

— Кто это?

— Власта Боянова, комиссар безопасности. Толковая женщина, хотя и не интрасенс.

— Я хочу делать то, что мне хочется, сэр, а с твоей комиссаршей мне говорить не о чем. Я никого не трогаю, пусть не трогают и меня.

Железовский вдруг увидел на месте Шаламова фигуру, состоящую из многих взаимопроникающих фигур людей и животных, причем некоторые явно были неземными существами. Одно из них, похожее на динозавра в пупырчатой броне, раскрыло пасть и проскрипело:

— Нигде от вас покоя нет.

Видение держалось несколько мгновений и пропало — это на пси-уровне проявилась внутренняя сущность Шаламова, его раздвоенность, вернее, «размноженность», хотя сам он этого, наверное, и не заметил.

— Встретишь Мальгина,— с усилием заговорил Шаламов после паузы,— предупреди его: пусть на становится у меня на пути.

— Разве он становится? — добродушно осведомился Железовский.— Каким образом?

— Я имею в виду Купаву. Потерял — значит, потерял. Пусть не ищет с ней встреч и не вмешивается в ее жизнь.

— А вот тут позвольте возразить.— Хозяин выпрямился, сдвинув брови.— Вы что же, считаете, что Купава принадлежит вам, как вещь? А разве это не вы бросили ее ради... своих странствий? И не от этого ли она ищет утешение в наркомузыке, которой ее снабжают недоразвитые «суперы» из «эскадронов жизни»?

Глаза Шаламова угрожающе вспыхнули, и, несмотря на всю защиту и готовность к пси-атаке, Железовскому показалось, будто по затылку прошлась жесткая лапа гиппопотама. Качнулись стены, к горлу подступила дурнота. Кто-то пытался пролезть в мозг, з пустив туда холодные гибкие щупальца. Математик напрягс... пытаясь вести борьбу на уровне внушения, и это ему удалось: голс прояснилась, ощущение чужих щупалец прошло.

— Будзюцу [1], что ли? — с долей разочарования и уважения произнес Шаламов, пережив приступ гнева.— Извини, не хотел.

— Вам нужен нейропсихолог,— ровным голосом ответил Железовский, обнаружив, что сидит весь в поту.— Слишком легко воз-

---

[1] Мастер боевых искусств *(яп.)*.

буждаетесь и гневаетесь, тратите нервную энергию по пустякам. Клим скоро вернется, поговорите с ним, он единственный из всех специалистов, кто может помочь. Кроме разве что Вершителей.

— Где он?

— Там же, где были вы. Он, Джума Хан и Ромашин. И пошли они ради вас.

Шаламов недоверчиво покачал головой, чувствуя приближение очередной фазы «черного человека». Он уже начинал терять нить разговора и с трудом ловил ее. Пора было уходить, однако останавливало чувство забытой вещи: что-то он забыл выяснить, но, что именно, вспомнить уже не мог.

В кабинете хозяина что-то прозвенело — тонко, нежно, печально, будто зазвенели живые лесные колокольчики.

Железовский и Шаламов одновременно посмотрели друг на друга. У бывшего спасателя был такой вид, будто он принюхивается.

— Черт возьми! — с расстановкой сказал он.— Это же кокон «эскалатора»! А я гоняюсь за ним по спецхранам, как проклятый. Каким образом он у тебя оказался?

— Взял на временное хранение у безопасников. Скоро должны появиться остальные путешественники, и надо быть уверенным, что выйдут они целыми и невредимыми.

— Он мой, и я заберу его с собой.

Железовский набычился.

— Не сейчас, Даниил. Гарантирую, что, когда он вам понадобится для перехода в трансфер, вы его получите. Только не нужно пробовать на мне вашу технику внушения, я могу не выдержать и просто набью вам морду. Физически. Будьте уверены, я это сделаю.

— Будзюцу,— задумчиво пробормотал Шаламов, слабо улыбнулся.— Не мальчик, но муж. Я тоже кое-что смыслю в этом плане, хороший спарринг получился бы. Надо же, как все получается. Мне с самого начала казалось, что я чую пульсацию «струны», никак в толк не мог взять. Кокон! Надо теперь... подумать...

— Чаю хотите? — спросил Железовский, расслабляясь.— Могу предложить морс, тоник, селем, сбитень.

Шаламов перестал улыбаться, посмотрел на него, как сквозь прозрачное стекло. Облик спасателя начал плыть, колебаться, меняться, не останавливаясь на конкретной фигуре.

— Что с вами?!

— Я... останусь... у... тебя! — раздельно выговорил Шаламов.— Не... сообщай... никому!..

— Это уж я обещаю! — Железовский вскочил, сбросив маску хладнокровия, помчался в кабинет за эмканом.

Перед тем как окончательно провалиться в небытие, Даниил успел прочитать мысли математика: «Упустить такой уникальный

случай!.. Клим был прав — у него учащаются фазы «черного сознания», а с маатанином, пусть и в облике Шаламова, я еще не общался...»

Иглы боли вонзились в глазные яблоки, огненная нить прошила насквозь все тело, уперлась в голову, и наступила тьма...

8

С высоты в девять километров местность под спейсером напоминала заснеженный кратер вулкана, фонтанирующий паром. Диаметр кратера понемногу рос и уже достиг четырех километров, хотя, конечно, никакого вулкана здесь не было, а снежная громада родилась из смерзшихся газов в результате действия излучателя «отрицательной энергии»— как назвал это устройство Железовский, или «генератор холода» — как продолжали звать работники Управления.

Температура в эпицентре явления продолжала падать, по утверждениям физиков, хотя непосредственно измерить ее они не могли — таких термометров просто не существовало. Нижний предел созданных на Земле термоизмерителей был равен минус двумстам семидесяти трем градусам, а в «кратере» создавались температуры в десятки тысяч градусов со знаком минус! Измерить их можно было только косвенными методами, по вторичным эффектам, и физики справились с этим, создав за короткое время необходимые приборы.

— Минус тридцать две тысячи!— уточнил лидер ученых из Института физических проблем, покосившись на соседку.

Боянова никак не прореагировала на замечание.

В координационном зале спейсера погранслужбы «Шевалье» находились всего несколько человек: руководитель исследовательской группы Грушин, командор погранслужбы Торопов, представитель СЭКОНа, комиссар безопасности и Алексей Шевчук, с которым Боянова постоянно советовалась.

— Начинаем,— холодно сказал Торопов.

Боянова, словно завороженная пейзажем, медленно кивнула.

Из «кратера вулкана» изредка вылетала трасса пронзительно желтых штрихов света, прожигала вихрящиеся над районом бедствия облака и уносилась в пространство. Как оказалось, она свободно пробивала любые экраны, оставляя идеально круглые дыры, края которых долго сохраняли температуру, близкую к абсолютному нулю.

— Десанту — выброс! — скомандовал Торопов, и это было единственным проявлением воли руководителя, остальными действиями обойм риска руководил инк-координатор операции.

Спейсер снес яйцо «пакмака», разделившегося над фонтаном пара на пять аппаратов: четыре когга и осевой драккар. Граненые «макаронины» коггов нырнули в облако тумана, скрылись из глаз, а драккар медленно вдвинулся в толстую струю фонтанирующего ослепительно белого пара так, чтобы не попасть под очередь световых «пуль».

Впереди сидящих в креслах людей развернулись виомы оперативной обстановки — заработали камеры коггов, переключив диапазоны видения на мягкий рентген. Изображение в более крупном виоме синтезировалось инком так, что было видно, чем занимаются машины десанта. Снежно-ледяная опухоль уже погребла под собой парк вокруг станции метро и часть жилого массива, жителей которого удалось эвакуировать без паники. Одна из камер показала расколотое вдоль множеством рваных трещин дерево, зрелище притягивало взор и вызывало сердцебиение.

По неслышимой команде когги включили терморезаки. Длинные полотнища оранжевого пламени вонзились в склоны «вулкана», раздался булькающий свист, сопровождаемый оглушительным треском: замерзшие газы не плавились, а взрывоподобно испарялись, чтобы тут же замерзнуть опять, буквально в сантиметрах от потоков раскаленной плазмы. Но резаки работали непрерывно, и вскоре пламя ограничило ровный квадрат со стороной в десять метров, из верхней грани которого посверкивал желтый луч работающего генератора холода.

Что-то вонзилось в склон горы, как снаряд, исчезло из глаз: пошел еще один резак, автономный, предназначенный отрезать кусок снизу. Схватка огня и холода таким образом длилась еще несколько минут. Затем сверху на ограниченный пламенем горелок квадрат упало ажурное кольцо, прилипло ко льду, и вырезанный из кислородно-азотного льда и снега параллелепипед, завернутый в «мешок» из пламени, стал медленно вытягиваться из образовавшегося колодца. Еще одно металлическое кольцо охватило параллелепипед за пределами огня, затем еще одно и еще, пока весь он по длине, равной двумстам метрам, не оказался в «браслетах», как рука индийской девушки-танцовщицы.

На высоте километра над землей пламя погасло, и когги, выполнив свою миссию, отвалили в сторону. Их место заняла эскадрилья беспилотных галеонов, взявших в силовые захваты серебристо-белый брусок, окутанный струями пара и полосами искрящейся изморози. Теперь стало видно, что в нижней части полупрозрачного бруска, ближе к дну, разгорается и гаснет желто-зеленый клубок огня, выстреливая вверх и вниз очереди ослепительных световых стрел. Ледяной параллелепипед продолжал подниматься в небо не слишком быстро, но ровно и уверенно. Бригада кризисных ситуаций погранслужбы работала четко и слаженно.

— Молодцы! — похвалил всех представитель СЭКОНа.— Хорошо справились. Что значит — опыт!

— Опыт увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает нашей глупости [1],— меланхолически заметила Боянова. Оглядела вытянувшиеся лица присутствующих, вздохнула.— К слову пришлось. Пограничники действительно молодцы. Но решать этот ребус, я имею в виду «генератор холода», придется еще долго. Он опасен, как неуправляемый пулемет. Ваши намерения, командор?

— Отбуксировать его поближе к светилу. По крайней мере, там один «ствол пулемета» можно направить прямо в Солнце, а по вектору второго поставить маяки.

— Хорошо, возражений нет. Я снимаю ВВУ. Идемте, Алекс.

Шевчук и Боянова вышли из зала, направляясь к отсеку метро.

— Куда теперь? — осведомился заместитель, приноравливаясь к широкому летящему шагу женщины.— Не больно-то вежлива ты с отцом дочери.

— Он того заслуживает. А сейчас мы на Меркурий. Покажешь свою любимую «сферу Сабатини». Она по-прежнему растет?

Шевчук невольно улыбнулся.

— Свою? Впрочем, «сфера» и в самом деле теперь моя, как главный персонаж области ответственности. Да, она растет и продолжает пузыриться призраками маатанских проникателей.

Они вошли в отсек метро, и в этот момент рация «спрута» прочирикала вызов. Боянова остановилась, мысленно дав добро на соединение.

— Власта,— раздался в ухе характерный инфрабас Аристарха Железовского, спутать его с кем-либо было невозможно.— У меня в гостях Шаламов. Срочно прилетайте, только без ваших оперативников, одна, а то спугнем. Адрес знаете?

— То есть как Шаламов? Почему у вас? — переспросила Боянова, застигнутая известием врасплох, но математик уже выключил связь.

— Нашли Шаламова? — спросил Шевчук с интересом.— Я с тобой.

— Он у Железовского... математика из ИВКа... нет, я пойду одна, будем держать связь.

— На всякий случай следовало бы поднять ватагу перестраховки,— начал заместитель, но комиссар уже исчезла в кабине метро, махнув рукой. Жест означал: занимайся своим делом. Шевчук только головой покачал, не одобряя поспешности начальницы.

Дежурный выдал адрес Железовского тотчас же, объяснив, каким путем добраться быстрее всего, но, как ни спешила Боянова, встретиться с Шаламовым ей не пришлось.

---

[1] Генри Шоу.

Дверь открыл хозяин, бледный, державшийся за голову, но чрезвычайно довольный. Увидев Власту, он развел руками, сморщился было, но тут же попытался вернуть свой привычный равнодушно-бесстрастный вид.

— К сожалению, он ушел. Очнулся от фазы «черного», шарахнул по черепу — в пси-диапазоне, конечно, и ушел. Я до сих пор в нокдауне. Извините, прошу.

Боянова вошла. Обстановка квартиры Железовского ее не интересовала, но то, что чистота и порядок в комнатах поддерживаются весьма заботливо, хотя и не по-женски, Власта заметила. Чувствовалось, что хозяин аккуратист и любит уют.

Аристарх пригнал из кухни поднос с напитками и орехами, оставил висеть его возле гостьи, видя, что та садиться не собирается.

— Почему он появился у вас?

Железовский коротко пересказал ей содержание беседы с Шаламовым. Математик был возбужден, хотя и старался скрыть свои эмоции.

— А потом он отключился, я имею в виду человеческую часть личности, и телом завладел «черный человек». Зрелище было не для слабонервных, надо признаться.

— Как он одет?

— Гол как сокол.— Железовский выдержал паузу, видя растерянность в глазах Бояновой.— Дело в том, что он способен трансформировать тело чуть ли не в любой предмет. Одежду не носит, но кожа обладает свойствами абсолютной мимикрии, так что кажется, будто это костюм.

Сообщение произвело на Боянову впечатление, которое она и не пыталась скрыть.

— Это еще семечки,— продолжал не остывший Железовский.— Если бы вы видели, что было потом! Ко мне Даниил пришел не в своем облике — скопировал какого-то любителя поесть, а когда сознанием завладел маатанин, тело человека начало превращаться в фигуру «черного человека», но до конца не трансформировалось, что-то помешало: то ли человеческие инстинкты восстали, то ли маатанину была не столь важна форма внешней оболочки. Во всяком случае, упырь получился жутковатый: ноги почти исчезли, туловище превратилось в лоснящуюся бугристую тушу, руки наполовину утонули в ней, голова расплылась бугром...

— Не увлекайтесь,— перебила математика Власта, поколебалась немного и села.— Меня больше интересует го дзе Шаламова, а не его внешность.

— Чего? — поперхнулся Железовский.

— Душевное состояние.

— А-а...— Аристарх сбился с мысли, порозовел.— Душевное

состояние — разговор особый. От человеческой сущности остался небольшой обломок, Даниил все чаще доверяет «черному» и практически перестал бороться за власть внутри себя. Он мыслит в основном чужими категориями и сообразуется с чужими ценностями. Я кое-какие параметры успел записать, пока длилась фаза «черного», включил диагностер, нацепил на Даниила датчики. Вот запись.— Математик сунул руку в стену и вынул из замаскированной ниши, в которой пряталась панель медицинского диагностера, таблетку кассеты.— Правда, делал я это впопыхах, так что за качество записи не ручаюсь.

— Спасибо,— кивнула Боянова.— И что было дальше?

— Дальше вылупившийся монстр голосом Шаламова потребовал подключить его к научной компьютерной сети и не мешать функционированию. Возражать не имело смысла, и для начала я соединил его со своим рабочим компом, так вот он его буквально высосал! То есть Шаламов-маатанин уничтожил память инка! Поскольку мне стало жаль компа, я предложил Шаламову компромисс: я даю ему консорт-линию с информсетью, он отвечает на все мои вопросы. Думал он долго, минуты две, пытался зондировать и внушать, но я героически отбился, и ему пришлось согласиться. И я узнал столько, что волосы дыбом до сих пор.

— И он с вами разговаривал? — недоверчиво проговорила Власта.

— Во-первых, разговор шел в пси-диапазоне, я как-никак интрасенс.— В голосе Железовского проскользнули нотки самодовольства.— Во-вторых, Шаламов в состоянии «черного» мыслит многопланово, то есть как бы пятью-шестью головами сразу, и ему несложно было «одну из голов» сориентировать на беседу-работу со мной.

Боянова мельком взглянула на браслет, высветивший время.

— Продолжайте, но сжато, у меня мало времени. Кстати, как вы думаете, куда он двинулся от вас?

— Могу только догадываться о маршруте. Он ищет Купаву и, вероятнее всего, начнет посещать всех общих знакомых.

— Он еще способен думать о жене? Зачем она ему в таком состоянии?

— Я задал этот вопрос его второму «я», и «черный» ответил: «Она — его оптимальный партнер».

Боянова покачала головой.

— Не очень-то убедительно.

— Что имею, то и дарю. Человек без души — всего лишь биомеханизм, приводимый в движение системой процессов окисления, которые питают энергией компьютеры тела и движители. У Шаламова же еще что-то осталось от души, послеличность, сохранившая привязанность к женщине.

— Хорошо, продолжайте, к дискуссии на подобные темы я не готова. Что интересного он вам сообщил?

— Интересного уйма! От вселенских тайн и масштабов до иероглифов нечеловеческого духа. Вы знаете, что наша Вселенная из-за хаотической инфляции подобна мыльной пене? Мы с вами живем в одном из таких «пузырьков», так называемом метагалактическом домене. Так вот размер нашего домена — десять в степени миллион сантиметров! То есть то, что мы видим в телескопы,— ничтожная часть пузырька-домена. И все же Вершители, невзирая на расстояния, используя уцелевшие реликтовые «суперструны», смогли построить сеть метро, соединяющую большинство доменов! Впечатляет, не правда ли? Не менее удивительной вещью для меня оказалась страсть Даниила к путешествиям. Он успел побывать в тысяче разных миров с разными физическими законами и узнать столько, что у меня до сих пор голова кругом. Чего, например, стоит известие, об этом, правда, нам уже говорил Лондон перед нашим походом в метро, что человечество — единственная из уцелевших технологических цивилизаций во Вселенной! Да и то только потому, что у него появился шанс поворота к биоцивилизации.

— Я и не знала, что мы вымираем. Что за шанс?

— Интрасенсы.

— Это Даниил... м-м, «черный» вам сообщил или ваш вывод?

— Мой, но он хорошо коррелируется...

Движением ладони Боянова остановила математика.

— Довольно, поговорим о тайнах экзосенса Шаламова позже, меня сейчас занимают другие проблемы. Кстати, что заставляет его путешествовать? Я имею в виду, что подобная страсть к странствиям не совсем обычная вещь для нас с вами.

Железовский кивнул, с усилием возвращая себе бесстрастный вид.

— Вы правы. Я думаю, это уже влияние «черного». Маатане, насколько нам известно, представляли собой энергоинформационные аккумуляторы, созданные Вершителями для каких-то своих целей, и смысл их жизни состоял в постоянном сборе информации и аккумулировании энергии, вот наш получеловек и включает свою стандартную программу, когда овладевает сознанием. Да и на психике Шаламова сей факт не мог не отразиться.

— Это... страшно!

Железовский шевельнул плечом, так что под тонкой тканью костюма рельефно обозначились мускулы, но возражать не стал.

— Поневоле вспоминается изречение,— продолжала Боянова.— «Человек в самом себе носит самого страшного из своих врагов»[1]. К Шаламову изречение подходит идеально. К сожалению. А ведь

---

[1] Ж. Ламетри.

у нас в запасе еще два экзосенса: Лондон и Мальгин. Выдержат ли они бой с чужой психикой или сломаются, как Шаламов? Вот в чем главный вопрос.

— За Мальгина можете быть спокойны, он выдержит, а что касается Лондона...— Математик слегка замялся.— Разве он не дома, в полном здравии?

Боянова уловила заминку хозяина, остро взглянула на него.

— По-моему, вы тоже знаете, Аристарх: мы имеем дело не с прежним Майклом Лондоном. Так?

Железовский снова пошевелился, что-то его беспокоило, тревожило, а может быть, просто он с нетерпением ждал ухода комиссара, чтобы заняться любимым делом. Боянова подождала ответа, не получила и собралась уходить.

— Еще несколько моментов. Вы не спрашивали «черного», что такое «сфера Сабатини»?

— Эйнсоф? — Железовский улыбнулся.— Спрашивал. По выражению Даниила-«черного», эйнсоф — место, где можно случайно коснуться чего-то — я не понял, чего именно,— что вызовет взрыв вакуума. В моей интерпретации — взрыв нашего домена.

— Ах Ромашин, Ромашин,— покачала головой Боянова.— Как же опасны твои самодеятельные исследования...

— При чем тут Ромашин?— удивился математик, но женщина его не слушала.

— Еще раз предлагаю перейти на работу в отдел, не понадобится конспирация и особые методы связи. К тому же, уверяю вас, работать у нас не менее интересно, чем в ксеноцентре ИВКа, проблем хватает.

— Не хочу,— сказал склонный к прямоте Железовский, не чувствуя смущения.— Не люблю формальных структур, узаконенной системы методов, процедур, работы и деловых отношений. Лучше работать на контракте: вам важен результат, мои личные соображения вас не должны волновать, как и нормы поведения.

— Что ж, ultima ratio [1].— Тон речи комиссара похолодел.— Как дела с заданием? Завершаете?

— В стадии... э-э, предварительного... м-м, поиска,— промямлил Железовский.

Боянова молча смотрела на него, не выказывая эмоций, но математик в и д е л, о чем она думает.

— Впрочем, извините, мне просто было некогда,— сказал он, опуская голову.

— Вы меня удивляете, Аристарх,— спокойно, с ноткой грусти проговорила Власта. Она чувствовала, что математик з н а е т, о чем идет речь.— Вы сами предложили нам помощь, и вдруг оказы-

---

[1] Последний решительный довод *(лат.)*.

вается, что вам некогда! Как это понимать? Мне казалось, что вы уже достигли age of discretion [1] и способны отвечать за свои решения, теперь же убеждаюсь, что поторопилась с предложением работать у нас.

Комиссар повернулась к двери.

— Завтра будет готов анализ и расчет,— проговорил красный от стыда Железовский ей в спину.— Я набрел на интересное явление: многие высокотехнологичные заводы-автоматы делают детали, которые потом не идут к потребителю продукции. Когда удастся проследить каналы их вывода, можно ждать открытий.

— Каких? — Боянова оглянулась через плечо.

— Ваши подопечные «эскадроны жизни» делают себе таким образом какую-то сложную технику. Оружие. Транспорт. Развед-системы. И все это — против нас, интрасенсов.

— «Эскадроны» здесь ни при чем,— вздохнула женщина, глядя на математика с неопределенным интересом.— С ними еще как-то можно мириться, но они связаны с экстремистами разных мастей, от нацистов до «непримиримых», фанатиков пострелигиозного толка, а это уже другая компания, требующая постоянного внимания. Плюс «Орден».

— Ничего, я доберусь и до них.

Боянова улыбнулась.

— Нашему б теляти вовка съисты! Все-таки вы пока больше мальчишка, Аристарх, а не мужчина-интрасенс. От вас требуется только расчет центра, прогноз готовящейся потасовки, остальным займутся криминальные подразделения. Не вмешивайтесь не в свои дела. Почему бы для ускорения расчета вам не воспользоваться эм-синхро? У безопасности есть своя и довольно обширная система банков данных, не хватит — включим европейскую, азиатскую или американскую компьютерную сеть...

— Нет.— Железовский бросил взгляд исподлобья.— У наших противников тоже есть системы защиты информации, и если начать работать в открытую...

Боянова кивнула и вышла, услышав последнюю фразу математика уже из коридора:

— И вся любовь...

Фраза вызвала невольную усмешку, но Боянова тут же забыла о ней, увидев возле дома Шевчука. Заместитель молча посторонился, пропуская ее в салон пинасса, и аппарат взмыл в небо.

— Что ты тут делал?

— Проходил мимо,— серьезно сказал Шевчук, успевший дать отбой оперативникам подстраховки.— Не успела?

— Сними прикрытие.

---

[1] Возраст ответственности *(англ.)*.

— Снял. Шаламова четверть часа назад засекли в Хатанге. Взял курьерский когг и отбыл куда-то в неизвестном направлении. Служба пространства работает, скоро узнаем, куда он направился. И еще любопытная деталь: вместе с фигурантом розыска наблюдался странный объект — в форме полупрозрачного облака с глазами.

— Тысячеглазый, орилоунский автомат. Или как там его?.. Аргус-2.

— По-видимому, он.

Пинасс достиг транспортного узла метро, лихо воткнулся в финиш-поле машин малого класса. Шевчук вылез первым, подал руку Бояновой, зашагал рядом, чуть косолапя.

— Куда теперь? В отдел? Я только что с Меркурия, работал с пограничниками по сетке защитных станций. «Сфера Сабатини» мигает, то начинает светиться, то «проваливается» в черную яму, как бы исчезает. Но впечатление...— Шевчук пригладил усы, подумал и коротко добавил: — Абу-ль-Хвавл!

— Что? — не поняла Власта, входя в кабину метро.

— Отец страха,— перевел заместитель.— Арабское имя Сфинкса. Подсознание реагирует на «сферу Сабатини», как на жуткую тайну, явление с непредсказуемыми последствиями.

— Так оно и есть на самом деле. «Призраки» оттуда все еще вылетают?

— Реже, но интереснее. Это уже не маатанские «проникатели», а что-то другое, сказочно красивых геометрических форм. Можешь посмотреть записи.

В Управлении они разделились: Боянова направилась в столовую, а Шевчук в погрансектор.

Сообщение от дежурного по отделу пришло в тот момент, когда Власта заказывала обед.

— Звонил Лондон,— сказал инк.— Посоветовал немедленно вернуть кокон «эскалатора»— бывший «объект 141»— Шаламову. Раздраженный, он способен причинить много бед.

— Откуда он звонил?

— Включение в сеть связи не локализуется, вероятно, снова «блуждающая программа». Можно попробовать поговорить с ним?

— С тем, кто вернулся? Вряд ли он имеет какое-то отношение к предсказаниям, он и провидец — два разных Лондона.— Боянова вспомнила, что хотела сделать в первую очередь.— Включите в сферу действия «Дхияны» Железовского, ему требуется подстраховка.

Пообедав, комиссар позволила себе расслабиться на полчаса, побродив по парковой зоне Управления, затем посетила научный сектор, а когда вошла в кабинет, там ждал ее чуть улыбающийся Джума Хан.

9

Ультраррибл...

Океан золотого желе, пронизанного прожилками голубого света... блеск... отражение пластов друг в друге... зеркальные плоскости, игра пламени в золоте, пересечение теней и волн, интерференция, дифракционные решетки, неистовое сотрясение всего океана и — пронзительный гул, пролетающий, как снаряд, где-то рядом, вовне, и в то же время внутри естества... колонна черного дыма, быстро растущая ввысь, увенчанная драгоценным камнем старинного звездолета... Догнать?! Нет, не удастся, внезапность — на стороне стартующего...

Снова гул и свист, другая колонна дыма начинает свой полет сквозь океан золота в голове, расплавленной чужой мыслью. Но длится это недолго: сквозь булькание и гул раздается отчетливое шипение, золотой зеркальный объем пронизывают сотни черных паутинок, охватывают колонну дыма, и ее вершина — сияющий кристалл звездолета — оказывается в ажурной сетке. Рывок — и волшебный камень в сетке уносится вниз, в мерцающие багровым и малиновым светом недра океана, будто проглоченный акулой моллюск...

Чужие формы, чужие чувства, чужой смысл...

Переход с уровня на уровень — сотрясение мозга!

Инфраррибл...

Тьма!

Глубокая, бездонная, безграничная тьма. И глубокая бархатная, бесконечная, торжественная тишина!

И вдруг укол света — тонкий, как игла, белый лучик уколол глаз и исчез, оставив тонюсенький эфемерный звук, не то свист, не то звон. Снова Великая Тьма — и пустота — завладела миром, растворила в себе, превратила в Ничто, в сон пустоты...

Мгновенный свист — новый лучик света метнулся из края в край тьмы, пронзив по пути голову единственного Видящего, родил ответную лавину более слабых лучей, прянувших во все стороны. Волна удовлетворения обежала голову, тело, объяла пустоту, Вселенную и умерла за пределами чувств и знаний... Тьма, тишина, пустота, покой...

Миддлррибл...

Та же темнота, постепенно светлеющая до темно-серого фона, из которой выкристаллизовалась настоящая глубокая тьма, но тьма геометрически совершенная: черные многогранные громады, плоскости, цепи решеток и узлов...

Фон из серого вспышкой голубеет и остывает, но черные фигуры так и остаются черными, холодными, мрачными и недоступными. Возникшее чувство сожаления и тоски бьет по обнаженной душе

неожиданно сильно, так что пейзаж скрывается за змеистым маревом тумана, как бы отдаляется...

Тихая мелодия, играющая все время в голове, успокаивает; она то слышится, то пропадает из поля внимания.

Еще одна вспышка, требующая усилий и напряжения мысли,— изумрудно-зеленая. И черные фигуры оживают, начинают двигаться, совмещаться, прорастать друг в друга, издавая стуки, трески, звоны, шипение... Однако и это движение скоро замирает. Возникший геометрический хаос на нежном зеленом фоне остается загадочным, полным смысла, но понять в нем ничего нельзя. Острая досада взрывается холодным грязевым вулканом, заливает пейзаж потоками мутной воды с пенными барашками, порождает в душе мучительный протест... неудовольствие... сожаление... тихое сожаление...

Еще попытка: свет оранжево-алый, словно светится расплавленный металл. Он влился в черные фигуры, зажег огонь внутри, и те превратились в прозрачные кристаллы, живые и осмысленно двигающиеся, растущие, полные целенаправленного действия. Еще миг, и пейзаж меняется — это поверхность планеты, не Земли, скорее всего, Маата, а геометрический кипящий хаос превращается в какую-то сложнейшую, эстетически совершенную, полную мощи и красоты конструкцию. В Машину всех машин!

Несколько мгновений она демонстрировала свои возможности, плавно меняя очертания, спектр которых был чуть ли не бесконечен. Ряд превращений менял и чувства наблюдателя — от восхищения до страха. Впечатления долго не остывали...

Интеррибл...

Земля. Не плоскость — планета, твердь, миллиарды тонн массы, горы, реки, озера, моря, океаны, воздушная оболочка. Тихий щелчок — твердь исчезает, остается видимым лишь воздушный слой, и в нем начинают прорастать паутинки света, соединяясь в одну сложную красивую сеть... Коммуникации, возникает где-то в голове знакомое слово, и еще два: сеть коммуникаций...

Построение закончено. На кончике одной из нитей зажигается огонек, начинает пульсировать, и по всей сети начинают бежать волны свечения, стягиваясь к огоньку. Пульсация — и на мгновение рождается земной пейзаж: лес, луг, река, голубое небо, но на лугу не коровы, а застывшие черные фигуры на золотых гнездах, «черные люди»!

Еще пульсация, и пейзаж вспыхивает новый: море, пляж, ослепительно белые легкие постройки, кружение машин, парусников, виндсерферов, виндглайдеров, досок с моторами и без, парение птиц и пилотов-сиэров. И ни одной улыбки, нет смеха, веселого шума, кроме шороха прибоя, потому что и здесь вместо людей — черные с золотым глыбы маатан...

Пейзаж свертывается, как плакат, в трубку и погружается в нечто, напоминающее жерло вулкана. Точно такой же «вулкан» с другой стороны вдруг взрывается огнем и дымом, и из него начинает выползать иной пейзаж, не земной, совершенно незнакомый, дикий, руинованный, мрачный. Это лес, похожий на развалины города, лес из одних толстых и тонких, пересекающихся друг с другом стен... лес, растущий на берегу янтарно-желтого океана...

Последние слова, не требующие расшифровки: «Вууд...»— и вслед, как вздох: «Волл...» Вудволл... Стенолес.

Короткий грохот, вспышка боли в ушах, тихое шипение, щелчок включения, отдельные мысли: «Странно, где это я?.. что за белиберда!.. знакомая боль... кажется, это просто смена фаз... я слышал е г о мысли!..»

А потом хлынувший поток чувств и мыслей освободил «я», потерявшееся в глубинах чужого сознания, и Шаламов осознал себя человеком.

Он сидел в кокон-кресле, запеленутый, как пилот перед прыжком курьерского когга. Не сразу вспомнилось, что он и в самом деле находится в рубке спасательной машины, мчащейся куда-то по его же приказу, которой он отдал еще на Земле, в Хатанге, после того, как увел подготовленный к рейсу когг. Вместе с памятью вернулась способность соображать и ощущать, причем мир ощущений Шаламова был на порядок сложнее чувственной сферы человека. И хотя аппаратура когга тоже имела множество датчиков и чувствительных элементов, способных фиксировать параметры среды на больших расстояниях, все же Шаламов и без нее определил, где он находится в данный момент: когг шел над Луной, впритирку к скалам, и направлялся к транспортному узлу Геограда, метро которого могло оперировать грузами любой массы и размеров. Кроме того, Шаламов отметил, что за ним в полусотне километров идет скоростной «пакмак» с проблесковым маяком погранслужбы.

Ничего удивительного, подумал Шаламов мимолетно, я «отсутствовал» около часа, и за это время они меня вычислили. Непонятно только, почему медлят, не идут на перехват. Хотят понаблюдать издали? Это мне нравится, смотрите на здоровье, ребята, только не лезьте с объятиями...

Когг увеличил скорость, преодолел последние десятки миль до Геограда и нырнул в одно из его причальных окон, выходя на ребристый диск метро. И в этот момент шедший следом «пакмак», разделившись на пять аппаратов, с ходу выстрелил по машине Шаламова пятью лазерными трассами. Применялись мощные «хард-саны» с широким диапазоном излучаемой энергии, и когг Даниила лопнул, как гнилой орех, катапультируя «ядро»— кабину с седоком.

Приземлился он рядом с зеркально-прозрачным полем оранжерей, неподалеку от наклонного диска метро; купол Геограда был

невидим, и казалось, будто на Луне есть воздух, хотя небо нависало черное, звездное, бездонное и бессолнечное; край земного диска заливал этот ландшафт призрачным голубоватым светом.

Геоград — город лабораторий и оранжерей, жители его живут, в основном, по циркадному — суточному ритму, и в момент появления спасателя город спал: шел третий час «ночи», по тротуарам гуляли ночные искусственные ветры, да изредка появлялись автоматы, живущие своей жизнью. Кроме них никто не видел странного сражения, внезапно развернувшегося у метро в слабом лунном притяжении — земное тяготение включалось только в жилых кварталах.

Десант с патрульного, как думал Шаламов, «пакмака» выброшен был тотчас же, как только кабина со спасателем внутри приземлилась на полосу ежевичного кустарника — десять человек в ЗСК, мохнатые, белые, издали похожие на ловких и стройных белых медведей. На крик Шаламова: «В чем дело?!» — они не ответили, и одно это уже должно было его насторожить, но жил он по другим законам и нормам, и поведение напавших не показалось ему необычным.

Он так и не понял, что им было нужно.

Сначала десантники попытались поймать его сеткой-ловушкой из кремнийорганических нитей, не уступающих по прочности титаниту, однако две из них Шаламов разорвал, из остальных ускользнул, снова попытавшись добиться объяснений:

— Что вам надо? Я никому не причинил зла!

Ответом был залп из парализаторов, двух — типа «Дерк», трех — типа «Морфей». Иглы впились Шаламову в спину и в голову, но кожу проколоть не смогли, только разъярили спасателя, начавшего терять самообладание. Он настиг двух «мохнатых» и, несмотря на то, что скафандры были снабжены экзоскелетонами — усилителями мышечных усилий, уложил десантников с двух ударов. Если бы не скафандры — люди были бы убиты.

Тогда группа применила другое оружие — психотехнику внушения, основу которой составляли гипноиндукторы «василиск» и «Медуза Горгона». Настроены они были на широкий спектр пси-излучения, но с одним и тем же мотивом — усыпить противника во что бы то ни стало. Шаламов и уснул, то есть — уснуло его человеческое «я», зато проснулся «черный человек», почти не реагирующий на внешний пси-приказ. Оторопевшие десантники, не имевшие никакого отношения к погранслужбе, с ужасом увидели, как Шаламов за считанные секунды превратился в жуткого двухметрового монстра с головой-бугром, бесформенными руками и ногами. Спасатель стал похож на обуглившийся кусок скалы! Кожа его заиграла кристаллической сыпью, узкие глаза загорелись пронзительной желтизной, мускулы на уродливых ногах изменили форму, как бы

перетекли из одной кристаллической формы в другую, и Шаламов шагнул к метро, наградив нападавших тяжелым пси-разрядом, превратившим их в безвольные куклы. Тем, кто видел, как он бежал, долго потом мерещились кошмары. Бег Даниила напоминал очередь трассирующими пулями, разве что «пули» — проявления тела спасателя — были несветящимися; глаз успевал ловить лишь смазанные «взблески» его фигуры на расстоянии трех-четырех метров друг от друга.

Войти в метро Шаламову уже никто не помешал, а когда на помощь первым десантникам подбежали четверо с летавшего вверху когга управления, в помещении метро никого не оказалось. Шаламов ушел...

* * *

В комнате было темно, но собеседники хорошо знали друг друга и в освещении не нуждались, хотя второй из них — гость — втайне посмеивался над любовью хозяина к темноте и конспирации.

— Итак, он все-таки ушел,— неприятным голосом сказал хозяин.— Ушел, несмотря на подготовку группы и техническое оснащение. Надеюсь, следов вы не оставили? Там сейчас, наверное, сидит все кримподразделение Бояновой и кризисники погранслужбы.

— Надеюсь, что нет, уходить приходилось спешно, безопасность появилась слишком оперативно, но если бы ты видел, как он бежал!

— Далеко не уйдет, ищите. А как только найдете, снова применим тот же прием. Поймать или хотя бы остановить его не удастся, как я считаю, но поддержать раздражение можно, пусть думает, что на хвосте у него висят пограничники или безопасники. Он не просто псинеур, он псинеур-экзосенс, и когда-нибудь его злоба выплеснется наружу... что нам только на руку.

— А вам не страшно, советник? Для него наша психотехника внушения — что слону дробинка! Остановить его можно разве что мощным лазером или «универсалом», да и то я не уверен.

— Пусть об этом беспокоятся тревожные службы, когда-нибудь им придется заниматься иносумасшедшим... когда мы доведем его до безумия. Теперь о Железовском. Нет сомнений, он работает на безопасность и для нас представляет реальную угрозу. Аристарх талантливый математик и еще более талантливый эфаналитик, стоит ему взяться за нас...

— Один математик ничего не сделает, будь он даже семи пядей во лбу, как говорят на его родине. К тому же в любой момент мы можем его убрать, он — не Шаламов.

— Не переоценивайте свои силы, сенешаль, Железовский —

интрасенс и может за себя постоять. Мы уже однажды пробовали его обломать — не вышло.

— Моя команда не участвовала в этом, а дилетантов я не держу, вы знаете. Если разрешены все приемы...

— Не все, еще рано, припугните его, если сможете, но не больше. Намекните, что мы знаем о его деятельности на ОБ, и предупредите, чтобы не очень старался.

— Это все?

— Все.— Хозяин дал понять, что аудиенция закончена, и гость молча встал.

* * *

Ландсберг все-таки сумел напроситься в гости, и теперь Бояновой приходилось прятать настроение, в котором преобладали недовольство и неуютное чувство несвободы. Отвечала Власта на доводы председателя СЭКОНа резче, чем обычно, хотя и старалась одергивать себя. В чувствах, внушаемых ей Ландсбергом, почему-то стало больше отрицательного, и Боянова наконец задумалась над этим обстоятельством: интуиция пыталась что-то подсказать хозяйке, но язык этот ей был пока непонятен.

Карина была дома, готовилась с инком к уроку по математике, пришлось знакомить ее с гостем и предупреждать, чтобы не мешала беседе. Последнее было нелишне, потому что Карина росла очень общительным ребенком и находила друзей везде. Врагов у нее не было вовсе, потому что в отличие от матери характер девочка имела на удивление мягкий, легкий и уступчивый.

— Ни в мать, ни в отца, ни в проезжего молодца,— шутила по этому поводу сама Власта.

Домашний киб принес кофе с молоком и без, и Ландсберг сказал, продолжая начатый спор:

— В конце концов, люди не виноваты, что эволюция закрепила в нашем поведении стремление подтвердить свое положение в иерархии.

— Это называется — ранговый голод,— кивнула Боянова.— Я ничуть не возражаю, утверждайте себя на здоровье, но не на уровне жестокости. Природа бережлива, и потому большинство внутривидовых конфликтов разрешается без кровопролития, но у людей почему-то не срабатывает порог запрета, и в результате наверху ранговой лестницы остаются не самые сильные, не самые умные, но обязательно с а м ы е ж е с т о к и е! Особенно это касается молодежной среды.

— Не согласен, организация молодежного слоя — зеркальное отражение взрослой. С момента рождения и до смерти человек ка-

рабкается вверх, доказывая свое превосходство, и я не вижу в этом ничего особенного.

— Я тоже. Даже в наше время, когда есть возможность всех одеть, обуть, накормить, удовлетворить почти все материальные потребности, когда создана действенная система полового воспитания и решена проблема семьи, ранговая компонента счастья остается. Более того, она становится более значимой и желанной, без ранг-инстинкта хомо сапиенс просто немыслим, иначе застой эволюции, стэгспансия, гибель ветви. Но, к сожалению, наши социальные институты не увидели резкого повышения уровня рангового голода и не выработали рекомендаций, как проводить профилактику жестоких методов достижения личных вершин. Вот и появляются все чаще «эскадроны жизни», «клубы острых ощущений»... «хирурги», наконец.

— Вздор! — бросил Ландсберг, но тут же поправился с улыбкой:— Извините, погорячился. Но «хирурги» — это нонсенс, миф, глупая выходка юнцов с испорченной фантазией. Не все, о чем кричат отроки определенного возраста, нужно принимать на веру.

— Может быть, однако нападения на интрасенсов множатся. «Хирургов» это рук дело или «врачей» иного плана, не знаю, но работать с ними необходимо. Служба безопасности — на три четверти профилактическая организация, и проблема «хирургов» — наша проблема вместе с инспекцией социоэтики, конечно. Я вас убедила?

— Нет,— упрямо качнул головой председатель СЭКОНа.— Я считаю, что вы распыляете силы, лезете не в свое дело, отвлекаетесь от главных проблем. «Сфера Сабатини», генератор холода, Шаламов, Мальгин — вот ваши проблемы! И это действительно «события уровня I», как вы их называете. В общем, на Совете я буду против вашей концепции, не обессудьте. Кстати, говорят, что Шаламов гуляет по Земле и становится все опасней и опасней. Не пора ли вашей службе заняться им вплотную?

Боянова не успела ответить — прощебетал входной сигнал. Ландсберг прищурился.

— Кажется, еще гость?

— Я никого не жду,— ответила удивленная Власта, в то время как ее дочь открывала дверь.

В гостиную вошел веселый Джума Хан, нахмурился, увидев Ландсберга.

— Извините, я не вовремя?

— Вовремя, вовремя,— сказал, вставая, председатель СЭКОНа.— Мне уже пора, Власта, я и так преступно отнимаю ваше время. Доспорим на Совете. Всего доброго.— Вышел.

— Садитесь, коль вошли.— Боянова задумчиво смотрела вслед Ландсбергу, тряхнула головой, отгоняя какую-то злую мысль.—

Надеюсь, ваши новости не более огорчительны, чем те, которые я выслушиваю за день в личине комиссара.

Джума, осматриваясь, сел в кресло, и киб принес ему небольшой поднос с тостами и чашкой дымящегося кофе розового цвета.

— Итак, где вы были, гриф?

Безопасник отхлебнул кофе, поднял палец, отмечая качество напитка — похвала была хозяйке приятна,— и нараспев продекламировал:

— Я утопал в гармонии вселенной
И отражал вселенную в себе.[1]

Заметив мелькнувшее в глазах женщины изумление, Джума рассмеялся.

— И, как ни странно, это правда. Уходя, мы не позаботились об экипировке, и о путешествии я могу только рассказывать, но это долгий процесс. Если позволите, я надиктую рассказ на браслет и запись передам в отдел завтра утром. А для того, чтобы проиллюстрировать, как далеко меня заносило, я приведу пару примеров и подарю вам сувенир.

Джума достал из кармана небольшую зеленую еловую шишку, так показалось Бояновой, подал ей.

В глубине каждой чешуйки горел желтый огонек, она была теплой и бархатисто-нужной на ощупь. Полежав на ладони несколько мгновений, она вдруг раскрыла чешуйки, так что Боянова вздрогнула, едва не выронив «шишку», и из-под каждой чешуйки стали вылетать эфемерные светящиеся шарики, словно пузырьки воздуха в воде. К потолку протянулась струйка нежных невесомых световых пушинок.

— Игрушка совершенно безвредна,— сказал Джума, понизив голос.— Можете быть совершенно уверены. И не только безвредна, но и способствует расслаблению. Подставьте ладонь.

Боянова накрыла «шишку» ладонью, светящиеся пузырьки стали ударяться в ладонь и лопаться. В руке женщины возникло ощущение, будто о ладонь нежно трется мордочкой пушистая кошка. Власта, как зачарованная, держала бы ладонь долго, если бы не иронический блеск в глазах Джумы. Она отдернула руку, нахмурилась, сказала сдержанно.

— Спасибо за подарок. Однако физикам его я все-таки покажу.

Джума слегка развел руками, мол, дело ваше.

— Путешествовал я недолго, но успел посетить столько экзотических уголков нашего метагалактического домена, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Как, например, описать Белый Лес? Не абсолютно белый — с серебристым блеском, ажурный,

---

[1] Ф. Глинка.

феерически красивый...— Безопасник вдруг полузакрыл глаза и продекламировал в своей манере, нараспев:

— Леса эти странны. Кора их, как иней,
А листья — снежинок нежней.
Их ветви склонились над влагою синей
Невиданных, новых морей.

— О, да вы поэт,— заметила Боянова с ответной иронией.

— Да не я,— махнул рукой Джума.— Жил когда-то поэт [1], строки которого я нечаянно прочитал в детстве и запомнил. Но лучше не скажешь. Или, например, был я на таком объекте. Представьте себе планету размером с нашу старушку Луну, состоящую из необычных ракушек. Этакий космический коралл с перламутровым отливом. Но «ракушки», из которых он состоит... р а с т у т! И, достигнув определенных размеров, отрываются от «кораллового дома» и уходят в космос, исчезают. То ли это живые существа, то ли кто-то выращивает таким способом космические корабли, не знаю, однако своими глазами наблюдал за стартом выросших «ракушек». Еще примеры?

— Не надо, лучше...— Боянова не договорила, в дверь позвонили. Через полминуты в гостиную вошел невозмутимый Игнат Ромашин.

— Вот и наш эксперт,— без удивления сказал Джума.— Живой и невредимый. Не хватает только Мальгина.

— Я начинаю бояться его возвращения,— улыбнулась Боянова, предлагая новому гостю кресло.— Где он, если не секрет?

— Не знаю,— в один голос ответили мужчины.

10

О событиях на Луне, связанных с фигурантом розыска Шаламовым, Столбову стало известно через час после этих событий: прямых свидетелей не оказалось, а информация со спутников, обозревающих лунную поверхность, поступила в отдел лишь после обработки массива инком. Реакция Бояновой на сообщение была соответствующей, и Столбов даже не счел нужным оправдываться. Розыск запоздал дважды: при определении траектории украденного Шаламовым аппарата и к моменту схватки «Сына сумерек» с неизвестными лицами, выдававшими себя за пограничников.

— И где он теперь? — спросила Боянова, пережив вспышку гнева.— Куда направился? Где его ждать? Кто на него напал?

Столбов молчал. Он мог бы сослаться на погранслужбу, поме-

---

[1] Н. Морозов.

шавшую идентифицировать угнанный когг в Приземелье, но не сделал этого, зная, что отношения между руководителями двух служб и без того натянуты.

— Есть предположение, что Шаламов на Меркурии,— прервал молчание Столбов.— На плато Жары видели странный объект с глазами...

— «Тысячеглазый»! — быстро проговорила Боянова.— Орилонский автомат, сопровождавший Шаламова. Ищите его на Меркурии, я позвоню пограничникам — помогут. До связи.

— Еще одно маленькое сообщение,— заторопился инспектор.— Мы нашли квартиру, где он остановился, уйдя из дома. Если он там появится, мы узнаем тотчас же.

Боянова, прищурясь, оглядела сосредоточенное волевое лицо Столбова, улыбнулась краем губ.

— Извините, если я говорила с вами излишне резко.

— Поделом,— кивнул Столбов, сохраняя деловой вид.— Нормальный человек должен переживать несравнимо больше отрицательных эмоций, чем положительных, чтобы удовольствие не обесценивалось. До связи.

Объемное изображение инспектора исчезло — он был на Луне, а Боянова работала в кабинете. Несколько минут она ни о чем не думала, вспоминала поведение Столбова, его жесты, то, как он сначала думает, а потом говорит, и не говорит вовсе, если это имеет смысл. Улыбнулась. Ах, Димитр, Димитр, где ты был семь лет назад?

Зазвонил секретарь:

— Зам-один — изменения в плане?

— Нет,— очнулась Власта.— Только личное поручение. Включи консорт-линию.

Через две секунды вином консорт-канала открыл окно в квартиру Борда. Толстяк завтракал и с бутербродом в руке выглядел хоббитом в норе.

— Приятного аппетита,— пожелала Боянова, сдерживая усмешку.— Рене, проверьте связи Ландсберга, но очень тихо, шепотом.

Борда проглотил кусок бутерброда, но ответить не успел, комиссар уже выключила связь, что вряд ли увеличило аппетит заместителя.

— Обжора,— улыбнулась Боянова, зная, что это единственная слабость Борда, и вывела поток оперативных сообщений на стол. Три из них заставили ее задуматься.

При транспортировке к Солнцу вырезанного со льдом на Земле генератора холода случилось «событие уровня 2», по классификации безопасников: драккар, пилотируемый инком, внезапно повернул к Меркурию, перестал слушаться команд и с ходу врезался

в «сферу Сабатини», растворившись в ней без следа. Столкновение породило мощный всплеск излучений и частиц от нейтрино до «голых» кварковых пар, и среди исследователей «сферы» поднялась тихая паника, но вспышка излучений закончилась, и «сфера» успокоилась, если можно было назвать покоем ее дыхание и обычные эффекты.

Второе сообщение пришло из секретариата ВКС: в Совет от Ассоциации общественных объединений поступила официальная жалоба о том, что служба безопасности использует в своей работе со свободными неформалами антиконституционные недемократические методы — слежку, запугивание, навешивание ярлыков, насилие и тому подобное. Обвинение не соответствовало истине, но Боянову успокоить эта мысль не могла, она знала, как трудно отмыть доброе имя тому, кто честен, благороден и принципиален.

Третье сообщение было о похищении психотехники из медицинских учреждений трех десятков городов по всему земному шару. Поймать похитителей не удалось, компьютерное прикрытие они обеспечили себе отличное.

— А это еще зачем? — спросила Боянова Умника.— Разве медицинская психотехника не может быть заказана прямо на заводах-изготовителях?

— Применение суггесторов и аппаратуры гипнотерапии контролируется комиссией по борьбе с наркосредствами,— ответил инк отдела.— Кстати, вся эта аппаратура легко превращается в оружие, доработка незначительная. Видимо, те силы, которые стремятся к дестабилизации общества, хорошо знают об усилении охраны на складах оружия, а также имеют доступ к служебной информации. Предлагаю ввести режим «шлюз» по всем системам обработки информации отдела и погранслужбы.

Боянова покачала головой. В режиме «шлюз» все запросы на получение информации из банков данных погранслужбы и службы безопасности должны были проходить внутреннее рецензирование: определялась важность запроса, емкость, оперативность и соответствие рангу того, кто запрашивал. Главное, что абонент при этом не мог остаться анонимным, имя его становилось известно контролю.

— Вряд ли комиссия по этике разрешит нам применить «шлюз»,— проговорила Боянова.— Причины есть, но нет доказательств. А идея неплохая.

Умник от комментариев отказался.

— Информацию по секторам и бюро,— вызвала Боянова кибсекретаря.— Связь через «спрута».

— Только один короткий личный вызов,— торопливо ввернул секретарь.— Звонил некто Макар Мальгин и просил сообщить, где его сын.

— Это отец Клима,— пробормотала комиссар, почувствовав, как неровно забилось сердце.— Если бы я сама знала, где его сын...

* * *

Железовский и Забава Боянова медленно шли по набережной, думая каждый о своем. Математик был рассеян и далек от всего того, что волновало спутницу. Она с грустью признала в душе, что была права, называя Аристарха большим избалованным ребенком, к тому же упрямым. Если он вбил себе что-то в голову, то справиться с этим может только время. А бороться с его «я хочу» Забава уже устала.

Он почувствовал перемену в ее настроении, хотя причин не знал, да и не хотел доискиваться.

Он давно уже все решил, и просьбу Забавы о встрече расценил, как напрасную трату времени, однако на рандеву явился секунда в секунду. Разговор был недолгим, Забава заставила его еще раз пересмотреть свое кредо и цели жизни, но Аристарх не боялся выглядеть смешным и считал свою свободу выше любого закона и форм межчеловеческих отношений. На вопрос Забавы: «И ты счастлив?» — он ответил, не задумываясь, чеканной фразой древнего философа:

— «Формула нашего счастья: Да, Нет, прямая линия, цель...»[1]

Забава поразилась ответу, вернее, его тону: Железовский был настолько уверен в выборе, что и тени сомнения не приходило ему в голову.

— Забава, прости, мне нечего добавить к тому, что я сказал. Я — индивидуалист, все интрасенсы индивидуалисты в большей или меньшей степени, но я, наверное, индивидуалист по максимуму.. Я не люблю толпу даже из двух человек.— Железовский мрачно улыбнулся, оценив образность сказанного.— И пока для меня не существует более интересной работы, рода занятий и образа жизни, чем тот, который я веду.

Забава остановилась, наблюдая, как чайки деловито мечутся над морем, то и дело ныряя в воду.

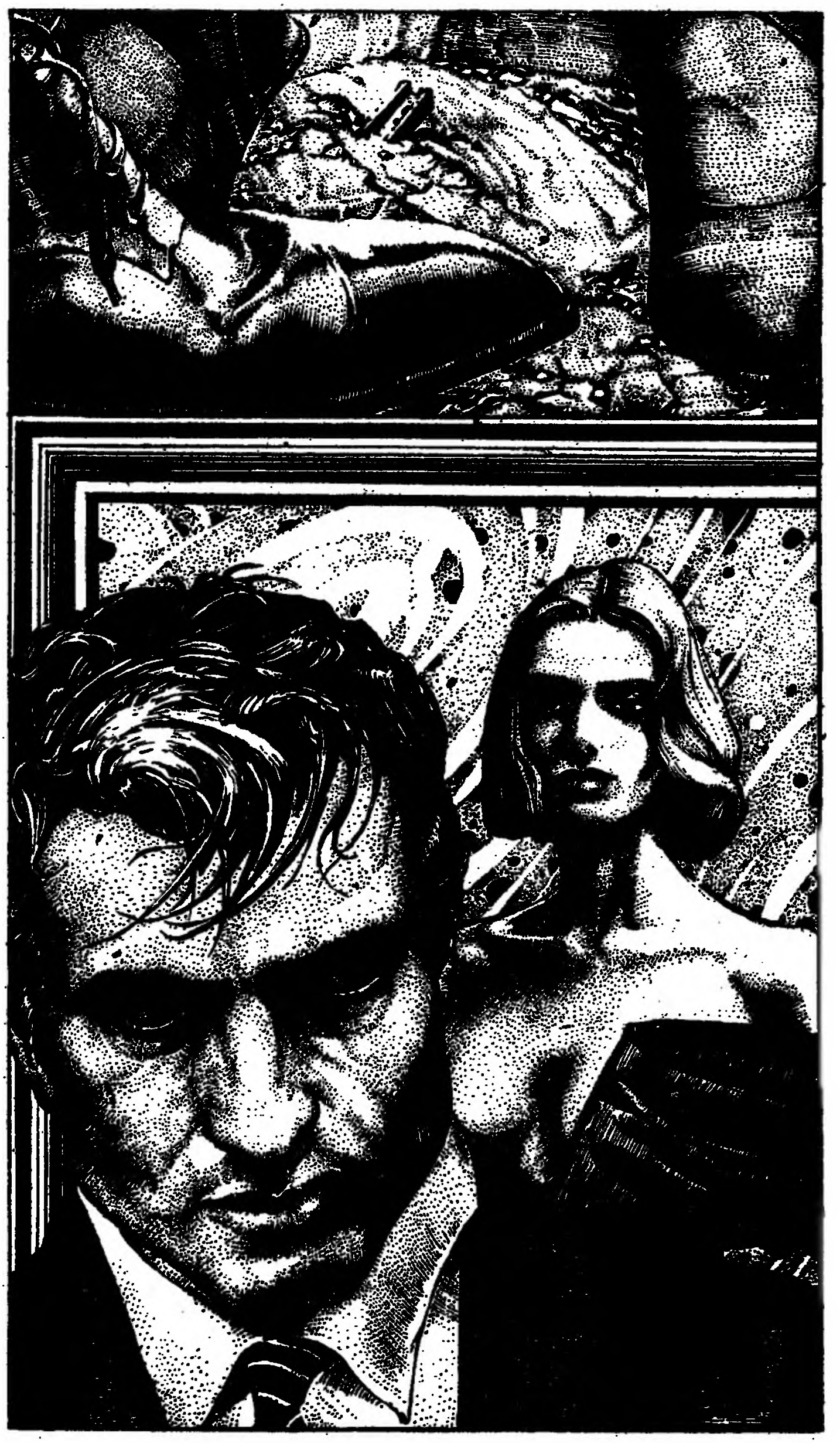
— Неужели ты видишь смысл жизни только в работе?

Математик продолжал идти, не заметив, что девушка отстала, потом вернулся.

— Смысл жизни человека — непрерывное самосовершенствование души и тела посредством работы над собой в морально-этическом и духовном плане.— В голосе Аристарха проскользнули нот-

---

[1] З. Фрейд.

ки самодовольства и снисходительности; было видно, что он цитирует кого-то и верит тому, кто это сказал.

— Что ж,— улыбнулась Забава, разглядывая неподвижное лицо Железовского,— уважаю принципы, хотя и не разделяю твои. Наверное, когда-нибудь ты повзрослеешь, не было бы только поздно. Прими последний совет мой, мастер, потому что встреча эта тоже последняя: будь осторожен с... теми, кого ты затронул в последнем своем анализе. Они наверняка уже знают, что ты получил задание от безопасности, а математик ты от Бога! Тем и опасен. Помни правило: «Не тяните за хвост, если неизвестно, что на другом конце». Обещаешь?

Железовский заметил слезы в уголках глаз Забавы, сдвинул брови. Разговор их шел и в пси-диапазоне — цепочками образов — и Аристарх начинал сердиться, понимая, что девушка нравится ему, но заканчивать разговор вот так, на разрыве, не хотел.

— Я никого не боюсь. Но зачем так мрачно? Можно подумать, что мы действительно больше не встретимся. Успокойся, все будет хорошо.— Аристарх подумал и добавил:— Ты очень красивая.

— Как ты добр,— улыбнулась сквозь слезы Забава, протянула ему руку: на ладони лежал браслет очень тонкой работы из зеленоватого металла с прозрачным зеленым окошечком, внутри которого плавала зеленая мигающая искорка.— Мой амулет, тебе на память.

Железовский взял браслет, зачем-то взвесил.

— Что за металл?

Боянова засмеялась, смахнула слезу с ресницы, встав на цыпочки, чмокнула гиганта в подбородок.

— Эх ты, интрасенс, кто тебя только воспитывал? Прощай...

Повернулась и пошла по ступенькам вниз, к морю, не оглядываясь. Красивая фигурка, водопад волос, танцующая походка...

— Спасибо,— пробормотал ей вслед Аристарх, ошеломленный поднявшимся в душе тарарамом. Слезы Забавы, ее чувства подействовали на него сильнее, нежели он хотел, это порождало дискомфорт и желание что-то исправить, как-то оправдаться, хотя бы перед самим собой... Он вспомнил о давно созданных им принципах успокоения, и через несколько минут сердце заработало в прежнем ритме.

Забава уже скрылась за поворотом набережной, стук ее каблуков перестал быть слышен, и только печальная нота пси-связи все еще билась в голове Железовского, как шелест крыльев раненой птицы, но и она постепенно затихла. Тогда он спрятал подарок в карман, чтобы вспомнить о нем только через несколько лет, вызвал такси и выбросил из памяти все, что мешало мыслить.

Около часа он тренировался с «динго» — фантомом наставника-инка, доводя до автоматизма приемы славяно-горицкой борьбы,

потом принял душ и просидел полчаса в тадасане — позе горы, расслабляясь до потери телом чувствительности. Достигнув высшей стадии дхараны, сосредоточения, Аристарх включил контур компьютерной пси-разведки, осторожно перешагнул границу допустимого личного участия в вычислительном комплексе и с головой ушел в нематериальный, призрачный, но по-своему реальный и ощутимый мир математического анализа, выкладок, уравнений и символов.

Только он, обладая колоссальным запасом здоровья и сил, мог выдержать гонку вычислений с компьютером в режиме «один-на-один», и только он мог из миллионов разрозненных деталей построить стройную и непротиворечивую конструкцию эф-прогноза. За два часа работы Аристарх проанализировал программы нескольких тысяч заводов-автоматов сложной молектронной и энергетической техники, рассчитал их технологические цепочки: банк данных — управляющий инк—база—цех—линия—результат и нашел то, что искал. И не поверил глазам: те, кто рассчитывал весь этот цикл, используя разные заводы и каналы доставки исходных материалов, делали совсем не то, что думал Железовский, не антигравы, транспорт индивидуального пользования, и не гипноиндукционные излучатели, они делали кое-что пострашней!

Несколько минут Аристарх просидел, оглушенный результатом расчета, потом набрал номер Бояновой. Быстро ответил секретарь отдела:

— Комиссар отсутствует по делам. Что передать?

— Я Железовский. Насчет меня есть какие-нибудь распоряжения?

— Нет,— вежливо ответил видеопризрак.

— Прошу дать мне консорт-линию с Умником, это очень важно.

— На ввод или вывод информации?

— На ввод.

— Это проще. Давайте параметры вашего компа.

Железовский проследил, чтобы выводы его расчета были записаны Умником по консорт-каналу, с удовлетворением хлопнул себя по колену и привычно похвалил свой комп, который перенял некоторые черты хозяина и был, по сути, если не вторым, то третьим его «я».

— Рад стараться! — бодро ответил инк.

Отдохнув полчаса (шавасана — поза мертвого, сукхасана — приятная, подмасана — поза лотоса), Железовский с аппетитом пообедал и вызвал такси. Ему захотелось самому убедиться в правильности расчета и найти завод, на котором собиралась из деталей, сделанных подпольно на других заводах в обход стандартных программ, конечная продукция: летающие «шмели», способные нести несколько порций сильнодействующего яда и самоуничтожаться

после поражения целей. Завод, судя по анализу потоков деталей, находился на Меркурии, в сумеречной зоне.

Железовский знал только один завод на Меркурии, отвечающий требуемой для сборки «шмелей» сложности и мощности, но завод этот выпускал МК-батареи — «энергоконсервы» для звездного флота человечества.

Попасть на завод мог далеко не каждый человек, был он полностью автоматизирован, и лишь контроль продукции и ремонт сложных систем доверялся людям. Проникнуть в компьютерный контур управления заводом Аристарху с Земли не удалось, не помогло ни его мастерство, ни расшифровка режима — код рабочего файла остался неизвестен, и программа входа не хотела реализовываться. Поэтому Железовский захватил с собой приставку памяти с двумя десятками «вирусных» программ и персональный комп типа «Знаток», с помощью которого можно было вести расчет в темпе инка практически любой мощности.

Прямой линии пассажирского метро между заводом и земной сетью не существовало, а может быть, она была заблокирована, во всяком случае, координатор метро не знал кода станции, и Железовскому пришлось добираться туда с пересадкой: на метро — в Клиффорд-сити на Меркурии, а оттуда на галеоне местных линий — в сумеречную зону, где на сорок третьем меридиане располагался объект под названием «Терминатор-43».

С высоты в семь километров Меркурий производил впечатление абсолютно дикого, мертвого, застывшего океана. Огненная гора в виде гигантского купола на горизонте справа — таким сквозь тон-экран виделось Солнце — заливала северные склоны гор жидким золотом света, в то время, как южные отроги тонули в глухом бездонном мраке. Меркурий имел очень разреженную атмосферу из азота и инертных газов, но и она была способна рассеивать солнечные лучи, поэтому сумеречная зона планеты, после того, как «гора Солнца» скрылась за горизонтом, освещалась призрачным пепельным свечением неба, создающим удивительный, кажущийся полупрозрачным, дымчато-серый, с серебристым отливом мир. Кора планеты была здесь изъедена порами, пустотами, кавернами и напоминала слоистую ледяную коросту. Исследовать этот каменно-металлический губчато-блинчатый слой можно было только дистанционно или с помощью самостоятельной киб-техники, потому что опасность провалиться в недра планеты превышала допустимые пределы. Поселки исследователей, а также энергозаводы и другие сооружения возводились людьми на островах, выдавленных когда-то из расплавленных пород астеносферы и застывших на поверхности базальтовых куполов, твердых и монолитных. «Терминатор-43» — один из ста восьмидесяти энергозаводов Меркурия — располагался на шестикилометровом горбу из базальта, а

рядом, в километре, на плоском, как стол, взгорье был расположен космодром с кораблями снабжения, ждущими заправки. Кроме них Железовский заметил одинокий спейсер с мозаикой огней погранслужбы.

Попутчиками математика были молодые энергетики и аварийщики ремонтной бригады, и все они «фонили» в пси-диапазоне в обычной манере острых на язык, общительных, веселых, искренних парней и девушек, трудолюбивых работяг, как окрестил такие натуры Аристарх. До посадки он мог быть спокоен, ничего непредвиденного произойти не могло, однако интуиция подсказывала, что впереди его ждут сюрпризы, причем неприятные. Ветерок опасности холодил пальцы рук и ног и заставлял держаться в напряжении, хотя внутренний голос самоуверенности продолжал нашептывать: ничего, прорвемся!..

Галеон миновал окно в куполе общетранспортного вокзала завода и без толчка опустился на серый квадрат финиш-поля. Пассажиры гурьбой высыпали наружу, шутками приветствуя «динго» пропускного контроля: на груди каждого загоралась и гасла голубая молния ответчика, разрешающая вход. На костюме Железовского такая молния не вспыхнула, и видеопризрак контрольного инка встал на его пути:

— Извините, у вас не оформлен допуск. Кто вы и по какой причине хотите пройти на режимное предприятие?

Последние из прилетевшей смены работники завода вышли из кубического помещения КПП в коридор, и голоса их затихли. Железовский достал из кармана золотую пластинку с выбитыми на пяти языках словами «Особые полномочия».

— Понятно,— вежливо сказал фантом, отступая.— Как зарегистрировать ваше посещение?

— Экскурсия,— пробасил математик.

— В таком случае возьмите «гида», он поможет вам разобраться в хозяйстве завода, довольно сложном, смею вас уверить.

В слепой доселе стене помещения протаяло отверстие, из него высунулся прозрачный лепесток с черно-коричневым «паучком». Железовский молча взял «паучка» и прицепил на лацкан куртки. Он знал, что кроме выдачи информации «гид» сообщал инку-координатору завода также и местонахождение экскурсанта. Делалось это, конечно, с благой целью обезопасить жизнь гостя, но в данном случае это обстоятельство мешало замыслу Аристарха и сковывало маневр.

Пройдя в коридор, соединяющий КПП с собственно заводом, Железовский оказался на стыке трех коридоров, прямоугольных в сечении, с ребристыми стенами и гладким черным полом. В нишах стыковочного узла стояли «поплавки»— кресла индивидуального транспорта, похожие на половинки грецкого ореха, и платформы-

антигравы для перемещения грузов. Сосредоточившись, Аристарх нашел точки установки видеокамер и замазал их глазки испаряющейся через три минуты массой. Затем снял значок «гида», прицепил к сидению одного из «поплавков», поковырялся в «джордже», водителе кресла, и задал программу движения по заводу с остановками в тех местах, где никогда не появлялись люди. «Поплавок» мигнул стоп-сигналом и умчался по левому коридору. Аристарх же сел на платформу, тихо поплывшую центральным тоннелем; ему не нужно было идти далеко, искать склады, базы, магистрали пересечения потоков деталей и координаты сборочного цеха «шмелей», если такой цех здесь был. Централь управления заводом располагалась в сотне метров отсюда, на глубине в пятьдесят метров под поверхностью базальтового плато. Надо было всего лишь добраться до пульта координатора и поработать с ним в режиме «один-на-один». Инк завода должен был знать все, запрограммированный на работу в режиме разделения задач: выдачи МК-батарей, основной продукции завода, и сборки «шмелей», о чем знали только неведомые программисты, те, кто создал великолепно замаскированную систему производства миниатюрных автоматических убийц. Впрочем, «шмелей» не надо было создавать заново, достаточно было использовать технику, разработанную для других целей. Все зависело от того, в чьи руки попадала эта техника и с какой целью использовалась. «Шмели», например, успешно работали под землей и на других планетах в качестве собирателей информации исследовательских комплексов.

Платформа остановилась в круглом зале с четырьмя дверями, освещенном панелями дневного света. Железовский напряг пси-зрение, определил, за какой дверью находится вход в централь, достал блок компьютерных спецопераций, способный работать без механического контакта с терминалами других компьютеров. Через несколько минут на миниатюрном экранчике блока загорелась комбинация кода. Железовский тем же путем, используя рацию блока, ввел сигнал кода в дверной автомат, задержал дыхание и шагнул сквозь ставшую бесплотной дверь.

11

Верчение струй и потоков иного мышления замедлилось, Шаламов пробился сквоь ливень чужих ощущений, электрические сполохи глубинных уровней сознания «черного человека» и увидел себя стоящим посреди треугольного помещения, освещенного, как садовая беседка летом. Каждая стена помещения имела дверь; та, из которой он вышел, светилась зеленым, и в ее глубине таяла надпись: «М-финиш».

«Метро,— догадался Шаламов,— я в метро. Хорошо, что один. Преследователи, очевидно, отстали. Что им было нужно, хотел бы я знать? Безопасность раньше так грубо не работала, да и погранслужба тоже. Бог с ними! Куда я попал? Где находится станция?»

Голову с тихим звоном от затылка ко лбу проколола тонкая стеклянная игла щекотной боли, мягкие пальчики успокаивающе погладили затылок, и под черепом раздался гортанный голос:

— Меркурий-сорок три, завод МК-батарей.

— Спасибо,— поблагодарил Шаламов «черного», не обратив внимания, что говорит с ним напрямую, понимая маатанскую пси-речь.

В помещении никого не было, но инк станции видел, кто вышел из кабины — облик Шаламова в тот момент был далек от человеческого,— и соединился с координатором завода для консультации. Разговор длился полторы секунды, после чего инк заблокировал выход из метро на территорию завода и сложил с себя ответственность за дальнейшее развитие событий. А они не заставили себя ждать.

Шаламов, вернув себе обычный облик, попробовал выйти, а убедившись, что автоматика стоит насмерть и не пускает, рассвирепел. Сдерживать свои эмоции он уже не мог, достаточно было любой мелочи, чтобы вывести его из равновесия.

Пробить дверь из жидкокристаллической основы с подпиткой силовым полем ему не удалось, и весь гнев экзосенса пришелся на дверной автомат, тут же сгоревший от мощного электрического разряда.

В коридоре Шаламов столкнулся с ремонтным кибом, бокс которых находился рядом, и, внедрившись в его память, выяснил, где находится централь управления заводом. Он мог бы уйти отсюда и по метро, однако вспомнил свое желание посмотреть на загадочную «сферу Сабатини», а завод, как и любое сооружение на других планетах, должен был иметь свой транспорт.

В централь Шаламов вошел в тот момент, когда туда ворвался Аристарх Железовский, усыпив смену контроля — двух операторов. Всплеск пси-поля долетел и до Шаламова, но подействовать на него не мог, для этого требовалась иная мощность и другая резонансная частота поля. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, в состоянии стресс-бури, готовые к физической и пси-схватке, потом Шаламов хрипло рассмеялся.

— Математик? Вот так встреча! Тебе-то здесь что понадобилось?

— Хочу кое-что проверить,— пророкотал Железовский, не расслабляясь ни на мгновение.— У меня мало времени, Даниил, надеюсь, наши интересы не пересекаются? Мне нужно поработать с координатором завода.

— Работай на здоровье, не помешаешь, я хочу только выяснить, где тут у них транспортный узел и что можно оттуда взять.

Железовский вытащил из кокон-кресел безвольные тела операторов, с трудом влез на место старшего. Кресло спеленало его гибкими лепестками коммуникаций.

Шаламов оглядел треугольное помещение централи — стандарт, как и на всех производствах с компьютерным управлением,— и сел в другое кресло. Подсоединиться к инку завода ему труда не составляло, как и Железовскому.

На поиск нужной информации ушла минута. Шаламов мысленно пожелал соседу успехов, получил в ответ образ рукопожатия и поспешил из зала. Но уйти не успел: тревога, начавшаяся после его выхода из метро, включила киб-систему ремонта и более мощную силу, заинтересованную в поддержании двойного режима, в котором работал завод. Если бы не это обстоятельство, Железовский закончил бы диалог с инком без эксцессов и ушел на Землю. Появление Шаламова сыграло на руку их общему противнику.

Сигнал тревоги поступил в спецбюро завода в двенадцать часов дня по местному времени. Спустя две минуты к станции метро помчался из бункера с независимым энергоснабжением и аппаратурой пулевидный флейт с командой из трех человек и двух киб-универсалов, запрограммированных соответствующим образом. Выяснение ситуации заняло немного времени, и поднятые по тревоге оперативники, одетые в кокосы с эмблемами погранслужбы, хотя к пограничникам они по вполне понятным причинам не имели никакого отношения, доложили своему руководству о проникновении на завод неизвестного. Поскольку такое развитие событий было предусмотрено планом защиты второго, секретного, контура завода, в действие вступила компьютерная сеть анализа и выработки решений, включились инки организации под названием «Орден», целью которой была дестабилизация социума с привлечением молодежных центров, и на завод поступила команда захватить визитера живым и переправить на Землю в место с такими-то координатами. Предполагалось, что визитер — Аристарх Железовский, математик ИВКа, интрасенс, владеющий психотренингом и навыками рукопашного боя, поэтому в открытую схватку с ним ввязываться не рекомендовалось, а при обнаружении советовалось тут же пустить в ход парализаторы.

Однако «пограничники» тревожной группы обнаружили в зале управления не одного, а двух чужаков, и открыли огонь не сразу, пытаясь сориентироваться. Это позволило Шаламову и Железовскому, время реакции которых составляло сотые доли секунды, понять, что они обнаружены, и начать отступление.

Трое оперативников были повержены в течение секунд, и тогда в действие вступили киберы, открывшие огонь из парализаторов. Оба гостя получили по дюжине парализующих игл, но у них еще хватило сил вывести из строя электронику киберов и занять места в аппарате, на котором прибыли оперативники. Встретили их уже возле транспортного отсека, куда направлялся Шаламов, в котором уже начинали закипать злость и гнев. Он все воспринимал в искаженном свете, и атаку работников завода также отнес в разряд попыток захватить его с целью пресловутого «лечения». Истинных намерений «пограничников» он не знал, а о своем спутнике уж успел забыть, даже не поинтересовавшись его мнением о происшествии.

Флейтов было два, людей в них — десять, киберов — четыре, и уйти без драки было уже невозможно. Однако Железовский, получивший огромную дозу парализующего снадобья, ослабел в борьбе с забытьем, реакция его притупилась, восприятие ухудшилось, и действовать так же быстро, как Шаламов, он уже не мог.

Прибывшие оперативники набросили на беглецов сетки-ловушки, оба разорвали их, но если Шаламов успел при этом перевернуть флейт и уничтожить кибера, то Железовского хватило только на прыжок навстречу пятерке «пограничников» и трехсекундную схватку. Слабея, он сокрушил второго кибера, вывел из строя четверых, но получил еще с полсотни игл в плечи и голову и потерял сознание.

Шаламов тоже заработал новую порцию снотворного вместе с залпом излучения гипноиндуктора, и пришел в бешенство. Дальнейшее развитие событий вышло из-под контроля защитников завода, а те из них, кто стоял далеко от места схватки и не потерял сознание сразу от пси-атаки экзосенса, могли потом сообщить немногое.

Сначала им показалось, что Шаламов «размножился» — разделился на пятерых таких же мужчин. Затем каждый из его двойников превратился в жуткого монстра, наполовину тигра, наполовину динозавра, с зеленоватой пупырчатой кожей, гривой желтых волос по спине и с шестью лапами! Взгляды зверей были полны холодной, беспощадной, необузданной ярости и дикой ненависти, они прожигали, ломали волю, вызывали ужас и отвращение, физическую боль, и сопротивляться им было невозможно!

Последним к месту схватки прибыл начальник аварийной бригады. Он успел увидеть, как бежало по коридору странное и жуткое существо, оставляя за собой шлейф из клочьев огня и дыма...

Шаламов, не потерявший на этот раз полностью человеческого «я» — наступила адаптация психики, равновесие земного и маатанского,— прорвался к выходу наружу, вышел из-под купола завода —

без скафандра! — и бегом преодолел километровую трассу до космодрома. Затем выгнал из спейсера ничего не подозревавший экипаж и стартовал...

* * *

Трое молча смотрели на гранд-оператора завода Николаеску, директора, если вспомнить старинный термин. В первые минуты после окончания операции и выявления второго, законспирированного, контура по сборке «шмелей» он еще пытался как-то оправдаться, делать вид, что ничего не знал, теперь же, когда ему на стол бросили горсть готовых к работе «шмелей», только сопел и бросал взгляды исподлобья. Заявление оператора-секунды, заместителя Николаеску, о том, что это резервная линия сборки исследовательской киб-техники, предназначенной для дальних звездных экспедиций, якобы давно зарегистрированная и работающая под эгидой ВКС, не выдерживало критики и, тем не менее, оказалось правдой: инк-координатор ВКС по производству сложной пограничной техники подтвердил регистрацию завода, как производителя «шмелей»... хотя об этом, кроме него, никто в Совете не знал.

— Уведите,— процедил Торопов сквозь зубы.

Пограничники вывели Николаеску из зала.

— Ваш хваленый Железовский не столько помог, сколько напортачил,— продолжал командор погранслужбы.— Доказать теперь, что «шмели» должны были использоваться в качестве летающих убийц, невозможно.

— Да,— вздохнул Шевчук, понурившись.— Противник наш многое предусмотрел. И все же раскрытие инкогнито завода — это его поражение. Хотя я согласен с вами, что Железовский помешал нам. Если бы он удержался от разведки...

— Не в его характере сдерживать свои желания,— тихо проговорила Боянова.— Его самомнением можно пробивать стены. Итак, подсчитаем потери?

— Лучше это сделать в Управлении. Что касается инцидента с участием Шаламова и Железовского, то потасовка была лихая: десять человек — видимо, спецкоманда по поддержанию режима секретности — до сих пор без сознания, а двое вообще в реанимации. Хотя я до сих пор не понимаю, как они уцелели. Судя по изменению формы коридора, в нем произошел мощный взрыв.

— На взрыв это не похоже,— возразил Торопов.— Приборы не зарегистрировали следов энерговыделения, зато обнаружили существенные изменения структуры стен коридора. Если бы произошел взрыв, людей размазало бы по стенам, а они живы.

Боянова вспомнила, какой вид имела часть коридора, в которой произошла стычка Шаламова и Железовского с группой задержки:

весь коридор был прямоугольным, в этом же месте он выдулся несимметричным пузырем, будто здесь в самом деле произошел мощный взрыв. Никто его не слышал и не видел, но стены потекли и выгнулись, образовав полость.

Боянова покачала головой.

— Мне тоже не все ясно. На чьей стороне был Шаламов? Зачем ему понадобилось появляться на заводе? И куда он ушел после драки?

— По-видимому, Шаламов и Железовский нашли общий язык,— сказал Шевчук,— иначе нельзя объяснить результата схватки. Их противники применили не только парализаторы, но и пситехнику внушения, и Железовский не смог справиться с атакой. Куда его уволокли, определить пока не удалось, ну а Шаламов захватил спейсер и...— Заместитель комиссара сделал движение рукой.— Его найти будет проще, спейсер не иголка.

— Безумец этот ваш «Сын сумерек»,— буркнул Торопов, покосился на браслет, высветивший время.— По-моему, он не соображает, что делает. Как и супермен Железовский, впрочем.

Боянова оценивающе посмотрела на Торопова, словно вспомнив о его существовании.

— К слову, командор, вы знаете, что нападавшие были одеты в погранформу?

Торопов нахмурился, сжал губы в бледную полоску.

— Это ничего не доказывает. Ни один из них не работает в погранслужбе. Пограничники дорожат честью мундира. Если я вам больше не нужен, имею честь откланяться.

Боянова задумчиво смотрела вслед главному пограничнику.

— Я, пожалуй, тоже пойду,— сказал Шевчук, понимая чувства женщины.— Закончу кое-какие дела, да и здесь еще есть работа.

— Иди,— кивнула комиссар.— Не понимаю, почему мы все время опаздываем.

— Ты имеешь в виду Шаламова?

— Как ты думаешь, у нас есть шансы задержать его силой?

Шевчук покачал головой.

— Шансы задержать Шаламова силой колеблются между невероятным и невозможным. Наш неведомый противник уже пытался это сделать дважды. С Даниилом нужно говорить на его языке, а не на языке силы. Кажется, Железовскому это удавалось.

— Вот и отыщите его с Рене и спросите, как он это сделал. Остановить Шаламова необходимо, пока он не натворил бед. Зачем он им, Алекс?

— Кто, Шаламов?

— Железовский. Ведь он уже не опасен для «хирургов», вернее, для тех, кто стоит за их спиной, он сделал свое дело.

Заместитель комиссара погладил бородку.

— Значит, он выяснил что-то еще, что должно оставаться тайной. Где находится Центр и кто им руководит, например.

— Если так, то Аристарх... погиб.

— Вряд ли. Если бы они хотели его убить, нам достался бы только его труп.

— Успокоил.— Боянова включила запись финала схватки бывшего курьера с людьми в форме пограничников, сделанную одним из киберов. Жуткое бегство Шаламова действовало угнетающе. Однако определить, кто и как вынес с поля боя Железовского, видеозапись не позволяла. Помолчав, Власта прочитала четверостишие:

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений. [1]

Шевчук бесшумно вышел, но комиссар недолго оставалась одна, не считая молча работавших операторов, в зале один за другим появились Джума Хан, Ромашин и председатель СЭКОНа.

— Мне сообщили, что служба безопасности снова попала впросак,— заявил Ландсберг с тонкой усмешкой.— Шаламов ушел, Железовский похищен, завод ничего противозаконного не производит. А?

— Как быстро распространяются слухи,— недобро сощурилась Боянова.— Такое впечатление, что вы, Казимир, узнаете об операциях отдела намного раньше, чем их планирует сам отдел. Кто вам сообщил, что Железовский похищен? А тем более о том, что мы интересуемся заводом и его продукцией?

Ландсберг понял, что допустил промах, но не показал виду.

— У меня свои источники информации, не криминогенного характера. Или вы допускаете, что СЭКОН получает сведения от антисоциальных элементов?

В зале повисла хрупная тишина, которую нарушил Ромашин:

— Почему бы и нет, Казимир? На месте комиссара я бы тоже удивился. Завод объявлен зоной ЧП всего полчаса назад, а вы уже тут как тут.

Краска бросилась в лицо Ландсбергу, глаза его метнули молнии, но тон речи остался дружеским.

— Просто я дежурил в центре координации над «сферой Сабатини» и услышал объявление по «треку». Вот и все загадки моего появления. К сожалению, вам оправдаться перед ВКС будет труднее: служба упустила Шаламова и не предотвратила самодеятельность Железовского. Комиссар, неужели и после этого инцидента

---

[1] В. Шекспир. Сонет 53.

вы будете утверждать, что Шаламов не представляет большой опасности для людей?

— Для обычных людей нет,— негромко сказал Джума Хан.— Для тех, кто попытается его задержать силой,— да.

Ландсберг окинул безопасника насмешливым взглядом.

— Вы переводчик мыслей комиссара, молодой человек? Держитесь поскромнее, не вам судить о безвредности действий псинеура, да еще такого масштаба, как Шаламов.

— Почему бы и нет? — все так же спокойно произнес Ромашин.— Джума в свое время ловил Даниила и кое-что смыслит в этом деле. Кстати, наши мнения совпадают: Шаламова нельзя трогать вообще, разве что попытаться поговорить с ним, выяснить цель его шатаний по Земле.

— У меня другое мнение.— Ландсберг некоторое время смотрел на молчавшую женщину с неопределенным сожалением и скрытым превосходством.— Боюсь, ваш «Сын сумерек» преподнесет еще не один сюрприз... если его не остановить. На Совете я потребую его захвата с последующим ограничением свободы. Он опасен. До скорой встречи.

Председатель СЭКОНа коротко поклонился Бояновой, небрежно кивнул Ромашину и вышел.

— Жуир,— пробормотал ему вслед Джума Хан.

— Что вы сказали? — очнулась Боянова.

— Человек живет в свое удовольствие. Вернее, получает удовольствие не только от того, ч т о он делает, но и к а к делает.

— Да,— согласился Ромашин,— я тоже почувствовал нотки самолюбования, превосходства... и неискренности. Казимир изменился, раньше я знал его другим.

— Утоление рангового голода,— сказал Джума, и оба посмотрели на комиссара.

— У вас есть ко мне вопросы? — спросила Власта.

— Мы хотим предложить помощь в поисках Железовского,— сказал Ромашин.— Есть кое-какие идеи.

— Какие?

— Например, привлечь к поиску вашу сестру, она интрасенс, а также других интрасенсов.

— Хорошо, поехали ко мне.

Боянова направилась к выходу из зала, и в это время по сети «спрута» пришло сообщение о появлении возле «сферы Сабатини» «мыльного пузыря» с «миллионом глаз» внутри.

— Богоид! — воскликнул Джума Хан, переглядываясь с Ромашиным.

— Что? — оглянулась Боянова.

— Где появляется богоид — «тысячеглазый» орилоунский автомат или кто он там есть,— там почти всегда рядом Шаламов.

Джума хотел что-то добавить, но в этот момент пришло еще одно сообщение по «треку»: в доме, в котором жил Аристарх Железовский, произошел странный взрыв, разрушивший дом и необыкновенным образом изменивший весь квартал города. При этом свидетели перед взрывом видели тот же необычный объект с «миллионом глаз».

— По их заверениям объект будто бы соткал вокруг дома черную паутину, а уж потом дом взорвался,— добавил дежурный.— Что интересно, жертв среди населения квартала нет.

— А Шаламова там не видели? — спросила Боянова.

— Следственная обойма еще работает, сведений нет.

— Кокон входа,— медленно проговорил Ромашин.— У Аристарха в квартире был кокон входа в трансфер.

Джума побледнел.

— Ты думаешь, он... свернулся?

— Похоже.

— Как же теперь Мальгину удастся выйти на Землю?

Боянова, наклонив голову, думала о своем, потом решительно шагнула в коридор. Джума и Ромашин, переглянувшись, последовали за ней, услышав по своим рациям знакомый, звенящий, заставляющий сильнее биться сердце сигнал тревоги.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Любое движение в этом желто-зеленом желейном мире отзывалось перестройкой прозрачных, пересекающихся, изломанных, отсвечивающих кое-где зеркалами, слоев воздуха, больше похожих на зыбкие пласты липкого, рыхлого, вздрагивающего желатина. Пейзаж менялся не только от движения рук и ног, но даже от дыхания или взмахов ресниц, и привыкнуть к этому было непросто. Единственное, что здесь оставалось незыблемым,— скелет орилоуна, в котором машина «струнного» перемещения все еще работала.

Мальгин обошел орилоун кругом, с любопытством вглядываясь в колеблющиеся картины многократных отражений и преломлений здешних красот друг в друга, и вернулся в приемную камеру орилоуна, умершего, по крайней мере, десяток миллионов лет назад. Цвета под куполом преобладали коричневые, черные и серые, и лишь мембрана перехода выделялась в полутьме нежным льдистым свечением, напоминая ледок в зимней проруби. Мальгин выбрал уютную ложбинку в складках пола и прилег. Физически он не устал, тело могло выдержать недельный бег или тяжелый труд, но душа просила — не отдыха, расслабления.

Привычно проверив работу систем организма: нервной, скелетно-мышечной, эндокринной, сердечно-сосудистой, а главное —

экстрарезервной, связанной с «темным знанием», которую он сумел-таки подчинить себе, Мальгин приказал Харитону следить за обстановкой и погрузил себя в «сон второй степени». В этом состоянии разум повиновался причудливым извивам памяти и фантазии, соединяя несоединимое наяву, и перед глазами хирурга проплывали картины встреч с Купавой, Карой, отцом, друзьями... и недругами. Особое место в снах занимала дочь, Дарья, по которой Мальгин успел соскучиться больше, чем по кому бы то ни было.

Иногда в сны вмешивалась многоуровневая структура мышления, активируемая памятью «черного человека», и тогда картины вообще теряли связь с реальностью, уходя в область фантасмагорий, чужих чувственных и семантических пространств. Мальгин не боялся этих погружений в инобытие, именно благодаря им он понял эволюцию «черных людей», открыл их слабые и сильные стороны. Однако главным своим приобретением считал способность уходить в выдуманный, иллюзорный мир без применения наркосредств и возвращаться обратно.

Мистический далекий зов, приписываемый Климом родственной душе кого-то из интрасенсов, во время путешествия по системе орилоунского метро притих, но тень его витала где-то рядом, эфемерная, как улыбка привидения. Зовущий остался на Земле, это было ясно, и мощности его пси-голоса не хватало, чтобы донести зов до Мальгина, хотя хирург иногда «хватал» след голоса, и сердце отзывалось замиранием.

Он путешествовал по Вселенной уже две недели, бродил по ландшафтам полусотни миров, похожих и непохожих на Землю, купался в озерах и морях чужих планет, пережил множество приключений и массу необычных ощущений, но интерес к странствиям не угасал, хотя сейчас Мальгин мог бы признаться: жажда новых открытий осталась неутоленной, но не было музыки в душе, не было удовлетворения. Шаламова он так и не встретил, хотя и чувствовал иногда следы его присутствия, и все сильнее тянуло на Землю. Хотелось разрубить, наконец, этот гордиев узел, связавший его, Карой, Купаву и Шаламова. Разум жаждал определенности, требовал найти выход из положения, и сердце вторило ему, прогоняя сквозь все тело по венам и артериям не кровь — свинцовые струи тоски...

На фоне танцующих языков огня возникло бледное печальное лицо Карой.

— Привет, мастер.

— Привет,— отозвался Клим, забавляясь. Говорил он сам с собой, но в этом состоянии давало знать себя расщепление «я»: на доброго и злого Мальгина, на светлого и черного, эгоиста и рыцаря, и эффекты порой удивляли своей неожиданностью.

— Знаешь, почему Купава ушла от тебя?

— Если бы знал, уже вернул бы.

— Знаешь, но не хочешь сознáться. Потому что ты не владел искýсством нежности. И не владеешь до сих пор. Что молчишь?

— Думаю.

— Ну думай, тебе это полезно.

Рядом с фигурой Карой вылепилась такая же прозрачная фигура Купавы, обе женщины вошли одна в другую, но не слились, продолжая по-разному излучать печаль и очарование, образовали сложный человеческий кристалл, живущий по законам геометрии горя и боли...

Усилием воли Мальгин изгнал обеих из сновидения, и перед взором вереницей потянулись картины жизни иных миров, где он успел побывать.

Сеть орилоунского метро охватила не только Галактику или даже местное скопление галактик, но и множество метавселенных, то есть метагалактических доменов, в одном из которых родилась когда-то крохотная пылинка Земля. Кроме того, у Мальгина крепла уверенность, что «суперструны» сети тянутся и к другим Вселенным сквозь вечно кипящий вакуум Большой Вселенной. Проверку этого предположения Мальгин оставил на потом, желая иметь рядом кого-нибудь из друзей, чтоб было с кем делиться впечатлениями. Он говорил сам себе «друзей», но думал о Купаве... или иногда о Карой.

Большинство расселенных по космосу орилоунов давно уже умерло от старости, хотя механизмы создания «струн» в них продолжали функционировать — они не были вечными, но работать могли еще очень долго, тысячи лет.

Первый шаг Мальгина из трансфера в один из каналов сети перенес его в систему самой яркой звезды Галактики — эты Киля, температура поверхности которой достигала тридцати тысяч градусов. Орилоун был здесь установлен на астероиде, и ничто не мешало путешественникам любоваться на колоссальное чужое солнце с длинными голубыми космами протуберанцев. Правда, без скафандра выйти на поверхность астероида Мальгин не решился, хотя и мог обходиться без воздуха долгое время.

Вообще путешествовать по орилоунскому метро мог далеко не каждый желающий, многие выходы были смертельно опасны для нормального человека, а тем более путешествующего без скафандров или защитных костюмов, и лишь возможности интрасенса, помноженные на маатанские знания, позволяли Мальгину не бояться сюрпризов. А их появлялось немало: то огромная сила тяжести, доходящая до пятидесяти «же», на мертвых звездах, входящих в галактическое гало, то смертельно ядовитая для всего живого, органики атмосфера, то громадные температуры, то холод межзвездной пустоты. Но самыми неприятными и опасными сюрпри-

зами сопровождались выходы в тех областях домена, где формы материи обладали свойствами или более простыми, или более сложными, чем масса и энергия. Пространства этих миров описать человеческим языком было невозможно, они влияли непосредственно на мозг человека, а не на органы зрения, слуха и осязания, и в них было невероятно трудно сориентироваться, чтобы не потерять из виду орилоун и не раствориться в невообразимо сложной фантасмагории иллюзорных картин, воспринимаемых, тем не менее, как абсолютно реальные. В одном из таких миров Мальгин едва не погиб: энергия уходила из тела быстрее, чем ее генерировали сердце и селезенка, и когда ему удалось добраться до орилоуна, оказалось, что он похудел на двадцать два килограмма! Плюс треть запаса нервной массы. Советчик Харитон, персональный комп, не выдержал сложных наводок, и Мальгину долго пришлось восстанавливать его.

На третий день похода он попал на планету, спутником которой служил... гигантский человеческий череп! Клим долго не мог поверить глазам, тряс головой и жмурился, однако ночью, когда «череп» — размером с земную Луну!— начинал светиться отраженным светом, эффект настолько потрясал, что не верить ощущениям казалось кощунством. Скорее всего, форма спутника этой планеты, почти лишенной атмосферы, рисунок кратеров, долин и горных массивов были просто космическим курьезом, иронией природы, относившейся к человеку без особого восторга, во всяком случае, не как к своему венцу, и все же сходство гигантского куска камня с человеческим черепом поражала воображение.

Следующий объект, где сидел орилоун, был не менее интересен: ажурная коралловая глыба диаметром с планету типа Урана или Нептуна, состоящая с виду из мириад скелетов умерших полипов, однако на самом деле каждый «полип» представлял собой космический корабль наподобие маатанских проникателей, в которых когда-то путешествовали «черные люди». Видимо, во времена оны существовал некий суперзавод по выращиванию космолетов, которые использовались по мере созревания, но потом что-то произошло, и хозяева завода перестали забирать готовые машины. В результате процесс стал неуправляемым, корабли достигали зрелости и умирали, а на них наслаивались следующие, и длилось это много тысяч лет... Изредка какой-то из «юных» космолетов отрывался от родительского дома и уходил в космос, чтобы превратиться в блуждающую каменно-металлическую гору странных очертаний и навсегда затеряться во тьме. Мальгин, побродив по лабиринтам «коралла», стал свидетелем одного такого старта и пожалел полуживой механизм, обреченный на медленное бесцельное угасание. Строили завод негуманоиды, существа, отличные от всех тех, с кем сталкивался человек в космосе, но агония творения их «рук»

затрагивала душу с такой же силой, как если бы завод строили люди.

Встречались уж и вовсе экзотические объекты и миры, где Мальгин просто не мог выйти из метро, потому что для этого требовалось преобразовывать не только тело, но и физическую сущность процессов. Такими были выходы в плоский двумерный мир, а также в многомерные пространства, а однажды встретилась Вселенная, теоретически предсказанная сотни лет назад учеными-астрофизиками Хойлом и Нарликаром: эволюция этой странной Вселенной происходила не по модели расширения, в ней... сжимались атомы, создавая иллюзию расширения самой Вселенной!

Побывал Мальгин и на планете, состоящей из половинок двух разных планет: одна была — сплошной океан с редкими архипелагами островов, другая — оранжево-красная пустыня с еще более редкими озерцами и болотами. Как удалось соединить их, каким ухищрением техники, дознаться было не у кого, но «двойная» планета исправно кружилась вокруг старого красного солнца, показывая ему то океан, то сушу. По экватору ее охватывала стокилометровая полоса голубого тумана, в котором, очевидно, и прятались устройства, соединяющие половинки планет. Орилоун, к которому обратился хирург, был еще жив и на вопрос Клима ответил, что соединены не половинки, а целые планеты, и что туманный обруч по экватору вовсе не туман, а Кольцо Вершителя, однако принципа работы Кольца орилоун не знал. Видимо, Вершители создали нечто вроде мембраны на срезе «сверхструны» — именно так работала и «серая дыра», которую открыл в свое время Шаламов.

Мысли повернули в иное русло, имя Шаламова повело свою ассоциативную цепь, снова всплыли в памяти образы дорогих и близких людей. Мальгин вздрогнул, очнулся, обвел взглядом темный купол утробы орилоуна, стены которого от старости серебрились инеем. Ни один звук не долетал сюда снаружи, темнота и неподвижность орилоуна навевали уныние, едва заметно светился «ледок» мембраны в глубине колодца метро.

> Здесь дверь из серебра, из сна, из страсти.
> Войди, мечтатель, Дверь открыта настежь.[1]

Строки возникли не в голове Мальгина, а как бы перед глазами, постояли, мигнули и расплылись огненными струйками. И Клим внезапно осознал, что он в гроте орилоуна не один.

Темная фигура, замершая в нише у дальней стены грота, шевельнулась, встала на ноги. Человек?! Вздох облегчения невольно сорвался с губ хирурга, хотя он и не боялся встреч, ни жданных, ни неожиданных. Он мог поклясться, что в гроте никого не было,

---

[1] Р. Дарио.

когда он вошел сюда, да и войти незаметно незнакомцу не дало бы сторожкое чувство опасности, но факт оставался фактом: Мальгин проспал появление гостя.

Незнакомец тихо рассмеялся, откинул капюшон не то плаща, не то сутаны, и взору хирурга предстало морщинистое лицо седоголового мужчины с умным проницательным взглядом и добродушно-ироничной складкой губ. Правда, Мальгину показалось, будто лицо гостя, прежде чем застыть, сформироваться, претерпело несколько мгновенных изменений и что сразу после того, как упал капюшон, лицо его лицом человека не было.

— О да,— сказал незнакомец тихим, но звучным голосом, в котором проскальзывали вкрадчивые нотки.— Конечно же, я не человек, да и вообще не гуманоид. Но странник, как и вы. Я наблюдаю за вами уже сутки: нравится путешествовать? Или у вас другая цель?

Мальгин радушно кивнул на складку пола.

— Присядем. Меня зовут Клим Мальгин, а вас?

Незнакомец сел рядом, вполоборота, хотя под плащом не было видно, есть ли у него ноги, руки и седалище. Инфразрение и пси-видение Мальгину не помогли, впечатление было такое, будто фиолетовый, с искрой, плащ непроницаем ни для одного вида энергий. Мало того, Клим не мог пробиться и в пси-сферу пришельца, не видел его пси-ауры,— перед глазами стоял ровный серый фон, и лишь изредка сквозь этот фон всплывал прозрачный призрак странной фигуры, напоминающей загадочно улыбающегося Будду.

— Мое имя — стершийся иероглиф.— Седой, старцем его назвать было трудно, несмотря на морщины и седину, улыбнулся.— Зовите меня Странником, Скитальцем или Паломником, это будет соответствовать истине, ибо путешествую я много-много лет. Странствие затягивает, его пьешь, как воду в пустыне, но утолить жажду не можешь.

— Легче подавить первое желание, чем утолить все, что следует за ним.

— Отменно сказано! Ваше наблюдение?

— Нет, древнего земного мудреца [1]. Что касается странствий — у меня есть цель.— Мальгин поколебался и вдруг выложил чужаку всю историю с Шаламовым.— Поэтому я здесь,— закончил он.— Хотя странствие действительно затягивает и, боюсь, может в конце концов стать целью.

Скиталец-Паломник слушал внимательно, кивая изредка, совершенно, как человек, и был он мудр и терпелив.

— Еще раз повторюсь — я не человек,— изрек он наконец,— но ваша история мне созвучна, в ней есть искание чего-то беско-

---

[1] Б. Франклин.

нечно духовного, не поддающегося определению... как слеза на ресницах ребенка. Если бы еще можно было на этом пути избежать ошибок...

— Возможность ошибки не избавляет нас от необходимости попытки,— пробормотал Мальгин, порыв которого иссяк.

Паломник кивнул, глаза его остро блеснули.

— Прошедшее — самый надежный вид бытия, особенно для тех, кто ищет постоянно. Вы не торопитесь? Дайте руку.

Мальгин поднял бровь, поколебался немного и протянул левую руку. Ладони у него были не очень широкие, но жилистые, с длинными пальцами — ладони энергичного человека, не поддающегося чужому влиянию. Рука Паломника на вид была вполне человеческой, сухой и теплой, но руку Мальгина пронизало ощущение легкого электрического укола.

— Да, вы пережили не один фунт лиха,— сказал Паломник, внимательно разглядывая ладонь хирурга,— но впереди еще немалые испытания.

— Я готов к ним.

— Верю. У вас огромные запасы пси-энергии, вы сами не знаете, какие! Вы маг, мастер, пси-маг, или колдун, если хотите. В вашем мире, где случайность и неопределенность являются его объективными характеристиками, такие способности реализуются редко.

Мальгин отнял руку, подумал.

— А разве есть миры, где случайность и неопределенность не являются их характеристиками?

— Есть,— улыбнулся Паломник,— да хотя бы система орилоунского метро, как вы ее называете. Она абсолютно недетерминирована, намертво впаяна в систему метавселенных, как... кровеносная система в тело человека. Именно поэтому собственно механизмы «суперструнного» перемещения продолжают работать даже в мертвых орилоунах. Примеров много, но я вижу, вы думаете о другом. Не хотите выпить со мной за встречу и перекусить?

Мальгин недоверчиво посмотрел на странника, но не увидел и тени насмешки. Сказал серьезно:

— К сожалению, я с Земли не взял с собой ничего. Вы первый негуманоид-неземлянин, который предлагает мне выпить.

— Но, может быть, не последний,— засмеялся Паломник, отлично поняв намек Мальгина.— Я, как и вы, в путешествии питаюсь чистой энергией, но кое-что у меня с собой имеется.

Он вытащил откуда-то из складок плаща небольшую плоскую коробку с белой полоской на торце, погладил пальцем полосу и поставил коробку у ног. В ней что-то звонко щелкнуло, и с волной теплого ветра она увеличилась в размерах вдвое, затем еще и еще раз, пока не превратилась в объемистый баул, на крышке которого загорелось созвездие пульсирующих цветных огней.

— Субмолекулярное сжатие,— пояснил Паломник.— Это мой НЗ. У вас на Земле, по-моему, тоже освоили подобные технологии.

Огоньки начали вспыхивать один за другим, и крышка баула превратилась в соты. В углублениях появились какие-то предметы разных форм и цветов, среди которых Мальгин с удивлением увидел бутылку вина с этикеткой «Мускат белый красного камня». Не обращая внимания на изумление собеседника, Паломник ловко откупорил бутылку, разлил вино в прозрачно-красные резные бокалы, появившиеся неведомо откуда, подал один хирургу, поднял свой.

— За знакомство?

— За встречу,— хрипло ответил Мальгин.

Вино было вкусное, легкое, ароматное и, казалось, хранило тепло земного Крыма.

Паломник вытащил из своего волшебного чемодана зеленый, с тонким белым рисунком плод в форме трехлучевой звезды.

— Это фатум, плод дерева Судьбы. Не боитесь попробовать?

Мальгин принял тяжелый бархатистый фрукт, и в голове вдруг сложился образ: лицо женщины с загадочной улыбкой Джоконды, неуловимо схожее с лицом Купавы, а также с лицами Карой и мамы. Рука дрогнула.

Паломник снова засмеялся характерным горловым смехом.

— Ешьте спокойно, прямо с кожицей, это земной банан, но выращенный на другой планете. Биологически активен, способствует гармоническому распределению энергий инь и янь, а для вас вообще незаменим как стимулятор магических сил.

Мальгин улыбнулся в ответ, надкусил плод, пожевал. Вкус был специфический: земляника, дыня, гранат, яблоко и сотня других вкусовых оттенков,— и проглотил. Впечатление создалось такое, что ему одновременно выстрелили в пищевод и ударили по затылку. В глазах потемнело, сок фатума действовал мгновенно, однако отрицательные ощущения быстро ушли, и Мальгин почувствовал действие плода.

Пронзительная ясность в голове.

Кипение энергии в центральных органах тела.

Сила, бегущая по жилам.

Внезапное открытие того, что его внутренняя энергия является лишь одним из видов великого океана энергии, заполняющей Вселенную, и что, сосредоточившись, можно брать любое количество энергии из этого мирового запаса на собственные нужды.

Мальгин двинул рукой, с пальца сорвалась зелено-голубая молния и с треском вонзилась в стену грота. На лице Паломника проступило удовлетворение.

— Слава Богу, канал открылся!

— Какой... канал? — выдохнул Мальгин, переводя дух.

— Дзэн — если следовать терминологии земных оккультных знаний. От дхияны к дхаране и пратьяхаре [1], к дзэн-просветлению, высшей степени сознания. Просыпайся, колдун, пора.

Мальгин посмотрел на Паломника и ясно увидел целую дюжину жемчужно переливающихся призраков, вложенных в фигуру улыбающегося Будды. Ни один из них не походил на человека: лемур, черепаха, свернувшаяся в спираль змея, барс, летучая мышь, а может быть, и птеродактиль, вообще не похожие ни на что твари и даже какое-то дерево... Цепь предков этого существа, отраженная в психике. Правда, похожими на земные образы их делало сознание Мальгина, улавливающее приближенное сходство. Паломник кивнул, свободно читая мысли Клима.

— О, конечно. Только не испытывай на мне самадхи [2], я сам расскажу, что тебя интересует. Что касается дерева в цепи моих прародителей, то человек тоже является и животным, и растением, проходя те же стадии эволюции: преджизнь — наджизнь — сверхжизнь.— Гость улыбнулся.— Не обижайся, но человечество пока находится на первом этапе этого пути, хотя отдельные индивидуумы обладали возможностями второго в любые времена.

— Интрасенсы?

— А раньше — экстрасенсы, еще раньше — целители, знахари, ворожеи, шаманы, колдуны, маги. Вообще человек для меня загадка номер два: в нем заложено все, что было, есть и будет во Вселенной, но потенциал этот почему-то не реализуется. Почему? А ведь вы, люди, чуть ли не единственные существа в данной метавселенной, способные накапливать историческую память и духовную энергию ушедших поколений — основу основ всемогущества.

Мальгин помолчал, вдумываясь в сказанное. Так же свободно читать мысли собеседника, как тот — его, он еще не мог, к тому же не проходило ощущение, что разговаривает он сам с собой.

— Если продолжить сравнения, то вы — представитель сверхжизни?

Бархатистый смешок.

— О нет, не удостоен, хотя могу многое. Вот Вершители — те очень близки ко всемогуществу.

— Как они выглядят?

Паломник покачал головой, допил вино и сложил-трансформировал свой походный баул в небольшую коробочку.

— Не знаю. Как может выглядеть Бог того, чего не может быть в принципе?

---

[1] Дхияна — созерцание, дхарана — сосредоточение, пратьяхара — освобождение ума от влияния чувств, отход от чувственного восприятия (приемы йоги).

[2] Самадхи — состояние сверхсознания, в результате глубокого созерцания, в котором занимающийся сливается с предметом созерцания.

— Что вы имеете в виду?

— Всемогуществом не может обладать никто — это универсальный закон Большой Вселенной, и, тем не менее, Вершители всемогущи в каждом из метагалактических доменов. Почему же они не всемогущи в целом? Парадокс, который я не смог решить до сих пор. Итак, мой друг, позволь мне дать один совет: возвращайся. Шаламов на Земле и никогда больше не сможет войти в орилоунское метро, да и тебе это будет удаваться с трудом. Возвращайся, поможешь коллегам избежать многих бед. Правда, Шаламов подстрахован, но и твоя помощь понадобится.

— Кем он подстрахован?

— Вершители создали свою систему безопасности, следящую за объектами, которые владеют опасным знанием и могут обратить его во вред разуму. Один из их превент-наблюдателей сейчас на Земле.

— «Тысячеглазый»?

Паломник внимательно посмотрел на хирурга.

— Вероятно, это образ, созданный вашим воображением, наблюдатели выглядят иначе. Но это он, богоид, по терминологии Шаламова.

Мальгин покачал головой, вспоминая моменты появления тысячеглазого орилоунского призрака на Земле. Все стало на свои места, получили объяснения и действия «глазастого», и его тяга к Маату, Орилоуху и к Шаламову.

— Вы встречались с ним?

— Я встречался со многими землянами, в том числе и с Шаламовым и Лондоном. Кстати, Майкл просил передать вам вот это.— Паломник вытащил из-под плаща нечто, напоминающее свернутый в трубку плакат, взмахнул им, и трубочка действительно развернулась в плоский лист с изумительно ярким изображением кусочка чужой планеты: водопад искрящейся желтизной воды с сияющей зеленой пеной, густо-синее небо с прожилками бело-голубых облаков, лес из растений, напоминающих березу и пальму, и развалины какого-то древнего строения, не то замка, не то крепости. Паломник что-то сделал, и картина обрела глубину, объем и... жизнь! Повисла в воздухе, словно окно в неведомый мир.

Мальгин вопросительно глянул на собеседника.

— «Динго»?

— Проще... и сложней: Сами разберетесь.— Паломник свернул картину в рулон, и Клим спрятал ее в карман.— Учтите, такие картины уже появились и на Земле, найдите и обезвредьте их, иначе случится беда. Я вижу, вам хочется задать мне пару вопросов. Время у меня есть, но давайте-ка перенесемся куда-нибудь в более уютное место. Не возражаете?

Паломник первым шагнул в «прорубь» мембраны, Мальгину ни-

чего другого не оставалось, как последовать за ним. Внезапно ему показалось, что кто-то глянул ему в спину с тяжелой угрозой, хотя он точно знал, что в округе сотен километров нет ни одной живой души.

2

Вышли они на одной из планет Сферы Дайсона. Мальгин сразу узнал этот интересный объект, поражающий воображение масштабом строительства древних разумных существ, хозяев Сферы.

Представьте себе зернышко риса в центре надутого воздушного шарика и увеличьте это в триллион раз — зернышко превратится в звезду, а оболочка шарика — в сферу диаметром в триста миллионов километров, состоящую из мириад «песчинок» — астероидов размером в пятьдесят-сто километров. Астероиды эти ничем видимым не соединяются, но держатся каждый на своем месте, как биллиардный шар в лузе, касаясь боками шести соседних глыб.

С ночной поверхности планет Сферы — а их было три, вращавшихся по одной орбите,— оболочка кажется состоящей из светящейся рыбьей икры и создает эффект потрясающей светлой глубины с перламутровыми переливами. Смотреть на это небо можно, не отрываясь, и час и два.

— Красивое зрелище,— с неожиданной грустью сказал сзади Паломник.— Скоро оно станет недоступно путешественникам, орилоун здесь настолько дряхл, что вот-вот захлопнется.

Мальгин перевел взгляд с неба на недалекие черные «развалины» — таким издали казался вудволловый лес, названный так из-за сходства со стенами разрушенных и сгоревших земных зданий. Состоял он из теплокровных растений, то есть полурастений-полуживотных, форма которых являлась одной из чудес света. Затем внимание приковал океан, днем желто-янтарный, с искрящейся снежно-белой пеной, а ночью темно-коричневый, как смола, с янтарными искрами в глубине.

Дышалось здесь легко, атмосфера всех трех планет Сферы Дайсона на семьдесят процентов состояла из кислорода и на тридцать из азота, хотя изотопов эти газы содержали больше, чем земная атмосфера. Температура воздуха держалась ночью почти такая же, как и днем,— около семнадцати градусов тепла.

— Посидим перед дорогой,— предложил Паломник.

Уселись на камень возле теплой стены ближайшего вудволла.

— Меня действительно многое интересует,— признался Мальгин.— От проблем глобальных, вроде смысла бытия, до совсем простых, вроде моего личного счастья.

— Вряд ли я смогу ответить на все ваши вопросы,— улыбнул-

ся Паломник.— Вы, люди, очень редкий тип существ, которым дано обнаружить проблематичность своего существования и ощутить всю неоднозначность бытия. Поэтому истина для вас многолика. Если я сообщу вам сейчас, каков был замысел Вселенной, Большой Вселенной, вы не поверите. Честно говоря, я иногда тоже готов принять постулат, что смысл Вселенной — за пределами постижимого. Во всяком случае, для существ, бытие которых конечно. Рассуждать на эту тему можно долго, но вопрос: может ли ветвь постичь смысл всего дерева?— заставляет думать, а не спорить. Понимаете?

— Не могут понять жизнь в этом мире те, кто никогда не жил в нем,— пробормотал Мальгин.

— Очень точная формулировка! — Паломник был явно восхищен.— Ваша?

— Нет [1]. Но принадлежит всему человечеству, как наследство.

— И все же я не ошибся в вас. Когда-нибудь мы встретимся в другой обстановке и побеседуем более глубоко.

— Тогда позвольте задать вопросы попроще. В Галактике еще есть «серые дыры» или та, что открыл Шаламов, была единственной?

— К сожалению, она была единственной на все местное скопление галактик и связывала вашу Метавселенную с той, где родились Вершители.

— Почему захлопнулись орилоуны на Земле, Маате и на самом Орилоухе?

— От старости, мой друг, от старости. Эта ветвь метро, соединяющая Галактику с другими, одна из самых древних, и ничто не вечно во Вселенной, кроме нее самой.

— Почему орилоуны так сложны? Ведь машины «суперструнной» связи могут быть гораздо проще, как наши, например.

— Во-первых, выращивались они для других целей, вернее, не только и не столько для создания сети мгновенной транспортировки, а во-вторых, они должны были выжить в любых условиях, в том числе во вселенных с совершенно разными наборами констант и физических законов. Ваша Метавселенная рождалась в процессе хаотической инфляции и состоит из изолированных областей, доменов, с разными комплексами физических свойств...

— Вследствие множества фазовых переходов,— вставил Мальгин с невинным простодушием.

— М-да,— сказал Паломник, помолчав немного.— Лекция была, пожалуй, лишней.

— Нет-нет,— возразил хирург,— просто я это уже постиг: наша Метавселенная напоминает мыльную пену, и мы, люди, живем

---

[1] Дж. М. Джилберт.

в одном из «пузырьков», который представляет собой метагалактический домен. Я полагаю, сеть орилоунского метро соединяет его и с другими доменами, и с другими метавселенными. Кое-какие из них я уже посетил.

— «Суперструны» могут соединять только топологически связанные метавселенные.— Паломник снова опечалился.— Но выхода во Вселенную, откуда пришли Вершители, я не нашел до сих пор. Шаламовская «серая дыра» была последним каналом связи с ней.

— Значит, поиск выхода и есть ваша истинная цель?

Паломник покачал головой, потом еще раз, словно говорил сам с собой.

— Одна из целей. Кроме того, я исследую ветвление вселенных, ищу подтверждение закона бесконечной неповторимости, решаю множество других проблем... перечисление которых не имеет смысла.

Теперь покачал головой Мальгин, но возражать не стал.

— Простите, вы говорили о законе бесконечной...

— Неповторимости. Звучит он так: могут ли миры, имеющие абсолютно идентичные начальные условия, развиваться так же идентично, с абсолютной нерасходимостью?

— И что же?

— Пока что нарушений закона я не обнаружил. Небольшая иллюстрация: в Большой Вселенной существует очень много Солнечных систем и Земель, но ни одна из них не повторяет другую. Вы можете найти, скажем, Землю, где нет вас, но есть ваши друзья, Купава, или есть вы, но нет Шаламова...

Тишина, последовавшая за словами странника, показалась Мальгину потерей сознания. В себя он пришел не сразу, потому что мозг мгновенно проанализировал сказанное и зажег в груди огонь желания.

— Соблазн жесток,— тихо проговорил Паломник, глядя на хирурга оценивающе и с сожалением.— В свое время я тоже решал эту проблему, и цена решения высока.

— Жизнь? Смерть?

— Я ведь живу. Да и что такое смерть? Лишь этап в цепи бесконечных видоизменений живого. Нет, цена решения — вечный поиск гармонии души, и я — в начале пути.

— «Как медленно я путь свершаю свой»,[1] — проговорил медленно Клим, думая в данный момент о Купаве. И о Шаламове. И о себе.

Паломник смотрел на него с мудрым сочувствием, зная судьбу хирурга лучше, чем он сам.

— До свидания, колдун. Будь счастлив, насколько это вообще

---

[1] В. Шекспир. Сонет 50.

возможно, и помни: дорога перед тобою свободна только на полет копья.

— И куда же вы теперь?

— А куда глаза глядят.— Паломник тонко улыбнулся.— Помните?

Везде проложены дороги.
По одиночке и в толпе
Идем, куда несут нас ноги,
Но повинуемся тропе.

Мальгин вздрогнул. Четверостишие было произнесено в манере Лондона, обмолвившегося как-то, что он любит древних поэтов, в том числе и Германа Мелвилла.

— Майкл? — прошептал хирург.— Вы — Майкл Лондон?!

— О нет,— рассмеялся Паломник.— Но я встречался с ним и позаимствовал многое из того, что и кто он есть. Я вообще вмещаю много других «я», людей, нелюдей, негуманоидов. Если захотите когда-нибудь — присоединяйтесь. До встречи.

Паломник исчез. Вот он только что сидел рядом, живой, теплый, излучающий расположение и доброжелательность, и вот его уже нет, словно выключили видео. Мальгин не стал оглядываться, зная, что гость уже далеко отсюда, в другом мире. Обладая могуществом, не соизмеримым с человеческим, он был более человечен, чем многие соплеменники хирурга, и в то же время соединял в себе черты Бога и дьявола, вечно искушавшего слабый род человеческий. Кто же он на самом деле? И зачем распял душу над костром сомнений, в пламени которого расплавил слова: «Во Вселенной есть Земля, где нет Шаламова»?..

* * *

Какое-то неясное предчувствие, тень тревоги заставили Мальгина отвлечься от невеселых дум и переживаний. Он внимательно осмотрелся, надеясь увидеть того, кто посмотрел на него «сквозь прищур нечеловеческого взгляда», но мир Дайсона был дремотно спокоен, тих и почти мертв, если не считать «живых» развалин вудволлового леса. И все же что-то изменилось в нем, появилось нечто чужеродное, связанное с глыбистым строением орилоуна.

— Футурпамять,— шепнуло одно из многих «я» Мальгина, отвечавшее за его рассудок.— Еще ничего не произошло, но вот-вот произойдет.

Клим сосредоточился, активируя все свои человеческие и интрасенсорные органы чувств, пока не достиг состояния дзансин — готовности отразить любую психологическую и физическую опасность. Водопад знаний, не переводимых на человеческий язык,

хлынул через открытые шлюзы психики, и Мальгин у в и д е л призрачный веер возможных событий. Времени на анализ всех вариантов у хирурга не было, но главное он схватил: в с е варианты пророчили беду.

— Уходи в запределье личных оценок,— снова шепнул заботливый внутренний голос,— иначе останешься здесь навсегда.

«Странно, что Паломник не предупредил,— мелькнула мысль.— Впрочем, может быть, он считал, что колдун должен справляться со своими бедами сам?..»

В следующее мгновение Мальгин остановил свое собственное биологическое время, выключив себя из общего психо-физического потока. Мир вокруг застыл, словно воздух уплотнился до состояния прозрачного камня, пульсация жизни замерла, планета перестала вращаться вокруг светила, сморщенное волнами лицо океана превратилось в твердый металлокерамический панцирь.

Клим достиг дзэн-состояния и ощутил себя частью Вселенной в состоянии постоянного движения: материя меняла свои формы и правила взаимодействия; звезды, галактики, квазары, черные дыры неслись сквозь вакуум, непрерывно возбуждая его и обрастая «шубой» скрытых миров-частиц; рождались и умирали новые соединения атомов и ансамбли элементарных частиц; все вокруг в радиусе ч у в с т в о в а н и я вибрировало, пульсировало и дышало, и везде цвела жизнь...

Орилоун, выращенный в Сфере Дайсона, давно умер, хотя скелет все еще хранил в себе механизм «сверхструны», но пришло и его время распада, и не только его одного — всей ветви реликтового метро в Галактике.

В конце концов ставшие «хрупкими» от старости, «струны» начинали рваться, отдавая энергию Хранителям Пути, и те лопались, как перенакачанные воздушные шары, взрывались или схлопывались в элементарные частицы, вызывая волны, шквалы, цунами и штормы странных изменений пространства, соединяя и тут же разъединяя тысячи удивительных миров и непохожих друг на друга вселенных.

Мальгин успел проскочить мембрану орилоуна за миллионную долю секунды до его схлопывания, и судорога мгновенной «струны», рвущейся на части, погнала его из одного конца метагалактического домена в другой. Он выпадал из умирающих, дробящихся в пыль орилоунов то в абсолютной темноте войда, успевая сориентироваться, нащупать исчезающий след «струны» и прыгнуть назад, то в центре исполинской спирали сейферт, то в радужном огне лайнера [1], то в глухой серой «пустыне» сумеречной вселенной, заполненной редкими звездами, газом и пылью.

---

[1] Несейфертовская эмиссионная галактика.

Однажды неведомым топологическим преобразованием его занесло в субквантовую область собственной Метавселенной, и он увидел горящую на столе свечу, размеры которой в триллионы раз превосходили рост человека!

В другой раз он выскочил посреди болота, плоскость которого по размерам превышала диаметр Солнечной системы! Видеть это глазами он не мог, но обострившиеся чувства, многие из которых не имели названия на человеческом языке, анализировали изменения континуума почти мгновенно, за тысячные и миллионные доли секунды.

Как оказалось, демонические силы агонизирующей системы мгновенного транспорта, созданной Вершителями в невообразимо далекие времена, могли не только перемещать физические тела на любые расстояния из домена в домен, но и гнуть, искривлять, деформировать стрелу времени, переносить объекты в будущее и далекое прошлое. Мальгину пришлось убедиться в этом после отчаянной попытки выбраться из взбесившейся «сверхструны», однако все его усилия попасть в трансфер, а оттуда на Землю не увенчались успехом, и в себя он пришел в уютной «пещере» молодого орилоуна, расположенного к философии и общению.

Правда, беседа их началась потом, после того, как Мальгин не смог сориентироваться, несмотря на колоссальный объем знаний, запасенных в «черных кладах», но сначала хирург вылез из колодца перехода в тело орилоуна, а затем выглянул из «дуршлага» обзорной башни.

Этот мир напоминал Землю: сила тяжести почти равна земной, кислорода процентов пятнадцать, остальное азот и углекислота.

Взору представилась картина: глубокое синее небо с оттенком зелени по горизонту, небольшой красный диск неведомого светила невысоко над грядой холмов, и необыкновенной красоты светящееся радужное кольцо в половину небосвода по другую сторону от звезды. В центре кольца угрюмо глядел на планету огромный черный зрачок неопределенной формы — не круг, не квадрат, не шар — многозубчатое пятно, плавно меняющее очертания. Планета, на которой рос орилоун, явно вращалась вокруг этого объекта, скорее всего — черной дыры, как и красная звезда, дающая достаточно света для освещения поверхности планеты. Кроме видимых глазом тел Мальгин, сосредоточив внимание на других своих органах зрения, обнаружил еще восемь планет, а также астероидное и кометно-пылевое кольца. Большинство планет — шесть из восьми — обращалось вокруг «дыры» с радужным кольцом, а пылевые кольца и две небольшие планеты — вокруг алой звезды. Впрочем, алой она казалась сквозь атмосферу приютившей Мальгина планеты, на самом деле звезда принадлежала классу GO и весьма напоминала желтый карлик типа Солнца.

Пейзаж вокруг орилоуна заставил Мальгина сильно задуматься, потому что напоминал пейзажи палеозойской эры, какими их рисовали художники-реэкологи, однако догадка о причинах похожести пришла позже, а пока путешественник созерцал окрестности, впитывал образы, звуки и запахи и отдыхал, чувствуя, как тихонько уходит боль из суставов и мышц измученного тела. В сне хирург особенно не нуждался, но все же решил поспать, дать первому, дневному «я» небольшой отдых, переключив сознание на глубины психики с «черным человеком» внутри. Власти «черного» над собой Клим уже не боялся, научившись контролировать каждое его движение на уровне рефлекса.

Еще раз окинув взглядом недалекую рощу из растений, напоминающих земные араукарии, чей смолистый запах преобладал над всеми остальными запахами, Мальгин вернулся в пещеру орилоуна, прислонился к теплой стене в уютном уголке зала и спросил машинально, не думая:

— Хранитель, где находится эта система?

Ответ на пси-волне прозвучал незамедлительно, ассоциируясь с мягким мужским баритоном:

— Вы находитесь на Земле в эпоху нижнего палеозоя.

Сон слетел с Мальгина, словно его сдуло ветром.

— Что?! На Земле?! Не может быть!— Клим осекся, вспомнив свои первые впечатления от пейзажа. Лес! Лес палеозоя...

— Но ведь это миллионы лет назад!..

— Точнее — двести сорок миллионов лет, если в качестве эталона измерения брать земной год вашей эры.

— Но небо... десять планет... и черная дыра с кольцом...

— Это Люцифер, или Озирис, если хотите. Вторая звезда — Световид, или Гелиос, она станет центральным светилом, Солнцем, через сорок миллионов лет. Кстати, гипотезы о существовании двойной звездной системы в прошлом вашими учеными разработаны довольно смело и точно. А десятая планета, которая вас смущает, это будущая спутница Земли...

— Луна! — Мальгин вспомнил, что в детстве читал популярные книги по занимательной астрономии, в которых говорилось о «долунном» времени, когда Земля не имела естественных спутников. Значит, была-таки в истории Солнечной системы катастрофа, изменившая ее до неузнаваемости. И память бесчисленных поколений предков хранит следы ее, чтобы подвигнуть восприимчивых потомков на поиски доказательств ее истинности.

— Но вы-то откуда это знаете, Хранитель? — спохватился Клим.

— Я знаю все, что знают другие Хранители Пути,— ответил орилоун с потрясающей простотой.— Я знаю все, что было, есть и будет, и буду получать информацию, пока существует...— не-

большая заминка,— пока существует система орилоунского метро.

Нельзя сказать, что хирург был потрясен, однако и ординарным ответ орилоуна назвать было трудно.

— И кто же добытчик информации? «Черные люди»?

Хранитель не ответил, он не отвечал на риторические вопросы, подразумевающие ответы.

Слегка осоловевший Мальгин снова вышел под небо Земли далекого палеозоя, небо, так непохожее на стандартные представления ортодоксальной науки о прошлом Земли.

Красное солнце — Световид — почти скрылось за холмами, и свет Люциферова кольца призрачным туманом окутывал землю, пронизывая воздух, проникал во все щели и ямы, и предметы на поверхности — камни, деревья, слизистые громады растительноядных сейсмозавров, бродивших по мелким лагунам,— не давали тени.

Одна из черных глыб неподалеку, лежавшая на крыше орилоуна, как упавший с неба камень, вдруг шевельнулась, и Мальгин, удивляясь своей замедленной реакции, узнал «черного человека». Маатанин смотрел на него с тяжелым равнодушием и словно размышлял, что делать с гостем из будущего.

— Привет! — хрипло сказал Мальгин, сглатывая ком в горле.

Маатанин не ответил.

Побродив вокруг дырчатой башни входа — Клим наблюдал за ним с интересом и настороженностью, все же движение «черного человека» далеко не ходьба землянина, гуманоида на двух ногах,— маатанин скрылся во чреве орилоуна, так и не удостоив человека вниманием. Эхо его мыслей — прозрачные всполохи, покалывание в висках и всплески странных видений — перестало тревожить сознание хирурга, он остался наедине с собой. И даже мысль, пробившаяся сквозь пелену заторможенности из сферы логического анализа, не заставила его встрепенуться: «Интересно, а может ли орилоун перенести меня на Землю до кенгуру Шаламова к «серой дыре»? И если может, то что произойдет?»

Справившись с эмоциональным ступором, превратившим тело в рыхлый ком снега, Мальгин заставил себя думать о цели, ради которой отважился ринуться в омут чужой транспортной системы. Целью был поиск Шаламова, но теперь, после совета Паломника, не имело смысла шататься по вселенным. К тому же возвращение на Землю в свою эпоху после множественных обрывов сети метро становилось проблематичным. Мальгина вдруг обдало жаром: он сообразил, что может совсем не вернуться к себе домой, в свое время. Искушение последовать намеку Паломника «поискать вселенную с другой Купавой, но без Шаламова», стушевалось, отошло в тень, стало прозрачным, хотя и не растаяло совсем.

Клим забрался в переходный купол орилоуна.

— Хранитель, верни меня на Землю моего времени.

— Человек, это не в моих силах,— последовал вежливый ответ.— Всякое состояние в этом мире, к сожалению, реализуется только однажды: нет одинаковых ситуаций, нет двух одинаковых нейрохирургов по имени Клим Мальгин...

— Но Паломник говорил...

— Он был в других вселенных, я — нет. Человек, тебе могут помочь только Вершители, это единственный шанс.

— Если бы я знал, где их найти,— с горечью произнес Мальгин, подавляя гнев.— Даже Паломник не смог определить их дом. Пришли в нашу Вселенную, соорудили метро, поразвлекались и ушли...

— Ты неправ, человек. Вершители не злонамеренны, но устроены так, что цена ошибки при любом контакте с объектами их деятельности — жизнь! Хочешь совет?

— Валяй,— махнул рукой Клим, снова извлекший из памяти соблазн поиска Земли, где есть Купава, но нет Даниила Шаламова.

— Паломник не катался на качелях.

— Что?!

— Паломник не исследовал метро Вершителей глубоко в прошлом и высоко в будущем.

Мальгин понял совет мгновенно.

— От Преджизни к Сверхжизни? Бью челом, Хранитель! Поехали в прошлое, к моменту появления в нашей Вселенной Вершителей.

— Понадобятся все твои силы, человек, это не легкая прогулка перед сном. Сомневаюсь, выдержишь ли ты переход.

— Никто не измерял моих пределов.

Мальгин прыгнул в мерцающее окно мембраны выхода на «струну» и, прежде чем раствориться в небытии, всем существом увидел вечно кипящий вакуум Большой Вселенной...

3

Район экополиса Пушкино, где жил Аристарх Железовский, выглядел с высоты неправдоподобно и гротескно: взрыв, разрушивший дом Железовского, пощадил остальные, но одновременно все тридцать с лишним многоквартирных домов квартала, выстроенных в едином стиле «березовая роща», превратил в удивительные радужно-прозрачные фигуры, напоминающие мыльные пузыри. На месте стройного здания, ставшего эпицентром взрыва, образовалось озеро серой, текучей, как вода, пыли, в центре которого торчал стометровый странный черный шпиль в форме корня дерева или, скорее, ветвящегося зигзага молнии. Все деревья парковой зо-

ны, окружавшей квартал, выглядели примерно так же, вызывая в памяти мрачные ассоциации Дантова Ада.

— Радиация — естественный фон,— доложил по рации Умник, который суммировал поступавшие к нему сведения и выдавал начальству.— Подобные преобразования ландшафта возможны только на уровне внутрикварковых процессов с поворотом времени.

Боянова покосилась на председателя СЭКОНа и увидела на его губах легкую пренебрежительную усмешку. В общем-то, реакция его на сообщения Умника была естественной, из всех находящихся в кабине куттера людей только он понимал физический смысл сообщений как специалист-физик, бывший сотрудник Института пограничных проблем, но Власте давно перестали нравиться профессионалы, выставляющие свою компетентность напоказ.

— Вы хотите что-то сказать, Казимир? Посоветовать, что делать? Предложить идею?

Ландсберг перестал улыбаться, но тон его ответа сохранил нотки превосходства и иронии.

— О нет, что вы, комиссар, я — тень в тени и весь внимание. Картина страшная, надо признаться! И если это дело рук Шаламова...

— Его здесь не было,— возразил Столбов.

— Я бы не стал утверждать это столь категорично. Многие видели этого вашего богоида с миллионом глаз, значит, и Шаламов мог быть рядом.

— Не обязательно,— тихо сказал Ромашин; он сидел с Джумой сзади всех.— По всем признакам, взрыв — это результат схлопывания в квартире Железовского «магической сферы» — кокона входа в орилоунское метро. Вы, наверное, помните, как схлопнулся орилоун на Таймыре, другие орилоуны взорвались еще раньше. Видимо, этот процесс затронул и другие механизмы орилоунского метро.

— Вы, Игнат, говорите так, будто обладаете монополией на истину.— Ландсберг похлопал Ромашина по плечу.— Ваши догадки не есть установленные факты, поэтому исходить мы должны из соображений безопасности и предполагать худшие варианты. Худшим в данном случае является вмешательство Шаламова... или Железовского.

Боянова с недоумением посмотрела на говорившего.

— При чем тут Железовский?

— Он контактировал с Шаламовым — это раз, был замешан в инциденте на Меркурии — это два; кстати, я потребую расследования его участия; он интрасенс — это три. Я, как и многие другие, считаю, что интрасенсы — не сверхлюди, как утверждают их ортодоксы, а психеуры, отклонение от нормы, которое необходимо лечить в срочном порядке.

Тишина после этих слов установилась в кабине повисшей над Пушкином машины идеальная. Потом Джума Хан негромко произнес:

— Всегда считал, что самое большое отклонение от нормы — это посредственность. Казимир, Аристарх Железовский был моим... то есть он был и есть мой друг, и говорить о нем в таком тоне, по крайней мере, невежливо. Я требую...

— Гриф Хан! — обронила Боянова.

Джума замолчал, хрустнув пальцами рук.

— Казимир, вам, я вижу, нравится быть глашатаем Закона,— продолжала комиссар.— Я тоже слуга Закона, и все же стараюсь не внушать свою точку зрения, доказывать свою исключительность и власть. Вас это не утомляет?

— Власть утомляет тех, у кого ее нет,— засмеялся Ландсберг.— Вы раздражены, Власта, я понимаю и не обижаюсь, но служу я не себе, а исключительно Закону. Я уверен, что и «Сын сумерек» Шаламов, и интрасенс Железовский несут угрозу для людей, и буду доказывать это на Совете. Если не трудно, доставьте меня к метро, здесь делать нечего, пусть трудятся специалисты.

Пока преодолевали расстояние до ближайшей станции метро, никто в кабине куттера не проронил ни слова. Лишь когда Ландсберг вышел и с улыбкой махнул всем рукой, Шевчук задумчиво сказал:

— Ландсберг раскрывается совсем с другой стороны, чем я его знаю. Теперь он без колебаний отправил бы на виселицу троих, чтобы спасти четверых.

Боянова подняла бровь, оглядываясь.

— Что это тебя, Алекс, потянуло на такие сравнения?

— Вспомнил недавно прочитанный исторический роман. Что касается Казимира, то я просто хотел сказать, что для него арифметика человеческих отношений становится важнее самих отношений. Недавно я услышал от него фразу: «В конце концов, человек живет для размножения». Не знаю, отражает ли эта сентенция его умонастроение, может быть, она была произнесена в шутку, однако мне позиция Ландсберга по многим вопросам перестала нравиться.

— Мне тоже,— кивнула Боянова.— Если он на полном серьезе оспаривает вывод социологов, что общество потребления является обществом с пониженным требованием к личности, которое лишает людей напряжения творчества, то это не может не настораживать...— Власта запнулась, посмотрела на мужчин. Те молча смотрели на комиссара. Власта невесело улыбнулась.

— Я не зануда и не люблю нравоучений, но в отличие от Казимира уверена: жизнь, смыслом которой является размножение, столь же бессмысленна, как и само размножение. Это кредо одного

древнего философа, но мне оно нравится. А Ландсберг... он слишком рано пренебрег ниямой [1].

— Ты думаешь, он и есть руководитель развернутой кампании против интрасенсов? — осторожно спросил Шевчук.

— Я не думаю, а знаю,— спокойно ответила Боянова.— Хотя он не руководитель, а исполнитель более высокого ранга, чем его «шестерки». Он генерал «Ордена».— Боянова посмотрела на Столбова.— Димитр, вам придается первая обойма БРБ, подключайте ее к информполю поиска Шаламова и Железовского.

Джума Хан и Ромашин переглянулись. Аббревиатура БРБ расшифровывалась как «бригада бескровного рукопашного боя» и обозначала спецподразделение по захвату профессионально подготовленных специалистов по боевым искусствам. Применялась бригада редко, но надобность в ней сохранялась, пока существовали психически больные люди, шизоиды, уголовные элементы, фанатифундаменталисты, террористы и убийцы.

— Кроме того, вам придается вторая лаборатория научников,— продолжала комиссар,— со всем вычислительным и теоретическим потенциалом.

— У нас есть идея использовать в поиске фигурантов приборы поля определения биоэнергетики,— сказал Столбов, не выразив своего отношения к словам комиссара.— У всех интрасенсов биоэнергетический потенциал увеличен, а характеристики Железовского и Шаламова есть в медцентре.

Боянова молча вылезла из куттера, Шевчук и Столбов последовали за ней. Бывший врач скорой помощи и бывший начальник отдела безопасности остались вдвоем, глядя, как трое людей, от которых зависела судьба многих, идут к метро, пересекая площадь.

— Что у нас на повестке дня? — нарушил молчание Джума.

— Всего две задачи,— отозвался Ромашин, отрываясь от созерцания.— Задача номер один: поиск Железовского. Кстати, можем присоединиться к дружине Столбова. Задача номер два: помощь Мальгину. Если в квартире Аристарха действительно взорвался, вернее, лопнул кокон входа в трансфер, то Клим не сможет выбраться из орилоунского метро.

Джума пожал плечами. Какая-то тень пробежала по его лицу.

— Кто знает, сможет ли? Кредо Мальгина — везде и всегда добиваться максимума, чего бы это ни стоило, а теперь он к тому же еще и интрасенс. Он выберется.— Безопасник прислушался к чему-то, поправил клипс рации на мочке уха.— У вас есть выход на Умника?

Ромашин молча коснулся усика рации пси-связи, спрятанной у него в волосах над ухом. Он понял вопрос: по сети «спрута» про-

---

[1] Нияма — кодекс личного поведения на основе самодисциплины *(яп.)*.

шло сообщение о том, что из «сферы Сабатини» на Меркурии вылетела очередь предметов, идеально повторяющих форму обычного блока памяти для индивидуальных компьютеров, только необычных размеров. Первый был длиной около километра, следующий — в два раза меньше, и так далее. Последний, двадцать первый, имел в поперечнике один миллиметр. Все они, конечно, были голографическими копиями, объемными изображениями некогда существовавшего реально прибора.

— Дух,— сказал Ромашин.

Джума Хан кивнул. Духами физики называли явления с отрицательной вероятностью, и реплика Игната означала, что «сфера Сабатини» начала генерировать объекты, которые не могли реализоваться в евклидовом пространстве.

— Впрочем,— продолжал Ромашин,— это может быть и проекция реально существующего блока. У Шаламова мог быть такой, у Лондона, да и у Мальгина. Итак, шейх, до встречи вечером, проанализируем вместе соображения. Чей это куттер?

— Пограничников.

— Отправьте его в фирму, мне в метро.

— И куда вы направляетесь, если не секрет?

— Туда, где боги, танцуя, стыдятся своих одежд, как говорил Заратустра.— Ромашин блеснул мгновенной улыбкой, поднял руку и исчез. Вероятно, у него были веские причины не делиться своими планами даже с друзьями.

* * *

О том, что неизвестными лицами была похищена партия «броненосцев» — боевых костюмов, разработанных в прошлом веке на случай «звездных войн» и хранящихся на спецбазе УАСС в Анкоридже, Бояновой стало известно через час после похищения. Бригада кримрозыска уже отрабатывала версии, но и так было ясно, что кража — звено в цепи таких же деяний неизвестной организации, от чьего имени выступили когда-то «хирурги». Пока Умник анализировал веер вариантов, комиссар провела короткое видеоселекторное совещание начальников бюро, уделив особое внимание конфликтным ситуациям любого масштаба: по идее Борда, в какой-нибудь из них мог обнаружиться Шаламов. Оперативные службы переходили с этого момента на непрерывную связь с координатором операции «Сын сумерек» через спутниковую сеть «спрута», и это был еще не предел возможностей отдела безопасности, однако Боянова знала, когда нужно будет включить весь технический, мозговой и психологический потенциал службы.

Совещание закончилось тем, что позвонил Торопов и в своей

обычной холодной, с оттенком язвительности, манере осведомился, почему служба безопасности позволяет себе игнорировать рекомендации Совета и устраивать конкурентные гонки безопасников и пограничников. Боянова дала в эфир отбой и, когда видео свернул изображение «присутствующих» на оперативке, посмотрела на командора погранслужбы с какой-то неопределенной жалостью.

— Конкретнее, если можно.

Торопов мигнул. Глаза его были прозрачны и колючи, но к этой колючести примешивалась изрядная доля неуверенности.

— Шаламов. Пока его действия не носят криминогенного характера, он — наша забота.

Боянова вздохнула.

— Чего ты хочешь, Милослав? Я же вижу, что дело не в Шаламове и не в конкуренции служб, а ты все пытаешься свести наши отношения к деловому спору. Что касается Шаламова, то он психонеур, и мы работаем по нему больше профилактически, чем профессионально. Ты же знаешь пословицу: бешеному дитяти лучше ножа не давати.

— Но вы все время наступаете нам на пятки! — повысил голос Торопов, посмотрел на Власту и сник. Голос его внезапно стал тоньше: — Я хочу, чтобы ты вернулась, Власта.

Боянова наклонилась, чтобы скрыть грустную улыбку, сказала тихо, но твердо:

— Поздно, Милослав. Actum ne agas [1].

— И все же подумай, Владыка. Нас многое соединяет: дочь, работа, интересы...

—Еще больше разъединяет. И к тому же ты опоздал с предложением. Будь оно произнесено два-три года назад, я бы подумала, а сейчас — нет.

— У тебя... кто-то есть?

— Какое это имеет значение? Дочь помнит тебя, и этого достаточно. До связи, командор.— Боянова выключила видео и несколько минут сидела, кусая губы, сдерживая рыдание и слезы. Справилась. Сухо вызвала Умника с данными по розыску Железовского, и в этот момент пришло сообщение о контакте оперативников с Шаламовым на Меркурии.

Через полчаса комиссар входила в зал спейсера погранслужбы «Мичиган», координирующего работу пограничников и безопасников в зоне «сферы Сабатини». Подробности инцидента были уже известны всем и комментариев почти не требовали.

Шаламов появился на спейсере «Шевалье», одетый в форму пограничника, и в другое время на него вряд ли обратили бы внимание, однако погранслужба сидела на «джоггере», внимательно

---

[1] Что сделано — сделано *(лат.)*.

наблюдая за всем, что происходит в зоне ЧП — в районе со «сферой Сабатини», и пограничники были настроены на поиск нетривиальных явлений. Одному из них, кобре Бегичу, показалось странным поведение коллеги, осматривающего отсек с воздушным и космическим транспортом спейсера. Бегич был молод, но не зелен и хорошо зарекомендовал себя при эвакуации исследователей из Горловины «серой дыры», внимания и осторожности ему было не занимать, поэтому он не стал соваться к незнакомцу с расспросами, а сначала дал задание инку спейсера идентифицировать личность мужчины. Координатор в видеосписках состава погранслужбы такового не обнаружил, связался с инками банков данных Управления и вычислил Шаламова. С этого момента Бегич действовал точно в соответствии с инструкцией: дал по «треку» «три девятки», вызвал отдел безопасности, командира спейсера, свою группу, готовую заступить на вахту, и пошел на контакт, также готовый к любой неожиданности. Но ему помешали, помещали прежде, чем он заговорил.

В отсеке вдруг появились двое неизвестных, одетых в ослепительно-белые, мохнатые «заскоки», с аппаратами неизвестного назначения в руках. Шаламов в это время пробовал открыть люк десантного когга, на корпусе которого пульсировала зеленая световая нить готовности к немедленному старту. На Бегича он внимания не обращал, а когда в отсек ворвалась двойка в защитных комплексах, застыл, не оборачиваясь, и о щ у т и м о напрягся. Бегичу даже показалось, что от него повеяло ветром холодной настороженности и угрозы.

Первый из вошедших сделал прыжок в сторону, вскидывая свой отблескивающий металлом и черным лаком аппарат. Второй сделал то же самое, прыгнув в другой угол. По мгновенному уколу пронзительного холода и волне слабости Бегич сообразил, что по Шаламову был произведен залп из парализаторов «Медуза Горгона» и «василиск», пограничнику досталось лишь «эхо» залпа, но и этого вполне хватило, чтобы он потерял ориентацию.

Дальнейшее Бегич, впавший в полуобморочное состояние, помнил смутно, изо всех сил пытаясь заставить тело повиноваться.

Шаламов вдруг стал трансформироваться, изменяться, увеличиваясь в размерах. Руки его превратились в диковинные узловатые лапы, голова ушла в плечи, нос и челюсти вытянулись, срослись, приобретая сходство с мордой тигра и динозавра одновременно, на лбу открылся еще один узкий, светящийся желтым глаз, ноги оплыли, покрылись ромбовидными костяными пластинами... Длилась вся эта сцена пять-шесть секунд, потом Бегичу показалось, что тело Шаламова растроилось, и на него прыгнуло одно из образовавшихся чудовищ...

— Похоже, Шаламов просто ответил пси-ударом на выстрелы

из парализаторов,— сказал Шевчук, когда они с Бояновой остались наедине в рубке спейсера.— Бегичу досталось слабенькое отражение, и мы его уже привели в чувство, а тем двоим, наверное, уже ничто не поможет: они парализованы. Сам Шаламов, естественно, успел уйти, завладев десантным шлюпом.

— И автоматика его выпустила?

— По тревоге инк заблокировал все люки и шлюзы, но Шаламов ушел. Шлюзовой киб сгорел.

Боянова, покачав головой, прошептала:

— Я уже начинаю сомневаться: может быть, Ландсберг прав, и Шаламов — более грозная опасность, чем хорошо организованная «Орденом» молодежная преступность?

Вместо ответа Шевчук попросил координатора вывести на видео изображение места инцидента, и Боянова увидела транспортный отсек. Она не сразу поняла, что хотел показать заместитель, потом разглядела: два ближайших аппарата — куттер и галеон — были слегка деформированы, будто по их корпусам прошагал некий великан, оставив неглубокие, но широкие вмятины. Третий аппарат, вакуумплотный неф, выглядел так, словно выдержал атаку пакета метеоритов: он был пробит по всей длине от носа до кормы, изрешечен доброй дюжиной отверстий величиной с кулак.

— «Универсал»? — спросила комиссар, кивнув на пробоины.— Пограничники стреляли из «универсалов»?

— Никто не стрелял, это результат выпада Шаламова. Тот же уровень, что и на меркурианском заводе, уровень внутрикварковых процессов.

Помолчали.

В рубке было тихо, дежуривший драйвер-секунда сидел запеленутым в кокон-кресле без движения, а общеинформационный виом показывал вид Меркурия с высоты ста километров: в центре поля изображения мигало алое кольцо, в котором находилась невидимая «сфера Сабатини», окруженная эшелонами машин разного назначения.

— Где он сейчас? — Власта имела в виду Шаламова.

— Пока неизвестно. Вероятнее всего, где-то сел, был бы в пространстве, мы бы давно его засекли. Никуда не денется, будь уверена.

— А кто те двое, спровоцировавшие его ответить ударом на удар?

— Идентификация не закончена, потребуется еще час, по расчетам Умника.

— Не пора включать «экстра»? Если «хирурги» начнут первыми...

— Подождем результатов поиска вертикальных связей, горизонтальная сеть не выведет нас ни на руководителей «хирургов», ни

на контролеров «Ордена», а большинство исполнителей мы и так знаем.

— Хорошо,— согласилась Боянова.— И все же не пропустить бы момент основной их атаки. Богоид все еще здесь? Я имею в виду этого тысячеглазого монстра, друга Шаламова.

Шевчук усмехнулся в бороду на «друга».

— Уследить за ним даже с нашей техникой невозможно. Он появляется на несколько минут у «сферы» и пропадает в никуда.

— Что же тянет его к человеку, что? Почему он появился у дома Железовского? И не из-за его ли вмешательства не произошло трагедии с тысячами жертв? — Глаза Бояновой загорелись.— Алекс, вдруг это нечто вроде спасательной службы Вершителей?! Какой-нибудь их киб-интеллект с неограниченными возможностями, призванный обеспечивать безопасность функционирования орилоунского метро и всего, что с ним связано? Вспомни появления «многоглазого»!

Шевчук погладил бороду, потом усы, снова бороду, хмыкнул и наконец изрек:

— Не лишено остроумия. И правдоподобия. Пусть ксенологи проанализируют, может быть, это поможет нам в будущем.

— Информацию получил,— доложил Умник, незримо присутствующий через сеть «спрута» во всех разговорах.— Мой личный вывод: вероятность истинности — ноль семь. Коллегам ИВКа я доложил, приступили к анализу.

— Я к себе,— помолчав, сказала Боянова, настроение которой слегка поднялось.

— Один момент,— вмешался Умник.— Ваша сестра просит связи. По ее словам, она знает, где находится Аристарх Железовский. Туда уже направились Ромашин и Джума Хан.

— Найди Столбова,— приказала Боянова, переглядываясь с заместителем.— Сестру на «трек». Уровню два — общая готовность.— Комиссар вскинула руку с двумя пальцами в виде латинской буквы V.— Пока, Алекс, не упусти Шаламова.

— Не лезь на рожон,— проворчал Шевчук ей вслед, но Бояновой уже не было в рубке.

4

Он мчался с невероятной скоростью по «суперструне» и сам был струной. А также сгустком информации, волной, математическим символом, пакетом смысла, измерением пространства, обладающего свойствами, намного более сложными, чем масса, инерция, энергия и другие свойства Вселенной, в которой он родился.

Он пронизывал пространства, где время было прямо пропорцио-

нально геометрии континуума и вектору прилагаемой силы, где время носилось по замысловатым кривым и где совсем не было времени.

Он тонул в океане бесконечномерности и вязком болоте точки, выбирался на просторы светлых объемов запределья, пробивался сквозь пресловутую пустую длительность — повторение набора одинаковых галактических скоплений и пустот, преодолевал судороги стремительного ветвления Метавселенной, плыл сквозь Вечное Молчание, описываемое формулой: ibi nihil, nihil [1]; нырял в бездонные ямы по ту сторону завтра, падал в горловину стремительно разбегавшейся во все стороны сразу реликтовой «суперструны», и наконец упал в самое начало эры хаотической инфляции.

Пространство вне тонкой пленки кожи, обтягивающей объем чудом сохранившегося «я», изменилось в три мгновенных скачка: бесконечное количество измерений — двадцать шесть измерений — двенадцать — три...

Свет!

Боль!

Блаженство уходящей муки невыразимости!

Мальгин очнулся.

Впечатление было такое, будто глазные яблоки повернулись на сто восемьдесят градусов и смотрят внутрь черепа. Мальгин видел медленную пульсацию крови в голове, хаос нервных связей, электрический бег импульсов по нервам и наслаивавшуюся на «грубую» материю цветовую объемную картину рождающихся мысленных образов.

Всплеск голубого свечения, укол холода в сердце, звон в голове — заработало поле сознания, общего для человека-интрасенса и «черного человека». Мальгин стал видеть практически во всех диапазонах спектра и чувствовать пространство во всех его проявлениях. Огляделся.

Он лежал на гладкой черной плите внутри помещения, имевшего форму многолучевой звезды. Следующий уровень зрения позволял оценить объект, в недрах которого располагалось данное помещение: Мальгин невольно цокнул языком — это был не просто объект, здание, строение или гора с пещерой, это был ж и в о й объект диаметром в семьсот семьдесят семь километров! И парил этот живой астероид в странной кипящей жидкости, постоянно меняющей плотность, температуру, спектр излучаемых энергий, размеры кипящих вихрей и пузырей и прочие, не выразимые словами свойства. Космосом, каким его знал Мальгин, назвать эту «жидкость» было нельзя, но спустя несколько мгновений пришло озарение. Это был тот самый «ложный вакуум», по определению земных

---

[1] Где нет ничего, там нет ничего *(лат.)*.

ученых, соответствующий началу расширения Метавселенной, выделению ее и обособлению внутри Большой Вселенной, и «живой» объект был первым «газовым пузырьком» в толще «кипящей жидкости» Вселенной.

По расчетам тех же ученых, Мальгин попал к началу Большого Взрыва в момент, отстоящий от самого начала всего лишь на исчезающе малую величину временного интервала — десять в минус сорок четвертой степени секунды, однако процессы, формирующие законы физики данного континуума, задавали совершенно иные параметры как времени, так и пространства и действовали на органы чувств таким образом, что Мальгин не только оценивал окружавший его мир в соответствии с темпами здешней жизни, но и сам жил по тем же законам. До начала инфляционной эры в истории Метавселенной оставался по земным часам всего лишь невообразимо краткий миг — десять в минус сорок шестой степени секунды, но для тех, кто уже жил здесь и видел — чувствовал — окружавший мир, время текло так же неторопливо, как оно текло для людей на Земле в их эпоху.

Вероятно, для жителей данного континуума, родившихся почти одновременно со своим домом, вселенной, их мир выглядел иначе, не так, каким его видел Мальгин, но даже его «сверхчувств» не хватало для того, чтобы оценить, понять и описать этот мир, плывущий то в прошлое, то в будущее, вздрагивающий от судорог фазовых перестроек, проходящий множество этапов, дробящийся на домены-микровселенные, готовые начать свой путь взрывного расширения; в одном из таких доменов через миллиарды лет должна была родиться Галактика, Солнечная система и Земля.

«Мы выброшены в невероятность», — пришла на ум строка стихотворения Брюсова, хотя вряд ли поэт смог бы представить картину Вселенной в Начале Начал.

Мир за стенками ежастого объекта был текуч и призрачен, он сверкал и кипел, изменяясь ежемоментно, и единственным устойчивым образованием казался только сам объект с машиной метро внутри, хотя изредка Мальгину чудилось, что он схватывает какие-то сверхбыстрые и сверхсложные метаморфозы форм объекта, но глаза и остальные органы чувств продолжали видеть многолучевую звезду, заполненную изнутри обычным земным воздухом.

Спустя еще некоторое время, в течение которого Клим осваивался со своим положением и обстановкой, он совершил два открытия: первое — объект был зародышем самого первого или одного из самых первых Стражей Горловины, по терминологии землян, то есть узлом связи, соединяющим реликтовую «сверхструну» местной системы с другими метавселенными; второе открытие — что он не один в помещении.

Текучий живой мрак в другом углу звездообразной пещеры

собрался вдруг в зыбкую, колеблющуюся, плывущую, как дым, и одновременно налитую грозной мощью, материально ощутимую фигуру. Странный всадник на странном коне — первое ощущение, которое оказалось единственной, доступной мозгу, оценкой и осталось до конца.

Были и другие ощущения, вовсе уж невероятные, рождавшие мучительные переживания вечной, не поддающейся познанию тайны, ужасные и отвращающие и в то же время вызывающие восторг и ликование, захватывающе интересные, уходящие в глубины подсознательного, но верить им Мальгин не хотел.

Обычный человек для сравнения увиденного всегда пользуется наработанными за жизнь стереотипами, и на месте Мальгина он увидел бы перед собой не больше, чем хирург, а может быть, не увидел бы ничего, но, хотя Клим повидал во время скитаний гораздо больше чудес и диковин и имел колоссальный запас памяти «черного человека», он не смог уйти от земных образов, понимая, что перед ним вовсе не всадник на коне, пусть и чудовищно далекие от земных прообразов. Горечь от бессилия постичь новую сущность была обжигающей, Мальгину дали понять, что даже с его возможностями он не демиург. Интрасенс, маг — да, но не Господь! И следовало это обстоятельство принять за аксиому.

— Кто вы? — мысленно воззвал он, тщетно пытаясь разглядеть детали одеяния «всадника» и форму «коня».

Перед глазами хирурга возникли причудливые колышущиеся полотнища света, напоминавшие ленты северного сияния, и одновременно в ушах раздался тягучий «шепот», вызвавший в памяти понятие «рыбий язык».

Мальгин напрягся, сосредоточился на субсенсорном восприятии, формируя субъективное семантическое пространство, как его учили когда-то на занятиях по ксенопсихосемантике. Ситуация была заданной чувственно, и следовало искать контакт со «всадником» на уровне глубокой психики.

— Кто вы?

— Бог того, чего не может быть в принципе,— всплыл в голове четкий ответ, сопровождаемый эмоциональным эхом, главным в котором была совершенно человеческая ирония. Климу даже послышались в ответе знакомые нотки, присущие речи Паломника. А еще ему показалось, что заговорил с ним не «всадник», а «конь», хотя это, наверное, могло быть просто эффектом субъективного восприятия.

— Вы — Вершитель?

— О нет,— сказал чужой; теперь Мальгин был абсолютно уверен, что разговаривает с ним в пси-диапазоне именно «конь», в то время как «всадник» молча рассматривает снаружи и внутри, шевеля пласты памяти, как страницы книги. Сам же остается непрозрач-

ным ни для какого вида зрения — загадочная фигура, обладающая плотностью металла и в то же время эфемерно зыбкая, нечеткая, призрачно мерцающая, кисейно воздушная, неуловимая и неощутимая, как блик на воде или невесомый луч лунного света.

— Я Строитель,— продолжало существо, играющее роль «коня», умудрившись подчеркнуть заглавную букву имени.— Наши пути пересеклись случайно. Кстати, из ваших коллег, да и вообще из разумных существ эпохи третичного осознания, так глубоко в прошлое никто не проникал. Примите поздравления, мастер.

— Я хотел встретиться с Вершителями,— признался Мальгин, несколько разочарованный ответом.

В ответ прозвучал необидный смех.

— Это очень трудно, если вообще возможно. Человеческий организм не приспособлен для таких встреч ни в энергетическом, ни в информационном аспектах. Даже мне дается это нелегко, а ведь я в каком-то смысле — проекция Вершителя на данную модель вселенной.

Мальгин помолчал, переваривая услышанное.

— А ваш... «всадник»?

— Он — тоже проекция Вершителя, но живет иначе, чем я, и существует одновременно в нескольких вселенных, контролируя Строительство. Ему контактировать с вами сложнее, потому что подобный контакт для вас чреват шоком. В какой-то мере он — мое второе «я», хотя аппараты восприятия и функции у нас разные. Мы — две проекции того, кого вы называете Вершителем, соединенные одним торсом, эдакий кентавр.

— И все-таки вы... разные?

Снова тот же открытый смех.

— Даже в вашем мире проекции одного и того же предмета могут противоречить друг другу, что же говорить о мирах, скрытых за познавательным горизонтом, принципиально отличных от остальных, неподвластных любой фантазии? Вряд ли кто-либо из людей, да и вообще существ третьей волны, сможет вообразить, как на самом деле выглядит Вершитель. Не обижайтесь, это истина. Максимум, на что способен человек в силу его познавательных способностей, это на приблизительную оценку возможностей Вершителя. Один из ваших мыслителей сформулировал ее так: «Ум, которому были бы известны для какого-то момента все силы, действующие между телами природы, и расположение всех тел, знал бы все, что произойдет во Вселенной в будущем».[1]

— Вы жили на Земле?

— Нет, конечно.

— Но так хорошо знать культуру может лишь тот, кто...

---

[1] Лаплас.

— Вовсе необязательно, я знаю культуру Земли через вас, этого достаточно, во всяком случае, для контакта такого уровня.

— Вершители тоже знают о существовании земной цивилизации?

— Они знают все.

— Тогда они — боги! — хмыкнул Мальгин.

— Бог должен быть Абсолютом, а деятельность Вершителя имеет свои ограничения. Хотя для вашего домена Метавселенной он может играть роль Всевышнего... если пожелает.— Тихий смешок.— Но не пожелает. Он гораздо выше человеческих оценок и желаний. По сути, человечество, исповедуя принципы удовольствия и могущества, принципы поведения маленького ребенка и подростка, так и не повзрослело, не взяло на вооружение, за редким исключением, принцип стремления к смыслу.

— Что вы хотите сказать? — насторожился Мальгин.

Тон собеседника стал грустным.

— К сожалению, цивилизации третьей волны, наделенные тем, что вы называете разумом, упираются в эволюционный тупик, и человечество — не исключение.

В горле у Мальгина пересохло.

— Вы хотите... что мы... человечество не выживет?!

— Не только человечество, но и вообще ни одна из цивилизаций вашего времени, соответствующего третьей волне разума.

— Не верю!

— И не надо. Даже потомки программных интеллект-центров типа Орилоуха, Маата и других, вам еще не известных, не удержались от деградации и гибели. Вы еще убедитесь в этом. Разум Большой Вселенной бессмертен, потому что попытки Природы осознать себя вечны и бесконечны, но первое условие бессмертия — смерть, как говорил ваш соотечественник [1]. Не пугайтесь, мастер, лично вы переживете смерть цивилизации. Но возвращение домой будет трудным, учтите.

— Меня предупреждали,— вслух сказал Мальгин, ошеломленный страшным смыслом известия. Правда, до конца поверить в него он так и не сумел.

— Правильно,— кивнул «конь», то и дело меняя очертания, превращаясь то в слоновью тушу, то в динозавра, то в невиданную помесь известных и неизвестных зверей.— В принципе, шанс уцелеть у человечества есть, интервал мудрости его достаточно широк, но выйти за пределы себя, пока человек остается целью в себе, почти невозможно. Прощайте, мастер, да благоволит к вам Тиха и обходит стороной Ата [2].

---

[1] С. Е. Лец.

[2] Тиха — богиня судьбы, Ата — богиня заблуждений *(греч.)*.

— Вы говорите, что мы, люди,— представители третьей волны... Значит, была и первая, и вторая?

— Первая — это я и мои современники, вторая началась со строительством Орилоуха, Маата, Сферы Дайсона и других экзотических для вас объектов. Кстати, сеть орилоунского метро предназначалась, строго говоря, для использования ее разумом второй волны, но ее свойства позволяли пользоваться ею и палеоразумным, и постразумным существам.

— Вы хотите сказать, что и после нас будут рождаться цивилизации? Четвертой волны? Пятой? Сотой? Сколько же их способна генерировать наша Метавселенная?

— Вы упрощаете, но в общем-то недалеки от истины... по вашим меркам. Дело не в количестве волн жизни, а в качестве. В конце концов, предел экспансии разума — сама Вселенная, что очень близко к Абсолюту.

— В таком случае, Вершитель и есть — Вселенная, осознавшая себя целиком?

— Вы снова упрощаете, но пусть будет так.

Силы Мальгина, направленные на поддержание видео- и пси-контакта, кончились, он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание от напряжения. В тот же момент и «конь», и «всадник», так и не пожелавший участвовать в беседе, не проронивший ни слова, исчезли. Грот первого Держателя Пути в истории метавселенной, Пути, который начали строить Вершители; вернее, их проекционные послы — Строители,— опустел.

Полчаса — по своему внутреннему времени — Мальгин отдыхал, снова и снова прокручивая в памяти отрывки разговора, пока циферблат удивления не зашкалило окончательно и встреча не перестала казаться поразительной и необыкновенной. К тому же ему начало мерещиться, что и «всадник» говорил с ним на своем тарабарском языке, только он, Мальгин, не смог этого услышать, понять, ощутить. Было ли так на самом деле, разбираться не хотелось. Как сказал когда-то мудрец и философ Николай Рерих: «Неведомые нам слова, все они полны смысла». «Поверим ему»,— подумал Мальгин равнодушно. Желание увидеть Вершителя не осуществилось, и этот факт не способствовал поднятию настроения, хотя Строитель и дал понять, что для рода хомо сапиенс контакт с Вершителем невозможен принципиально.

«Впрочем, принципы эти установлены не человеком,— думал Клим,— и еще никто не доказал мне, что они действуют везде и для всех. Я не могу заставить звезды вращаться вокруг себя, зато могу найти вселенную, где подобные деяния разрешены тамошними законами природы».

Защемило сердце: снова вспомнились слова Паломника о вселенных, где конфликт Мальгин—Купава мог быть разрешен без

участия Шаламова. Где они — эти вселенные? И не будет ли их поиск самым обыкновенным бегством от самого себя, бегством постыдным и унизительным? И не окажется ли его уход из родной Вселенной предательством по отношению к тем, кто зависит от него? К Шаламову, например, Купаве... и другим.

«Но если остаться, оставить все, как есть, не будет ли это самым обыкновенным рабством?»— возразил внутри Мальгин-второй.

Мальгин-первый усмехнулся: «Таких немало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от своего рабства».

«Это Заратустра,— не сдавалось второе «я»,— а что ты думаешь с а м, не опираясь на древних и современных мыслителей?»

«Я хочу следовать голосу своей печали,— ответил Мальгин.— Это единственный путь к самому себе. Не знаю только, хватит ли сил и имею ли я на это право».

«Снова Заратустра,— поморщился второй Мальгин.— Похоже, ты припас крылатые фразы на все случаи жизни, но вряд ли они могут послужить нравственной опорой бытия. Уйти в другую вселенную ты сможешь, а от себя — никогда!»

«Ну и заткнись в таком случае!» — прервал «диалог» Мальгин. Позвал мысленно:

— Хранитель.

— Я весь внимание,— прилетел шипящий ветерок пси-ответа.

— Строитель назвал тебя Держателем...

— Этот термин — не имя — соответствует истине. Я — Держатель Пути, а не Хранитель, как орилоуны. Такие, как я, в каждой вселенной живут по одному.

— Хорошо, буду называть тебя Держателем. Меня нужно отправить обратно в свое время, понимаешь, о чем речь?

— Безусловно. Я связан со всеми Держателями и Хранителями Пути во всех временах и метавселенных вплоть до финалов их существования. Однако смею заметить, что сеть орилоунского метро — термин ваш, и он не совсем верен — в вашем конкретном районе обитания повреждена и невосстановима.

— Значит, домой я уже не попаду?!

— Я этого не говорил. Но поможет вам вернуться домой в нужный вам момент времени только Вершитель.

— Строитель сказал, что это невозможно...

— Вы неправильно поняли: полный контакт биологических существ — носителей разума — с Вершителями действительно неосуществим, необходима иная энергетика, информационно-обменные структуры, возможности многоуровневого мышления и так далее, но если Вершитель заметит и захочет помочь — он это сделает и без вашего участия. Я ведь тоже в какой-то мере одна из проекций Вершителя, разве что функционально привязанная, и всегда готов сделать все, что в моих силах.

— Однако же переслать меня туда, откуда пришли Вершители, вы не сможете?

— Туда — нет. Вернее, могу, но это равносильно вашей смерти. Другое дело — туда, где возможна ваша встреча с Вершителем.

Мальгин облизнул пересохшие губы, не заботясь о сохранении внешней невозмутимости.

— И где это место?

— В далеком будущем, за сотни миллионов и десятки миллиардов лет после вашего появления на свет. Но вам придется пройти пустыни горя, боли и одиночества... Строитель предупреждал, помните? Если выдержите — вернетесь.

Мальгин закрыл глаза, сосредоточиваясь на дыхании: Строитель не обманывал, да и не знал, наверное, что такое ложь. Видимо, ложь, как и любое другое искажение истины, являлась исключительно достижением человеческого гения и наравне с другими подобными «достижениями» послужила причиной эволюционного тупика. Кто-то кричал внутри Мальгина, отчаянно и страшно, что все это чепуха, не все люди лживы и что, раз человечество не погибло в ядерной войне, то оно выживет и впредь, но Мальгин не стал отвечать крикуну. Он верил и не верил сказанному, дрался сам с собой, успокаивал всех внутри себя, и плакал, и вытирал слезы, и жаждал вернуться домой до спазм в горле и холодной боли в сердце...

Кто-то посмотрел на него сверху, облетел кругом, неуловимый и бесплотный, как тень, застыл рядом, разглядывая внимательно. Новый гость не излучал ни одной знакомой эмоциональной волны, в том числе и дружелюбия, и все же полностью равнодушным не был. Мальгин вгляделся в дышащий мрак над головой и невольно воскликнул:

— Богоид?!

Над ним висело знакомое прозрачно-туманное облачко с глазами внутри, мигающими вразнобой. Это был миллионноглазый орилоунский призрак, преследующий Шаламова в системе Орилоуха, на Маате, родине «черных людей», и на Земле.

— Откуда он здесь? Прямо с Орилоуха?

— Ни Орилоух, ни Маат в данный момент еще не существуют, они появятся не скоро — по вашим меркам и временным масштабам. Но богоид — термин весьма удачен — не орилоун, он — тоже одна из «проекций» Вершителя, призванная контролировать объекты, созданные Вершителями.

— Служба безопасности,— пробормотал Мальгин.

— Не совсем так.— В пси-голосе Держателя Пути прозвучали нотки сожаления.— Вернее, совсем не так, но я не смогу назвать вам функции этого организма из-за отсутствия нужных понятий и терминов. Извините.

— Однако в памяти «черных людей» богоиды отражены как стражи безопасности...

— Для них богоиды — стражи, но функционально это системы более высокого порядка, обеспечение безопасности — их побочное занятие, занимающее очень незначительную часть объема всей работы.

Мальгин внезапно почувствовал страшную усталость.

— Бог с тобой... богоид, проваливай, куда намеревался, хватит пялить на меня глаза. Хотя я так и не понял, кто ты или что и для чего создан.

— В данный отрезок времени он согласился по моей просьбе помочь вам выбраться в будущее. Не возражаете?

Щеки хирурга запылали.

— Спасибо,— выговорил он с раскаянием.— Прости, дружище, я не знал.

— Вы готовы? — спросил Держатель Пути, никак не прореагировав на это.

— Готов.— Клим вдруг спохватился.— Погоди, Держатель, покажи мне твой космос или как он там называется, каким ты его видишь.

— Протовселенная,— отозвался Держатель Пути.— Смотри.

Голова Мальгина как бы распухла, превратилась в огромного круглого ежа со множеством колючек-рецепторов. Каждая «колючка» соответствовала одному органу чувств Держателя Пути, и было их много, не менее трех сотен, и все они позволяли оценить окружающую среду во всей полноте параметров и взаимодействий. Человек с его шестью чувствами и даже интрасенс с десятью-двенадцатью не могли и мечтать о подобном, а ведь Держатель Пути был всего лишь «проекцией» одной из сторон личности Вершителя: «Что же тогда способен видеть и чувствовать Вершитель?!» — мелькнула мимолетная мысль.

«Колючки» головы Мальгина вонзились в Нечто, окружавшее Держателя Пути, и хирургу открылся мир поразительных пространственных структур, невыразимых никакими словами земного языка! Он ощутил себя взрывом, вселенским ураганом, бушующим сам в себе, вспышкой сверхновой звезды, яростным сгустком огня квазара, коконом черной дыры, сжатой чудовищным полем тяготения, вихрем разлетавшихся «сверхструн», диким танцем рождавшихся и умиравших неведомых частиц, готовых в будущем распасться на не менее экзотические частицы: монополии, гравитоны, кварки, глюоны. Он ощутил себя исполинским Деревом Миров, растущим с небывалой скоростью...

Где-то глубоко в недрах того космоса, который звался Мальгиным, кто-то маленький и слабый ахал, изумлялся, ужасался, сжимался от страха и ожидания страха, умолял прекратить, пытался

закрыть глаза и заткнуть уши, дрожащим голосом читал стихи и не мог вспомнить больше одной строчки:

В одном мгновенье видеть вечность...
В одном мгновенье видеть...
В одном...

Вспомнил еще одну строку:

Огромный мир — в зерне песка...[1]

И снова шум в голове, мелькание вихрей, взрывы и грохот и гул рождения Вселенной...

— Тут все в одно место скучено,— пробился из шума чей-то тонкий голос,— заветы прошлого и яд настоящего, и загадки будущего [2].

Мозг пытался сохранить «я» человека, не дать ему раствориться в чужом сознании, оперирующем сотнями и тысячами мыслей и чувств одновременно, но это не могло продолжаться долго. Через мгновение психика человека не выдержала, и Клим потерял сознание, услышав последнюю фразу Держателя Пути:

— Вы видите ветвление метавселенных...

Потом он так и не смог вспомнить все переживания и впечатления, полученные им при подключении к сфере сознания Держателя Пути. Очнулся от прикосновения к телу чего-то холодного и приятного, как мокрое полотенце для путника в жаркой пустыне.

Чувства лгали — полотенца не было, как и пустыни, он лежал на черной плите в утробе Держателя Пути, а неподалеку играл в прозрачность — то появлялся, то исчезал — миллионноглазый богоид. Чувства человека лгали и здесь: глазастый призрак никоим образом не представлял собой облако с человеческими глазами, будучи сверхсложным образованием, поддающимся описанию только математическими формулами, причем из разделов метаматематики, неизвестной земным ученым, и жил он во многих вселенных одновременно. Глазастым богоид представлялся жалкому аппарату анализа человека, и даже интрасенсу и магу, коим стал Мальгин, он почти не открывал других своих черт, кроме разве что внушения скрытой мощи и всевластия.

Чувства лгали хирургу также и в оценке формы, размеров, плотности и температуры Держателя Пути, хватаясь за наработанные стереотипы и железобетонный опыт поколений, и в оценке происходящих событий, в оценке равномерного течения времени, в том числе и при анализе собственных ощущений, сводимом к формуле: «Мыслю — следовательно, существую». Даже тело свое Мальгин продолжал видеть и осязать как тело человека, хотя оно пре-

[1] В. Брюсов.
[2] Салтыков-Щедрин. Вяленая вобла.

терпело множество изменений и вряд ли сейчас даже отдаленно напоминало человеческое. Чувства лгали для того, чтобы он не сошел с ума, но полагаться Мальгин мог только на них, поскольку интеллект не давал рекомендаций, безнадежно застряв на этапе предварительной обработки информации, полученной от встреч с Неведомым, Непонятным и Непостижимым.

— Поехали,— хрипло сказал Мальгин.

Держатель Пути молча швырнул его в горловину «сверхструны», вытянувшейся вдоль ствола Дерева Миров в бесконечность будущего.

5

Кратер был огромен — около тысячи километров в диаметре! — и почти полностью заполнен слоистым туманом. Но не это заставляло зрителей замирать от благоговейного восхищения и ломать голову в поисках причин явления, главное чудо кратера состояло в том, что он был бездонным!

Когда Хранитель сказал Джуме об этом, безопасник не поверил, но старый орилоун не обиделся, не зная таких человеческих слабостей, как обман и обида. Проверить сообщение Джума не мог, как и представить кратер без дна.

— Дырка там, что ли? — спросил он даже, опешив.— Жерло кратера пронизывает всю планету?

— Нет,— ответил Хранитель.— На планете когда-то провели эксперимент по расщеплению кварка, с тех пор она мертва. А кратер... от Паломника я узнал интересную гипотезу: эксперимент удался, но канал, связавший макромир галактик с микромиром элементарных частиц — кварков, преонов, глюонов, остался.

— То есть кратер — это и есть канал связи макро- и микромиров? Действительно, экзотичная гипотеза. А вы точно знаете, что цивилизация погибла... из-за эксперимента?

Орилоун промолчал. Для него вопрос был риторическим.

Джума тоже помолчал немного.

— А кто такой Паломник?

— Один из путешествующих по нашему участку метро. Говорят, он — одна из многомерных реализаций существа второй волны разума.

Джума подождал продолжения, однако Хранитель не стал пояснять сказанное. Тогда безопасник еще раз вылез из пещеры орилоуна на его крышу и долго любовался кратером, диким неземным пейзажем в противоположной стороне и сплюснутым синим солнцем над горизонтом. Планета во многом напоминала Землю, имела почти тот же газовый состав атмосферы и ту же силу тяжести, но живых разумных существ уже не кормила...

Проснулся Джума с чувством утраты и печали.

Часы в потолке спальни показали шестой час утра, в комнате было светло, и за стеной кто-то напевал. Вставать не хотелось, но Джума вспомнил, что в семь придет Ромашин, и заставил себя прервать привычную цепь утренних ассоциаций, непременно приводящую к воспоминаниям о Карой. Она все еще работала с ксенологами над Маатом, звонила редко и то лишь для того, чтобы перекинуться парой ни к чему не обязывающих фраз. В таких случаях Джума всегда вспоминал великолепное высказывание Элберта Хаббарда: «Не понимающий вашего молчания, вероятно, не поймет и ваших слов». Карой не понимала молчания Джумы, и надеяться на восстановление прежних отношений было все трудней.

Час безопасник потратил на зарядку и обычную утреннюю программу таэквондо, принял душ и приготовил завтрак на двоих. Ромашин позвонил ровно в семь, ни секундой раньше, ни секундой позже.

— Как спалось?

— Норма́льно,— сказал Джума, впуская гостя.— Один я всегда сплю, как младенец. Под утро видел сон, будто я снова смотрю на Глубокий Кратер. Видимо, причина его появления потрясла меня больше остальных чудес, вот и снится.

В гостиной он кивнул на столик, накрытый для двоих.

— На всякий случай я приготовил завтрак и на вас.

— Не откажусь,— кивнул Ромашин, осматриваясь. В квартире безопасника он оказался впервые.

Мебельный гарнитур у Хана был сверхсовременным, создавая неожиданные пространственные и цветовые эффекты: иногда комната будто таяла в искристом мерцании, вдруг открывала «дальние дали» или «окна в космос», затем сжималась в тесный кокон из сверкающих паутинных полотнищ и золотых сетей и снова распахивала дверь в «иные миры». Почти все предметы гарнитура — от кресел, дивана, стенных панелей и до приставки «домового» и видео, книжных полок — меняли форму в зависимости от игровых комбинаций, управляемых «домовым», и лишь два из них оставались неизменными при всех превращениях: столик с завтраком и витейр в рост человека — объемное голографическое фото Карой Чокой. Ромашин задержал на нем взгляд. Помолчав, спросил:

— Почему вы разошлись? Если вопрос неприятен...

— Отчего же? Все очень просто: я не понимал, что нельзя быть умным,— Джума улыбнулся,— в постели. Впрочем, и в этой шутке есть доля истины. Кроме того, я не знал, что между «да» и «нет» не существует границы.

Ромашин с любопытством оглядел погрустневшее лицо хозяина, хотел что-то сказать, но передумал.

— Самое жуткое из ощущений — чужой! — продолжал Джума

Хан, уходя в свои мысли, и с видимым усилием вернулся к действительности.— Но я это пережил. Садитесь, Игнат.

Ромашин еще раз, более внимательно, посмотрел на безопасника и перевел разговор на другую тему.

— Мне тоже иногда снятся забавные картинки, из тех, что успел увидеть. Как говорится, песнь обманчивых снов. А ведь мы с вами лишь прикоснулись к тайнам инобытия, постояли на перекрестке неузнанного и непостижимого.

— У меня ощущение, что туда нам уже не попасть никогда.

— Представьте, у меня тоже.

Устроились у столика в удобных креслах, принимающих по желанию седока любую форму. Завтрак Джумы состоял из салата, жареных шампиньонов, гренок и кофе.

— А что вы думаете об эффектах, сопровождающих... э-э, контакты Шаламова с нашими доблестными пограничниками и безопасниками?

— Ничего удивительного,— сказал Джума; ел он быстро, но красиво и даже артистично.— Даниил владеет мощным знанием «черных людей» и научился им пользоваться. Мне только странно, что сами маатане почему-то практически не демонстрировали нам своих возможностей, за редким исключением. Ксенологи на этот мой вопрос не ответили.

Безопасник покосился на Карой, глядящую на него с насмешливым вызовом, поколебался и, проведя рукой над пластинкой витейра, убрал изображение.

— Давайте о деле. Я без вас кое-что разузнал и проанализировал, и у меня складывается некая мозаика, в которой не хватает некоторых деталей. Может быть, вместе мы ее сложим и найдем Аристарха. Мне хочется верить, что он жив.

— Мне тоже. Более того, один человек уверен в этом твердо.

— Не Забава Боянова?

Глаза Ромашина заискрились весельем.

— А я думал, только я такой догадливый.

Джума Хан не поддержал шутки.

— Мне стало известно, что Железовский вышел на центр, координирующий работу сил, которые готовят нечто вроде переворота власти и «охоты на ведьм», то бишь на интрасенсов. Но, как и все дилетанты, решил проверить расчет лично, понадеявшись на свои способности. В результате, хотя завод, изготавливающий оружие для перечисленных акций, раскрыт, центру удалось перебазироваться. Уверен, что координаты нового местоположения центра хранятся в информсетях, но не имею ни малейшего понятия, как это выяснить. Был бы Железовский с нами, он бы смог, но... С этим ничего не поделаешь..

— Наверное, может и Шаламов.

Джума допил кофе, оценивающе заглянул в спокойные глаза Ромашина.

— Что вы хотите сказать?

— Надо найти Даниила и попытаться уговорить его помочь. Если откажется, поищем другой путь.

Джума задумчиво покачал головой.

— Идея почти неосуществимая, но, надо признаться, красивая. Вопрос лишь в том, где искать Шаламова.

— Он на Меркурии. Увел у пограничников когг и прячется где-то в больших разломах ночной стороны. Думаю, что-то его тянет к «сфере Сабатини», и он ищет возможности подобраться поближе. Мыслит он нестандартно, во всяком случае, не совсем по-человечески, и стоит этим воспользоваться, пока его не накрыли ваши коллеги.

— Могут,— согласился Джума.— Опер кримрозыска Столбов очень способный парень... что отметила даже Боянова.

По губам Ромашина скользнула легкая улыбка. Он тоже знал, что Власта неравнодушна к Столбову, хотя и скрывает это от всех. Знал Игнат и об отношениях комиссара с командором погранслужбы.

— Но я не выслушал вас,— деликатно напомнил он.

— Собственно, мои расчеты касаются непосредственно Железовского.— Джума вопросительно взглянул на Ромашина, допившего свой кофе.— Еще?

— Нет, спасибо.

— Дело в том, что Аристарх не обычный интрасенс, если здесь применим термин «обычный». То есть он интрасенс, который решил пойти дальше, развивая природный дар. Помните его рассуждения? Человечество вырождается, и появление интрасенсов — реакция популяции хомо сапиенс на вырождение.

Ромашин кивнул с улыбкой.

— Сказано это было с апломбом и великолепным самомнением, но в чем-то Аристарх прав.

— Этим он мне и нравится,— улыбнулся и Джума.— И он не одинок в своем мнении. Ученые тоже согласились, что десятки тысяч лет назад возникший принцип «не убий» привел к прекращению индивидуального развития вида хомо. Человек остановился морфологически и стал развиваться в общественной среде, формировать общественные структуры. Мозг его тоже перестал развиваться биологически...

— И с появлением интрасенсов наступил черед нового витка эволюции,— подхватил Ромашин с едва уловимой иронией.— Вы правы, Аристарх в своих постулатах неоригинален, хотя приоритет в этой области вряд ли ему необходим.

— И все же он пошел дальше. Наряду с некоторыми не очень

симпатичными чертами характера у него есть одно важное качество — самоактуализация [1], поэтому я иногда завидую ему.

— Знаменитые «три эс» Аристарха: самоанализ, самоконтроль, самосовершенствование. И что же? Каким образом знание черт характера поможет нам найти его?

— Помните, он водил нас на экскурсию, вернее, показывал сверху бывшие промышленные зоны? «Черные социумы», как он их называл. В них почти никто не живет, зоны эти имеют свой животный и растительный мир, значительно отличающийся от видов ареала в результате мутаций... В общем, это идеальные места для любых заговорщиков и для монтажа схронов, где можно прятать что угодно и кого угодно.

Ромашин задумался.

— Мысль понятна, однако реализовать идею сложно. Площадь «черных социумов» на Земле составляет чуть ли не четверть всей поверхности, не учитывая горных областей, это миллионы квадратных километров, и обследовать их... все равно, что ложкой черпать облака.

Хозяин приподнял бровь.

— Ну что вы, Игнат, я и не собирался обследовать зоны сам, есть другая идея: привлечь к этому Боянову.

— Комиссара, лично? Или службу?

— Ее сестру, Забаву. Она интрасенс, к тому же неравнодушна к Аристарху и быстрей учует его, чем кто-либо другой...— Джума не закончил, потому что зазвонил видео.

— Включай,— скомандовал безопасник, обращаясь к «домовому».

Домашний комп послушно развернул объем передачи. На мужчин взглянула смуглая женщина необычайной тонкой красоты, и даже Джума не сразу признал в ней бывшего нейрохимика Карой Чокой — так она изменила прическу. Теперь у нее была толстая черная коса, перекинутая на грудь, а волосы собраны и тщательно прижаты к голове, открывая лоб.

— Привет, хирург. Аль не узнаешь? — сказала она певуче, наслаждаясь эффектом.— Здравствуйте, Игнат. Освободишься позвони мне, Джу, хорошо? Что-то мне тревожно.

— За кого? — промолвил Джума хрипловато.

Карой усмехнулась, но взгляда не отвела.

— За тебя тоже, безопасник. Будь осторожнее.

Виом погас. Наступило молчание.

— Девица-краса, черная коса,— глубокомысленно изрек Джума Хан, глядя перед собой остановившимся взглядом, в котором стыла

---

[1] Стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей.

тоска. Очнулся, виновато глянул на Ромашина.— Извините. Говорила она, конечно, о Мальгине.

— Я знаю,— кивнул Ромашин сочувственно и добавил с философским хладнокровием.— Amantes-amentes, влюбленные — безумные. А женщина она красивая, надо признаться. Итак, план принимается. Пока — ваш, не выйдет — мой. Звоните Забаве.

— А может быть, вы? — нерешительно произнес Джума.

— Что, неужели трусите? — развеселился Ромашин.

— Не трушу, но... побаиваюсь. Я встречался с Забавой дважды, и каждый раз у меня складывалось впечатление, что она видит меня насквозь. А я этого не люблю. Ибо таится и в нас нечто, уступающее низменным инстинктам, противящееся интеллекту, в культ возводящее успех.

Ромашин знал автора последнего изречения [1], но промолчал.

— Хорошо, звоните.

Однако Джума не успел дать команду «домовому», чей-то вызов снова опередил его. К изумлению приятелей, звонила сама Забава Боянова, словно подслушивала их разговор.

— Доброе утро, джентльмены. Не помешала? Если вы всерьез намерены заняться поисками Аристарха, то я знаю, где он.

Немая сцена была красноречивой.

Забава невольно улыбнулась, сквозь печаль и озабоченность.

— Профессионалы в растерянности? Может быть, я не по адресу?

— Дело в том, что мы только что говорили о вас,— произнес Ромашин, вернувший хладнокровие.— И хотели просить помощи именно по этому поводу — поиск Аристарха.

— Извинения излишни. Сколько вам потребуется времени на сборы?

— Три минуты.

— Тогда жду вас в метро-два Гомеля.

Виом собрался в тлеющий уголек, погас.

— Мне кажется,— задумчиво сказал Ромашин, глядя на мигающую полусферу «домового»,— что Аристарх неправ, отталкивая такую красоту. И верность.

— Молодой, полный сил, энергии и замыслов...— Джума подумал и мрачно добавил:— Козел! Итак, коллега, наша экипировка?

— Я одет.— Ромашин коснулся рукой воротника своего серо-белого кокоса.— Вам нужен такой же, с ПР и УМом [2]. Оружие вряд ли понадобится, но на всякий случай я захватил вот это.— Эксперт сделал быстрое движение, и в его руке оказался необычной формы и цвета — алый, словно сделанный из раскаленного металла или стекла,— пистолет.

---

[1] А. Камю.

[2] ПР — пси-рация, УМ — усиливатель мышц.

— Что за шпалер?— заинтересовался Джума.— Суггестор?

— Нет, эта штука к психотехнике не имеет отношения. Это «строевик».

Джума присвистнул.

— Слышать — слышал, но никогда не видел.

«Строевиком» на жаргоне тревожных служб назывался демонстратор фазового поворота, как его окрестили ученые, оружие, создающее узкий канал особого вида микроволновых взаимодействий, в результате которых атомы воздуха и любых встреченных на пути луча препятствий начинают двигаться в одном направлении, «строем». Физика явления была известна издревле, однако экспериментальные образцы демонстраторов появились недавно.

— Ну и связи у вас, эксперт!

— Пустяки,— скромно потупился Ромашин.

Через несколько минут они уже садились в такси. Оба отличались сдержанностью и ровным поведением, хотя Ромашину эта черта характера была дарована природой, а Джуме Хану — тренингом, натура у него была увлекающаяся, веселая, жизнерадостная, поэтому разговаривали, демонстрируя сдержанность, мало. Каждый думал об удивительной силе, которая зовется любовью женщины и которая толкает ее на самоотверженные, порой непредсказуемые поступки вопреки обстоятельствам и логике. Забава Боянова, историк с мировым именем, социолог-исследователь, интрасенс, любила Аристарха Железовского и была достойна ответной любви, но вряд ли она оценивала себя с этих позиций. И оба они еще не знали, что через много лет судьба поменяет их местами...

У метро развлекалась толпа молодых людей, одетых пестро, экстравагантно и вызывающе. Многие из них носили значки в форме человеческого сердца, не стилизованного, а натурального, с надписью: «Я люблю себя!» Это были дилайтмены, а у нескольких рослых юнцов была выбрита левая бровь — признак «касты» «эскадронов жизни».

— Вот кого не люблю, так не люблю,— проворчал Джума, определяя по привычке массу агрессивности толпы и главаря.

— Ребятишки ищут острых ощущений,— также вполголоса ответил Ромашин.— Пусть веселятся в пределах допустимого, здесь есть кому за ними приглядеть.

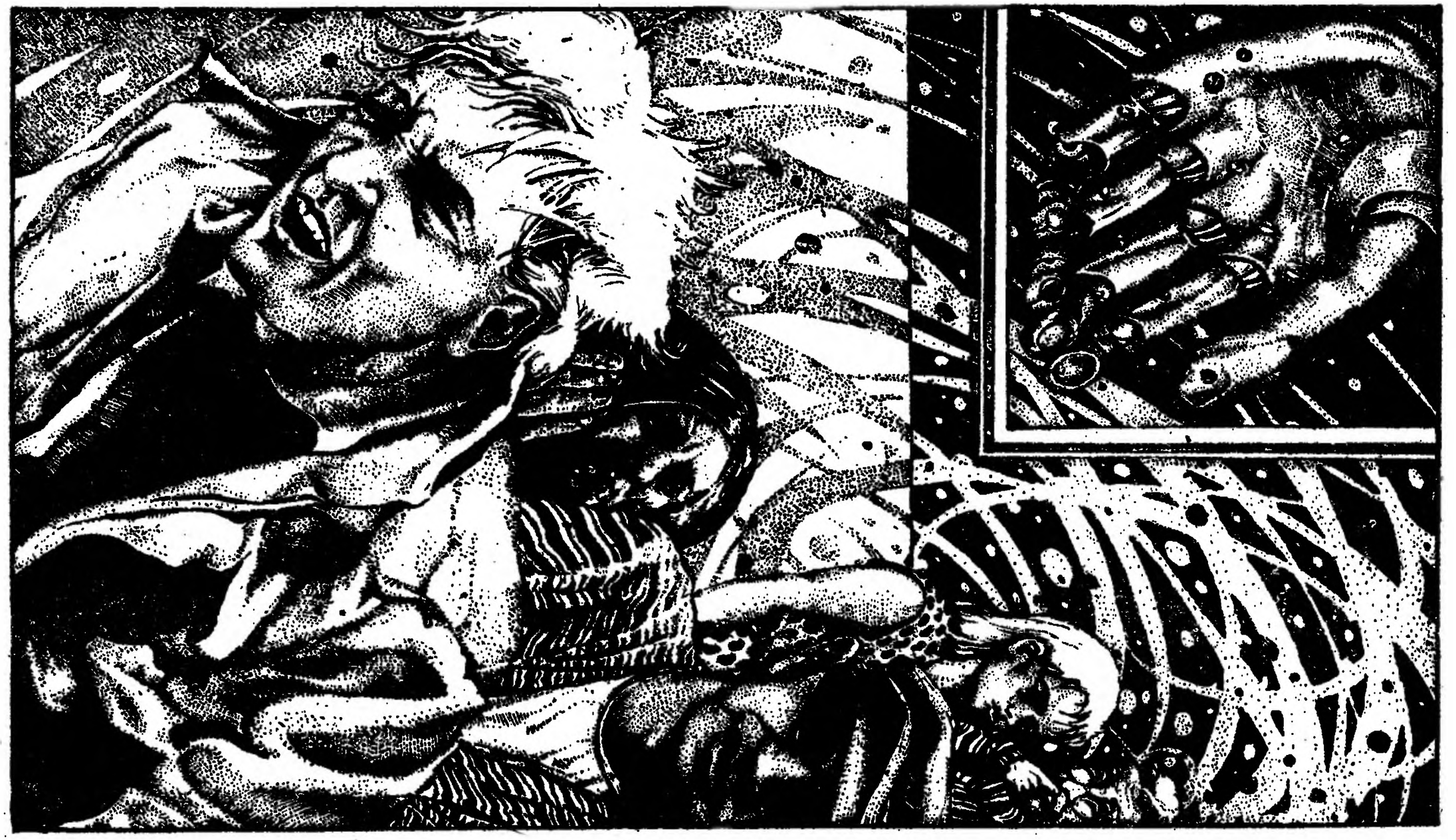
— Кого вы имеете в виду?

— Посмотри на крайнего слева.

Джума увидел высокого, хорошо сложенного мужчину с брезгливо-сонным лицом, на лацкане куртки которого голубел значок инспектора-социоэтика.

— Странно, что он не вмешивается, шутят-то ребята совершенно неудачно. Или он уже вызвал подмогу? Подождите, спрошу.

Джума Хан решительно двинулся к меланхолически любую-

щемуся происходящим инсоэтику, в то время как веселящиеся парни толкали пассажиров метро, задирались и отпускали грубые шутки.

— Честь имею. Судя по блямбе, вы инсоэтик, не так ли? Не пора ли вмешаться?

Соннолицый смерил Джуму взглядом, процедил неохотно:

— Не вижу смысла.

— Но ведь это ваша обязанность,— удивился безопасник.— До конфликта — пара шуток!

— А плевать! Кстати, какое вам-то до этого дело? Иди своей дорогой, сейфмен.

— О! — сказал Джума, поджимаясь.— Да вы, оказывается, хам, милейший! Не уважаете себя — дело ваше, не уважаете свою работу — уходите на другую, но не уважать незнакомого человека — нехорошо! — Он сжал пальцами плечо инсоэтика, лицо которого перекосилось от боли.

— У нас проблемы, Джума? — раздался сзади тихий голос Ромашина.

— Хамит,— коротко ответил Хан, неохотно отпустил плечо инспектора.— Оказывается, среди социоэтиков тоже попадаются некомбатанты. Парень, уходи из комиссии сам, иначе я позабочусь, чтобы от тебя избавились громко.

— Когда для дела нужны трое, двое не ссорятся,— миролюбиво заметил Ромашин.— Говорят, там внутри кто-то пристал к девушкам, надо помочь.

— Этот не помощник.— Джума окинул презрительным взглядом инспектора-социоэтика, державшегося за плечо, и направился ко входу в метро, потом вернулся, сорвал значок социоэтика и сунул в карман.— Это тебе не понадобится, слизняк.

В зале метро с линией кабин было почти пусто, кабины работали в основном на финиш, и выходящие пассажиры торопились удалиться, заметив группу разрисованных под тигровую шкуру мускулистых громил с бритыми головами. Их было человек восемь, и они, выстроившись кругом, с хохотом толкали в круг двух девушек. Одна из них, маленькая брюнетка, вскрикивала и плакала, а вторая, высокая красивая блондинка, закусив губу, отбивалась молча и яростно.

— Брейкеры,— хмуро сказал Джума.— А вот этих я уже ненавижу!

Слэнг брейкеров состоял из дикой смеси языковых искажений, понять который было очень трудно. Впрочем, весь смысл их разговора сводился к оценке девичьих фигур и перевода не требовал.

— Эй, орлы! — окликнул их Хан, подходя к группе вдоль металлического никелированного поручня с завесой турникетов, регулирующего вход-выход.— Не надоело?

Парни оглянулись. На их лицах отразилось недоумение, потом появились ухмылки. Девушки в это время попытались вырваться из круга, но двое парней схватили их за руки, притянули к себе. Блондинка, чем-то похожая на Карой, вскрикнула от боли.

— Отпустите! — негромко сказал Джума, темнея лицом.

В ответ раздался смех, возгласы, циничные остроты, советы, самыми благовидными среди которых были «а не пошел бы ты...» Перед безопасником пенилась тупая и воинствующая наглость. Что ей увещевания, призывы к совести, добрые уговоры? Ей всегда были понятны только кулаки и зубы.

Джума вдруг коротко, почти без размаха, ударил ребром ладони по поручню, смяв и прогнув трубу. Смех мгновенно стих, парни молча переводили взгляд с трубы на фигуру безопасника, готового к прыжку.

— Покалечу! — тихо, но внятно предупредил Джума.— Отпустите их.

— И покалечит,— философски заметил, подходя, Ромашин,— он может.— Эксперт напрягся, раздался стон металла, труба поручня медленно выгнулась в обратную сторону. Ромашин полюбовался ею, погладил вмятину, сжал ладонью, отпустил, и все увидели, что деформация поручня почти исчезла.

— Идите, мальчики.— На лице Ромашина появилась добродушная улыбка.— Пошалили и хватит. Вопросы есть?

— Трезверы,— с разочарованием проговорил один из бритоголовых.— Линяем, любы!

Парни отпустили девушек, упорхнувших к свободным кабинам метро, потянулись к выходу, бормоча невнятные угрозы, а когда из кабины в конце зала вышли трое молодых людей в форме линейной службы общественной безопасности — кто-то, очевидно, вызвал контроль порядка,— брейкеры ретировались с завидной быстротой. Снаружи послышался свист, крики, топот.

— Надо рассказать им...— начал было Джума, но Ромашин потянул его за рукав.

— Опаздываем, сами разберутся.

В кабине метро Джума взял Ромашина за руку, внимательно осмотрел ладонь, хмыкнул.

— Как вы это проделали? Я имею в виду поручень.

— Ловкость рук и никакого мошенства,— улыбнулся эксперт. Вытащил из кармана нечто вроде тонкой перчатки телесного цвета с металлическими нитями вдоль пальцев.

— Понятно,— кивнул безопасник.— Я не заметил, когда вы его надели.

Это был экзоскелет для кисти руки, пользовались такого рода усилителями мышц обычно скалолазы и спасатели, но этот был изящнее и почти незаметен.

Еще через несколько минут они выходили из зала второй станции метро Гомеля. У четырехместного нефа с голубой мигалкой на зализанной крыше их ждала Забава Боянова, тоненькая, очаровательно грациозная в белом коконе с нашивкой: «Всемирный институт истории и социологии». Поздоровались.

— И на этой банке вы хотите найти Аристарха? — иронически осведомился Джума, хлопнув рукой по блистеру кабины.

Боянова с недоумением взглянула на него.

— Но ведь это удобная скоростная машина... а, поняла: мигалка? Разве она помешает? Машина техслужбы транспорта...

— Все равно надо бы антиграв понезаметней, а мигалка может насторожить.

— Что же делать? — растерялась девушка.

Ромашин едва заметно улыбнулся: Забава была похожа на сестру не только внешне, но Власта никогда не терялась в подобных обстоятельствах.

— Снимем мигалку,— сказал он,— всего-то и забот.

— А не боитесь гнева моей сестры? Она почему-то сердита на вас за какие-то проступки.

— Во-первых, одним проступком больше, одним меньше, не велика разница, а во-вторых, волка бояться...

Забава подняла брови, задумчиво разглядывая бывшего начальника службы безопасности.

— Вы такой, каким я вас и представляла. Не пугайтесь, это похвала.

— Не сомневаюсь,— наклонил голову Ромашин.

Демонтаж лампы-вспышки занял две минуты, и неф взлетел, имея на борту добровольную дружину риска по розыску товарища. Из всей троицы больше других, как ни странно, волновался Игнат Ромашин, всегда предельно собранный и внимательный, опирающийся на точный прогноз событий и огромный опыт работы в отделе безопасности. Компас интуиции, который его никогда не подводил, предсказывал бурю.

6

Как произведение гроссмановых чисел зависит от порядка сомножителей, так и жизнь Мальгина в одновременном пространстве колеблющейся «сверхструны» зависела от порядка следования по «струне» его систем: сигнальной, нервной, парасимпатической, а также от уровня сложности управления телом. Не догадайся Мальгин вывести процессы управления метаболизмом на уровень сознания, он не дошел бы до конца пути целым и невредимым. Вернее, дошел бы, но в «урезанном», «отредактированном» виде, без многих органов и систем, если вовсе не без тела.

В моменты коротких остановок заработали и другие органы чувств, о которых Клим даже не подозревал, способные ориентироваться там, где пасовали основные и добавочные экстрасенсорные чувства. Сознание взяло под контроль жизнедеятельность организма в форме «пачки информации» вплоть до клеточного уровня, и Мальгин впервые осознал, каков запас прочности у человеческого мозга! Его мозг сейчас включил на уровень сознания не два-четыре процента нейронов, как у обычных людей, и не десять-двенадцать, как у интрасенсов, а все сто!

Сложнейшая сеть «сверхструн» орилоунского метро в эпоху становления человечества рвалась от старости. Хранители Пути, спасая транспортируемого и выводя его в соответствии с желанием в нужную точку пространства-времени, бросали Мальгина от одного умирающего орилоуна к другому, и каждый бросок входа-выхода сопровождался ударом по организму. Выдержать эти встряски нормальный человек, хрупкий, медленно реагирующий на изменения среды, сосредоточенный на своих мелких желаниях, практически отключенный от Космоса, не смог бы.

Геометрия пространства вне «струны» стремительно изменялась от броска к броску: сто одиннадцать измерений, двадцать шесть, двенадцать, десять, семьдесят семь, пять, снова сто одиннадцать... Так реагировал аналитический центр сознания Мальгина на его «падение вверх», в будущее. И наконец настал момент, когда в гулком коконе головы возникли цифры: три-четыре. С пронзительным медным звоном, потрясшим все тело, Мальгин выпал из «струны» в чрево орилоуна, который дожил до эпохи в сотни миллиардов лет после рождения человека.

Время остановило свой прихотливый стремительный бег из прошлого в будущее, как останавливает бег лесная дорога при остановке всадника. Несмотря на «встопорщенную» нервную систему, взбудораженный физиологический аппарат и дикие боли в сердце, которые могли закончиться кардиогенным шоком, Мальгин был жив! Он видел, он чувствовал, дышал и двигался, руки, ноги, голова были на месте, кожа зудела и чесалась, но оставалась кожей.

Сначала ему показалось, что вокруг царит обычная пещерная тьма орилоунской утробы, слабо освещенной каким-то скрытым источником света. И хотя стены полости не светились даже в инфракрасном диапазоне, объяснялось это просто — орилоун наверняка был неимоверно дряхл и доживал свой долгий век в виде скелета, готового рассыпаться от дуновения ветра. Мальгин не сразу понял, что источником света является он сам. Руки сочились розовым свечением, ногти казались перламутровыми, а сосуды под кожей — алыми световодами. В общем-то, нормальное явление после стресс-полета в «сверхструне».

Клим подождал, пока тело перестанет светиться, отдыхая и на-

страивая органы чувств, как оркестр инструменты, возвращая власть инстинктов и подсознания над их деятельностью. И вдруг поймал себя на том, что боится выглядывать наружу. Нет, он боялся не вакуума или ядовитой атмосферы и не мощных ионизирующих излучений, он боялся н е у в и д е т ь н и ч е г о!

Воздух в полости орилоуна был неплотен и состоял в основном из смеси азота и гелия, кислород занимал едва ли десятую часть его объема, но для дыхания хватало. В принципе, Клим спокойно мог перейти и на другой тип физиологических реакций, используя любые газы, или не дышать совсем.

Сила тяжести в пещере почти отсутствовала, из чего Мальгин сделал вывод, что орилоун с машиной метро внутри болтается где-то в космосе по воле инерции и межзвездных гравитационных полей.

— Хранитель,— позвал Мальгин мысленно.

Ответа не было.

— Хранитель, отзовись.

Молчание.

Клим понял, что орилоун как интеллект умер, и в этом обломке старой коммуникационной системы работает лишь механизм перехода на «струну». Почувствовав, как невольно участилось дыхание, хирург пощупал рукой шероховатую решетчатую стену, удивился — пахло и с к у с с т в е н н ы м сооружением, а не скелетом орилоуна. Включилось дальновидение, вернее, дальночувствование.

То, в чем он находился, вовсе не было орилоуном, ни живым, ни его скелетом. Это был гигантский, километров пяти в поперечнике, искусственный объект, нечто вроде космической станции или города в космосе, смонтированного из полупрозрачных труб и сигар диаметром по сто метров, сквозь стенки которых угадывались очертания каких-то огромных, разной формы строений, баков, коридоров, лестниц, переходов и машин. Кое-где в оболочке станции зияли рваные пробоины, а корма или нос,— кто разберет? — в километре от помещения метро была разрушена и оплавлена. И был этот объект очень стар, Клим не сразу смог определить его возраст: не менее миллиона лет! Кто его строил и зачем, куда исчезли строители, оставив на нем станцию метро, определить с ходу было невозможно.

Второе потрясение ждало Мальгина, когда он вознамерился выйти за пределы объекта, которому дал название Спутник.

Ничто не говорило о том, что оборудование этой древней развалины способно функционировать, но оно работало! Правда, ее своеобразие натолкнуло Мальгина на мысль, что многие коридоры и полости Спутника должны были заполняться водой или еще какой-то жидкостью.

На выходе короткого коридора он обнаружил нечто вроде

птичьей клетки, в которой мог бы уместиться слон. Как только Клим оказался в «клетке», она оделась голубым сиянием и запеленала путешественника в прозрачную тугую пленку, не стесняющую дыхание и движения. Еще один голубой просверк — и шею сдавил блестящий многогранный поясок, пустивший усики к ушам и затылку.

В голове прошелестел сухой ветерок, и следом раздался бесплотный пси-голос:

— Жизнеобеспечение рассчитано на два часа личного времени. Возьмите иног форс палли глайд...— Шелест, щелчки.— Лифт микро. Приятных видений. Если понадобится совет...— щелчок и тишина.

— Спасибо,— поблагодарил Мальгин неведомого гида.— Разберусь сам.

И наконец третье потрясение ждало его после выхода через «клетку»-тамбур наружу.

В первые мгновения он действительно ничего не увидел. Ни звезд, ни их скоплений, ни галактик и сетчатой структуры, отличавшей Метавсеенную человека от других метавселенных, ни единого пятнышка света! Великое Безмолвие обрушилось на уши, Великая Темнота — на глаза, и Великая Пустота — на остальные органы чувств! Длилось это состояние недолго: совсем недолго — по космическим меркам, отыскалась планета, по массе и размерам приблизительно равная Земле, а с другой стороны Спутника светила в инфракрасном диапазоне остывающая звезда, коричневый карлик с температурой поверхности около тысячи градусов. Мальгин вздохнул с облегчением, в другое время показавшимся бы смешным: звезды и планеты еще существовали в это время, просто плотность их распределения в пространстве в результате расширения Вселенной стала мизерной. Но впечатление глухоты осталось. Космос был нем! Великое Молчание, бездонным океаном рухнувшее на голову человека, тщетно пытавшегося услышать радиоголоса и пси-переговоры разумных существ, заставляло напрягать слух до предела. Даже обычные фоновые излучения почти отсутствовали в этом удивительном пустом «плоском» пространстве, где в кубическом метре элементарные частицы можно было пересчитать по пальцам.

— Луна и солнце побледнели,
Созвездья форму изменили,
Движенье сделалось тягучим,
И время стало как песок...[1]

— Что? — спросил Мальгин пересохшими губами. Опомнился: он говорил сам с собой. Пробормотал:

— Где они, эти созвездия? И каким образом, хотелось бы знать,

[1] Д. Хармс.

я найду Вершителя, если здесь атом от атома находится не ближе, чем звезды от Солнца в мое время?

Никто не ответил. Мальгин был совершенно один, не считая полусдохших автоматов Спутника, на этом обломке, сиротливом памятнике какой-то технологической цивилизации, может быть, и человеческой. Он был один на многие миллионы световых лет, и вопреки уверениям самого первого из Держателей Пути никто не спешил к нему на помощь.

«Тупик,— подумал Мальгин с неожиданным спокойствием.— Кажется, я достиг конца пути. Запас инерции удачи кончился. Финиш».

И снова никто не ответил ему. Молчал Спутник, молчал недалекий коричневый карлик, не Солнце ли на самом деле? Молчал космос. И молчала память, не человеческая, маатанская, память «черных людей», знавших множество удивительных вещей и не способных обратить их себе на пользу.

«Ладно, посмотрим,— сказал Мальгин неизвестно кому.— Я еще не умер, да и не все узнал, что хотел. Интересно, чей это след и почему он сохранился так долго». Он имел в виду развалины Спутника.

За час он обследовал те помещения гигантского сооружения, которые посчитал главными, и сделал три вывода. Первый: Спутник был если не последним, то одним из самых последних искусственных городов, предназначенных для автономного питания вне звездных систем. Создан он был на пределе технологии, то есть на пределе технического совершенства, и являл собой яркий пример изделия, характерного для техногенной цивилизации, развивающейся в водной среде, которая подошла к эволюционному тупику.

Вывод второй: Спутник строили не люди. Гуманоиды — может быть, хотя вряд ли, но не люди. И последний вывод: цивилизация, которой принадлежал город, появилась гораздо позже исчезновения человечества, и принадлежала она к «третьей волне разума», по выражению Держателя Пути. Таким образом заявление Держателя подтверждалось: закономерным финалом всех разумных видов третьей волны являлся эволюционный тупик. И какая была разница для Мальгина, отчего они погибали: в результате войн, экологических катастроф, генетического дрейфа, неконтролируемого роста мутаций и психических заболеваний, потери духовной связи со вселенной,— главной была безысходность факта! И это потрясение было самым сильным и страшным, чтобы справиться с ним одним усилием воли.

Шок продолжался долго, Клим потом не сразу смог вспомнить, что же его вывело из этого состояния. А объяснялось все просто: у пленочного скафандра, в который запеленала его здешняя автоматика, близкая по параметрам земной, закончился энергоресурс, и он испарился, исчез, превратился в пыль.

Мальгин очнулся окончательно, в нем проснулась злость, жажда деятельности и яростное желание бороться за жизнь.

Не найдя продуктов питания, годных для использования, он «пообедал» электричеством, которое еще хранилось в аккумуляторах полуразрушенного левиафана, и погрузился в медитацию, высвобождая от оков воли и психики все свои человеческие и нечеловеческие силы. Все же он не был чужим и для Вселенной этого времени, обладая знаниями предшествующих поколений разумных существ, свободой выбора образа жизни и, главное, места жизни. В нем соединились три видения мира — человеческое, маатанское и видение будущего, присущее разумным существам данной эпохи, для которых их Метавселенная была ничуть не проще и не менее активной, чем Вселенная во времена бытия человечества для человека.

Мальгин ощутил пространство вокруг, как часть самого себя, и сам стал космосом. Он заново открыл законы здешней физики, увидел потухшие галактики — большинство звезд в эту эпоху уже закончило эру излучения,— переставшие быть упорядоченными скоплениями светил: почти девяносто процентов звезд рассеялось в пространстве, а остальные образовали сверхмассивные черные дыры, вокруг которых цвела непонятная жизнь. Воля эволюции образовала скопления нейтронных звезд со своим движением и жизнью, и гигантские провалы в метрике — «прозрачные дыры» вывернутых измерений — там, где произошла декомпактификация [1] древних реликтовых «суперструн».

Клим увидел и ощутил медленное угасание ядерных процессов внутри звезд и давно остывших планет, и с новым интересом прислушался к далекому шуму иной жизни — на базе колоссальных скоплений элементарных частиц, излучений и волн избравшей места обитания возле черных дыр, нейтронных систем и у других экзотических образований здешнего космоса. Пульс этой жизни бился, по человеческим меркам, чрезвычайно медленно, процессы информационного обмена протекали неторопливо, веками, и все же Вселенная не пустовала, продолжая расширяться в пределах стенок-границ, отделяющих одну метавселенную-домен от другой. До конца звездной эры оставалось еще немало времени, сотни миллиардов лет, и звезды пока кое-где светили, в основном карлики — белые, желтые, оранжевые, красные. Остальные давно прекратили существование: либо взорвались, либо сжались в черные дыры и нейтронные капли с размерами всего в десятки-сотни километров.

Коричневый карлик, вокруг которого кружил бесцельно город-Спутник отжившей цивилизации со станцией метро, был старым «родным» Солнцем, но планетная его семья поредела: оторвались и

---

[1] Развертка измерений, свернутых физическими процессами во время раздувания Вселенной.

канули в галактические просторы внешние планеты — Плутон, Уран, Нептун, исчез Меркурий, то ли упал на Солнце, то ли был использован новыми хозяевами системы для своих нужд. Сатурн был разорван приливными силами, неосторожно приблизившись к Юпитеру, и теперь представлял собой три пояса астероидов. Не хватало и многих спутников больших планет, в том числе и Луны. Мальгин, по сути, прибыл на кладбище Солнечной системы, кладбище неухоженное и забытое, несмотря на несколько летающих развалин и оставленный кем-то у Солнца широкошумящий [1] маяк — работать он перестал совсем недавно, может быть, сотни две лет назад.

И снова холодная волна тоски хлынула в мозг, сжала сердце, вызвала головную боль и слезы на глаза. Мальгин был е д и н с т в е н н ы м человеком, пережившим смерть человечества, а одиночество такого масштаба способно было свести с ума кого угодно!

Впрочем, мелькнула спасительная мысль, не я один путешествую по орилоунской сети, где-то еще бродит Лондон, делают первые шаги Ромашин, Аристарх и Джума... Если не смогу вернуться, так, может быть, они появятся здесь?

Мальгин собрался с силами и бросил з о в во Вселенную, не слишком надеясь на ответ. Его не ждали здесь, да и, услышав, могли не понять, поэтому рассчитывать на помощь, в общем-то, было неразумно, однако надежда — последнее, что умирает в человеке, и Клим продолжал время от времени подавать пси-голос. А когда пришел ответ, он не поверил.

Ответ был непрямым. Впечатление складывалось такое, будто где-то очень далеко проснулся неведомый исполин, отогнал рукой зудящую над лицом муху, но вдруг понял, что это не муха, и стал с недоумением оглядываться, искать причину беспокойства, прогибая при этом пространство. Однако Мальгин жил слишком быстро для этого существа и, чтобы оно его услышало и поняло, должен был звать непрерывно в течение длительного времени, а для этого ему не хватало ни энергии, ни терпения.

Через несколько часов пси-контакта он сдался, переключив нервную систему на «стохастический сон»: душа, повинуясь закону случайных чисел, извлекала из памяти самые разные воспоминания и монтировала причудливые видения, в которых сплетались события земной и маатанской действительности...

«Проснулся» он спустя полсуток более или менее бодрым и готовым продолжать поиск Вершителей или хотя бы тех, кто был с ними связан. Существо, с которым хирург вступил в кратковременный контакт, больше эмоциональный, чем информационный, все еще «прислушивалось» к себе и находилось слишком далеко,

---

[1] Работающий на почти всех диапазонах электромагнитных волн.

чтобы прийти на помощь быстро,— в сотнях тысяч световых лет, возле ансамбля вращающихся черных дыр. И все же оно нашло выход из создавшегося положения, оценив комариный писк зова Мальгина: позвало еще кого-то, кто мог разобраться в этом, и Климу вдруг ответил ясный и четкий пси-голос. Выглядело это — в пси-диапазоне,— словно Мальгина осветил яркий прожектор, каждый луч которого имел свою спектральную окраску, и когда заговоривший спросил: кто зовет? (Мальгин понял это без труда) — лучи «прожектора» отыграли фразу вопроса усилением свечения лучей в определенной последовательности.

— Человек,— ответил Клим, запнувшись; спрашивающий мог не знать, кто такой человек.— разумное существо третьей волны.

— Нам это известно, мы хотим знать, кто именно. Личность. Имя.

— Клим Мальгин.

«Прожектор» задумчиво помигал всеми лучами.

— Мы предупреждены. Где вы находитесь?

Мальгин с некоторым замешательством сообщил название Солнечной системы; координат ее привязки — да и к чему, к какому объекту? — он не знал.

Один из лучей «прожектора» донес легкое удивление существа — или существ,— вошедшего в контакт:

— Это древняя заповедная зона, в ней не устанавливались трансгрессы... ваш термин — метро.

— Сработала старая станция.

— Удивительная вещь! Сообщаем наши координаты и ждем вас.

«Прожектор» проиграл сложную цветовую гамму.

Мальгин замялся.

— У меня нет возможности. «Сверхструна» связи этого обломка порвалась.

Каскад лучей вошел в голову хирурга, осторожно просветил ее, погладил нервные центры, донес легкое вежливое удивление незнакомца.

— По нашему мнению, вы владеете структурным переходом. Трансформируйтесь, создавайте тонкую информационную структуру и уходите по линии пеленга...

— Не могу.— Клим сглотнул слюну.— Вернее, мне еще понадобится человеческое тело... во всяком случае, я надеюсь на это. Извините.

Удивление втянулось дымком в поток цветных лучей, сменилось легкой озабоченностью.

— Ваше право, мастер. Вам придется подождать, мы заняты и сможем прийти к вам только через некоторый отрезок времени, скажем, через двадцать два часа. Вас это устроит? Если хотите, могу предложить дружескую беседу с одним нашим знакомым, он

находится в том же районе и может посетить вашу обитель в любой момент.

— Хорошо,— ответил Мальгин, взмокший от напряжения.— А... кто вы? Вершитель? С кем я разговариваю?

— Нет, не Вершитель. Вам все объяснят.

«Прожектор» погас.

Мальгин едва не потерял сознание от обрыва струны пси-связи, он еще не знал, как защищаться от такого резкого выключения сверхчувственного контакта, бьющего по всей нервной системе не хуже электроразряда. Навалилась усталость. Разочарование, что он снова говорил не с Вершителем, было столь велико, что хирургу все стало безразлично. Подумалось: «Да и с какой стати Вершители должны сидеть в этой эпохе? Ради встречи с неким человеком, нейрохирургом, пережившим свою цивилизацию? Чушь! Скорее всего, они ушли так далеко в будущее, что с помощью орилоунского метро их уже не достать. А других путей проникновения в будущее в этом мире, скорее всего, не существует...»

«Кто знает их возможности? — робко возразил Мальгин-второй, романтик и оптимист.— Может быть, они слышат и знают все, что творится во Вселенной в любой момент времени».

Клим невольно усмехнулся этой попытке успокоить душу. Шанс встретить Вершителя все же оставался, и паниковать пока не стоило, хотя трезвым рассудком он понимал, что встреча с Вершителем — еще не гарантия решения всех личных проблем. Мальгин расслабился, пытаясь добиться состояния безмятежности, душевного покоя, но снова нахлынули воспоминания, затронули сердечные струны, всколыхнули омут черной тоски и безысходности.

Проклятый Паломник! Зачем он бросил эту кость — возможность найти мир, где есть Купава, но нет Даниила? Ведь ясно же, что это не альтернатива. Купава, какую знал Мальгин, была е д и н с т в е н н о й на все вселенные! Впрочем, как и Карой. И возвращение к ним неизбежно...

— На каком языке ты разговариваешь со мной, о память?

— На языке вечного возвращения.

— На каком языке ты разговариваешь со мной, о любовь?

— На языке вечного сомнения.

Мальгин закусил губу до боли, вкус крови вернул его к реальной жизни. Кто-то переступил порог помещения, где он нашел временный приют, деликатно кашлянул.

— Простите, вы чем-то заняты?

— Созерцанием сердца,— машинально ответил Мальгин и окончательно пришел в себя. Вопрос был задан мысленно, а создание, которое задало его, вероятно, и было посланником того неведомого великана, с которым он общался недавно.

В дверном проеме, то есть в квадратной дыре, его заменявшей,

возникла тень, и в помещение вплыло существо самое странное из всех, что видел когда-нибудь Мальгин.

Больше всего странный гость походил на сплошь заросшего черной блестящей густой шерстью тролля из древнеевропейского эпоса Земли, но тролля добродушного и вежливого. Кроме внешнего сходства с троллем гость имел множество отличий, главными из которых были разбросанные по всему телу глаза — обескураженный Мальгин насчитал двенадцать пар! — и металлические на вид пояски, пряжки, ромбы, чешуевидные полосы и мигающие зеленым и желтым светом звездочки. Рост гостя достигал трех с лишним метров, и почти такой же ширины — метра два с половиной! — были плечи. Что-то в нем было не так, какое-то несоответствие формы и размеров, подчеркиваемое глядящими совершенно индивидуально, с разной долей любопытства, глазами. Мальгин отметил это мгновенно, но сообразил, в чем дело, не сразу.

— Может быть, мы не вовремя? — с настойчивой учтивостью продолжал «тролль».

Мальгину показалось, что говорит не голова, хотя разговор шел в пси-диапазоне, а туловище.

— Нет-нет, проходите,— быстро сказал Клим,— располагайтесь, как дома. Прошу извинить за неуют.

Гость оттолкнулся от притолоки, проплыл вперед и... рассыпался на двенадцать фигурок разного облика, роста, ширины, но одинаково укутанных в блестящую черную шерсть. Вот когда только до Мальгина дошло, почему гость говорил о себе «мы»: это было коллективное существо, целый прайд, каждая особь которого способна была жить самостоятельно. В нужный момент они собирались в единый организм для решения более важных задач, а каждая в отдельности занималась своей деятельностью в зависимости от уровня интеллекта. Две из них размерами с ногу хирурга сразу умчались в недра Спутника, возбужденные исследовательским зудом и тайнами древней летающей крепости. Еще две, посовещавшись накоротке, вернулись на свой корабль, напоминавший «динозавролет» маатан; Мальгин после встречи убедился в этом и оценил возможности космолета, побродив по его палубам благодаря любезному приглашению существа. Имен у каждого из двенадцати личностей путешественника не было, и Клим просто присвоил им порядковые номера, дав всем вместе общее имя — Кузьма-негуман. Почему он решил назвать существо именно Кузьмой, хирург особенно не задумывался, сработала какая-то из ассоциаций: то ли вспомнился Косьма Индикоплов со своей оригинальной концепцией Вселенной [1], то ли дал о себе знать образ великана-медведя, поразившего когда-то душу юного Мальгина. Сам гость от-

[1] Индикоплов считал, что Вселенная имеет форму ящика.

несся к наречению имени спокойно, хотя юмор ситуации понял раньше Клима.

Остальные восемь личностей Кузьмы-негумана расположились вокруг Мальгина, приняв участие в беседе. Отвечали на его вопросы они по очереди, в зависимости от сложности и уровня темы, а также сложившейся вертикальной иерархии — от Кузьмы-первого с его зачатками разума и сложнейшей эмоциональной сферой, вернее, эмоционально-инстинктивным аппаратом, до Кузьмы-двенадцатого, чей интеллект Клим оценил равным своему. Правда, когда объединялись все двенадцать субъектов (во время беседы), получался разум на порядок-два мощнее, а главное — совершенно иной, не человеческий, со своими оценками, восприятием, способами обработки информации, видением мира и реакцией на него. В такие моменты Мальгину становилось не по себе, хотя, по сути, он тоже сейчас представлял собой коллективный разум, в котором соединились человеческий, маатанский и орилоунский типы личностей.

Жил этот монстр в другом биологическом времени, быстрее, чем хирург, и ему трудно было сосредоточиться и удерживать членов коллектива на месте: то один, то другой то и дело срывались с места по каким-то неотложным делам, чтобы появиться через минуту, десять, полчаса, однако меньше шести особей никогда не оставалось — пол-Кузьмы, как однажды пошутил про себя Клим.

Впоследствии, на Земле, Мальгин не раз вспоминал фрагменты беседы и снова переживал ее удивительную необычность и эмоциональную насыщенность.

* * *

Кузьма-негуман был завзятым путешественником, как и Паломник, только возможности его были поскромнее — в пределах метагалактического домена, потому что о существовании орилоунского метро в эту эпоху уже никто не знал, да цели полегче — насмотреться чужих красот да порадоваться жизни.

Передвигался же он действительно на маатанском «проникателе». Как оказалось, фабрики-планетоиды по выращиванию «проникателей» сохранились по сию пору, настолько был велик запас их жизненной активности, и продолжали поставлять «сверхструнные» машины всем, кто хотел ими пользоваться. Правда, девяносто процентов «проникателей» из-за генетических нарушений были непригодны к перевозке пассажиров, самостоятельно уходя в космос и пополняя молчаливый мрачный флот «шатунов», остальные ждали команд, старели и умирали в ячеях-доках матки, и лишь единицы находили хозяев.

Кузьма-негуман принадлежал к шестой волне разума или к пя-

той биологической, о которой Мальгину никто ничего не говорил, в том числе ни Держатель Пути, ни Строитель. Скорее всего, судьба всех органических цивилизаций, вступивших на технологический путь развития, была одинакова, и Кузьма знал это, но природный оптимизм и жизнерадостное мироощущение позволяли ему переносить сей факт безболезненно, его век принадлежал ему, и путь он выбирал сам. К тому же скучать не приходилось, все члены его коллектива-тела были достаточно индивидуальны и интересны. Они казались детьми, непоседливыми, азартными и непосредственными, отличить их издали друг от друга поначалу было невозможно, однако вблизи различия каждого бросались в глаза. Правда, Мальгин хорошо разглядел лишь троих: самого маленького и подвижного, похожего на Чебурашку, самого длинного, напоминающего обросший мехом корявый сук дерева, и самого неактивного, наиболее молчаливого, вызывающего в памяти образ замшелого валуна.

Цивилизация Кузьмы вообще была уникальна, по мнению Мальгина, неведомым ухищрением эволюции она приспособилась использовать достижения технологии... других цивилизаций, не создавая своей! Это была своеобразная раса космических цыган, не имевших постоянного пристанища и редко вспоминавших родную планету, вернее, остывшую звезду. За свою жизнь — триста человеческих лет — Кузьма успел побывать во многих удивительных уголках своей вселенной, сменить пять кораблей и встретиться с дюжиной представителей других цивилизаций, в большинстве своем существ странных и устремленных к достижению не менее странных и загадочных целей.

— Говорят, что существуют очень простые дороги из прошлого в будущее и обратно,— с нотками огорчения сказал «валун», Кузьма-двенадцатый.— Но этими дорогами ходят только боги.

Конечно, мысленные фразы-психологемы «звучат» и читаются иначе, не так, как языковые фразеологемы, но Мальгин и путешественник прекрасно понимали друг друга, обрабатывая чужие ответы и вопросы в соответствии с собственным словарным запасом.

Мальгин уцепился за слово «бог», и Кузьма, соединив аж десять своих голов, после размышления пояснил, что в его понимании «бог» — существо совершенно иного склада мышления, а не какое-то абстрактное высшее существо, способное творить чудеса.

— Он настолько далек от наших проблем и забот, насколько я или вы далеки от проблем странствующего в вакууме электрона.

Образность перевода фразы принадлежала самому Мальгину, но ответ Кузьмы, тем не менее, его озадачил.

— Вы имеете в виду Вершителей? — спросил он в замешательстве.

Теперь уже Кузьма погрузился в недоумение, снова призвал на помощь своих братьев, вымолвил осторожно:

— В каком-то смысле Вершители, какими вы их видите, тоже боги, но не главные. Среди них нет важных и второстепенных, каждый может все, но по-разному. И вообще, все они разные.

— Но ведь Вершители пришли в эту Вселенную первыми!

Кузьма сделал мину с эмоциональным эхом, которую человек охарактеризовал бы как «вытаращился».

— Кто вам сказал?

— Держатель Пути... еще Строитель... «проекции» Вершителя на нашу Вселенную... понимаете, о чем речь?

Кузьма понять пытался, но знал только то, что говорил: по вселенным изредка проходили «боги», в том числе и Вершители, и были они равны во всем, кроме отношения к разумным существам. Вершители же были...

— Помягче, что ли,— сформулировал Кузьма-восьмой, но двенадцатый его поправил:

— Просто они появляются чаще, особенно если что-нибудь случается неординарное. Такое впечатление, что они что-то или кого-то ждут и этот «кто-то» независим от них. Знаете, мы даже спрашивали себя: не является ли наша Вселенная продуктом чьего-то преднамеренного плана? То есть не имеет ли она конечную цель?

— И что же? — отозвался Мальгин живо.

— У нас нет ответа,— грустно закончил Кузьма-двенадцатый; видимо, из всей компании он был штатным философом.— А что касается Вершителей... образно говоря, Вершитель — это Некто в конце бесконечности. Все знают, что он существует, но достичь его не представляется возможным.

— И тем не менее, Вершители — только равные среди равных,— пробормотал Мальгин.— Жаль...

— Чего жаль? — опешил Кузьма.

— Мечты. Все-таки возможности реально существующего бога греют душу. А тут их много...

— Кстати, среди них есть и люди,— добавил Кузьма-восьмой, похожий на волосатого многонога, все время играющий какими-то камешками.

— Не совсем люди,— уточнил двенадцатый.— В ваше время уже появились их предки, вы называете их интрасенсами. Человек обычный, хомо ординарис, не стал полностью космическим жителем, хотя и пытался превратить Космос в свою биосферу. Он строил оболочки, поддерживал внутри гомеостаз, но себя перестроить не смог. Интрасенсы же создали свою гармониосферу, Неошамбалу, ускорили развитие и ушли с Земли поодиночке, ассимилировались с другими, подобными себе, существами. Кстати, Паломник, кажется, вы его знаете, потомок таких переселенцев.— Кузьма подумал и добавил: — Хороший мужик... царствие ему небесное!

Мальгин грустно улыбнулся. Налетело черное, тоскливое чувст-

во, окунуло в болото душевных переживаний и мук. Человечество исчезло, хотя память о нем сохранялась, и осталась от него небольшая горстка разбежавшихся по вселенным его детей. Откликнулся бы кто-нибудь!

— Вот почему «черные люди» не желали общаться с нами,— вслух проговорил Мальгин.— Они знали, что человек — временный жилец на этом свете. А мы-то ничтоже сумняшеся называли его «венцом творения»!

Кузьма сочувственно молчал.

— А мы-то возвеличивали научные и технические достижения как панацею от всех бед. И ничего не осталось!

— Кое-что осталось,— «тихо» сказал Кузьма-двенадцатый.— Памятники культуры и искусства, они в Музее Духа Поколений, могу показать. Музей существует миллиарды лет, говорят, его тоже построили Вершители.

Мальгин повернул к нему голову. Слезы подкатили к горлу, мешали беседовать и думать.

— Отчего же мы... люди... исчезли? Там сказано?

— Вы знаете ответ. Прекратилось накопление исторической памяти и духовной энергетики ушедших поколений, единственная спасительная черта хомо сапиенс. Наступил распад культуры, потом сложившихся структур и...

— Понятно,— кивнул Мальгин.— Деградация и вымирание...

— Как и у всех стереотипных эго-цивилизаций. Это касается и нашей, увы,— добавил Кузьма-седьмой.

— Увы,— печально изрек Кузьма-двенадцатый.— Ничто не вечно под звездами, даже нация путешественников, даже сами путешествия. Мужайтесь, мой друг. Жизнь не есть бесконечная последовательность дыхания, как пытались доказать философы. Этот закон писан не нами, но для нас. Итак, наш интерес удовлетворен, и мы удаляемся, дорога ждет. Может быть, есть просьбы?

— С кем я говорил? До вас я с кем-то контактировал...

— Сначала вы пытались заговорить с сегодняшником, так мы называем существ седьмой волны, обживающих свой, по нашим меркам, голый, космос. Потом вас услышал...— Кузьма замялся.— Вы знаете, мы его ни разу не видели, это один из Живущих За Пределами, и о них ходит... дурная слава. Даже не знаю, почему он вдруг решил заговорить с вами.

— А вас он как нашел?

— Для него подобные контакты не составляют труда.— Эмоциональное состояние Кузьмы соответствовало улыбке.— Итак, мастер?

— Покажите мне Землю.

Кузьма понял, о чем подумал собеседник, но с ответом не торопился.

— Она выглядит... в общем, иначе, понимаете? Совсем не так, как вы ожидаете. После людей разум — популяция четвертой волны — появился у кошачьих, а потом у пресмыкающихся, мы находимся на их городе-спутнике, и они окончательно изменили облик планеты. Вообще, ваша Земля — уникальный уголок Природы! За время своего существования она взрастила пять волн разума — ваша была третьей! Сначала, в архее,— разумные стрекозы, потом, в мезозое,— гиганты-головоногие, потом люди...

Мальгин ждал.

— Хорошо,— раздался вздох,— следуйте за нами. Но я предупредил.

Кузьма собрал все свои «руки-ноги», превратился в одно косматое, глазастое, жутковатое существо и первым выплыл наружу, направляясь к своему не менее жуткому кораблю, пристыкованному к Спутнику.

7

Президент Совета безопасности, он же заместитель председателя Высшего координационного Совета Земли Савва Баренц славился ровным сдержанным характером, жесткой волей и умением находить верные решения в самых безвыходных ситуациях. Он был интрасенсом, и возраст его не поддавался оценке — на вид лет сорок, не больше, хотя поговаривали, что ему за девяносто.

Широкоплечий, стройный, с копной русых волос, он являл собой идеал мужской красоты в понимании Бояновой, и особенно впечатляющей деталью этого идеала у Баренца были прозрачно-голубые глаза, буквально сияющие на коричневом от загара, гладком и твердом лице с прямыми, не тонкими, но и не слишком выдающимися губами.

— Никогда бы не подумал,— сказал он звучным баритором, в котором иногда проскальзывали хрипловато-басовые нотки.— Ландсберг — и генерал «Ордена»? На меня он всегда производил впечатление целеустремленной волевой натуры, пекущейся о благе человечества.

— Факты — упрямая вещь. Последней каплей был звонок отца Клима Мальгина. Мы разговорились, и он вспомнил одну любопытную вещь: оказывается, он как-то встретил Ладсберга в компании Гзаронваля и юных функционеров из средне-европейского «эскадрона жизни». Факт дополнил нашу картотеку, и дальнейшее было делом техники.

Баренц вздохнул.

— Не рано вы начинаете?

— Один мой знакомый,— комиссар сухо улыбнулась,— гова-

ривал: кто не успел, тот опоздал. Нет, не рано. Мы проверили все киб-заводы сложной техники и выявили еще три, выпускающие секретную для непосвященных продукцию. Связи однозначно указывают на существование единого координационного центра, в функции которого входят накопление, систематизация, обработка информации, выдача заданий и рекомендаций, обучение «групп террора» и тому подобное.

— «Орден»?!

— О нет, конечно, лишь исполнительный центр, один из многих. «Орден» существует уже более трех столетий, и выйти на его руководителей не удалось еще никому, в том числе и моим предшественникам. Были частные победы, выигранные «шахматные партии», но и только. «Орден» жив и хочет «странного». Иногда мне кажется, что его руководители нарочно шевелят массы, общество, чтобы оно не выродилось окончательно, начинало бороться с агрессией, ибо жизнь человека — борьба. Это закон.

Помолчали. Потом Баренц вспомнил о предмете разговора.

— И где же находится этот ваш исполнительный центр?

— Где-то в Чернобыльской глуши.

— То есть в зоне площадью в тридцать тысяч квадратных километров. Как же вы начинаете операцию, не зная точных координат центра?

— У нас появились неожиданные помощники.— Боянова сдвинула брови.— На Меркурианском заводе был захвачен математик Аристарх Железовский, а моя сестра... она интрасенс...

— Я знаю.

— Она влюбилась в него, хотя я совершенно не понимаю... впрочем, не о том речь.

Баренц прикусил губу, скрывая усмешку.

— Короче, она каким-то образом установила, где он находится, не пожелав сообщить об этом мне, и сейчас она и двое ее добровольных помощников,— голос комиссара стал еще более мрачным,— Ромашин и Хан ищут Железовского. Думаю, он содержится на базе центра. Динамическая информационная модель ситуации уже разработана, и Умник ведет дело к финалу. А исполнители у нас такие, что...— Лицо Бояновой просветлело, потому что она имела в виду Столбова.

— Пограничники тоже участвуют в операции?

— Налицо трагическая пограничная ситуация, и погранслужба обязана работать. А что? — Глаза Бояновой сузились.— У вас есть какие-то сомнения? — Комиссар имела в виду личные отношения с Тороповым, и Баренц ее отлично понял.

— Нет-нет, насчет участия пограничников сомнений нет. Однако речь о другом: аргумент силы всегда был внелогичным и вненаучным аргументом в спорах любого ранга, а мне кажется, ваши отноше-

ния складываются именно таким образом. Милослав был у меня и потребовал справедливости.

Боянова вздохнула.

— Я понимаю, потребность в справедливости все острее в нашем обществе неумеренности и невоздержанности, но это не тот случай, Савва. Безопасность никоим образом не подменяет погранслужбу, просто ваш сектор кризисных ситуаций плохо провел границы наших зон ответственности, вот Милослав и срывается. Кстати, подводят его к этому специально, хитро и не без помощи Ландсберга, который хочет превратить тревожные службы в толпу. А толпа, как вы знаете, не имеет ни сознания, ни ответственности, и самое страшное — она агрессивна.

— К сожалению, знаю.—Баренц помрачнел.— Идеология агрессивности ведет к извращению нравственных ценностей, фанатизму, нетерпимости и озлобленности. Зло безнравственно и бесплодно. Кто этого не понимает, того надо лечить.

— Лечение бывает разное, а безопасность — не профилактическое учреждение. Да и не к каждому социально больному применимы гуманные принципы нашей медицины.

— Не врачу определять, имеет ли жизнь больного ценность или нет. Безопасники тоже врачи, и ответственность их тем выше, чем более неповторимы человек и ситуация. Я не спорю с вами, Власта, я просто размышляю. В истории человечества уже были периоды, когда, как сейчас, намечалось смыкание правительственных структур, правоохранительных органов, органов правосудия с преступным миром, когда вырождалось искусство, разменивалась духовность, опошлялось культурное наследие и умирала этика. И что же? Какие режимы помогли человечеству преодолеть эпохи мракобесия, инквизиции, фашизма, псевдосоциализма? Только не тоталитарные, не охлократические, не режимы «всеобщего равенства» и жесткого командования всем и вся. Не надо заигрывать с неформалами, но не стоит и предавать их анафеме, призывая на помощь Чернобога.

Боянова подняла голову.

— Чернобог? Не слышала о таком боге.

— Бог, обитающий в аду, из мифологии язычества. Древние славяне приносили ему кровавую жертву, справляли печальное моление и делали страшные заклятья, чтобы отвратить от себя его ярость.

Помолчали. Потом комиссар взглянула на часы — разговор шел по видео с разверткой КПР — и сказала:

— Я никого не призываю на помощь, я просто делаю свое дело. Савва, бунт группы истероидов страшен, я уже научена горьким опытом и знаю, какая нужна подстраховка. Ни в одной из социально тревожных групп молодежи не действует закон сохранения духовной энергии, и эта тенденция заведет человечество в тупик, если

мы не сможем справиться сами с собой. Позвольте уж мне использовать весь арсенал средств, имеющихся в распоряжении службы. Скупой платит дважды.

Баренц знал гораздо больше, чем было положено ему, как президенту Совета безопасности, и больше, чем думала Боянова, он знал все, что знали интрасенсы вместе, в том числе и Железовский, и Лондон, побывавшие в Запределье, но оперировал знанием в разговоре очень редко. К тому же он обладал видением будущего, вот только влиять на него не мог. Так, как хотел бы.

— Ландсберг имеет мнение, что молодежи необходима стальная закалка, свободный творческий поиск, конкуренция, возможность самовыражения, чем обладают только неформальные объединения, и если лишить общество подобных объединений, оно выродится.

Боянова упрямо сжала губы.

— Сталь нельзя закалять на крови, а необузданная погоня за удовольствиями не есть свободный творческий поиск.

— Здесь я с вами согласен. «Сын сумерек» ушел от вас?

Переключение разговора не сразу дошло до Бояновой, она готовилась защищать необходимость своих требований и практических шагов, а смена темы означала согласие Баренца. Он сориентировался в обстановке.

— Он на Меркурии и никуда не денется. По всей видимости, его чем-то привлекает «сфера Сабатини», а это означает, что рано или поздно он появится возле нее.

— Чем ученые объясняют вылет из сферы увеличенных земных предметов?

— Связью сферы с орилоунским метро. Последние три предмета были копиями вещей, принадлежавших Климу Мальгину, а он, как вам известно, нашел выход в метро и где-то путешествует. Час назад из сферы выбросило светокопию его перстня... величиной со спейсер! И еще нас очень беспокоит богоид, этот многоглазый орилоунский автомат. Складывается впечатление, что он дежурит у сферы и чего-то ждет. До сих пор нет достоверных данных о его назначении, только предположения и вероятностные прогнозы.

И Баренц, и Боянова были включены в информационные сети своих зон ответственности и ежеминутно получали порции данных, часто пересекающиеся или одни и те же, но у Беренца был еще один канал связи, независимый от официальных коммуникаций, и он первым получил сообщение о событиях в тридцатикилометровой зоне Чернобыльского «черного социума». Он сказал: «До связи, Власта»,— и выключил канал. Боянова осталась одна в обманчиво тихом кабинете, заполненном пульсирующим радиошумом постоянных переговоров инков отдела и работающих бюро. Сообщение Умника об освобождении Железовского поступило к ней только через три минуты.

* * *

Над старым контрольным постом, установленным в зоне Чернобыльской катастрофы недалеко от здания АЭС, Забава остановила галеон и некоторое время вслушивалась во что-то, полузакрыв глаза. Ромашин и Джума Хан ей не мешали, разглядывая с двухсотметровой высоты серое здание древней электростанции с демонтированным оборудованием и черный купол Саркофага третьего поколения, в котором были надежно похоронены четвертый и третий разрушенные блоки.

Дискуссия о том, что делать с ними, утихла, и, хотя мнения о транспортировке Саркофага с Земли к Солнцу преобладали, купол так и остался на своем месте, как памятник человеческой некомпетентности, дилетантству, разгильдяйству и преступной секретности.

Здания остальных блоков и купол были обнесены полуметровой толщины прозрачной стеной ограждения, непробиваемой и непроницаемой для радиации, хотя такая перестраховка была уже не нужна. Стену приказал установить начальник местного отделения экологического надзора, опиравшийся на отсутствие здравого смысла у исполнительного комитета.

В двухстах метрах от мрачного здания административного корпуса образовалось глубокое озеро, вода в котором, ярко-желтого цвета, вечно дрожала мелкой тошнотворной дрожью. Берег озера густо зарос травой в рост человека, красного, оранжевого и ядовито-желтого цвета, всевозможных форм, а из этой поросли торчали высокие черно-зеленые растения с гигантскими колючими шарами и пучками шипов по стволу: это был мутировавший чертополох.

— Ценофобы,— кивнул на них Джума, заметив остановившийся взгляд Ромашина.— По закону преимущественного выживания вредоносных форм здесь выжили только сорняки.

— Юдоль скорби и печали,— пробормотал Ромашин, не в силах отвести глаз от угрюмого пейзажа.— И ведь до чего все просто: следуй законам экологии, их всего четыре, и не придется разгребать последствия катастроф. И все равно находится кретин, стоящий у власти, кому глубоко наплевать на законы.

— Что за законы? — оглянулся Джума.

— А? — Ромашин очнулся.— Да, в общем-то... разве ты не помнишь школьного курса? Все связано со всем — раз. Все должно куда-то деваться — два. Ничто не дается даром — три, и природа знает лучше — четыре. За дословность не ручаюсь, но смысл верен.

Джума кивнул, заметил в траве спину какого-то животного, схватился за бинокль.

Животное длиной в метр напоминало полосатую кошку, но голова у него была головой летучей мыши с громадными розовыми

ушами, а хвост тянулся метра на два, чешуйчатый, узкий, длинный, как хлыст.

Ромашин тоже заметил животное, проводил его окулярами своего бинокля. Тихо сказал:

— Крысокроль. Попадаются экземпляры в два метра ростом. Мутантов в здешнем лесу до сотни видов, а самое жуткое — мутагенез продолжается, как среди животного мира, так и среди растительного. Я видел участки леса, создающие впечатление скопищ живых существ, но страшнее всего гигантские паучники — это нечто вроде муравейников, но строят их пауки-гиганты. Близко к паучникам подойти невозможно.

— Приходилось заниматься?

— Некоторое время я работал в здешних краях инспектором лесонадзора. Эта должность у нас называлась «надсмотрщик Чернобыльского средневековья».

— А птиц что-то не видать.

— Практически все покинули район бедствия в радиусе трехсот километров. Встречаются редкие экземпляры, случайно залетевшие, но, как правило, птицы здесь не селятся.

— Мутантов среди них нет? Говаривают, что видели гигантских воробьев с размахом крыльев до метра.

— Насколько мне известно, все их мутации нежизнеспособны, так что не верьте в сказки.

— А люди?

— Что люди? Ты спрашиваешь, есть ли среди местных жителей мутанты?

— Нет, ушли отсюда или продолжают жить?

— Живут,— неохотно проговорил Ромашин и замолчал, заметив жест Бояновой.

— Он здесь,— прошептала девушка.— Под озером — лабиринт, пустоты, бетонный каркас, машины... и мощный компьютерный комплекс. Аристарх здесь, и он жив.

— Центр?— поднял вопросительный взгляд Джума.— И никакой защиты? Мало верится.

— За нами наблюдают, я чувствую.— Боянова закрыла глаза, лицо ее побледнело, на лбу засветилась сеточка жилок, похожая на розовую паутинку.— Кругом люди... много зла... опасность.

— Так, может быть, вызвать безопасников? — спросил Ромашин.

— Боитесь? — Забава в упор взглянула на эксперта.— Если наш вызов перехватят, безопасность опоздает. Цена задержки — жизнь Аристарха.

— Тогда почему мы медлим? — Джума взвесил в руке «универсал», проверил счетчик зарядов.— Как пойдем и куда идти?

— Вход в подземелье — под избушкой поста, кодовый запрос-

чик, электронная защита, энергобарьер. Запросчик я обойду, но вход откроется всего на несколько секунд, нужно успеть проскочить внутрь.

— Я продублирую «джорджа».— Джума имел в виду киб-пилота машины.— Итак, вперед, рисконавты?

— Только прошу вас...— Забава посмотрела на оружие в руках мужчин.— Обойдитесь без стрельбы. Стрелять в самом крайнем случае, если не справлюсь я. Хорошо?

Мужчины переглянулись.

— Кроме этого,— Боянова кивнула на «универсал»,— у вас ничего нет? Спрячьте, я захватила гипно.— Она достала два пистолета необычной формы.

Ромашин взял один, кивнул.

— Красивая игрушка. «Василиск-2». Насколько мне известно, гипноиндукторы этого типа хранятся лишь на оружейных базах погранслужбы, да и то не на всех. Но доступ к ним имеют только «эполеты».— Ромашин имел в виду начальников высокого ранга.— Вы случайно не кобра безопасности?

— Пора,— вместо ответа произнесла Боянова.— Отведите машину на пару километров отсюда, потом разгоните и по моей команде спикируйте на башню поста. Вход увидите сами.

— Готов,— коротко сказал Джума Хан.

* * *

Столбов держал «пакмак» с десант-обоймой над Припятью на десятикилометровой высоте и прислушивался к тихим переговорам Умника и наблюдателей. По желанию он мог вмешаться в действие системы в любой момент или переключить каналы видения на любой участок подконтрольной зоны. Умник выдавал ему синтезированное изображение всей зоны в логарифмическом масштабе, то есть движущиеся объекты выделял укрупненно, да изредка выхватывал подозрительные квадраты с излучающими источниками.

Десант — тридцать пять человек в пяти коггах с полной экипировкой — ждал команды, зная и видя все, что знал и видел командир. Поскольку операция была по-настоящему опасной, с возможным переходом «тихого захвата» в открытый бой, все оперативники были одеты в ЗСК с трансформацией формы, обладающие многодиапазонной аппаратурой анализа внешней обстановки, способные поддерживать гомеостатическое равновесие внутри почти при любых изменениях внешней среды.

Галеон с тремя пассажирами: Бояновой, Ромашиным и Джумой — наблюдатели вели со времени его старта, и Столбов все

внимание переключил на его маневры, понимая, что обязан вмешаться в действия не раньше и не позже момента, когда троица начнет осуществлять свой план.

Зона была блокирована надежно, и едва ли кто-нибудь мог помешать операции, просчитанной на десять ходов вперед, хотя Дмитрий и понимал, что те, кто организовал центр, обладали и силой, и умом, и необходимым вычислительно-информационным потенциалом, чтобы не допускать ошибок. Но допускали. В этой технобиологической системе, как всегда, самым слабым звеном был человек, не свободный от эмоций, эгоизма, глупости и спеси.

— Сужение КГР [1] — два на два,— доложил Умник, что в переводе на обычный человеческий язык означало: наблюдатели и разведка вычислили местонахождение управляющего инка противника с точностью до двух километров. Однако этого было недостаточно.

— Веер вариантов? — спросил Столбов.

— Всего два вектора с небольшим отклонением от оптимала. Оба реализуемы.— Умник высветил ему схемы предполагаемых действий десанта.— К атаке почти готов.

Столбов не ответил. Кроме докладов главного оперативного инка отдела к нему поступали сведения и от других информаторов и компьютерных сетей, работавших в данный момент на операцию. Над громадным пространством суши двигались десятки аппаратов разного класса, и стоило появиться новому, как тут же Столбову поступали сведения: тип машины, скорость, трасса, количество пассажиров, имя пилота. Оценку возможного участия в дальнейших событиях компьютеры производили в течение долей секунды, и оператору поступала уже обработанная информация с рекомендациями возможных ответов.

Еще одна скоростная машина — десятиместный неф класса «стрепет» — вошла в контролируемое пространство над Чернобыльским лесом, и в это время галеон самодеятельных освободителей Железовского, казалось, бесцельно плывущий над Припятью, вдруг сорвался в вираж и начал стремительный разгон. За ней хищно метнулся «стрепет», а следом рванулся пакмак десанта, распадаясь на шесть единиц — пять коггов и управляющий драккар Столбова,— имеющих каждый собственную цель.

Один из десантных шлюпов перехватил неф, два других заблокировали замаскированные под урочища взлетные площадки в одичавшем лесу, а драккар и оставшиеся машины с интервалом в полсекунды выбросили десант — тридцать косматых белых чудищ. Комплекты аппаратуры смотрелись на их шкуре драгоценными камнями и металлическими бляхами и усами.

---

[1] Квадрат гарантированного риска.

Столбов ворвался в открывшийся проход в подземную базу вслед за Ромашиным, покинувшим свой галеон последним. Забава Боянова и Джума Хан уже скрылись в трехметровом зеве колодца, на сдвинутой крышке которого стояла башенка древнего контрольного поста. Ромашин услышал предупреждающий крик Столбова, но не остановился, чем сразу резко осложнил работу обоймы: профессионалы захвата не могли теперь свободно оперировать арсеналом защитных и парализующих средств, зная, что впереди где-то идут непредупрежденные товарищи.

Столбов дал сигнал «комар», и в силу вступил третий вариант развития событий — свободная охота. Обработку поступающих данных в этом случае вел не Умник, а инк-посредник, вмонтированный в «заскок» Столбова.

Их встретили киберы с электроразрядниками, которых пришлось уничтожать, а затем те самые «шмели»-убийцы, которые создавались на энергозаводе на Меркурии, и тут уж счет пошел на доли секунды. Столбов дал отбой варианту «комар» и ввел в бой киберов отдела, подготовленных к поиску и уничтожению «шмелей». Оперативники перегруппировались и, хотя потеряли темп, человеческих потерь не было. Лишь один из них попал под выстрел «шмеля» и оказался в нокдауне. Киберы общей помощи тут же вытащили его из лабиринта к пинассу реанимации.

Древняя система подземных ходов и пустот оказалась заброшенной лабораторией по изучению процессов в блоке поврежденного и спекшегося в единый слиток реактора. Строили ее лет двести назад, с тройным запасом прочности и радиационной защиты, поэтому четырехметровый бетонно-свинцовый каркас коридоров и помещений не позволял сверхчувствительной аппаратуре спутников разглядеть, что творится в толще земли Чернобыльской зоны. Почему лаборатория оказалась заброшенной, Столбов не знал, но факт оставался фактом: в сердце «черного социума», покинутого людьми, насекомыми и птицами, где изредка появлялись лишь экологи да биологи, исследователи искусственного ареала, расположился современный компьютерный комплекс, независимый от общей земной сети, а также химический центр по разработке ядов для зарядки «шмелей».

Киберы и спецустройства центра, первыми вступившие в борьбу с проникшими десантниками, были нейтрализованы в течение нескольких минут, а потом в схватку вступили люди, защитники подземной «крепости», способной выдержать ядерный удар. Некоторые из них были одеты в «заскоки», большинство же — в кокосы фиолетового цвета с вызывающе красочными и аляповатыми эмблемами «клубов любителей риска». Рослые, хорошо развитые физически, в основном не моложе восемнадцати-двадцати лет, действовали они быстро, но против десантников безопасности выстоять

не могли, и вскоре бой, если этот стремительный маневр «белых зверей» можно было назвать боем, закончился. Отряд охраны, вооруженный парализаторами и автоматическим оружием, бесполезным против скафандров, был усыплен, после чего «сверхлюдей» мирно погрузили в галеоны и отправили в Управление.

Боянову с двумя помощниками Столбову догнать не удалось, и нашел он их только через полчаса, когда они выносили на антиграв-носилках Железовского, неподвижного, бледного, но в сознании.

— Я вас недооценил,— сказал Столбов Забаве, откинув капюшон ЗСК, не обращая внимания на Джуму и Ромашина, хотя про себя отметил царапины на лице первого и кровоподтек за ухом второго.

Боянова поняла инспектора, слабо улыбнулась и проследовала дальше, толкая впереди себя носилки. Железовский успел подмигнуть Столбову, на лице его было написано умиротворение.

— А вас попрошу задержаться,— негромко предупредил Столбов двух мужчин, направившихся было следом.— Один вопрос: кто предложил эту идею — вызволение Железовского собственными силами?

— Она не знала, что вы держите район под контролем,— помолчав, произнес Ромашин.— Как и я. Иначе мы не пошли бы на этот риск.

Джума Хан быстро взглянул на него, но промолчал.

— Но и вы, как я понял, использовали Боянову как интрасенса в качестве проводника,— хладнокровно продолжал Ромашин.— Не так ли? Нельзя было попросить ее помочь еще до операции?

— А вы разве не знаете, что просить помощи у интрасенса бесполезно?— так же спокойно сказал Столбов.— Если он сам не предложил помочь, значит, и не поможет. Забава — не исключение, хотя с ней говорила сестра. Как это было? Я имею в виду вызволение Железовского. Жертвы есть?

— Среди нас нет,— засмеялся Джума.

— Среди них тоже.— Ромашин достал из-под куртки «строевик».— Возьмите, не пригодился.

У Столбова расширились зрачки глаз, хотя лицо не дрогнуло. Он подержал «строевик» на весу и сунул в захват на поясе. Джума Хан улыбнулся, протягивая ему свой «универсал».

— Есть еще «василиск», сдать?

Столбов невольно покачал головой, прищурился.

— Арсенал у вас приличный. Однако вряд ли вам удастся избежать вопросов комиссара.

— Мы можем идти? — вежливо спросил Ромашин, дотрагиваясь до синяка за ухом.— Черт, кто это меня так?

— Можете,— не менее вежливо ответил Столбов.

Эксперт откланялся, за ним прошагал прямой, уверенный в себе Джума, скрывавший хромоту: во время схватки в помещении, где содержался Железовский, ему досталось по коленной чашечке.

Столбов проводил их взглядом и вошел в помещение, дверь которого так и застыла валиком, не закрываясь.

Анфилада комнат, разделенных толстыми полупрозрачными перегородками. В первой какие-то металлические баки, мешанина труб и ажурных конструкций, стол и стулья; у перегородки — два тела в белых комбинезонах, мужчина и женщина, спят. Во второй комнате стационарный инк типа «Знаток», аппаратура видеосвязи, кокон-кресла персональных вычислителей, еще два тела — мужчины. В третьей — бокс из прозрачных плит с системой излучателей, антенн и специальных устройств. Видимо, здесь и содержали Железовского, проводя над ним какие-то эксперименты. Бокс был пробит в двух местах, входной его люк с тамбуром валялся в углу, смятый страшным ударом. В комнате никого не было, и вся ее электронная аппаратура была превращена в крошево.

Столбов покачал головой, вслушиваясь в рапорты подчиненных. Умник уже включился в работу, и постепенно вырисовывалась общая картина построения скрытого центра, который явно не тянул на роль общего Центра заговорщиков-«хирургов», а тем более на роль резиденции «Ордена». Из сорока трех его работников и охранников семь человек были известны безопасникам, а двое из них принадлежали кругу, в котором вращался Казимир Ландсберг, председатель СЭКОНа.

* * *

Его заметили сразу, как только когг выполз из какой-то норы на краю тессеры.[1] Брига — алая искра на сером фоне с коричневым узором, напоминающим рябь на воде.

Наблюдатель дал в эфир «три девятки», и началась отработка императива «сеть», рассчитанного на данную конкретную ситуацию. Инку контроля понадобилось всего две десятых секунды, чтобы оценить поступившие данные и выдать рекомендации инкам погранфлота, после чего операция началась в полном соответствии с планом до участия в ней человека. Люди включились в работу лишь спустя минуту, когда спейсер «Шевалье» и пакмаки планетарного контроля уже мчались по траекториям, рассчитанным для каждого в соответствии с его ролью.

Шевчук с обоймой поддержки дежурил в это время в отсеке десанта спейсера «Ирокез», контролирующего пространство над

---

[1] Тессера *(греч.)* — черепица; рельеф из пересекающихся хребтов и долин.

«сферой Сабатини» в двух тысячах километров от поверхности Меркурия. Получив сигнал о выходе «из подполья» когга Шаламова, он тут же связался с командором погранслужбы, зная, что пограничники могут затеять самостоятельную операцию захвата, и предупредил Умника о возможных контринтересах. Боянова уже получила вызов и через несколько минут должна была появиться на «Ирокезе», но и она не могла предугадать, чем закончится очередная попытка «Сына сумерек» прорваться к «сфере Сабатини».

Сама сфера продолжала плавать над поверхностью Меркурия и превратила в озеро пыли, жидкой, как вода, и текучей, довольно приличный участок окраинной горной страны Моря Жары.

Когг Шаламова шел на большой скорости, прижимаясь ко всем неровностям рельефа, с волны на волну «стиральной доски «тессеры». Расчетные трассы перехвата надежно уложили его в окружность прицельного поля, Шевчук приготовился дать команду десанту, как вдруг из очередного трога — долины корытообразной формы — вырвался чей-то аппарат, судя по высвету локаторов — драккар типа «Великая стена». Он настиг когг Шаламова в два прыжка и... открыл огонь из лазерной каронады; такие «пушки» применялись для уничтожения астероидов массой до пяти тонн.

Дальнейшее действие уложилось в пять секунд: очередь импульсов драккара — зеленый световой пунктир — мгновенный пируэт Шаламовской машины — бросок спейсера «Ирокез» — залп бортового гравиразрядника, сбившего неизвестный драккар вниз в момент его нового выхода на цель. Судя по всему, драккар вел инк, которому было выдано задание уничтожить когг с такими-то параметрами в таком-то квадрате.

Шаламов вырвался из сумеречной зоны, потонул на фоне косматого края Солнца, видимого сквозь светофильтры как огромный алый купол из расплавленного стекла с медленно шевелящимися «водорослями» протуберанцев. Инк спейсера переключил диапазоны видения, и когг Шаламова высветился пронзительным голубым огоньком на фоне ставшей темно-малиновой, почти черной, горы Солнца.

Игру с захватом и выходом на цель вели, конечно, не люди, а инки, потому что счет шел на сотые доли секунды и человек не успевал реагировать на изменения ситуации, но оператор тревоги, в данном случае Калина Лютый, специально тренированный для таких игросхем, мог вмешаться в любой момент, особенно в том случае, если инконика сталкивалась с непредвиденными обстоятельствами. До сих пор Лютый не вмешивался, с неизвестным драккаром инк «Ирокеза» справился сам, и к месту его падения уже мчался патрульный пакмак с обоймой поддержки.

Машина Шаламова продолжала наращивать скорость убийственным темпом, и уже ясно прочерчивалась ее траектория, выводя-

щая шлюп прямо в середину «сферы Сабатини». Пакмаки заграждения начали сближаться, готовые выбросить вперед зонтик силового трала, способного остановить любой объект массой до сотни тонн, идущий на скорости до двух тысяч километров в секунду.

До встречи оставалось две-три минуты, когда в зале спейсера появилась Власта Боянова в сопровождении бородатого, флегматичного с виду Шевчука. Одета комиссар была в синий комби официала со знаками отличия, словно собиралась на совещание ВКС. Сухо кивнула, молча заняла кокон-кресло квалитета ответственности. Сердце Лютого екнуло, обычно во время стандартных операций создавать квалитет не было нужды. Неужто дело принимало столь серьезный оборот?

— Работайте,— обронила Боянова, словно прочитав мысли оператора.

Шаламов заметил д в и ж е н и е отрядов захвата, когда поднялся над диким хаосом Меркурианской поверхности и до встречи оставались каких-нибудь три сотни километров, но предпринять ничего не успел. Все-таки против него работали профессионалы и мощная вычислительная техника, справлявшаяся «в одиночку» и с более сложными задачами. Ни на один вызов и сигнал «Сын сумерек» не ответил, будто не слышал, хотя передачи шли на всех диапазонах вплоть до светового, и не услышать их мог только глухой и слепой. «Или псинеур»,— подумал Лютый.

Объемное изображение зонтика силового поля, выросшего на пути Шаламовского когга, больше походило на кочан цветной капусты. «Кочан» сдавил шлюп, и когг, пройдя всего десять-двенадцать километров, резко потерял скорость, засветился — обшивка набрала несколько тысяч градусов, и застрял в невидимом невооруженным глазом ничто. Один из коггов заграждения, ведомый пограничниками, направился к машине Шаламова, собираясь пристыковаться, и в это время Боянова вмешалась в операцию.

— Всем стоп! Шлюп держать визуально, поле снять, машинам захвата сдать назад.

В эфире поднялась легкая паника, и все стихло. Из этой изумленной тишины выплыл напряженный голос командора погранслужбы, контролирующего обстановку:

— Комиссар?! Что это значит?

— Отбой операции,— ответила Боянова.— Я пойду к нему сама, подготовьте коридор и сопровождение. И никаких действий, пока я не поговорю с ним и не вернусь. Даниил, вы слышите меня? Я комиссар безопасности Боянова и хочу поговорить с вами. Не предпринимайте ничего, я приду одна.

Инк передал последние слова Власты на всех волнах, но ответа не последовало. Шаламов молчал. Правда, и когг его не двигался, хотя и был уже свободен.

— Это беспрецедентно!.. Необходим квалитет, разрешенный Советом... в конце концов, я отвечаю за исход операции!

— За исход операции отвечаем мы оба, но у меня еще есть право вето и нет времени на совещания. Ждите.

Боянова выпорхнула из кресла и скрылась в коридоре. Через минуту «Ирокез», идущий к точке остановки шлюпа, выстрелил карандаш драккара. Тишина в эфире установилась почти полная. Немой от изумления Лютый никак не мог прийти в себя после такого поворота событий, хотя эмоционально был на стороне комиссара. Он восхищался Бояновой и сочувствовал ей, имея точку зрения, что комиссар безопасности — не женская работа. И еще он был уверен, что она права.

Драккар приблизился к проштрафившемуся коггу, нашел кормовой люк, выплюнул стыковочный узел. Корабли замерли.

Внезапно по сети «спрута» скользнул сигнал внимания и следом сообщение Умника:

— Что-то происходит со «сферой Сабатини»! Всем судам в тревожном районе покинуть район!

Лютый послал запрос, инк мгновенно развернул КПР-изображение «сферы», передаваемое камерами ближайших исследователей, одно — каким ее видел глаз, второе — через спецоптику. На первом «сферы Сабатини» почти не было видно: на обычный пустынно-лунный ландшафт сумеречной зоны Меркурия — кратеры, трещины, плато, тессеры, накладывалось «пятно дрожания», будто в этом месте струился нагретый до высоких температур воздух. Правда, площадь «пятна дрожания» увеличилась, и колебания пейзажа стали заметней. А на втором изображении, на котором «сфера» выглядела шаром из кипящего белого, с сияющими пенными хлопьями, тумана, было видно, как шар пульсирует — то раздувается до размеров в пять-шесть раз больше прежнего, то сжимается в километровый мячик, вспыхивая кипенно-белым облаком. Затем в какой-то миг он стал абсолютно прозрачным, и Лютому показалось, что он заглянул в бездонный колодец, наполненный таинственной жизнью. Из недр колодца выметнулся тонкий белый луч, уколол зрителей в глаза, проник глубоко в мозг, а следом что-то огромное вынеслось из «сферы», врезалось в камеры... во всяком случае так показалось Лютому, он даже отшатнулся!

Умник педантично отметил выброс из «сферы» неопознанного объекта, добавить он больше ничего не мог, потому что объект вылетел во все стороны сразу и исчез. «Сфера» успокоилась.

Волна «спрута» донесла вскрики, говор, возгласы, команды и шепот автоматов. Тысячи исследователей были поражены событием и теперь приходили в себя, делясь впечатлениями.

Лютый опомнился, переключил внимание на соединенные пуповиной перехода шлюпы Бояновой и Шаламова. Анализ происшест-

вия со «сферой Сабатини» не входил в его обязанности оператора, но неопознанный объект и луч из центра «сферы», пронзивший голову, запомнились надолго.

— Ничего не слышно? — спросил Лютый, имея в виду Боянову.

— Ничего,— ответил инк.

— А внутрь заглянуть нельзя?

— Больно велико расстояние. Разрешите подойти поближе?

— Нет.

— Что там происходит?— раздался вдруг в голове Лютого тихий голос, просочившийся сквозь фильтры пси-связи «спрута». Кто-то смотрел в спину оператора, большой, сдержанно ждущий, уверенный и невероятно сильный.

Лютый развернул кресло, чтобы глянуть за спину: сзади стоял объект поиска Столбова и его криминальной дружины Клим Мальгин и разглядывал Лютого черными, бездонными глазами, в которых сквозь немоту всепонимания проглядывала мудрая печаль.

8

Трансгалактический корабль Кузьмы мало напоминал земные спейсеры, подчиняясь законам иной геометрии и гармонии, по сути это был «динозавролет» маатан, выращенный заводом-маткой для нужд неизвестных существ. Рубки управления эта удивительная машина пространств, очертаниями напоминавшая тушу быка с гигантскими рогами, не имела. Кузьма мог управлять ею из любой точки, вырастив из дырчатых стен нечто вроде крыльев летучих мышей и закутав в эти крылья всего себя или любое из своих тел. Мальгину он вырастил подобие кресла, излучая волну дружелюбия, сдобренную чувством сожаления, вины и сострадания. Полость, в которую он усадил хирурга, походила на каверну от ракушки в толще известняка, стены ее были желто-серыми, шершавыми, холодными и мокрыми на вид. Но стоило Кузьме включиться в сеть управления, как стены Климовой ячейки заискрились огоньками, приобрели глубину, словно были сделаны из толстого зеленовато-желтого стекла. Перед Мальгиным в стене протаяло черное пятно, потом другое, третье, десятое, все они соединились, и Клим оказался в космосе, окруженный глубокой чернотой пространства с редкими инфракрасными источниками и всего одной золотистой звездочкой, светящейся на грани видимости. Мальгин задержал на ней взгляд. Таинственность этого прямого света в эпоху погасших галактик дошла и до него. Однако спрашивать, что это такое, Клим пока не стал, его ждала встреча с Землей такого далекого будущего, что не снилось даже Герберту Уэллсу с его «машиной времени».

Гигантская холодная тень накрыла Мальгина, так что он неволь-

но посмотрел над собой, вошла в голову и вышла через пальцы рук и ног. Тело обрело вес. И Мальгин вдруг осознал, что корабль Кузьмы уже стоит на поверхности планеты, потерявшей атмосферу, но продолжавшей излучать остатки тепла. Сердце сжалось от нахлынувшего волнения, даже слезы навернулись на глаза, и пришлось приложить недюжинное усилие, чтобы справиться с собой.

Кузьма включил осветители, использовав участок спектра, соответствующий человеческому зрению, перед глазами Мальгина предстала поверхность Земли, пережившей множество самых разных цивилизаций. Следы последней еще не совсем стерло время, хотя прошло уже немало миллионов лет после ее исчезновения.

— Крокодилы...— пробормотал Мальгин, вспомнив реплику Кузьмы о том, что последняя волна разума на Земле проявлялась у пресмыкающихся.

— Нет, не крокодилы,— отозвался понявший его Кузьма на псиволне внутренней связи; он неплохо знал земную историю,— лягушки, вернее, псевдолягушки, потомки мутировавшей ветви лягушек. Но какой фактор послужил возбудителем их прогресса до стадии мышления, я не знаю.

Он еще что-то говорил, сгорая от вполне человеческого сочувствия к землянину, реликту, вынырнувшему из глубин веков, но Мальгин его не слышал. Перед ним простиралась растресканная, как такыр, с редкими пологими холмами, отблескивающая зернистым металлом равнина, усеянная мелкими и крупными валунами, кристаллическими глыбами не то камня, не то стекла, и серо-белыми пористыми кочками, похожими на подушки мха. Вершины холмов венчали странные конструкции, то ли стволы высохших деревьев, то ли скелеты каких-то существ, вызывающие мрачные ассоциации. Ближайшая из них походила на скелет древней ракеты, а чуть поодаль красовался скелет танка... если представить, что под броней у него, под «кожей и мышечным каркасом», прячется самый настоящий скелет из костей, вплоть до гусениц и пушки!

— Танкозавр! — пробормотал пересохшими губами Клим.— Игра случая? Или это и есть останки разумных лягушек?

— Не ищите аналогий,— посоветовал Кузьма.— Эти останки могут быть чем угодно, от искусственных сооружений до растительных антенн и скелетов некогда живших существ. Но не лягушек. В моей видеотеке есть изображение землянина третьей волны, я покажу, если захотите.

— Эта равнина... плато? Я имею в виду — суша или дно моря?

— Воды на Земле не стало уже спустя миллион лет после человека. Кстати, не это ли подтолкнуло пресмыкающихся к жизни на суше вообще и к разуму в частности? Но потом в результате новых химических процессов вода снова появилась, хотя с первичной водой ее сравнивать нельзя.

— А горы сохранились?

— Увы, нет. Рельеф полностью переработан, вся планета, по сути, окружена искусственной оболочкой, и все ее ресурсы выработаны вплоть до ядра.— Кузьма помолчал и тихо добавил:— Той Земли, какую вы помните, мастер, нет. Даже если бы вы побывали в момент расцвета человеческой расы, скажем, всего на пару тысяч лет вперед, вы все равно не узнали бы родных мест. А тут прошел не один миллион лет и не одна цивилизация.

Мальгина вдруг пробрала холодная дрожь: он впервые ощутил б е з д н у, не бездну пространства — бездну времени, отделявшую его от родной эпохи. Изменилось все, и даже само время изменилось, перестав быть стрелой, превратившись в безмерный океан...

— Везде... так? Городов у этих ляг... землян-два... или три не было?

— Вся Земля при них была одним городом, если их своеобразную архитектонику можно назвать городом. Мир Тэнгли — вот что такое представляла собой Земля в их эпоху. Помните термин?

Значение термина Клим помнил смутно. В двадцатом веке существовал какой-то изобретатель по имени Тэнгли, который прославился сотворением живущих по своим законам механизмов. В двадцать первом веке его идеи подхватили потомки Тэнгли, а в двадцать втором большинство заводов-автоматов на Земле представляло собой замкнутые системы Тэнгли. Правда, первый Тэнгли строил своих монстров для развлечения, превратив свой труд в какой-то мере в искусство. Неужели лягушки использовали его идеи? Или открыли их заново? И что это значит — превратить Землю в мир Тэнгли?

— Их техника жила сама по себе, а они сами по себе,— ответил Кузьма, терпеливо ожидая конца экскурсии. Вежливость его, как и эрудиция, не знала пределов.— И вся она была живой. В космос они проникли дальше вас, первых землян, вышедших в космос, только благодаря тому, что посылали интеллект-автоматы, оставаясь на планете и занимаясь непонятными делами. Мне непонятными,— подчеркнул Кузьма корректно.— Я почти не интересовался историей заповедных зон, так что извините, мастер.

Мальгин откашлялся.

— Перенесите меня куда-нибудь в другое место.— Он хотел сказать «на европейский материк», но Кузьма вряд ли знал, что это такое, а тем более не знал, где его искать.

Равнина смазалась, превратилась в туманную плоскость и снова проявилась твердой массой, хотя пейзаж стал иным. Теперь она была похожа на коралловый слой толщиной в километр с порами, выемками, кавернами и трещинами, в которые вполне мог влезть слон. Те же цвета — серый и белый, те же зеркальные блики,

проблески металла и перламутра, и мертвое спокойствие. Руины какого-то гигантского преобразователя энергии? Кладбище отходов? Мертвый лес? Кто знает...

Что-то сверкнуло в глубине «кораллового» поля, как алая звездочка, погасло и вспыхнуло вновь. Кузьма, видимо, тоже заметил огонек, выключил осветители. Из упавшей темноты, как из ямы, звездочка засияла сильней.

— Что это? — спросил Мальгин, затаив дыхание.

— Маяк,— сказал Кузьма после некоторого молчания.— Вернее, эталон местного стандарта покоя. Природные условия в заповедной зоне вплоть до физических констант поддерживаются с его помощью на одном уровне все последние тысячелетия.

Мальгин уловил в пси-голосе Кузьмы нотки нетерпения и заставил себя сбросить покрывало меланхолии. Э т о й Земле он был чужим. Впрочем, он был чужим всем и каждому в этом времени, в том числе и Кузьме-негуману, обладавшему невероятной любознательностью и чувствовавшему себя своим в любой эпохе. Кузьма знал много, очень много, невероятно много, по мнению человека, но и он не мог ответить на глобальные вопросы Мальгина, хотя собеседником был прекрасным. Впрочем, ответы на некоторые вопросы он должен знать, подумал Мальгин.

Организму потребовался воздух, и Кузьма по просьбе гостя наполнил его каюту смесью азота и кислорода. Надышавшись всласть, хирург хотел поблагодарить хозяина и откланяться, но вспомнил о «сфере Сабатини».

— Кажется, я догадываюсь, о чем речь,— заявил Кузьма.— В земной истории существовала легенда, я помню ее не точно, о титане, по имени Микульо Сельониновитч, который много веков носил в своей суме «тягу земную». Никто не мог эту сумму поднять, даже знаменитые по тем временам богатыри Ильо Муромитц, Дон Кихот и Святогор. На самом же деле то была не «тяга земная», а реликтовая «сверх-струна», упакованная законами иной вселенной и способная храниться только в суме — специальном боксе с определенными условиями. В один из дней к Микульо Сельониновитчу заглянул Вершитель в образе некоего Агента Ро-машинного и в споре с ним выдернул «струну» из сумы, в результате чего произошла мгновенная разгерметизация «струны» и превращение ее в Провал — узел пересечения мегавселенных с разными свойствами. Этот Провал существует до сих пор, и я знаю, что он каким-то образом связывает не только домены, но и времена в нашей Вселенной. Вершители пользуются им, хотя принципов я не знаю.

Агент Ро-машинный... Мальгин улыбнулся, вызывая в памяти образ Игната Ромашина. М-да! Войти в легенду наравне с былинными богатырями может далеко не каждый.

— Посмотреть на «сферу»... э-э, Провал можно?

— К сожалению, нет. Когда-то он был привязан к поверхности одной из планет системы, потом планета упала на центральную звезду — Солнце, и теперь «сфера» находится где-то в толще остывающей звезды, изредка взламывая ее кору вследствие каких-то процессов. Еще во времена четвертых землян — кошачьих, после вас вторых, Вершители поставили возле звезды широкошумящий маяк, такие обычно ставятся в районах бедствия, и он продолжает работать до сих пор. Правда, сейчас он светится только в длинноволновом диапазоне, но и лет с момента установки прошло более трехсот миллионов.

На черном фоне «слева» по фронту обзора Мальгина вспыхнуло и ритмично запульсировало оранжевое колечко.

— Только машины Вершителей способны работать так долго,— добавил Кузьма с ноткой восхищения.— Мой корабль — тоже их работа.

Мальгин нашел глазами еще один светящийся объект — единственный на весь здешний космос. Звезда была невероятно далека, объемное дальновидение Мальгина не брало ее, не позволяло оценить ни количественно, ни качественно, да и спектр ее был какой-то странный, линейный, в очень узком диапазоне, будто горела стеариновая свеча, но свечой этот объект быть не мог. Вершители... Не их ли светится «фонарь»?..

— Я пробовал лететь в том направлении,— сознался Кузьма,— но дойти не смог. По мнению некоторых моих коллег, это одна из реализаций Абсолюта — абсолютной непознаваемости, например, хотя, по-моему, это конец одной из «сверхструн», уходящей в никуда, в бесконечность или, на худой конец, во вселенную Вершителей. Проверить идею пытались многие, не удалось никому.

— Может быть, это на самом деле сооружение Вершителей?

— Почему бы и нет? — легко согласился Кузьма.— Некоторые из их сооружений мне встречались, масштаб поразительный, но цели в большинстве случаев остались неясными.

— А что именно вы встречали?

— Например, объемную пространственную решетку псевдорегулярной структуры поперечником в миллиард световых лет, собранную из погасших звезд. Концы решетки размыты и светятся в широком диапазоне от инфракрасного до жесткого гамма. Коллеги утверждают, что это машина поворота времен, но едва ли они сами понимают смысл утверждения. Или еще пример: ансамбли черных дыр, не сливающихся в одну, что само по себе уже чудо. Энергонасыщенность этих областей чудовищна, обмен информацией в таких системах возможен только потоками гравитации. Ходят слухи, что это «преобразователи топологии», а также ограничители расширения Вселенной, узлы перехода топологически связанных вселенных — доменов, но опять же это только слухи, точных данных нет.

По рассказам предшественников, якобы видевших Вершителей, те экспериментируют с вакуумом. Нравится?

Мальгин вздохнул. Эмоциональная оценка деятельности Вершителей не была нужна ни ему, ни Кузьме. Бог на то и Бог, чтобы вершить грандиозные дела. Хотя, с другой стороны, восхищаться есть чем. Кто же они такие — Вершители? Как выглядят?

— Доставьте меня обратно... на Спутник.

Через минуту Кузьма выполнил просьбу и отбыл в неизвестном направлении, пожелав Мальгину удивительных встреч и счастливого возвращения домой. Его корабль сгинул, как привидение: вот он был, торчал рядом со Спутником ощутимо массивной глыбой, а вот его уже и нет. Ни взрыва, ни вспышки, ни звука. «Динозавролеты» маатан, вернее, Вершителей, ходили бесшумно.

Мальгин проверил время: по его расчетам прошло двадцать часов с минутами, скоро должен был появиться таинственный Живущий За Пределами, и снова волнение охватило хирурга. Запас терпения подошел к концу, хотелось наконец определиться и узнать свою судьбу. Интуиция подсказывала, что встреча будет необычной и главной, остальные встречи не шли ни в какое сравнение с ней, потому что Живущий За Пределами мог быть только Вершителем или существом, равным ему по возможностям.

Оставшиеся до назначенного срока полтора часа хирург потратил на обследование Спутника, окончательно убедившись, что существа, его строившие, были двоякодышащими: они жили в воде, но могли недолгое время дышать воздухом. Точный их облик восстановить не удалось, прошло слишком много времени с момента постройки Спутника, и блоки памяти его полностью разрушились, но по конфигурации сохранившихся кресел, рабочих модулей, помещений отдыха и бытовых мелочей Мальгину удалось построить изображение землянина-пять, «псевдолягушки», и он с невольным облегчением, хотя это не имело никакого значения, признал, что землянин-пять на обычную лягушку походил мало. У этого существа были мощные, как пружины, кузнечикообразные ноги с ластоподобными ступнями, туловище в чешуйчатом панцире, конусовидная голова и вполне человеческие руки с пятью длинными пальцами, между которыми росли перепонки.

Мальгин вздохнул. Рана сапиенс[1] ему понравилась.

Волнение, вызванное приближением минуты рандеву, увеличивалось, несмотря на попытки успокоиться, по правде сказать, слабые: Мальгин на этой встрече хотел быть человеком со всеми его слабостями и болями, силой и гордостью. Несколько раз он начинал рисовать в уме облик Живущего За Пределами, но в каждом случае фантазии не хватало, а футурпамять так и не заработала, хотя

---

[1] Rana *(лат.)* — лягушка.

в маатанском «блоке» памяти сведения о Вершителях, пусть отрывочные и противоречивые, но хранились.

— Встречаюсь с ним, но не знаю, кто он,— пробормотал Мальгин, удобно расположившись в центре полого икосаэдра — здесь когда-то был центр управления Спутником.— Говорю с ним, но не знаю его имени [1]. Жаль, что никто не научил меня законам теургии [2].

И вдруг что-то изменилось вовне. У Мальгина возникло впечатление, что пространство вокруг стало твердым, словно гранитная толща, а он вмурован в гранит, как древний трилобит в известняковую породу. Ощущение быстро прошло, но тут же возникло новое: внутри Мальгина, точнее, в его желудке, проросчей-то глаз и стал осматриваться вокруг, без особого удивления, озабоченно и деловито. Клим увеличил плотность нервного поля, охватывая «глаз», и тот стянулся в точку, исчез. В следующее мгновение на голову хирурга обрушился оглушающий удар мощного пси-поля, так что несколько секунд он барахтался в этом кипящем океане, полуослепший, почти потерявший сознание, но яростно сопротивляющийся неведомой силе. Кто-то заглянул в него, одним взглядом охватил всю память, прочитал прошлое и высчитал будущее и отпустил его, машущего кулаками во все стороны. Напряжение схлынуло, поток пси-излучения ослаб.

— Прошу прощения,— проговорил кто-то внутри Мальгина, выписав эту фразу огненными буквами на струящемся фоне мысленного контакта.

Мальгин собрался с силами и отгородился от чужого «пси-прожектора» тонкой «фанерой» блока. Голова прояснилась, вернулась способность видеть и чувствовать пространство.

Ничего в его положении не изменилось: он по-прежнему висел в центре полости, спутник все так же плыл по орбите вокруг прапраземли, пустой и почти мертвый, никого не было рядом с ним, никто не появился внутри него. Но сгусток пси-поля продолжал пульсировать где-то рядом, Мальгин ощущал эхо его излучений, чувствовал колоссальную мощь исполина, сдерживаемую волей, некоторое время пытался определить местоположение пришельца, пока с благоговейным ужасом и восторгом не понял, что источником поля... является он сам!

Живущий За Пределами не прибыл на встречу сам, как личность, он просто послал по «струне» психоматрицу, завладев мозгом и телом собеседника, но оставив нетронутой его биологическую структуру.

— Не совсем так,— тотчас же откликнулся гость.— Я — пост-

---

[1] Чаньское изречение (Др. Китай).

[2] Теургия — прямое воздействие на верховного бога.

личность Живущего и вернусь, когда он захочет. Я его продолжение, и только, хотя мою сущность нельзя передать словами и символами людей.

— Бог того, чего не может быть в принципе,— вырвалось у Мальгина.

Ответом был понимающий смешок.

— Нечто вроде этого... если бы вы сами понимали смысл формулы. Я понимаю ваши чувства, но пусть смысл Живущего За Пределами — имя, которое дал мне ваш друг Кузьма, весьма точно — останется непроявленным, не возражаете? Чтобы понять его, нужен совершенно иной аппарат мышления и восприятия, а вы всего лишь человек, хотя и с некоторыми задатками существа Границы.

— Но и вы не Вершитель,— буркнул Мальгин.

— О, конечно нет,— не обиделся Живущий За Пределами.— Вершитель — это недостижимый идеал и для нас, живущих за пределами обитаемых миров. Вершитель — это Великий Предок и одновременно не менее великий потомок всех мыслящих, достигший абсолюта, имя которому — смысл жизни! Нам же, равно как и вам, людям, предстоит долгий и мучительный подъем к этому абсолюту, и я не уверен, что мы дойдем.

— Мы-то уж точно не дойдем.

— Кто знает,— философски заметил Живущий.

— То есть?! — удивился Мальгин.— Вы хотите сказать... но ведь человеческая цивилизация умерла!

— Когда-нибудь вы тоже дойдете до тезиса: нельзя со всей определенностью утверждать, что смерть есть противник жизни. С одной стороны, Вселенной не нужен разум, чья эволюция основана на агрессии, насилии и лжи. С другой — человек есть одна из бесчисленных попыток Природы познать самое себя, и поэтому упрекать человека во всех грехах не стоит.

— А разве возможна эволюция, основанная не на агрессивной или хотя бы не на конкурентной реакции на мир?

— Возможна,— грустно сказал гость.— Для Вершителей, например, эволюция есть вопрос личных усилий, для нас эволюция — игра с меняющимися правилами, в которой не меняется лишь одно — ценность жизни в любых ее проявлениях.

— И все же человек в основе своей добр,— упрямо гнул свое Мальгин.— Вряд ли он вымер сам, без помощи извне.

Живущий За Пределами огорчился, эмоциональный фон его пси-речи стал грустным.

— «Но самым опасным врагом, которого ты встретишь, будешь всегда ты сам»,— процитировал [1] он.— Ты сам подстерегаешь себя в пещерах и лесах.

---

[1] Ф. Ницше.

Он мог бы не продолжать, Мальгин и без него помнил дальнейший текст изречения, но Живущий все так же грустно закончил:

— Ты будешь сам для себя и еретиком, и колдуном, и прорицателем, и безумцем, и скептиком, и нечестивцем, и злодеем.— Помолчав немного, добавил.— Только немногие из вас, людей, способны на отдачу души, не прося ничего взамен, а главное, все вы, как гребцы в лодке, сидите спиной к будущему [1].

— Сидели...

— Сидите,— возразил Живущий.— Если вас нет здесь и сейчас, то для Вселенной вы есть, где-то там и вчера, но есть. К тому же существует такая нехитрая штука, называемая ветвлением Вселенной.

— Я знаю. Где-то существует Метавселенная с точно такими же параметрами, где есть Солнце и Земля, и друзья мои... и я, и Купава,— добавил Клим уже для себя.

— Вы знаете лишь половину истины, вторая половина заключается в существовании ансамбля миров. Это означает, что каждая Метавселенная ветвится, не как дерево — вне ствола, а сама в себе. То есть каждая величина данной вселенной есть слагаемое всех величин каждой из ансамбля вселенных.

Сказать, что Мальгин был ошеломлен,— значит ничего не сказать. С минуту он оцепенело переваривал услышанное, но так как к дискуссии т а к о г о масштаба он готов не был, то и не стал продолжать тему. На протяжении многих дней спустя ему предстояло анализировать слова-мысли Живущего За Пределами и дивиться их реальной силе. Единственное, что он сказал в ответ, было:

— Поистине Вселенная — шедевр Сатаны!

Живущий За Пределами улыбнулся,— так расшифровал его реакцию Мальгин,— но промолчал. Кипение мыслей хирурга, борьбу идей, попытки анализа, он, вероятно, видел, однако отвечал только на хорошо сформулированные или перенасыщенные эмоциями вопросы.

— И все же я не понял высказывание Держателя Пути,— не удержался Мальгин в финале своих размышлений.— Он сказал, что у человечества есть шанс... а оно вымерло, несмотря на этот шанс.

— Вы все-таки ограничены, как и всякий человек,— снова погрустнел Живущий.— В отличие от других интрасенсов вы больше землянин, чем они, и все еще находитесь на полпути к истинной свободе. То, что для вас — реальность, для Вселенной — сценарий того, что может быть. И факт одновременно. Это трудно воспринимается, примите как данность, как один из законов этого мира, которых вы еще не открыли.

Мальгин некоторое время боролся с собой, пытаясь найти в па-

---

[1] Выражение принадлежит американскому ученому Ф. Дж. Дайсону.

мяти нужные сведения, свои и маатанские, но вынужден был отступить.

— А вы можете забросить меня еще дальше в будущее?

— Могу, но тогда шанс вернуться домой у вас будет сведен к нулю.

— Почему?

— С течением времени начинает сказываться правило возрастания принципиальной невосстановимости событий, следствие закона природы этой Вселенной: не существует полностью обратимых процессов.

Мальгин помолчал.

— А что ожидает этот космос в будущем? Я имею в виду достаточно отдаленное будущее.

— Через двести триллионов лет стэгспансия — фаза застойного расширения — закончится и начнется...— Живущий За Пределами замялся.— Простите за неточность. Фаза расширения сменится сжатием по очень простой причине: из-за экспериментов Вершителей.

— Что это за эксперименты?

— О, Вершители экспериментируют только в глобальных масштабах, вряд ли их дела можно оценить воображением. Они изучают тезис о неустойчивости материальной структуры этого мира к варьированию фундаментальных физических констант, исследуют границы законов конфайнмента [1], жонглируют сотнями уровней реальности, поворачивают стрелу времени... что им в конце концов и удалось.

— Зачем?!

Живущий За Пределами молчал минуты две.

— Они не всесильны. И пытаются привлечь внимание того, кто м о ж е т в с е! И ждут его. И пытаются постичь смысл слова «всемогущ». Но я не уверен, постижимо ли это в принципе.

Мальгин снова был ошеломлен до состояния транса. Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя от изумления и разочарования.

— Но вы только что говорили... Вершитель — Великий Предок... и потомок... Разве он не?.. Значит, существует еще кто-то более великий?

— Не знаю,— опечалился Живущий.

— Не знаете?!

— А чем я лучше Вершителя? Я всего лишь одна из его реализаций, как Свидетели, Строители Пути, Хранители, Искатели, Ограничители, Кладовые Памяти и тому подобное. Я всего-навсего Живущий За Пределами Знаний, и тайн на мою жизнь хватит. Да и

---

[1] Confinement — невылет кварков из элементарных частиц.

едва ли в Большой Вселенной есть кто-то, кто з н а е т в с е! В том числе и тот, кого ждут Вершители. А теперь прощайте, непроснувшийся, может быть, мы и встретимся еще когда-нибудь, тем более что мы связаны нитью кармы.

— Постойте,— быстро сказал Мальгин,— есть два вопроса...

— Если бы два,— заметил Живущий с улыбкой.— А то ведь сто двадцать два, верно? И зачем Вершителям маатане, и куда они везли груз информации и энергии, и существуют ли еще реликтовые «сверхструны», и где те Пределы, за которыми я живу, и где искать друзей... а?

Мальгин глубоко вздохнул, расслабляясь, улыбнулся в ответ.

— Да, вы правы. Но хотя бы на один вопрос вы ответите? Что значит «мы связаны нитью кармы»?

— Это значит, о непроснувшийся брат мой, что мы — я, вы, Паломник, и Кузьма-негуман, и Держатель Пути — суть воплощения Вершителя и связаны его дыханием. Все, кто тебя услышал,— был ты сам. Просыпайся, колдун!

Мальгину показалось, что он раздвоился: половина его — человеческое тело — осталась в недрах Спутника, а вторая рванулась в космос, причем сразу во все стороны, и тут же пси-прожектор Чужого в голове погас. Огромный, невероятно огромный мир, распахнувшийся было в сознании, сжался до пределов черепной коробки, гулкий медный удар сердца потряс организм, открывшаяся внизу бездна, не бездна пространства — бездна времени, затянула, увлекла, и грохот падения, длившегося одну пульсацию сердца, был слышен, наверное, во всей Вселенной... Бездна сжалась в тоннель, в трубу, в копье, в струну... брызнул в глаза свет — гигантская сфера Солнца вывернулась сбоку, мелькнула под ногами каменистая, отмеченная оспинами кратеров, планета, потом обзор закрыли металлические стены, и движение остановилось! Он стоял в кабине метро спейсера «Ирокез», висевшего над Меркурием. Он был дома!

Вершитель вернул его, мелькнула мысль. И вслед за ней другая: он с а м вернул себя. И на долгое время остались от встречи впечатление величия, возвышенности и вместе с тем простоты происходящего, ощущение присутствия при событиях вселенского масштаба, и наконец, чувство глубины, влекущей бездны. Это последнее переживание было беспредельно, неизмеримо и невыразимо никакими словами.

9

— Этого я уже не помню,— тихо сказала Боянова, взглядом попросив поддержки у Шевчука.

В кабинете их было трое: комиссар, его заместитель и Столбов.

Видеопласт преобразил помещение в гилею — пойменный лес, у ног инспектора плескалась вода, из которой вырастали нежно-зеленые с голубоватым и салатовым налетом стволы лиственниц.

— Дифференциальная амнезия,— пробасил Шевчук, поглаживая бороду в некотором замешательстве.

Столбов кивнул. Власта помнила все вплоть до момента встречи с Шаламовым и то, как она возвращалась, но саму встречу память не сохранила.

— Это меня надо казнить,— сокрушенно развел руками Шевчук.— К Шаламову обязан был пойти я, в крайнем случае Лютый, комиссар не должен рисковать собой в таких обстоятельствах.

— Ты тоже не бог,— все так же тихо проговорила Боянова, жестоко казнившая себя за ошибку.— И даже не интрасенс. С тобой случилось бы то же самое.

— Зачем тебе это понадобилось?

— Я хотела...— Власта дернула плечом, свела брови, словно воспоминание стоило ей невероятных усилий.— Я хотела предложить ему преодолеть черное отчаяние, обрести надежду и сохранить чувство смысла. Кажется, именно это я и сказала... не помню точно. И вообще?..— Боянова будто очнулась, заговорила резко.— Комиссар имеет право рисковать, где считает нужным. Или Совет уже лишил меня полномочий? Кстати, где Шаламов?

Столбов покосился на Шевчука, промолчал.

— А Мальгин?

Снова тишина в ответ.

Боянова подождала немного, выслушала мысленное сообщение Умника: он принял вопросы комиссара как обращение к нему.

Столбов знал о финале операции над Меркурием со слов Лютого и по видеорепортажу Умника, но и для него появление неизвестно откуда Клима Мальгина оказалось полной неожиданностью.

Не только Калина Лютый, тренированный специально, обладавший хорошей реакцией, но даже интрасенсы из команды пограничников то и дело теряли Мальгина из виду, когда он «выпадал» из поля зрения вследствие огромной скорости передвижения. Миг — и он уже в коридоре, другой — Мальгин в транспортном отсеке, третий — когг за бортом спейсера, напоминает трассу световых штрихов, двигаясь убийственными темпами. Но и Мальгин не успел ничего сделать, Шаламов опередил его, опередил буквально на доли секунды.

Когг Бояновой оторвался от драккара «сына сумерек» на мгновение раньше, чем пристыковался Мальгин. Все подумали, что это стартовала комиссар, поэтому никто ничего не предпринял, пока следом не метнулась машина Мальгина и в эфире не раздался его голос:

— Боянова на борту драккара, без сознания, медиков сюда,

быстрее! Шаламов в ее шлюпе, задержите его на пару секунд, отвлеките, но не становитесь на дороге.

Погра́ничники отреагировали мгновенно, однако советом пренебрегли. На когг Шаламова спикировал куттер Бегича, виртуозно повторил все его маневры и пристыковался — это на скорости-то в два десятка километров в секунду! Когг же из виража вышел таким образом, что в гнездо причала спейсера воткнулся кормой машины Бегича. Взрыва не произошло, сработала аварийная система, но пограничник был раздавлен почти в лепешку, и реаниматорам пришлось повозиться, доставая его из смятой скорлупы куттера.

Задержать Шаламова не удалось, двигался он не медленнее Мальгина и успел уйти через метро спейсера на Землю. Двое пограничников видели, как по переходам туманным вихрем пронесся жуткий монстр в зеркально-ромбической броне, с туловищем человека, но с ногами и лапами дракона и головой тигра. Правда, аппаратура видео, встроенная в стены, описанного монстра не зафиксировала, фигура Шаламова смазалась от скорости, и разглядеть ее не удалось, но, по мнению специалистов, бежал все-таки не человек.

Мальгин вогнал свой шлюп прямо в ангар десантного терминала, но догнать Шаламова тоже не смог, а потом в общем шуме потерялся в толпе и исчез. Лютый его больше не видел...

— Ищите, Димитр,— сказал Боянова.— Ищите обоих. Мальгин, конечно, не Шаламов, но и он шатался, питаясь ветром и туманом, неизвестно где, и с кем встречался, что испытал, тоже неизвестно. Может быть, он, как и Даниил, не выдержал стресса, превратился в химеру.

— Лютый бы это заметил,— возразил Шевчук ради объективности.— Специалист он хороший.

— Заметить это сложно. Шаламов тоже с виду — человек.

— Я понял,— кивнул Столбов.— Комиссар, для ускорения поиска обоих фигурантов необходимо привлечь интрасенсов. Они вычислят местоположение псинеуров... простите, Шаламова и Мальгина, в два счета, гораздо быстрее, чем это сделаем мы, даже вооруженные самой совершенной техникой.

— Нет.

— Извините, что настаиваю...

— Я сказала, нет.

— Ну-ну, успокойся,— проворчал Шевчук, повернул голову к инспектору.— Идите, Дмитрий, мы подумаем.

Столбов поклонился и вышел. Шевчук покачал головой.

— Не понимаю твоей реакции, комиссар. Это из-за сестры, что ли? Боишься, что может пострадать? А в операции с Железовским она действовала лихо.

Боянова долго молчала, но заговорила о другом, тихо, будто беседовала сама с собой.

— В детстве я много читала, в основном приключения, детективы, страшные боевики, и очень жалела, что эпоха преступлений ушла в прошлое. Ан нет, эпоха мастерски задуманных и успешно выполненных преступных замыслов далеко не завершилась и завершится ли, вот вопрос? Во всяком случае, пока существуют «черные люди» вроде кнехтов «Ордена», Ландсберга и его своры. Ты думаешь, я сильно переживаю из-за действий Шаламова? Спровоцированных, между прочим, подручными Ландсберга, Рене это уже доказал.— Комиссар заглянула в глаза заместителю.— Нет, я уверена, что как бы он ни был страшен, «сын сумерек», мы с ним справимся... как и с Мальгиным, если он тоже... А волнуюсь я за судьбы молодых парней, взявших на вооружение лозунги «Все дозволено!» и «Я хочу!» Поскольку дошло до конфликта с привлечением оперативных средств общественной безопасности, то социоэтики не справляются с профилактическими мероприятиями, и дело берут под контроль глобалисты СКС [1].

— Так серьезно? От кого ты узнала?

— От Баренца. Только не верю я в обуздание этой стихии толпы, слишком далеко зашел процесс, вплоть до метастаз...— Боянова прервала сама себя.— Ты говорил об интрасенсах. Аргументы?

Шевчук ответил не сразу. Оба принимали участие в мысленных переговорах «спрута» в пределах своих зон ответственности и давно привыкли к заминкам в прямом разговоре.

— О физическом превосходстве интрасенса говорить, наверное, не стоит. Так? Или стоит? Твой любимый Железовский, например, может стоять на одном пальце ноги, отжиматься на одном пальце одной руки, прыгать на два метра вверх с места... ну, и так далее. Не впечатляет? Но не это главное. Главное в том, что они обладают способностью к сенсопатии, то есть могут чувствовать друг друга в особом поле, что позволяет им мгновенно приходить на помощь и откликаться на зов. Кроме того, они владеют пси-связью без усилителей и антенн, способны ускорять физиологические процессы...— Шевчук махнул рукой.— А телом владеют до мышечного предела.

— Будущее человечества,— Боянова фыркнула, вспоминая слова Железовского.— Сверхлюди!

— Ты недалека от истины,— спокойно проговорил Шевчук.— Интрасенсы на самом деле совершеннее нас с тобой, будущее за ними. Каждый из них имеет цель в жизни с рождения, и проблем — что делать, куда себя деть,— у них нет. Идея Столбова хороша.

— Единственный ее недостаток — интрасенсы н е х о т я т помогать нам. Аристарх — исключение из правил.

— И все же попробовать стоит.

— Пробуйте, я не возражаю.

---

[1] Сектор кризисных ситуаций Высшего координационного Совета.

На рабочем столе комиссара вспыхнул белый световой шарик, надулся и лопнул, разворачиваясь в виом. Комиссар и заместитель уставились на него, словно на провозвестника Апокалипсиса, но это звонила Карина, дочь Власты. Оба с облегчением вздохнули, переглянулись и засмеялись. Девочка смотрела на них из виома с недоверием и удивлением, она редко видела мать смеющейся.

* * *

Шаламов отыскался через двое суток, учинив скандал на базе УАСС «Бырранга» на Таймыре. Видимо, он крутился неподалеку, чей-то неф пограничники наблюдали и в Хатанге, и у озера Таймыр, к тому же в тех местах видели странное облако с глазами,— пресловутый богоид, но безопасники опоздали — Шаламов успел создать инцидент.

Что он искал в здешних краях, сталось загадкой, может быть, его просто потянуло на старое место работы: «Бырранга» была базой спасателей-курьеров, а Даниил начинал свою карьеру спасателя именно на ней. Вполне вероятным было и допущение о поиске Шаламовым старого орилоуна со станцией метро. Он мог забыть, что орилоун давно перестал существовать. Как бы то ни было, факт оставался фактом: бывший спасатель заявился на базу, захватил пакмак, полностью экипированный и готовый к походу, и стартовал в неизвестном направлении. Пакмак не был оборудован «дыробоем» — то есть генератором свертки пространства в «струну», однако имел запас хода в две астрономические единицы и мог долго находиться в автономном полете. Задача поиска Шаламова осложнялась, а вероятность трагического исхода его контактов с людьми увеличивалась. По счастью, на этот раз встреча не повлекла за собой гибель людей, хотя пострадавшие были.

Столбов со своей обоймой прибыл на базу спустя двадцать минут после стычки, и ему поведали, как все произошло.

Шаламов появился на территории базы, расположенной в сосновом бору, в семь часов утра, одетый в стандартный кокос и ничем не отличимый от других работников «Бырранги» и дежуривших спасателей. Почему он не сменил облик, умея это делать, также осталось тайной, но на его беду он встретил именно тех, кто его знал и помнил. Дальнейшие показания свидетелей разнятся в деталях, в основном же сходятся. Не смогли ответить на вопросы инспектора лишь четверо непосредственных участников событий, потому что находились в беспамятстве.

Сначала с Даниилом столкнулся и попытался заговорить его бывший напарник по курьерским кенгуру Висенте Оросо, давно уже ставший драйвером-прима и командиром обоймы риска. Поскольку

Шаламов не ответил, Оросо, удивленный его реакцией, догнал Даниила и, хлопнув по плечу, воскликнул:

— Ты что, Дан, своих не узнаешь?

Шаламов оглянулся и...

— Это было нечто жуткое! — торопясь, глотая слова, говорил свидетель, товарищ Висенте, с которым тот шел на дежурство.— С виду человек как человек, ничего примечательного, а когда Вис его задел, этот ваш «сын сумерек» превратился в чудовище! Рост — метра два с половиной, туша черная, лоснится, снизу вся в золотой пластинчатой броне, четыре лапы, а голова — крокодилья и тигриная одновременно! — Спасатель, низенький, кругленький, как мячик, смахнул пот со лба.

— А дальше? — спросил терпеливо слушающий Столбов, разговаривая одновременно с поискерами, Умником и членами группы.

— Висенте упал,— пожал плечами спасатель.— А «крокодило-тигр» побежал по коридору... мне тоже стало плохо, все поплыло перед глазами...

Столбов отпустил свидетеля и нашел в коридоре место, где Висенте Оросо окликнул Шаламова. Стены коридора выгибались пузырем и слегка серебрились. Здесь уже работали эксперты отдела, деловито манипулируя киб-аппаратурой анализа, обмениваясь фразами вроде «структурные изменения на уровне кварка», «лептонное вырождение», «инициация нуклонного распада» и тому подобными.

«М-да, непростой ты парень, Даниил! — подумал Столбов.— Прав был Лондон: лучше тебя не трогать».

— Димитр, как дела? — донесла связь вопрос Бояновой, днюющей и ночующей в Управлении.— Моя помощь нужна?

— Пока нет,— ответил инспектор, понимая чувства комиссара.— Реакция Шаламова на контакт становится все более жесткой. С ним практически невозможно работать, даже разговаривать — сразу пси-атака плюс прямое воздействие на окружающую среду.

Боянова помолчала немного. Пульсирующий негромкими радио и пси-голосами эфир вливался в голову Столбова тихим водопадом и почти не воспринимался, к этому оперативному шуму инспектор привык настолько, что ощущал его как деятельность собственных органов, как биение сердца или дыхание.

— Ваше мнение по захвату?

Столбов чуть не сказал «а?», задумавшись о своем. Он как раз вошел в транспортный сектор базы, где тоже работали эксперты. Здесь Шаламов наткнулся на экипаж готового к работе пакмака, в результате чего трое спасателей оказались в шоке, а четверо их товарищей еле пришли в себя спустя час. В ангаре стояло еще семь машин: две распакованные связки коггов, куттера и галеоны, и все они были изогнуты странным образом, будто их накрыло неким сферическим полем геометрических искажений.

— Да,— спохватился инспектор.— Мое мнение: операцию захвата отменить. У нас нет достаточно близкого к реальности императива, никто не рассчитывал вариант захвата псинеура-экзосенса, нечеловека больше, чем наполовину. Прилетайте сюда, посмотрите на его следы.

— Я видела его следы на Меркурии,— сухо отрезала Боянова.

— Здесь его реакция еще сильней. А что будет, если он обнаружит обойму захвата...

— Грош цена безопасности, если она неспособна задержать одного человека, пусть и с задатками дьявола!

Столбов хотел ответить так же резко, но передумал.

— А что ваш Мальгин?

— Мальгин исчез,— нехотя проговорил инспектор, зная, что Боянова в курсе всех событий, и вопрос ее скорее риторический. Инспектор не очень верил, что Клим Мальгин вмешается в розыск и поможет задержать Шаламова, но не терял надежды. Опасения комиссара, не доверявшей хирургу, были ему понятны, однако Мальгин ему нравился, да и по отзывам это был человек глубоко нравственный, не верилось, что он способен превратиться в такую же химеру, что и Дан Шаламов.

— Готовьте захват обоих.— И голос Бояновой уплыл в шумы эфира.

— Елки-палки! — вслух сказал Столбов, в точности зная, что задача невыполнима. Внезапный возглас заставил его сосредоточиться. Кричал кто-то из наблюдателей за пределами базы:

— Смотрите, здесь эта штука с глазами!

Столбов выбежал из ангара в коридор, нашел боковую дверь во двор базы и успел увидеть над лесным гребнем легкое кисейно-белесое облачко с точками внутри, уносящееся в небо. Не долетев до настоящих облаков, оно исчезло.

* * *

Практически не нуждаясь во сне, первые двенадцать часов дома он просто проспал. По-человечески. Лежа в чистой постели с хрустящими белыми простынями, пахнущими льном. И спали мирно все многочисленные сферы сознания, живущие в нем отдельно друг от друга, объединяющиеся только по воле главного «я», личности землянина, в личность вселенского существа. Никто не тревожил — напрямую, хотя многие искали, ждали, беспокоились за его судьбу: Железовский, Ромашин, Джума Хан, Карой, Таланов, Заремба, оператор кримрозыска Столбов, комиссар Боянова, отец... Мальгин отмечал это машинально, во сне, чувственное поле по его желанию не отключалось, служа каналом связи и сторожем одновременно,

и все же он спал. Одного только он не услышал, пережив мимолетное сожаление,— таинственного зова, в котором чудилось что-то знакомое, теплое, как запах хлеба. Он спал... А проснувшись, ощутил зверский голод и не успокоился, пока не утолил его, съев обед на три персоны и гору фруктов. Подумал: все же надо признаться, что насыщение по-человечески — это приятно.

Устроившись в кресле, ощущая изрядно забытую приятную тяжесть в желудке, Мальгин попробовал позвать Купаву, но шуршащий океан пси-поля не принес ответного эха, будто Купавы не было в живых. Тревожно заныло сердце. Заволновавшись, он слишком резко включил центры сверхчувствования, объединяющего пространствовидение, многодиапазонный — от сверхдлинных радиоволн до жесткого рентгена — слух, осязание полей и тончайших колебаний вакуума, обоняние любых комбинаций атомов и молекул,— в одно общее, объясняющее суть вещей, чувство-понимание, вынесшее его за пределы Солнечной системы. Отозвалось лишь поле связи интрасенсов, которые чуть ли не мгновенно обнаружили появление мощнейшего биопотенциала и попытались объединенными усилиями идентифицировать личность. Купава не отозвалась и на этот раз, а Мальгину после с ж а т и я в нормальную пси-сферу пришлось наводить порядок в квартире: взрывное выделение энергии в блин раскатало мебель по стенам и изменило структуру стен.

Поразмыслив, не улетела ли Купава куда-нибудь к звездам, хирург принялся обзванивать знакомых и друзей, хотя слово «обзванивать» не совсем подходило к тому, чем он занимался. Не прибегая к мощным резонансам природной среды, он нащупывал линии коммуникации, ведущие в квартиры или в рабочие модули, подключался к инкам или «домовым» и узнавал новости за несколько секунд.

Аристарх Железовский после приключений на Меркурии и в «черном социуме» Чернобыля лечился в Болгарии, у Забавы Бояновой. Подключение Мальгина он почувствовал, но сообразить, что это такое, не успел — Клим оборвал связь. Он был искренне рад, что этот гигант выдержал испытания и не собирался отступать от своих замыслов.

Игнат Ромашин отыскался в экспертном отделе Управления, где готовился к походу в орилоунское метро, не ведая, что сделать это уже невозможно.

Джума Хан дежурил в обойме подстраховки над «сферой Сабатини» и время от времени звонил Ромашину.

Похоже, что они нашли общий язык и общие интересы, подумал Клим. Интересно, как у него с Карой? Звонит он ей хотя бы или нет?

Проверять эту мысль Мальгин, однако, не стал. Карой Чокой он нашел дома в кругу подруг. Выглядела она великолепно, в беседе

была остроумна и весела, а что крылось за этой веселостью, выяснять не хотелось. Но что-то она, вероятно, почуяла, когда Мальгин смотрел на нее глазами «домового», потому что вдруг во время разговора прервала фразу и оглянулась, и глаза ее стали огромными и черными.

Заглянул Мальгин и в институт, поговорив с Гиппократом и выяснив все решаемые в институте проблемы. Его не удивило, что лечкорпус института полон пациентов, зато поразило повышение Ивана Зарембы: молодой хирург исполнял обязанности заведующего отделением, по-хозяйски заняв кабинет Мальгина и увлеченно трудясь над теорией, которую до этого разрабатывал Клим. Он не особенно взволновался, когда Мальгин заговорил с ним через КПР киб-секретаря, представ в виде «черного человека».

— Клим, это ты? — спросил он, щурясь от смены освещения.— Не притворяйся, я же вижу, что это ты.

— То есть как? — опешил Мальгин.

— Да нет, я в переносном смысле,— замахал руками Заремба.— А что, это в самом деле ты? Смотри, какой я нюхач!

Мальгин не выдержал и засмеялся.

— Ох, Иван, как был — святая простота, так и остался. Что же это ты без спроса взялся за мою тему? Гиппократа загонял. Хочешь войти в историю?

— А кто не хочет? — заулыбался молодой нейрохирург, не услышав в голосе Мальгина грозных ноток.— Но я, в общем-то, тебе не соперник, катет не может быть больше гипотенузы.

— Что?

— Так говорит один мой знакомый математик. Ты гипотенуза, я катет. Понятно? Я тут у тебя ничего не трогал, не стирал, интересно просто повозиться с материалом. Хотя,— Заремба почесал в затылке,— кое-что мне тут непонятно.

— Читай информатуру.— Клим улыбнулся.— Может, и станешь гипотенузой. Работай на моем месте, едва ли я вернусь в институт. Хотя не исключено.

Заремба расцвел.

— Не волнуйся, если что — я тебя заменю.

На смех Мальгина Иван отреагировал по-своему: оглянулся, заговорщицки понизил голос, в глазах заиграли азартные огоньки.

— Клим, а ты... еще экзосенс или нормальный мужик?

— Нормальный экзосенс,— ответил Клим.— Прощай.

Заремба запротестовал было, у него накопилось очень много вопросов к бывшему заведующему отделением, однако Мальгин спешил. Показавшись Зарембе в обычном виде, он отыскал Стобецкого, но говорить с ним не стал. Свидание с институтом разбередило душу, включило ностальгическую цепь и испортило настроение.

Посидев немного, он снова п о з в а л Купаву и внезапно услышал ответ Шаламова:

— Ага, наконец-то! Климыч? Ты на Земле?

Мальгин напрягся, силясь определить координаты Даниила, и обнаружил его в каких-то старинных бетонных подвалах, прятавшихся в диком лесу, на краю болота. Местность называлась Юганские нефтепромболота и располагалась в центре одного из самых древних «черных социумов». Из болота торчал металлический шпиль, в котором с трудом угадывался нос пакмака. Сам Шаламов — в е с ь, как узел пересекавшихся сознаний и воображений, в том числе и больных, размышлял о чем-то своем, непонятном даже Мальгину, но ч е л о в е к в нем, остатки человеческого «я», еще помнили прошлую жизнь.

— Да.

— Чувствую по ответу — человек-да! Я тону, Клим, и мне уже не выплыть, пропал бравый курьер.

— Я помогу...

— Держись от меня подальше, психика пошла вразнос, и я теперь, как пуганый дьявол, мечусь по Системе, сам не зная, с какой целью. Отыщи Купаву, она твоя жена...

— Твоя!

— Не глупи и не пререкайся, мне трудно контролировать остатки личности, все рассыпается, как карточный домик... Так вот, она любит тебя, дурака, а ушла ко мне, чтобы доказать, что и она способна на решение, а не только ты, железный Мальгин, человек-да! Неужели ты этого не понял?

— Чушь!

— Надо же, не понял. Впрочем, чего тебя осуждать, мастер, если и я это понял только в последнюю встречу. А она гордая, твоя Купава, и никогда не признается сама. Ты же знаешь.

— Чушь!

— Не веришь себе — ладно, поверь мертвому. Я тоже был не сахар, но никогда не гнул ее волю, со мной можно было спорить, а ты даже пустяк выговариваешь так, будто вещаешь истину в абсолюте. Брось эту манеру... и найди ее...

В пси-канал разговора стали вклиниваться какие-то посторонние шумы, свисты, чужие голоса. Шепот Шаламова стал теряться на этом фоне, тонуть, гаснуть.

— ...зависит от... скорей она... люб... щай... тер...

И на голову Мальгина обрушился грохот некоггерентной пси-волны. Шаламов-человек замолчал. Заговорил Шаламов-нечеловек, псинеур с задатками мага, не ведающий, что творит. Мальгин почувствовал удар чужой воли, едва не сломавшей собственную, стряхнул с сознания цеплявшиеся пси-пальцы «черного» и ушел из гиперчувственной связи. Бороться с Даниилом не имело смысла.

Некоторое время он отдыхал, заставив работать все уровни сознания вхолостую. В гулком объеме головы все звучало и звучало эхо слов Шаламова: «она любит тебя, дурака... и никогда не признается... она любит... и не признается... любит... не признается...»

Стало душно, тесно, неуютно. Стены давили, ощущение дискомфорта усилилось, уже и просторы Земли казались тюремной клеткой, и даже гигантский объем Солнечной системы не давал возможности жить свободно...

Пощечина прозвучала вполне явственно, хотя Мальгин отвесил ее себе мысленно. Голова прояснилась, все стало на свои места, мир вокруг жил своей жизнью, и хирург был вмурован в него, как муравей в янтарь.

И все же... и все же мир этот был ему тесен!

10

Столбов знал, что обойма прикрытия работает четко, быстро и в любое мгновение готова прийти на помощь, но все же ему было не по себе. И еще мешало чувство неловкости, будто он подсматривал в замочную скважину сцену из личной жизни.

Обо всем этом он размышлял, стоя перед дверью квартиры Мальгина в Смоленске, и все это разом вылетело из головы, когда дверь вдруг открылась. Проверив, легко ли скользит в ладонь из рукава куртки рукоять суггестора, Дмитрий шагнул в проем.

Он ожидал увидеть хозяина, однако никто его не встретил. По комнатам скользила тихая мелодия, навевающая покой и умиротворение, легкий ветерок шевелил пушисто-прозрачные занавески в переходах из комнаты в комнату, приносил странные запахи. Среди них знакомые — миндаль, цветочные и травяные, ландыш, клевер, мята, астрагал, и вовсе незнакомые, настораживающие и будоражащие. Игра света и теней в гостиной заставляла оглядываться и напрягать зрение, но квартира была пуста. «Кто же открыл дверь?» — подумал инспектор, бегло оглядев комнаты: спальню, рабочий кабинет-библиотеку, спортзал, гостиную, кухню. На всякий случай позвал:

— Клим.

Ответил «домовой»:

— Мастера нет дома, но скоро будет. Можете подождать. Если вы голодны — завтрак на кухне.

— Премного благодарен,— ответил Столбов, расслабляясь, и стал знакомиться с апартаментами нейрохирурга более детально. И уже через несколько минут понял, что квартира далеко не стандартна, как показалось вначале.

Каждая ее комната формировалась в определенном стиле, хотя

техническое оснащение и было стереотипным, соответствующим веку,— с трансформным оборудованием и видеопластическими поверхностями, выдающими по команде инка любой, заложенный в программе, пейзаж. Гостиная представляла собой горницу в древнерусском стиле — с иконой в солныше, «красном углу», «полотняными» занавесками на «окнах», с «деревянными» лавками, вышитыми полотенцами и фасадом русской печи. Спальня была обставлена в мавританском стиле с кроватью, скрывающейся за голубой вуалью и балдахином из зеленой «парчи». Кабинет напоминал келью средневекового алхимика, с камином во всю стену, столом с резными гнутыми ножками, с инкрустациями по углам и в центре и огромным креслом, почти троном с искусно вделанными в спинку крыльями орла. Столбов никогда не видел подобного убранства у друзей, разве что в музеях, и пристрастие Мальгина к старине его поразило. Конечно, на самом деле стол имел вполне современную молектронную начинку, комплекты нейрохирургического инструмента, и в любой момент мог превратиться в реанимационную камеру, хотя вряд ли Клим оперировал на дому. Скорее всего, стол был ему нужен для исследовательских работ и срочных консилиумов, когда коллеги нуждались в консультации и передавали по видео голографическую копию пациента. «Трон» в действительности был коконкреслом, связывающим хозяина с сетью институтов, лечебных центров, банков данных и компьютерных баз, а «камин» — игровым и личным киб-интеллектом класса «Знаток» с высокой степенью самостоятельности; такие инки имели только специалисты высочайшей квалификации.

Самое удивительное, что Столбов не сам догадался о начинке предметов домашней утвари хозяина, истина была ему подсказана извне, на пси-уровне — включенный комп? — и это обстоятельство заставляло держаться настороже.

Лишь кухня и спортзал не камуфлировали своего предназначения, представ пред взором гостя во всей красе современного дизайна. Кухня — ничего лишнего: автомат на четыре-восемь персон, блистающий металлом, керамикой и пластиком, встроенный в стену сервант с хрусталем и дивной красоты чайным и кофейным сервизами из почти прозрачного молочно-голубого фарфора, формирующийся в любом месте стол и стулья. Спортзал — небольшая уютная комната с физическими тренажерами и тренером-инком, превращаемая по желанию в ринг, татами, ковер или индейское ронго. В данный момент видеопласт превратил комнату в тренировочный зал буддийского монастыря, и Столбов, оробев, испытал невольное благоговение.

Подумав, он вернулся в гостиную, потянуло повнимательнее рассмотреть картины на стене и многополочную нишу под узорчатым стеклом, где лежали сувениры и личные вещи хозяина.

Картин было две. Без рамок и украшений, обе висели, не касаясь стены, в нескольких сантиметрах от нее, похожие больше на великолепные голографии неземных пейзажей. Но не способ крепления поразил Столбова, и не их толщина — сбоку они сливались в тончайшую линию, не видимую глазом!— а впечатление глубины и жизни! Картины или голографии казались окнами в чужие миры, от них невозможно было отвести взгляд.

На первой изображался зелено-голубой ночной лес, деревья которого хоть и напоминали земные сосны и пальмы, земными тем не менее не были. Деревья светились, как и густая трава, и почва, и тропинка, ведущая к строению, проглядывающему сквозь заросли.

Вторая картина отражала туманно-слоистый ландшафт, похожий на ландшафты Титана: пятнистые, розово-белые пространства с зеркалами высыхающих сизых озер, окаймленных искрящейся полосой солей, перламутровые языки тумана, группки ледяных на вид скал, какие-то неясно видимые холмы, похожие на скопления мусора, выцветшее небо в белесых разводах облаков. Пастель. Или акварель. Ни одного яркого цвета, все зыбко и обманчиво и в то же время убедительно и живо.Кажется, шагни туда, в этот светящийся прямоугольник, и ты окажешься в другом мире.

Столбов протянул руку, ожидая встретить сопротивление материала первой картины, и замер с гулко бьющимся сердцем: рука свободно проникла в картину и словно включила какие-то механизмы, оживившие пейзаж. Легкий ветерок прошелся по кронам деревьев, усиливая свечение листвы, незнакомые запахи коснулись ноздрей, тихие шорохи и шепоты коснулись слуха... Руке стало горячо, будто невидимые языки огня лизнули ее с той стороны. Столбов отдернул руку, вернее, пытался отдернуть, и с ужасом понял, что картина держит ее, как будто рука вмурована в бетон.

Снова жгучие языки огня лизнули ладонь, послышался нарастающий гул, задрожали деревья и... в следующее мгновение сильный толчок отбросил Столбова от картины, так что он едва не врезался в лавку. Какой-то человек загородил картину спиной, погладил ее руками, словно успокаивая, повернулся к инспектору, разглядывающему руку, сплошь покрытую волдырями. Это был Мальгин. Столбов поднял взгляд, покачал головой, сказал искренне:

— В жизни не встречал ничего подобного! Честно.

Мальгин молча принес зеленый тюбик, выдавил на ладонь инспектору пенящуюся зеленую колбаску реаниматона. Зашипело.

— Могло быть хуже, я забыл вас предупредить. Это не картины.

— Но и не голографии. А что, если не секрет?

— Хроносрезы.— Мальгин принялся что-то доставать, собирать на столе, бросать в сумку, и все это быстро, ловко, бесшумно, без единого лишнего жеста. Как он вошел в квартиру, минуя наблюдение, Столбов не понял.

Боль в руке проходила. Мазь на местах ожогов пузырилась, становилась фиолетовой, потом розовела, рука по локоть превратилась в пятнистую лапу неведомого зверя.

— Моя рука — рука безумца,— пробормотал Столбов, дав сигнал, что хозяин дома.— Что такое хроносрезы?

— Двумерные плоскости с остановленным на срезе временем. По сути это «куски» пространства с большим, но не бесконечным во времени слоем жизни. В них можно войти и не выйти. Каждая такая «картина» работает, как «черная дыра»: время на ее горизонте для внешнего наблюдателя останавливается. Мы будем вечно видеть тот мир неизменным, а он будет жить по своим законам и вечно видеть наш мир.

Столбов задумался, поглядывая на руку.

— Вы говорите, можно войти. А жить? Или сразу — летальный исход?

— Войти и жить.— Мальгин закончил наконец свои сборы, поглядел на гостя, отчаянно пытавшегося выглядеть уверенным и спокойным.— Но недолго. И не людям. Дмитрий, я знаю причину вашего посещения.

— Шаламов,— машинально сказал инспектор.

— Да, Шаламов. И я сам, не так ли? Комиссар не хочет рисковать и перестраховывается.

— Понимаете, Клим...— начал было оправдываться Столбов, но Мальгин поднял руку, и он замолчал.

— У меня много дел и мало времени. Попробуйте сами организовать интрасенсов, Аристарха Железовского, например, Забаву Боянову, они очень решительные люди и могут помочь. Вы остаетесь? Мне пора идти.

Столбову вдруг почудилось, будто Мальгин вырос в размерах, вознесся над ним, как сказочный джинн, взгляд его стал ощутимо тяжел и грозен. Ощущение тут же прошло. Повеяло покоем и печалью. Инспектор перевел дыхание, отдернул вспотевшую ладонь от рукояти суггестора.

— Вы... вернетесь?

В глазах Мальгина мелькнула грустная улыбка, он все понимал и все знал, но его заботы оставались земными, человеческими, требующими сомнений, долгих колебаний и размышлений.

— А я никуда не ухожу.

— Лондон же ушел...

— Он вернется... рано или поздно. До свидания. Передайте комиссару, что со мной у нее не будет хлопот.

— У меня предписание задержать вас.

— Я знаю.— Мальгин с любопытством глянул на затвердевшее лицо инспектора.— И что же вы намерены делать?

— Просить вас позвонить комиссару и поговорить с ней.

— Прямо сейчас?

Столбов поколебался немного.

— В любое время. Но обещайте мне...— Он замолчал.

— Что?

— Н-нет, ничего.

И все же Мальгин понял.

— Хорошо, обещаю. Однако и вы обещайте не пускать по следу «аргус» и мешаться под ногами. Извините за резкость.

Столбов хотел возразить, но взгляд хирурга вдруг изменился, стал физически ощутимым, и снова на миг инспектору показалось, что за спиной хирурга разверзлась бездна, полная движения и противоборства колоссальных сил. Очнулся он уже за дверью квартиры Мальгина, постоял немного и вызвал лифт. Его не удивило, что аппаратура группы наблюдения не фиксировала хозяина в квартире, хотя как он появился в доме, каким образом просочился сквозь заслон наблюдения, никто объяснить так и не смог.

* * *

Он бежал, ощущая давно не испытываемое наслаждение от бега, от ветра в лицо и запахов леса и луга. За четверть часа до этого выйдя из метро, он свернул к реке и некоторое время бежал со всей скоростью, на какую был способен, напугав какое-то семейство на отдыхе и влюбленную парочку: им показалось, что мимо промчался смерч с очертаниями человеческой фигуры. Потом сбавил темп и до коттеджа отца бежал по-человечески, постепенно возвращаясь из дальних далей памяти, освобождая психику от груза тяжелых впечатлений. И от надежды, которую неожиданно заронил в душу Шаламов.

Прошло тринадцать часов, как он появился на Земле, и всего час, если исключить время сна, и весь этот час он пытался прийти в себя и сравнить полученное знание об исходе жизни на планете с тем, что проходило перед глазами, пытался найти какие-то тенденции к вырождению хомо сапиенс, понимая при этом, что искать надо не внешнее проявление процесса, а глубинные социально-психические сдвиги, но так хотелось увериться в обратном и сказать когда-нибудь Держателю Пути, что он ошибался.

В какой-то момент своего пребывания среди людей Мальгин понял, что его тело, человеческая плоть, мешает жить так, как он хотел бы, отстает от полета духа и мысленного сценария действий. Начинало раздражать, что биохимические и нервно-психические процессы, физиологические реакции не успевают за мыслью и то, что казалось уже выполненным, предстояло еще сделать.

Он видел себя как бы со стороны, успевая несколько раз про-

анализировать ситуацию и то, как тело реализует задуманное. Наплывами вмешивалось сознание «черного человека», привыкшего анализировать все до последних мелочей, раскладывать по полочкам и прятать поступавшую новую информацию в глубоких подвалах памяти. Вот и сейчас Мальгин поймал себя на том, что автоматически выделяет запахи и привязывает их к источнику: шалфей... ковыль... валериана... полынь... чабрец... таволжанка... Только наша степь пахнет чабрецом, богородской травой... а это уже запахи дикого русского поля вдоль рек: дуб, ясень, клен, ильм, орех, лещина, жимолость, акация... Мальгин очнулся и перестал обращать внимание на пейзаж. Из-за березовой рощи показались крыши родного хутора: двускатные — дома и пристроек отца, односкатные — двух его соседей. Но полюбоваться ими помешал дивный певучий звук, за которым послышался мягкий бархатный перезвон.

Колокола, с запозданием определил Мальгин.

Звонили колокола Жуковской церкви Вознесения. Звук вошел в сердце и вышел морозной шершавостью кожи, доставляя удовольствие, очаровывая, заставляя работать древнюю родовую память, не раз спасавшую жизнь. Клим слушал бы и слушал этот звон, если бы не толчок в сердце: отец был дома и непостижимым образом, не будучи интрасенсом, почувствовал его приближение, забеспокоился.

Через минуту Мальгин был во дворе, заметил в подсолнухах бронзовую лысину отца, с разбегу упал на колени и ткнулся лицом в полотняную сорочку, пропахшую солнцем, сухой сосной, сеном и столярным клеем.

Потом они ходили по саду, пасеке, огороду, по дому, разговаривая о пустяках, и Клим заново открывал для себя мир детства, добра и ласки, мир, в котором продолжал жить одинокий старик, не изменивший своим идеалам любви и смирения. В конце концов Мальгин, махнув рукой на все личные запреты, поцеловав отца в лучики морщинок у глаз, рассказал ему все: и где он был, и что с ним произошло, и что ждет человека в будущем. Он видел, как сомнения в душе старика борются с верой в правдивость рассказа, но не остановился, пока не выговорился. И вдруг почувствовал громадное облегчение, будто с души свалилась гора отчаяния и нежелания жить. Ни слова не говоря, своим сопереживанием отец помог ему понять простую истину: смысл жизни — в самой жизни, полной страдания и веры. И еще Мальгин понял, что человека делает человеком в большей мере то, о чем он умалчивает, нежели то, что он говорит.

— Значит, ваш комиссар считает, что ты опасен? — задумчиво проговорил старик, расхаживая по привычке из угла в угол.

— А ты как считаешь? — полюбопытствовал Мальгин.

Отец остановился, поколебался и сказал просто:

— Каким бы ты ни стал, ты мой сын. Не заставляй меня произносить клятвы вроде «я тебе верю». Я чувствую тебя, ни на что дурное ты не способен. Все эти сверхспособности — внешнее, наносное, главное — внутри.

Мальгин не удержался и поцеловал старика в щеку.

Пили чай на веранде, по старинке, с малиновым вареньем и травами. Исподтишка разглядывая отца, каждый раз замирая — детская реакция — от его улыбки, Мальгин подумал, что к закону Мануу: нет ничего чище света солнца, тени коровы, воздуха, воды, огня и дыхания девушки,— надо было бы добавить — и улыбки отца.

— Что разглядываешь? — проворчал старик, блеснув проницательными глазами.— Изменился, постарел?

Клим засмеялся, чувствуя легкость во всем теле и желание подурачиться.

— Не ты — я изменился, отец. Тридцать пять лет строил песочный замок, потом поумнел и стал строить воздушный.

Мальгин-старший тоже улыбнулся, но тут же посерьезнел.

— Ты о Купаве?

Клим замялся, неопределенно поводил в воздухе пальцем.

— Понимаешь, па...

— Не понимаю. Между ложью и правдой нет золотой середины, так что говори, как есть.

Мальгин вздохнул.

— А между «да» и «нет» есть золотая середина?

Заметив недоумение в глазах отца, добавил:

— А между тем дело обстоит именно так. И та, которая меня любит, и та, которая нет, ухитряются держать меня посреди этих двух слов «да» и «нет». Что бы ты сделал на моем месте?

— Я бы не оказался на твоем месте,— отрезал старик.— Не ты ли сам во всем виноват? Если сердце делится на части, значит, что-то неладно с головой. Или ты считаешь, что любить можно двоих сразу?

Мальгин поник головой, сказал с грустью:

— Но я не знаю иной любви, кроме той смеси желания, нежности и интеллекта, что привязывает меня к данному конкретному существу. Это не я сказал — древний философ.

— Камю,— проворчал старик.— Хотя я его не люблю.

— Но я с ним согласен. Па, я люблю одну женщину, и ты знаешь, кого именно.

— Знаю,— тяжело выговорил Мальгин-старший.— Не надо было давать надежду другой. Кстати, очень красивой. Она была тут у меня...

— Что?! — Клим даже привстал от изумления.— Карой была у тебя? Зачем?

— Ты у нее спроси. Она вот тоже взяла и все рассказала, без

утайки. Видно, давно держала в себе, а поделиться особенно не с кем. Хорошая женщина.— Старик вздохнул.

Мальгин понял его недосказанное: «Но Купава лучше». Знать бы, по каким критериям оценивается это «лучше». Купава и Карой — совершенно разные люди... и обе мне нужны, обе стали частью жизни. Фея печального очарования, где ты?..

— Отец, а ты не знаешь, где Купава сейчас? Дома ее нет, в клиниках тоже, родные давно не видели и весточки не получали.

Мальгин-старший покачал головой.

— Ты уже однажды разыскивал ее год назад, а толку... Может быть, она снова на Симушире?

— Был я там, нету.

— Что ж ты не включишь свои супервозможности? Аль не хватает чего?

Клим пробормотал отрешенно:

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест [1].

Он уже однажды пытался искать Купаву в поле гиперчувствования, но то ли ее не было на Земле, да и в Системе, то ли находилась за какой-то изолирующей пси-волну преградой. Чего ему не хватило? Сил? Желания? Чьей-либо поддержки? Да и зачем ему Купава? Удостовериться, что все осталось по-прежнему? Вряд ли она снова вернется к нарковидео и эйфоромузыке, он тогда в Дарвазе, вытаскивая ее из трясины наркотранса, заблокировал резонансы некоторых нервных центров на тягу к иллюзорному существованию...

И что-то там было еще... похожее на объяснение... и от него он отмахнулся, обессиленный операцией и борьбой с ее больной психикой. От чего же он отмахнулся?.. А потом забыл! Что он прочитал в ее душе? Вспоминай, слабак! Да... похоже на объяснение тяги к наркожизни! Не внутренняя потребность, а внешний толчок, заставивший Купаву искать утешение в иллюзиях...

Мальгин вспомнил.

Толчком послужили слова Шаламова, поразившие женщину в самое сердце, врезавшиеся в ее память: «Я не человек и никогда им не стану, даже если меня прооперирует твой Мальгин. Не жди меня, ни я тебе не нужен такой, ни ты мне...»

— Боже! — прошептал Клим, глядя перед собой ничего не видящими глазами.— А я никак в толк не мог взять, в чем дело. Почему она так себя... возненавидела! Ах, Данила, Данила, что же ты не вернулся раньше...

---

[1] Ф. Тютчев.

— Ты о чем? — донесся чей-то голос.

Мальгин опомнился, виновато погладил отца по руке, машинально удивился:

— Какие у тебя холодные руки, па!

— Хоть костер туши,— пошутил старик, оставаясь серьезным.— Уходишь?

Сердце у него было золотое, и сына он понимал так, как не понимал больше никто.

— Я буду приходить чаще, па, жди. А пока мне надо кое-что исправить и... кто знает, может быть, Купава еще и появится в нашем доме?

Мальгин встал и исчез. Старик остался сидеть за столом, судорожно вцепившись руками в край стола, о который только что опиралась рука сына.

* * *

Марсель Гзаронваль, он же Сеня Руцкий, бывший напарник Дана Шаламова, отыскался в Багдаде. Его разыскивала безопасность как участника движения «хирургов», и он скрывался в доме одного из своих приятелей, некоего Джафара Шабата аль-Каззаба.

Дом — типичная «многокелийная мечеть» — располагался на берегу Тигра, неподалеку от знаменитых ворот Баб аль-Вастани, архитектурного памятника тринадцатого века, и Мальгин, бросив на них взгляд, не пожалел потратить полчаса, чтобы полюбоваться сверху — от метро он летел на такси-пинассе — искусством зодчих древнего Ирака, построивших мавзолей Мусы аль-Кадима, так называемую Золотую мечеть, мавзолей Зубайды, медресе Мустансирию и другие неповторимые по красоте здания.

Пристроив пинасс на площадке для легких машин,— такие площадки вырастали из стен здания, как листья на ветке дерева,— Клим спустился на шестой жилой горизонт и, прежде чем войти, задержался перед дверью. Дверь была необычной — металлической!— с памятью формы, и могла выдержать разряд «универсала». Кроме того, непрошеный гость, открыв дверь, попадал под прицел парализатора, а если и это не срабатывало — при неосторожном шаге ему на голову падала плита весом в триста килограммов.

Не квартира, а крепость, хмыкнул Мальгин. Хозяин, видать, любитель поиграть в казаков-разбойников, понаставил средневековых ловушек, как сам-то в них не попадает.

Обезвредив устройства почти без усилий, Клим открыл дверь, прошел роскошно обставленную гостиную, напоминавшую воплощенные в натуре сказки Шехерезады: ковры, драпировки, изысканная мебель «а ля шейх», хрусталь, золото, драгоценные камни, сверкание и блеск — и переступил порог не менее роскошной спальни.

По сути это был один огромный альков, по роскоши не уступавший шахскому, но способный вместить целый взвод. И среди этого кисейно-пухового роскошества — подносы с напитками и фруктами, установка эйфоротранса и куча тел: двое молодых людей в чем мать родила и трое обнаженных девиц, обалдело уставившихся на гостя. Для них ночь еще не кончилась, хотя шел уже седьмой час утра по местному времени. «Эскадрон жизни», усмехнулся Мальгин, брезгливо разглядывая и г р и щ е. По возможности он старался не применять свое паравидение, хотя мог бы без помех выбрать необходимую информацию из памяти Гзаронваля, но законы этики преступать не хотел.

Марсель, рослый, мускулистый, загорелый, с гривой черных волос, опомнился первым.

— Ба, хирург! — воскликнул он с хищной улыбкой, освобождаясь от объятий сразу двух красавиц.— Старый знакомый. Давно мы с тобой не виделись.

— К-как он прошел, почему? — заикаясь, проговорил его напарник, низкорослый, плотный, весь покрытый курчавым волосом.— Я же настроил сторожа, сам проверял...

— Это же Мальгин, мастер, он может.— Гзаронваль встал на колени, и в руке у него объявился «василиск». Черный зрачок излучателя глянул Климу в лицо.— Если бы ты знал, как я рад тебя видеть! — продолжал Марсель-Семен.— Наконец-то мы имеем возможность выяснить отношения до конца... до твоего конца.— Он захохотал.— Ты как, готов, мастер?

— Мухи против ветра не летают.— Мальгин перевел взгляд, и Гзаронваль с криком выронил пистолет: тот обжег ему ладонь.

— Где Купава? — негромко спросил Клим в наступившей тишине. Глянул на волосатого хозяина, и Джафар с воплем бросил на пол выхваченный из-под подушек «универсал»: ему показалось, что пистолет превратился в тарантула. Девушки, ничего не понимая, переводили взгляд с одного на другого, потом вдруг одновременно завизжали: невидимые руки отвесили им по ощутимому шлепку,— и поспешили из спальни.

Гзаронваль бросился к упавшему «универсалу», схватил, направляя дуло в сторону спокойно стоявшего Мальгина, и опять выронил — пистолет превратился в зашипевшую гадюку. Из глаз бывшего спасателя начали улетучиваться последние остатки дурмана, он смотрел теперь на Мальгина с недоверием и ужасом.

— Ты... ты?..

— Где Купава? — повторил вопрос хирург.

Джафар вскочил и с криком нанес ему удар ногой в грудь... и снова завопил, теперь уже от боли, разбив пальцы, словно ударил стену. Упал, трясущимися руками обхватив ногу, потом завыл и на четвереньках выбежал вон.

Гзаронваль-Руцкий сглотнул комок в горле, глаза его стали огромными и пустыми, плескался в них только страх.

— Куп... Ку... пава... она... не знаю... ее в Хаапсалу, Ландсберг приказал, она слишком много... В общем, она у него жила... и все время была там, я приходил. А потом... не знаю... ее там...

— Что?!

От щек Гзаронваля разом отлила кровь. Он попытался отползти, судорожно отталкиваясь руками, с растущим ужасом глядя в страшные глаза Мальгина, и вдруг заскулил:

— Н-не надо... я н-не... н-ничего не делал... Она... с ней ничего... но там ее нет... а должна быть...

Мальгин повернулся и вышел, не оглядываясь, оставив бледного до синевы, дрожащего супермена наедине с его страхом. Никто не пытался его остановить, в том числе и брейкеры, боевики из «Клуба риска», охранявшие своих шефов, одним из которых был Джафар.

Через полчаса, в пятнадцать минут шестого утра по местному времени, Клим отыскал дом Казимира Ландсберга в пригороде Хаапсалу, на берегу залива Хаапсалу, возле знаменитой на весь мир грязелечебницы «Эсты».

Еще выходя из метро, он почувствовал беспокойство, а потом понял, что его в е д у т. Вероятно, это были «глаза» обоймы наблюдения, выполнявшей распоряжение комиссара безопасности, но они пока не мешали, и нейтрализовать их не составляло труда. Труднее было заставить себя сдерживаться, не бежать, сломя голову, и не ныть «Купава, отзовись!»

То, что ее нет в квартире Ландсберга, он в и д е л, но что-то останавливало его в оценке этого факта, некий странный з а п а х знакомого образа. Тень Купавы присутствовала здесь и нашептывала молитву спасения. Господи, а дочь-то где?! Мальгин даже остановился, пораженный открытием. Купава должна была быть там, где находилась Дарья. Но... и присутствия дочери он не чувствовал нигде на Земле.

Ландсберг жил в старинном коттедже, стилизованном под древний замок, охраняемом роботами и собаками. Жил один!— хотя в этом громадном поместье спокойно могли жить три-четыре семьи. Отыскать здесь кого-нибудь с помощью обычного осмотра не представлялось возможным, и Мальгин вынужден был выйти в гиперчувственную сферу, сразу подключившись к громадному пространству человеческих страстей, биоэнергетических концентраций живой природы Земли и космоса.

Ни глубоких подвалов, ни сырых, мрачных подземелий, ни лабиринта тайных ходов Клим не обнаружил, но строение, имитирующее башню в готическом стиле, в котором работал и жил Ландсберг, нашел быстро. Собаки — огромные черные ризеншнауцеры — пропустили его, будто и не заметили, а киберам с хитроумной лучевой

системой защиты пришлось тихо сжечь кристаллические мозги, выдав запороговый нерешаемый алгоритм. Дважды обшарив все помещения трехэтажной башни, вмещавшей зал для гостей, бильярдную, комнату видеоигр, две спальни, столовую и оранжерею, и не найдя никаких следов пребывания Купавы, Мальгин с холодной яростью устремился было к другим строениям замка, но какой-то тихий... не звук и не пси-импульс — слабая тень пси-вызова, живо напомнившая мистический з о в, заставила вдруг его вернуться в одну из спален Ландсберга, явно предназначенную для женщины.

На стенах спальни, удачно имитирующих каменную кладку, драпированных занавесями, кроме бронзовых светильников и зеркал висело несколько картин, и взор Мальгина привлекла одна из них, почти скрытая балдахином широкой кровати. Сердце прыгнуло вниз, когда он подошел ближе и увидел свечение, идущее от простого листа картины, висевшей без рамы в дециметре от стены. Сомнений быть не могло — перед Климом висела не картина, а хроносрез — слой многомерного пространства с остановленным на срезе временем, подобный висящим у него дома. Вспомнилось предупреждение Паломника о таких «картинах» на Земле, очевидно, это была одна из них, принесенная Купаве Шаламовым или кем-то из путешественников, Железовским или Ромашиным. «Шестерки» Ландсберга прихватили их во время своих игр и принесли хозяину, чтобы доставить ему удовольствие. Удовольствие... безумие! «Срезы» так легко разблокировать! Ничего не надо включать, давить, мять, надо только представить, что ты туда входишь...

Странное дерево слева с кружевным стволом, состоящим из жил, дырчатых древесных наплывов и пленок, опирающимся на растяжки ходульных корней. На концах его сросшихся в арки и овалы ветвей — шапки крупнозернистой желтой пены. Холмистая оранжево-сиреневая равнина, заросшая белым бамбуком с вершинами, расходящимися дымными султанами, опускается к подножию дикой горной страны. На фоне гор — спиралевидные, металлические на вид постройки со шпилями, вонзавшимися в розово-голубое небо. На переднем плане рядом с деревом — громадный зверь с туловищем динозавра в ромбовидной, блистающей изумрудной зеленью броне и с головой гигантской зубастой черепахи. Он поднял четырехпалую когтистую лапу и чуть повернул голову, глядя куда-то вниз в угол картины. А там...

Мальгин сглотнул ставшую горькой слюну.

В углу картины, за коричневым валуном, пряталась человеческая фигурка в белой накидке. Женщина. Женщина, прикрывшая собой нечто, похожее на половину ореха. Колыбель-антиграв. Это были...

— Купава... Дарья! — прошептал Мальгин. Вихрем взметнулись мысли: как она догадалась? зачем? что толкнуло ее на этот шаг? отчаяние? безумие? но ведь она не одна, у нее ребенок! Как можно

рисковать им?! Господи, правы были древние мудрецы: кто всегда делает то, что хочет, редко делает то, что должен [1].

И снова послышался ему тихий, на грани слышимости, пси-зов, ассоциирующийся с улыбкой ребенка, глотком парного молока и мягким язычком котенка, лизнувшего щеку. И Мальгин наконец понял, что за таинственный з о в он слышал на Земле и в космосе: дочь звала его, дочь с задатками интрасенса, установившая мостик парасвязи голым подсознанием, с потрясающей точностью выбора! Косвенное, а может быть, и прямое доказательство любви и родства душ: без любви зачать такого ребенка невозможно...

Мальгин очнулся. Лицо пылало, а душа была полна слез. И нежности. И радости. И боли.

В «картину» так легко войти... чтобы никогда не выйти! Никогда!.. Или для него нет такого слова? И все же без помощи не обойтись. Чтобы удержать зыбкий туннель перехода из мира в мир сквозь мембрану хроносреза, нужен мощный пси-излучатель... которого не существует в природе. Во всяком случае, на Земле. Но излучателем может послужить и мозг! Кто-нибудь из интрасенсов? Аристарх, его подруга, например. Согласятся ли они? Услышал бы Паломник... или хотя бы Лондон.

Мальгин «растопырился» в пространстве, увеличиваясь в десятки, тысячи, миллионы раз, пока не заполнил собой весь космос, крикнул во весь г о л о с, отсеивая эхо от скоплений мертвой материи, но ни ответа Паломника, ни Лондона не услышал. Видимо, в настоящий момент они были далеко не только от Земли, но и от этой вселенной. Зато ответил еще кто-то, знакомый и незнакомый одновременно, свирепый, сильный, властный:

— Клим, какого дьявола тебе нужно? Ты нашел Купаву?

Только этого мне не хватало, подумал хирург, сжимаясь в точку. Выход из поля гиперчувственного восприятия был столь стремителен, что он едва отдышался. Биоэнергетика человеческого тела слишком бедна, чтобы обеспечить гипердействия достаточно крупного масштаба, но менять тело Мальгин не хотел, надо было как-то выкручиваться. Однако связаться с Железовским он не успел: Шаламов-псинеур, с почти задавленным человеческим «я», с разрушенной психикой, сигналы которой типа «хочу Купаву» воспринимались как команды, несмотря на короткий пси-контакт запеленговал его местонахождение и прибыл в Хаапсалу.

* * *

Сигнал о появлении в поле зрения угнанного «Сыном сумерек» пакмака застал Столбова в душевой: встал он рано, однако целый

[1] Оксеншёрна.

час уделил тренингу тайбо, отрабатывая нестандартные позы и уклоны. Пришлось закругляться с утренней программой и бежать к дежурному куттеру без завтрака, удовлетворившись поцелуем жены. Через двадцать минут инспектор прибыл на борт спейсера «Сокол», на минуту опередив комиссара, и занял привычное место оператора тревоги. Еще через несколько минут спейсер, совершив малый кенгуру всего лишь в тысячу километров, завис над заливом Хаапсалу на высоте семи километров. Искомый пакмак аппаратура спейсера засекла сидящим в парке возле красивого средневекового замка, принадлежащего, по сообщению Умника, председателю СЭКОНа Казимиру Ландсбергу.

За то время, пока Столбов добирался на спейсер, а тот прыгал в заданный квадрат риска, стала известна вся имевшаяся в центре информация.

Поскольку дом Ландсберга все еще находился под наблюдением, то засечь гостя — им оказался Клим Мальгин — не составило труда. И хотя Бояновой, получившей сообщение спустя секунду после этого, очень хотелось узнать, что нужно хирургу в замке бывшего председателя СЭКОНа, поднимать тревогу она не стала, помня просьбу Мальгина и заявление Столбова об отказе следить за ним, а тем более готовить захват. Но потом поступило еще одно донесение — о взрывном выделении пси-энергии в районе Хаапсалу, и Власта решила самолично поговорить с Мальгиным, расставить точки над «i». Сообщение о появлении пакмака Шаламова в том же районе застало ее по пути на базу «Десна-3», откуда она немедленно дала в эфир «три девятки» и перешла на борт дежурного спейсера, подготовленного к операции «Сын сумерек». К моменту прибытия спейсера по вектору тревоги район был перекрыт по вертикали тремя слоями радарного слежения и накрыт «стаканом» второго резервного погранфлота УАСС.

Визуальное слежение заработало в тот момент, когда спейсер выходил из кенгуру над заливом, и Столбов наконец увидел всю панораму событий, подготовленный к действию компьютерным сопровождением и предыдущими усилиями большого количества людей.

Корма пакмака Шаламова торчала из глубокой борозды, пропаханной в зеленом газоне лужайки перед стеной замка. От удара два когга сорвались с креплений и, завязнув в дерне, отстали от основного комплекса связки — трех коггов и осевого драккара. Верхний шлюп был сдвинут и смят, но центральный модуль не пострадал. Шаламова в нем, наверное, уже не было, открытый люк говорил сам за себя. Но не это привлекло внимание прибывших оперативников: от пакмака к замку шла широкая черная полоса обуглившейся травы, и эту полосу протыкала редкая цепочка метровых вмятин, будто здесь прошел некто массивный и громадный, как

людоед из сказки. Но и это оказалось не главной деталью пейзажа, и даже не снесенные и втоптанные в грунт ворота. Все строения замка, а их шесть, были искажены! Искривлены! Особенно центральная зубчатая башня — чертог Ландсберга, завитая в странную шипастую спираль. И даже отсюда, с расстояния в полтора десятка километров, чувствовалась д р о ж ь: воздуха, стен замка, деревьев вокруг, холма и земли.

— Что там происходит?! — раздался в наушниках эмкана голос Бояновой.— Дайте картинку!

— «Пчелы» туда не проникают,— отозвался сдержанный начальник группы наблюдения.—А те, что сидели там, передачи прекратили сразу же после появления объекта номер один — Мальгина.

— Пошлите зонды.

— Запустили два, оба тут же замолкли. Удалось только увидеть, как из замка бежали собаки. Кстати, минуту назад наблюдался настоящий переполох среди местной фауны: удрали все звери и улетели все птицы.

— Димитр,— позвала инспектора Боянова,— сделайте же что-нибудь.

— Обойме-Д — «заскоки» пси-зет,— скомандовал Столбов, что означало: обойме десанта надеть защитные скафандровые комплексы, снабженные пси-защитой. После этого он оставил Боянову в компании прибывших командора погранслужбы и заместителя комиссара Рене Борда, и капсула лифта унесла его в недра спейсера. Спустя две минуты, накинув ЗСК и заняв кокон пилота десантного пакмака, Дмитрий катапультировал свою связку к дому Ландсберга. О появлении богоида — тысячеглазого (или миллионноглазого — называли его по-всякому) орилоунского «призрака» — ему стало известно, когда пакмак выходил из пике над замком, преодолев расстояние от спейсера до замка за считанные секунды.

Знакомое ощущение разверзающейся бездны охватило инспектора. Холодок страха зябко взмурашил кожу на спине. Дмитрию вдруг на мгновение приоткрылась колоссальная глубина происходящего, замаскированная внешним отсутствием масштабности, но наполненная внутренней, пока еще не проявленной мощью и жуткой всепокоряющей волей противоборствующих сил. Не было сомнений: Мальгин встретился с Шаламовым, и контакт их по какой-то причине обернулся конфликтом.

«Нам здесь делать нечего»...— додумать Столбов не успел: страшный удар неведомой силы настиг снижающийся пакмак, как мухобойка — муху, и вмазал его в лужайку перед замком, рядом с разбитой связкой Шаламова. Связка инспектора раскрылась, когги посыпались с креплений, как бревна расползавшегося штабеля, и Дмитрий успел вырвать свой осевой драккар из этой кучи, прежде

чем второй удар не впрессовал оставшиеся машины в землю. Однако приблизиться к замку ему все-таки не удалось, да и вряд ли он сумел бы что-нибудь сделать, даже владея мощью спейсера. В игре, затеянной Шаламовым и Мальгиным, участвовали гораздо более грозные силы.

Замок Ландсберга начал бесшумно и плавно разваливаться, таять, на его месте проявилась из воздуха удивительная светящаяся конструкция, непрерывно усложняющаяся, растущая в размерах, меняющая цвет и плотность. Она переросла замок, достигла в диаметре километра, выбросила вверх сверкающий полупрозрачный шпиль, пронзивший облака. Кипение света и форм в ее недрах достигло апогея — и все это в абсолютной тишине, лишь ветер постанывал в оперении драккара, да шипел прибой на берегу залива. Перестал восприниматься даже пульсирующий фон связи «спрута». Все, кто наблюдал за этой картиной, затаили дыхание.

Выросшее на месте замка здание теперь напоминало гигантский ком перламутровой сверкающей пены, продолжавшей расти и делиться, а шпиль, выросший из его центра, вытянулся уже за пределы атмосферы Земли, отбросив с пути корабли погранфлота, как пушинки. А затем по обе стороны шпиля появились две исполинские — выше рухнувших башен замка — фигуры: одна человеческая, вернее, имеющая человеческие пропорции, колеблющаяся, полупрозрачная, с размытым ликом, другая нечеловеческая — лоснящаяся призрачной чернотой глыба, внушающая ужас апокалиптическими очертаниями, в которой смешались чуть ли не все твари, созданные воображением Босха, Дали и современных неомистиков.

Вероятнее всего, это были внушенные образы, разбуженные в памяти бушующим пси-штормом, который породила борьба Шаламова и Мальгина, потому что видеоаппаратура шлюпа Столбова не видела того, что видел он, однако ему было не до анализа своих ощущений. Черный монстр поднял нечто вроде огромного меча, собираясь обрушить его на голову противника, и Столбов выстрелил — сработал инстинкт, а не разум,— понимая, что никого в «пенной» горе нет, и все же веря, что помогает именно Мальгину.

Разряд аннигилятора уничтожил часть пенной структуры, прошел сквозь черную фигуру огненным копьем, не причинив ей вреда, но гнев и ярость инспектора была адресована точно, и Шаламов ее услышал.

Будто огромная когтистая лапа сжала вдруг голову Столбова так, что затрещал череп! Дмитрий зарычал от боли, слепо нащупывая цель для нового выстрела, но тело перестало повиноваться ему, голова «взорвалась», превращаясь в пылающий факел, боль заполнила тело по макушку, лавой хлынула из глаз и ушей, и он стал погружаться в жаркий ад небытия, не имея сил ни сопротивляться, ни даже предупредить десант и весь флот об опасности

вмешательства. Защита скафандров не была рассчитана на пси-атаку такой мощности, флот надо было отводить.

В последнее мгновение перед беспамятством Столбову показалось, будто кто-то ослабил хватку когтистой лапы, разжал когти, отвел лапу в сторону, накрыл голову инспектора светящимся нимбом защиты, но так ли все это было на самом деле, Дмитрий уже не узнал. Спас его инк драккара, вовремя перехватив управление и бросив шлюп прочь от места схватки двух экзосенсов, двух магов.

* * *

Отход десанта, ведомого Столбовым, показал всем, в том числе и комиссару, что события начинают выходить из-под контроля. Если у молодых пограничников и безопасников еще тлела надежда укротить извержение пси-вулкана, то у Бояновой не было и тени сомнений, что флот не способен остановить экзосенсов. Однако оставался шанс успеть что-то сделать, и Боянова начала с главного — с эвакуации населения города и близлежащих поселков. Убедившись, что эвакуация началась — опыт у пограничников и спасателей в этом деле был огромный,— Власта созвала сверхкороткое эфирное совещание руководителей тревожных служб, чтобы поставить вопрос: что делать?

Первым отозвался командор погранслужбы Торопов:

— Уничтожить!

Второе предложение дал Ван Гочжу, исполняющий обязанности председателя СЭКОНа:

— Выбросить за пределы атмосферы!

За первое предложение высказался кроме Торопова только директор УАСС, но его не поддержали ни Боянова и ее заместители, ни Совет безопасности. Правда, Власта подумала, что проблема уничтожения еще может появиться на повестке дня, когда все другие аргументы будут исчерпаны, и все же она надеялась на мирный исход операции, тщетно ломая голову над причиной схватки Шаламова и Мальгина.

Умник уже имел опыт «вырезания» объекта на поверхности Земли и выбрасывания его за пределы атмосферы (шаламовский генератор отрицательной энергии), поэтому отработка императива заняла считанные секунды. Четыре спейсера с необходимым оборудованием выдвинулись к заливу, квадратом охватывая зону странного боя «белой и черной магий», опустились до высоты в двести метров, включили генераторы полей и стали сближаться. Пятый спейсер вонзил свое поле горизонтально, отрывая «поле боя» от земли, а шестой накрыл этот образовавшийся «сосуд»-куб «крышкой» своего поля. Синхронизация действий была великолепная,

командовал парадом Умник, незримо присутствующий в каждом инке спейсеров, и первое время казалось, что сияющий, пенящийся ад с исполинами, ворочавшимися в клубах дыма и облаках искр-звезд, вот-вот потухнет и, заключенный в прозрачный куб, начнет путешествие сквозь атмосферу. Но произошло неожиданное: спейсеры, эти гигантские машины пространства, похожие на зеркальные пирамиды, достигающие в размерах трехсот метров, с безупречной эстетикой форм, защищенные от большинства космических катаклизмов,— накрыла волна искажений, превратив их в подобие отражений на воде, колеблющихся от волн. Строгие пирамиды кораблей начали деформироваться, вытягиваться языками в разные стороны, пока не превратились в четырехлепестковые бутоны со стеблями невиданных тюльпанов, сломали строй, заметались, стали падать. Два из них вырвались из сферы искажений и успели выровнять полет, хотя прежнюю форму не восстановили, остальные рухнули на берег залива и на липовую рощу.

Тишину эфира нарушили испуганные возгласы, запросы кораблей, команды руководителей второго эшелона подстраховки.

Боянова зажмурила глаза до боли, вдруг осознав, что все сейчас зависит от нее, от единственного правильного решения, ошибка вела к непредсказуемым последствиям, к катастрофе, и не было рядом человека, который мог бы помочь.

— Флоту-два...— начала Боянова, не зная, как продолжить.

— Флоту-два отойти на дистанцию поражения,— быстро подсказал Шевчук на волне личной связи.— Подготовиться к залпу. Флоту-один подготовиться к погашению взрывной волны и отражению радиаций.

Боянова молчала.

Масштабы непонятного конфликта двух экзосенсов продолжали расширяться, зона бесшумного буйства огня и света достигла в диаметре трех километров, погнала по заливу волны, с корнем уничтожила липовые рощи и сады в округе. Дважды гигантская ветвистая молния — черная! — била с небес в «пену» превращений материи, и дважды пространство со всем впаянным в нее содержимым — воздухом, землей, спейсерным флотом — вздрагивало и шаталось, так что у людей наступала дурнота и темнело в глазах.

— Флоту-два...

И в этот момент в зал спейсера ворвалась группа людей, среди которых Власта с изумлением узнала сестру, Железовского, Баренца. «Кто это? Зачем? Что вам надо?» — хотела она спросить, но прикусила язык — все прибывшие были интрасенсами.

— Мы пришли помочь, Власта,— быстро заговорила старшая Боянова.— Нас много, здесь у вас двенадцать, прайд воздействия, и на других спейсерах по двенадцать. Позволь нам попробовать всем вместе.

Тишина в зале. Тишина в эфире. Комиссар встретила умоляющий взгляд сестры, посмотрела на сосредоточенные лица Баренца и Железовского, ушедшего в с е б я, пытавшегося связаться с кем-то — с Мальгиным? — на лица других интрасенсов, молодых и не очень — старых не было,— но похожих неуловимым единством мысли и чувств, затем сказала всего одно слово:

— Пробуйте.

* * *

Нельзя сказать, что Мальгин был не готов к встрече с Шаламовым, он не был готов к встрече с Шаламовым-псинеуром, в глубине души полагая, что еще не все потеряно и Дана можно вернуть в лоно человечества. Однако судьба распорядилась иначе. К дому Ландсберга прибыл не просто Шаламов-экзосенс, но н е ч е л о в е к с дезорганизованной, больной психикой, доведенный до крайней степени возбуждения. Последней каплей этого процесса послужили, к сожалению, Ромашин и Джума Хан, выследившие Шаламова и пытавшиеся войти с ним в контакт. Однако он их не понял, и теперь в нем бушевали ураганы ревности, тайфуны ненависти, смерчи агрессивности, жестокости, зависти и уверенности в праве повелевать. Взывать к голосу рассудка этого существа, рассуждать логически — значило напрасно терять время, и Мальгин понял это, когда получил оглушающий пси-удар, едва не повергший его в шоковое состояние. Но и после этого Клим потратил еще несколько секунд, пытаясь достучаться до человеческого «я» Даниила, осколка человеческого разума, с которым контактировал всего два часа назад. Попытка оказалась тщетной, разобраться в хаосе души Шаламова с ходу Мальгину оказалось не под силу, надо было переходить на уровень гиперчувств, уровень инфрафизического прорыва собственной психики. И Клим начал р а з г о н, не имея в запасе даже тысячной доли секунды, получая удар за ударом и с трудом защищаясь от бьющих в голову, обжигающих валов дикого океана безумия, в который превратился Шаламов. Но и защищаясь, Клим ни разу не ответил ударом на удар: им владело единственное чувство — жалость да память о прошлом, но не гнев и ненависть.

Еще когда Шаламов шел к дому Ландсберга, Мальгин поразился его облику: шел не человек, а четырехметровый монстр, соединивший в себе жуткие формы жизни иных планет с хищными динозаврами и млекопитающими Земли. Описать это существо человеческим языком вряд ли удалось бы, хотя главные черты его — тигра и тираннозавра — проглядывали в текучем изменении форм довольно четко. Видимо, пала последняя преграда воли, сдерживающая распад человеческого «я», и разум Шаламова затопили ин-

стинкты, многие из которых принадлежали не только млекопитающим и древним формам жизни Земли, но и существам иных эволюций, полную информацию о которых хранила память «черных людей».

У Клима была надежда решить проблему контакта с Даниилом мирным путем, и на его улыбку и добрый пси-посыл — язык слез и улыбок не требует перевода — Шаламов даже извлек из тюрьмы своей звероподобной личины маленький осколочек человеческой сущности, выдавив хриплое:

— Привет, мастер, я тебя вычислил... помоги мне выбраться отсюда... тесно... давит... травят меня твои друзья, как волка...

Но тут взгляд монстра упал на «картину», которую не успел свернуть хирург, и снова безумие овладело мозгом Шаламова, подняв бурю деформированных чувств и преодолев порог сдерживания чудовищных сил, которыми владел Даниил, не осознавая этого.

Прошло две минуты или три, прежде чем Мальгин вышел на уровень в л а д е н и я пространством близкодействия, бегло огляделся.

Замок Ландсберга прекратил существование, на его месте дрожал раскаленный воздух, почва спеклась от жары и начала плавиться. Рощи в округе обуглились без огня, вода в заливе кипела. В нескольких километрах перестраивался погранфлот, прицеливаясь к атаке, которая никому ничем не могла помочь. Что-то мешало Мальгину выключить себя из потока времени и достичь уровня д а л ь н о д е й с т в и я, он не сразу нашел причину, даже две: деятельность людей и необходимость сохранения картин-срезов времени, в одной из которых прятались самые дорогие для него люди.

Первая проблема решалась просто. Мальгин настроился на волну «спрута», и тысячи людей во главе с Бояновой, примчавшиеся сюда защищать свой дом, Землю, других людей, услышали его звучный голос:

— Всем, кто меня слышит. Я Мальгин. Атака только усугубит ситуацию, помешает мне и вызовет негативную реакцию Шаламова. Результат сравним с общеземной катастрофой. Дежурьте рядом, но не вмешивайтесь, пока я сам не попрошу помощи.

Вторая проблема отнимала слишком много внимания и энергии, приходилось напрягаться, лавировать, изворачиваться, уходить от атак разъяренного псинеура, и на это уходили почти все силы. Мальгин почувствовал, что долго так не продержится, надо было что-то предпринимать. Отступить, уйти с Земли в пределы Солнечной системы не составило бы труда, но Шаламов мог натворить здесь таких дел, что и представить невозможно, и Мальгин медлил, кружа по озеру расплавленной земли, где некогда стоял замок Ландсберга, прикидывал и отбрасывал варианты и никак не мог решиться на действие — ответный бой или бегство.

И в этот момент к нему пришла помощь.

В мозг вторглась мощная струя пси-энергии, вливаясь в его «закрома» весомым резервом. Мысль, сопутствующая ей, была коллективной, составленной, как мозаика, из множества цветных «стеклышек» — пси-гармоник, но Мальгин прочел ее без труда: это были интрасенсы. На благодарность у него не оставалось ни сил, ни времени, и Клим с утроенной энергией принялся строить себя, нащупывать путь к могуществу особого рода — повелеванию материей мысленным усилием на основе п о л н о г о знания протекающих в ней процессов, то есть тем, что невежество людей называло м а г и е й.

Положение стабилизировалось, хотя ярость Шаламова продолжала расти, он уже достиг уровня влияния на внутриядерные процессы и зажег в округе гигантский костер спонтанного ядерного распада; в реакцию вовлекались даже стабильные изотопы легких элементов, горел, взрывался, распадался воздух!

И снова чья-то могущественная воля пришла на помощь изнемогавшему Мальгину, дав ему краткую передышку, возможность оглядеть панораму событий и перестроить «эшелоны внутренних резервов». На сей раз это был богоид, древний посланник Вершителей, система контроля безопасности, ответственная за данную вселенную. Она влилась широким пси-потоком в сознание Мальгина и стала частью его «я», как и коллективное сознание интрасенсов.

Время для Мальгина остановилось. Но для охвата волны безумия, творившей ад вокруг, не хватало еще каких-то усилий, и Клим получил требуемое, в ы з в а в Вершителя.

Сначала откликнулся Майкл Лондон — и оказался рядом, оставаясь в то же самое время и на краю Вселенной. Затем отозвался Паломник — и тоже вынырнул из далей чужих пространств, соединяясь с личностью Мальгина. И, наконец, один за другим ответили Кузьма-негуман, Держатель и Строитель Пути, и Живущий За Пределами, вливаясь в душу хирурга и становясь частью единого целого. Отражения, «проекции» Вершителя с ярко выраженной индивидуальностью и тем не менее части ц е л о г о. И Мальгин, став Вершителем, осознал впервые, что Вершитель — не одно существо и не коллектив, а суть л и н и я судеб, цепь состояний, одним звеном которой был он сам, Клим Мальгин, человек, землянин...

* * *

Все закончилось внезапно, как по волшебству.

Свистящий гул термоядерного костра стих, море огня опало, вода в заливе перестала кипеть, а облако пара пролилось теплым

дождем на почерневший, спекшийся от жары берег. Но и земля недолго оставалась черной, посветлела, приняла естественный цвет песка, чернозема и камня, трава зазеленела на ней, буквально ниоткуда появились цветы, кустарник и деревья. Затем и дом-замок Ландсберга выскочил посреди луга, как чертик из коробки, словно никогда и не был разрушен, смят, расплавлен.

Лишь остатки шаламовского пакмака остались лежать в борозде, как напоминание о его набеге, да два поврежденных спейсера угрюмо торчали из рощи неподалеку, как древние развалины, памятники эпохи «звездных войн».

И миром завладела тишина.

Боянова смотрела на эти превращения, закусив губу до крови, чтобы не крикнуть: это неправда! Но все, что она видела, видели другие, фиксировали приборы и записывали инки. Произошло чудо! И объяснение этому чуду было одно: экзосенс Мальгин. Неизвестно как, но он победил, продемонстрировав могущество, равным которому не владел никто. «Кроме Бога! — прошептала со страхом Боянова, тут же возненавидела себя за этот страх: — Господи, когда же мы перестанем бояться?!»

В толпе интрасенсов произошло движение, все они выбежали из зала, первым, как всегда, Аристарх Железовский, последней Забава Боянова, крикнув:

— Власта, мы туда, дай нам машину.

Через минуту бликующая золотом капля куттера с Железовским, Забавой и двумя интрасенсами отвалила от борта спейсера и по дуге упала во двор замка. Мгновенно сработавшие наблюдатели вывели туда же зонд, и комиссар могла видеть все, что видели разведчики. Они выскочили из машины, Железовский в три прыжка преодолел мощенный камнем двор и нырнул в квадратную башню, точно зная, кого и где искать.

Мальгина они нашли в гостиной, стилизованной под старинный каминный зал. Хирург сидел в кресле и рассматривал висящие прямо в воздухе перед ним картины, светящиеся изнутри, как объемные фотографии. Обе изображали неземные пейзажи с невиданными деревьями, животными и сооружениями, и на одной из них притягивала взор мрачная фигура, напоминающая «черного человека».

Железовский расслабился, кивнул попутчикам и подошел ближе. Прогромыхал, сдерживая бас:

— Он?

Аристарх имел в виду Шаламова.

Мальгин посмотрел на него снизу вверх, кивнул.

— Он.

— Нашел Купаву?

Еще один кивок в сторону второй картины.

— Она там. Понадобится твоя помощь...

— Знаю. А с ним... что?

— А что с ним сделается? Жив, но в другом мире, где безумие и смерть не являются категориями абсолюта. Вернуть его обратно — значит... убить.

Железовский помолчал, набрал в грудь воздуха, будто перед прыжком в воду.

— Я вычислил, теперь ты — Вершитель?

Клим с улыбкой покачал головой, разглядывая запылавшее лицо математика с раздувающимися ноздрями, с выражением жадного любопытства, уравновешивающим его с Иваном Зарембой и другими людьми, такими же творческими, ищущими, азартными.

— Он ушел и придет не скоро, может быть, никогда.

— Мы видели. Ты... он... ведь Бог, да? Не бог религий, а... понимаешь?

— Понимаю. Он не всемогущ. Абсолютная истина Большой Вселенной может возникнуть в сознании лишь соизмеримого с ней субъекта познания, то есть Абсолюта, Солнца Мира, как пророчески называли его философы древности. Вершитель же — вершитель в одной из ветвей вселенных, и доступны ему лишь частные истины.

Мальгин снова вгляделся в картину с чужепланетным драконом, в углу которой спряталась крохотная человеческая фигурка. Он знал, что скажет, когда войдет туда и предстанет перед изумленной Купавой и дочерью. Он скажет:

— Пава, вот он я перед тобой. Открой глаза, уши и сердце, посмотри в меня внимательно, прислушайся, и сквозь тамтамы пульса ты услышишь свое имя...

1986—91 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Книга вторая

СЫН СУМЕРЕК

Часть первая. ТРЕТИЙ 7
Часть вторая. ПРОРИЦАТЕЛЬ 123
Часть третья. БЕЗУМЕЦ 262
Часть четвертая. КОЛДУН 357

Литературно-художественное издание

ГОЛОВАЧЕВ
Василий Васильевич

Избранные произведения

Том 3

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Книга вторая

Фантастический роман

Редактор И. А. МУДРОВА
Худож. редактор А. В. ГРИШИН
Технич. редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректоры И. С. ПИГУЛЕВСКАЯ, Е. А. КОКОРИНА

Сдано в набор 03.08.92. Подписано в печать 02.12.92. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Усл.-изд. л. 32,31. Усл.-кр. отт. 33,71. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3809. С 005.

Издательство «Флокс», 603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

В издательстве «Флокс»
в 1993 году
выйдет новый
авторский сборник
знаменитой американской писательницы
АНДРЕ НОРТОН
«Долгая ночь ожидания».

В него войдут следующие фантастические романы, повести и рассказы:

Операция «Поиск во времени»

Гэран Вечный

Да здравствует лорд Кор!

Кошачьим взглядом

Тайна «Императрицы Марса»

Долгая ночь ожидания

Ловушка

В издательстве «Флокс»
в 1993 году
выйдет сборник,
продолжающий детективную серию,

ГНЕВ АНГЕЛОВ.

В него войдут романы знаменитого мастера этого жанра **С. Шелдона «МЕЛЬНИЦЫ БОГОВ» и «ГНЕВ АНГЕЛОВ».**

В центре романов находятся молодые, энергичные, красивые женщины. Одна — знаменитый в Америке адвокат, другая — посол США в бывшей социалистической Румынии. Героини романов попадают в сложнейшие ситуации детективного характера, из которых выходят с блеском, тем самым влияя на события государственных масштабов. Но деловые женщины умеют и любить...

